

БРАТЯ
ГРИММ
~
СКАЗКИ

БРАТЯ ГРИММ

СКАЗКИ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1949

Перевод с немецкого
ГРИГОРИЯ ПЕТНИКОВА

Король-лягушонок, или Железный Гейнрих

В стародавние времена, когда заклятья еще помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много видавшее на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старою липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх и ловила, — это было ее самой любимой игрой.

Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королева глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видеть. Заплакала тогда королева, и стала плакать все сильней и сильней, и никак не могла утешиться.

Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит:

— Что с тобой, королева? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

— А-а, это ты, старый квакун.— сказала она,— я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец.

— Успокойся, чего плакать, — говорит лягушонок, — я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

— Все, что захочешь, милый лягушонок, — ответила королевна. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и впридачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

— Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если бы ты меня полюбила да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобою за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке, — если ты мне пообещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч.

— Да, да, обещаю тебе все, что хочешь, только достань мне мой мяч! — А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает, — где уж ему быть человеку товарищем!»

Получив с нее обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королевна очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

— Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое «квак-ква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королем и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг — топ-шлёп-шлёп — взбирается кто-то по мраморной лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

— Молодая королевна, отвори мне дверь!

Она побежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит — сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Заметил король, как сильно бьется у нее сердечко, и говорит:

— Дитя мое, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

— Ах, нет, — сказала королевна, — это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

— А что ему от тебя надо?

— Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мой золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему, — но никогда я не

думала; чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

А тем временем лягушонок постучался опять и кликнул:

Здравствуй, королева,
Дверь открой!
Неужель забыла,
Что вчера сулила,
Помнишь, у колодца?
Здравствуй, королева,
Дверь открой!

Тогда король сказал:

— Ты свое обещание должна выполнить. Ступай и открой мне дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до ее стула, сел и говорит:

— Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желанье. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

— А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королевне и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

— Я наелся досыта и устал, — теперь стнеси меня в свою спаленку, постели мне свою шелковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королева, — страшно ей стало холодного лягушонка, боится до него и дотронуться, а он еще в прекрасной, чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

— Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

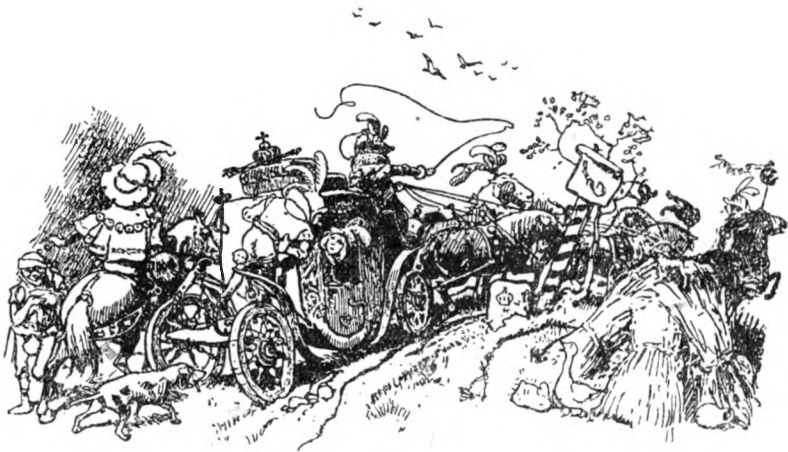
Взяла она тогда лягушонка двумя пальцами, понесла его к себе в спальню, посадила в углу, а сама улеглась в постельку. А он прыгнул и говорит:

— Я устал, мне тоже спать хочется, — возьми меня к себе, а не то я твоему отцу пожалуюсь.

Рассердилась тут королева и ударила его изо всех сил об стену.

— Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься!

Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры,

по воле ее отца, ее милым другом и мужем. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме нее одной, и что завтра они отправятся в его королевство.

Вот легли они спать и уснули. А на другое утро, только разбудило их солнышко, подъехала ко дворцу карета с восьмериком белых коней, и были у них белые султаны на голове, а сбруя из золотых цепей, и стоял на запятках слуга королевича, а был то верный Гейнрих. Когда его хозяин был обращен в лягушонка, верный Гейнрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

И должен был в этой карете ехать молодой король в свое королевство. Усадил верный Гейнрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятья.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит — сзади что-то треснуло. Обернулся он и крикнул:

— Гейнрих, треснула карета!
— Дело, сударь, тут не в этом,
Это обруч с сердца спал,
Что тоской меня сжимал,
Когда вы в колодце жили
Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич думал, что это треснула карета, но были то обручи, что слетели с сердца верного Гейнриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и стал снова счастливым.

Кошка и мышка вдвоем

Познакомилась раз кошка с мышью и столько наговорила ей про свою большую любовь и дружбу, что мышь согласилась, наконец, жить с ней в одном доме и вести сообща хозяйство.

— Надо будет на зиму сделать запасы, а не то придется нам с тобой голодать, — сказала кошка, — но тебе-то ведь, мышка, всюду ходить нельзя, а то, чего доброго, попадешься в ловушку.

Так они и порешили и купили себе прозапас горшочек жиру. Но они не знали, где его спрятать, и вот после долгих раздумий кошка и говорит:

— Лучшего места, нежели в церкви, я и не знаю. Уж оттуда никто его утащить не посмеет. Давай поставим горшочек под алтарем и не будем его трогать до той поры, пока он нам не понадобится.

И вот спрятали они горшочек в надежном месте. Но прошло ни много ни мало времени, как захотелось вдруг кошке жиром полакомиться, — и говорит она мышке:

— Знаешь что, мышка, зовет меня тетка на крестины: родила она сыночка, беленького с рыжими пятнышками; так вот, буду я у нее кумой. Я пойду, а ты уж сама за хозяйством присмотри.

— Ладно, — говорит мышь, — ступай себе с богом, а ежели будет что вкусное, ты и обо мне не забудь, — я бы тоже непрочь немножко сладенького красного винца хлебнуть.

Но все, что рассказала кошка, была неправда, — никакой тетки у нее не было, и никто не звал ее на крестины. А пошла она прямо в церковь, подобралась к горшочку с жиром, начала

лизать,— и слизала всю верхушку. Потом прогулялась по городским крышам, огляделась, легла на солнышке и стала облизывать себе усы, вспоминая о горшочке с жиром. И только под вечер воротилась она домой.

— Ну, вот наконец ты и вернулась, — сказала мышка, — небось, день свой провела весело?

— Да, неплохо, — ответила кошка.

— А как же назвали ребеночка? — спросила мышка.

— Початочком, — холодно ответила кошка.

— Початочком? — воскликнула мышка. — Что это за странное и редкое имя, разве оно принято в вашем семействе?

— Да что о том говорить, — сказала кошка, — пожалуй, оно не хуже, чем какой-нибудь Воришка Хлебных Крошек, как твоих крестников называют.

Захотелось вскоре кошке опять полакомиться. И говорит она мышке:

— Сделай мне одолжение, побудь еще разок дома да посмотри сама за хозяйством, меня опять зовут на крестины; отказать мне никак невозможно, ведь у ребеночка белый воротничок вокруг шейки.

Добрая мышка согласилась. А кошка пробралась вдоль городской стены в церковь да и выела половину горшочка жира. «Нет ничего вкусней, — подумала она, — когда что-нибудь поешь одна», и осталась такой работой вполне довольна.

Воротилась она домой, а мышка ее и спрашивает:

— Ну, как же назвали ребеночка?

— Серединкою, — ответила кошка.

— Серединкою? Да что ты! Я такого имени отродясь не слыхала, бьюсь об заклад, что его и в календаре-то нет.

Стала кошка вскоре вспоминать о лакомстве и облизываться.

— Ведь хорошее-то случается всегда трижды, — говорит она мышке, — приходится мне опять кумой быть. Ребенок-то родился весь черненький, одни только лапки беленькие, и ни единого белого пятнышка, а случается это в несколько лет раз, — отпусти уж меня на крестины.

— Початочек! Серединка! — ответила мышка. — Какие, однакож, странные имена, есть над чем призадуматься.

— Да ты вот все дома сидишь в своем темносером фризоме кафтане, с длинной косичкой, — сказала кошка, — да только ворчишь; а все оттого, что днем из дому не выходишь.

Когда кошка ушла, мышка убрала в доме и навела в хозяйстве всюду порядок, а кошка-лакомка тем временем слизала весь жир в горшочке дочиста. «Когда все поешь, только тогда и успокоишься», — сказала она про себя и лишь к ночи

вернулась домой, сытая и жирная. А мышка тотчас ее и спрашивает:

— А какое ж имя дали третьему ребеночку?

— Оно тебе, пожалуй, тоже не понравится, — ответила кошка, — назвали его Поскребышкой.

— Поскребышек! — воскликнула мышка. — Да-а! Над таким именем призадумалась: я пока не видала, чтобы такое имя было где напечатано. Поскребышек! А что же оно должно значить? — Покачала она головой, свернулась в клубочек и легла спать.

И с той поры никто не звал кошку на крестины. А подошла зима, нечем было уже на дворе поживиться, — тут и вспомнила мышка про свои запасы и говорит:

— Кошка, давай-ка наведемся к нашему горшочку с жиром, ведь мы его приберегли, теперь нам есть чем полакомиться.

— Что ж, — говорит кошка, — это будет, пожалуй, так же вкусно, каклизать язычком воздух.

Пустились они в путь-дорогу. Приходят, — стоит горшочек на том самом месте, да только пустой.

— Ох, — говорит мышка, — теперь-то я вижу, что случилось, теперь мне ясно, какой ты мне верный друг! Ты все сама поела, когда на крестины ходила; сначала початочек, потом серединку, а затем...

— Да замолчи ты! — крикнула кошка. — Еще одно слово, и я тебя съем.

«Поскребышек», — вертелось на языке у бедной мышки; и только сорвалось это слово у ней с языка, прыгнула кошка, схватила ее и съела.

Вот видишь, как бывает оно на свете.

Разбойник и его сыновья

Жил когда-то на свете разбойник. Он обитал в дремучем лесу, в ущельях и пещерах, вместе со своими товарищами. Когда по большой дороге проезжали князья, помещики и богатые купцы, он подкарауливал их и забирал у них деньги и добро. Вот стал он годами постарше, это ремесло ему перестало нравиться, и он раскаялся, что совершил так много зла. Стал он вести жизнь более правильную, как человек честный, и, где только мог, делал добро. Было у него трое сыновей, когда они подросли, он позвал их к себе и сказал:

— Милые мои дети, скажите, какое вы ремесло хотите себе избрать, чтобы честно свой хлеб зарабатывать?

Посоветовались сыновья между собой и ответили ему так:

— Яблоко недалеко от яблони падает, мы хотим заняться тем, чем и вы занимались, — мы желаем быть разбойниками. Нам не по нутру такое ремесло, когда надо с утра до вечера работать, а заработок получать малый и вести тяжелую жизнь.

— Ах, милые дети, — ответил отец, — почему вы не хотите жить спокойно и довольствоваться малым? Живи честно — проживешь дольше. Заниматься разбоем — злое и бесчестное дело, оно приводит к плохому концу: не будет вам от такого богатства радости. Вас в конце концов поймают и повесят на виселице.

Но сыновья не обратили внимания на его предостережения, остались при своем и порешили начать. Они знали, что на конюшне у королевы находится прекрасная лошадь и что она очень дорогая, и решили ее украсть. Кроме того, они довелись, что лошадь эта не ест другого корма, кроме сочной травы, которая растет только в одном из сырых лесов. Пошли они втроем в тот лес, нарезали травы, связали ее в большую вязанку и спрятали в нее своего младшего брата, что был из них самый маленький, и сделали они это так ловко, что заметить его было нельзя. И вот вынесли они ту вязанку травы на базар. Королевский конюший купил этот корм, велел отнести его в стойло и дать лошади. Когда наступила полночь и все уже спали, выбрался младший брат из вязанки с травой, отвязал лошадь, надел на нее золотую уздечку и шитую золотом сбрую; а бубенцы что висели на ней, он залепил воском, чтоб не было слышно звона. Потом открыл он ворота и помчался вскачь к тому месту, куда указали ему братья. Заметили вора одни только городские сторожа, они бросились вслед за ним, нашли его вместе с братьями поймали их всех троих и отвели в тюрьму.

Привели их на другое утро к королеве. Она увидела, что все трое парни красивые, спросила у них, откуда они родом, и узнала, что они сыновья старого разбойника, который изменил свой прежний образ жизни и живет теперь как добрый гражданин. Она велела отвести их назад в тюрьму и спросить у их отца, не пожелает ли он своих сыновей выкупить. Но старик пришел и сказал:

— Мои сыновья не достойны того, чтобы я тратил на них хотя бы один грош.

Но королева сказала ему:

— Ты был знаменитым разбойником, так вот расскажи мне из своей разбойничьей жизни самый замечательный случай, и я верну тебе сыновей назад.

Услыхал это старик и начал свой рассказ так:

— Госпожа королева, послушайте мою речь, я расскажу вам одно приключение, испугавшее меня больше всего на свете.

Однажды я узнал о том, что в диком лесном ущельи живет великан, обладающий большими сокровищами. Я отобрал из своих товарищей побольше людей, нас было сто человек, и вот мы отправились туда. Великана дома мы не застали; мы обрадовались этому и набрали золота и серебра столько, сколько могли дотащить. Мы уже было собрались в обратный путь и считали, что мы в полной безопасности, как вдруг неожиданно-негаданно явился великан с десятью другими великанами и всех нас поймал. Поделили нас великаны между собой; и досталось каждому из них по десять, и попал я с девятью товарищами к тому великану, у которого мы похитили сокровища. Они связали нам руки на спине и погнали нас, точно овец, в свою пещеру в скале. Мы предложили откупиться деньгами и всем, что у нас было, но великан ответил:

— Мне не надо ваших богатств, я оставлю вас у себя и съем вас, это мне будет приятней.

Потом он ощупал каждого из нас, выбрал одного и сказал:

— Этот будет пожирней, с него я и начну.

Он убил его, бросил в котел с водой, который он поставил на огонь. Так съедал он каждый день одного из нас, а так как я был самым тощим, то должен был быть съеден последним. Когда мои девять товарищей были уже съедены, я решил пуститься на хитрость.

— Я вижу, что у тебя большие глаза, — сказал я великану, — а я лекарь и в таких делах человек опытный; если ты оставишь меня в живых, я вылечу тебе глаза.

Великан обещал сохранить мне жизнь, если я сумею его вылечить. Он предоставил мне все, что я для этого потребовал. Я налил масла в котел, подсыпал туда серы, смолы, соли, мышьяка и разных ядовитых снадобий и поставил котел на огонь, будто собираясь приготовить для его глаз пластырь. Только масло закипело, я предложил великану лечь на землю и вылил все, что было в котле, ему на глаза, на шею и тело, и вот он совершенно ослеп, а кожа на теле была сожжена и облезла. Он с диким воплем вскочил, потом упал и начал кататься по земле, ревя и вопя, как лев или бык. Потом, разъяренный, он бросился, схватил большую дубину и, бегаля взад и вперед по дому, начал бить по земле и по стенам, думая попасть в меня. Убежать мне было невозможно, — дом был со всех сторон обнесен высокими стенами, а двери заперты на железные засовы. Я кидался из угла в угол, наконец я решил, что одно спасение — это взобраться по лестнице до потолка; и вот я повис на руках, уцепившись за балку. Так провисел я день и всю ночь, но больше выдержать я не мог, и тогда я спустился вниз и спрятался между овцами. Тут пришлось быть попроворней, и, чтоб великан не мог меня схватить,

мне надо было все время бегать у овец между ног. Наконец я нашел в одном углу баранью шкуру, влез в нее и постарался сделать так, чтобы бараньи рога пришились бы как раз у меня на голове. Великан имел обыкновение, перед тем как овцы выходили на пастбище, пропускать их между ног. При этом он их считал, и какая овца была пожирней, ту он и хватал, потом варил ее и съедал на обед. Это был подходящий случай убежать; я стал проходить между ногами великана, как делали это овцы. Когда великан ощупал меня и узнал, что я жирен, он схватил меня и сказал:

— Ты жирен, вот ты сегодня и попадешь ко мне в брюхо.

Я сделал прыжок и вырвался у него из рук, но он схватил меня опять. Мне удалось вырваться еще раз, но он меня снова поймал, и так продолжалось семь раз. Тогда он разгневался и сказал:

— Ну, беги, пусть тебя волки съедят, довольно ты надменной насмеялся.

Я очутился на воле, сбросил шкуру и язвительно крикнул ему, что я все же от него убежал, и стал над ним насмеяться. Тогда он снял с пальца кольцо и сказал:

— Прими это золотое кольцо от меня в подарок, ты его заслужил. Нехорошо, если такой хитроумный человек, как ты, уйдет от меня без даров.

Я взял кольцо, надел его себе на палец, но я не знал, что оно волшебное. С той поры, как надел я его, я принужден был кричать безумолку: «Я здесь, я здесь!» И великан мог по моему крику знать, где я нахожусь; и он бросился за мной в лес. А так как великан был слепой, то он все время наткнулся на деревья и падал при этом наземь, словно огромное дерево. Но он быстро подымался, а так как ноги у него были длинные и он мог делать большие шаги, то он всегда меня почти нагонял и был совсем уж близко от меня, так как я все время кричал: «Я здесь, я здесь!»

Вскоре я понял, что причина моего крика кроется в кольце; я попробовал его снять, но сделать это мне не удалось. И мне не оставалось ничего другого, как откусить себе палец. И тотчас я перестал кричать и счастливо убежал от великана. Хотя я и потерял палец, но зато спас себе жизнь.

— Госпожа королева, — сказал разбойник, — эту историю я рассказал вам для того, чтобы выкупить одного из своих сыновей, а теперь, чтоб освободить второго, я расскажу вам, что произошло дальше.

Когда я вырвался из рук великана, я блуждал в дремучих лесах, не зная, куда мне идти дальше. Я взбирался на самые высокие ели, на вершины гор, но куда я ни вглядывался; нигде

не было видно ни жилья, ни пашни, ни единого следа человеческой жизни — кругом были одни лишь страшные лесные дебри. Я шел все дальше и дальше, мучимый голодом и жаждой, и каждую минуту боялся, что вот-вот упаду от слабости. Наконец, когда солнце начало уже заходить, я взобрался на высокую гору и увидел, что в пустынной долине подымается густой дым, будто из хлебопекарной печи. Я быстро спустился с горы в ту сторону, откуда шел дым; сойдя вниз, я увидел трех мертвецов, они были повешены на ветке дерева. Я испугался, но взял себя в руки, направился дальше и вскоре подшел к небольшому дому. Двери в нем стояли открытые настежь; у очага сидела какая-то женщина с ребенком. Я вошел, поздоровался и спросил, почему она сидит здесь одна и где ее муж; спросил, далеко ли еще до человеческого жилья. Она ответила, что до тех мест, где живут люди, очень далеко. Она рассказала мне со слезами на глазах, что прошлой ночью явились дикие лесные чудовища и похитили ее вместе с ребенком у мужа и завели в эти лесные дебри. Наутро чудовища ушли и велели ей убить ребенка и сварить его; они сказали, что, вернувшись назад, собираются его съесть. Услыхав это, я почувствовал к матери и ребенку большую жалость и решил их спасти. Я побежал к дереву, на котором были повешены трое воров, снял среднего из них, что был покрупней, и принес его в дом. Я сказал женщине, чтоб она сварила его и подала на ужин великанам. А ребенка я взял и спрятал в дупле дерева, а сам спрятался за домом так, чтобы мне можно было следить, когда подойдут великаны, и в случае чего поспешить на помощь женщине. Как только стало заходить солнце, я заметил, что чудовища спускаются с горы: были они на вид страшные и жуткие, похожие на обезьян. Они волокли за собой чье-то мертвое тело, но разглядеть, что это было, я не мог. Войдя в дом, они развели огонь в очаге, разорвали зубами окровавленное тело и сожрали его. Потом они сняли с очага котел, в котором варилось мясо вора, и поделили куски между собой на ужин. Когда они поужинали, один из них, тот, кто по виду, должно быть, был у них вожаком, спросил у женщины, было ли это мясо ребенка, которое они съели. Женщина ответила: «Да». Тогда сказал чудовище-великан: — А я думаю, что ты ребенка спрятала, а нам сварила одного из воров, что висят на дереве.

И он велел трем из своих подручных пойти и принести ему с каждого вора по куску мяса, чтоб убедиться, что все они попрежнему висят там. Услыхав это, я быстро побежал вперед и повис между двумя ворами, держась руками за веревку, с которой я снял третьего вора. Явились чудовища и вырезали у каждого из бедра по куску мяса. Они вырезали кусок и у меня,

но я это перенес, не проронив ни звука. У меня и до сих пор есть на теле рубец.

Разбойник немного помолчал, а потом продолжал:

— Госпожа королева, я рассказал вам это приключение ради моего второго сына; а теперь я расскажу вам конец этой истории, ради моего третьего сына.

Когда дикие чудовища убежали с кусками мяса, я спрыгнул вниз и перевязал себе рану куском рубахи. Но я не обращал внимания на боль и думал только о том, чтоб выполнить перед женщиной свое обещанье и спасти ее вместе с ребенком. Я поспешил вернуться назад к дому, спрятался и стал прислушиваться к тому, что происходило; в это время великан проверял три принесенных ему куска мяса. Когда он попробовал тот кусок, который был вырезан у меня, а был он еще в крови, великан сказал:

— Ступайте скорей и принесите мне того вора, что висит посредине — его мясо свежее, оно мне по вкусу.

Услыжав это, я поспешил назад к виселице и повис опять на веревке между двумя мертвецами. Вскоре явились чудовища, они сняли меня с виселицы, поволокли к дому и бросили меня наземь. Но только подняли они надо мной ножи, как вдруг поднялась такая буря с громом и молнией, что сами чудовища пришли в ужас. Они бросились с диким криком в окна, в двери, на крышу и оставили меня лежать одного на полу.

Прошло три часа, начало светать, и поднялось яркое солнце. Я собрался с женщиной в путь-дорогу, и мы пробирались с ней сорок дней через лесные дебри, питались только одним кореньями, ягодами и травой, которые росли в лесу. Наконец мы попали к людям, я привел женщину с ребенком к ее мужу: и легко себе представить, как велика была его радость.

На этом рассказ разбойника окончился.

— Тем, что ты спас женщину и ребенка, ты загладил злые дела, совершенные тобой, — сказала королева разбойнику, — я освобожу твоих трех сыновей.

Сказка о том, кто ходил страху учиться

Было у отца двое сыновей. Старший был умен и толков, все у него ладилось, а младший был дурень: ничего как следует не понимал и к ученью был неспособен; посмотрят на него люди, бывало, и скажут:

— С этим придется отцу немало еще повозиться!

Если надо было что-нибудь сделать, то старший сын с делом всегда управится; но если отец велит ему что-нибудь принести, а время позднее или совсем к ночи, а дорога идет через кладбище или мимо какого-нибудь другого мрачного места, он всегда отвечал:

— Ох, батюшка, не пойду я туда, мне страшно! — потому что был он боязлив.

Или, бывало, вечером начнут рассказывать у камелька всякие такие небылицы, что у иного мороз по коже пробирает, и скажут подчас слушатели: «Ах, как страшно!», а младший сидит себе в углу, тоже слушает, и никак ему невдомек, что это значит — страшно.

— Вот все говорят: «Мне страшно! Страшно!», а мне вот ничуть не страшно. Это, пожалуй, дело такое, в котором я тоже ничего не смыслю.

Однажды и говорит ему отец:

— Эй, послушай ты, там в углу! Ты вон, гляди, какой уже большой вырос и силы набрался, надо будет тебе тоже чему-нибудь научиться, чтобы хлеб себе зарабатывать. Видишь, как брат твой старается, а ты ни к чему не гож.

— Эх, батюшка, — ответил младший сын, — я бы охотню чему-нибудь научился; и раз уж на то пошло, то хотелось бы мне научиться, чтоб было мне страшно; в этом деле, видно, я еще ничего не смыслю.

Услыхал это старший брат, посмеялся и подумал: «Боже ты мой, какой, однако, у меня брат дурень, из него никогда ничего не получится; кто хочет чем-нибудь сделаться, должен быть изворотлив».

Вздыхнул отец и говорит младшему сыну:

— Уж чему-чему, а страху ты должен научиться; но на хлеб себе этим вряд ли ты заработаешь.

А тут вскоре зашел к ним в гости пономарь. Стал ему отец на свою беду жаловаться и рассказал, что младший сын у него несмышленный — ничего не знает, ничему не учится.

— Вы только подумайте, спрашиваю я у него, чем ты хлеб себе зарабатывать хочешь, а он говорит: хотел бы я страху научиться.

— Если уж на то пошло, — ответил пономарь, — этому он мог бы у меня научиться; вы его только ко мне пришлите, а я уж его пообтешу как следует.

Отец остался этим доволен и подумал: «Вот все ж таки парня как-нибудь да пристрою».

И вот взял его пономарь жить у себя в доме, и должен был парень звонить в колокол. Спустя несколько дней разбудил его раз пономарь в полночь, велел ему встать, взобраться на колокольню и звонить в колокол.

«Уж теперь-то ты страху научишься», — подумал пономарь, а сам тайком пробрался на колокольню; и только парень взобрался наверх и успел повернуться, чтоб взяться за веревку от колокола, видит — стоит на лестнице, как раз напротив окошка, какая-то фигура и белом.

— Кто это? — крикнул он; но фигура в белом ничего не ответила и не двинулась, не шелохнулась.

— Отвечай, — закричал парень, — или убирайся прочь отсюда, здесь тебе по ночам делать нечего!

Но пономарь продолжал стоять и даже с места не сдвинулся, чтоб парень подумал, что это стоит привиденье.

Крикнул парень второй раз:

— Чего тебе здесь надобно? Коли ты человек порядочный, то отвечай, а не то я сброшу тебя вниз с лестницы.

Тут пономарь подумал: «До этого дело, пожалуй, не дойдет», — он не проронил ни звука и стоял, точно вкопанный. Парень окликнул его в третий раз, но напрасно; тогда он подбежал и сбросил привидение с лестницы вниз, и покатилося оно с десяти ступенек, да так и осталось лежать в углу.

Отзвонил парень в колокол, вернулся домой и, ни слова не сказав, улегся в постель и продолжал себе спать дальше. Долго дожидалась своего мужа пономариха, а он все не возвращался. Наконец стало ей страшно, она разбудила парня и спрашивает:

— Не знаешь ли ты, куда это мой муж запропал? Ведь он на колокольню взобрался раньше тебя.

— Не знаю, — ответил парень, — но я видел, что кто-то стоял на лестнице напротив слухового окошка, ничего не отвечал, уходить не хотел, я и счел его за вора и сбросил вниз. Сходите туда да поглядите, не он ли это, а то мне, право, будет жалко.

Кинулась пономариха туда и нашла своего мужа; он лежал в углу и стонал, — сломал себе ногу.

Она принесла его с колокольни и бросилась, громко причитая, к отцу парня.

— А парень-то ваш, — сказала она, — большой беды наделал, сбросил моего мужа вниз с лестницы, и тот сломал себе ногу. Забирайте-ка вы от нас своего шалолая.

Испугался отец, прибежал туда и начал бранить сына:

— Что это у тебя за проделки такие, уж не сам ли чорт тебе их внушил?

— Батюшка, — ответил сын, — да выслушайте меня, я-то вовсе тут не виноват. Пономарь стоял на колокольне ночью, как человек, замысливший недоброе дело; я не знал, кто это, и трижды просил его отозваться или уйти.

— Эх,— сказал отец, — будет мне с тобой одно только горе. Убирайся ты с моих глаз долой, я и знать тебя больше не хочу.

— Хорошо, батюшка, я охотно уйду, но вы уж погодите, пока наступит день; я тогда уйду от вас и пойду страху учиться,— вот и обучусь ремеслу, что меня прокормить сможет.

— Учись себе чему хочешь,— сказал отец, — мне все равно. На тебе пятьдесят талеров, ступай с ними куда хочешь, да только не смей говорить никому, откуда ты родом и кто твой отец, а то мне за тебя стыдно будет.

— Ладно, батюшка, как вам будет угодно; а если вы от меня бóльшого не требуете, то я выполню все как следует.

Только стало светать, сунул юноша в карман свои пятьдесят талеров и вышел на большую дорогу; шел он и все твердил про себя одно и то же: «Вот если б стало мне страшно! Вот если б стало мне страшно!»

Услыхал эти слова какой-то прохожий и подошел к нему. Прошли они некоторое время вместе и увидели виселицу, и говорит ему тот прохожий:

— Видишь, вон стоит дерево, а на нем семеро с дочкой заплечных дел мастера свадьбу справили и теперь летать обучаются. Садись-ка ты под этим деревом и как дождешься ночи, то и страху научишься.

— Ежели это все,— ответил парень,— то дело это нетрудное; раз я так скоро научусь страху, то ты получишь от меня за это пятьдесят талеров; только приходи ко мне утром пораньше.

Подошел парень к виселице, уселся под нею и стал су-мерек дожидаться. Стало ему холодно, и он развел костер; но к полуночи поднялся такой холодный ветер, что, несмотря на костер, он никак не мог согреться. И начал ветер раскачивать повешенных, и они толкали один другого то туда, то сюда, и он подумал: «Я вот зябну внизу у костра, а каково же им там наверху мерзнуть да друг об дружку стучаться». А так как был он жалостлив, то приставил лесенку, взобрался на виселицу, отвязал всех одного за другим и стащил всех семерых вниз. Потом он раздул огонь, разгорелось пламя сильнее, и он усадил всех вокруг костра греться. Сидели они не двигаясь, и вдруг загорелась на них одежда. Тогда он говорит:

— Вы будьте с огнем поосторожней, а не то я вас вздерну опять на виселицу.

Но мертвецы ничего не слышали, они молчали и не обратили вниманья на то, что их лохмотья горят. Тут рассердился он и говорит:

— Ежели вы не будете осторожны, то я выручать вас не стану, а сгореть вместе с вами у меня нет никакой охоты,—

и повесил их всех одного за другим опять. Потом он подсел к костру и уснул. Является на другое утро к нему тот прохожий получить с него пятьдесят талеров и говорит:

— Ну, теперь ты узнал, что такое страх?

— Нет, — ответил парень, — да откуда же мне было его узнать-то? Ведь те, что там наверху, и рта не раскрыли и такими дураками оказались, что сожгли все свои старые лохмотья.

Понял тогда прохожий, что пятидесяти талеров ему с него не получить, и сказал уходя:

— Такого я еще ни разу на свете не видывал.

И отправился парень дальше своей дорогой и принялся снова про себя бормотать:

— Ах, если бы стало мне страшно! Ах, если бы стало мне страшно!

Услыхал это один извозчик, который шел сзади него, и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Не знаю, — ответил парень.

Начал извозчик его расспрашивать:

— А ты откуда?

— Не знаю.

— А кто твой отец?

— Этого мне говорить не велено.

— А что ж ты это все про себя бормочешь?

— Э-э, — ответил парень, — да я хотел, чтоб мне стало страшно, да никто не может меня этому научить.

— Не болтай глупостей, — сказал извозчик, — только ступай со мной, и уж я тебе докажу, что я это сделаю.

Отправился парень вместе с извозчиком. Подошли они под вечер к харчевне и решили в ней заночевать. Входит парень в комнату и говорит опять:

— Вот, если б стало мне страшно! Если б стало мне страшно!

Услыхал то хозяин харчевни, засмеялся и сказал:

— Если тебе этого так хочется, то случай для этого здесь, пожалуй, подвернется.

— Ах, помолчал бы ты лучше, — сказала хозяйка, — не один уж смельчак жизнью своей поплатился, и жаль мне красивых глаз, если они больше света не увидят.

Но парень ответил:

— Ежели это и вправду так трудно, то мне бы хотелось этому научиться, ведь ради этого я и отправился странствовать.

И он не давал хозяину покоя до тех пор, пока тот, наконец, не рассказал ему, что неподалеку находится заколдованный вамок, где страху научиться уж наверняка можно, если парень только согласится провести там три ночи подряд.

И обещал король тому, кто на это дело отважится, отдать дочь свою в жены; а королева — самая красивая девушка, какая только есть на свете; и запрятаны в замке большие сокровища, которые стерегут злые духи; и если эти сокровища расколдовать, то сделают они бедняка богатым. И будто много людей побывало в том замке, но никто из них до сих пор назад не вернулся.

Пришел парень на другое утро к королю и говорит:

— Если будет дозволено, то хотелось бы мне очень провести три ночи в заколдованном замке.

Посмотрел на него король, и так как парень ему понравился, то сказал он:

— Вдобавок ты можешь попросить у меня еще три вещи, но это должны быть предметы неодушевленные; ты их можешь взять с собой в замок.

Парень ответил:

— В таком случае я прошу дать мне огня, столярный станок и токарный вместе с резцом.

Король велел отнести все это днем для него в замок. С наступлением ночи поднялся парень туда, развел в комнате огонь, поставил рядом с собой столярный станок, а сам на токарный уселся.

— Ах, если бы стало мне страшно! — сказал он. — Но, пожалуй, я и здесь страху не научусь.

Собрался он в полночь разворошить огонь, стал его раздувать, и вдруг в углу что-то закричало: «Мяу-мяу! Как нам холодно!»

— Эй вы, дураки, — крикнул парень, — чего кричите? Ежели вам холодно, то ступайте сюда, подсаживайтесь к огню и грейтесь.

И только он это сказал, как прыгнули к нему две громадные черные кошки, уселись рядом с ним по бокам и дико на него поглядели своими огненными глазами. Только они согрелись, и говорят:

— Приятель, а давай-ка в карты сыграем.

— Отчего ж не сыграть, — ответил парень, — но покажите-ка сперва мне ваши лапы.

И выпустили кошки свои когти.

— Э-э, — сказал он, — да какие у вас, однако, длинные когти! Постойте-ка, их надо будет сначала маленько пообстричь.

И он схватил кошек за шиворот, поднял их на столярный станок и крепко прикрутил им лапы.

— Я вас узнал по когтям, — сказал он, — и в карты играть у меня охота пропала.

Он убил их и выбросил за окошко в воду. Только угомонил он этих двух и хотел было подсесть опять к своему камель-

ку, как вдруг появились из всех углов и закоулков черные кошки и черные псы на раскаленных цепях; их становилось всё больше и больше, и ему некуда было от них податься; они страшно кричали, наступали на огонь, разбросали его и хотели было его потушить.

Некоторое время он смотрел на это спокойно, но, наконец, это его разозлило, он схватил свой резец и крикнул: «Прочь отсюда, сволочь!» — и кинулся на них. Часть из них успела отскочить в сторону, а других он убил и выбросил в пруд. Потом он вернулся назад, раздул опять из искры огонек, и глаза стали у него смежаться: захотелось ему поспать. Оглянувшись он — видит в углу большую кровать.

— Это как раз мне кстати, — сказал он и улегся в нее. Но только хотел он закрыть глаза, как начала кровать сама двигаться и покатилась по всему замку.

— Оно, пожалуй, ничего, — сказал он, — но лучше бы она остановилась.

Но кровать продолжала катиться, будто в нее запрягли шестерик лошадей, — через пороги и лестницы, то вниз, то вверх; и вдруг — гуп-гуп! — опрокинулась кровать вверх ножками, и словно какая гора на него навалилась. Но парень сбрасывал с себя одеяла и подушки, выбрался и сказал:

— Ну, пусть себе катается тот, у кого есть на это охота, — лег у своего очага и проспал до самого утра.

Наутро явился король и, увидев, что парень лежит на земле, подумал, что его погубили привидения и что он уже мертвый. И сказал король:

— А жалко мне парня-красавца.

Услыхал это парень, поднялся и говорит:

— Нет, до этого еще далеко!

Удивился король, обрадовался и спросил, что здесь с ним было.

— Все было хорошо, — ответил юноша, — одна ночь прошла, пройдут и две остальные.

Пришел парень к хозяину харчевни, а тот так и вытаращил глаза от изумления.

— Не думал я никак, — сказал он, — увидеть тебя в живых. Ну что, научился страху?

— Нет, — ответил тот, — все было попусту. Ах, если бы кто рассказал мне, что это такое!

На вторую ночь отправился парень опять в старый замок, подсел к камельку и завел снова свою старую песенку: «Если б стало мне страшно!» Наступила полночь, послышались шумы и стуки, сперва тихие, потом посильнее, потом опять стало тихо; и показалась, наконец, из трубы с громким воплем половина человека и рухнула прямо перед ним.

— Гей,— крикнул парень,— а где же другая половина? Этого мало!

Снова поднялся шум, все загрохотало, загремело, завывло, и вот выпала из трубы и другая половина.

— Пстой,— сказал парень,— я сперва раздую для тебя огонек.

Раздул, оглянулся, видит — сомкнулись обе половины, и страшный человек уселся на его место.

— Такого уговору у нас не было,— сказал парень,— скамейка моя.

Хотел было человек его столкнуть, но парень не поддался, толкнул его со всей силы и уселся опять на свое место.

И выпало затем из трубы один за другим много еще таких же людей. Они притащили кости мертвецов и два черепа, расставили их и начали играть в кегли.

Захотелось и парню сыграть тоже, вот он и спрашивает:

— Послушайте-ка, вы, нельзя ли и мне с вами сыграть?

— Пожалуй, если деньги у тебя водятся.

— Денег достаточно,— сказал парень,— да кегли-то у вас недостаточно круглые.

Взял он череп, поставил их на токарный станок, пообточил, и стали они покруглей.

— Так-то будут они лучше кататься,— сказал он.— Эге, теперь дело пойдет веселей!

Сыграл он с ними и проиграл немного денег. Но вот пробило двенадцать часов, и вмиг всё перед ним исчезло. Он улегся и спокойно уснул.

Приходит на другое утро король узнать, как там было дело.

— Ну, каково пришлось тебе на сей раз? — спросил он.

— Да я в кегли играл,— ответил парень,— и несколько геллеров проиграл.

— А разве тебе не было страшно?

— Да что вы,— сказал парень,— весело было. Эх, узнать бы мне только, что такое страх!

На третью ночь уселся парень опять на станок и с такой досадой говорит:

— Эх-х, если бы стало мне страшно!

А время уже подошло к ночи, и вот явилось шестеро громадных людей, они принесли погребальные носилки.

А парень и говорит:

— Ага, это, должно быть, мой двоюродный братец, что несколько дней тому назад умер,— и он поманил его пальцем и кликнул:

— Ступай сюда, братец, ступай!

Они опустили гроб на землю, парень подошел к нему и снял крышку: и лежал в нем мертвец. Пощупал парень ему лицо, и было оно как лед холодное.

— Погоди, — сказал он, — я тебя маленько обогрею, — подошел к очагу, согрел руку и положил ее мертвецу на лицо, но тот остался холодным. Тогда вытащил парень мертвеца из гроба, подсел к камельку, положил мертвеца к себе на колени и начал растирать ему руки, чтоб кровь разошлась по жилам. Но когда и это не помогло, то парню пришло в голову: «Если лечь с ним в постель вместе, то можно будет лучше его согреть», — и он перенес мертвеца на постель, укрыл его и улегся с ним рядом. Тут вскоре мертвец согрелся и задвигался. А парень и говорит:

— Вот видишь, братец, я тебя и отогрел!

Тут поднялся мертвец и крикнул:

— А теперь я тебя задушю!

— Что? — сказал парень. — Так-то ты меня хочешь отблагодарить? Раз так, то возвращайся опять к себе в гроб, — и он поднял мертвеца, бросил его в гроб и прикрыл крышкой; потом явилось шестеро человек и его унесли.

— Всё никак не становится мне страшно, — сказал парень, — этак, пожалуй, я за всю свою жизнь страху не научусь!

Тогда выступил вперед один из людей, он был ростом выше остальных и на вид такой страшный; но был он стар, и была у него длинная седая борода.

— Ах ты, мальчишка! — крикнул он. — Ты скоро узнаешь, что такое страх, ты должен умереть.

— Не так-то уж скоро, — ответил парень, — ведь я-то должен сам при этом присутствовать.

— Нет, уж тебя я схвачу, — пригрозило страшилище.

— Потихе, потихе, нечего руки протягивать! Если ты силен, то и я не слабей тебя, а может, и посильней буду.

— Это мы посмотрим, — сказал старик, — если ты посильнее меня, то я тебя отпущу; подходи, давай-ка померяемся!

И он повел его по темным переходам в кузницу, взял топор и одним махом вогнал наковальню в землю.

— Я сумею еще почище, — сказал парень, — и подошел к другой наковальне.

Старик, желая посмотреть, стал рядом, и белая его борода опустилась до самой земли. Тут схватил парень топор, расколол наковальню надвое и защемил заодно бороду старика.

— Вот ты и попался, — сказал парень, — теперь твой черед помирать. — Он схватил железный лом и кинулся с ним на старика. Начал старик стонать и просить над ним сжалиться и пообещал парню большие богатства. Вытащил тогда парень топор и отпустил старика.

Повел его старик опять в замок и показал ему в подземельи три сундука, полных золотом.

— Одна часть золота, — сказал он, — беднякам, другая — королю, а третья часть — тебе.

Между тем пробило двенадцать часов, и дух исчез, и парень остался один в потемках.

— Однако выбраться отсюда я, пожалуй, сумею, — сказал он и стал пробираться ощупью; нашел дорогу в комнату и ушел у своего очага.

Приходит утром король и спрашивает:

— Ну что, теперь-то ты страху научился?

— Нет, — ответил юноша, — да и что тут было? Побывал здесь мой покойный двоюродный братец, и приходил какой-то бородач, много денег мне указал в подземельи, но что такое страх, так мне до сих пор никто и не сказал.

И сказал король:

— Ты замок этот расколдовал и можешь теперь на моей дочери жениться.

— Это очень хорошо, — ответил парень, — но что такое страх, я так до сих пор и не знаю.

Вот принесли наверх из подземелья золото и отпраздновали свадьбу, но молодой король, как ни любил свою жену и как ни был ею доволен, все же всегда повторял:

— Если бы стало мне страшно, если бы стало мне страшно! Наконец ей это надоело. И говорит раз служанка королеве:

— В этом деле я помогу, уж он страху научится.

Пошла она к ручью, что протекал в саду, и набрала полный ушат пескарей. Ночью, только молодой король уснул, стащила жена с него одеяло и вылила на него полный ушат холодной воды с пескарями, и начали маленькие рыбки прыгать и барахтаться по телу молодого короля, тут он проснулся да как закричит:

— Ой, милая жена, как мне страшно, как страшно! Да, теперь я уж знаю, что такое страх!

Волк и семеро козлят

Жила-была старая коза. Было у ней семеро козлят, и она их так любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она идти в лес, корму принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

— Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы, смотрите, волка берегитесь. Если придет он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по черным лапам.

Ответили козлятки:

— Милая матушка, уж мы поостережемся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк.

— Не откроемся, — закричали они, — ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты — волк.

Пошел тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий. Вернулся назад, постучался в дверь и говорит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла.

Положил волк свою черную лапу на окошко, увидели ее козлятки и закричали:

— Не откроемся, у матушки нашей не черные лапы: ты — волк!

Побежал тогда волк к хлебопеку и говорит:

— Я зашиб себе ногу, помажь мне ее тестом.

Помазал ему хлебопек лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

— Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», и не согласился. А волк говорит:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

Испугался мельник и побелил ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошел злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

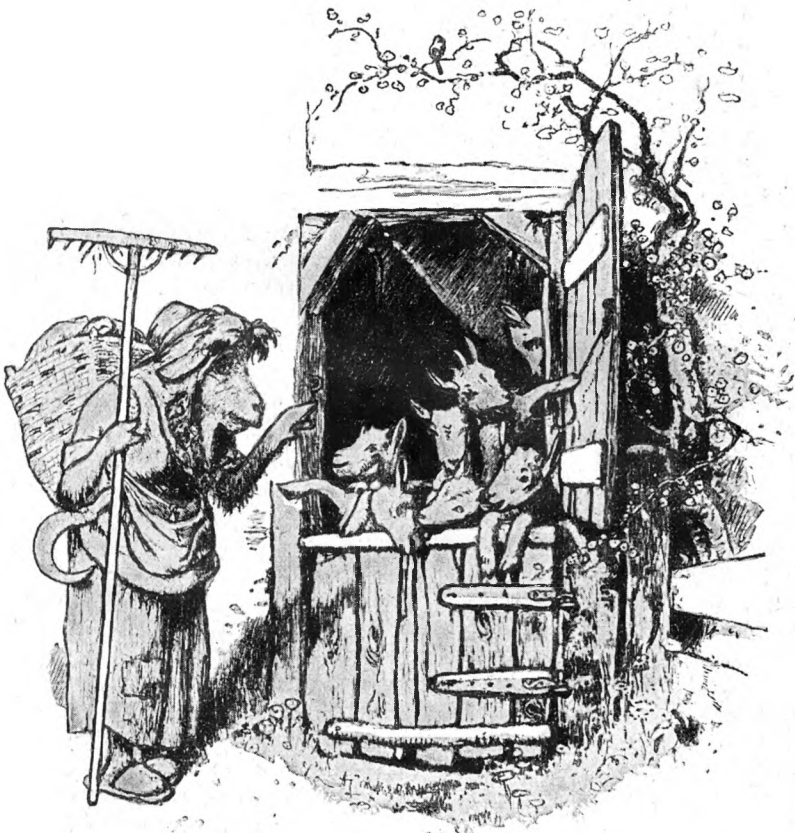
— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

— А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, — и открыли ему дверь. А тот, кто вошел, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козленочек под стол, другой — на кровать, третий — на

печку, четвертый — в кухню, пятый — в шкаф, шестой — под умывальник, а седьмой — в футляр от стальных часов. Но всех их нашел волк и не стал долго разбираться: разинул пасть и проглотил их одного за другим; одного только он не нашел, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушел, растянувшись на зеленом лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь на-

стежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены. Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по именам, но никто не отзывался. Наконец подошла она к младшему, и раздался в ответ тоненький голосок:

— Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек!

Наконец вышла она в великом горе из дому, а младший козленочек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит — лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат. Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, боже ты мой, — подумала она, — неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, еще живы-живехоньки?» И велела она козленку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козленочек свою голову. Стала вспарывать брюхо дальше, — тут и повыскочили один за одним все шестеро, живы-живехоньки, и ничего с ними плохого не стало, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком. Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

— Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьем ими брюхо проклятому зверю, пока он еще сонный.

Натащили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила ста-

рая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся.

Выспался, наконец, волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошел к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

Что урчит и стучит,
В моем брюхе бурчит?
Думал я — шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошел к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжелые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

— Волк мертвый! Волк уже мертвый! — и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

Верный Иоганнес

Жил-был некогда старый король; заболел он однажды и подумал: «Видно, мне с постели уже не подняться, будет она мне смертным ложем». И сказал:

— Позовите ко мне верного Иоганнеса.

Верный Иоганнес был его любимым слугой; звали его так потому, что всю свою жизнь он был ему верен. Подошел он к постели, а король ему и говорит:

— Мой верный Иоганнес, я чувствую, что близок мой конец, и одна у меня забота — о сыне моем: он еще слишком молод и не всегда сможет решить, как надо ему поступить; если ты мне не пообещаешь его во всем наставлять, что ему должно делать, и быть ему вместо отца родного, я не смогу умереть спокойно.

И ответил верный Иоганнес:

— Я никогда его не оставлю и буду служить ему верно, даже если бы это стоило мне жизни.

И сказал старый король:

— Тогда я умру спокойно.— И продолжал — После моей смерти ты должен показать ему весь замок, все комнаты, залы и подземелья, и все сокровища, что находятся в нем; но последней комнаты в длинном коридоре ты ему не показывай: там спрятан портрет королевы с Золотой Крыши. Если мой сын увидит этот портрет, он загорится к ней страстной любовью и упадет без чувств, и ему будет тогда грозить большая опасность; ты должен его от этого уберечь.

И верный Иоганнес пообещал еще раз старому королю все исполнить, и король успокоился, опустил голову на подушку и умер.

Когда старого короля схоронили, рассказал верный Иоганнес молодому королевичу, что обещал он отцу на его смертном ложе, и говорит:

— Слово свое я исполню в точности, буду тебе верен, как был я верен и твоему отцу, хотя бы это и стоило мне жизни.

Прошло время поминок, и говорит королевичу верный Иоганнес:

— Подошел срок посмотреть тебе на свое наследство, я хочу показать тебе отцовский замок.

И он водил его повсюду, и наверху и внизу, показал ему все сокровища и роскошные покои, но только не открыл одной комнаты, где находился опасный портрет. А был он поставлен так, что если открыть дверь, то прямо его и увидишь; и был он написан так прекрасно, что казался живым, и не было на свете ничего прекрасней его и милей. Молодой король заметил, что верный Иоганнес всегда проходил мимо одной двери, и сказал:

— Почему ты ни разу не откроешь ее?

— Там находится нечто такое,— ответил верный Иоганнес,— перед чем ты испугаешься.

Но молодой король ответил:

— Я осмотрел весь замок и хочу также узнать, что находится в этой комнате,— он подошел и хотел было открыть ее силой. Но верный Иоганнес его удержал и сказал:

— Я обещал твоему отцу перед его смертью, что ты ни-

когда не увидишь, что находится в этой комнате: это может кончиться и для тебя и для меня большим несчастьем.

— Ах, нет,— ответил юный король,— если я туда не войду, будет мне верная гибель: я не буду иметь ни дня, ни часа покоя, пока не увижу комнату своими глазами. Я не сойду с места, пока ты ее не откроешь!

Понял верный Иоганнес, что тут ничего не поделаешь, и с тяжелым сердцем, вздыхая, нашел он в большой связке ключ. Открыл дверь и вошел туда первый,— он думал, что король за его спиной портрета не увидит; но это не помогло;— король приподнялся на носки и глянул на портрет через плечи Иоганнеса.

И только он увидел изображение девушки, что была вся такая прекрасная, блистала золотом и драгоценными камнями, как тотчас упал без чувств на пол. Поднял его верный Иоганнес, отнес в постель и в тревоге подумал: «Свершилось несчастье. Боже мой, что теперь будет?» Он дал молодому королю подкрепиться вином, и тот опять пришел в себя. Первое слово, какое он произнес, было:

— Ах, кто это изображен на этом чудесном портрете?

— Это королева с Золотой Крыши,— ответил верный Иоганнес.

И сказал король:

— Моя любовь к ней так велика, что если бы все листья на деревьях имели язык, то и они не могли бы ее полностью выразить. Я готов отдать свою жизнь, чтоб добиться ее любви. Ты ведь, Иоганнес, мне самый преданный из всех, и ты должен мне в этом помочь.

Долго думал верный Иоганнес, как тут быть, ибо даже предстать перед лицом королевы было трудно. Наконец он придумал выход и сказал королю:

— Всё, что находится вокруг королевы, сделано из чистого золота — стулья, столы, посуда, кубки, миски и вся домашняя утварь. У тебя в кладовых лежит пять тонн золота; вели золотых дел мастерам сделать из одной тонны разные сосуды, различных птиц, диких и волшебных зверей,— это ей понравится, и тогда мы поедем с подарками и попытаем счастья.

Король велел созвать всех золотых дел мастеров, и пришлось им работать день и ночь, пока, наконец, не были готовы самые прекрасные изделия. Все это было погружено на корабль; и вот верный Иоганнес нарядился в купеческую одежду, то же самое сделал и король, чтобы никто не мог их узнать. Вскоре отправились они за море и плыли долго-долго, пока не прибыли, наконец, в город, где жила королева с Золотой Крыши.

Верный Иоганнес велел королю остаться на корабле и там его дожидаться.

— Может быть, я приведу с собой королеву, а вы позаботьтесь, чтобы все было в порядке, велите расставить золотые сосуды и разукрасить корабль.

Он положил в свой передник разные золотые изделия, вышел на берег и отправился прямо к королеве в замок. Когда он пришел на королевский двор, как раз в то время стояла у колодца красивая девушка, она держала в руках два золотых ведра и набирала в них воду. Она собралась уже нести студеную воду домой, но вдруг обернулась, увидела незнакомца и спросила его, кто он такой. Он ответил:

— Я купец, — и развязал свой передник и предложил ей посмотреть, что там находится.

— Ай, какие прекрасные золотые вещи! — воскликнула она и поставила ведра наземь и принялась разглядывать одну вещь за другой. А потом сказала:

— Их бы надо посмотреть королеве, она так любит золотые вещи и, наверно, купит у вас всё.

Она взяла его за руку и повела наверх в замок, — она была королевской служанкой. Увидала королева золотые товары, они ей очень понравились, и она сказала:

— Они сделаны так прекрасно, что я покупаю у тебя всё.

Но верный Иоганнес сказал:

— Да я только слуга богатого купца, и то, что находится со мной, ничто по сравнению с тем, что имеется на корабле у моего хозяина; там — самое искуснейшее и самое драгоценное, что было когда-либо сделано из золота.

Королеве захотелось, чтобы все это было принесено к ней в замок, но он сказал:

— Для этого потребовалось бы много дней, ведь там золотых вещей несметное число, и для того чтобы их разместить, надо такое количество зал, что и всего вашего замка нехватит.

И вот любопытство и страсть у королевы так возросли, что она, наконец, сказала:

— Веди меня к кораблю, я готова туда пойти и сама посмотреть сокровища твоего хозяина.

Верный Иоганнес привел ее к кораблю и был этому очень рад, а король, глянув на нее, понял, что она куда прекрасней, чем ее портрет, и почувствовал, что сердце у него разрывается в груди.

Вот взойшла королева на корабль, и король повел ее в трюм; а верный Иоганнес остался возле рулевого и велел оттолкнуть корабль от берега:

— Подымайте все паруса, пускай он летит, как птица!
А король начал показывать ей золотую утварь — блюда, кубки, сосуды, диковинных птиц и разных зверей чудесных. Прошло много часов, пока королева все это осмотрела, и на

радостях она не заметила, что корабль плыл все вперед и вперед. Посмотрела она последнюю вещь, поблагодарила купца и хотела уходить домой; но вот подошла она к борту и увидела, что корабль находится далеко от берега в открытом море и мчится на всех парусах.

— Ах! — воскликнула она в испуге. — Меня обманули,

меня увезли, я попала в руки к какому-то купцу. Мне лучше теперь умереть!

Но король схватил ее за руку и сказал:

— Я не купец, а король, и родом не ниже тебя; а похитил тебя хитростью из-за страстной любви к тебе. Когда я увидел впервые твой портрет, я упал наземь без чувств.

Услыхала это королева с Золотой Крыши и успокоилась; он покорила ее сердце, и она охотно согласилась стать его женой.

Но когда они плыли в открытом море, верный Иоганнес сидел на носу корабля и играл на лютне, и вдруг он заметил в воздухе трех воронов, которые слетелись на звуки. Он перестал играть и стал вслушиваться, о чем говорят между собой вороны, ибо он прекрасно понимал их язык. И молвил один из воронов:

— Э, да это он везет к себе домой королеву с Золотой Крыши.

— Да,— ответил второй ворон,— но она ему еще не принадлежит.

А третий ворон сказал:

— А все-таки она его, ведь она находится у него на корабле.

И снова заговорил первый ворон и крикнул:

— Ну, да какой с того толк? Когда они высадятся на берег, к нему бросится навстречу рыжая лошадь; ему захочется на нее вскочить, и только он это сделает, как лошадь вмиг умчится вместе с ним по воздуху, и никогда уже больше не видать королю своей невесты.

И сказал второй ворон:

— А разве никакого спасения нету?

— О спасение есть! Если кто-нибудь другой вскочит быстро на эту лошадь и выхватит огнестрельное оружие, которое спрятано в недоуздке, и ее убьет, то молодой король будет спасен. Но кто ж знает об этом! А кто и знает, но скажет о том королю, тот от колен до самых пят окаменеет.

Тогда молвил второй ворон:

— А я знаю еще больше. Если лошадь и будет убита, то невесты своей молодой король все-таки не получит: когда они войдут вместе в замок, то будет лежать на блюде свадебная рубашка, и покажется, будто она соткана из золота и серебра, а на самом-то деле сделана она из смолы и серы; и только молодой король ее наденет, он весь сгорит в ней дотла.

И спросил третий ворон:

— А разве нет никакого спасения?

— О, спасение есть! — ответил второй ворон.— Если кто-нибудь схватит эту рубашку перчаткой и бросит ее в огонь,

и рубашка сгорит, то молодой король будет спасен. Но что толку с того? Кто знает об этом и скажет ему, тот окаменеет от колен до самого сердца.

И молвил третий ворон:

— А я знаю еще больше. Если даже свадебная рубашка и сгорит, то молодой король невесты все-таки не получит: когда после свадьбы начнутся танцы и молодая королева будет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет, словно мертвая, наземь; и если кто-нибудь ее не подымет и не высосет у нее из правой груди три капли крови и не выплюнет их, то королева умрет. Но если кто об этом и знает, а расскажет другому, тот окаменеет от головы до самых пят.

Поговорили об этом вороны и полетели дальше. А верный Иоганнес все хорошо запомнил и стал с той поры тихий и грустный. Если не сказать своему господину о том, что он слышал, то с ним случится несчастье, а рассказать ему, то придется самому жизнью поплатиться. Наконец молвил он про себя: «Я спасу моего господина, даже если из-за этого мне пришлось бы погибнуть».

Вот подплыли они к берегу, и случилось то, что предсказал ворон, — к ним подскочила красивая рыжая лошадь.

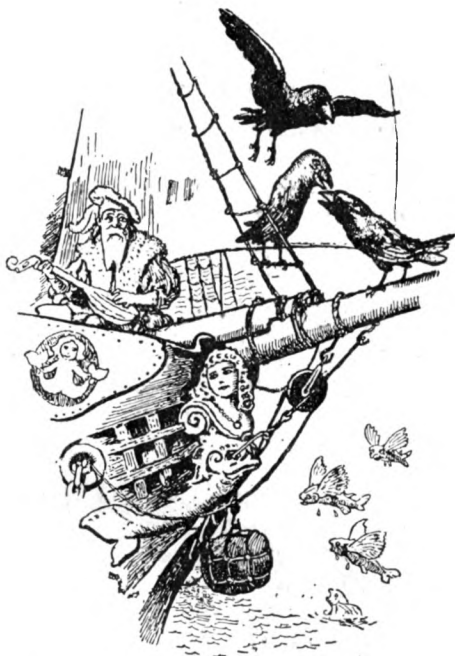
— Вот и хорошо, — сказал король, — она и домчит меня в замок, — и хотел было на нее сесть. Но верный Иоганнес вышел вперед, быстро вскочил на лошадь, выхватил у нее из недоуздка оружие и пристрелил ее. Закричали тогда королевские слуги, не любившие верного Иоганнеса:

— Стыдно убивать такую прекрасную лошадь, ведь она могла бы отвезти короля в замок!

Но король сказал:

— Замолчите, не трогайте его, это мой самый верный Иоганнес; и кто знает — может быть это к добру!

Вот вошли они в замок, и стояло в зале блюдо, лежала на нем готовая свадебная рубашка. и казалось, что была она вытка-

на вся из чистого золота и серебра. Подошел молодой король, хотел ее взять, но верный Иоганнес его оттолкнул, схватил перчаткой рубашку и быстро бросил ее в огонь, и она сгорела.

Начали слуги опять роптать и сказали:

— Смотрите, а теперь он сжигает даже свадебную рубашку короля.

Но молодой король сказал:

— Кто знает, быть может это к добру. Не трогайте его, это мой верный Иоганнес.

Вот стали праздновать свадьбу; начались танцы, и невеста тоже пошла танцевать; и верный Иоганнес внимательно следил за ее лицом. Вдруг она побледнела и, словно мертвая, упала на пол. Он мигом подскочил к ней и отнес ее в другую комнату; там уложил он ее, стал на колени и высосал у нее три капли крови из правой груди, а кровь выплюнул. И она сразу стала дышать и очнулась.

Молодой король все это видел, но не мог понять, почему верный Иоганнес это сделал; он разгневался и крикнул:

— Бросьте его в темницу!

На другое утро верного Иоганнеса осудили и повели на виселицу, и когда он стоял уже на помосте и его должны были повесить, он сказал:

— Каждый осужденный имеет право перед своей смертью сказать последнее слово: могу ли и я это сделать?

— Да, — ответил король, — это тебе дозволяется.

И сказал тогда верный Иоганнес:

— Я приговорен несправедливо, я был всегда тебе верен, — и он рассказал о том, как слышал на море разговор воронов, и что всё это он сделал для того, чтобы спасти своего господина.

И воскликнул тогда король:

— О мой вернейший Иоганнес, я милую тебя! Сведите его с помоста.

Но только вымолвил верный Иоганнес последнее слово, как упал мертвый наземь и окаменел.

И было от этого у короля и королевы великое горе, и сказал король:

— Ах, как плохо я отблагодарил за такую великую верность! — и он велел поднять окаменевшее тело Иоганнеса и поставить его у своей постели в опочивальне. Посмотрит, бывало, на него король, заплачет и скажет:

— Ах, если бы мог я оживить тебя снова, мой верный Иоганнес!

Прошло некоторое время, и родила королева близнецов, двух сыночков; они росли и были ей в радость. Однажды, когда королева была в церкви, а дети оставались с отцом и играли,

посмотрел король с грустью на каменное изваяние, вздохнул и воскликнул:

— Ах, если бы мог я оживить тебя, мой самый верный Иоганнес!

И камень вдруг заговорил и сказал:

— Да, ты можешь меня оживить, если согласишься отдать для этого самое дорогое для тебя на свете.

И воскликнул король:

— Все, что есть у меня на свете, я готов отдать ради тебя!

И камень промолвил:

— Если ты отрубишь своею собственной рукой головы своим детям и помажешь меня их кровью, то я оживу.

Испугался король, услышав, что он должен убить своих любимых детей, но вспомнил про великую верность и что верный Иоганнес погиб ради него, — он схватил меч и отрубил своею собственной рукой головы своим детям. Потом он помазал их кровью камень, и вдруг камню вернулась жизнь, и верный Иоганнес стоял перед ним снова живой и невредимый.

И он сказал королю:

— Твоя верность будет вознаграждена, — и он взял головы детей, приставил их к туловищу, смазал их раны своей кровью, и вмиг они ожили снова, стали прыгать и играть, будто с ними ничего не случилось.

Сильно обрадовался король, и, увидев, что королева вернулась, он спрятал верного Иоганнеса и обоих детей в большой шкаф. Только королева вошла, король ей и говорит:

— Ты молилась в церкви?

— Да, — ответила она, — но я все думала о верном Иоганнесе, что из-за нас с ним случилось такое несчастье.

И сказал ей король:

— Милая жена, мы можем вернуть ему жизнь, но для этого мы должны расстаться с нашими обоими сыновьями, которых надо принести в жертву ради него.

Побледнела королева, дрогнуло у нее сердце, но она сказала:

— Мы ему обязаны за его большую верность.

Обрадовался король, что она думает с ним заодно, он подошел, открыл шкаф, и вывел оттуда детей и верного Иоганнеса, и сказал:

— Слава богу, он уже спасен, и наши сыночки тоже опять с нами, — и рассказал ей, как все это случилось. И жили они с той поры счастливо все вместе до самой смерти.

Удачная торговля

Погнал раз крестьянин на рынок свою корову и продал ее за семь талеров. На обратном пути пришлось ему проходить мимо пруда, вдруг слышит — издали кричат лягушки:

Ква, ква, ква, ква!

— Да, — сказал он про себя, — этак они прокричат до самого овсяного поля. Нет, я выручил семь, а не два.

Подошел он к пруду и крикнул им:

— Эй, глупые твари! Вы что, разве считать не умеете? Семь талеров, а не два.

Но лягушки остались при своем:

Ква, ква, ква, ква!

— Ну, ежели вы мне не верите, я могу вам сосчитать, — он достал из кармана деньги и отсчитал семь талеров, по двадцать четыре гроша в каждом. Но лягушки не обратили внимания на его счет и закричали опять:

Ква, ква, ква, ква!

— Эх, — крикнул совсем раздосадованный крестьянин, — вы что, лучше меня знаете? Ну, так сами считайте, — и кинул им все деньги в воду.

Стал он на берегу и ждет, пока они кончат считать и вернут ему талеры назад; но лягушки настаивали на своем и всё продолжали кричать:

Ква, ква, ква, ква!

а деньги назад не возвращали.

Прождал он долго, пока не наступил вечер, и ему надо было домой возвращаться, он выбрал лягушек и крикнул:

— Эй, вы, квакушки, большеголовые да пучеглазые! Ротица-то у вас большие, вы так кричите, что вас послушать — уши заболят, а семи талеров сосчитать все-таки не сумели. Вы думаете, я буду стоять и дожидаться, пока вы окончите? — И он ушел, а лягушки продолжали кричать ему вслед:

Ква, ква, ква, ква!

И он вернулся домой совсем раздосадованный.

А вскоре он приторговал себе другую корову, зарезал ее и рассчитал, что ежели мясо продаст удачно, то выручит

столько, сколько стоили бы две коровы вместе, да получит еще и шкуру впридачу. Вот пришел он с мясом в город, а к городским воротам сбежалась целая свора собак, и была впереди всех большая борзая. Она подбежала к нему, понюхала и залаяла:

Гав, гав, гав, гав!

Вот лает она и лает, а крестьянин ей и говорит:

— Да, я понимаю, что ты говоришь: «дай, мол, дай!» Ты просишь, небось, кусок мяса, а мне что тогда останется, ежели я тебе отдам?

А собака всё ему в ответ:

Гав, гав!

— Ты сама всего, небось, не съешь, а для своих товарищей просишь?

Гав, гав! —

отвечает собака.

— Ну, ежели ты на этом настаиваешь, то я тебе мясо оставлю: я знаю тебя хорошо, мне известно, у кого ты служишь. Так вот что скажу я тебе: через три дня я должен получить свои деньги, а не то плохо тебе придется. Ты можешь принести их мне домой.

И он свалил мясо на землю и воротился домой. А собаки принялись за мясо и громко залаяли:

Гав, гав!

Услыхал это издали крестьянин и подумал: «Они все теперь просят «дай», но платить мне будет за всех большая собака».

Прошло три дня, и подумал крестьянин: «Нынче вечером деньги будут у меня в кармане», и остался этим очень доволен. Но никто не собирался к нему приходить и отдавать деньги.

— Ни на кого нельзя теперь положиться,— сказал он и, потеряв терпение, отправился, наконец, в город к мяснику требовать свои деньги. Мясник подумал, что тот шутит, но крестьянин сказал:

— Нет, шутки в сторону, я хочу получить свои деньги. Разве большая собака не приносила вам домой давеча целой коровой туши?

Рассердился тут мясник, схватил метлу и выгнал крестьянина из дому.

— Постой,— сказал крестьянин,— есть еще правда на свете! — и пошел в королевский замок и стал просить, чтобы его выслушали. Привели его к королю,— а сидел король вместе со своей дочерью,— и спрашивает, какая беда с ним случилась?

— Ох,— сказал крестьянин,— лягушки и собаки отняли у меня мое добро, а мясник расплатился со мной палкой,— и рассказал подробно все, как было. Начала тут королева громко смеяться, и сказал король крестьянину:

— В этом деле я тебе ничем помочь не могу, но за это ты должен получить дочь мою в жены: она отроду еще ни разу не засмеялась, и я обещал выдать ее замуж за того, кто ее рассмешит. Можешь теперь благодарить бога за свое счастье.

— О-о,— ответил крестьянин,— да на что она мне сдалась: у меня есть дома жена, и той мне вполне хватит; как вернусь я домой, все мне чудится, будто в каждом углу у меня по жене.

Разгневался король и говорит:

— Ты грубиян!

— Ах, господин мой король,— ответил крестьянин,— и чего вам ждать от вола, как не воловьего мяса!

— погоди! — ответил король. — Ты получишь у меня другую награду. Теперь убирайся вон, а спустя три дня приходи опять, получишь сполна все свои пятьсот.

Подшел крестьянин к дверям, а стража ему и говорит:

— Ты рассмешил королеву и получишь за это что-нибудь подходящее.

— Да,— ответил крестьянин,— думаю, что мне пятьсот отсчитают.

— Послушай,— говорит солдат,— уступи мне из них толику! Что тебе со всеми деньгами делать?

— Уж я для тебя,— говорит крестьянин,— го-

тов уступить двести. Приходи через три дня к королю и попроси, чтоб он тебе выплатил.

А стоял вблизи какой-то меняла и разговор тот слышал, подбежал он к крестьянину, схватил его за куртку и говорит:

— Вот чудо господне, какой вы, однако, счастливец! Я вам деньги обменяю, готов дать мелочью, ведь что вам с целыми талерами делать?

— Маушель,— сказал крестьянин,— да я тебе дам целых триста, только дай мне сейчас мелочь, а спустя три дня король за это с тобой рассчитается.

Обрадовался меняла такому барышу, принес все деньги в потертых грошах, а за три таких гроша давали два новеньких.

Прошло три дня, явился крестьянин, согласно приказу, к королю.

— Снимите с него куртку,— сказал король,— сейчас он получит свои пятьсот.

— Ах,— сказал крестьянин,— да они уж мне не принадлежат: двести я подарил страже, а триста мне один меняла обменял, — от королевства мне ничего не причитается.

В это время входят солдат и меняла и требуют то, что посулил им крестьянин; и получил каждый из них ровно по столько же ударов. Солдат перенес это терпеливо, он уже не раз это пробовал, но меняла жалобно завопил:

— Ой, ой, ой, да разве же это звонкие талеры?

Рассмешил крестьянин короля, поостыл у того гнев, и он сказал:

— Так как ты награду свою потерял прежде, чем успел ее получить, то я дам тебе взамен нее вот что: ступай ко мне в казначейство да набери себе там золота, сколько хочешь.

Крестьянин не заставил себя долго упрашивать и набил себе полные карманы, сколько туда влезло. Потом он пошел в харчевню и стал свои деньги считать. А меняла шел за ним следом и слышал, как крестьянин ворчал про себя:

— Вот король-то мошенник какой, здорово меня надул! Если бы он выдавал мне деньги сам, то я знал бы по крайней мере, что имею, а теперь откуда мне знать, правильно ли то, что я наугад себе сунул в карман!

— Спаси господи,— сказал про себя меняла,— он говорит непочтительно о нашем короле, побегу-ка я донесу ему об этом и получу за это награду, а его вдобавок еще и накажут.

Услыхал король про такие речи крестьянина, разгневался и велел позвать менялу и привести с собой грешника. Побежал меняла к крестьянину:

— Вы, — говорит,— должны явиться тотчас к королю, вот так, в чем стоите.

— Я уж лучше знаю, как подобает,— ответил крестьянин,— сперва велю пошить себе новую куртку; ты думаешь, что человек, у которого столько денег в кармане, может явиться в старой, поношенной куртке?

Понял меняла, что крестьянина без новой куртки не увести, а он боялся, что гнев у короля пройдет, а итти-то ведь за наградой ему, а крестьянину за наказаньем, — вот и говорит он:

— Я готов вам по дружбе одолжить на короткое время прекрасный камзол. Уж чего не сделает человек из любви к ближнему!

Это крестьянину понравилось, он надел камзол менялы и пошел с ним вместе. Сообщил король крестьянину про злые его речи, о которых донес ему меняла.

— Эх,— сказал крестьянин,— что говорит меняла, то всегда бывает неправдой, от него ни одного верного слова не дождешься. Вот он станет еще утверждать, что я и камзол его надел.

— А что ж,— крикнул меняла,— разве камзол не мой собственный? Разве не одолжил я его вам по дружбе, чтобы вы могли явиться к королю?

Услыхал это король и говорит:

— Одного уж из нас — или крестьянина, или меня, — а меня-ла, наверно, надул, — и он велел в доплату ему отсчитать еще звонких талеров. А крестьянин воротился домой в новом камзоле и говорит:

— Вот на этот раз ловко сошло.

Чудаковатый музыкант

Жил-был однажды на свете чудаковатый музыкант. Шел он раз по лесу один-одинешенек и раздумывал о всякой всячине; но когда ему думать было уж не о чем, он молвил про себя:

— Время в лесу тянется медленно, надо бы себе подыскать доброго товарища.

Он взял скрипку, которая висела у него за спиной, и стал на ней наигрывать что-то веселое, да так, что было слышать по всему лесу.

Вскоре выбежал из лесной чащи волк.

— А-а, вот и волк явился! Его-то я меньше всего хотел бы видеть, — сказал музыкант.

Но волк подступил ближе и говорит ему:

— Ох, милый музыкант, как ты, однако, хорошо играешь! Так и я бы непрочь научиться.

— Этому делу недолго обучиться, — ответил ему музыкант, — только ты должен исполнить все, что я тебе велю.

— О-о, музыкант, — сказал волк, — я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Музыкант велел ему идти вслед за собой. Вот прошли они часть дороги вместе, подошли к старому дубу; и было внутри него душло, а посредине дерево было расщеплено.

— Смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то заложь передние лапы в расщелину.

Волк послушался, а музыкант тем временем быстро поднял с земли камень и загнал волку обе лапы в расщелину, да так крепко, что тот оказался в ловушке и нельзя ему было и пошевелиться.

— А теперь жди меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и пошел своей дорогой дальше.

Прошло ни много ни мало времени, и говорит музыкант опять про себя: «Здесь в лесу время тянется долго, надо бы себе раздобыть другого товарища». Он взял свою скрипку и заиграл на весь лес. Вскоре, пробиваясь через заросли, явилась лиса.

— Ах, вот и лиса явилась! — сказал музыкант. — Но видеть ее у меня нет особой охоты.

А лиса подошла к нему и говорит:

— Ой, милый музыкант, как ты прекрасно играешь! Так бы и мне тоже хотелось научиться.

— Что ж, научиться этому можно быстро, — сказал музыкант, — только ты должна исполнять всё, что я тебе велю.

— О музыкант, — ответила лиса, — я буду тебя слушаться, как ученица своего учителя.

— Ступай за мной, — сказал музыкант.

Вот прошли они часть пути и подошли к тропе, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, пригнул с одной стороны орешничек до самой земли, наступил на его верхушку ногой, а с другой стороны нагнул другое деревцо и говорит:

— Ну, что ж, лисонька, ежели ты чему-нибудь хочешь научиться, то протяни-ка мне свою левую переднюю лапу.

Лиса послушалась, — и музыкант привязал ее лапу к левому стволу дерева.

— А теперь, лисонька, — сказал он, — протяни мне правую, — и привязал лапу к правому стволу дерева. Потом он посмотрел, прочно ли завязаны узлы, и отпустил лису; и вот поднялись деревья вверх и подбросили лисичку высоко-высоко; она повисла в воздухе и стала трепыхаться.

— А теперь дожидайся меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

И опять говорит про себя: «Время в лесу тянется медленно; надо бы мне найти себе другого товарища». Он взял свою скрипку, и разнеслись звуки по всему лесу. Вот прискакал к нему зайчик.

— Ах, зайчик явился! — сказал музыкант. — А я-то его и не звал.

— Ох, милый музыкант, — сказал зайчик, — как ты прекрасно играешь на скрипке, хотел бы и я научиться так играть.

— Этому делу быстро можно научиться, — сказал музыкант, — только ты должен делать все, что я тебе велю.

— О музыкант, — ответил зайчик, — я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Прошли они часть дороги вместе, подошли к лесной поляне; а стояла там осина. Привязал музыкант зайчику на шею длинную бечевку, а другой конец прикрепил к дереву.

— Ну, зайчик, а теперь беги-ка двадцать раз вокруг дерева, — крикнул музыкант.

Зайчик послушался, обежал двадцать раз вокруг осины, и двадцать раз обкрутилась бечевка вокруг ствола, и зайчик был пойман; и как ни тянул он и ни грыз бечевку, она только больше и больше врезалась в его нежную шею.

— А теперь дожидайся, пока я назад вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

А волк тем временем всё дергался, тянул, кусал камень и трудился до тех пор, пока не высвободил лап и не вытащил их из расщелины. Разгневанный, разъяренный, он кинулся вслед за музыкантом и решил его разорвать. Увидела лиса бегущего волка, начала выть и завопила во все горло:

— Братец мой волк, ступай ко мне на помощь, меня музыкант обманул!

Нагнул волк деревья, перегрыз веревки и освободил лису; и отправились они вместе, чтоб отомстить музыканту. Они нашли привязанного зайчика, освободили его тоже, а потом все вместе кинулись на поиски своего врага.

А музыкант, идя по дороге, заиграл опять на своей скрипке, но на этот раз ему повезло больше. Его игру услышал один бедный дровосек, и он невольно бросил свою работу и пришел с топором в руке, чтобы послушать музыку.

— Наконец-то явился ко мне настоящий товарищ, — сказал музыкант, — ведь я-то искал человека, а не диких зверей.

И он начал играть на скрипке, и играл так прекрасно и с таким мастерством, что бедняк стоял, как зачарованный, и сердце у него ширилось от радости. И когда он стоял, явились волк, лиса и зайчик; и заметил дровосек, что они замышляют что-то недоброе. Поднял тогда дровосек свой острый то-

пор и стал впереди музыканта, словно желая этим сказать: «Кто посмеет его тронуть, берегись, — тому придется дело иметь со мной!» Испугались тогда звери и убежали назад в лес, а музыкант сыграл дровосеку еще раз, в знак благодарности, и пошел себе дальше.

Двенадцать братьев

Жили когда-то король и королева; они жили между собой в мире и согласии, и было у них двенадцать детей, но всё одни только мальчики. Вот и говорит раз король своей жене:

— Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то двенадцать мальчиков надо будет убить, чтобы у нее и богатства было больше и чтобы ей одной досталось все королевство.

И велел король сделать двенадцать гробов, наложить в них стружек, и лежало в каждом по маленькой подушечке; эти гробы были поставлены в потайной комнате, а ключ от нее он отдал королеве и велел ей никому о том не рассказывать.

И сидела мать день-деньской такая грустная и печальная, что младший ее сын, бывший всегда при ней неотлучно, которого она назвала, по-библейски, Вениамином, стал ее спрашивать:

— Милая матушка, отчего ты такая печальная?

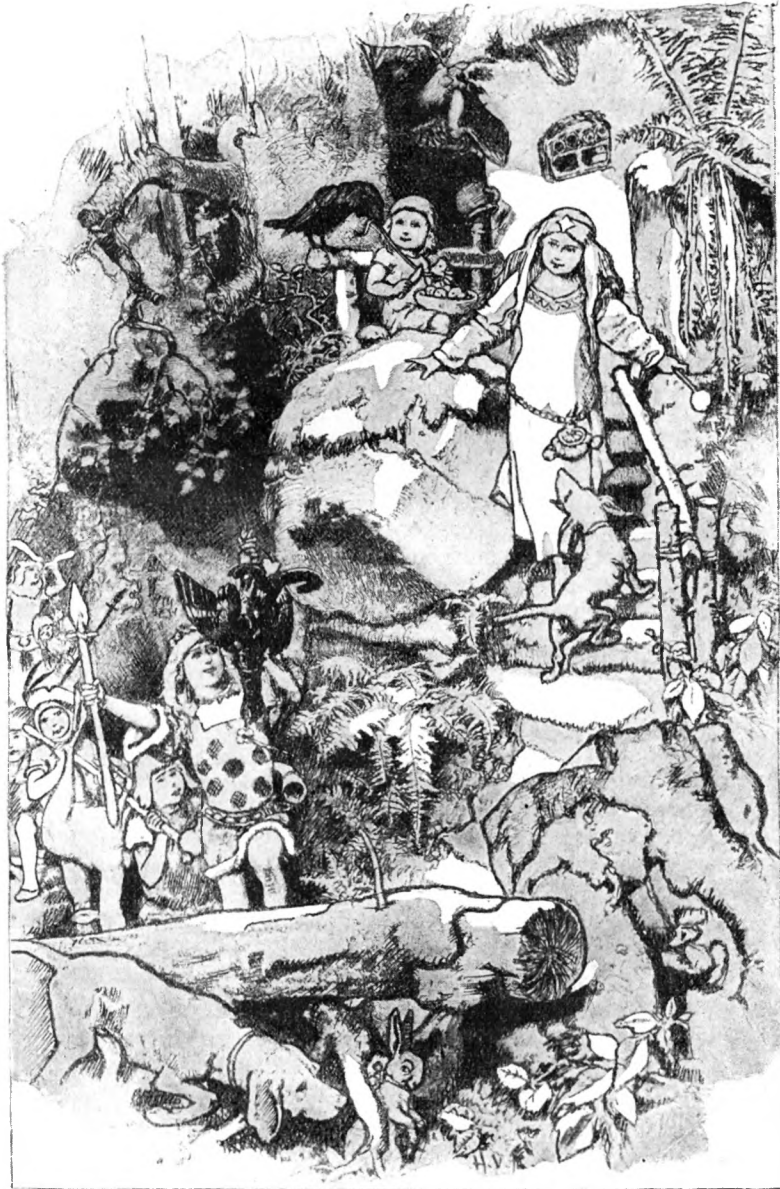
— Милое дитяtko, — ответила она, — я об этом сказать тебе не могу. — Но он не давал ей покоя, пока она не пошла и не открыла комнату и не показала ему двенадцать готовых и наполненных стружками гробов. И сказала она:

— Мой милый Вениамин, эти гробы твой отец велел приготовить для тебя и твоих одиннадцати братьев. Если у меня родится на свет девочка, то все вы будете убиты и в них похоронены.

Она рассказывала ему об этом со слезами на глазах, а сын ее утешал и говорил:

— Не плачь, милая матушка, мы что-нибудь да придумаем и отсюда уйдем.

— Уходи вместе со своими одиннадцатью братьями в лес, пускай кто-нибудь из вас взберется на самое высокое дерево и все время стоит там на страже и смотрит на башню нашего замка. Если родится у меня сыночек, я подыму белый флаг, — и вы можете тогда вернуться; а родится у меня дочка, я подыму красный флаг, — тогда вы убегайте как можно быстрее, и да хранит вас господь бог. Каждую ночь я буду вставать и за вас

молиться: зимой — чтобы вы согрелись где-нибудь у костра, а летом — чтобы не погибли от зноя.

Она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Каждый из них стоял по очереди на страже на высоком дубу и глядел на замковую башню.

Так прошло одиннадцать дней, и настал черед стоять на страже Вениамину; и увидел он, что поднят на башне флаг; но флаг был не белый, а красный как кровь, и он предвещал, что всем им придется погибнуть. Услыхав об этом, братья разгневались и сказали:

— Неужто мы должны погибнуть из-за какой-то девочки! Поклянемся за это отомстить! Где только ни встретим мы девочку, пусть прольется ее красная кровь!

Затем они двинулись дальше, в самую чащу лесную, туда, где было еще темнее и глуше; и нашли они там небольшую заколдованную избушку, и она стояла пустая. И они сказали:

— Мы поселимся здесь; ты, Вениамин, как самый младший и самый слабый, будешь оставаться дома и вести хозяйство, а мы будем ходить на охоту и добывать пищу.

И они ходили в лес, били зайцев, диких косуль, птиц и голубей — всё, что в пищу годилось, и приносили домой свою добычу Вениамину, и он должен был готовить еду, чтобы они не голодали. И прожили они в той избушке целых десять лет, и время пролетело совсем незаметно.

А дочь, которую родила королева, за это время успела вырасти; была она сердцем добрая, лицом красивая, и была на лбу у нее золотая звезда.

Однажды в замке стирали белье, и она заметила двенадцать мужских рубашек и спросила у матери:

— Чьи это рубашки, на отца ведь они слишком малы?

Ответила ей мать с тяжелым сердцем:

— Милое дитя, это рубашки твоих двенадцати братьев.

Девушка спросила:

— А где же мои двенадцать братьев, я никогда о них ничего не слыхала.

— Бог весть, где странствуют они теперь по свету, — ответила мать и привела дочь к потайной комнате, открыла ее и показала ей двенадцать наполненных стружками гробов и маленькие подушечки.

— Эти гробы, — сказала она, — были приготовлены для твоих братьев, но они тайно ушли из замка, когда ты родилась, — и она рассказала ей, как все это произошло.

Девушка сказала:

— Не плачь, милая матушка, я пойду и разыщу своих братьев.

Она взяла двенадцать рубашек и ушла. Попала она как раз в тот самый дремучий лес. Шла она целый день и под вечер подошла к заколдованной избушке. Она вошла и увидела там мальчика, он спросил у нее:

— Ты откуда пришла и куда идешь? — Он удивился, что она такая красивая, что на ней королевское платье, а на лбу золотая звезда.

— Я королева, — ответила она, — ищу своих двенадцать братьев и буду искать их повсюду на свете, где есть только синее небо, пока не найду их.

И она показала ему двенадцать рубашек, которые принадлежали ее братьям. И понял тогда Вениамин, что это его сестра, и сказал:

— Я твой младший брат Вениамин.

Она от радости заплакала, и Вениамин тоже, и стали они целовать и обнимать друг друга. И он сказал:

— Милая сестрица, я должен тебя предупредить, что мы с братьями поклялись убивать всякую девушку, какую встретим, потому что из-за девушки мы должны были покинуть свое королевство.

— Что ж, я охотно умру, — сказала она, — если этим смогу спасти своих двенадцать братьев.

— Но я не хочу, — ответил он, — чтобы ты умерла; спрячься вот в этот чан, пока не придут одиннадцать братьев, а я уж как-нибудь их отговорю.

Она так и сделала. Когда наступила ночь, братья вернулись с охоты, и был готов для них ужин. Они сели за стол, начали есть, и спрашивают Вениамина:

— Ну, какие у тебя новости?

— А разве вы ничего не знаете? — сказал Вениамин.

— Нет, — ответили они.

А он продолжал:

— Вы были в лесу, а я оставался дома, но знаю больше, чем вы.

— Так расскажи нам.

— Хорошо, — сказал он, — только пообещайте мне, что первую девушку, какую мы встретим, убивать не станем.

— Да, — воскликнули они, — мы ее помилуем, только расскажи нам всё.

И он сказал:

— А наша сестра здесь.

Он поднял чан, и вот вышла оттуда королева в своей королевской одежде, с золотой звездой на лбу; и была она так прекрасна, нежна и мила. Они все обрадовались, кинулись к ней на шею, стали ее целовать и полюбили ее от всего сердца.

И осталась она вместе с Вениамином в избушке и стала помогать ему по хозяйству. Одиннадцать братьев ходили в лес, ловили диких косуль, птиц и голубей, чтобы было что есть, а сестра с Вениамином готовили пищу. Она ходила собирать хворост, чтобы было на чем варить еду, а вместо овощей собирала разные травы и ставила в печь горшки, чтобы к приходу одиннадцати братьев приготовить им ужин. Она следила в избушке за чистотой и порядком, убирала постельки, чтобы были они чистые и свежие; и братья были всегда довольны и жили с ней все очень и очень дружно.

Однажды Вениамин вместе с сестрой приготовили прекрасный обед, и когда все собрались, они сели за стол, ели и пили и были радостные и веселые.

Но рядом с заколдованною избушкой был маленький садик, и росло в нем двенадцать лилий, что зовутся также «студентами»; и вот захотелось ей сделать братьям приятное, она сорвала двенадцать лилий, чтоб подарить каждому брату после обеда по цветку. Но только сорвала она лилии — и вмиг обратились двенадцать братьев в двенадцать воронов; они поднялись над лесом и улетели, а заодно исчезли избушка и сад.

И осталась бедная девушка одна-одинешенька в диком лесу. Огляделась она, видит — стоит перед ней старуха и говорит:

— Что ж ты, дитятко мое, наделала? Зачем сорвала двенадцать белых лилий? Это ведь были твои братья, теперь они навек обращены в воронов.

Начала девушка, плача, ее спрашивать:

— А нет ли какого средства их спасти?

— Нет,— сказала старуха,— есть одно средство на свете, но это так трудно, что спасти их ты все равно не сможешь: надо целых семь лет молчать, нельзя ни смеяться, ни говорить; а если ты вымолвишь хоть одно слово или до исполнения срока недостанет хотя бы одного часа, то все тогда пропадет, и одно твое слово убьет твоих братьев.

Подумала девушка: «Я знаю наверняка, что освобожу своих братьев». И она пошла, разыскала высокое дерево, взобралась на него и начала прясть там пряжу; она не говорила и не смеялась.

И случилось так, что охотился на ту пору как раз в этом самом лесу король, и была у него большая борзая; подбежала она к дереву, на котором сидела девушка, и стала вокруг него прыгать, визжать и лаять. Подъехал король к дереву, увидел прекрасную королеву с золотой звездой на лбу и был так восхищен ее красотой, что спросил ее, не хочет ли она стать его женой. Она ничего не ответила, только слегка головой кивнула. Тогда он взобрался на дерево, снял ее оттуда, посадил на

коня и привез к себе домой. И они отпраздновали на радостях пышную свадьбу. Но невеста не говорила ни слова и не смеялась.

Вот прожили они уже вместе два года в радости и довольстве, и начала тогда мать короля, — а была она женщина злая, — клеветать на молодую королеву; и сказала она однажды королю:

— Да ведь это простая нищенка, которую ты привез с собой, и почем знать, какими злыми делами она занимается втайне от тебя. Если она немая, то могла бы хоть раз засмеяться; а кто никогда не смеется, совесть у того нечиста.

Король верить этому сначала не хотел, но старуха все настаивала на своем, обвиняла королеву в разных недобрых делах и, наконец, короля убедила; и вот он приговорил ее к смерти.

Уже развели во дворе большой костер, на котором должны были ее сжечь. И стоял король на башне у окна и смотрел со слезами на глазах: он попрежнему крепко любил королеву. Вот привязали ее к столбу, и стал огонь уже лизать красными языками ее одежду, — и случилось это как раз в тот миг, когда минуло семь лет. И вдруг послышался в воздухе шум крыльев, — прилетели двенадцать воронов и опустились на землю; и только коснулись они земли, как снова обернулись двенадцатью братьями, которых она спасла. Они разбросали огонь, потушили пламя, освободили свою любимую сестру и стали ее целовать и прижимать к сердцу.

И теперь, когда она могла уже заговорить, она рассказала королю, почему она все время молчала и никогда не смеялась.

Узнав, что она ни в чем не повинна, король обрадовался, и стали все жить да поживать в согласии до самой смерти. А злую свекровь привели на суд и посадили ее в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и погибла она лютою смертью.

Всякий сброд

Сказал петушок курочке:

— Сейчас самая пора, когда поспевают орехи. Давай-ка отправимся с тобой на гору и хоть разок да наедемся досыта, пока их не утащила белка.

— Хорошо — говорит курочка, — пойдем, давай вместе с тобой полакоимся.

И пошли они вместе на гору, — а было еще совсем светло, — и остались там до самого вечера. Ну, я уж не знаю, то ли наелись они догвала, то ли так возгордились, но, коротко говоря, не захотели домой пешком возвращаться. И вот сделал петушок из ореховой скорлупы возок. Когда возок был готов, курочка села в него и говорит петушку:

— А ты впрягайся и вези меня.

— Да что ты придумала? — сказал петушок. — Нет, уж лучше я пешком домой пойду, а впрягаться не стану, такого уговора у нас не было. Я, пожалуй, согласен сидеть за кучера на козлах, но тащить возок на себе — это дело никак не пойдет.

Спрячут они между собой, а в это время закрикала на них утка:

— Эй вы, воры, кто это вам дозволил на моей горе по орешнику лазить? Погодите, плохо вам придется! — и с разинутым клювом она стала подступать к петушку.

Но и петушок, не будь ленив, клюнул крепко утку и ударил ее своими шпорами, да так сильно, что стала она просить пощады; и вот в наказание пришлось ей впрячься в возок.

Сел петушок вместо кучера на козлы и стал ее погонять:
— Но-о, утка, беги поживей!

Проехали они немного и повстречали по пути двух пешеходов: булавку и иголку. И кричат они: «Стой, стой!», и говорят, что скоро, мол, стемнеет и станет так темно, что хоть глаз выколи, и тогда уж им не двинуться дальше; что дорога-де очень грязна, так нельзя ли им будет подсесть на возок; говорят, что были они у ворот портновской харчевни, да задержались: пиво распивали.

Видит петушок, что людишки они худые, много места не займут, вот и позволил им влезть на возок, но взял с них зарок, что они не будут наступать на ноги ни ему, ни курочке.

Поздно вечером прибыли они в гостиницу, а так как ночью ехать они не пожелали, да и утка к тому же все ноги себе пообтоптала — еле с ноги на ногу переваливалась, то заехали они туда на ночлег. Хозяин сначала не хотел было их пускать: дом-де весь полон гостей и места свободного нету, но потом подумал, что люди они, мол, незнатные, речи ведут приятные, а яйца ему были нужны — их снесла по дороге курочка, да и утку можно будет у себя придержать — она тоже неслась каждый день, — вот и согласился он, наконец, пустить их на ночлег. Велели они подать себе ужин и зажили припеваючи.

А наутро, чуть свет, когда все еще спали, разбудил петух курочку, взял яйцо, надклевал его, и съели они его вдвоем, а скорлупу бросили в горящую печь. Потом подошли к иголке, — та еще спала, — взяли ее за ушко и воткнули в подушку хозяйского кресла, а булавку — в полотенце, а сами взяли и улетели в поле, ни слова никому не сказавши.

Утка, та любила спать на свежем воздухе и осталась потому во дворе; вдруг слышит — летят они, шумят крыльями, и тоже спохватилась, нашла какой-то ручеек и поплыла вниз по течению, — да куда быстрее, чем когда тащила возок.

А часа через два вылез хозяин из-под своей пуховой перины, умылся и хотел было вытереть себе лицо полотенцем, но булавка как царапнет его по лицу, так и оставила красную полосу от уха до уха. Пошел он тогда на кухню, хотел было раскурить трубку, подходит к печи, а тут как прыгнут ему в глаза яичные скорлупки.

— Не везет мне нынче с утра, — сказал он, раздосадованный, и сел в дедовское кресло, но как подскочит вверх, как завопит:

— Ой-ой-ой!

Но иголка, та была похитрей, — уколола его не в голову. Тут он и совсем рассердился, стал подозревать во всем своих гостей, прибывших вчера так поздно вечером; он пошел посмотреть, где они, а их уж и след простыл.

И поклялся он тогда больше не пускать к себе в дом всякий сброд: ест он много, да мало платит, да еще вместо благодарности всякими проделками занимается.

Братец и сестрица

Взял братец сестрицу за руку и говорит:

— С той поры, как мать у нас умерла, нету нам на свете радости: каждый день нас мачеха бьет, а когда мы к ней подходим, толкает нас ногами. И едим мы одни лишь сухие корки, что от стола остаются; собачонке и то под столом лучше живется, — ей бросит она иной раз хороший кусок. Боже мой, если б узнала о том наша мать! Давай уйдем вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету.

И они ушли из дому. Целый день брели они по лугам, по полям, по горам; а когда пошел дождь, сестрица сказала:

— Это плачут заодно и господь и наши сердца!

Под вечер зашли они в дремучий лес и так устали от голода, горя и долгого пути, что забрались в дупло дерева и уснули.

Они проснулись на другое утро, когда солнце стояло уже высоко на небе и своими лучами горячо прогревало дупло. И сказал тогда братец:

— Сестрица, мне хочется пить, — если б знать, где тут ручеек, я бы пошел напиться. Мне кажется, где-то вблизи журчит вода.

Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеек. Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась за ними тайком, как умеют это делать ведьмы, и заколдовала все родники лесные. И вот, когда они нашли родничок, что прыгал, сверкая, по камням, и захотел братец из него напиться, услышала сестрица, как родничок, журча, говорит:

— Кто из меня напьется, тот тигром обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из него воды, а не то диким зверем обернешься и меня разорвешь.

Братец не стал пить из этого родничка, хотя ему очень хотелось, и сказал:

— Я потерплю, пока найдем другой родничок.

Пришли они к другому роднику, и услышала сестрица, что и этот тоже говорил:

— Кто из меня напьется, тот волком обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из этого родника, а не то обернешься волком и меня съешь.

Братец не стал пить и сказал:

— Я подожду, пока мы придем к другому роднику, — вот уж тогда я напьюсь, что бы ты мне ни говорила: мне очень хочется пить.

Пришли они к третьему роднику. Услышала сестрица, как он, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, диким козлом обернется! Кто из меня напьется, диким козлом обернется!

Сестрица сказала тогда:

— Ах, братец, не пей ты, пожалуйста, воды из этого

родника, а не то диким козлом обернешься и в лес от меня убежишь.

Но братец стал у ручья на колени, нагнулся и напился воды. И только коснулись первые капли его губ, как сделался он вмиг диким козленком.

Заплакала сестрица над своим бедным заколдованным братцем, и козлик тоже заплакал; и сидел он рядышком с нею и был такой грустный-грустный. И сказала девочка:

— Успокойся, мой миленький козлик, я тебя никогда не оставлю.

И она сняла свою золотую подвязку, надела ее на шею козлику, нарвала осоки и сплела из нее мягкую веревку. Она привязала козлика за веревку и повела его вместе с собой дальше и шла всё глубже и глубже, в самую чащу лесную.

Шли они долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке. Заглянула девочка в избушку — видит: она пустая. И подумала девочка: «Вот здесь можно будет и поселиться». Она собрала для козлика листья и мох, сделала ему мягкую подстилку и каждое утро выходила собирать разные корни, ягоды и орехи; и приносила козлику мягкой травы и кормила его с рук, и был козлик доволен и весело прыгал около нее. К вечеру, когда сестрица уставала, она читала молитву, клала свою голову на спину козлику — была она ей вместо подушки — и засыпала. И если бы можно было вернуть братцу его человеческий образ, то что за чудесная жизнь была бы у них!

Вот так и жили они одни в лесной чаще некоторое время. Но случилось, что как раз на ту пору затеял король в этом лесу большую охоту. И трубили среди леса охотничьи рога, раздавался собачий лай, веселый пóсвист и улюлюканье егерей.

Козлик все это слышал, и захотелось ему побывать на охоте.

— Ах, — сказал он сестрице, — отпусти меня в лес на охоту, я долгие вытерпеть не в силах. — И он долго ее упрашивал, пока, наконец, она согласилась.

— Но смотри, — сказала она ему, — к вечеру возвращайся. От недобрых охотников дверь в избушке я запру, а чтоб я тебя узнала, ты постучись и скажи: «Сестрица, впусти меня», а если ты так не скажешь, то дверь я тебе не открою.

Вот выскочил козлик в лес, и было ему так приятно и весело гулять на привольи! Только увидел король со своими егерями красивого козлика, пустились они за ним в погоню, но нагнать его не могли; они думали, что вот-вот поймают его, а он скакнул в густую заросль и пропал у них на глазах.

Между тем стало уже смеркаться. Подбежал козлик к избушке, постучался и говорит:

— Сестрица,пусти меня.— И открылась перед ним маленькая дверь, вскочил козлик в избушку и отдышал всю ночь на мягкой подстилке.

На другое утро охота началась снова; и когда козлик слышал большой охотничий рог и улюлюканье егерей, он забеспокоился и сказал:

— Сестрица,открой дверь,пусти меня в лес погулять.

Открыла сестрица дверь и сказала:

— Но к вечеру,смотри,возвращайся и скажи: «Сестрица,пусти меня».

Как увидел король со своими егерями опять козлика с золотой повязкой на шее, все помчались за ним в погоню, но козлик был очень проворен и быстр. Гонялись за ним егеря целый день напролет и только к вечеру его окружили. Один из них ранил его в ногу, начал козлик прихрамывать, не смог бежать так быстро, как прежде. Тогда прокрался за ним следом один из егерей до самой избушки и услышал, как козлик говорил: «Сестрица,пусти меня!» — и видел, как дверь перед ним отворилась и тотчас закрылась опять. Охотник все это хорошо заметил, гернулся к королю и рассказал о том, что видел и слышал. И сказал король:

— Завтра еще раз выедем на охоту.

Сильно испугалась сестрица,увидев,что ее козлик ранен. Она обмыла ему кровь,приложила к ране разные травы и сказала:

— Ступай полежи.милый мой козлик,и рана твоя заживет.

Но рана была небольшая,и наутро у козлика и следа от нее не осталось.И когда он услышал в лесу опять веселые звуки охоты,он сказал:

— Невмочь мне дома сидеть,хочу погулять я в лесу;меня никто не поймает,не бойся.

Заплакала сестрица и сказала:

— Нет, уж теперь они тебя убьют, и останусь я здесь одна в лесу, покинута всеми. Нет, не пущу я тебя нынче в лес.

— А я здесь тогда от тоски погибну,— ответил ей козлик.— Как заслышу я большой охотничий рог, так ноги сами и бегут у меня.

Что тут было делать сестрице? С тяжелым сердцем она открыла ему дверь, и козлик, здоровый и веселый, ускакал в лес.

Увидел его король и говорит егерям:

— Уж теперь гоняйтесь за ним целый день до самой ночи, но смотрите, чтоб никто из вас его не ранил.

И вот, только солнце зашло, говорит король егерю:

— Ну, ступай покажи мне эту лесную избушку.

Тогда он подошел к маленькой двери, постучался и сказал:

— Дорогая сестрица,пусти меня.

Открылась дверь, и король вошел в избушку; видит — стоит там девушка красоты несказанной. Испугалась девушка, увидав, что это вошел не козлик, а какой-то чужой человек, и на голове у него золотая корона. Но король ласково на нее поглядел, протянул ей руку и сказал:

— Хочешь, пойдем со мной в замок, и будешь ты моей милой женой.

— Ах, я согласна, — ответила девушка, — но козлик должен идти со мной, я его никогда не оставлю.

— Хорошо, — сказал король, — пускай он останется на всю жизнь при тебе, и будет ему всего вдосталь.

А тут подскочил и козлик; и сестрица привязала его за веревку из осоки и вывела из лесной избушки.

Посадил король девушку на коня и привез ее в свой замок; там отпраздновали они свадьбу с большой пышностью. Стала она теперь госпожой королевой, и они жили счастливо вместе долгие годы, а козлика холили и кормили, и он прыгал по королевскому саду.

Но злая мачеха, из-за которой детям выпало на долю бродить по свету, решила, что сестрицу разорвали, пожалуй, в лесу дикие звери, а козлик убит охотниками. Когда она услышала, как они счастливы и что живется им так хорошо, в сердце у нее зашевелились зависть и злоба, и они не давали ей покоя, и она думала только о том, как бы опять накликасть на них беду.

А была ее родная дочка уродлива, как темная ночь, и была она одноплаздой. Стала она попрекать свою мать:

— Ведь стать королевой полагалось бы мне.

— Ты уж помолчи, — сказала старуха и стала ее успокаивать: — придет время, я все сделаю, что надо.

Прошел срок, и родила королева на свет прекрасного мальчика; а на ту пору был король как раз на охоте. Вот старая ведь-

ма приняла вид королевской служанки, вошла в комнату, где лежала королева, и говорит больной:

— Королева, идите купаться, уж ванна готова, купанье вам поможет и прибавит сил; идите скорей, а то вода остынет.

Ведьмина дочь была тут же рядом; и отнесли они ослабевшую королеву в ванную комнату, опустили ее в ванну, заперли дверь на ключ, а сами убежали. Но они развели в ванной такой адский огонь, что молодая красавица-королева должна была вот-вот задохнуться.

Сделав это, старуха взяла свою дочку, надела на нее чепец и уложила ее в постель вместо королевы. И сделала она ее похожей на королеву, только не могла она приставить ей второй глаз. Но чтоб король этого не заметил, пришлось ее положить на ту сторону, где у нее не было глаза.

Воротился вечером король домой и, услышав, что королева родила ему сына, сильно обрадовался, и ему захотелось пойти проведать свою любимую жену и поглядеть, что она делает. Но старуха закричала:

— Ради бога, задвиньте скорей полог, королеве смотреть на свет еще трудно, ее тревожить нельзя.

Король вернулся назад, не зная о том, что в постели лежит самозванная королева.

Наступила полночь, и все уже спали; и вот увидела мамка, сидевшая в детской у колыбели, — она одна только в доме не спала, — как открылись двери и в комнату вошла настоящая королева. Она взяла на руки из колыбели ребенка и стала его кормить грудью. Потом она взбила ему подушечку, уложила его опять в колыбельку и укрыла одеяльцем. Но не забыла она и про козлика, заглянула в угол, где он лежал, и погладила его по спине. Потом она тихонько вышла через дверь; мамка на другое утро спросила стражу, не заходил ли кто ночью в замок, но сторожа ответили:

— Нет, мы никого не видали.

Так являлась она много ночей подряд и ни разу при этом не обмолвилась словом. Мамка каждый раз ее видела, но сказать о том никому не решалась.

Так прошло некоторое время, но вот однажды королева ночью заговорила и молвила так:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Явлюсь я дважды и не вернусь домой.

Мамка ей ничего не ответила, но когда королева исчезла, мамка пришла к королю и обо всем ему рассказала. Король сказал:

— Ах, боже мой, что же это значит? Следующую ночь я сам буду сторожить возле ребенка.

Он пришел вечером в детскую, а в полночь явилась опять королева и сказала:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Приду я однажды и не вернусь домой.

И она ухаживала за ребенком, как делала это всегда, а потом снова ушла. Король не осмелился заговорить с нею, но и следующую ночь он тоже не спал. И она снова спросила:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Теперь уж больше я не вернусь домой.

И не мог король удержаться, он бросился к ней и сказал:
— Значит, ты моя милая жена!

И она ответила:

— Да, я твоя жена, — и в тот же миг по милости божьей она ожила и стала опять здоровой, румяной и свежей, как прежде.

Потом она рассказала королю о злодействе, что совершила над ней злая ведьма вместе со своей дочкой.

Тогда король велел привести их обеих на суд, и был вынесен им приговор. Ведьмину дочь завели в лес, где ее разорвали дикие звери, а ведьму взвели на костер, и ей пришлось погибнуть лютою смертью. И когда остался от нее один только пепел, козлик опять обернулся человеком, и сестрица и братец стали жить да поживать счастливо вместе.

Рапунцель

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребенка, но его все не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый господь исполнит ее желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель¹; был он на вид

¹ Рапунцель — от латинского *garisium* — суреница, из семян которой добывают масло.

такой свежий и такой зеленый, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у нее все с каждым днем возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

— Чего тебе, моя женушка, недостает?

— Ах,— говорит она,— если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зеленого рапунцеля и его не отведать, то остается мне одно — помереть.

Муж очень ее любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для нее рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зеленого рапунцеля и принес его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у нее желанье втрое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покою, пока муж не согласился полезть в сад еще раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

— Как ты смеешь лазить в мой сад, — сказала она, гневно на него поглядев, — и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется.

— Ах,— ответил он,— вы уж меня простите, ведь я решил на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зеленый рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошел, и она сказала ему:

— Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, по при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нем заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на все. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла ее в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом ее верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз.

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдунья, распустит свои косы, подвяжет их вверху к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, — и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проехать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, короткая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья», — и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошел человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронутно ее пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил ее непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, — а был он молодой и красивый, — она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Гётель». — и дала свое согласие и протянула ему руку. Она сказала:

— Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шелка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днем приходила старуха. Колдунья ничего не замечала

до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

— Скажи мне, фрау Гётель, почему мне тебя тащить наверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

— Ах ты, мерзкая девчонка!— крикнула колдунья.— Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула!— И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и — чик-чик!— отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такою безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чащу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо.— Ты хочешь увести свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выпарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать ее тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаяньи выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и все время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашел, наконец, в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошел навстречу ему; и когда подошел он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привел ее в свое королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

Три маленьких лесовика

Жил-был один человек, и умерла у него жена; и жила женщина, и умер у нее муж; была у человека дочь, и у женщины тоже была дочь. Девушки были между собой знакомы и ходили вместе гулять, и захаживали не раз к этой женщине в дом. Вот женщина раз и говорит дочери того человека:

— Послушай, скажи-ка своему отцу, что я хочу выйти за него замуж, и уж будешь ты у меня каждый день в молоке купаться да вино попивать, а дочь моя пусть в воде купается и пьет одну только воду.

Воротилась девушка домой и рассказала отцу то, что ей велела передать женщина. Говорит отец:

— Как же мне быть? Женишься раз, а плачешься век, — оно ведь и радость и горе.

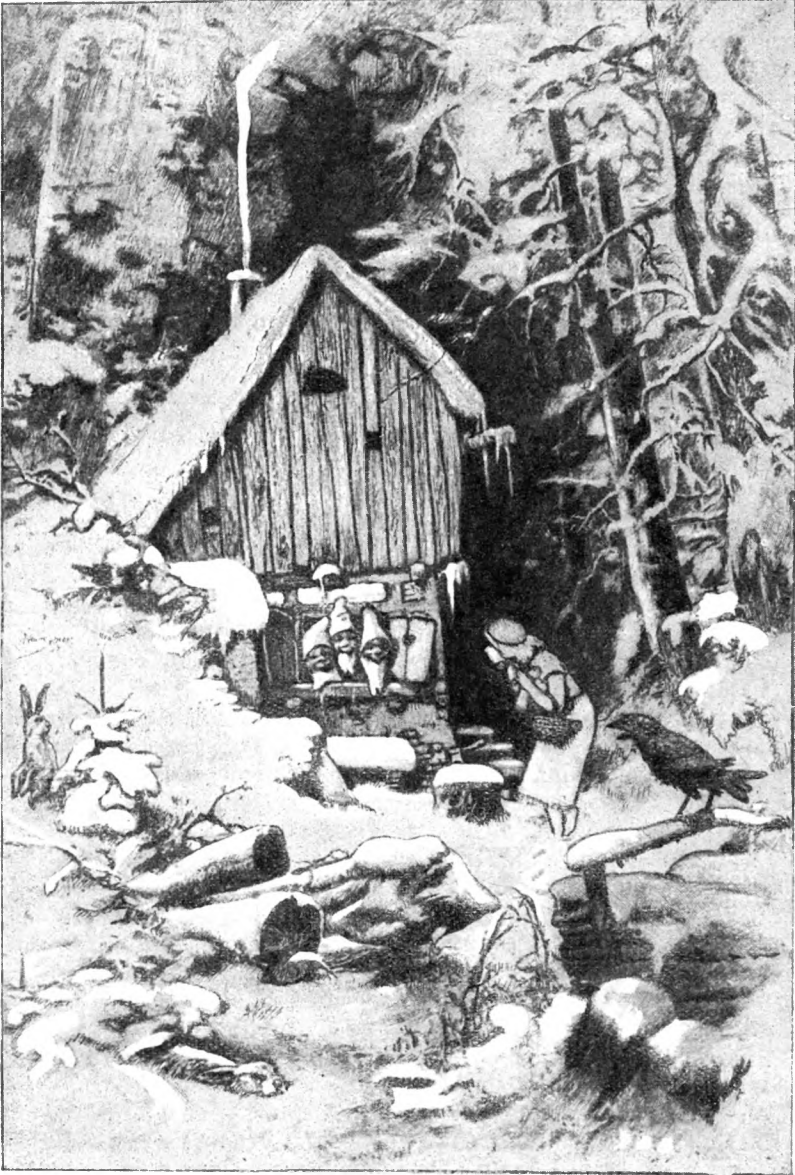
И вот, не зная, как ему поступить, снял он с ноги сапог и говорит:

— Возьми-ка этот сапог — в нем подошва дырявая, отнеси его на чердак, и повесь на большой гвоздь, и налей в сапог воды. Коль вода из него не просочится, то придется мне во второй раз жениться, а просочится — так не стану жениться.

Девушка сделала, как было ей велено; но от воды дыра в сапоге затянулась, и сапог оказался доверху полон воды. Рассказала она о том своему отцу. Вот полез он на чердак и увидел, что дочь говорит правду; пошел к вдове и женился на ней, — тут они и свадьбу сыграли.

На другое утро встали обе девушки, видят — стоит перед отцовой дочкою молоко для мытья и вино для питья, а перед дочкой жены — вода для мытья да вода для питья. На второе утро видят — стоит вода для мытья и вода для питья и перед отцовой дочкой, и перед дочерью жены. А на третье утро — глядь, стоит вода для мытья да вода для питья перед отцовой дочкой, а молоко для

мытья да вино для питья — перед дочерью жены; так пошло оно и дальше.

Невзлюбила мачеха подчерицу и не знала, что бы такое и придумать, чтоб было ей день ото дня и того хуже. А была она к тому же завистлива: ведь падчерица была и мила и красива, а родная ее дочь уродлива и противна.

Однажды зимой, когда наступили лютые морозы и все кругом позамерзло, горы и долины засыпало снегом, сшила мачеха платье из бумаги, подозвала девушку и говорит:

— Надень это платье, ступай в лес да принеси мне полное лукошко земляники: мне хочется ягод поесть.

— Господи, да ведь зимой земляника не растет, — молвила девушка, — земля-то ведь вся промерзла и снегом покрыта. И как пойду я в бумажном платье? На дворе ведь так холодно, что дух захватывает, ветер продует меня насквозь, а колючий терновник разорвет мне платье.

— Ты что это? Перечить мне вздумала? — сказала мачеха. — Ступай живей и не смей мне и на глаза показываться, пока не наберешь полное лукошко земляники.

Она дала ей кусок черствого хлеба и сказала:

— Этого тебе хватит на целый день, — а сама подумала: «На дворе ты замерзнешь и с голоду пропадешь, и никогда назад не вернешься».

Девушка послушалась, надела бумажное платье и вышла из дому с лукошком. А кругом одни только снега да снежные просторы и дали, и ни одного зеленого стебелька не видеть.

Пришла она в лес, видит — стоит маленькая избушка, и выглядывают из нее три маленьких лесовика. Поздоровалась она с ними и робко в дверь постучалась. Они крикнули: «Входи!» — и она вошла в комнату и села на скамейку у печки, — ей хотелось согреться и съесть свой кусок хлеба. А маленькие человечки и говорят:

— Дай и нам кусочек.

— Хорошо, — ответила она и разломилла свой кусок хлеба надвое и отдала им половину. А они потом спрашивают:

— Отчего ты в таком тоненьком платье зимою в лесу?

— Ах, — ответила девушка, — я должна набрать полное лукошко земляники, а без этого мне домой вернуться никак нельзя.

Когда она съела свой кусок хлеба, они дали ей метлу и сказали:

— Теперь подмети снег у черной двери избушки.

Она вышла, а маленькие человечки стали между собой говорить: «Что бы это нам ей такое подарить, ведь она прилежная и ласковая, и хлебом своим с нами поделилась».

И сказал первый из них:

— Я одарю ее тем, что будет она день ото дня становиться все краше.

Второй сказал:

— А я одарю ее тем, что будут у ней изо рта, только скажет онъ слово, падать червонцы.

Сказал третий:

— А я одарю ее тем, что явится король и женится на ней.

Исполнила девушка то, что сказали ей маленькие человечки, промела метлой снег у избушки, — и, как вы думаете, что же она нашла? Спелую землянику! Она пробилась темнокрасной ягодкой из-под снега.

И набрала девушка на радостях полное лукошко; поблагодарила маленьких лесовиков, попрощалась с каждым из них за руку и побежала домой, желая принести мачехе то, что та ей велела.

Воротилась она домой и только сказала «добрый вечер», как тотчас выпал у нее изо рта червонец. Потом она рассказала, что случилось с нею в лесу, и при каждом ее слове падали у ней изо рта червонцы, так что вскоре вся комната была завалена ими.

— Поглядите-ка на это чванство! — закричала ее сводная сестра, — так деньгами и швыряется. — Но втайне она ей позавидовала, и захотелось ей тоже пойти в лес за земляникой.

Мать стала ее отговаривать:

— Нет, милая доченька, на дворе слишком холодно, ты можешь замерзнуть. — Но та все ее упрашивала, и мать, наконец, согласилась, пошла ей роскошную меховую шубку и дала ей на дорогу хлеб с маслом и пирожки.

Отправилась девушка в лес и пошла прямо к той маленькой избушке. Три маленьких человечка, как и в тот раз, выглянули из окошка, но она с ними не поздоровалась и, не глядя на них и не сказав им ни слова, ввалилась в комнату, уселась у печки и начала жевать свой хлеб с маслом и пирожки.

— Дай и нам немножко, — воскликнули маленькие человечки.

Но она им ответила:

— Мне и самой-то нехватит, чего ради буду я еще с другими делиться?

Когда девушка поела, они сказали:

— Вот тебе метла, вымети чисто перед черной дверью.
— Э, да метите вы сами!— ответила она.— Я вам не служанка.— А когда она поняла, что они дарить ей ничего не собираются, она ушла от них.

И стали говорить между собой маленькие лесовики: «Что бы это ей такое подарить за то, что она такая недобрая, и с таким злым, завистливым сердцем, и не хочет делать никому добра?»

Первый сказал:

— Я одарю ее тем, что будет она с каждым днем все уродливей.

Второй сказал:

— Я одарю ее тем, что при каждом слове, что вымолвит она, будет у ней изо рта выскакивать жаба.

А третий сказал:

— А я награжу ее тем, что она умрет лютою смертью.

Стала девушка искать землянику, но не нашла ни одной ягодки и воротилась с досады домой. Только она открыла рот, чтобы рассказать матери, что случилось с нею в лесу, как стало выскакивать у ней изо рта при каждом слове по жабе, и все почувствовали к ней отвращение.

Стала мачеха еще пуще прежнего злиться на свою падчерицу и придумывать, как бы ей досадить, а падчерица становилась с каждым днем все красивей и красивей.

Наконец достала мачеха котел, поставила его на огонь и стала кипятить в нем пряжу. Когда та проварилась, взвалила она пряжу на плечи бедной девушке, дала ей в руки топор и велела идти на речку вырубить в ней прорубь и хорошенько помыть пряжу.

Девушка послушалась, пошла и вырубила во льду прорубь. Но когда она колола лед, подъехала пышная карета, и сидел в ней король. Карета остановилась, и король спросил:

— Дитя мое, ты кто такая и что ты тут делаешь?

— Я бедная девушка, мою пряжу.

Король ее пожалел и, увидев, что она такая красивая, сказал:

— Хочешь, поедем вместе со мной?

— Ах, с большою охотой!— ответила она, обрадовавшись, что ей не придется идти назад к мачехе и сестре.

И она села в карету и поехала вместе с королем. Прибыли они в замок и отпраздновали там пышную свадьбу, и было это ей в награду от маленьких лесных человечков.

Спустя год родила молодая королева сына; и когда мачеха услышала о таком великом счастье, то пришла со своей дочерью в замок, будто желая ее проведать. Но как раз на ту пору король куда-то отлучился и при ней не было никого; тогда схватила злая женщина королеву за голову, а дочка взяла ее за ноги, они подняли ее с постели и бросили через окошко в реку, протекавшую около самого замка. Потом мачеха положила в постель свою уродливую дочь и укрыла ее с головой одеялом.

Воротился король, и захотелось ему поговорить с женой, но старуха закричала:

— Тише, тише, сейчас нельзя, она лежит в сильной испарине, ныне ее надо оставить в покое.

Король, не подозревая ничего дурного, пришел только на другое утро, и когда он заговорил с женой, то при каждом слове выскакивала у нее изо рта жаба, а прежде, бывало, падал червонец. Тогда король спросил, что это значит, и старуха объяснила, что это у нее, дескать, от сильной испарины и что это скоро пройдет.

А в ночи увидел поваренок, как приплыла по водосточной канаве какая-то утка и спросила:

Король, как ты поживаешь?
Бодрствуешь иль поживаешь?

Но когда он ей ничего не ответил, утка спросила:

А как мои гости, сидят?

Ответил ей поваренок:

Нет, они крепко спят.

Стала она тогда спрашивать:

А как родимый сыночек?

И ответил поваренок:

Он спит себе в люльке всю ночь.

И обернулась тогда утка королевой и вошла в замок, поормила ребенка, покачала его в колыбельке, укрыла его и опять

уплыла по канаве. Так являлась она подряд две ночи, а на третью сказала поваренку:

— Ступай и скажи королю, чтоб он взял свой меч и трижды взмахнул им надо мной на пороге.

Побежал поваренок и рассказал о том королю. Явился король и трижды взмахнул мечом над привидением; и только взмахнул в третий раз, вдруг видит — стоит перед ним его жена, жива, здорова и невредима, как была прежде.

И был король в великой радости, но продержал королеву в потайной комнате до воскресенья, когда должны были крестить ребенка. А когда его окрестили, король спросил у старухи:

— Как должно поступить с человеком, который стаскивает кого-нибудь с постели и бросает его в воду?

— Никак иначе, — ответила старуха, — как посадить такого злодея в бочку, утыканную гвоздями, и скатить ее с горы в реку.

И сказал король:

— Ты сама себе вынесла приговор.

И он велел принести бочку, утыканную гвоздями, и посадить в нее старуху с дочкой. Забили бочку наглухо и спустили с горы, и покатила она прямо в реку.

Три пряжи

Жила-была девушка, ленивица да прясть не охотница; и что ей мать ни говорила, а заставить ее работать никак не могла.

Вот, наконец, у матери терпенья не стало, разгневалась она и побила свою дочь, а та и разревелась во-всю. А как раз в это время проезжала мимо королева; услышала она плач, велела остановить карету; вошла в дом и спрашивает у матери, за что та бьет свою дочь так, что слышен крик даже на улице.

Стыдно было женщине рассказывать, что дочка у ней такая ленивая, и она сказала:

— Да вот никак не могу оторвать ее от прялки, у нее все охота прясть да прясть, а мне-то, по бедности, откуда достать столько льна?

И сказала королева:

— Нет для меня ничего приятней, как слышать, когда прядут, и нет ничего мне милее, когда жужжат веретена. Отдайте мне дочь свою в замок, льна у меня достаточно, и пусть себе прядет, сколько ей вздумается.

Мать была этому рада, и королева забрала девушку с собой. Вот прибыли они в замок, повела королева ее наверх и показала три светелки, а набиты они были сверху до низу самым отборным льном.

— Вот этот лен ты мне и перепряди, — сказала она. — Коль управишься с этой работой, я выдам тебя замуж за старшего своего сына. Я не посмотрю на то, что ты девушка бедная, твое усердие будет вместо приданого.

Испугалась девушка: ведь она не могла перепрядь столько льна, даже если бы сидела над пряжей каждый день с утра и до вечера целых триста лет.

Осталась она одна и стала плакать, и просидела так, сложив руки, целых три дня. А на третий день пришла королева и, увидев, что девушка ничего не напярала, удивилась, но та ей объяснила, что не могла начать работать, тоскуя по материнскому дому. Королева этим объяснением удовлетворилась, но, уходя, сказала:

— Ну, завтра, смотри, за работу принимайся.

И осталась девушка опять одна, и, не зная, что ей начать, что и придумать, подошла в горе к окошку. Она увидела, что идут три женщины: и была у одной из них ступня широкая,

а у другой такая толстая нижняя губа, что прямо вся к подбородку свисала, а у третьей был широкий большой палец.

Остановились они у окошка, посмотрели наверх и спросили девушку, чего ей нехватает. Она стала жаловаться на свое горе; и вот предложили они ей помочь и сказали:

— Если ты пригласишь нас на свадьбу и нас стыдиться не будешь, а станешь называть нас своими тетушками и к себе за стол посадишь, то мы весь лен тебе перепрядем, и сделаем это быстро.

— Я буду очень рада, — ответила она, — входите и принимайтесь скорей за работу.

Она впустила трех диковинных женщин и освободила для них место в первой светелке. Они сели и начали прясть. Одна тянула нитку и вертела колесо, другая ее смачивала, а третья сучила и пальцем о стол постукивала, — и падал ворох пряжи наземь, и была пряжа самой тонкой работы. Девушка скрывала от королевы этих трех прях, и когда та приходила, показывала ей целый ворох готовой пряжи, и похвалам королевы не было конца. Когда в первой комнате льна уже нехватало, они перешли во вторую, наконец — в третью, а вскоре и в этой льна больше нехватало.

Потом три женщины попрощались и напомнили девушке:

— Смотри же, не забудь, что нам обещала; и будет тебе счастье!

Девушка показала королеве пустые комнаты и большую грудку пряжи, и та стала готовить ей свадьбу; и радовался жених, что женится на такой искусной и прилежной девушке, и всячески ее расхваливал.

— Есть у меня три тетки, — сказала девушка, — они мне сделали много добра, и я не хотела бы позабыть о них в своем счастье, — так вот, дозвоьте мне пригласить их на свадьбу и посадить рядом с собою за стол.

Королева и жених отвечали:

— Ну, конечно, мы разрешаем!

И вот, когда начался свадебный пир, вошли во дворец три женщины в странном одеянии, а невеста им и говорит:

— Добро пожаловать, милые тетушки!

— Ах, — говорит жених, — как ты можешь дружить с такими противными бабами? — И он подошел к той, у которой была широкая ступня, и спрашивает:

— Отчего это у тебя такая широкая ступня?

— От работы на прялке, — ответила она, — от работы на прялке.

Потом подходит жених ко второй и спрашивает:

— Отчего это у тебя губа такая отвисшая?

— Оттого, что лен смачивала, — ответила она, — оттого, что лен смачивала!

Спросил он третью:

— Отчего у тебя палец такой широкий?

— Оттого, что нитки сучила, — ответила она, — оттого, что нитки сучила!

Испугался тогда королевич и говорит:

— С этой поры никогда моя милая невеста не должна к прялке и близко подходить.

Так избавилась она от ненавистной ей пряжки.

Гензель и Гретель

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и всё одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

— Нет, жена, — говорит дровосек, — этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена. — Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и тебе останется только одно — гробы сколачивать. — И она донимала его до тех пор, пока он с ней согласился.

— А все-таки жалко мне моих бедных детей! — сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали всё, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придется.

— Тише, Гретель,— сказал Гензель,— не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот, когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груди серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

— Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно, господь нас не оставит.— И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это будет вам на обед; да смотрите, не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник, — ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку, — так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

— Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка,— ответил ему Гензель,— я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солныце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был совсем не стук топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели они так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать:

— Погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда взошла полная луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку, — а сверкали они, словно новые серебряные денюжки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

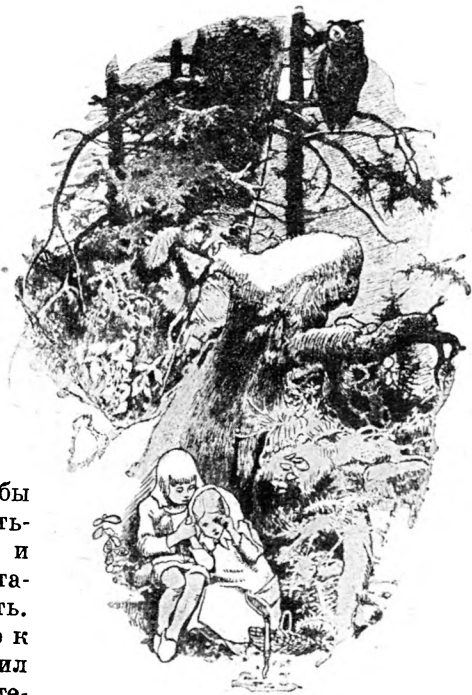
— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, — было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

— У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей избавиться; давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, — другого выхода у нас нету.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот — плохое начало не к доброму концу, — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, — ответил Гензель.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем, — ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, а никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

— Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли, — тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

— Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и они заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они останови-

лись и заслушались ее пенья. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом, и шли, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко, — оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум все под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали обедать домик. Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивых постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувят близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

— Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля свою костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решетчатой дверью—пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, — вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать?— пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

— Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым, — тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — пошевеливайся живой, принеси-ка воды: все равно — жирен ли Гензель, или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

— Господи, да помоги же ты нам!— воскликнула она.— Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

— Ну, нечего хныкать!— крикнула старуха.— Теперь тебе ничего не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

— Сначала мы испечем хлеб, — сказала старуха, — я уже истопила печь и замесила опару.— Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.

— Ну, полезай в печь, — сказала ведьма, — да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня, — сказала старуха, — смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть, — и она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

— Эти, пожалуй, будут получше наших камешков, — сказал Гензель и набил ими полные карманы. А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой, — и насыпала их полный передник.

— Ну, а теперь бежим поскорей отсюда,— сказал Гензель,— ведь нам надо еще выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали, наконец, на большое озеро.

— Не перебраться нам через него,— говорит Гензель,— нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно,— ответила Гретель,— а вот плывет белая уточка; если я ее попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И кликнула Гретель:

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

— Нет,— ответила Гретель,— уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и прошли дальше, то стал лес им все знакомей и знакомей, и они заметили, наконец, издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,
А вон мышка бежит вперед;
Кто поймает ее, тот
Сошьет себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

Три змеиных листочка

Жил когда-то на свете бедняк, и нечем было ему больше кормить своего единственного сына. Раз сын ему и говорит:

— Милый батюшка, вам так трудно живется, и я, видно, вам в тягость; уж лучше я сам уйду от вас и как-нибудь себе на хлеб заработаю.

Благословил его отец и простился с ним в великой печали. А в то время король одного могущественного государства вел войну; и вот юноша поступил к нему на службу и отправился вместе с ним воевать. Подошли они близко к врагу, и начался бой; была большая опасность, сыпались на них градом пули, и падали со всех сторон его товарищи, сраженные насмерть; и когда убили военачальника, то оставшиеся в живых порешили спастись бегством, но юноша ринулся вперед, обратился к ним со словами мужества и крикнул:

— Мы не допустим, чтоб родина наша погибла! — За ним бросились остальные, он повел их в наступление и разбил врага.

Услыхал король, что ему одному он обязан победой, и возвысил его тогда над другими, подарил ему большие богатства и сделал его первым советником в своем королевстве.

Была у короля дочь — писаная красавица, но с очень большими причудами. Она дала обет выйти замуж только за того, кто пообещает ей, в случае ее смерти, похоронить себя заживо вместе с ней.

— Если он меня любит от чистого сердца, — говорила она, — то зачем ему жить после моей смерти?

Она собиралась сделать то же самое, если бы ее муж умер раньше нее, — она решила сойти вместе с ним в могилу. Этот странный обет отпугивал до этого времени всех женихов, но юноша был так увлечен ее красотой, что не только не обратил на это внимания, но стал просить у ее отца выдать дочь за него замуж.

— А знаешь ли ты, — сказал король, — какое при этом ты должен дать обещанье?

— Если она умрет раньше меня, я должен сойти с ней вместе в могилу, — ответил он, — но любовь моя так велика, что об этой опасности я вовсе не думаю.

Тогда король согласился, и свадьба была отпразднована с большой пышностью.

Жили они некоторое время в счастье и довольстве, но вот однажды случилось, что молодая королева заболела тяжелой болезнью, и ни один лекарь не мог ей помочь. И когда она лежала уже мертвая, вспомнил молодой король, что пообещал он, и стало ему страшно ложиться заживо в могилу, но иного выхода не было: король велел выставить у всех ворот стражу, и спастись от судьбы не было возможности.

Когда наступил день и тело ее вынесли в королевскую усыпальницу, привели и его туда, закрыли на засов ворота и заперли их на замок.

Рядом с гробом стоял стол, а на нем четыре свечи, четыре хлеба и четыре бутылки вина. Но вот стали припасы эти кончаться, и молодой король должен был умереть медленной смертью. Исполненный горя и печали, он сидел там и каждый

день съедал по маленькому кусочку хлеба, выпивал только один глоток вина и видел, что смерть подходит все ближе и ближе.

Он сидел и смотрел пристально в угол, вдруг видит — выползает оттуда змея и приближается к покойнице. Он подумал, что змея явилась, чтобы грызть труп, выхватил свой меч и сказал:

— Доколе я жив, ты не посмеешь к ней прикоснуться! — и разрубил змею натрое.

Вскоре выползла из угла вторая змея, но, увидев, что первая лежит убитая и порубленная на куски, она уползла, однако вскоре вернулась назад, держа в пасти три зеленых листочка. Потом взяла она три разрубленных куска той змеи, сложила их вместе и на каждую рану положила по листочку. И вмиг куски срослись, змея задвигалась, ожила снова, и они обе уползли прочь, а листочки остались лежать на земле.

И несчастливцу, который все это видел, пришла в голову мысль: не сможет ли волшебная сила листьев, которая оживила змею, помочь и человеку. Он поднял листья, приложил один из них к устам покойной, а два других — на глаза. И только он это сделал, как задвигалась у ней кровь в жилах, прилила к бледному лицу, и оно снова порозовело. Потом вздохнула она, открыла глаза и спросила:

— Ах, господи, где это я?

— Ты со мной, моя милая жена, — ответил молодой король и рассказал ей, как все произошло и как он вернул ее снова к жизни. Он подал ей немного вина и хлеба, и вернулись к ней силы, она поднялась, они подошли к дверям, постучали и стали кричать так громко, что услышала стража и доложила о том королю.

Король спустился сам в усыпальницу, открыл в нее вход и увидел их обоих бодрыми и здоровыми, и радовался вместе с ними, что все горести миновали. А три змеиных листка молодой король взял с собой, дал их слуге и сказал:

— Береги мне их крепко и всегда носи при себе. Кто знает, из какой беды они еще смогут нас выручить.

Но с королевой, после того как ее снова вернули к жизни, произошла перемена: казалось, что вся любовь к мужу у ней из сердца исчезла. Когда он задумал отправиться за море в странствие, к своему старику отцу, и взошел на корабль вместе с женой, она позабыла про его великую любовь и верность, которые он ей доказал, спасая ее от смерти, и ею овладела недобрая страсть к корабельщику.

Когда однажды молодой король лег и уснул, она подозвала к себе корабельщика, схватила спящего за голову и велела корабельщику взять его за ноги, и они сбросили его в море. Когда они совершили злодейство, королева сказала корабельщику:

— А теперь давай вернемся домой и скажем, что он по дороге скончался. А я уж так тебя расхвалю и так опишу перед своим отцом, что он нас обручит и назначит тебя наследником своей короны.

Но верный слуга все это видел; он незаметно отвязал от корабля лодку, сел в нее и поплыл спасать своего господина, а предатели отправились дальше. Верный слуга вытащил мертвого из воды, достал три змеиных листка, что были всегда при нем, положил их ему на глаза и рот и вернул его снова к жизни.

День и ночь они оба гребли изо всех сил, и лодка их мчалась так быстро, что они прибыли к старому королю раньше большого корабля. Король удивился, увидев, что они прибыли одни, и спросил, что с ними случилось. Узнав о злодействе своей дочери, он сказал:

— Я не могу поверить, чтоб она поступила так мерзко, но правда скоро выяснится, — и он велел им обоим отправиться в потайную комнату и находиться там от всех втайне.

Вскоре прибыл большой корабль, и злая королева явилась к своему отцу с опечаленным видом. Спросил ее король:

— Ты почему вернулась назад одна? А где же твой муж?

— Ах, милый отец, — ответила она, — я вернулась домой в великой печали: мой муж в пути неожиданно заболел и умер, и если бы мне не помог добрый корабельщик, то мне бы пришлось плохо; он присутствовал при его смерти и может вам все рассказать.

И сказал король:

— Я воскрешу мертвеца, — и он открыл потайную комнату и велел молодому королю и верному слуге выйти оттуда.

При виде мужа королеву точно громом поразило, она упала на колени и стала просить о пощаде. Но король сказал:

— Тут пощады быть не может; он был готов умереть вместо с тобой и вернул тебе жизнь, а ты погубила его сонного и должна за это понести заслуженное тобой наказание.

И вот посадили ее вместе с ее сообщником в дырявый челнок и пустили в море, где они и утонули в волнах.

Белая змея

Давно тому назад жил на свете король, и был он славен по всей земле своей мудростью. Все было ему известно, будто кто по воздуху подавал ему вести о самых сокровенных вещах. Но был у него странный обычай: каждый полдень, когда всё

со стола убрали и никого постороннего не оставалось, принесли ему надежный слуга еще одно блюдо. Но было оно прикрыто, и даже слуга, и тот не знал, что находится на этом блюде; и не знал об этом ни один человек, ибо король открывал блюдо и приступал к еде только тогда, когда оставался совершенно один.

Так продолжалось долгое время, но вот однажды одолело слугу любопытство, он не мог с собой совладать и отнес блюдо в свою комнату. Он прикрыл как следует двери, поднял с блюда крышку, видит — лежит там белая змея. Глянул он на нее и не мог удержаться, чтоб ее не попробовать; он отрезал кусок и положил его в рот. И только он прикоснулся к нему языком, как тотчас услышал у окна странный шопот нежных голосов. Он подошел ближе, прислушался — видит, что это беседуют между собой воробы и рассказывают друг другу всякую всячину, виденную ими на поле и в лесу: вкус змеиного мяса дал ему возможность понимать птичий язык.

И вот случилось, что как раз в этот день у королевы пропало ее самое красивое кольцо, и подозрение пало на этого ближайшего слугу, который имел всюду доступ. Король кликнул слугу и начал ему грозить, всячески его ругая, что ежели он к утру не назовет виновника, то будет признан вором и отдан под суд. Но ничего не помогло, слуга настаивал на своей невинности, и его отпустили с тем же решением. В страхе и беспокойстве вышел он во двор и стал раздумывать, как ему из беды выбраться. А сидели у ручья мирно рядышком утки и отдыхали; они чистили и приглаживали себя клювами и вели между собой беседу. Слуга остановился и стал прислушиваться. А рассказывали утки друг другу, где они нынче утром бывали, где плавали, какой нашли корм; и вот говорит одна из них с досадой:

— У меня такая тяжесть в желудке, я второпях проглотила кольцо, что лежало под окном королевы.

Схватил слуга утку тотчас за шею, принес ее на кухню и говорит повару:

— Зарежь мне эту утку, видишь — какая она жирная.

— Да, — сказал повар, взвешивая ее на руке, — она, что и говорить, хорошо откормилась, постаралась, видно, и давненько дожидается, чтоб ее зажарили.

Он отрубил ей голову и стал ее потрошить, и вот нашлось у нее в желудке кольцо королевы. И мог теперь слуга легко доказать королю свою невинность; а так как королю хотелось загладить свою несправедливость, то он позволил ему что-нибудь у него попросить и обещал самую почетную должность при дворе, какую он только пожелает.

Но слуга от всего отказался и попросил только коня и денег на дорогу, — хотелось ему свет поводаг и некоторое время

постранствовать. Его просьба была исполнена, и он отправился в путь-дорогу.

Однажды, проезжая мимо озера, увидал он трех рыб, которые застряли в камыше и старались выбраться к воде. Хотя и говорят, что рыбы будто немые, но слуга услышал их жалобу, что вот приходится им теперь погибать такой жалкою смертью. А было у него сердце жалостливое, — он встал с коня и бросил трех пленниц обратно в озеро. Начали они на радостях трепыхаться, высунули из воды головы и молвили ему:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за то, что ты спас нам жизнь.

Поехал он дальше; и вскоре ему почудилось, будто у самых его ног на песке слышится чей-то голос. Он стал прислушиваться и услышал, как царь муравьиный жаловался:

— Хотя бы оставили нас люди в покое, а заодно и неуклюжие животные!

И он свернул на обочину; и тогда сказал ему царь муравьиный:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за это.

Дальше привела дорога его в лес, и увидел он там ворона и ворону, они стояли у гнезда и выбрасывали оттуда своих птенцов.

— Прочь отсюда, шалопаи вы этикие! — кричали они. — Вас теперь не накормишь, вы уже достаточно выросли и можете сами себя прокормить.

Бедные воронята лежали на земле и, пытаясь подняться, размахивали крыльями и кричали:

— Ведь мы беспомощные птенчики, вы должны нас кормить, мы летать еще не умеем! Теперь нам одно остается — помереть с голоду!

Встал тогда добрый парень с коня, убил его шпагой и оставил на прокорм молодым вороньятам. Они подскочили, наелись досыта и закричали:

— Мы этого тебе никогда не забудем и поможем тебе в беде!

Пришлось теперь парню итти пешком; прошел он немало долгих путей и дорог, пока попал, наконец, в столицу. И был там на улицах большой шум и суета, и явился всадник и объявил во всеуслышанье:

— Королевна ищет себе мужа, и кто хочет за нее посвататься, тот должен сперва выполнить трудную задачу, а кто не сможет с ней удачно справиться, тот жизнью поплатится.

Много людей пыталось уже выполнить это, но только напрасно жизнью своей поплатились. Но когда парень увидал королевну, он был так ослеплен ее несказанной красотой, что

забыл про всякую опасность, пришел к королю и объявил себя ее женихом.

Его привели тотчас на морской берег, и был брошен в море на глазах у него перстень, и король велел ему достать этот перстень со дна моря и прибавил:

— А если ты вернешься назад без него, то будут тебя сбрасывать все время в воду, пока ты не утонешь в волнах.

Все пожалели красивого парня и покинули его одного у моря. Стоял он на берегу и раздумывал, что ему теперь делать. Вдруг видит — подплывают к нему три рыбы, то были те самые, которым он спас жизнь. И держала средняя во рту раковину, она положила ее на берег к ногам юноши. Он поднял раковину, открыл ее, и лежал там золотой перстень. Радостный, принес он его королю и ждал, что тот даст ему обещанную награду. Но когда надменная королева услышала, что он простой слуга, отказала ему и потребовала, чтобы выполнил он сначала вторую задачу. Она сошла в сад и рассыпала там на траве десять больших мешков проса.

— К утру, прежде чем подыметя солнце, ты должен мне все это просо выбрать, — сказала она, — да так, чтоб ни одно зернышко не пропало.

Сел парень в саду и стал раздумывать, как выполнить ему такую задачу, но ничего придумать не мог и сидел пригорюнившись и ждал, что с наступлением утра его поведут на казнь. Но вот засияли в саду первые лучи солнца, и он увидел, что все десять мешков полны проса, и стоят все в ряд, и не пропало при этом ни одного зернышка. Явился ночью царь муравьиный со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием выбрали просо и сложили его в мешки.

Вот сошла сама королева в сад и увидала, к своему удивлению, что парень выполнил то, что было ему поручено. Но она не могла осилить своей гордыни и сказала:

— Хотя он и выполнил обе задачи, но не стать ему моим мужем прежде, чем не принесет он мне яблока с дерева жизни.

Парень не знал, где растет дерево жизни; но он собрался в путь-дорогу и решил искать его до тех пор, пока ноги будут идти, но у него не было никакой надежды его отыскать. Вот обошел он уже три королевства и зашел под вечер в лес. Сел под деревом, и захотелось ему спать, — но он услышал в ветвях шелест, и упало ему в руку золотое яблоко. А тут слетели к нему вниз три ворона, уселись к нему на колени и сказали:

— Мы три молодых вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Мы теперь выросли и, когда услышали, что ты ищешь золотое яблоко, прилетели из-за моря, долетели до са-

мого края земли, где растет дерево жизни, и принесли тебе это яблоко.

Сильно обрадовался парень, и пустился в обратный путь, и принес прекрасной королевне золотое яблоко; и уж теперь отговариваться ей было невозможно: они поделили яблоко жизни и съели его вдвоем; и исполнилось ее сердце к нему любовью, и дожили они в безмятежном счастье до самой глубокой старости.

Соломинка, уголек и боб

Жила-была в деревне бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела было их сварить. Она затопила печь и, чтоб огонь скорей разгорелся, подбросила пучок соломы. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них невзначай выскользнул и улегся на полу рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горящий уголек. Вот соломинка и говорит:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

Уголек отвечает:

— Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то бы верная гибель была мне — я сгорел бы и обратился в пепел.

А боб ему говорит:

— Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления похлебку.

— А мне-то разве лучше пришлось бы?— сказала соломинка.— Всех моих сестриц старуха в огонь и в дым обратила; вон — шестьдесят сразу схватила да и погубила. Я еще счастливо выскользнула у нее из рук.

— Что ж нам теперь делать?— спрашивает уголек.

— Я думаю,— ответил боб,— раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе; а чтоб с нами не приключилось опять какой беды, давайте уйдем отсюда и поселимся в иной, чуждедальной стране.

Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли, подошли они, наконец, к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, ни жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

— Знаете что, дягу-ка я поперек ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

Так она и сделала — протянулась с берега на берег. А уголек, тот был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту.

Дошел он уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды, — тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголек упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдохавший у ручья. Сердце было у него жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб. Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были черные.

Вот с той поры у всех бобов и виден посредине черный шов.

Сказка о рыбаке и его жене

Жил-был когда-то рыбак со своею женой. Жили они вместе в бедной избушке, у самого моря. Рыбак выходил каждый день к берегу моря и ловил рыбу, — так он и жил, что всё рыбу ловил.

Вот сидел он однажды с удочкой и все глядел на зеркальную воду; сидел он и сидел. Вдруг опустилась удочка на дно, глубоко-глубоко; стал он ее вытаскивать и вытащил большую камбалу-рыбу. И говорит ему камбала-рыба:

— Послушай, рыбак, прошу я тебя, отпусти меня в море! Не рыба я камбала, а очарованный принц. Ну, что тебе будет пользы в том, что ты меня съешь? Не по вкусу придется я тебе. Отпусти меня в море, чтоб снова мне плавать.

— Ну, — говорит рыбак, — чего меня уговаривать? Камбалу, что умеет говорить человеческим голосом, я и так отпущу на свободу.

И он отпустил ее опять в чистое море. Опустилась она на дно и оставила за собой длинную струйку крови. Подивился рыбак и вернулся к жене в свою бедную избушку.

— Что ж ты, — говорит ему жена, — нынче ничего не поймал?

— Нет, — говорит рыбак, — поймал я камбалу-рыбу, а она сказала, что она — очарованный принц, вот и отпустил я ее назад, пускай себе плавает в море.

— И ты у нее ничего и не выпросил? — спросила жена.

— Нет, — ответил рыбак, — чего же мне было желать?

— Эх, — сказала жена, — ведь плохо-то нам живется в бедной избушке, скверно в ней пахнет, смотри, какая она грязная, выпросил бы ты избу получше. Ступай да покличь назад камбалу-рыбу, скажи ей, что хотим мы избу получше. Она уж наверное выполнит просьбу.

— Ох, — сказал рыбак, — неужто мне снова туда итти?

— Да ведь ты же ее поймал и выпустил в море, она уж наверное все сделает. Ступай, счастливой тебе дороги!

Не хотелось итти рыбаку, но он не посмел перечить жене и пошел к морю.

Пришел на берег. Позеленело море, потемнело, не сверкает, как прежде. Подошел он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

Приплыла камбала-рыба и спрашивает:

— Ну, чего ей надобно?

— Эх, — ответил рыбак, — ведь я-то тебя поймал, а жена мне говорит, будто я должен что-нибудь у тебя выпросить. Не хочет она больше жить в своей бедной избушке, хочет жить в хорошей избе.

— Ну, ступай, — говорит ему камбала-рыба, — все тебе будет.

Воротился рыбак домой. Видит — на месте бедной избушки стоит хорошая новая изба, и сидит жена его перед дверью на скамейке. Взяла его жена за руку и говорит:

— Ну, входи, погляди-ка, теперь-то ведь куда получше.

Вошел он в избу, а в избе чистые сени и нарядная комната; и стоят в ней новые постели, а дальше чулан и столовая; и всюду полки, а на них самая лучшая утварь, и оловянная и медная — всё, что надо. А позади избы маленький дворик, и ходят там куры и утки; а дальше небольшой садик и огород с разной зеленью и овощами.

— Видишь, — говорит жена, — разве это не хорошо?

— Да, — ответил рыбак, — заживем мы теперь припеваючи, будем довольны и сыты.

— Ну, это еще посмотрим, как оно будет, — говорит жена. Пужинали они и легли спать.

Вот прошла так неделя, другая, и говорит жена:

— Послушай, муженек, а изба-то ведь тесная, двор и огород совсем маленькие; камбала-рыба могла бы подарить нам дом и побольше. Хочу жить в большом каменном замке. Ступай к камбале-рыбе, пусть подарит нам замок.

— Ах, жена, — ответил рыбак, — нам-то ведь и в этой избе хорошо, зачем нам жить в замке?

— Да что ты понимаешь! — говорит ему жена. — Ступай-ка опять к камбале-рыбе, она все может нам сделать.

— Нет, жена, — говорит рыбак, — камбала-рыба подарила нам недавно избу, не хочу я итти к ней опять, а не то она разгневается.

— Да ступай, — говорит жена, — она все может выполнить, и делает это охотно. Ступай!

Тяжело было на сердце у рыбака, не хотелось ему итти; молвил он про себя: «Негоже так делать», но все же пошел.

Пришел он к морю. Помутилось море, потемнело, совсем стало темным, иссиня-серым, и совсем не такое, как прежде — зеленое и светлое; но было оно еще тихое-тихое.

Подошел он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она хочет? — говорит камбала-рыба.

— Эх, — ответил в смущеньи рыбак, — хочет она жить в большом каменном замке.

— Ну, ступай домой, вон стоит она у дверей, — молвила камбала-рыба.

Пошел рыбак и подумал: «Пойду я теперь домой», — и домой воротился. Видит — стоит перед ним большой каменный дворец, и стоит его жена на крыльце и собирается войти во дворец. Она взяла его за руку и говорит:

— Ну, войдем вместе со мной.

Вошли они, видят — всюду в замке мраморные полы; и стоит множество всяких слуг, отворяют они перед ними высокие двери; а стены все так и блестят, красивые на них обои, а в комнатах стулья и столы все сплошь из золота, и висят на потолке хрустальные люстры; и все залы и покои коврами устланы; и лучшие яства и вина драгоценные стоят на столах, — чуть не ломаются под ними столы. А позади замка просторный конюшенный двор и коровник, и возки и повозки самые лучшие, да, кроме того, большой прекрасный сад с великолепными цветами и чудными плодовыми деревьями, и парк — длиной будет этак с полмили, — а в нем олени, лани и зайцы и все, что только душа пожелает.

— Ну, что,— говорит жена,— разве это не прекрасно?

— О, да,— ответил рыбак,— пускай оно так и останется; давай заживем теперь в прекрасном замке и будем этим довольны.

— Ну, это мы еще подумаем,— говорит жена,— потолкуем после.

С тем и пошли они спать.

На другое утро, только стало светать, проснулась жена первая и увидела, лежа в постели, какой красивый вид за окном. Рыбак еще спал; толкнула жена его локтем в бок и говорит:

— Вставай, муженек, погляди-ка в окошко. А не стать ли нам королями над всей этой страной? Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи — хотим мы быть королями.

— Ох, жена,— ответил рыбак,— и зачем нам быть королями? Не хочу я быть королем!

— Ну,— говорит ему жена,— ты не хочешь быть королем, а я вот хочу. Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать королевой.

— Эх, жена, жена,— молвил рыбак,— зачем быть тебе королевой! Не посмею просить я ее об этом.

— Почему? — говорит жена.— Мигом ступай к морю, я должна быть королевой.

Пошел рыбак в смущеньи, что хочет жена его стать королевой. «Ой, негоже, негоже так делать»,— подумал рыбак.

Не хотелось ему итти,— пошел-таки к морю.

Приходит он к морю, а море все черное стало, волнуется, и ходят по нем волны большие и мутные-мутные. Подошел он к берегу и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — спрашивает камбала-рыба.

— Ах,— говорит рыбак,— она хочет стать королевой.

— Ступай домой, будет ей всё,— сказала камбала-рыба.

Воротился рыбак домой; подходит ко дворцу, видит — стал замок куда побольше, и башня на нем больше, да так красиво украшена; и стоят у ворот часовые и много солдат — играют на трубах, бьют в литавры и барабаны. Вошел он в двери, а всюду мрамор и золото, и бархатные везде ковры да золотые кисти.

Открылись перед ним двери в залу, а там все придворные в сборе, и сидит его жена на высоком, из чистого золота, троне, усыпанном бриллиантами; а на голове у жены большая золотая корона, и в руке у нее из чистого золота скипетр с дорогими

камнями, и стоят по обе стороны по шесть девушек в ряд, одна другой красивей.

Подходит к ней рыбак, постоял и говорит:

— Ох, жена, ты, значит, теперь королевою стала?

— Да, — отвечает она, — я теперь королева!

Постоял он некоторое время, оглядел ее справа и слева и говорит:

— Ах, жена, вот и хорошо, что стала ты королевой. Теперь, пожалуй, тебе ничего больше и желать не надо.

— Нет, муженек, — говорит жена, и точно какая тревога ее одолела, — скучно мне быть королевой, не могу я дольше быть королевой. Ступай-ка ты к камбале-рыбе; я теперь королева, а хочу стать отныне императрицей.

— Ах, жена, — молвил рыбак, — ну, зачем тебе быть императрицей?

— Муж, — сказала она, — ступай-ка к этой камбале-рыбе, хочу я стать императрицей.

— Ох, жена, — отвечает ей муж на это, — императрицею сделать тебя она не сможет, я не посмею просить об этом камбалу-рыбу; императрица одна во всем государстве, императрицей не сможет сделать тебя камбала-рыба, никак не сможет.

— Что? — сказала жена. — Ведь я королева, а ты мой муж; пойдешь к рыбе подобиру-поздорову? Ступай! Раз могла сделать она меня королевой, может сделать и императрицей. Хочу стать я императрицей, ступай поживее.

И пришлось итти ему снова. Подошел он к морю, но стало ему страшно; идя, подумал он про себя: «Дело, видно, идет не к добру; совести нет у нее, хочет императрицею сделаться; надоест под конец это камбале-рыбе».

Пришел он к морю, а море стало еще чернее, вздулось и все до самых глубин взволновалось, и ходили волны по нем, и разгуливал буйный ветер и дул им навстречу; и рыбаку сделалось страшно. Он вышел на берег и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ах, камбала-рыба, — сказал он, — хочет жена моя стать императрицей.

— Ступай, — сказала камбала-рыба, — будет ей всё.

Воротился рыбак домой, видит — одет весь замок полированным мрамором, стоят изваяния из алебаstra, и всюду золотые украшения. Маршируют перед входом солдаты, дуют в тру-

бы, бьют в литавры и барабаны; а по дому расхаживают бароны, графы да герцоги разные и прислуживают жене, точно слуги; открывают они перед ним двери, а все двери сплошь золотые.

Входит он, видит — сидит жена его на троне, а он из цельного золота кован, а высотой будет этак с две мили; а на голове у нее большая золотая корона вышиною в три локтя, усыпана вся алмазами и рубинами. В одной руке у жены скипетр, а в другой держава; и стоят по обе стороны телохранители в два ряда, один красивей другого, все, как на подбор, великаны, и самый из них большой ростом в две мили, и выстроились все в шеренгу от большого до самого малого карлика, что будет не больше, чем мой мизинец. И стоят перед ней князь да герцоги. Подошел рыбак ближе, остановился и говорит:

— Жена, значит ты теперь императрица?

— Да, — говорит она, — теперь я императрица.

Постоял он, поглядел на нее хорошенько, разглядел, посмотрел еще раз и говорит:

— Ох, жена, как красиво, когда ты императрицею стала!

— Ну, чего ж ты стоишь? Теперь я императрица, а хочу стать папою римским, ступай к камбале-рыбе.

— Ах, жена, — молвил рыбак, — чего еще захотела! Папой стать ты не можешь, папа один во всем христианском мире, — этого рыба сделать никак уж не может.

— Муж, — говорит она, — хочу я стать папой, ступай поскорее к рыбе, должна я сегодня же сделаться папой.

— Нет, жена, — говорит ей рыбак, — я и сказать ей о том не посмею. Нет, так негоже и дерзко, — папою камбала-рыба сделать тебя не сможет.

— Муж, как ты смеешь мне перечить! — сказала жена. — Раз могла она сделать меня императрицей, сможет сделать и папой. Ну, поскорей отправляйся, я — императрица, а ты — мой муж, пойдешь подобру-поздорову?

Испугался рыбак и пошел, но было ему слишком тяжело, он дрожал, и колени у него подгибались.

И поднялся вдруг кругом такой ветер, мчались тучи, и стало на западном крае темным-темно, срывались листья с деревьев, волновалось море и бушевало и билось о берег, и были на нем вдали видны корабли, которые застигла буря; их носило, качая по волнам. Но небо было в середине еще слегка синеватое, а на юге багряное, как перед грозью.

Подошел рыбак к морю, остановился в страхе и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела?— говорит камбала-рыба.

— Ох,— отвечает рыбак,— хочет стать она папою римским.

— Ступай, будет по ее воле,— молвила камбала-рыба.

Воротился рыбак, приходит домой, видит — стоит большой собор, а вокруг него всё дворцы понастроены. Пробился он сквозь толпу. И было внутри всё освещено тысячами тысяч свечей, а жена облачена в ризы из чистого золота; видит — сидит она на троне на высочайшем, и на голове у нее три большие золотые короны. А вокруг стоит разное духовенство; и по обе стороны ее поставлены свечи в два ряда, и самая большая из них — такая огромная и толстая, как самая что ни на есть высокая башня, а самая маленькая — та совсем крошечная. И все короли и цари стоят перед ней на коленях, целуют ей туфлю.

Посмотрел на нее рыбак внимательно и говорит:

— Жена, ты теперь, стало быть, папа?

— Да,— отвечает она,— я теперь папа.

Вот стоит он и глядит на нее пристально; и показалось ему, будто он смотрит на ясное солнышко. Оглядел он ее хорошенько и говорит:

— Ах, жена, как прекрасно, что ты сделалась папой!

Сидит она перед ним истуканом и не двинется, не шелохнется. И говорит он:

— Ну, жена, ты теперь-то, пожалуй, довольна. Вот ты и папа; и никак уж теперь не можешь стать выше.

— А я вот подумаю,— говорит жена.

Легли они спать, но она была недовольна, жадность не давала уснуть ей, и она все думала, кем бы стать ей еще.

А муж спал крепким сном: он набегался за день; а жена, та совсем не могла уснуть, всю ночь ворочалась с боку на бок и все думала, чего бы ей еще пожелать, кем бы стать ей еще, но придумать ничего не могла. Вот уж и солнцу скоро всходить; увидала она утреннюю зарю, придвинулась к краю постели и стала глядеть из окна на восход солнца. «Что ж,— подумала она,— разве я не могла бы повелевать и луною и солнцем, чтоб всходили они, когда я захочу?»

— Муж,— толкнула она его локтем в бок,— чего спишь, скорей просыпайся да ступай к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать богом.

Муж на ту пору еще не совсем проснулся, но, услышав такие речи, он так испугался, что свалился с постели прямо на пол. Он подумал, что ослышался, может, стал протирать глаза и сказал:

— Ох, жена, жена, ты это что говоришь такое?

— Да вот,— отвечала она,— не могу я повелевать луною и солнцем, а должна только смотреть, как они всходят; и не буду я покойна до той поры, пока не смогу повелевать и луною и солнцем. — И так на него грозно она посмотрела, что стало ему страшно. — Мигом ступай к морю, хочу я стать богом!

— Ох, жена, жена,— молвил ей муж и упал перед ней на колени,— этого камбала-рыба уж никак сделать не может. Царем и папой она еще могла тебя сделать; прошу, образумься и останься ты папой!

Тут пришла она в ярость, и взъерошились волосы у нее на голове, она толкнула его ногой да как крикнет:

— Не смей мне перечить, я терпеть этого больше не стану! Что, пойдешь подобру-поздорову?

Тут поднялся он и мигом кинулся к морю, и бежал прямо как угорелый.

Бушевала на море буря, и кругом всё так шумело и ревело, что он еле мог на ногах удержаться. Падали дома, дрожали деревья, и рушились в море камни со скал, и было все небо как сажа черное. Гром грохотал, сверкали молнии, ходили по морю высокие черные волны, такой вышины, как колокольни; и горы, и всё было покрыто белым венцом из пены.

Крикнул рыбак во все горло, но не мог он и собственных слов расслышать:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего еще она захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ох, — сказал ей рыбак, — хочет стать она богом!

— Так ступай домой, сидит она снова на пороге своей избушки.

Так сидят они там и доныне.

Храбрый портняжка

Однажды, летним утром, сидел портняжка у окна на своем столе для шитья; ему было весело, и он шил изо всех сил. А проходила по улице крестьянка, выкрикивая: «Хорошее варенье продаю! Хорошее варенье продаю!» Портняжке это слышать было приятно, он вытянул свою хилую шею в окошко и крикнул:

— Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своей тяжелой корзиной к портному на третий этаж и стала развязывать перед ним все свои банки. Он все их оглядел, осмотрел, каждую поднял, пригляделся, понюхал и, наконец, сказал:

— Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне, голубушка, четыре лота, а то, пожалуй, и все четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбыть немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

— Ну, да благословит господь бог это варенье, — воскликнул портной, — и пошлет мне бодрости и силы! — С этими сло-

вами он достал из шкафчика хлеб, открыл себе краюху и намазал ее вареньем.

— Оно будет, пожалуй, недурно, — сказал он, — но сперва я закончу куртку, а потом уж как следует и поем.

Он положил кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше, но на радостях стал шить крупными стежками. А запах сладкого варенья между тем разнесся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почувяли это и целым роем слетелись на хлеб.

— Эй, вы, кто вас сюда звал? — сказал портной и стал прогонять незваных гостей.

Но мухи немецкого языка не понимали, они его не слушались, и их налетело еще больше. Тут у портняжки, как говорится, терпенье, наконец, лопнуло, он вышел из себя, кинулся, схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!» — без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Поднял он суконку, поглядел, сосчитал — и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь убитых мух. «Вот я какой молодец! — сказал он, и сам удивился своей храбрости. — Надо, чтоб об этом весь город узнал».

Тут выкроил портняжка наскоро пояс, стачал его и большими буквами вышел на нем: «Побил семерых одним махом». «Да что город, — продолжал он рассуждать дальше, — весь свет должен об этом узнать!» — и сердце его затрепетало от радости, как бараний хвост.

Подпоясавшись портной поясом и собрался пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его храбрости. Но прежде чем отправиться в путь-дорогу, он стал шарить по всему дому, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашел ничего, кроме головки старого сыра, и взял ее с собой. У ворот он увидал птицу, что запуталась в кустах; он поймал ее и тоже сунул заодно с сыром в карман. Потом он смело двинулся в путь-дорогу, — а был он легок да проворен и потому никакой усталости не чувствовал.

Путь привел его к горе, и когда он взобрался на самую вершину, то увидел там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошел к нему, заговорил с ним и спросил:

— Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разглядываешь привольный и широкий свет? Я вот иду по белу свету странствовать, хочу попытать счастье, не пойдешь ли и ты вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал: — Эх ты, жалкий оборванец!

— Как бы не так!— ответил портняжка, и он расстегнул свою куртку и показал великану пояс, — вот, можешь сам прочитать, что я за человек!

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» — и подумал, что речь идет о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человечку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать. Он взял камень в руку и сдвинул его так, что из него потекла вода.

— Вот и ты попробуй так же,— сказал великан,— если силенок у тебя хватит.

— Это и все?— спросил портняжка.— Да это для меня пустяки!— И он полез в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал ее так, что сок из нее потек.

— Ну, что,— сказал он,— пожалуй, получше твоего будет?

Великан не знал, что ему и сказать,— от такого человечка он этого никак не ожидал. Поднял тогда великан камень и подбросил его вверх, да так высоко, что тот исчез из виду.

— Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

— Что ж, брошено хорошо,— сказал портной,— но камень-то ведь опять на землю упал; а я вот брошу так, что он и назад не вернется.— И он полез в карман, достал птицу и подбросил ее вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

— Ну, а это как тебе, дружище, понравится?— спросил портной.

— Бросать ты умеешь хорошо,— сказал великан,— но, посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть.— И он подвел портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и сказал: — Ежели ты достаточно силен, то помоги мне вытащить дерево из лесу.

— Ладно,— ответил маленький человечек,— ты положи ствол к себе на плечи, а я подниму и понесу сучья и ветки,— это ведь будет куда потяжелей.

Великан взвалил ствол себе на плечи, а портной уселся на одну из веток; и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить все дерево да впридачу еще и портняжку. И был портняжка весел и насвистывал песенку: «Трое портных подъезжало к воротам...», словно тащить дерево было для него детской забавой.

Протащил великан тяжелую ношу недалеко, но дальше нести был не в силах и крикнул:

— Послушай, а дерево-то мне придется бросить.

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, будто нес он его один, и сказал великану:

— Ты такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе. Проходя мимо вишневого дерева, великан схватил его за верхушку, на которой висели самые спелые вишни, нагнул ее вниз, дал портному и стал его угощать. Но портняжка был слишком слаб, удержать веток не смог, и когда великан их отпустил, дерево поднялось и портной взлетел вместе с ним на воздух. Он упал благополучно на землю, а великан и говорит:

— Что ж это ты, неужто ты не в силах удержать такой маленький прутик?

— Силы-то у меня хватит, — ответил портняжка, — ты думаешь, что это что-нибудь значит для того, кто побил семерых одним махом? Это я через дерево прыгнул, ведь внизу охотники стреляют по кустам. А ну, прыгни-ка ты так, если можешь.

Великан попробовал было, но через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях, так что и тут портняжка одержал верх.

И сказал великан:

— Если ты уж такой храбрец, то пойдем вместе со мной в нашу пещеру, там и заночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, глядь — сидят там у костра и другие великаны, и у каждого из них в руке по жареной овце, и каждый ее ест. Осмотрелся портняжка и подумал: «А здесь-то куда просторней, чем у меня в портняжной».

Великан указал ему постель и сказал, чтоб он лег и как следует выспался. Но постель для портняжки была слишком велика, он не лег в нее, а забрался в самый угол. Вот наступила полночь, и великан, думая, что портняжка спит глубоким сном, поднялся, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что этого кузнечика он уже истребил.

Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, и вдруг он выходит, веселый и бесстрашный, им навстречу. Тут великаны испугались и подумали, что он всех их перебьет, и бросились наутек.

А портняжка двинулся дальше, куда глаза глядят. Долго он странствовал и вот пришел, наконец, во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилег на траве и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его со всех сторон разглядывать и прочли у него на поясе надпись. «Побил семерых одним махом».

— Ох, — сказали они, — чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, иолагая, что на случай войны он будет здесь человеком важным и нужным

и что отпускать его ни в коем случае не следует. Этот совет королю понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснется, поступить к королю на военную службу.

Посланец подошел к спящему, подождал, пока тот стал потягиваться и открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я затем сюда и явился,— ответил портной.— Что ж, я готов поступить к королю на службу.

Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевские воины отнеслись к портняжке недружелюбно и хотели его сбить куда-нибудь подальше. «Что оно из этого выйдет?— говорили они между собой.— Если мы с ним поспоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьет семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот они порешили отправиться всем вместе к королю и просить у него отставку.

— Где уж нам устоять,— сказали они,— рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится ему из-за одного терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтобы больше его и на глаза не пускать. Но король не решился дать ему отставку: он боялся, что тот убьет его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал, раздумывал и, наконец, порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что он хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов его королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями, поджогами и пожарами великий вред учиняют; и никто не осмеливается к ним приблизиться, не подвергаясь смертельной опасности. Так вот, если он этих двух великанов одолеет и убьет, то отдаст он ему свою единственную дочь в жены, а в приданое полкоролевства, а поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я,— подумал портняжка,— заполучить себе в жены красавицу королевну да еще полкоролевства впридачу,— такое не каждый день выпадает на долю».

— О, да!— сказал он в ответ.— Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо; кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала следом за ним сотня всадников. Подъехав к лесной опушке, он сказал своим провожатым:

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с велика-

нами один на один. — И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они лежали под деревом и спали, и при этом храпели во-всю, так что даже ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Он долез до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но, наконец, проснулся, толкнул своего приятеля в бок и говорит:

— Ты чего меня бьешь?

— Да это тебе приснилось, — ответил ему тот, — я тебя вовсе не бью. — И они опять улеглись спать. А портной вынул камень и сбросил его на второго великана:

— Что это? — воскликнул второй. — Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю, — ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка снова начал свою игру, выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур! — закричал тот, вскочил, как безумный, и как толкнет своего приятеля об дерево, — так оно все и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока, наконец, оба не упали замертво наземь.

Тут портняжка спрыгнул с дерева. «Счастье еще, — сказал он, — что не вырвали они того дерева, на котором я сидел, а то бы пришлось мне, пожалуй, прыгать, как белке, с дерева на дерево, — ну, да мы уж люди проворные!» Он вытащил свой меч и изо всех сил ударил обоих великанов в грудь, потом вышел из леса к всадникам и сказал:

— Дело сделано, я прикончил обоих. Однако пришлось мне трудненько; почувяв беду, они вырывали целые деревья из земли, чтобы защититься, но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает.

— А вы не ранены? — спросили всадники.

— Обошлось благополучно, — ответил портной, — и вóлосом не тронули.

Всадники верить ему не хотели и направились в лес. Они увидали там великанов, плававших в собственной крови, а вокруг них валялись вырванные с корнем деревья.

И вот потребовал тогда портняжка от короля обещанной ему награды, но тот уж и так раскаивался в своем обещании

и стал снова придумывать, как бы это ему избавиться от подобного героя.

— Прежде чем ты получишь мою дочь в жены и полкоролевства впридачу, — сказал он ему, — ты должен совершить еще одно геройское дело. Живет в лесу единорог, он причиняет большой вред, ты должен его поймать.

— Единорога я боюсь еще меньше, чем двух великанов; семерых одним махом — дело как раз по мне.

Вот взял он с собой веревку и топор, вышел в лес и велел людям, которые были даны ему на подмогу, дожидаться его опять на лесной опушке. Долго искать ему не пришлось; единорог вскоре явился и кинулся прямо на портного, собираясь его тотчас насадить на свой рог.

— Потихе, потихе, — сказал портной. — Этак быстро дело не выйдет!

Он остановился и стал ждать, пока зверь подойдет поближе, потом он проворно отскочил и спрятался за дерево. Единорог разбежался изо всех сил и вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что у него нехватило сил вытащить его назад, — так он и поймался.

— Теперь-то птичка в моих руках, — сказал портной и, выйдя из-за дерева, накинул единорогу на шею веревку, потом отрубил ему топором рог, что застрял в дереве, и, когда все было в порядке, он вывел зверя из лесу и привел его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требование. Должен был портной для свадьбы поймать ему дикого вепря, что наносит в лесу большой вред, и должны были в этом деле ему помочь егеря.

— Ладно, — ответил портной, — это для меня детская забава!

Егерей с собой в лес он не взял, и они остались этим очень довольны, потому что дикий вепрь не раз встречал их так, что у них пропала охота за ним гоняться.

Когда вепрь заметил портного, то кинулся на него с пеной у рта и оскаленными клыками, собираясь сбить его с ног. Но ловкий герой вскочил в часовню, что находилась поблизости, и мигом выпрыгнул оттуда через окошко. Вепрь вбежал за ним следом, а портной обежал вокруг часовни и захлопнул за ним дверь, — тут лютый зверь и поймался: был он слишком тяжел и неловок, чтобы выпрыгнуть из окошка.

Созвал тогда портной егерей, чтобы те собственными глазами увидели пойманного зверя, а наш герой направился тем временем к королю; и как уж тому не хотелось, а пришлось-таки сдержать свое обещание, и он отдал ему свою дочь и полкоролевства впридачу.

Знал бы он, что стоит перед ним не великий герой, а простой портняжка, то было бы ему еще больше не по себе. Свадьбу отпраздновали с великой пышностью да малой радостью; и вот стал портной королем.

Спустя некоторое время услышала ночью молодая королева, как спруг ее во сне разговаривает: «Малый, а ну-ка, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то отдую тебя аршином». Тут и догадалась она, из какого переулка родом этот молодчик; рассказала на другое утро о своем горе отцу и стала просить его, чтобы избавил он ее от такого мужа, — ведь оказался он простым портным. Стал король ее утешать и сказал:

— В эту ночь ты опочивальню свою не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и когда он заснет, они войдут, свяжут его и отнесут на корабль, и будет он отвезен в дальние земли.

Королева осталась этим довольна, но королевский оруженосец, который все это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему об этом замысле.

— Я с этим делом управлюсь, — сказал портняжка.

Вечером он улегся в обычное время в постель со своей женой. Она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла опять в постель. А портняжка притворился спящим и начал громко кричать: «Малый, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увел из лесу единорога и поймал дикого вепря — мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!»

Услышали слуги, что говорит портной, охватил их великий страх, и они убежали прочь, будто гналось за ними по пятам грозное войско. И никто уже с той поры больше не отваживался трогать портного.

И вот, как был портняжка королем, так на всю свою жизнь им и остался.

Золушка

Заболела раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

— Мое милое дитя, будь скромной и ласковой, и господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя.

Потом закрыла она глаза и умерла. Девочка ходила каждый день на могилу к матери и плакала, и была смирной и ласковой.

Вот наступила зима, и снег укутал белым саваном могилу, а когда весной опять засияло солнышко, взял богач себе в жены другую жену.

Привела мачеха в дом своих дочерей. Были они лицом красивые и белые, но сердцем злые и жестокие. И настало тогда тяжелое время для бедной падчерицы.

— Неужто эта дура будет сидеть у нас в комнате? — сказала мачеха. — Кто хочет есть хлеб, пускай его заработает. А ну-ка, живей на кухню, будешь стряпухой.

Отбрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

— Поглядите-ка на эту гордую принцессу, ишь как вырядилась, — говорили они, смеясь, и отвели ее на кухню.

И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять черную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть. А кроме того, сводные сестры всячески старались, как бы ее посильней огорчить — насмехались над нею, высыпали горох и чечевицу в золу, и ей приходилось сидеть и выбирать их оттуда опять.

Вечером, когда она от работы уставала, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе. И оттого, что была она всегда в золе, в пыли и грязная, прозвали ее сестры Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку, и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

— Красивые платья, — сказала одна.

— Жемчуга и драгоценные камни, — попросила другая.

— Ну, а ты что, Золушка, хочешь?

— Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку, — отломи ее и привези мне с собой.

Накупил отец своим падчерицам красивые платья, жемчуга и самоцветные камни, и когда на обратном пути ехал он через лесок, ветка орешника хлестнула его, да так сильно, что и шапку с головы у него сбила, — он сорвал эту ветку и привез ее с собой. Воротился он домой и подарил падчерицам то, что они просили, а Золушке отдал ветку орешника.

Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу к матери и посадила там ветку, и так сильно плакала, что слезы катились у нее из глаз на землю, и они полили ту ветку. Вот выросла веточка и стала красивым деревом. Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка; и когда Золушка ей говорила какое-

нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, что она просила.

Но вот случилось однажды, что король затеял пир, который должен был длиться целых три дня, и созвал на праздник всех красивых девушек страны, с тем чтобы сын его мог выбрать себе невесту. Когда две названные сестры узнали о том, что им тоже надо явиться на пир, они стали добрее, кликнули Золушку и говорят:

— Причеси нам волосы, почишь туфли и застегни застёжки, да покрепче, мы ведь идем в королевский дворец на смотрины.

Золушка их послушалась, но заплакала — ей тоже хотелось пойти потанцевать; она стала просить мачеху, чтобы та отпустила ее.

— Ты ведь Золушка, — сказала ей мачеха, — вся ты в золе да в грязи, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нету, ни туфель, а ты хочешь еще танцевать.

Перестала Золушка ее просить, а мачеха ей и говорит:

— Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь ее за два часа, тогда можешь идти вместе с сестрами.

Вышла Золушка черным ходом в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Плохие, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и опустились на золу. Наклонили голубки свои головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и осталь-

ные тоже: тук-тук-тук-тук, и так повыбрали все зернышки в мисочку. Не прошло и часу, как кончили они работу и все улетели назад.

Принесла Золушка мисочку своей мачехе, стала радоваться, думая, что ей можно будет итти на пир, но мачеха сказала:

— Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь, — там над тобой только посмеются.

Заплакала Золушка, а мачеха и говорит:

— Вот если выберешь мне за один час из золы две полных миски чечевицы, то можешь пойти вместе с сестрами, — а сама подумала про себя: «Этого уж ей не сделать никогда». Высыпала мачеха две миски чечевицы в золу, а девушка вышла через черный ход в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Плохие, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и спустились на золу. Наклонили голубки головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и повыбрали все зернышки в миску. Не прошло и получаса, как кончили они работу и улетели все назад.

Принесла Золушка две миски чечевицы мачехе, стала радоваться, думая, что теперь-то ей можно будет итти на пир, а мачеха и говорит:

— Ничего тебе не поможет: не пойдешь ты вместе со своими сестрами, — и платья у тебя нету да и танцевать ты не умеешь, — нам будет за тебя только стыдно.

Повернулась она спиной к Золушке и поспешила со своими двумя дочерьми на пир.

Когда дома никого не осталось, пошла Золушка на могилу к своей матери под ореховое деревцо и кликнула:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица золотое и серебряное платье, шитые шелком да серебром туфельки. Надела она быстро это платье и явилась на смотрины.

А сводные ее сестры и мачеха об этом не знали и подумали, что это, должно быть, какая-то чужая королевна, — такая красивая была она в своем золотом платье. Им и в голову не пришло, что это Золушка; они думали, что сидит она дома в грязи и выбирает из золы чечевицу.

Вот вышел ей навстречу королевич, взял ее за руку и стал с ней танцевать. И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, всё держал ее за руку, и если кто подходил приглашать ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Проплясала она до самого вечера и хотела уже домой возвращаться, а королевич ей и говорит:

— Я пойду тебя проводить. — Ему хотелось узнать, чья это дочка-красавица; но она от него убежала и взобралась на голубятню.

И дождался королевич до тех пор, пока не пришел отец, и сказал ему королевич, что какая-то неизвестная девушка взобралась на голубятню. Старик подумал: «А не Золушка ли это?», и велел принести топор и багор, чтобы разрушить голубятню, но в ней никого не оказалось.

Вернулись родители домой, видят — лежит Золушка в своей посконной рубахе на золе, и горит у печки тусклая масляная лампочка. А дело было так: Золушка быстро выпрыгнула с другой стороны голубятни и побежала к ореховому деревцу, там она сняла свое красивое платье и положила его на могилу; унесла его птица назад, и надела Золушка опять свою серую посконную рубаху и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда пир начался снова и родители и сводные сестры ушли опять из дому, направилась Золушка к ореховому дереву и молвила так:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица еще более пышное платье, чем в прошлый раз. И когда явилась она в этом платье на пир, каждый дивился, глядя на ее красоту. Королевич ждал ее, пока она не пришла, и тотчас взял ее за руку и танцевал только с нею одной. Когда к ней подходили другие и приглашали ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и она собралась уходить, и пошел королевич следом за ней, чтобы посмотреть, в какой дом она войдет. Но она убежала прямо в сад, который находился за домом. И росло в том саду красивое большое дерево, и висели на нем чудесные груши. Она проворно взобралась на него, как белочка по веткам, а королевич и не заметил, куда она исчезла. Стал он ее поджидать, и когда явился отец, королевич ему говорит:

— От меня убежала неизвестная девушка, мне кажется, что она взобралась на грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?», и велел принести топор и срубил дерево, но на нем никого не оказалось. Пришли они в кухню, видят — лежит Золушка, как и в прошлый раз,

на золе; как и тогда, она спрыгнула с другой стороны дерева и отдала птице, что прилетела на ореховое дерево, свое прекрасное платье и надела опять серую посконную рубаху.

На третий день, когда родители и сводные сестры ушли на пир, отправилась Золушка снова на могилу к матери и молвила деревцу:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица платье, такое сияющее и великолепное, какого еще никогда ни у кого не было; а туфельки были из чистого золота.

Вот явилась она на пир в этом платье, и никто не знал, что и сказать от изумленья. Королевич танцевал только с нею одной, а если кто ее приглашал, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и собралась Золушка уходить; и хотелось королевичу ее проводить, но она так ловко от него ускользнула, что он даже этого и не заметил. Но придумал королевич хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой; и когда она от него убежала, то туфелька с ее левой ноги осталась на одной из ступенек. Королевич поднял эту туфельку, и была она такая маленькая и нарядная, и вся из чистого золота.

На другое утро пошел королевич с той туфелькой к отцу Золушки и говорит:

— Моей женой будет только та, на чью ногу придется эта золотая туфелька.

Обрадовались обе сестры — ноги у них были очень красивые. Старшая отправилась в комнату, чтобы примерить туфельку, и мать была тоже с нею. Но никак не могла она натянуть туфельку на ногу: мешал большой палец, и туфелька оказалась ей мала. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби большой палец; когда станешь королевой, все равно пешком ходить тебе не придется.

Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с нею.

Но надо было им проезжать мимо могилы, а сидело там два голубка на ореховом деревце, и запели они:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дóма ждет тебя невеста.

Посмотрел королевич на ее ногу, видит — кровь из нее течет. Повернул он назад коня, привез самозванную невесту до-

мой и сказал, что это невеста не настоящая, — пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе все равно ходить не придется.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусилa губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но проезжали они мимо орехового деревца, а сидело на нем два голубка, и они запели:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дóма ждет тебя невеста.

Глянул он на ее ногу, видит — кровь течет из туфельки, и белые чулки совсем красные стали. Повернул он коня и привез самозванную невесту назад в ее дом.

— И эта тоже не настоящая, — сказал он, — нет ли у вас еще дочери?

— Да вот, — сказал отец, — осталась от покойной моей жены маленькая, несмышленная Золушка, — да куда уж ей быть невестой!

Но королевич попросил, чтоб ее привели к нему; а мачеха и говорит:

— Да нет, она такая грязная, ей нельзя никому и на глаза показываться.

Но королевич захотел во что бы то ни стало ее увидеть; и пришлось привести к нему Золушку. И вот умыла она сначала руки и лицо, потом вышла к королевичу, склонилась перед ним, и он подал ей золотую туфельку. Села она на скамейку, сняла с ноги свой тяжелый деревянный башмак и надела туфельку, и пришлось она ей как раз впору. Вот встала она, посмотрел королевич ей в лицо и узнал в ней ту самую красавицу-девушку, с которой он танцевал, и он воскликнул:

— Вот это и есть настоящая моя невеста!

Испугались мачеха и сводные сестры, поблeднели от злости; а он взял Золушку, посадил на коня и ускакал с ней.

Когда проезжали они мимо орехового деревца, молвили два белых голубка:

Оглянися, посмотри,
В башмачке-то нет крови,
Башмачок, видать, не тесный,
Вот она — твоя невеста!

Только они это вымолвили, улетели оба с дерева и уселись на плечи к Золушке: один на правое плечо, другой на левое, — так и остались они сидеть.

Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сестры, хотели к ней подольститься и разделить с ней ее счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку, а младшая по левую; и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них еще по глазу.

Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой.

Загадка

Жил-был когда-то королевич. Захотелось ему поездить по белу свету, и взял он с собой в дорогу только одного верного слугу.

Однажды попал королевич в дремучий лес, а стало уже смеркаться, и не мог он нигде найти себе ночлега, и не знал, где заночевать. Вдруг увидел он девушку, она направлялась к маленькой избушке; королевич подошел поближе, видит — девушка она молодая и красивая. Он заговорил с нею и сказал:

— Милое дитя, нельзя ли будет мне с моим слугой переночевать в этой избушке?

— Конечно, можно, — сказала девушка печальным голосом, — но я вам не советую этого делать, вы туда не заходите.

— А почему не заходить? — спросил королевич.

Девушка вздохнула и говорит:

— Моя мачеха колдовством занимается и чужим людям добра не делает.

Тут он понял, что попал в дом ведьмы; но так как стало уже темнеть, а ехать он дальше не мог, то он не побоялся и вошел в избушку. Старуха сидела в кресле у очага и глянула своими красными глазами на чужих людей.

— Добрый вечер, — заговорила она картавя и так это ласково им предложила: — ложитесь себе и отдыхайте.

Она раздула угли, на которых что-то варила в маленьком горшке. Дочка предупредила заезжих, чтобы были они осторожней, ничего бы не ели и не пили, так как старуха варит волшебные зелья.

Они проспали спокойно до раннего утра. Вот приготовились они к отъезду, и королевич сидел уже на коне, а старуха тут и говорит:

— Погоди маленько, я хочу поднести вам на прощанье вина.

Пока она его принесла, королевич успел уже ускакать, а слуге надо было еще подтянуть на коне седло, и он остался один; а тут явилась злая ведьма со своим зельем.

— Передай это своему господину, — сказала она.

Но в этот миг пузырек лопнул, и брызнул яд на коня, а был яд такой сильный, что конь тотчас пал замертво наземь. Слуга догнал своего господина и рассказал ему о том, что случилось, но слуге не хотелось бросать седло, и он кинулся назад, чтобы его забрать. Но когда он подошел к мертвому коню, на нем уже сидел ворон и клевал труп.

— Кто знает, найдем ли мы нынче что-либо лучшее? — сказал про себя слуга, убил ворона и взял его с собой.

Пробирались они через лес целый день, но выбраться из него никак не могли. С наступлением ночи они разыскали харчевню и зашли в нее. Слуга отдал ворона хозяину и попросил приготовить его на ужин. Но попали они в разбойничий притон. И явились темной ночью двенадцать разбойников и решили убить и ограбить заезжих людей. Но прежде чем приступить к своему делу, они сели за стол поужинать; хозяин и ведьма подсели к ним тоже и съели вместе с ними миску похлебки, в которой был сварен ворон. Но только проглотили они по куску, как тотчас упали все замертво наземь, так как к ворону перешел яд от конского трупа.

И осталась теперь в доме одна только дочь хозяина; была она девушка честная и в злых делах участия не принимала. Она открыла незнакомцу все комнаты и показал ему груды сокровищ. Но королевич сказал, что пусть все это останется у нее, он ничего из этих богатств не хочет, и поскакал со своим слугой дальше.

Они странствовали долгое время и прибыли, наконец, в один город, где жила прекрасная, но гордая королевна. Она всем объявила, что тот, кто загадает ей такую загадку, которой она не сможет решить, станет ее мужем; а если она ее разгадает, то срубят тому человеку голову с плеч. Ей давалось на обдумывание три дня, и была она такая умная, что всегда к назначенному сроку все загадки разгадывала.

К тому времени погибло уже девять человек, а тут как раз прибыл и королевич и, ослепленный ее большой красотой, решил рискнуть своей жизнью. Он пришел к ней и задал свою загадку.

— Что значит, — сказал он: — один не одолел никого, но одолел, однакож, двенадцать?

Она не знала, что это такое, стала думать и разгадывать, но ничего придумать не могла. Она раскрыла свои книги загадок, но подобной загадки там не было, — короче говоря, ее мудрости наступил предел. И, не зная, как быть, она приказала своей служанке пробраться тайком в спальню приезжего господина и подслушать там его сновидения, — она думала, что, может быть, он разговаривает во сне и выдаст свою загадку. Но умный слуга лег в постель вместо господина, и когда явилась служанка, он сорвал с нее покрывало, в которое та закуталась, и прогнал ее палкой из комнаты.

На другую ночь послала королева свою камеристку, думая, что той удастся лучше подслушать; но и с нее сорвал слуга покрывало и прогнал ее палкой. И вот королевич решил, что на третью ночь он может быть спокоен, и улегся в постель. Но явилась сама королева, закутанная в серое, как туман, покрывало, и уселась с ним рядом. Она подумала, что он уже уснул и ему снятся сны, и с ним заговорила, надеясь, что он ответит во сне, как случается это со многими, — но он бодрствовал и все слышал и понимал очень хорошо. Она спросила:

— Один не одолел никого, что это значит?

Он ответил:

— Это ворон, что клевал мертвого и отравленного коня и погиб из-за того.

Затем она спросила:

— И, однако, одолел двенадцать, что это значит?

— Это двенадцать разбойников, съевших ворона и оттого погибших.

Узнав загадку, она решила выбраться тайком из комнаты, но он крепко ухватился за ее покрывало, и оно осталось у него в руках.

На другое утро королева объявила, что загадку она разгадала, велела призвать двенадцать судей и объяснила ее перед ними. Но королевич попросил выслушать и его и сказал:

— Она подкралась ко мне ночью и выведала у меня ответ, а то бы она никогда ее не разгадала.

И судьи сказали:

— Так принесите нам знак доказательства.

И принес слуга три покрывала, и когда судьи увидели серое, как туман, покрывало, что обычно носила королева, они сказали:

— Пусть покрывало это вышьют серебром и золотом, и будет оно вам свадебным одеянием.

О мышке, птичке и колбаске

Однажды мышка, птичка да колбаска порешили жить вместе. Стали они вести общее хозяйство и долго жили ладно и богато, в мире и согласии, и хозяйство их все росло и росло.

Работа у птички была такая — летать каждый день в лес за дровами. А мышка должна была воду носить, огонь разводить и стол накрывать, а колбаска оставалась стряпать.

Но кому и так хорошо живется, тому еще большего хочется! Вот случилось птичке повстречаться в лесу с другой птицей, и рассказала она ей про свое хорошее житье-бытье и стала им похвастаться. А та, другая птица, стала ее бранить и говорить, что работает-де птичка слишком много, а получает мало; а те двое, что остаются дома, живут, мол, куда лучше. Вот хотя бы взять, например, мышку: разведет она огонь, принесет воду и идет себе отдыхать в свою каморку, пока не позовут ее на стол накрывать. А колбаска, та всё у горшков торчит да присматривает, чтобы пища варилась как следует, а как придет время обедать, то стбит ей раза четыре повертеться в каше или в овощах, а они уже и жирны, и посолены, и к столу готовы.

Вот прилетела птичка домой, сбросила свою ношу, и сели они за стол, а после обеда как залегли, да так и проспали до самого утра, — вот уж жизнь-то была, что и говорить, расчудесная!

Но птичку раззадорили, и не захотелось ей на другой день лететь в лес. Она объявила, что слишком долго была у них служанкой и оставалась в дурах и что им следует поменяться работой и попробовать жить по-другому.

И как ни просили ее мышка и колбаска, но птичка, однако, на своем настояла. Пришлось им согласиться; кинули жребий — и выпало колбаске дрова таскать, мышке стряпухой быть, а птичка должна была воду носить.

Но что же случилось потом? Отправилась колбаска за дровами, птичка развела огонь, мышка поставила горшок в печь, и стали они ждать, пока колбаска домой вернется и притащит запас дров. А ее все нету и нету, почуяли они недоброе, и полетела птичка ей навстречу. Увидела она неподалеку на дороге собаку, которая, напав на бедную колбаску, схватила ее и растерзала. Стала птичка обвинять собаку в грабеже и убийстве, но слова помогали мало. Собака ссылалась на то, что нашла, мол, будто у колбаски подмётные письма и потому решила ее казнить.

Грустно стало птичке, она взвалила на себя дрова, полетела домой и рассказала обо всем, что слыхала и видала. Очень они

опечалились с мышкой, но решили, что лучше всего им оставаться вместе.

Пришлось птичке накрывать стол, а мышка стала обед готовить. И вот решила она последовать примеру колбаски и прыгнуть в горшок с овощами, повертеться в нем, поболтаться, чтоб было наваристей. Но едва залезла она в горшок, как обварилась, да так сильно, что у нее вылезла шерсть, слезла кожа, тут ей и конец настал.

Пришла птичка обед к столу подавать, глядь — нету стряпухи. Птичка в смущении побросала дрова, стала звать ее и кричать, но стряпухи своей она так и не нашла. И попал по неосторожности огонь на дрова; они загорелись, и начался пожар. Бросилась птичка второпях за водой, да упустила ведро в колодец, и сама за ним тоже в колодец упала, и не могла она спастись оттуда, — так и утонула.

Госпожа Метелица

Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работающая, а другая — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а той приходилось исполнять всякую работу и быть в доме золушкой.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и пряхть пряжу, да так много, что от работы у нее кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что все веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у нее из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свое горе.

Стала мачеха ее сильно бранить и была такою жестокой, что сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлеба один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

— Милое дитяtko, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всем свете итти снег¹; я — госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всем угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у нее хорошо, и она никогда не слыхала от нее дурного слова, а вареного и жареного каждый день было у ней в досталь.

¹ Вот потому, когда идет в Гессене снег, и говорят, что это госпожа Метелица (фрау Холле) взбивает свою перину. (Примеч. братьев Я. и В. Гримм.)

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей нехватает; но, наконец, она поняла, что тоскует по родному дому, и хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, все же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

— Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь под землей, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. — Она взяла ее за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь, и все золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала, — сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец. Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце;

Ку-ка-ре-ку!

Наша девица золотая тут как тут.

И вошла она прямо в дом к мачехе; и оттого что была она вся золотом покрыта, ее приняли и мачеха и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. Как услышала мачеха о

том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила ее у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у ней тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и ее сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Но ленивица на это ответила:

— Да что мне за охота пачкаться! — и пошла дальше.

Подошла она вскоре к яблоне; и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Но ответила она яблоне:

— Еще чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! — и двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у ней никакого страха, — она ведь уже слыхала про ее большие зубы, — и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, — она всё думала о золоте, которое та ей подарит. Но на второй день стала она полениваться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это, наконец, госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на нее золотой дождь.

Госпожа Метелица повела ее тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на нее полный котел смолы.

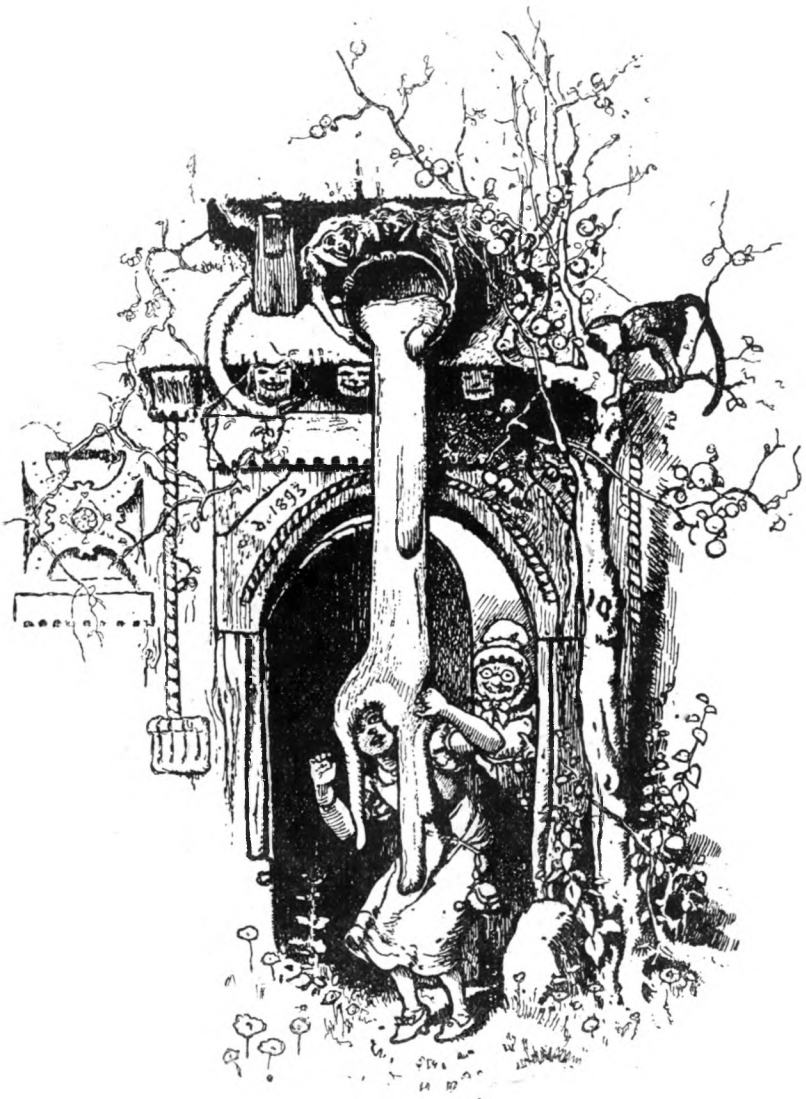
— Это тебе в награду за твою работу, — сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел ее петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девушка-грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти.

Семь воронов

Было у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось ее иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая; но дитя оказалось хилое и маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежало вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды. — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они всё не возвращались, потерял он, наконец, терпенье и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело забыли. — И он стал опасаться, что девочка помрет некрещеной, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он это слово, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро черных как смоль воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклятья, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но все же мало-помалу утешились, глядячи на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днем становилась все красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у нее братья, — отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услышала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастьи своих семерых братьев.

Услыхав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у нее братья и куда они пропали. И вот, — правды не скроешь, — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше и рождение ее было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-матери одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но был он такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей:

— Чую, чую мясо человечье.

Она убежала от него и пришла к звездам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звезд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костыльк и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стекло́нной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костыльк, завернула его хорошенько в плагочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не подошла к Стекло́нной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать костыльк, развернула платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звезд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стекло́нной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик, и говорит ей:

— Девочка, ты что здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нету дома.

Если хочешь их подождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принес воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каждого кубочка по глоточку, а в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист. И говорит ей карлик:

— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из моего кубочка? Никак человечьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

— Дай боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услышала их желание и вошла к ним, — и вот обернулись вороны опять в людей. И целовались они, миловались и весело вместе домой воротились.

Красная Шапочка

Жила-была маленькая, милая девочка. И кто, бывало, ни взглянет на нее, всем она нравилась, но больше всех ее любила бабушка и готова была все ей отдать. Вот подарила она ей однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была ей очень к лицу и никакой другой она носить не хотела, то прозвали ее Красной Шапочкой.

Вот однажды мать ей говорит:

— Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляется. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; в сторону с дороги не сворачивай, а то, чего доброго, упадешь и бутылку разобьешь, тогда бабушке ничего не достанется. А как войдешь к ней в комнату, не забудь с ней поздороваться, а не то, чтоб сперва по всем углам туда да сюда заглядывать.

— Я уж справлюсь как следует, — ответила матери Красная Шапочка и с ней попрощалась.

А жила бабушка в самом лесу, полчаса ходьбы от деревни будет. Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей

волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злощущий зверь, и вовсе его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк.

— Спасибо тебе, волк, на добром слове.

— Куда это ты, Красная Шапочка, собралась так рано?

— К бабушке.

— А что это у тебя в переднике?

— Вино и пирог, мы его вчера испекли, хотим чем-нибудь порадовать бабушку, она больная да слабая, пускай поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Да вон там, чуть подалее в лесу, надо еще с четверть часа пройти; под тремя большими дубами стоит ее домик, а пониже густой орешник, — ты-то, пожалуй, знаешь, — сказала Красная Шапочка.

«Славная девочка, — подумал про себя волк, — лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он пошел рядом с Красной Шапочкой и говорит:

— Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не посмотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно распевают птички? Ты идешь, будто в школу торопишься, — а в лесу-то как весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи и всё кругом в

прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести бабушке свежий букет цветов, — это будет ей, наверно, тоже приятно; еще ведь рано, притти во-время я успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес. А волк тем временем кинулся прямехонько к бабушкиному дому и в дверь постучался.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе вино и пирог, открой мне.

— А ты нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь быстро отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старуху. Затем он надел ее платье, на голову — чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка всё цветы собирала, и когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней. Она удивилась, что дверь настезь открыта, а когда вошла в комнату, все показалось ей таким странным, и она подумала: «Ах, боже мой, как мне нынче

тут страшно, а ведь я всегда бывала у бабушки с такою охотой!»
И она кликнула:

— Доброе утро! — но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядывает она так странно, странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши?

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя схватить!

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, страшно большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Только сказал это волк, и как вскочит с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть. А проходил в ту пору мимо дома охотник и подумал: «Как, однако, старуха сильно храпит, надо будет посмотреть, может ей надо чем помочь». И он вошел к ней в комнату, подходит к постели, глядь — а там волк лежит.

— А-а! Вот ты где, старый греховодник! — сказал он. — Я уж давненько тебя разыскиваю.

И он хотел было уже нацелиться в него из ружья, да подумал, что волк, может быть, съел бабушку, а ее можно еще спасти; он не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку. Сделал он несколько надрезов, видит — просвечивает красная шапочка, надрезал еще, и выскочила оттуда девочка и закричала:

— Ах, как я испугалась, как было у волка в брюхе темно-темно!

Выбралась потом оттуда и старая бабушка, жива-живехонька, — еле могла отдышаться. А Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут проснулся он, хотел было убежать, но камни были такие тяжелые, что он тогчас упал, — тут ему и конец настал.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила

вина, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться, а Красная Шапочка подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду сворачивать одна с большой дороги в лесу без материнского позволения».

Рассказывают еще, что однажды, когда Красная Шапочка опять несла бабушке пирог, заговорил с ней другой волк и хотел было увести ее с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путем прямо, и

рассказала бабушке, что встретился ей по дороге волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на нее своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы ее.

— Так вот что, — сказала бабушка Красной Шапочке, — давай-ка запрем двери, чтоб не мог он сюда войти.

А тут вскоре и волк постучался и говорит:

— Бабушка, отпри мне, я — Красная Шапочка, пирог тебе принесла.

А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошел серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть

ее в темноте. Но бабушка догадалась, что задумал волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот бабушка и говорит внучке:

— Красная Шапочка, возьми ведро — я вчера варила в нем колбасу — и вылей воду в корыто.

Красная Шапочка стала носить воду, пока большое-пре-большое корыто наполнилось всё доверху. И почуял волк запах колбасы, повел носом, глянул вниз и, наконец, так вытянул шею, что не мог удержаться и покатился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нем и утонул он.

А Красная Шапочка счастливо домой ворогилась, и никто уже с той поры ее больше не обижал.

Бременские уличные музыканты

Был у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без-
успех мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе
не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не
стоит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и
убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен, — он ду-
мал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот
прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге
охотничью собаку: она лежала тяжело дыша, высунув
язык, — видно, бежать устала.

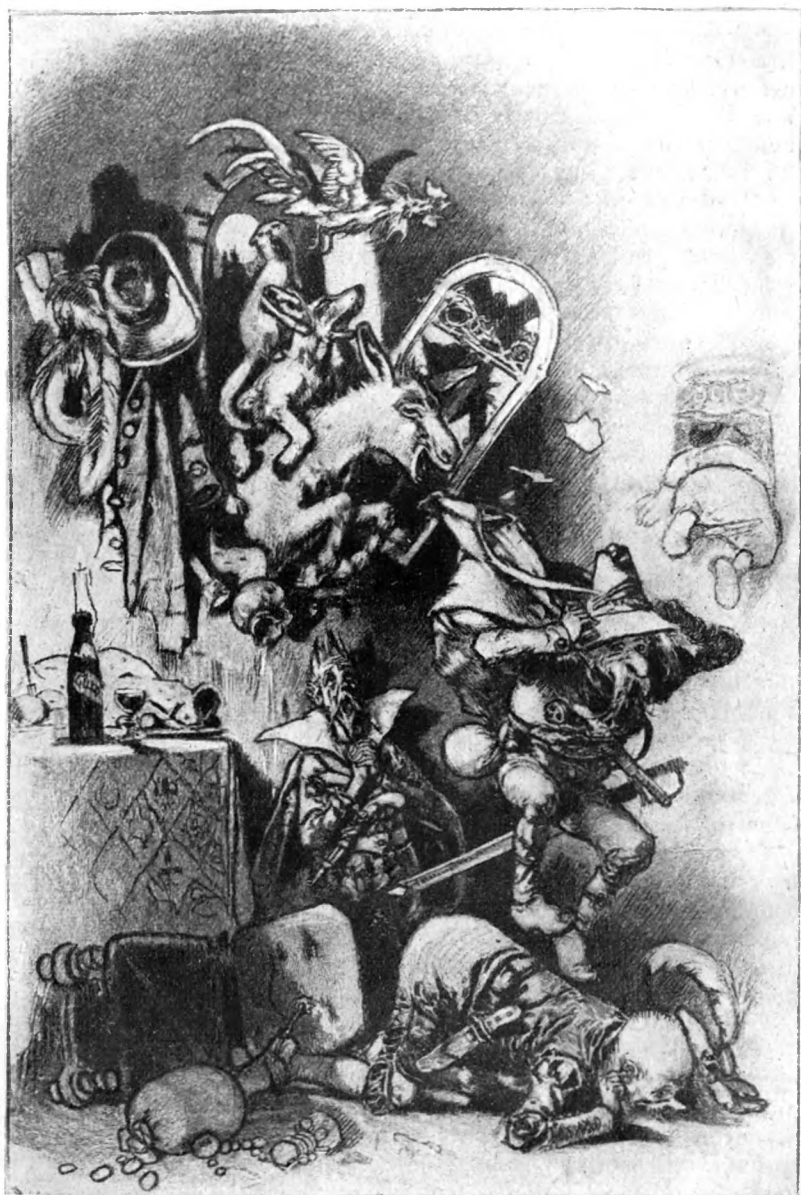
— Ты что это, Хватай, так тяжело
дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох, — отвечает собака, — стара я
стала, что ни день, то все больше слабею,
на охоту ходить уже
не в силах; вот и за-
думал меня хозяин
убить, но я от него
убежала. Как же мне
теперь на хлеб зара-
батывать?

— Знаешь что, —
говорит осел, — я иду
в Бремен, хочу сде-
латься там уличным
музыкантом; пойдем
вместе со мной, по-
ступай ты тоже в му-
зыканты. Я играю на
лютне, а ты будешь
бить в литавры.

Собака на это
охотно согласилась,
и они пошли дальше.
Вскоре повстречали
они на пути кота;
он сидел у дороги,
мрачный да невесе-
лый, словно дожде-
вая гуча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, — отвечает кот, — стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, — вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен, — ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь? — говорит осел. — Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Ведь нынче богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости придут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, петушок-красный гребешок, — сказал осел, — ах, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен, — хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и она двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалеко, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осел, — вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось. — сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот, на-

конец, нашли они способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот заберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Пужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться, — каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверь, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, всё как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться, — и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Гашите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четверем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.

Поющая косточка

Настало раз в одной земле великое разоренье из-за дикого кабана. Портил кабан крестьянам поля, уничтожал скот, а людей разрывал своими клыками. И вот посулил король, что тот, кто освободит землю от такой напасти, получит большую награду. Но зверь был такой огромный и сильный, что никто не отваживался подходить близко к лесу, где он обитал. Наконец король объявил, что тот, кто поймает или убьет дикого кабана, получит в жены его единственную дочь.

А жили в то время в этой земле двое братьев, сыновья одного бедняка. Вот явились они и решили отважиться на это опасное дело. Старший был хитер и умен и согласился на это из удачи, а младший был простодушен и глуп и пошел на это от чистого сердца. И сказал король:

— Чтоб вернее зверя поймать, заходите в лес с разных сторон.

И отправился старший брат в лес с вечера, а младший с утра. Прошел младший брат немного, глядь — подходит к нему маленький человечек, было у него в руке черное копьё, и говорит:

— Это копьё даю я тебе потому, что у тебя доброе и чистое сердце. С этим копьём ты можешь спокойно идти на дикого кабана, — он не причинит тебе никакого вреда.

Младший брат поблагодарил человечка, положил на плечи копьё и без всякого страха двинулся дальше. Вскоре он заметил зверя, который кинулся на него, но он протянул навстречу ему копьё, и зверь в слепой ярости бросился на копьё с такой силой, что сердце разорвалось у него надвое. Взвалил он тогда чудовище на плечи и отправился домой, чтоб отнести его королю.

Вышел он из лесу с другой стороны, видит — стоит на опушке дом, веселятся в нем люди, пляшут и распивают вино. Его старший брат тоже зашел туда; считая, что кабан от него все равно не убежит, захотелось ему сперва для пущей храбрости выпить.

Заметил он младшего брата, который выходил из лесу, нагруженный добычей, и не стало покоя его завистливому и злому сердцу. Он окликнул его:

— Милый братец, заходи-ка сюда, отдохни да подкрепишься кубком вина.

Младший брат, не подозревая ничего дурного, зашел в дом и рассказал брату о добром человечке, давшем ему копьё, которым он и убил кабана. Старший брат уговорил младшего остаться здесь до вечера, а затем они отправились вместе.

Подошли они в сумерках к мосту над ручьем, и предложил старший брат младшему идти вперед; и вот когда тот дошел до середины моста, ударил его старший брат сзади так сильно, что тот свалился замертво вниз. Закопал он его под мостом, взял затем кабана, принес его королю и стал утверждать, что это он-де его убил; и получил он за то королевскую дочь в жены.

Когда младший брат назад не вернулся, то старший сказал:

— Это его дикий кабан разорвал, — и все этому поверили.

Но ничего не остается скрытым от бога; так и это темное дело должно было обнаружиться. Много лет спустя гнал однажды пастух свое стадо через мост и заметил внизу на песке белую, как кипень, косточку и решил, что из нее выйдет хороший мундштук. Он спустился вниз, поднял ее и вырезал из нее для своего рожка мундштук. Вот попробовал он на нем заиграть, и начала косточка, к великому удивленью пастуха, сама петь:

Ах, мой милый пастушок,
Ты на косточке играешь в свой рожок,
Братец-то меня убил,
Под мостом захоронил,—
Из-за злого кабана,
Ради дочки короля.

— Что это за волшебный рожок, — сказал пастух, — сам по себе поет, надо будет отнести его королю.

Пришел он к королю, и запел снова рожок свою песенку. Тогда король все понял и велел раскопать под мостом землю, — и нашли там кости убитого.

И не мог злой брат отрицать своего злодейства, и вот зашили его в мешок и живым утопили, а кости убитого брата схоронили на кладбище в красивом гробу на вечный покой.

Чорт с тремя золотыми волосами

Жила однажды бедная женщина, вот родила она сыночка, родился он на свет в рубашке, и было ему предсказано, что на четырнадцатом году он женится на королевской дочери. И случилось, что вскоре после того прибыл в эту деревню король; но никто не знал, что это король, и когда он стал расспрашивать у людей, что тут у них нового, ему ответили:

— Да вот родился у нас на этих днях ребенок в рубашке; что он ни задумает, во всем ему будет удача. И предсказано ему еще, что на четырнадцатом году будто женится он на королевской дочери.

А было у короля сердце злое; разгневался он, узнав о таком предсказании, и пошел к родителям ребенка, прикинулся таким ласковым, таким добрым и говорит:

— Вы люди бедные, отдайте мне вашего ребенка, уж я о нем позабочусь.

Поначалу они отказывались, но когда этот чужой человек предложил им за это немало золота, они порешили: «Уж раз он родился счастливецом, то будет это для него к лучшему», и они согласились и отдали ребенка.

Положил король ребенка в походный ларец и поскакал с ним на коне дальше. Подъехал он к глубокому омуту, бросил ларец в воду и подумал: «Вот я и спас свою дочь от непрошеного жениха». Но ларец не утонул, а поплыл, словно кораблик, и ни одна капля воды в него не просочилась. И отплыл он на две мили от королевской столицы, приплыл к мельнице и остановился у плотины. К счастью, стоял поблизости работник с мельницы, он заметил ларец и вытащил его багром на берег, думая найти в нем немалые сокровища; но когда он его открыл, то увидел, что лежит в нем красивый мальчик, здоровый и веселый. Он принес его к мельнику и его жене, и так как детей у них не было, то мельничиха обрадовалась и говорит:

— Это сам господь бог послал нам дитяtko. — Стали они о найденныше заботиться, и он вырос, воспитанный во многих добродетелях.

Но вот случилось однажды, что король, желая укрыться от грозы, зашел на мельницу и, заметив рослого мальчика, спросил у мельника и его жены, не их ли это сын.

— Нет, — ответили они, — это найденныш. Четырнадцать лет тому назад его принесло в ларце к нашей плотине, и работник вытащил его из воды.

Тогда король понял, что это не кто иной, как тот самый счастливец, которого он бросил в воду, и он сказал:

— А нельзя ли будет, люди добрые, послать его с моим письмом к королеве? Я дам ему за это в награду два золотых.

— Как прикажет король, — ответили мельник и мельничиха и велели юноше приготовиться в путь-дорогу.

И написал король письмо королеве, а было в нем сказано: «Как только этот мальчик прибудет с моим письмом, я приказываю его убить и закопать в землю; и сделать все это надо до моего возвращения».

Отправился мальчик с этим письмом в дорогу, но в пути заблудился и попал под вечер в дремучий лес. В темноте он за-

метил огонек, пошел навстречу ему и очутился около избушки. Вошел он туда, видит — сидит у очага старуха, а больше в избушке никого нету. Она увидела юношу, испугалась и говорит:

— Ты откуда и куда направляешься?

— Я иду с мельницы, — ответил он, — направляюсь к королеве, несу ей письмо; да вот заблудился в лесу и хотел бы у тебя переночевать.

— Бедный ты мальчик, — молвила старуха, — ведь ты попал в разбойничий притон; когда разбойники вечером вернутся домой, они тебя убьют.

— Ну, что ж, пускай приходит кто угодно, — сказал юноша, — я никого не боюсь; я так устал, что идти дальше не в силах. — И он лег на лавку и уснул.

Вскоре явились разбойники и гневно спросили, почему тут лежит какой-то чужой мальчик.

— Ах, — сказала старуха, — да ведь это ж еще совсем невинный младенец, он заблудился в лесу, и я из жалости его приютила; он должен доставить письмо королеве.

Распечатали разбойники письмо, прочитали его, а написано в нем было, что как только он явится, его надо немедля убить. И вот почувствовали жестокие разбойники жалость, их атаман разорвал письмо и написал вместо него другое, где сказано было, что как только он явится, его тотчас должно обвенчать с королевской дочерью. Они оставили его спокойно спать на лавке до самого утра, а когда он проснулся, дали ему письмо и показали дорогу.

Королева, получив письмо и прочитав его, поступила так, как было в нем указано: она велела устроить пышную свадьбу, и королева была повенчана со счастливецом. А так как юноша был красивый и ласковый, то жила она с ним в радости и довольстве.

Спустя некоторое время король вернулся в свой замок и увидел, что исполнилось предсказанье и счастливец повенчан с его дочерью.

— Как же это случилось? — спросил он. — Ведь я в своем письме дал совсем другой указ.

Тогда подала ему королева письмо и сказала: пусть, мол, сам поглядит, что в нем написано. Прочитал король письмо и сразу заметил, что его подменили другим. Он спросил юношу, куда девалось доверенное ему письмо и почему он принес вместо него другое.

— Я ничего об этом не знаю, — ответил он, — должно быть, его ночью подменили, когда я спал в лесу.

И сказал разгневанный король:

— Ну, это тебе не так-то легко удастся! Кто хочет получить дочь мою в жены, тот должен добыть мне из ада три золотых

волоса с головы чорта, — если принесешь, что я требую, то останется моя дочь твоею женой.

Так думал король отделаться от него раз навсегда. Но счастливец ответил:

— Что ж, золотые волосы я вам добуду, чорта я не боюсь. — На том он простился с королем и начал свое странствие.

И привела его дорога к одной столице. Городской привратник начал его выспрашивать, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил счастливец.

— Тогда окажи нам услугу, — сказал привратник, — объясни, отчего наш фонтан на рыночной площади, из которого прежде било вино, ныне иссяк и даже вода из него не течет.

— Это я вам объясню, — ответил юноша, — подождите только, пока я назад вернусь.

И он отправился дальше и подошел к другому городу; и опять спросил его привратник, какое ремесло он знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил он.

— Тогда окажи нам услугу и скажи, отчего дерево в нашем городе раньше давало золотые яблоки, а теперь на нем даже и листьев нету.

— Это я вам объясню, — ответил он, — только подождите, пока я назад вернусь.

Пошел он дальше и пришел к большой реке, и надо было ему через ту реку переправиться. Перевозчик спросил его, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил он.

— Тогда окажи мне услугу, — сказал перевозчик, — растолкуй мне, почему я должен все время заниматься перевозом и никто меня никогда не сменит?

— Я это тебе объясню, — ответил он, — только подожди, пока я назад вернусь.

Переправился он через реку и отыскал вход в преисподнюю. А было там черным-черно и копотью все покрыто, а чорта на ту пору дома не оказалось, и только сидела там его бабушка в широком, большом кресле.

— Чего тебе надобно? — спросила она у него, и показала она ему не такой уж злой.

— Да вот хотелось бы мне добыть три золотых волоса о головы чорта, — ответил он, — а не то придется мне со своей женой разлучиться.

— Однакож ты многого требуешь, — сказала она, — когда чорт вернется домой и увидит тебя здесь, то придется тебе с жизнью своей расстаться. Но мне жалко тебя, я посмотрю —

может, чем и смогу тебе помочь. — И она обратила его в муравья и сказала: — Заберись в складки моей юбки, там будет тебе безопасно.

— Да это-то хорошо, — ответил юноша, — но я хотел бы еще получить ответ на три вопроса: почему фонтан, из которого прежде било вино, нынче иссяк и даже вода из него не течет; почему на дереве, на котором прежде росли золотые яблоки, теперь даже листьев нету; и почему должен перевозчик все время перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит?

— Это вопросы трудные, — ответила бабка, — но ты сиди смиренно и слушай внимательно, что скажет чорт, когда я стану вырывать у него три золотых волоса.

Вот наступил вечер, и воротился чорт домой. Только вошел он и, видно, сразу ж заметил, что воздух что-то нечистый.

— Чую, чую мясо человеческое! — сказал он. — Тут что-то неладно. — Он заглянул во все углы, стал искать и обшаривать, но найти ничего не мог.

Тут стала бабушка его бранить:

— Да ведь здесь только что подметено, — говорит, — и все в должный порядок приведено, а ты все снова раскидываешь, — вечно ты чуешь носом человеческое мясо. Садись-ка ты лучше да поужинай.

Поел он и попил, — видно, сильно устал, — и склонил голову на колени бабушке и попросил вшей в голове у него поискать. Тут вскоре он задремал, засопел и захрапел. Схватила тогда старуха один золотой волос, вырвала его и положила около себя.

— Ой! — вскрикнул чорт. — Ты что делаешь?

— Да это мне дурной сон приснился, — ответила чортова бабушка, — вот я и схватила тебя за волосы.

— Что ж тебе такое приснилось? — спрашивает чорт.

— Приснился мне фонтан на рыночной площади, било из него прежде вино, а теперь он иссяк, и даже вода из него не течет. Скажи, что причиной тому?

— Эх, если б знали они! — ответил чорт. — Там сидит жаба под камнем, — если ее убить, то вино потечет снова.

Стала чортова бабушка опять в голове у чорта вшей искать, тут он снова заснул и так захрапел, что даже стекла в окнах задрожали. И вырвала она у него второй волос.

— Ух! Да что это ты делаешь? — вскрикнул разгневанный чорт.

— Ты не сердись, — ответила она, — это я спросонок.

— А что ж тебе опять приснилось? — спрашивает он.

— Да приснилось мне, будто растет в одном королевстве яблоня, прежде приносила она золотые яблоки, а теперь даже листьев на ней нету. Что причиной тому?

— Эх, если б они знали! — ответил чорт. — Ее корни мышь подгачивает; если ее убить, будет она снова родить золотые яблоки, а будет мышь и дальше грызть корни, то и вовсе она засохнет. Но оставь ты меня в покое со своими снами! Если ты еще раз помешаешь мне спать, получишь пощечину.

Тут стала бабушка ласково его успокаивать и принялась опять искать у него в голове, пока он не заснул и не захрапел. Тогда она схватила третий золотой волос и вырвала у него из головы. Тут чорт как подскочит, как закричит, хотел было уже с нею расправиться но она снова его успокоила и сказала:

— Что с дурными снами поделаешь!

— Да что же тебе приснилось? — спросил он с любопытством.

— Снился мне перевозчик; жаловался он, что должен все перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит. Что причиной тому?

— Эх, дурак же он! — ответил чорт. — Если кто подойдет, чтоб через реку переправиться, пускай даст он ему в руки шест, — вот и должен будет другой стать перевозчиком, а он освободится

Чортова бабушка, вырвав три золотых волоса и получив ответ на все три вопроса, оставила старого чорта в покое, и он проспал до самого утра.

Вот чорт снова ушел, достала тогда старуха из складок своей юбки муравья и вернула счастливицу опять его человеческий образ.

— Вот тебе три золотых волоса, — сказала она, — а что ответил чорт на твои три вопроса, ты, пожалуй, и сам уже слышал.

— Да, — ответил счастливцев, — я все слышал и хорошо запомнил.

— Ну, вот я тебе и помогла, — сказала она, — а теперь ступай своей дорогой.

Поблагодарил он старуху за помощь в беде, вышел из ада и был доволен, что во всем ему так посчастливилось. Пришел он к перевозчику и должен был дать ему обещанный ответ.

— Сперва перевези меня на тот берег, — сказал счастливцев, — тогда я тебе скажу, как освободиться. — И когда они переправились на другой берег, он дал ему чортов совет: — Когда кто подойдет опять к берегу и попросит его перевезти, ты сунь ему шест в руки.

Пошел он дальше и пришел в город, где росло бесплодное дерево и где городской привратник тоже ждал ответа. И сказал он ему то, что слышал от чорта: «Убейте мышь, грызущую корни дерева, и оно опять будет родить золотые яблоки». Поблагодарил его привратник и дал ему в награду за это двух навью-

ченных золотом ослов, которые должны были следовать за ним.

Наконец пришел он в город, где перестал бить фонтан. И он передал привратнику то, что посоветовал чорт: «Надо найти жабу, — а сидит она под камнем в фонтане, — и ее убить, и опять забьет из фонтана вино». Поблагодарил его привратник и дал ему тоже двух навьюченных золотом ослов.

Наконец счастливцев воротился домой к своей жене, и она обрадовалась от всего сердца, что снова его увидела и узнала о том, что все хорошо ему удалось. И он принес королю то, что тот от него требовал, — три золотых волоса с головы чорта; и когда увидел король четырех ослов, нагруженных золотом, то был и совсем доволен и сказал:

— Теперь все условия выполнены, — пускай моя дочь остается твоею женой. Но скажи мне, любезный зятек, откуда у тебя столько золота? Ведь это ж богатства немалые!

— Да переправлялся я через реку, — ответил он, — и лежало оно, словно песок на берегу, я и забрал его с собой.

— А нельзя ли и мне его добыть? — спросил король, и ододела его великая жадность.

— Да сколько вам будет угодно! — ответил счастливцев. — Есть на той реке перевозчик, вы попросите его перевезти вас на другой берег, а там уж и набьете себе полные мешки золотом.

И отправился жадный король второпях в путь-дорогу, прибыл к реке и дал знак перевозчику, чтобы тот перевез его. Подъехал перевозчик и предложил ему сесть в лодку, и когда подъехали они к другому берегу, сунул тот ему в руки свой шест, а сам выскочил из лодки.

И с той поры должен был король в наказание за свои грехи сделаться перевозчиком.

— Что ж, перевозит он еще и поныне?

— А то как же! Ведь никто шеста из рук у него не возьмет.

Вошка и блошка

Вошка и блошка жили одним хозяйством, даже пиво в одной яичной скорлупе варили. Да вот унала раз вошка в скорлупу и обожглась. И стала из-за этого блошка громко-прегромко кричать. А маленькая дверка и говорит:

— Ты чего, блошка, так раскричалась?

— Потому что вошка обожглась.

И стала тут дверка поскрипывать. Вот метелочка в углу и говорит:

- Ты чего, дверка, так поскрипываешь?
- Да как же мне не скрипеть?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка.

Тут принялась метелочка изо всех сил мести. А на ту пору проезжала по дороге повозочка и говорит:

- Ты чего, метелочка, так метешь?
- Да как же мне не мести?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка.

А повозочка и говорит:

— А я тогда стану кататься, — и начала быстро-быстро кататься.

Говорит тогда навозный катышок, мимо которого катилась повозочка:

- Чего это ты, повозочка, так катаешься?
- Да как же мне не кататься?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метёлочка.

Вот и говорит навозный катышок:

— Ну, а я тогда огнем-полымем загорюсь, — и начал гореть ярким пламенем.

А около катышка росло деревцо. Вот оно и говорит:

- Чего это ты, катышок, загорелся?
- Да как же мне не гореть?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метёлочка,
Повозочка катается.

А деревцо и говорит:

— Ну, а я тогда стану раскачиваться, — и начало так сильно раскачиваться, что все листья с него пооблетели.

Увидала это девочка — шла она с кувшинчиком за водой — и говорит:

- Чего это ты, деревцо, так раскачиваешься?
— Да как же мне не раскачиваться?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метёлочка,
Повозочка катается,
Катышок вон загорается.

Тогда девочка и говорит:

— А я тогда разобью свой кувшинчик. — И разбила кувшинчик.

Тогда заговорил родничок, из которого бежала вода:

— Девочка, зачем ты разбила свой кувшинчик?

— Да как же мне было не разбить свой кувшинчик?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метёлочка,
Повозочка катается,
Катышок вон загорается,
И трясется деревцо.

— Эх, — сказал родничок, — ну, а я тогда разольюсь, — и начал сильно-сильно разливаться. И всё затонуло в воде: девочка, деревцо, навозный катышок, повозочка, метелочка, дверка, блошка и вошка — всё, всё.

Девушка-безручка

Начал один мельник все беднеть и беднеть, и осталась у него одна только мельница да позади нее большая яблоня. Вот отправился он раз в лес дрова рубить, и подошел к нему старик, которого он еще ни разу не видел, и говорит:

— Полно тебе с топором возиться, я сделаю тебя богачом, если пообещаешь мне отдать то, что позади твоей мельницы.

«Пожалуй, это он о яблоне говорит», — подумал мельник и согласился, и отписал ее незнакомцу. А тот злобно захохотал и сказал:

— Смотри ж, спустя три года я явлюсь к тебе и возьму то, что мне принадлежит. — С этим он и ушел.

Воротился мельник домой, встречает его жена и говорит:

— Скажи, муженек, откуда это вдруг явилось у нас в доме такое богатство? Все сундуки и закрома полным-полны, а никто ничего не приносил, и я не знаю, как это все случилось.

Говорит мельник:

— Да это все от одного незнакомца, которого я повстречал в лесу; он пообещал мне большие богатства, а я ему отписал то, что находится за мельницей, — большую яблоню можем мы, пожалуй, и отдать.

— Ах, муженек, — с ужасом воскликнула мельничиха, — да ведь это же был сам чорт! Он не о яблоне говорил, а о нашей дочери, ведь это она стояла за мельницей и подметала двор.

Дочь мельника была красавица и к тому же скромница. Три года она жила в страхе божием и не знала греха. Срок между тем прошел, и настал день, когда чорт порешил ее утащить. Она чисто умылась и очертила вокруг себя мелом круг. Явился чорт спозаранок, но не мог никак к ней приблизиться. И, разгневавшись, он сказал мельнику:

— Не давай ей воды, чтоб она больше не умывалась, а то не будет у меня над ней никакой силы.

Испугался мельник и исполнил приказание. На другое утро снова явился чорт, но девушка омыла руки слезами, и они были совершенно чистые. И опять не мог чорт к ней приблизиться и говорит, разгневавшись, мельнику:

— Отруби ей руки, а то мне никак с нею не совладать.

Ужаснулся мельник и говорит:

— Да как же мне отрубить руки своему родному детищу?

Но чорт ему пригрозил:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя самого утащу.

Испугался отец и пообещал его послушаться.

Пришел к девушке и говорит:

— Доченька, если я не отрублю тебе обе руки, то уведет меня чорт с собой. Я со страху обещал ему это сделать. Помоги мне в моей беде и прости меня за все злое, что я тебе причиню.

— Милый батюшка, — ответила она, — делай со мной, что хочешь, я — твоя дочь. — И она протянула ему свои руки и дала их отрубить. В третий раз явился чорт, но она так долго и сильно плакала, что слезы омыли ее обрубленные руки, и они были совсем чистые. Пришлось чорту отступить, и он потерял над ней всякую власть.

Вот мельник и говорит ей:

— Это благодаря тебе я получил такое большое богатство, и я обещаю всю жизнь тебя лелеять и за тобой ухаживать.

Но она ему ответила:

— Нет, я здесь не останусь, я хочу уйти; добрые люди мне уж помогут, в чем надо. — Потом попросила она привя-

зять ей к спине искалеченные руки и, только стало всходить солнце, двинулась в путь-дорогу.

Шла она целый день до самой ночи. И подошла, наконец, к королевскому саду и увидела при лунном сиянии, что все деревья усыпаны прекрасными плодами; но попасть в этот сад она не могла — он был весь окружен рвами с водой. А шла она уже целый день, и с утра не было во рту у нее ни крошки, и мучил ее голод; и она подумала: «Ах, если бы мне попасть в этот сад и поесть немного плодов, а то пропадать придется». Вдруг явилась дева в белой одежде, заперла плотиной воду и провела ее по сухому рву. Пришла она в сад, и шла следом за ней дева. Увидала она дерево с плодами: были то прекрасные груши, но все они были на счету. Подошла она и откусила с дерева грушу, чтоб утолить свой голод, не больше.

Увидел садовник девушку, но так как с нею была дева, то он испугался, что это привиденье, и не сказал ей ни слова, не крикнул и не заговорил с ней. Она съела грушу, насытилась и ушла и спряталась за кустом.

На другое утро пришел король, которому принадлежал этот сад, и стал считать плоды, видит — одной груши не достает, и он спросил у садовника, куда она делась; ее под деревом нету, значит она куда-то пропала.

Ответил ему садовник:

— Прошлую ночь явилось сюда привиденье, было оно безрукое, и откусило грушу прямо с дерева.

Король спросил:

— А как же оно пробралось через воду? И куда ушло, съев грушу?

Садовник ответил:

— Кто-то явился в белоснежном одеянии и запер плотиной воду, чтоб могло привиденье перейти через ров. Я подумал, уж не ангел ли это, и побоялся его окликнуть и спросить. Съев грушу, привиденье куда-то исчезло.

Король сказал:

— Если это так, как ты говоришь, я останусь эту ночь сторожить вместе с тобой.

Когда стемнело, король явился в сад и привел с собою священника, чтобы тот поговорил с привиденьем. Сели все трое под деревом и стали сторожить. В полночь девушка вышла из-за куста, подошла к дереву и снова съела с него грушу. Вышел тогда священник и спросил:

— Ты послан богом или ты простой человек? Ты дух или кто?

Она отвечала:

— Я вовсе не дух, а всеми покинутая девушка.

— Если ты всеми покинута, — сказал король, — то я

тебя не оставлю. — И он взял ее с собой в королевский замок. А так как была она красивой и скромной, он полюбил ее и велел сделать ей серебряные руки и женился на ней.

Прошел год, и вот пришлось королю идти на войну, и он оставил молодую королеву на попечение своей матери и сказал:

— Если ей придется рожать, ухаживайте за ней как следует да напишите мне тотчас об этом письмо.

И вот она родила прекрасного сына. Написала мать королю грамотку и послала гонца с радостной вестью. Но посланец лег по пути у ручья отдохнуть и, устав от долгой дороги, уснул. А тут явился чорт, который всегда замышлял зло против доброй королевы, и подменил письмо другим; было написано в нем, что родила, мол, королева на свет боготня.

Прочитал король письмо, ужаснулся, сильно запечалился, но все же в ответ написал, чтоб ухаживали за королевой как следует и берегли ее до его возвращенья. Посланец отправился с этим письмом назад, но в пути прилег отдохнуть на том самом месте — и уснул.

И явился опять чорт и подсунул ему в карман другое письмо, а написано в нем было, чтоб королеву вместе с ее ребенком убили. Получила это письмо старая мать-королева и ужаснулась и, не поверив письму, написала еще раз королю, но ответа не получила, оттого что чорт всякий раз подсовывал посланцу ложные письма, а в последнем письме было сказано, чтобы в знак исполненья приказа берегли язык и глаза королевы.

Заплакала старая мать-королева, что должна пролиться ни в чем не повинная кровь, и велела привести ночью самку оленя, вырезала ей язык и глаза и спрятала их. А молодой королеве сказала:

— Я не могу приказать, чтоб тебя убили, как это велел король, но дольше здесь тебе оставаться нельзя, — ступай со своим ребенком куда хочешь и назад не возвращайся.

Привязала она ей ребенка на спину, и бедная женщина ушла с заплаканными глазами из замка. Пришла она в темный, дремучий лес, стала на колени и начала богу молиться.

Вдруг явился к ней ангел и привел ее к какой-то избушке, и была прибита на ней небольшая табличка: «Здесь всякий живет свободно». И вышла из этой избушки белоснежная дева и сказала:

— Добро пожаловать, госпожа королева! — и ввела ее в дом. Потом она отвязала со спины ее маленького сына, приложила его к груди, чтобы та его покормила, и положила его спать в красивую постельку.

И спросила бедная женщина:

— Откуда ты знаешь, что я была королевой?

Ответила белая дева:

— Я послана хранить тебя и дитя.

Прожила она в избушке семь лет, и заботились там о ней хорошо, и за ее кротость и доброту у ней отросли снова руки.

Наконец король вернулся домой с похода, и первое, что ему захотелось, — это увидеть жену и ребенка. Заплакала старая мать короля и сказала:

— Ты, злой человек, зачем написал мне, чтоб я загубила две ни в чем не повинные души! — и она показала ему оба письма, подделанные чортом, и добавила: — Я поступила так, как ты велел, — и показала ему в доказательство язык и глаза самки оленя.

Горькими слезами стал оплакивать король свою жену и сыночка, и сжалилась тогда над ним старая мать и сказала:

— Успокойся, она жива. Я велела тайком убить самку оленя и сохранила в доказательство ее глаза и язык, а твоей жене я привязала на спину ребенка и велела ей итти куда глаза глядят по белу свету и взяла с нее обещание никогда не возвращаться сюда, так как ты был на нее так гневен!

И сказал король:

— Я пойду повсюду, где есть только синее небо, и не буду ни есть и ни пить, пока не разыщу своей любимой жены и ребенка, если они еще не погибли или не умерли с голоду.

Отправился король в дорогу и скитался почти целых семь лет, ища их повсюду — среди ущелий и в горных пещерах, но не найдя их, решил, что они погибли. Он не ел и не пил за все это время ни разу, но надежды поддерживали его силы.

Наконец он попал в дремучий лес и набрел на маленькую избушку, и была на ней прибита табличка: «Здесь всякий живет свободно». Вышла оттуда белая дева, взяла его за руку, ввела в избушку и сказала:

— Добро пожаловать, мой король, — и спросила его, откуда пришел он.

Он ответил:

— Вот скоро уже семь лет, как я скитаюсь по свету, ищу жену и ребенка, но найти их нигде не могу.

Дева предложила ему поесть и напиться, но он отказался и пожелал только немного отдохнуть. Он лег спать и накрыл лицо платком.

И явилась дева в комнату, где сидела королева со своим сыном, которого она называла всегда Горемыкой, и сказала ей:

— Выйди с ребенком, явился твой муж.

Она вошла в комнату, где он лежал, и упал платок с его лица. И она сказала:

— Горемыка, подыми платок своего отца и прикрой ему снова лицо.

Ребенок поднял платок и прикрыл им лицо своему отцу. Услыхал это король сквозь сон и сбросил платок. И сказал мальчик в нетерпении:

— Милая матушка, как я могу прикрыть лицо своему отцу, если нету его у меня на свете? Ведь ты же мне говорила, что отец мой на небе. А такого странного человека я совсем не знаю. Он вовсе мне не отец.

Услыхал это король, поднялся и спросил, кто она такая.

И она ответила:

— Я твоя жена, а это твой сын — Горемыка.

И он увидел ее живые руки и сказал:

— У моей жены руки были серебряные.

Но она ответила:

— Руки у меня по воле господней отросли снова.

И вошла в комнату дева, принесла серебряные руки и показала их ему. И только тогда он убедился, что это его возлюбленная жена и любимый ребенок; он поцеловал их, обрадовался и сказал:

— Точно тяжелый камень свалился с моего сердца.

Накормила их добрая дева еще раз всех вместе, и они отправились домой к своей старой матери. И была повсюду великая радость, а король и королева устроили еще раз свадебный пир и прожили счастливо и радостно до самой блаженной смерти.

Смышленный Ганс

Спрашивает мать Ганса:

— Ты куда, Ганс?

Ганс отвечает:

— К Гретель.

— Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.

— Все будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу иголку.

Говорит Ганс:

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс иглу, втыкает ее в повозку с сеном и идет вслед за повозкой домой.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— А что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— Что ж тебе Гретель дала?

— Иголку дала.

— Ганс, а где же иголка?

— Воткнул в повозку с сеном.

— Глупо ты поступил, Ганс, — надо было ее в рукав воткнуть.

— Ничего, в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри ж, Ганс, чтоб все было ладно.

— Все будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Подарила Гретель Гансу нож.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс нож, втыкает его в рукав и идет домой.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— А что подарил ей?

- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что ж тебе Гретель дала?
- Нож дала.
- Где же нож, Ганс?
- Да я его в рукав воткнул.
- Глупо ты, Ганс, поступил, — нож надо было в карман положить.
- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри, чтоб все было ладно.
- Уж будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
- Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
- Ничего не принес, получить бы хотел.
- Дарит Гретель Гансу молодую козочку.
- Прощай, Гретель.
- Прощай, Ганс.

Берет Ганс козу, связывает ей ноги и кладет ее в карман. Приходит домой, а козочка по дороге задохнулась.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где ты был?
- Был я у Гретель.
- Что ж ты ей подарил?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что ж тебе Гретель дала?
- Козочку дала.
- А где же, Ганс, козочка?
- Я в карман ее положил.
- Глупо ты сделал, Ганс, — надо было козу на веревку привязать.
- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри, чтобы все было ладно.
- Уж будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу сала кусок.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс кусок сала, привязывает его на веревку и тащит за собой. Сбежались по дороге собаки и сало всё съели. Приходит Ганс домой, а в руке у него одна лишь веревка, а на ней ничего.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— А что ж тебе Гретель дала?

— Кусок сала дала.

— А куда же ты, Ганс, сало-то дел?

— Привязал на веревку, повел домой, да собаки стащили.

— Глупо ты сделал, Ганс, — надо было сало на голове нести.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу телянка.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс телянка, кладет его на голову, и разбил телянок все лицо Гансу.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.
— Что ж ты ей подарил?
— Ничего не дарил, она мне дала.
— А что же тебе Гретель дала?
— Теленка дала.
— Ганс, а где же теленок?
— Положил его себе на голову, а он мне лицо разбил.
— Эх, глупо ты сделал, Ганс, — надо было теленка привести да в стойло поставить.
— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?
— К Гретель, матушка.
— Смотри, чтобы все было ладно.
— Уж будет ладно. Прощай, матушка.
— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.
— Добрый день, Гретель!
— Добрый день, Ганс. Что ж принес ты хорошего?
— Ничего не принес, получить бы хотел.
Говорит Гретель Гансу:
— Пойду я сама с тобой.

Берет Ганс Гретель, привязывает ее на веревку, ведет, приводит к стойлу и крепко-накрепко привязывает. Идет потом Ганс к матери.

— Добрый вечер, матушка.
— Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?
— Был я у Гретель.
— Что ж ты ей подарил?
— Ничего не дарил, она со мной вместе пришла.
— Где же ты Гретель оставил?
— Привел ее на веревке, привязал к стойлу, подложил ей травы.
— Это ты, Ганс, глупо сделал, надо было на нее ласково глазами вскинуть.
— Ничего, в другой раз сделаю лучше.

Идет Ганс в стойло, выкалывает всем телятам и овцам глаза и кидает их в лицо Гретель. Рассердилась тут Гретель, вырвалась и убежала, а была ведь невестою Ганса.

Три языка

Жил однажды в Швейцарии старый граф; был у него единственный сын, да и тот был дурак, ничему не мог научиться.

Вот отец и говорит:

— Послушай, сынок, в голову тебе все равно ничего не вобьешь, надо будет тебе за дело приняться. Придется тебе из дому уйти: я решил отдать тебя одному знаменитому мастеру, пускай он попробует из тебя что-нибудь сделать.

Отослали юношу в чужой город, и пробыл он там у мастера целый год. Прошел срок, воротился юноша домой, а отец его и спрашивает:

— Ну, сынок, чему же ты научился?

— Научился я, батюшка, понимать, о чем лают собаки, — ответил он.

— Боже ты мой! — воскликнул отец. — И это все, чему ты научился? Надо будет тебя послать в другой город, к другому мастеру.

Вот отвели юношу в другой город, и пробыл он там у мастера тоже целый год. Вернулся он домой, а отец опять его спрашивает:

— Ну, сын мой, чему же ты научился?

Тот отвечает:

— Научился я, батюшка, понимать, о чем говорят птицы.

Разгневался отец и говорит:

— Эх, пропащий ты человек, дорогое ты время потратил, а ничему не научился. И не стыдно тебе мне на глаза показываться? Пошлю я тебя к третьему мастеру, а не научишься ты и на сей раз, то не хочу я больше твоим отцом называться.

Пробыл сын у третьего мастера тоже целый год, воротился домой, а отец его и спрашивает:

— Сын мой, чему же ты научился?

А он отвечает:

— Милый батюшка, этот год учился я понимать, о чем лягушки квакают.

Тут уж и вовсе разгневался отец, вскопчил, позвал своих слуг и говорит:

— Этот человек мне больше не сын, я прогоняю его из дому и велю вам завести его в лес и там с ним покончить.

Вывели его в лес и должны были его там убить, но слуги его пожалели и отпустили. Они вырезали у лани язык и глаза, чтобы принести старику знак доказательства.

А юноша двинулся дальше и спустя некоторое время пришел к укрепленному замку и попросился там переночевать.

— Хорошо, — сказал хозяин замка, — если ты согласен заночевать внизу в старой башне, то ступай туда, но предупредию тебя, что это для жизни опасно, ибо там полно диких собак, они все время лают и воют, и в урочный час им надо бросать человека, и они его тотчас съедают.

Вся округа была из-за этого в горе и печали, но никто помочь им в беде, однако, не мог. Но юноша был бесстрашен и сказал:

— Вы уж меня только пустите вниз к лающим псам и дайте мне им что-нибудь бросить. Со мной они ничего не сделают.

И так как он сам того пожелал, то дали ему немного еды для диких зверей и отвели в башню. Вот спустился он туда, но собаки на него не залаяли и, окружив его, ласково замахали хвостами, поели всё, что он дал им, и не причинили ему никакого вреда. На другое утро, к общему удивлению, он вернулся жив и невредим и говорит хозяину замка:

— Собаки мне рассказали на собачьем своем языке, почему они там поселились и отчего наносят вред округе. Они заколдованы и должны охранять большой клад, что закопан под башней, и до той поры они не успокоятся, пока этот клад не будет вырыт; а как это сделать, я тоже узнал из их разговоров.

И все обрадовались, услышав об этом, и хозяин замка сказал, что примет его вместо сына родного, если ему посчастливится это сделать.

Юноша снова спустился вниз, и так как он знал, что ему должно делать, то и выполнил все и принес оттуда полный ларец золота. И не слышно стало с той поры воя диких собак, они пропали, и вся округа освободилась от злой напасти.

И вот спустя некоторое время надумал юноша отправиться в Рим. По пути он проезжал мимо болота, а сидели в нем лягушки и квакали. Он прислушался, и когда услышал, о чем они говорят, он стал задумчив и печален.

Наконец он прибыл в Рим, и как раз в это время умер папа, и было у кардиналов большое сомнение, кого им назначить его преемником. Наконец они порешили на том, что надо будет выбрать в папы того, кому откроется божественное знамение. Только они это решили, как входит в храм молодой граф, и вдруг спускаются к нему и садятся на плечи два белоснежных голубя. И признало тогда в этом духовенство знак божий, и его тут же спросили, не хочет ли он сделаться папой. Он был в нерешительности, не зная, достоин ли он этого, но голуби ему шепнули, что он может на это согласиться, и он сказал наконец: «Да».

И вот был он помазан и посвящен в папы, и случилось

то, о чем он слышал по дороге от лягушек и что его так сильно огорчило: будто должен он сделаться святым папой. Пришлось ему потом петь мессу, он не знал из нее ни одного слова, но два голубя сидели всегда у него на плечах и подсказывали ему все на ухо.

Умная Эльза

Жил-был человек, и была у него дочь, звали ее Умной Эльзой. Вот выросла она, а отец и говорит:

— Пора бы отдать ее замуж.

— Да, — сказала мать, — если только найдется такой человек, что захочет ее взять.

И вот пришел, наконец, из дальних мест человек, звали его Ганс; стал он к ней свататься, но поставил условие, чтобы Умная Эльза была к тому же и весьма рассудительной.

— О, — сказал отец, — смекалка у нее в голове имеется.

А мать добавила:

— Ах, да уж что и говорить-то: она все понимает, видит даже, как ветер по улице гуляет, и слышит, как мухи кашляют.

— Ну, — сказал Ганс, — а если она окажется не очень мысленной, то я на ней не женюсь.

Вот сидят они за столом, обедают, а мать и говорит:

— Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива.

Взяла Умная Эльза с полки кувшин и спустилась в погреб, весело постукивая крышкой, чтобы время шло побыстрей. Пришла она в погреб, поставила перед пивной бочкой скамейку, чтобы не надо было нагибаться, и спина чтоб не заболела, и чтоб не слишком устать. Поставила она перед собой кувшин, отвернула кран и, чтобы глаза не оставались без дела, пока пиво нальется, стала она стену разглядывать; вот смотрит она да разглядывает, и заметила вдруг над собой кирку на стене, что забыли там по ошибке каменщики.

И вот начала Умная Эльза плакать и причитать: «Кולי выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, и вырастет он, и пошлем мы его в погреб пива нацедить, вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть». Вот сидит она и плачет, изо всех сил причитает по поводу предстоящего несчастья. А в доме наверху ждут в это время пива, а Умная Эльза все не возвращается. Хозяйка и говорит работнице:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Пошла работница, видит — сидит Эльза перед бочкой и плачет-заливается.

— Эльза, чего ты плачешь? — спрашивает работница.

— Ох, — отвечает она, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг невзначай может упасть ему на голову кирка и убить его насмерть...

И сказала работница:

— Вот какая у нас Эльза умная!

Подсела она к ней и начала тоже горе оплакивать. А в доме все пива ждут не дождутся, а работница не возвращается. Тогда отец и говорит работнику:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там Эльза с работницей делают.

Спустился работник в погреб, видит — сидит Умная Эльза с работницей, и обе плачут. Спрашивает он у них:

— Чего вы плачете?

— Ох, — отвечает Эльза, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть...

Работник и говорит:

— Вон какая у нас Эльза умная! — подсел к ней и тоже заплакал. А в доме ждут работника, а он все не возвращается. Тогда отец говорит матери:

— Сходи-ка ты сама в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Спустилась мать в погреб, видит — все трое плачут. Спрашивает она у них, чего это они плачут; и рассказала ей Эльза, что ее будущего ребенка, когда он подрастет, может убить кирка, — будет он наливать пиво, а кирка вдруг и упадет ему на голову. И сказала мать:

— Ох, какая же у нас умная Эльза! — и подсела к ним и тоже заплакала.

Подождал отец немного, видит — мать тоже не возвращается, а выпить пива все больше и больше хочется. Вот и говорит он:

— Надо будет мне самому в погреб сходить да посмотреть, что это там с Эльзой случилось.

Спустился он в погреб, видит — сидят все рядышком и горько плачут; узнал он, что причиной тому эльзин ребенок, которого она, пожалуй, когда-нибудь родит, и что может его убить кирка, если, нацедив пиво, он будет сидеть как раз под киркой, а в это время она может упасть, и он воскликнул:

— Какая же у нас, однако, умная Эльза! — сел и тоже вместе с ними заплакал.

Долго дожидался жених в доме один, но никто не возвращался, и подумал он: «Пожалуй, они меня внизу ожидают, надо будет и мне тоже туда сходить да поглядеть, что они там делают». Спустился он вниз, видит — сидят они все впятером и плачут-рыдают, да так жалобно — один пуще другого.

— Что у вас за беда случилась? — спрашивает он.

— Ах, милый Ганс, — ответила Эльза, — когда мы с тобой поженимся и будет у нас ребенок, вырастет он большой, то может случиться, что пошлем мы его в погреб пива нацедить, а кирка, что торчит на стене, может, чего доброго, упасть и разбить ему голову и убить его насмерть. Ну, как же нам не плакать об этом.

— Ну, — сказал Ганс, — большего ума для моего хозяйства и не надо. Эльза, ты такая умная, что я на тебе женюсь, — и взял ее за руку, повел наверх и отпраздновал с ней свадьбу.

Пожила она с Гансом немного, а он и говорит:

— Жена, я пойду на заработки. Надо нам деньгами разжиться, а ты ступай на поле жать пшеницу, чтоб был у нас в доме хлеб.

— Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю.

Ушел Ганс, наварила она себе вкусной каши и взяла с собой на поле. Пришла туда и сама себя спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли сначала, или сперва поесть? Э, пожалуй, поем я сначала.

Съела она целый горшок каши, наелась доотвала и опять спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли, или, может, сперва поспать? Пожалуй, посплю я сперва. — Легла она в пшеницу и уснула.

А Ганс в это время давно уже домой воротился, а Эльзы все нету и нету. Вот он и говорит:

— Какая у меня умная Эльза, она такая прилежная — и домой не возвращается, и ничего не ест.

А ее все нету и нету. Вот уже и вечер наступил, вышел Ганс в поле поглядеть, сколько она пшеницы нажала; видит, что ничего не сжато и лежит Эльза в пшенице и спит. Побежал Ганс поскорее домой, принес с собой птицеловную сеть с бубенцами и накинул ее на Эльзу; а она все продолжает спать. Побежал он домой, запер двери, уселся на лавку и принялся за работу.

Наконец совсем уж смерклось, проснулась Умная Эльза, и только она поднялась, а бубенцы на ней и зазвенели, и что ни сделает она шаг, а бубенцы всё звенят и звенят. Испугалась она и призадумалась: а вправду ли она Умная Эльза? И стала сама себя спрашивать: «Я ли это, или не я?» И сама не знала, как ей на это ответить, и стояла она некоторое время в сомненьи; наконец она подумала: «Пойду-ка я домой да спрошу, я ли это, или не я, — они уж наверное знают».

Прибежала она домой, а двери заперты. Постучала она в окошко и спрашивает:

— Ганс, дома ли Эльза?

— Да, — ответил Ганс, — она дома.

Испугалась она и говорит:

— Ах, боже мой, значит это не я! — и кинулась к другим дверям. А люди услыхали звон бубенцов и не захотели ей отпирать, и нигде не нашлось ей приюта. И убежала она тогда из деревни; и никто ее с той поры больше не видел.

Портной на небе

Случилось однажды в прекрасный день, что захотелось господу богу прогуляться по небесному саду, и он взял с собой всех святых и апостолов, и остался на небе один только святой Петр.

И велел ему господь во время своего отсутствия никого не пускать, и стоял Петр у врат на страже. Вскоре кто-то постучался. Петр спросил, кто это и чего ему здесь надо.

— Я бедный, честный портной, — ответил тоненький голосок, — прошу меня впустить.

— Да, видно, что честный, — сказал Петр, — как вор на виселице. Небось, ты не раз запускал руку в чужой карман и воровал у людей материю. Ты на небо не попадешь, господь мне запретил, пока его здесь нету, пускать кого бы то ни было.

— Будьте, однакож, милостивы, — воскликнул портной, — ведь маленькие обрезки, что падают со стола, они не ворованы, и что о них говорить! Вот видите, я прихрамываю, по дороге нагер себе волдыри на ногах, вернуться назад мне никак невозможно. Вы уж меня впустите, я готов выполнять всякую черную работу. Буду нянчить детей, стирать пеленки, мыть скамьи, на которых они играли, убирать и все содержать в порядке и штопать им разорванные платья.

И почувствовал святой Петр жалость и приоткрыл хромому портному небесные врата настолько, чтобы тот мог еле-еле пролезть в них своим тощим телом. Он велел ему сесть в уголке за дверью и держать себя там тихо и чинно, чтобы бог, вернувшись назад, не заметил его и не разгневался.

Портной послушался, но когда святой Петр вышел за дверь, он поднялся и стал в любопытстве ходить по всяким небесным закоулкам и улучил случай все разглядеть. Наконец подошел он к тому месту, где стояло много прекрасных и драгоценных стульев, и было посредине кресло, все из чистого золота, украшенное сверкающими драгоценными камнями; и было оно куда повыше остальных стульев, и стояла перед ним золотая скамейка для ног. А было то кресло, на котором восседал сам господь, когда находился он дома, и, сидя на нем, мог видеть все, что происходит на земле.

Остановился портной, поглядел на кресло, посмотрел еще раз, — и оно понравилось ему больше, чем все остальное. Наконец он не мог удержаться от любопытства, взобрался наверх и уселся в то кресло.

И вот увидел он все, что происходило на земле, и заметил там уродливую старуху; она стояла у ручья, стирала белье и стацила тайком два покрывала. Увидев это, портной разгневался так крепко, что схватил золотую скамейку и кинул ее через все небо вниз на землю, в эту самую старуху-воровку. А так как достать скамейки назад он не мог, то слез тихонько с кресла, сел на свое прежнее место за дверьми и сделал вид, будто ничего и не случилось.

Вот вернулся назад господь вместе с небесным сонмом, и хотя портного он за дверьми и не приметил, но, садясь в свое кресло, он увидел, что скамейки-то нету. Он спросил у святого Петра, куда делась скамейка, но тот не знал. Стал он его допрашивать, не пускал ли он кого на небо.

— Здесь никого не было, — ответил Петр, — кроме хромого портного, он сидит до сих пор за дверью.

И велел господь портному к нему подойти и спросил его, не брал ли он скамейки и куда он ее дел.

— О господи, — радостно ответил портной, — я кинул ее на землю, в одну старуху, что украдала во время стирки белья два покрывала.

— Ах ты, эдакий плут, — сказал господь, — если бы я начал судить так, как судишь ты, то как ты думаешь, что бы с тобой давно уж случилось? Да у меня бы давно не оказалось ни стульев, ни скамеек, ни кресел, даже не было бы и ухвата, — все бы пришлось мне побросать в грешников. Отныне ты не можешь оставаться больше на небе и должен убраться опять за ворота, — ступай, куда тебе следует. Здесь наказывать могу только я один, господь бог.

И пришлось Петру увести с неба портного; а так как на нем башмаки были разорванные, а на ногах волдыри, то взял портной в руку клюку и отправился в ожидальню, где сидят и забавляются все честные солдаты.

Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка

Давно тому назад жил на свете портной. Было у него три сына и одна единственная коза; она их всех молоком кормила, и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять ее на пастбище.

Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал ее раз старший сын пастись на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, — вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у нее и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

Ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Me-me!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял ее за веревочку, привел в стойло и крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошел в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила ему коза:

С чего же быть мне сытой?
Скакала я через могилочку
И съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну:

— Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, а она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.

На другой день настал черед пасти козу среднему сыну. Вот нашел он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю ее поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

А коза отвечает:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повел ее и крепко привязал к стойлу.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила коза:

Да как же мне быть сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, этакий злодей! — крикнул портной. — Такую смирную козу да еще заставлять голодать! — И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришел черед младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашел заросль с густою листвою и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:

— Сыта ли ты нынче, коза моя?

И ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик, повел ее в стойло и крепко-накрепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа. — Но портной тому не поверил, пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза наша, нынче?

И ответила злая коза:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, лживая тварь! — воскликнул портной. — Все вы тут лентяи да негодяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.

И остался старик-портной один со своею козой. На другое утро зашел он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:

— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище. — Взял он ее за веревку и завел в зеленые кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.

— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься, — сказал он и оставил ее пастись до самого вечера. А потом спрашивает ее:

— Сыта ли ты, коза моя?

И она ответила.

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай тогда домой, — сказал портной, отвел ее в стойло и привязал крепко-накрепко. Он ушел, а потом вернулся опять и спрашивает:

— Ну, что, а теперь-то ты сыта?
Но коза ответила то же, что и сыновьям:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

Услыхал это портной да так и остолбенел; он понял, что понапрасну выгнал своих трех сыновей из дому.

— погоди уж, — закричал он, — неблагоприятная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе еще такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!

Выскочил он из хлева, принес свою бритву, нагнул козе голову и выбрил ее наголо. Потом взял плетку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинешенек в своем доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.

Старший из них поступил в обучение к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и когда срок ему вышел и пришло время итти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!», то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нем тарелки, а рядом нож и вилка, и столько вареного и жареного, сколько места хватало, да еще большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.

Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то тебе, пожалуй, на целую жизнь хватит!» и, довольный и веселый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в нее и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!», и тотчас являлось все, что его душе было угодно.

Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться, — гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрел он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.

— Нет, — ответил молодой столяр, — зачем я буду вас еще обедать, уж лучше вы будьте моими гостями.

Посмеялись они и подумали, что он над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нем кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.

— Ну, давайте начнем, дорогие друзья, — сказал столяр.

И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столику, достали свои ножи и смело принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и все это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого повара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».

Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нем не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он его принес и тихонько подменил волшебный столик своим.

На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путем-дорогой дальше. К полудню пришел он к отцу, и тот встrelил его с большой радостью.

— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился? — спросил он его.

— Стал я, батюшка, столяром.

— Что ж, это хорошее ремесло, — ответил старик, — а что ты принес домой, что заработал во время странствий?

— Батюшка, самое дорогое, что я принес с собой, — это вот этот столик.

Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:

— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.

— Но ведь это «столик-накройся», — ответил сын, — если поставить его да сказать, чтоб он накрылся, то появятся на нем тотчас самые прекрасные блюда, да еще и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попыют, — столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посредине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошевелился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то ему подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями лгуном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им не солоно хлебавши домой возвращаться. Достал портной опять

свое тряпье и принялся снова за шитье, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обучение. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла не простого, а особенного, — в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплевывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплевывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — подымать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелек.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он, наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вел своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивленья глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин мелу не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить еще два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нем больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собой скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно, и он пробрался следом за гостем, и когда тот закрыл двери конюшни на засов, стал он подглядывать в щелку.

Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и нападало его на землю немало.

— Вот она чертовщина какая! — сказал хозяин. — Да ведь это всё новенькие дукаты! Таких и целый кошелек бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счет и улегся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что это и есть его золотой осел. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.

— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.

— А что же принес ты домой из своих странствий?

— Да вот одного лишь осла.

— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привел хорошую козу.

— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осел не простой, а золотой, — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.

— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь не зачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости. Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.

— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осел искусству такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осел на это способен бывает.

У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули; и стал он просить у родных прощенья, что придется им домой возвращаться такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.

Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.

Вот обучился токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:

— А лежит в этом мешке дубинка.

— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От нее только тяжесть одна.

— А вот я тебе объясню, — ответил мастер: — ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевелинуться; и не остановится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала, у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока ее тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черед и другому подходит.

Пришел молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые пришлось ему повидать на свете.

— Да, — сказал он, — бывают этакие столики-самобранки, а бывают еще и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но все это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.

Тут хозяин и наострил уши: «Что же оно может быть такое? — подумал он. — Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполучить, ведь хорошее-то случается всегда трижды».

Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит глубоким сном, подошел к нему, схватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.

А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!» И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да еще в такт, колотила дубинка его по спине, пока, наконец, не упал он без чувств наземь.

И сказал тогда токарь:

— Если ты не вернешь «столика-накройся» и золотого осла, то дубинка начнет плясать снова.

— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин. — Я все охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.

И ответил ему подмастерье:

— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!

Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.

На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.

— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.

— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принес ты с собой из странствий?

— Дорогую вещицу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.

— Что? — закричал отец. — Дубинку? Стоило еще трудиться! Да ведь ее же можно из каждого дерева вытесать.

— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад и столик и золотого осла, которых отнял вороватый хозяин гостиницы у моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.

Старик-портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привел золотого осла и сказал своему брату:

— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.

И сказал мельник: «Бриклебит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

(А по тебе видать, что и ты непрочь был бы там побывать!)

Потом токарь принес столик и сказал:

— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.

И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!», — он уже и скатертью был покрыт и весь богато уставлен самыми прекрасными блюдами. Тут начался пир, — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до самой поздней ночи, и все были веселы и довольны.

И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.

— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной тому, что прогнал портной из дому своих сыновей?

— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что бритая у нее голова, вот и забежала она в лисью нору да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит — поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, — испугалась она и убежала. Встретился ей по дороге медведь, видит, что лиса в большом смущении, и спрашивает у нее:

— Что это с тобой, лисичка-сестричка; чего это у тебя такой испуганный вид?

— Ох, — отвечает рыжая, — страшный зверь засел у меня в норе и тарашит на меня огненные глазища.

— Да мы его враз выгоним, — говорит медведь, и пошел с ней к норе и заглянул туда; но как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем поделаешь? И давай медведь из норы ходу. Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:

— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя веселость?

— Тебе-то хорошо рассуждать, — ответил медведь, — а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза выпучил, и выгнать его мы никак не в силах.

И сказала пчела:

— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я все-таки могу вам помочь.

И она влетела в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно ее ужалила, что та тақ и подпрыгнула, да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.

М а л ь ч и к - с - п а л ь ч и к

Жил когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и пряла. Вот и говорит он жене:

— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело.

— Да, — ответила жеңа и вздохнула, — если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена забеременела и спустя семь месяцев родила ребенка, и был он здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец.

И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитяtko наше мы будем любить, — и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они хорошо его кормили, но ребенок все не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и всё, что он ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если б кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — повозку я привезу, уж ты на меня положишься, и доставлю ее в лес как раз вó-время.

— Да как же ты с этим делом справишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошаdью править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запряжет, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно, — ответил отец, — один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошаdь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! но! Левей, правей!»

Все шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка ехала верной дорогой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левей, левей!», показалось навстречу двое незнакомцев.

— Глянь, — сказал один из них, — что это такое? Едет повозка, возница на лошаdь покрикивает, а самого его не видать.

— Тут что-то неспроста, — заметил другой, — давай-ка пойдем вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка все ехала дальше в глубь леса и прямёхонько туда, где рубили деревья. Увидал Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меня сними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошаdь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку.

Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивленья. Отвел один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малышка мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги, — давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет, — говорит крестьянин, — это мой любимец, я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услышал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нашептывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь.

И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить? — спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я оттуда не упаду.

Они исполнили его желание. Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху, — сказал человек, на голове у которого он сидел, — это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет, — ответил Мальчик-с-пальчик, — я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, приметил мышиную норку и вдруг скользнул в нее.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой без меня, — крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышинной норе, стали тыкать в нее палками, но напрасно, — Мальчик-с-пальчик заползал все глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустою сумой.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потемках идти по полю, пожалуй, будет опасно, — сказал он, — чего доброго, шею или ногу себе сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава богу, — сказал он, — теперь я смогу провести ночь спокойно», — и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать! — крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это? — спросил испуганный вор. — Я слышу, кто-то говорит. — Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идет, — ответил он.

Наконец воры отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь? — сказали они.

— А вот чем, — ответил он: — я пролезу через решетку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело, — сказали они, — посмотрим, как ты с этим справишься.

Пришли они к дому пастора, и забрался Мальчик-с-пальчик в кладовую да как закричит оттуда во все горло:

— Вы всё хотите забрать, что тут есть?

Испугались воры и сказали:

— Да ты говори потише, а то еще кто-нибудь проснется.

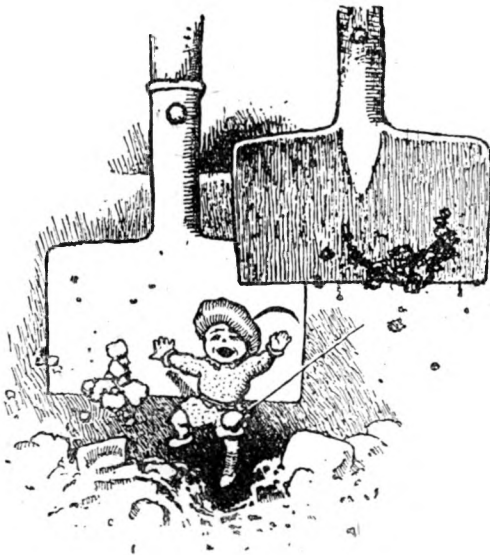
Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит

опять во всю глотку:

— Вы что хотите: всё забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка, — она спала в соседней комнате, — приподнялась на постели и стала прислушиваться. Новоры перепугались и со страху отбежали от дома, но потом прибодрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достанька нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам все подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и слышала все, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Воры пустились наутек, точно за ними гнался волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла зажечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что все это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Пошла она на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клочок сена, в котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«Ах, господи, — воскликнул он, — я точно на сукновальню попал!», но он вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз, в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли, — сказал он, — вишь, и солнце в нее не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего — в дверь вползало все новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услышала что кто-то кричит, а никого не видит, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила все молоко. Побежала она, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, боже мой, господин пастор, а корова-то наша заговорила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однакоже отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но

только вошел он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму.

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел ее зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидал требуху, схватил ее и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй, — подумал он, — с волком можно будет сговориться», — и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где ж он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдется для тебя и пирогов, и сала, и колбасы, всего, всего вдосталь. — И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, не долго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись доотвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там, — сказал волк, — а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там, — ответил малютка, — ведь ты же наелся, дай и мне теперь повеселиться, — и стал снова кричать во все горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной, — сказал муж, когда они входили в кладовую, — когда я его ударю; а он будет еще живой, ты его добивай и брюхо косою вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:

— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Слава тебе, господи, дитяtko наше нашлось! — и велел жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то, — говорит отец, — сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я постранствовал, но, слава богу, снова выбрался на божий свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышиной норке, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете, — сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье, — прежнее-то все в странствиях у него поистрепалось.

Свадьба госпожи Лисы

СКАЗКА ПЕРВАЯ

Жил был старый Лис с девятью хвостами. И показалось ему, что жена ему не верна, и он решил ее испытать. Растянулся он под лавкой, лежит, ни двинется, ни шелóхнется, притворился, будто совсем мертвый.

Ушла госпожа Лиса в свою комнату, заперлась там, а кошка, что в служанках у нее жила, на шестке сидела и стряпала. И вот стало всюду известно, что старый Лис помер, и объявились тогда женихи. Услыхала служанка, что кто-то за дверью стоит и стучится; пошла она открывать, а был то молодой Лис, вот он и говорит:

Как поживаете вы, барышня кошка?
Вы все в трудах, иль почиваете немножко?

Ответила кошка:

Я не сплю, я хозяйство сторожу,
А что делаю — скажу:
Хочешь, пива наварю, в него масла наложу,
Тебя в гости приглашу?

— Спасибо вам, барышня, — сказал Лис. — А что делает госпожа Лиса?

Ответила служанка:

Она в комнате сидит,
Всё горюет да не спит,
Все повыплакала глазки,
Вспоминает Лиса ласки.

— А ты, барышня, ей скажи, что явился, мол, Лис молодой и на ней хотел бы жениться.

— Ладно, сударь молодой, я скажу.

Кошка прыгнула — туп-туп,
Двери стукнули — тук-тук.
— Госпожа Лиса, вы дома?
— Ах, конечно, дома, дома.
— Во дворе жених стоит.
— А каков же он на вид?

— А у него таких же девять красивых и пушистых хвостов, как и у покойного господина Лиса?

— Ах, нет, — ответила кошка, — у него один только хвост.

— Если так, то мне такого не надо.

Спустилась кошка-служанка вниз и прогнала жениха прочь. Вскоре после того кто-то опять постучался; и стоял то у дверей другой Лис, хотел посвататься за госпожу Лису, и было у него два хвоста; но и ему повезло не больше, чем первому. Потом приходили еще другие, и было у каждого из них на один хвост больше, но всем им было отказано, пока не явился, наконец, Лис с девятью хвостами, как и у старого господина Лиса. Услыхала это вдова и говорит на радостях кошке:

Настежь двери отворяйте,
Скорей Лиса убирайте!

Но только собрались праздновать свадьбу, как зашевелился старый Лис под лавкой и начал бить и колотить всех этих бродяжек и выгнал их всех заодно с госпожой Лисой из дому прочь.

СКАЗКА ВТОРАЯ

Как только помер старый Лис, объявился вскоре женихом волк, постучался в дверь, а кошка, что жила у госпожи Лисы в служанках, и впустила его. Поздоровался с ней волк и говорит:

Кошка, здравствуйте! Скажите,
Вы чего одна сидите?
Что вы делаете тут?

А кошка отвечает:

В молоко бросаю крошки,
Угощу и вас немножко.

— Спасибо, госпожа кошка, — ответил волк, — а разве госпожи Лисы нет дома?

Кошка говорит:

Она в горнице сидит.
Все горюет да не спит,
Горько плачет, причитает
И все Лиса поминает.

И ответил волк:

Хочет мужа поважней,
Пусть спускается скорей.

Кошка прыг — и у дверей,
Машет хвостиком сильней,

Вот и к залу подошла.
Золотыми кольцами звенит:
— Госпожа Лиса, вы дома? — говорит, —
Коль хотите мужа поважней,
То спускайтесь поживей.

Госпожа Лиса спрашивает:

— А есть ли у этого господина красные штанишки, и острая ли у него мордочка?

— Нет, — ответила кошка.

— Тогда мне такого не надо.

Только отказали волку, как явились пес, олень, заяц, медведь, лев, а потом за ними все прочие звери лесные. Но всё не находилось такого, у которого были бы все добрые качества, которыми обладал старый господин Лис. И пришлось кошке каждый раз жениха выпроваживать.

Явился, наконец, молодой Лис. Вот госпожа Лиса и говорит:

— А есть ли у этого господина красные штанишки, и острая ли у него мордочка?

— Да, — сказала кошка, — у этого есть.

— Пусть тогда ко мне подымается, — сказала госпожа Лиса и велела служанке готовить свадебный пир:

Убери мне дом скорей, миленькая кошка,
Лиса старого живей выбрось за окошко.
Ты мышей ловила сколько
И сама их поедала,
Мне небось-то, не давала.

И начали они с молодым Лисом праздновать свадьбу; то-то было там плясок да веселья! И если они уже не отширвали, то, пожалуй, пляшут еще и сейчас.

Домовые

СКАЗКА ПЕРВАЯ

Жил-был сапожник, да не по своей вине так обеднел, что остался у него напоследок всего только кожи кусок на пару башмаков. Вот выкроил он вечером башмаки, собираясь на другое утро их шить. Совесть у него была чиста, он лег спокойно в постель и, полагаясь на волю господню, уснул.

Утром, встав и помолившись, хотел он было за работу приняться, глядь — стоят у него на столе башмаки, совсем готовые. Удивился он и не знал, что ему и сказать на это. Взял он башмаки в руки, чтоб получше их разглядеть. Видит — сработаны они чисто, нет нигде ни единого шва неправильного, словно вышли они из-под руки мастера. А тут вскоре и покупатель явился. Башмаки ему очень понравились, и он заплатил за них больше, чем обычно, и сапожник мог на эти деньги купить кожи на целых две пары башмаков.

Вечером скроил он их, собираясь на другое утро со свежими силами приняться за работу, но делать ему этого не пришлось: встал он утром, а они стояли уже сшитые; и покупателей нашлось достаточно, и заплатили они ему так много денег, что он смог купить теперь кожи на целых четыре пары башмаков. А ранним утром нашел он все четыре пары уже сшитыми.

Так продолжалось все дальше — что ни выкроит он вечером, а к утру оно уж и готово, — так что в скором времени имел он свой честный заработок и, наконец, стал человеком зажиточным.

И вот как-то вечером, незадолго до рождества, выкроил он опять башмаки и, прежде чем ложиться спать, говорит жене: — А что, если нам эту ночь остаться здесь да посмотреть, кто это нам такую помощь оказывает?

Жена с ним согласилась, и они зажгли свечку, а сами спрятались в углу — там, где висели платья, — и стали приглядываться.

Вот наступила полночь, и явились два маленьких красивых голых человечка. Сели они за сапожный столик, взяли заготовки и начали своими пальчиками так ловко да быстро работать шилом, шить да постукивать, что сапожник и глаз не мог отвести от удивленья.

И не бросили человечки своей работы до тех пор, пока все не было закончено и башмаки стояли готовые на столе; затем они прыгнули и быстро исчезли.

Вот и говорит жена на другое утро:

— Эти маленькие человечки принесли нам богатство; надо будет отблагодарить их за это. Они все суетятся и бегают, а сами-то раздетые, разутые, пожалуй им холодно. Знаешь что? Сошью-ка я им рубашечки, кафтаны, жилеты и штанишки да свяжу им по паре чулочек.

А муж ей и говорит:

— Что ж, я с тобой вполне согласен.

Когда все было сшито и приготовлено, разложили они на столе вместо заготовок подарки и спрятались снова, чтоб поглядеть, что станут делать человечки с теми подарками.

Ровно в полночь прискакали они и хотели было приняться тотчас за работу, но, увидев, что заготовок нету, а лежат вместо них красивые платья, они сначала удивились, а потом очень обрадовались. Ловко и быстро оделись, справили на себе красивые одежды и запели:

Теперь нам, красавчикам-мальчикам, можно
И не возиться с дратвой сапожной!

И начали прыгать, плясать и скакать через стулья и скамьи. Наконец, танцуя, подошли они к дверям и исчезли.

С той поры они больше уже не являлись, но дела сапожника пошли хорошо; и что бы он ни начинал делать, была ему во всем целую жизнь удача.

СКАЗКА ВТОРАЯ

Жила-была на свете бедная девушка-работница. Была она к работе усердная, прилежная да внимательная: каждый день комнату в доме убирала и сор у дверей в большую кучу складывала.

Однажды утром, только собралась она опять за работу приняться, видит — лежит у двери письмо, но прочесть его никак не могла; поставила она метлу в угол, а письмо отнесла своим хозяевам, и было в том письме приглашение от домовых: они просили девушку крестить у них ребенка. Девушка не знала, как ей поступить; наконец после долгих уговоров и после того как хозяева ей сказали, что от подобного приглашенья отказываться ей не следует, она согласилась.

И вот явилось трое домовых и повели ее внутрь горы, где жили эти человечки. Все было там маленьким, но таким красивым, таким великолепным, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Роженица лежала в кровати, сделанной из черного дерева и украшенной резьбой и жемчугами; одеяло было золотом вышито, колыбель из слоновой кости, а купель вся из чистого золота.

Стала девушка у них кумой, ну а затем и домой итти собралась, а маленькие домовые стали настойчиво ее просить еще дня на три у них остаться. Она осталась и прожила это время в радости и довольстве, и старались маленькие человечки сделать ей все приятное. Наконец собралась она домой, но перед тем как ей уйти, насыпали они ей золота полные карманы и вывели ее опять на гору.

Пришла она домой, хотела за работу приняться, взяла в руки метлу, что так и стояла с той поры в углу, и начала было

подметать комнату. И вдруг явились чужие люди — жили они в этом доме — и стали ее спрашивать, кто она такая и что она тут делает. И оказалось, что пробыла она у маленьких чело-вечков в горè вовсе не три дня, а целых семь лет, а за это время прежние ее хозяева умерли.

СКАЗКА ТРЕТЬЯ

Выкрали раз у одной матери домовые из колыбели ребенка, а вместо него подложили оборотня с большой головой да пучеглазого, и знал он только одно — есть да пить.

И пошла она по случаю такой беды за советом к соседке. А соседка говорит, что оборотня следует отнести на кухню, посадить на печь, развести огонь и вскипятить воду в двух яичных скорлупах; вот оборотень и засмеется, а как засмеется, то тут ему и конец придет. Женщина сделала все так, как сказала ей соседка. Поставила она на огонь яичные скорлупки с водой; ну, тут-то головастый уродец и заговорил:

Стал я старый такой,
Как гора Вестервальд, и седой,
Но не видел я никогда,
В скорлупе чтоб кипела вода.

И начал тут хохотать. И явилось тогда множество маленьких домовых, принесли они опять настоящего ребенка, усадили его на печь, а оборотня с собой взяли.

Разбойник-жених

Жил-был когда-то мельник, и была у него красавица-дочь. Вот выросла она, и захотелось отцу пристроить ее и выдать поудачнее замуж, и он подумал: «Если явится порядочный жених и станет к ней свататься, я выдам ее за него замуж».

Вскоре явился жених; казалось, был он очень богат, и так как мельнику придаться было тут не к чему, то и пообещал он ему свою дочь. А девушка любила его не так, как должна любить невеста своего жениха, и не было у нее к нему никакой приязни: поглядит она на него или о нем подумает, и почувствует какой-то страх в своем сердце.

Вот раз он ей и говорит:

— Ты вот — моя невеста, а ни разу даже ко мне в гости не пришла.

А девушка отвечает:

— Да я не знаю, где находится ваш дом.

Говорит ей тогда жених:

— Дом мой вон там, в темном лесу.

Стала она отговариваться, что дороги, мол, ей туда не найти. А жених говорит:

— В следующее воскресенье ты должна ко мне прийти, я уже и гостей пригласил; а чтоб тебе найти дорогу в лесу, я золы тебе по пути насыплю.

Вот наступило воскресенье, надо было девушке собираться в путь-дорогу, и сделалось ей так страшно, она не могла понять почему, и чтоб отметить дорогу, она насыпала полные карманы гороху и чечевицы. Шла она почти весь день напролет, пока не зашла в самую гущину, где было темным-темно, и стоял там единственный дом. Он ей не понравился, так выглядел он сумрачно и неуютно. Она вошла в дом, но там никого не оказалось, и было там тихо-тихо.

Вдруг послышался голос:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

Огляделась девушка и увидела, что это голос птицы, сидевшей в клетке на стене. И еще раз повторила птица:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

Прошла тогда красавица-невеста дальше из одной комнаты в другую, и так обошла весь дом, но всюду было пусто, ни единой человеческой души. Наконец спустилась она в погреб, видит — сидит там такая старая старуха да головой качает.

— Не можете ли вы мне сказать, — молвила девушка, — не здесь ли живет мой жених?

— Ах, бедняжка, — ответила старуха, — куда ты попала! Ведь ты в разбойничьем притоне. Ты думаешь, что ты невеста и скоро свадьбу справлять будешь, но придется тебе праздновать свадьбу со смертью. Вон, видишь, большой котел с водой, мне придется поставить его на огонь, когда они тебя схватят и порубят безжалостно на куски, а потом тебя сварят и съедят; ведь они людоеды. Если я тебя не пожалею и не спасу, то придется тебе пропадать.

Отвела ее затем старуха и спрятала за большую бочку, где ее никто не мог заметить.

— Сиди смирно, как мышка в норе, — сказала старуха, — не двигайся, не шелохнись, а не то пропадешь. А ночью, когда разбойники уснут, мы с тобой убежим; я давно уже жду удобного случая.

Только они обо всем условились, как вернулась домой разбойничья злая шайка. Притащили разбойники с собой какую-то девушку; они были пьяные и не обратили внимания на ее вопли и крики. Дали они ей выпить три полных стакана вина: один стакан белого, другой красного, а третий стакан янтарного, и у нее от этого напитка разорвалось сердце. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили ее на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью.

Бедная невеста, сидя за бочкой, вся так и дрожала, она поняла, какую судьбу ей готовят разбойники. Заметил один из разбойников на мизинце убитой девушки золотое кольцо, но он снять его сразу не смог, тогда он схватил топор и отрубил ей палец; но подскочил палец вверх как раз над самой бочкой и — упал невесте на колени.

Взяли разбойники свечу, начали искать палец, но найти его не могли. Вот и говорит один из разбойников:

— А ты за бочкой искал?

Тут старуха как крикнет:

— Ступайте скорей кушать, поищите завтра утром; палец от вас не убежит.

— Верно говорит старуха, — сказали разбойники, бросили поиски и уселись за еду; а старуха подсыпала им в вино сонного зелья, и они улеглись все спать в погребе, уснули и захрапели.

Услыхала это невеста и выбралась из-за бочки; но пришлось ей шагать через спящих, — они лежали все на земле вповалку, и страшно ей было, чтоб кого-нибудь из них не разбудить. Но господь бог помог ей счастливо пробраться; вышла с ней вместе и старуха, отворила двери, и бросились они бежать во весь дух из разбойничьего притона. Но ветер развеял рассыпанную по дороге золу, а горох и чечевица пустили ростки и взошли и указывали при лунном сиянии им дорогу. Шли они целую ночь и пришли под утро к мельнице. И рассказала девушка своему отцу все, что случилось.

Вот наступил день, когда надо было праздновать свадьбу, и явился жених, а мельник созвал в гости всех своих родичей и знакомых. Уселись гости за стол, и было предложено каждому что-нибудь рассказать. Невеста сидела тихая и молчаливая. Вот жених и говорит невесте:

— Ну, моя душенька, разве ты ничего не знаешь? Рассказала бы и ты нам что-нибудь.

Она ответила:

— Ну, так вот расскажу я вам сон. Иду я будто одна через лес, иду, подхожу, наконец, к дому, а в нем ни единой живой души, висит на стене клетка с птицей, и говорит птица:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

И повторила птица это еще раз. Да это, мой милый, мне только снилось. Пошла я тогда по всем комнатам, все они были пустые, и уж так там было неприютно!.. Вот спустилась я, наконец, в погреб, и сидела там старая-престарая женщина и головой качала. Спрашиваю я: «Не в этом ли доме живет мой жених?» А она отвечает: «Ах, бедняжка, да ведь ты в разбойный притон попала! Жених твой живет здесь, но он собирает тебя на куски порубить, а потом сварить да съесть». Милый мой, да это мне только приснилось. И спрягала меня старуха за большой бочкой, и только я там притаилась, как явились домой разбойники, притащили с собой какую-то девушку, дали ей выпить тройного вина — белого, красного и янтарного, и разорвалось у ней сердце. Милый мой, ведь это мне только снилось. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью. Милый мой, это мне только приснилось. И увидел один из разбойников, что на мизинце у ней золотое кольцо, а трудно было его с пальца стащить, взял он тогда топор и отрубил палец; но подскочил палец вверх, упал за большую бочку и попал как раз мне на колени. Вот он, этот палец с кольцом.

Сказала она это, вытащила его и показала гостям.

Как полотно побледнел при этом рассказе разбойник, вскочил из-за стола и собрался было бежать, но гости его схватили и привели на суд. И присудили его казнить, а с ним и его шайку за их разбойные дела.

Господин Корбес

Жили-были петушок да курочка. И вот порешили они пуститься в странствие. Построил петушок красивый возок, было у него четыре красных колеса, и запряг он в него четырех мышек.

Уселись петушок с курочкой в возок и поехали. Вскоре повстречали они по дороге кошку, а та их спрашивает:

— Куда это вы путь держите?

Петушок ей отвечает:

Едем мы во весь опор
Прямо к Корбесу во двор.

— Возьмите и меня с собой, — говорит кошка.

Отвечает петушок:

— Что ж, пожалуй, полезай на задок, — а сядешь на передок, чего доброго свалишься.

Да смотри, чтобы кареты
Не запачкать мне при этом.
Ну, колесики, стучите,
Звонче, мышки, затрубите,
Едем мы во весь опор
Прямо к Корбесу во двор!

Потом повстречался им на пути мельничный жернов, а затем яйцо, а за ним утка, а за нею булавка и, наконец, игла, — и все они уселись в возок и поехали вместе.

Подъехали они к дому господина Корбеса, но его самого дома не застали. Мышки втащили возок в сарай, петушок с курочкой взлетели на насест, кошка взобралась на печку, утка на колодезный сруб, яйцо закуталось в полотенце, булавка воткнулась в подушку на кресле, игла прыгнула на кровать, в самое изголовье, а мельничный жернов взобрался на дверь.

Вернулся домой господин Корбес, подходит к печке, чтоб огонь развести, а кошка взяла и все лицо засыпала ему золой. Побежал он поскорей, чтоб умыться, а утка все лицо ему обрызгала. Взялся он за полотенце, чтоб утереться, а яйцо выкатилось, разбилось и залепило ему глаза. Захотелось ему отдохнуть, а булавка взяла да уколола его. Тут рассердился он и бросился в постель. Но только положил голову на подушку, а там игла его уколола. Как вскочит он, как вскрикнет, как разъярится — и ну бежать из дому. Подбежал он к двери, а мельничный жернов спрыгнул вниз — и убил его.

И злой же, видно, человек был этот господин Корбес.

К у м

Было у одного бедняка столько детей, что наприглашал он уже в кумовья весь свет, и когда у него родился еще один ребенок, то не осталось никого, кого бы он мог в кумовья пригласить. И не знал он, как ему теперь быть, — лег с горя и

уснул. И приснилось ему, будто должен он стать у ворот и позвать в кумовья первого встречного.

Проснулся он и решил сделать, как было во сне указано. Вышел за ворота и позвал первого встречного в кумовья. И подарил ему этот первый встречный бутылочку с водой и сказал:

— Эта вода волшебная, ею ты можешь лечить больных, только смотри, где смерть стоит: если стоит она у изголовья, дай больному этой воды, и он выздоровеет; а если стоит смерть у его ног, то все старанья твои будут напрасны, все равно он померет.

И мог с той поры бедняк всякий раз определить, можно ли спасти больного, или нет, и стал своим искусством он знаменит и зарабатывал немало денег.

Позвали его раз к ребенку короля. Входит бедняк и видит — стоит смерть у изголовья, и вылечил он ребенка водой. Случилось то же самое и во второй раз, а на третий раз стояла смерть у ног, и должен был ребенок помереть.

Вот захотелось бедняку побывать в гостях у своего кума и рассказать ему, как идет у него дело с волшебной водой. Входит он в дом, а там странные дела в хозяйстве. На первом этаже ссорятся между собой заступ и метла и лупят друг друга. Он спрашивает у них:

— А где живет господин кум?

Метла отвечает:

— Этажом выше.

Поднимается он на второй этаж, видит — лежит там множество мертвых пальцев. Спрашивает он:

— Здесь ли живет господин кум?

А один из пальцев указывает:

— Этажом повыше.

И лежит на третьем этаже куча мертвых голов, и указывают они ему опять этажом выше. На четвертом этаже видит он — стоят на плите рыбы, шипят на сковородке и сами жарятся. И они ответили то же самое:

— Этажом выше.

Поднялся он на пятый этаж, подошел к комнате, заглянул сквозь замочную скважину и увидел своего кума, а на голове у него два длинных рога. Открыл бедняк дверь, вошел, а кум лег поскорей в постель и одеялом укрылся. Вот бедняк и говорит:

— Куманек, что это у вас такой странный беспорядок в доме? Выхожу я на первый этаж — заступ с метлой спорят и дерутся между собой во-всю.

— Какой вы, однако, простака, — сказал кум, — да ведь это ж были работник с работницей, они беседовали между собой.

- А на втором этаже, я видел, мертвые пальцы лежали.
 - Э, какой же вы глупый! Да ведь это были корни ужоманика.
 - На третьем этаже, я видел, мертвые головы лежали.
 - Дурень же вы, однако, да ведь это были кочаны капусты.
 - Видел я на четвертом этаже рыб на сковороде, они шипели и сами жарились.
- Только он это вымолвил, как явились рыбы, они сами себя несли.
- А когда взошел я на пятый этаж да глянул в замочную скважину, увидел я вас, куманек, и были на вас длинные-предлинные рога.
 - Э, уж это неправда.
- Испугался бедняк и давай оттуда бежать, а не то, почем знать, что господин куманек бы с ним сделал.

Фрау Тру́да

Жила однажды маленькая девочка. Была она упрямая и чересчур любопытная. Бывало, отец с матерью ей что-нибудь скажут, а она их не послушается, — ну, как тут беде не случиться? Вот говорит она раз отцу-матери:

— Я так много слышала о фрау Тру́де, что хотелось бы мне хоть разок у нее побывать; люди рассказывают, что у нее так чудно и странно, и еще говорят, что в доме у ней всякие диковинки водятся, — вот мне и любопытно на все это поглядеть.

Но отец с матерью строго-настрого ей запретили итти и сказали:

— Фрау Тру́да — женщина злая, она колдовством занимается; если ты к ней пойдешь, то мы и знать тебя больше не хотим.

Но девочка запрета родительского не послушалась и все-таки пошла к фрау Тру́де. Пришла она к ней, а фрау Тру́да и спрашивает ее:

— Ты чего такая бледная?

— Ах, — ответила девочка и вся так и задрожала, — я испугалась того, что увидела.

— А что ж ты увидела?

— Увидела я у вас на лестнице черного человека.

— Да это был угольщик.

— А еще увидела я зеленого человека.

— То был охотник.

— А еще увидела я красного человека.

— То был мясник.

— Ах, фрау Труда, как было мне страшно! Глянула я в окошко, а вас-то и не видать, а вместо вас чорт с огненной головою.

— Ого!— сказала фрау Труда. — Так это ты видела самую настоящую ведьму; я уж давненько тебя тут поджидаю,— все хочу, чтобы ты пришла да мне посветила.

И обратила она девушку в полено и кинула его в огонь. И когда оно как следует разгорелось, подседа она к очагу, стала греться и сказала:

— Вот теперь-то она светит ярко!

Смерть в кумовьях

Было у одного бедняка двенадцать душ детей, и должен он был день и ночь работать, чтоб на хлеб заработать.

Вот родился на свет тринадцатый ребенок, и не знал бедняк, как из беды выбраться; вышел он на большую дорогу, чтоб первого встречного пригласить в кумовья. И первый, кто встретился ему, был господь бог: он знал, что у бедняка на сердце, и сказал ему:

— Бедный человек, мне тебя жалко, я готов быть крестным отцом твоего ребенка, я буду о нем заботиться и сделаю его на земле счастливым.

Говорит бедняк:

— А ты кто такой?

— Я — господь бог.

— В таком случае я тебя в кумовья не хочу, — сказал бедняк, — ты все отдаешь богачам, а нас, бедняков, голодать заставляешь. — И отвернулся бедняк от господа бога и отправился дальше.

Тут подошел к нему чорт и говорит:

— Чего ты ищешь? Ежели хочешь взять меня в крестные твоего ребенка, то я дам ему золота вдосталь да к тому ж предоставлю всякие удовольствия на свете.

Спросил человек:

— А кто ты такой?

— Я — чорт.

— В таком случае я тебя в кумовья не желаю, — сказал человек, — ты обманываешь и вводишь людей в соблазн.

Отправился бедняк дальше. И подходит к нему костлявая смерть на худых ногах и говорит:

— Возьми меня в кумовья.

Спросил человек:

— Ты кто такая?

— Я смерть, я делаю всех равными.

Говорит человек:

— Ты справедливая, ты уносишь и богача и бедняка без различья, будь у меня кумой.

Ответила смерть:

— Я сделаю твое дитя богатым и знатным, ибо кто со мной подружится, у того ни в чем недостатка не будет.

Сказал человек:

— В следующее воскресенье будем справлять крестины, приходи в этот день.

Явилась смерть, как и обещала, и оказалась настоящей кумой, как полагается.

Вот мальчик вырос, пришла к нему раз крестная и велела ему следовать за собой. Повела его в лес, показала ему какую-то траву, которая там росла, и сказала:

— А теперь ты должен получить от своей крестной подарок. Я сделаю тебя знаменитым лекарем. Если тебя позовут к больному, я буду каждый раз тоже являться; если я буду стоять у изголовья больного, ты можешь смело объявить, что ты его вылечишь; дай ему этой травы, и он выздоровеет. Но если я буду стоять у ног больного, то значит — он мой, и ты должен сказать, что всякая помощь бесполезна и что ни один лекарь на свете спасти больного не сможет. Но бойся пользоваться этим зельем против моей воли, а не то плохо тебе придется.

В скором времени сделался юноша самым знаменитым лекарем во всем свете. «Стоит ему только глянуть на больного, и он уже знает, как обстоит дело, выздоровеет ли больной, или помрет», — так говорили о юноше, и отовсюду приходили к нему люди, звали его к больным и платили ему денег столько, что вскоре он сделался богачом.

Вот случилось однажды, что заболел король. Позвали этого лекаря, он должен был сказать, сможет ли король выздороветь.

Подошел лекарь к постели, видит — стоит смерть у ног больного, и никакая трава помочь тут не сможет. «Если бы я мог хоть раз перехитрить смерть! — подумал лекарь. — Но она, конечно, обидится; правда, я ее крестник, и она могла бы сделать вид, будто ничего не заметила. Давай-ка попробую».

Взял он больного, положил его задом наперед, — и стояла теперь смерть у изголовья больного. Дал ему лекарь зелья, и король стал опять здоровым.

Но смерть пришла к лекарю, злобно и хмуро на него поглядела, погрозила ему пальцем и сказала:

— Ты меня обманул. На этот раз я тебя прощаю, потому что ты мой крестник, но если ты осмелишься еще раз меня обмануть, я схвачу тебя самого и заберу на тот свет.

Прошло некоторое время, и вдруг заболела дочь короли тяжкой болезнью. А она была у него единственное дитя, и он плакал день и ночь и уже повыплакал все глаза. И король объявил, что тот, кто спасет его дочь от смерти, станет ее мужем и наследует корону.

Подошел лекарь к постели больной и увидел смерть у ее ног. Ему следовало бы не забывать предостережения его крестной, но чудесная красота королевы и счастье сделаться ее мужем так его ослепили, что он обо всем позабыл. Он не обратил внимания на то, что смерть гневно на него глядела, подняла руку и грозила ему своим костлявым кулаком; он все-таки поднял королеву и переложил ее голову туда, где прежде лежали ноги. Потом дал он ей зелья, и вмиг у королевы порозовели щеки, и она стала выздоравливать.

Обманул лекарь смерть второй раз, и она подошла к нему большими шагами и сказала:

— Теперь с тобой все покончено, подошел твой черед.

И она схватила его своей ледяною рукой так крепко, что вырваться он не мог, и повела его в подземную пещеру. Он увидел там тысячи тысяч свечей, горящих необозримыми рядами. Одни из них были большие, другие средней величины, а были и совсем маленькие. Каждый миг одни гасли, а другие зажигались, и казалось, что огоньки все время меняют место и скачут то туда, то сюда.

— Видишь, — сказала смерть, — это людские свечи жизни. Большие — это свечи детей, средние — семейных людей в их лучшие годы, а маленькие — стариков. Но часто и у детей и у людей молодых бывают только маленькие свечечки.

— Покажи мне мою свечу жизни, — сказал лекарь, думая, что она у него еще достаточно большая.

И указала смерть на маленький-маленький огарочек, который вот-вот готов был погаснуть, и сказала:

— Видишь, вот это твой.

— Ах, милая крестная, — сказал испуганный лекарь, — сделайте милость, зажгите мне новую, чтобы мог я насладиться жизнью, чтобы сделался я королем и мужем прекрасной королевы.

— Не могу, — молвила смерть, — прежде чем загореться новой, одна свеча должна погаснуть.

— Так поставьте мою старую свечку на новую, и она будет продолжать гореть, когда догорит старая, — упрашивал лекарь.

Притворилась смерть, будто хочет исполнить его желание, принесла новую, большую свечу; но она хотела ему отомстить и, когда ставила новую свечу, уронила будто невзначай огарок, и он погас. И тотчас лекарь упал наземь и попал теперь сам в руки к смерти.

Странствия Мальчика-с-пальчик

Был у одного портного сын; родился он маленьким, ростом не больше, как с палец, — потому и прозвали его Мальчик-с-пальчик. Но был он отважный, и вот однажды говорит он отцу:

— Пойду я, батюшка, странствовать по белу свету.

— Ладно, сынок, — сказал ему старик-отец, взял длинную штопальную иглу и сделал на огне головку из сургуча, — вот тебе и шпага на дорогу будет.

Захотелось маленькому портняжке еще разок пообедать с домашними; прыгнул он в кухню, чтоб поглядеть, что матушка состряпала напоследок. Но кушанье начали только готовить, и миска стояла еще на печи. Вот он и спрашивает:

— Матушка, что будет нынче у нас на обед?

— А вот сам погляди, — ответила мать.

Прыгнул Мальчик-с-пальчик на печь и стал заглядывать в миску. Но он слишком нагнулся, и пар от варившейся пищи подхватил его и унес в дымовую трубу. И носился он вместе с паром по воздуху, но, наконец, опустился на землю. И занесло портняжку в далекие-далекие края.

Стал он бродить по свету и поступил на работу к одному мастеру, но тот его плохо кормил.

— Хозяйка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — если вы нам не дадите лучшей пищи, я уйду от вас и завтра же утром напишу мелом на ваших дверях:

Картофеля много, а мяса-то мало,
Прощай же, картофельный царь неудалый.

— Что это ты, пострел, надумал? — крикнул а всердцах хозяйка, и как схватит тряпку, чтоб ударить Мальчика-с-пальчик: но тут мой портняжка живо спрятался под наперсток и стал оттуда выглядывать да язык хозяйке показывать. А та подняла наперсток, чтобы поймать Мальчика-с-пальчик; а он — прыг в кучу тряпья и был таков. Раскидала хозяйка тряпье, стала его искать, а он тем временем забрался в щель стола.

— Хе-хе, госпожа хозяйка! — закричал он, высунув голову.

Хозяйка замахнулась было, чтоб ударить его по голове, а он — прыг в ящик стола и был таков. Но, наконец, она его все-таки поймала и прогнала со двора.

Отправился портняжка в путь-дорогу и попал в дремучий лес; повстречал он там ватагу разбойников; они собирались обокрасть королевскую казну. Увидели они портняжку и подумали: «Такой мальчонка и сквозь замочную скважину пролезет, — он нам пригодится вместо отмычки».

— Эй ты, великан Голиаф, — крикнул один из разбойников, — хочешь пробраться с нами вместе в королевскую кладовую? Ты сможешь туда залезть и выбросить нам деньги.

Мальчик-с-пальчик подумал и говорит:

— Что ж, я согласен, — и они пошли вместе к королевскому казначейству.

Пришли они. Осмотрел он дверь сверху донизу, нет ли где какой щели. И нашел он вскоре щелку, была она для него достаточно широка; но только он собрался залезть в эту щель, как заметил его один из стоявших у двери стражей и говорит другим:

— Что это за чудовищный паучище ползет там? Раздавлюка я его.

— Да пускай себе ползет, — ответил другой страж, — вреда-то он тебе не делает.

И вот Мальчик-с-пальчик пролез счастливо сквозь щелку в кладовую, открыл окно, — а под окном стояли уже разбойники, — и стал выбрасывать им талер за талером.

Работа была в самом разгаре, и вдруг услышал портняжка, что идет король, который вздумал осмотреть свою сокровищницу. Мальчик-с-пальчик быстро спрятался.

Но король заметил, что многих талеров нехватает, и никак не мог понять, кто же это их украл, — ведь замки и засовы были заперты, и все было как будто в порядке и под надежной охраной. И сказал, уходя, король двум стражам:

— Вы караульте повнимательней, тут кто-то деньги украсть собирается.

Только Мальчик-с-пальчик принялся снова за работу, услышали стражи, что в кладовой позвякивают деньги: звяк-звяк-звяк. Бросились они в кладовую, чтобы вора поймать. А портняжка услышал, что они идут, и еще того быстрее — прыг в угол и накрылся талером, и его не видно оттуда, да еще стал поддразнивать стражу: «А я здесь!» Кинулась стража к нему, а он — шмыг в другой угол, спрятался под талером и кричит: «Эй, а я здесь!» Бросилась стража к нему, а Мальчик-с-пальчик уже в третьем углу, кричит им оттуда: «Эй, здесь я!»

И так дурачил он их и гонял по всей кладовой; устали стражи и ушли. А он выбросил все талеры один за другим в окошко, а последний швырнул изо всей силы, а сам в это время вспрыгнул на него и вылетел вместе с ним в окно.

Стали тут разбойники его хвалить да расхваливать:

— Да ты, что и говорить, настоящий герой! Хочешь стать нашим атаманом?

Мальчик-с-пальчик поблагодарил их и сказал:

— Я сначала хочу по свету побродить да на мир поглядеть.

Поделили они между собой добычу, и взял себе портняжка один только крейцер, — большую монету нести ему было не под силу.

Повесил он свою шпагу через плечо, распрощался с разбойниками и отправился в путь-дорогу.

Поступал он на работу к разным мастерам, но работа ему была не по вкусу; наконец нанялся он работником в харчевню. Но невзлюбили его служанки за то, что они не видят его, а он видит все, что они тайком делают, и обо всем рассказывает хозяевам — как крадут они с тарелок да из погребов тащат.

— Ну, погоди ты! Уж мы тебя отблагодарим! — и они сговорились между собой сыграть с ним злую шутку.

Спустя некоторое время пошла одна из служанок косить

в саду траву; заметила она, как Мальчик-с-пальчик прыгает, словно кузнечик, с кустика на кустик перепрыгивает и лазит по стеблям трав, и вот скосила она его заодно с травой, бросила в мешок и подложила незаметно коровам. А была среди коров одна большая и черная, и она проглотила его вместе с травой, не причинив ему никакого вреда.

Но в коровьем желудке ему не понравилось: было там темным-темно, и даже не было свечки. Стали доить корову, а он как закричит:

Дзинь, дзинь о дно,
Скоро ль ведрышко полно?

Но его слов из-за шума разобрать было нельзя. Вскоре пришел в коровник сам хозяин и говорит:

— Завтра надо будет эту корову резать.

Услыхал это Мальчик-с-пальчик, испугался да как завопит тоненьким голоском:

— Сначала выпустите меня, ведь я в ней сижу!

Услыхал это хозяин, но не понял, откуда это голос идет.

— Где ты? — спрашивает он.

— Да в черной корове, — ответил Мальчик-с-пальчик; но хозяин не понял, что он сказал, и ушел.

На другое утро корову зарезали. Но, к счастью, когда рубили и разрезали мясо, Мальчик-с-пальчик под нож не попал, а очутился в вырезке, которую оставили для колбасы.

Пришел мясник и принялся за работу; вдруг слышит он, кто-то орет во всю глотку:

— Не рубите так сильно, не рубите, пожалуйста, ведь я здесь!

Но из-за стука ножей его никто не понял. И вот пришла беда для бедного Мальчика-с-пальчик; но в беде человек хитер — и он прыгал между ножей, и ни один из них его не задел, и он живехонек вылез оттуда. Но беды избежать ему все-таки не удалось: ничего нельзя было придумать — его сунули заодно с начинкой в кровяную колбасу. Да, квартирка оказалась, что и говорить, несколько тесноватая, и к тому же его подвесили в печную трубу коптиться, а время шло так медленно!

Наконец зимой колбасу сняли, и вздумал хозяин попотчевать ею гостя. Вот стала хозяйка резать ее на куски, но был Мальчик-с-пальчик осторожен, голову не слишком высовывал, чтоб не обрезают ее по самую шею. Наконец он придумал, что ему делать: почтужился и — выпрыгнул наружу.

В доме, где ему так плохо пришлось, оставаться ему больше не хотелось, и он отправился опять странствовать. Но недолго пришлось ему наслаждаться свободой. Повстречал он в поле Лиса, и тот его вмиг проглотил.

— Ах, Лис, мой Лис, — кричал Мальчик-с-пальчик, — да ведь я у тебя в горле застрял, отпусти меня на волю!

— Хорошо, — ответил ему Лис, — какая мне с тебя польза? Если пообещаешь отдать мне всех кур, что во дворе у твоего отца, тогда я отпущу тебя на волю.

— Ладно, — ответил ему Мальчик-с-пальчик, — кур ты уж всех получишь, это я тебе обещаю.

И выпустил его Лис и отнес его сам домой. Как увидел отец своего милого сыночка, отдал на радостях Лису всех кур.

— А я вот прикес тебе за это красивую денежку! — сказал Мальчик-с-пальчик и отдал ему крейцер, который он заработал во время странствий.

«А за что же Лис бедных кур на обед получил?» — Эх, дурень, ты, дурень, ведь отцу-то родное дитятко дороже, чем все куры во дворе.

Чудо-птица

Жил-был однажды на свете колдун; обернулся он нищим и стал ходить по домам и милостыню просить и хватал красивых девушек. И никто не знал, куда он их уносит, так как с той поры их никто больше нигде не видел.

Вот подошел он раз к дому одного человека, у которого было три красивых дочери; а был у колдуна вид бедного, дряхлого старца, и висела у него за плечами сума, будто для сбора подаяний. Попросил он дать ему немного поесть. Вышла из дому к нему старшая дочь и хотела подать ему кусок хлеба, но только он к ней прикоснулся, как тотчас пришлось девушке прыгнуть к нему в суму. Потом он ушел оттуда быстрыми шагами и отнес ее в темный лес, в свой дом, а стоял он в самой гуще леса. В том доме было все убрано очень красиво; и дал ей колдун все, что только она пожелала, и сказал:

— Мся любушка, тебе у меня понравится, все у тебя будет, чего только душа твоя пожелает.

Так продолжалось несколько дней, и вот однажды он ей говорит:

— Мне надо будет из дому отлучиться и оставить тебя на короткое время одну; на тебе ключи от дома, и можешь всюду ходить и все рассматривать, только не смей заходить в одну из комнат, открыть ее можно вот этим маленьким ключиком; делать это я тебе запрещаю под страхом смертной казни.

Дал он ей еще яйцо и сказал:

— Это яйцо береги как следует, а лучше всего носи его всегда при себе; если оно пропадет, то случится из-за этого большое несчастье.

Взяла она ключи и яйцо и обещала выполнить все как следует. Когда он ушел, стала она бродить по дому, обошла его весь снизу и доверху и осмотрела всё; комнаты сияли серебром и золотом, и ей казалось, что ни разу в жизни не видела она подобной красоты. Наконец она подошла к запретной двери, хотела было мимо нее пройти, но любопытство не давало ей покоя. Она осмотрела ключик, а был он похож на все остальные, вставила его в замочную скважину, слегка повернула — и вдруг дверь отворилась.

Но что же увидела она, войдя в комнату? Стояло там посредине большое окровавленное корыто, и лежали в нем изрубленные люди; поодаль стояла плаха, и лежал на ней блестящий топор. Она так сильно испугалась, что яйцо выскочило у нее из рук. Она подняла его и стала стирать с него кровь, но напрасно она старалась, — кровь тотчас опять появлялась на яйце; терла она его, вытирала, но ничего из этого не вышло.

А вскоре воротился домой из своих странствий колдун, и первое, что он потребовал, были ключик и яйцо. Она подала их ему, но при этом дрожала, и увидел колдун тотчас по красному пятну, что она была в кровавой комнате.

— Если ты входила против моей воли в ту комнату,— сказал он,— то должна будешь теперь против своей воли опять вернуться туда. Твоей жизни пришел конец!

Он бросил ее наземь и потащил туда за волосы; отрубил ей на плахе голову, всю ее изрубил на куски, — и потекла кровь по полу. Кинул он ее потом в корыто, туда, где лежали и остальные.

— А теперь надо будет мне притащить и другую,— сказал колдун и, обернувшись нищим, стал опять ходить по домам и просить милостыню.

И подала ему вторая сестра кусок хлеба, он поймал ее, как и первую, лишь только к ней прикоснулся,— и унес ее с собой. Пришлось ей не лучше, чем ее сестре,— ее тоже погубило любопытство. Открыла она кровавую комнату, заглянула туда и поплатилась за это жизнью.

А колдун отправился снова и принес третью сестру, но та оказалась умной и хитрой. Дал он ей ключик и яйцо, а сам ушел из дому. Но она сначала бережно спрятала яйцо, а потом осмотрела весь дом и, наконец, вошла в запретную комнату, и — ах! — что же она увидела! Обе ее любимые сестры лежали в корыте, убитые и порубленные.

Но она подняла их и собрала по кускам, сложила их вместе, как должно, голову, руки и ноги. И когда все было сложено как следует, они начали сами собой двигаться, срослись,— и обе девушки открыли глаза и ожили снова.

Они обрадовались, стали целоваться и обнимать друг дружку. А тут вернулся колдун и потребовал тотчас ключик и яйцо и, не найдя на нем и следа крови, сказал:

— Ты испытанье выдержала и должна стать моей невестой.

И потерял он над ней теперь всякую власть и должен был исполнять все, что она потребует.

— Хорошо,— ответила она,— но ты должен сначала отнести на своих плечах моему отцу и матери полную корзину золота; а там мы и свадьбу справим.

Побежала она тогда к своим сестрам, которых она спрятала в маленькой каморке, и говорит:

— Настал час, когда я могу вас спасти: злодей должен будет сам отнести вас домой. Но как только вы окажетесь дома, присылайте мне тотчас подмогу.

Посадила она обеих сестер в корзину, а сверху прикрыла их золотом так, что их не было видно, потом кликнула она колдуна и сказала:

— Ну, теперь отнеси корзину, да смотри, по дороге не останавливайся и не отдыхай, я буду смотреть в окошко и за тобой доглядывать.

Взвалил колдун корзину на плечи и отправился в путь-дорогу, но корзина была такая тяжелая, что пот градом катился у него с лица. Вот присел он немного отдохнуть, но тотчас закричала из корзины одна из сестер:

— Я смотрю в окошко и вижу, вижу, что ты отдыхаешь, а ну, отправляйся-ка дальше.

Колдун подумал, что это кричит ему невеста, и тотчас двинулся дальше. Вот захотелось ему еще раз присесть отдохнуть, но тотчас послышался голос:

— Я гляжу в окошко и вижу, вижу, что ты отдыхаешь, а ну, отправляйся живей дальше!

И только он останавливался, как тотчас раздавался голос, и ему приходилось идти дальше, и вот наконец, со стоном, запыхавшись, притащил он корзину с золотом и двумя девушками домой, к их отцу-матери.

А тем временем приготовила невеста дома свадебный пир и велела созвать на него друзей колдуна. Взяла она череп с оскаленными зубами, раскрасила его, надела на него венок из цветов, отнесла его наверх и поставила на чердаке в слуховом окошке, будто он оттуда выглядывает.

Когда все было уже приготовлено, окунулась она в бочку с медом, распоролa перину, выкаталась в перьях и стала теперь похожа на белую чудо-птицу, и никто не смог бы ее теперь узнать. Вышла она после этого из дому; и повстречались ей по дороге некоторые из свадебных гостей и спрашивают у нее:

— Ты кто, скажи мне, чудо-птица?

— Да я вот из семейства Фица.

— А что же делает невеста молодая?

— Она убрала дом и, гостя ожидая,

Глядит в окошко, головой кивая.

Наконец ей встретился и сам жених. Он медленно возвращался домой. И спросил он у нее, как и те гости свадебные:

— Ты кто, скажи мне, чудо-птица?

— Да я вот из семейства Фица.

— А что же делает невеста молодая?

— Она убрала дом и, гостя ожидая,

Глядит в окошко, головой кивая.

Глянул жених наверх, увидел разукрашенный череп и подумал, что то его невеста, поклонился ей и ласково ее приветствовал. Но только вошел он вместе со своими гостями в

дом, а тут вскоре явились братья и родные невесты, посланные ей на подмогу. Они заперли все двери дома, чтобы никто не мог оттуда убежать, и подожгли его со всех сторон, — и сгорел колдун вместе со всем своим сбродом в огне.

Сказка про можжевельник

Было это давным-давно, лет тому, пожалуй, две тысячи назад. Жил-был на свете богач; была у него красивая, добрая жена, и они крепко любили друг друга, но детей у них не было, а им очень хотелось их иметь; и долго молилась жена день и ночь, но детей у них все не было и не было.

А находился перед их домом двор, и рос в том дворе можжевельник. Однажды зимой стояла женщина под тем деревом и чистила яблоко, и когда она чистила яблоко, порезала себе палец, и капнула кровь на снег.

— Ах, — сказала женщина, глубоко вздохнув; и когда увидела кровь, стало ей так печально. — Ох, если бы родился у меня ребенок, румяный, как кровь, и белый, как снег!

Только она это вымолвила, и стало ей так весело, радостно на душе: показалось ей, что из этого что-нибудь должно выйти. Пошла она домой; и вот прошел с той поры месяц — и растаял снег; прошло два месяца — и все зазеленело; а прошло три месяца — и появились на земле цветы; прошло четыре месяца — вошли деревья в сок, выросли, переплелись между собой зеленые ветки и запели на них птички; и звенел весь лес, и опали с деревьев цветы; а прошел пятый месяц — и стояла однажды женщина под можжевельником, и шел от дерева такой приятный запах, что сердце у ней забилось от радости. Она упала на колени и не могла успокоиться. А когда прошел шестой месяц, сделались плоды большие и сочные, и она стала спокойней; а на седьмом месяце дотронулась она до можжевельных ягод, и ей стало завидно, и она пригорюнилась и заболела; прошел восьмой месяц, позвала она своего мужа, заплакала и сказала:

— Если я умру, похорони меня под этим можжевельником.

Потом она стала спокойней и была радостной, пока не прошел девятый месяц; и вот родила она ребенка, и был он белый, как снег, и румяный, как кровь; увидела она его и так обрадовалась, что от радости померла.

Похоронил ее муж под можжевельником и сильно-сильно заплакал. Но прошло время, и мало-помалу он успокоился, и

хотя иной раз, бывало, и всплакнет, но все-таки сдерживался; а прошло еще некоторое время, и он взял себе в дом другую жену.

Родилась от второй жены у него дочка, а ребенок от первой жены был мальчик, румяный, как кровь, и белый, как снег. Посмотрит, бывало, жена на свою дочку — и видно, что так уж она ее любит; а взглянет на маленького мальчика — и точно кто по сердцу ее полоснет; казалось ей, будто стоит он ей поперек дороги, и она всегда думала, как бы это сделать так, чтоб все добро досталось ее дочке.

И внушил злой дух мачехе, чтобы возненавидела она маленького мальчика; стала она его толкать, била его по чем ни попаало и щипала. И бедный ребенок находился всегда в страхе; когда он приходил из школы, то не было у него ни одного часу спокойного.

Вот вышла раз мачеха из кладовой, а подошла к ней в это время маленькая дочка и говорит:

— Мама, дай мне яблочко.

— Ладно, дитятко,— сказала женщина и достала ей из сундука красивое яблоко. А была на том сундуке большая, тяжелая крышка с большим острым железным замком.

— Мама,— говорит маленькая дочка,— а для братца разве нельзя взять яблоко?

Разозлилась тогда женщина и сказала:

— Можно, когда он из школы вернется.

Вот увидела женщина из окошка, что мальчик домой возвращается,— и точно злой дух вселился в нее. Она отобрала у дочки яблоко и сказала:

— Яблоко достанется не тебе, а брату.

Бросила она яблоко в сундук и заперла его; а как раз в это время вошел маленький мальчик; и внушил мачехе злой дух ласково к нему обратиться:

— Сыночек, может ты яблочко хочешь? — и косо на него посмотрела.

— Мама,— сказал маленький мальчик,— о-о, какое у тебя страшное лицо! Да, дай мне яблочко.

И пришло мачехе в голову, что надо ему сказать так:

— Пойдем со мной,— и она подняла крышку сундука,— выбери себе отсюда одно яблочко.

Но только маленький мальчик нагнулся к сундуку, как злой дух подтолкнул мачеху: бац! — и захлопнула она крышку, и отлетела голова и упала между красными яблоками. Испугалась мачеха и подумала: «Что же мне теперь делать?» Она поднялась в свою комнату, подошла к шкафу, достала из нижнего ящика свой белый платок, потом приставила голову мальчика к шее и так обвязала ее платком, что ничего не было видно;

посадила затем мальчика у двери на стуле и сунула ему в руку яблоко.

Вскоре пришла Марленикен к своей матери на кухню, та стояла у печки, и была перед ней на плите кастрюля с горячей водой, и она все время ее помешивала.

— Матушка, — сказала Марленикен, — а братец сидит у двери, и такой он бледный-бледный, и яблочко у него в руке. Я попросила его дать мне яблочко, а он мне ничего не ответил, и стало мне так страшно.

— А ты ступай туда опять, — сказала мать, — если он тебе не ответит, ты ударь его по уху.

Пошла Марленикен и говорит:

— Братец, дай мне яблочко.

А он молчит, ничего не говорит. И ударила она его по уху, и покатилась голова наземь. Испугалась девочка, стала плакать и кричать; побежала к матери и говорит:

— Ох, матушка, я отбила брату голову! — и она плакала, плакала, и никак нельзя было ее утешить.

— Марленикен, — сказала мать, — что ж ты наделала?! Но смотри, молчи, чтоб никто не узнал об этом, теперь ничего уже не поделаешь, мы его в супе сварим.

Взяла мать маленького мальчика, порубила его на куски, положила их в кастрюлю и сварила в супе. А Марленикен тут же рядом стояла и плакала, плакала, и все ее слезы падали в кастрюлю, так что и соли не надо было класть.

Пришел домой отец, сел за стол и говорит:

— А где сын?

И принесла тогда мать большую-пребольшую кастрюлю с черной похлебкой, а Марленикен все плачет, никак не может от слез удержаться. А отец опять спрашивает:

— Где же мой сын?

— Ах, да он ушел, — отвечает мать, — к матушке нашего двоюродного дедушки; ему захотелось там немного погостить.

— И чего это ему там понадобилось? Даже со мной не попрощался!

— О, ему так хотелось туда пойти, и он отпросился у меня на шесть недель; ведь там ему будет хорошо.

— Эх, — сказал муж, — а мне чего-то так грустно; нехорошо, что он ушел, со мной даже не попрощавшись.

Принялся он за еду и говорит:

— Марленикен, о чем ты плачешь? Братец ведь скоро вернется.

— Ах, жена, — говорит он, — какая у тебя вкусная похлебка! Положи-ка мне еще. — И чем больше он ел, тем больше хотелось ему есть.

Вот он и говорит:

— Наложика мне побольше, зачем оставлять, пусть она все мне достанется.

И он ел и ел, а кости под стол бросал, пока всё не поел. А Марленикен подошла к своему комоду, достала из нижнего ящика свой самый лучший шелковый платок, собрала под столом все косточки, сложила и завязала их в шелковый платок, вынесла их из дому и залилась горькими слезами. Положила она косточки под можжевельником на зеленую траву; и только она их там положила, как стало ей вдруг так легко, и она перестала плакать.

И начал можжевельник покачиваться, стали ветки на нем то раздвигаться, то опять сходитьсь, будто кто радовался и размахивал рукой. И спустилось в это время с дерева облако, и в облаке будто пламя вспыхнуло. Вылетела из пламени красивая птица и так прекрасно запела, взлетела высоко-высоко на воздух, а когда она улетела, стал можжевельник такой же, как был прежде, а платок с костями исчез.

Стало Марленикен так легко и приятно, будто брат ее жив. Пошла она, радостная и веселая, домой, села за стол и начала есть. А птица улетела и села на крышу дома к одному золотых дел мастеру и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить тю-вить!
Я красивее всех птиц!

А золотых дел мастер сидел в это время в своей мастерской и делал золотую цепь; услышал он птицу, что сидела у него на крыше и пела, и показалось это ему таким прекрасным. Он встал, но у порога потерял туфлю. Вышел он так на улицу, в одной туфле и в одном чулке; был на нем рабочий передник, и держал он в руке золотую цепь, а в другой щипцы. А солнце на улице светило так ярко. Подошел он поближе, остановился и стал разглядывать птицу.

— Птица,— сказал он,— как ты хорошо поешь! Спой мне еще раз свою песенку.

— Нет,— говорит птица,— дважды петь я не стану. Дай мне золотую цепь, тогда я спою тебе еще.

— Что ж,— сказал золотых дел мастер,— возьми себе золотую цепь и спой мне еще раз.

Подлетела птица, схватила правой ногой золотую цепь, уселась перед золотых дел мастером и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-витьс!
Я красивее всех птиц!

Полетела потом птица к одному сапожнику, уселась к нему на крышу и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица,
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала,
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-витьс!
Я красивее всех птиц!

Услыхал это сапожник, вышел на порог в своей безрукавке, глянул на крышу, прикрыл от солнца глаза рукой, чтоб не ослепнуть, и говорит:

— Птица, как ты прекрасно поешь! — И он крикнул через порог: — Жена, а ну выйди-ка сюда на минутку, тут вот птица, посмотри на нее, как она прекрасно умеет петь.

Позвал он дочь, детей, подмастерьев, слугу и работницу, и все вышли на улицу и начали разглядывать птицу, какая она красивая, какие у нее яркокрасные и зеленые перья, а шея вся будто золотая, глаза у нее как звезды сверкают.

— Птица,— сказал сапожник,— спой мне еще раз эту песенку.

— Нет,— говорит птица,— дважды петь я не стану, ты должен мне за это что-нибудь подарить.

— Жена,— говорит сапожник,— ступай к моему столику, стоит там на верхней полке пара красных башмаков; принеси-ка мне их сюда.

Пошла жена, принесла башмаки.

— Послушай, птица,— говорит сапожник,— спой мне еще разок эту самую песенку.

Подлетела птица, схватила в коготь левой ноги башмаки, взлетела опять на крышу и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
И под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-витьс!
Я красивее всех птиц!

Пропела она это и улетела: и держала она в правом когте золотую цепь, а в левом башмаки, и полетела она с ними на мельницу. А мельница стучала: тип-топ, тип-топ, тип-топ! И сидело у мельницы двадцать подручных, они обтесывали жернов и постукивали: гик-гак, гик-гак, гик-гак! И ходила мельница: тип-топ, тип-топ, тип-топ!

Вот уселась птица на липу, что росла перед мельницей, и запела:

Меня мачеха убила...

и бросил работу один из подручных,

А отец меня поел...

и бросило работать еще двое работников, а как услышали они;

А Марленикен-сестрица...

бросило работу еще четверо.

Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала...

Продолжало теперь обтесывать жернов всего восемь работников,

Да под деревом...

а потом и пять,

...сложила...

и остался тогда работать всего лишь один. Только расслышал он последние слова:

Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц! —

бросил работу и последний работник.

— Птица, — сказал он, — как ты прекрасно поешь! Дай и мне эту песню послушать, спой мне еще разок.

— Нет, — ответила птица, — дважды петь я даром не буду, дай мне мельничный жернов, и я спою тебе еще раз.

— Ладно, коль споешь нам всем, — сказал он, — то ты его получишь.

— Да, — сказали и остальные, — если она споет нам еще раз, то получит жернов.

И вот птица слетела вниз. Взялись тогда все двадцать работников за жернов вместе с птицей-свиристелью и стали подымать камень: гу-ух, гу-ух, гу-ух!

Просунула птица шею в отверстие жернова, надела его на себя, словно воротник, взлетела опять на дерево и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-естрипа
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

Пропела она это и взмахнула крыльями; и была у ней в правом когте цепь золотая, в левом — башмаки, а на шее — мельничный жернов, и полетела она далеко-далеко к дому своего отца.

А в комнате за столом сидели в то время отец и мать и Марленикен. И вот говорит отец:

— Ах, как стало мне теперь легко на душе!

— Нет,— сказала мать,— а мне так страшно, будто большая гроза надвигается.

А Марленикен сидит и все плачет да плачет.

Прилетела птица и села на крышу.

— Ах,— говорит отец,— мне так радостно и весело, и солнце-то вон как ярко светит; кажется, будто я должен скоро увидеть своего старого друга.

— Нет,— говорит жена,— а мне так страшно, что зуб на зуб не попадает, будто огонь проходит у меня по жилам.— И она распустила пошире свой лифчик. А Марленикен сидит в углу и плачет, платком закрыла глаза, и стал от слез весь платок мокрый.

А птица села на можжевельник и запела:

Меня мачеха убила...

Услыхала это мать, закрыла глаза и глядеть не хочет, и слушать не хочет, и точно большой ураган зашумел у нее в ушах, загорелись у нее глаза, словно молнии в них засверкали.

А отец меня поел...

— Ах, матушка,— сказал муж,— прилетела к нам такая красивая птица, и как она прекрасно поет, а солнце-то светит так ярко и блестит на верхушках крыши!

А Марленикен-сестрица...

И склонила Марленикен голову на колени, перестала плакать, а отец и говорит:

— Выйду-ка я да разгляжу птицу поближе.

— Ах, не уходи,— говорит жена,— мне кажется, будто весь дом дрожит и пламенем охвачен.

Но отец вышел во двор, и птица запела:

Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

И сбросила вдруг птица золотую цепь, и упала она отцу прямо на шею, и прищлась ему как раз впору. Вошел он в дом и говорит:

— Посмотри-ка, что за чудесная птица, она подарила мне такую красивую золотую цепь; а какая сама птица на вид прекрасная!

Стало тут жене совсем уже страшно, начала она ходить по комнате взад и вперед, и упал у нее с головы чепец.

А птица запела опять:

Меня мачеха убила...

— Ах, лучше бы мне сквозь землю провалиться, да не слышать этого!

А отец меня посл...

И повалилась жена наземь.

А Марленикен-сестрица...

— Ах, — говорит Марленикен, — пойду-ка я посмотрю, не подарит ли и мне птица что-нибудь.

И она вышла из комнаты.

Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала...

И сбросила ей птица башмаки.

Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

И вот стало Марленикен так легко и радостно. Надела она новые красные башмаки и начала в них плясать и прыгать.

— Ах, — сказала она, — мне было так грустно, когда я отсюда выходила, а теперь мне так легко. Что за чудесная птица! Подарила мне красные башмаки.

— Нет, — говорит мать; тут она вскочила, и поднялись у ней волосы дыбом, будто огненные языки, — а мне вот кажется, будто настал конец свету. Выйти мне, что ли, из комнаты, — может, мне полегчает.

И только вышла она за дверь — бух! — сбросила птица ей на голову мельничный жернов, — и всю ее разможило. Услышали это отец и Марленикен и вышли из комнаты; и поднялся на том месте пар, пламя и огненные языки, а когда все это исчезло, видят они — стоит перед ними на том самом месте маленький братец. Он взял отпа и Марленикен за руку, и были они все трое так рады и счастливы, вошли в дом, уселись за стол и начали вместе обедать.

Старый Султан

Был у одного крестьянина верный пес; звали его Султаном. Вот состарился он, повыпали у него зубы, и нечем ему было теперь кусать. Стоял раз крестьянин со своею женой у порога и говорит:

— А завтра я старого Султана пристрелить собираюсь, стал он уже никуда негод.

А жена пожалела верного пса и говорит:

— Да ведь он же нам честно служил столько лет, и нам надо бы кормить его теперь из милости.

— Э, что ты говоришь, — сказал муж, — видно, у тебя ума нехватает. У него ведь и зубов-то нету, ни один вор его не боится; службу он свою уже отслужил, может себе и убираться. Когда он служил нам, мы ведь его неплохо кормили.

А бедный пес лежал в это время, растянувшись на солнышке, и все это слышал, и стало ему грустно, что завтра его последний день наступает. А был у него добрый товарищ, и был то волк. Вот пробрался к нему пес вечером в лес и стал на судьбу свою жаловаться.

— Послушай, куманек, — сказал ему волк, — успокойся, уж я тебя из беды выручу. Я кое-что надумал. Завтра на рассвете твой хозяин пойдет с женой сено косить, а так как дома некому будет остаться, то возьмут они с собой и своего маленького ребенка. Во время работы они кладут ребенка всегда в тень за

кустами. А ты ложись с ним рядом, будто сторожить его собираешься. Я выйду из лесу и утащу ребенка; а ты кинься за мной, будто его отбить у меня хочешь. Я ребенка выроню, и ты принесешь его опять родителям, и они подумают, что ты его спас, и уж так будут тебе благодарны, что не то чтобы злое тебе отшибудь сделать, а напротив, будешь ты у них в большой милости, и ни в чем тебе с той поры отказа не будет.

Этот совет псу понравился; задумано — сделано.

Как увидел отец, что волк утащил ребенка и бежит с ним по полю, он стал кричать; но когда старый Султан принес его назад, начал пса гладить и говорит:

— Теперь я в обиду тебя не дам, будешь ты до самой смерти кормиться у меня из милости.

И говорит он жене:

— Ступай скорее домой да навари старому Султану вкусной похлебки, ведь кусать-то ему трудно, да возьми с моей постели подушку, я дарю ее Султану, пускай он на ней спит.

И с той поры стало жить старому Султану так хорошо, что лучшего и желать было нечего.

Приходит после того вскоре волк его навестить, и обрадовался он, что все так хорошо обошлось.

— Ну, куманек, — говорит он, — придется тебе разок прикинуться, будто ты ничего не видишь, а я уж найду случай и утащу у твоего хозяина жирную овечку. Если нынче жить особняком, нам туго придется.

— Нет, уж на это ты не рассчитывай, — ответил пес, — моему хозяину я останусь верен, на такое дело я не согласен.

Подумал волк, что это он просто так говорит, и подкрался ночью, чтоб овцу утащить. Но верный Султан разгласил хозяину про замысел волка, и тот подстерег его и здорово намял ему щепом бока. Но волку удалось вырваться, и он крикнул псу:

— Погоди, скверный товарищ, ты в этом еще раскаешься!

На другое утро послал волк дикую свинью и велел ей вызвать пса в лес, чтобы там порешить дело. И никого не нашел старый Султан себе в помощь, кроме кошки, да и та была без одной ноги. Вот вышли они вместе, и заковыляла бедная кошка в лес и от боли подняла свой хвост вверх.

А волк с товарищем был уже на месте. Увидели они, что противники идут к ним навстречу, и показалось им, будто пес с собой саблю несет, — это они поднятый хвост кошки за саблю приняли. А ковыляла несчастная кошка на трех ногах, и они подумали, что это она подымает каждый раз камень, чтобы в них бросить. И стало им страшно: забралась дикая свинья в листья, а волк на дерево вспрыгнул.

Подожли собака с кошкой, видят — никого нету, и они очень удивились. Но дикая свинья не могла вся в листву за-

прятаться, — уши у ней торчали наружу. Огляделась кошка внимательно по сторонам, а тут свинья вдруг ушами задвигала. Подумала кошка, что это мышь шевелится, и как прыгнет на нее, и сильно-пресильно ее укусила. Поднялась свинья с великим воем, бросилась со всех ног бежать и кричит:

— Вон на дереве сидит всему делу виновник!

Глянули кошка и собака наверх и увидели там волка, и стало ему стыдно, что он себя таким трусом показал, и заключил он тогда с псом мир.

Шесть лебедей

Охотился раз король в большом дремучем лесу; безустали гонялся он за зверем, и никто из его людей не мог за ним поспеть. А уже наступил вечер; придержал тогда король своего коня, оглянулся и видит, что заблудился. Стал он искать дорогу, но найти ее никак не мог.

И вот увидел он в лесу старуху с трясущейся головой; она шла к нему прямо навстречу, а была то ведьма.

— Бабушка, — сказал он ей, — не можете ли вы указать мне дорогу из лесу?

— О, да, господин король, — ответила она, — это я могу, но с одним условием, если вы его не выполните, то не выйди вам из лесу никогда и пропадете вы тут с голоду.

— А какое же условие? — спрашивает король.

— Есть у меня дочь, — говорит старуха, — она такая красавица, какой вам и на свете нигде не сыскать, и заслуживает она вполне того, чтобы стать вашей женой; если вы согласны сделать ее королевой, то я укажу вам дорогу из лесу.

Король в страхе согласился, и старуха привела его в свою избушку, где у очага сидела ее дочь. Она приняла короля так, будто его и ждала; и он увидел, что она очень красива, но, однакоже, она ему не понравилась, и он не мог глядеть на нее без затаенного страха. Когда король посадил девушку на коня, старуха указала ему дорогу, и король воротился снова в свой королевский замок, где они и отпраздновали свадьбу.

А король был уже однажды женат, и от первой жены было у него семеро детей — шесть мальчиков и одна девочка, и любил он их больше всего на свете. Но он боялся, как бы не стала мачеха плохо с ними обращаться, как бы не сделала она им какого зла, и вот он отвез их в потаенный замок, который на-

ходился в самой середине леса. Он был так скрыт в лесной чаще и дорогу к нему найти было так трудно, что и сам бы он не нашел ее, если бы не подарила ему одна ведунья клубок волшебных ниток; а был тот клубок такой, что стоило бросить его перед собой, как он сам разматывался и указывал путь-дорогу.

Король очень часто уезжал к своим любимым детям в лес; и вот, наконец, на частые его отлучки обратила внимание королева; ей захотелось узнать, что он делает там один в лесу. Она дала много денег своим слугам, и они выдали его тайну, рассказали также и о клубке ниток, который один только и может указать туда путь. И не было у ней покоя до тех пор, пока не выведала она, где король хранит тот клубок; затем сшила она из шелка маленькие белые рубашки, и так как она была обучена своей матерью колдовству, то зашила она в них чары.

Вот уехал однажды король на охоту, а она взяла те рубашки и отправилась в лес, и клубок указал ей путь-дорогу. Дети, увидав издали, что кто-то идет, подумали, что это идет к ним их любимый отец, и на радостях выбежали к нему навстречу. И вот набросила она на каждого из них рубашку; и только прикоснулись те рубашки к их телу, как обратились они в лебедей, поднялись над лесом и улетели.

Вернулась королева домой очень довольная, думая, что она избавилась от своих пасынков; но девочка не выбежала ей навстречу вместе с братьями, а королева этого не заметила. На другой день пришел король, чтоб навестить своих детей, но нашел одну только дочку.

— А где же твои братья? — спросил он у нее.

— Ах, милый отец, — отвечала она, — они улетели и оставили меня одну. — И она рассказала ему, что видела из окошка, как братья пролетели лебедями над лесом, и показала ему перья, что обронили они во дворе, которые она подобрала. Опечалился король, но не знал, что это злое дело совершила королева; он стал бояться, что у него похитят и дочку, и вот решил он взять ее с собой. Но она боялась мачехи и упростила короля оставить ее еще на одну ночь в лесном замке.

Подумала бедная девочка: «Мне оставаться тут недолго придется, — пойду я на поиски своих братьев».

Вот наступила ночь, и выбежала она из замка и пошла прямо в чащу лесную. Пробродила она там целую ночь и целый день, пока, наконец, от усталости идти больше уже не могла. И увидела она охотничий домик, вошла в него, видит — комната, а в ней шесть маленьких кроваток, но она ни в одну из

них не решилась лечь, а забралась под одну из кроваток и легла прямо на жестком полу и решила там заночевать.

Вскоре и солнце зашло, и услышала она шум и увидела, что прилетело к окну шесть лебедей. Они уселись на окошко и стали дуть другу на друга, стали перья свои сдувать, и вот все перья с них послетели, и лебединое оперенье снялось с них, словно рубашка. Глянула на них девочка и узнала своих братьев, обрадовалась и вылезла из-под кровати. Братья, увидав свою сестрицу, не меньше нее обрадовались, но радость их была недолгой.

— Здесь оставаться тебе нельзя, — сказали они ей, — это разбойничий притон. Если разбойники вернутся и найдут тебя тут, они тебя убьют.

— А вы разве не сможете меня защитить? — спросила у них сестрица.

— Нет, — ответили они, — мы можем снимать свое лебединое оперенье только по вечерам на четверть часа, тогда мы становимся людьми, а затем снова обращаемся в лебедей.

Заплакала сестрица и говорит:

— А неужто нельзя вас расколдовать?

— Ах, нет, — ответили они, — выполнить это слишком трудно. Ты не должна будешь шесть лет ни говорить, ни смеяться и должна спать нам за это время шесть рубашек из звездочвета. А если ты вымолвишь хоть одно слово, то вся твоя работа пропала.

Пока братья рассказывали ей об этом, прошло четверть часа, и они снова вылетели в окно лебедями.

Но девочка твердо решила освободить своих братьев, даже если бы это стоило ей жизни. Она покинула охотничий домик и ушла в самую чащу лесную, взобралась на дерево и провела там ночь. Наутро она спустилась с дерева, собрала звездочветы и принялась шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться ей не было охоты. Она все сидела да на свою работу глядела. Так прошло много времени, и случилось, что король той страны охотился в эту пору в лесу, и его егеря подъехали к дереву, на котором сидела девочка. Они ее окликнули:

— Кто ты такая?

Но она ничего не ответила.

— Спустись к нам вниз, — сказали они, — мы тебе ничего дурного не сделаем.

Но она только головой покачала.

Когда они стали ее допрашивать, она сбросила им вниз золотое ожерелье, думая, что они будут этим довольны. Но они всё продолжали задавать ей вопросы; тогда она сбросила им свой пояс; но когда и это не помогло, сбросила им свои подвязки, и так мало-помалу она отдала им все, что было на ней, и

осталась в одной рубашке. Но егеря и тогда от нее не отстали; они влезли на дерево, сняли ее оттуда и привели к королю. Король спросил:

— Кто ты такая? Что ты там делаешь на дереве? — Но она ничего не ответила.

Стал он спрашивать ее на всех языках, какие только были ему известны, но она оставалась как рыба немой. А была она красивая, и вот король сильно влюбился в нее. Он укутал ее в свой плащ и посадил ее впереди себя на коня и привез ее в свой замок. И велел он одеть ее в богатые платья, и она сияла своей красотой, словно ясный день; но невозможно было добиться от нее ни слова. Он сел у стола рядом с нею, и робость на ее лице и ее скромность так ему понравились, что он сказал:

— Вот на этой хочу я жениться и ни на какой другой на свете, — и через несколько дней он с ней обвенчался.

Но была у короля злая мать — она была недовольна его женитьбой и стала о молодой королеве злословить.

— Кто знает, откуда взялась эта девка, — говорила она, — и слова вымолвить не может; она недостойна быть женой короля.

Спустя год, когда королева родила на свет первого ребенка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила ее в том, что она людоедка. Король верить этому не хотел и не позволил причинить королеве зло. И вот сидела она все время да шила рубашки и ни на что другое внимания не обращала.

Когда она снова родила прекрасного мальчика, лживая свекровь опять совершила такой же обман, но король не хотел верить ее злым речам. Он сказал:

— Она слишком скромна и добра, чтобы могла совершить подобное; если б не была она немая, то доказала бы свою невиновность.

Но когда старуха и в третий раз похитила новорожденного младенца и обвинила королеву, которая не сказала ни слова в свою защиту, то королю оставалось только одно — отдать ее на суд; и ее присудили сжечь на костре.

Наступил день исполнения приговора, а был то как раз последний день из тех шести лет, в течение которых она не могла ни говорить, ни смеяться; и вот она освободила своих милых братьев от злого заклятья. Она уже сшила за это время шесть рубашек, и только на последней рубашке еще не было левого рукава.

Когда ее повели на костер, то взяла она с собой рубашки, и когда взвели ее уже на помост и вот-вот должны были развести огонь, она оглянулась и видит — летят к ней шесть лебедей. И поняла она, что близко ее освобождение, и забилось у ней сердце от радости.

С шумом подлетели к ней лебеди и спустились так низко, что она смогла кинуть им рубашки; и только те рубашки к ним прикоснулись, спало с них лебединое оперенье, и стояли перед ней ее братья, живы, здоровы и попрежнему прекрасны, — только у младшего нехватало левого рукава, и потому у него на спине осталось лебединое крыло. Стали они обнимать да целовать друг друга, и пришла королева к королю, и он был сильно удивлен; но вот заговорила она и сказала:

— Мой возлюбленный супруг, отныне я могу говорить и открою тебе, что я ни в чем не повинна и ложно обвинена, — и она рассказала ему про обман старухи-свекрови, которая забрала и спрятала ее троих детей. И принесли их в замок к великой радости короля, а злую свекровь в наказание сожгли на костре, и остался от нее один лишь пепел.

А король и королева вместе с шестью своими братьями жили мирно и счастливо долгие-долгие годы.

Шиповничек

Много лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребенок! — Но детей у них всё не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне, и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твое желанье исполнится: не пройдет и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребенку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счетом тринадцать; но так как золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашенной.

Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребенка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что ее не пригласили. И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколотся о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она еще не сказала своего пожелания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который впадет королевна.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всем королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто ее видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, короля и королевы не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — всё, что вздумается; и подошла она, наконец, к старой башне. Она взшла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась, видит — сидит там в маленькой светелке у веретена старуха и прилежно прядет пряжу.

— Здравствуй, бабушка, — молвила королевна, — что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — отвечала старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокий сон.

И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало пипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка за то, что тот чего-то недогля-

дел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила, наконец, весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королевне, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки, — и юноши запутывались в заросли и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услышал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица-королевна, по прозванию Шиповничек; и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик еще рассказал ему о том, что слышал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкою смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королевну Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но он совета его не послушался.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королевна Шиповничек должна была снова проснуться. Подошел королевич к колючей заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, — они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись, и стали снова изгородью. Увидел он на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло. Вошел он в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне все еще протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поваренка, и сидит стряпуха перед черной курицей, которую она должна ошцать.

Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошел он дальше, и всё было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыхание.

Подошел он, наконец, к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так пре-

красна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ошипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

Птица-Найденыш

Жил-был на свете лесник. Вышел он однажды в лес на охоту и забрался в самую чащу лесную; вдруг слышит он крик, будто маленький ребенок плачет. Пошел он навстречу и пришел, наконец, к высокому дереву; видит — сидит на верхушке маленький ребенок.

А дело было так: мать, должно быть, уснула под деревом вместе с ребенком, а хищная птица заметила, что лежит он на коленях у матери; прилетела та птица, схватила его и унесла на высокое дерево.

Взобрался лесник на верхушку, достал оттуда ребенка и подумал про себя: «А не взять ли его мне к себе домой на воспитание, чтоб рос он вместе с моей Ленхен?» Сказано — сделано: принес он ребенка домой, и стало у него теперь двое детей. И прозвали ребенка, что был унесен птицей и найден на дереве, Птицей-Найденышем.

Птица-Найденыш и Ленхен полюбили друг друга, да так сильно, что если, бывало, и разлучались, то всегда скучали один без другого.

А жила у лесника старуха-стряпуха. Взяла она однажды вечером два ведра и стала носить воду; и не раз ходила она к колодцу; а много-много раз. Увидела это Ленхен и говорит:

— Послушай, старая Занна, зачем ты так много воды носишь?

— Если ты никому не расскажешь, то я, так уж и быть, тебе скажу.

И ответила Ленхен, что никому не скажет, никому не расскажет об этом, и сказала стряпуха-старуха:

— Завтра поутру, когда лесник уйдет на охоту, я вскипячу воду, и когда вода в котле закипит, брошу в него Птицу-Найденыша и сварю его живьем.

На другое утро, раним-рано, встал лесник и отправился на охоту; дети еще лежали в постели. Вот и говорит Ленхен Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

И сказал ей в ответ Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен и говорит:

— Только тебе одному я и расскажу: вчера вечером притащила старая Занна в дом много ведер воды; я и спрашиваю у нее, зачем это столько воды, а она мне отвечает: «Если ты никому не скажешь, я уж тебе расскажу». А я ей говорю: «Никому не скажу». Тогда она мне и сказала, что рано утром, когда отец уйдет на охоту, вскипятит она полный котел воды и кинет тебя туда и сварит живьем. Так вот, давай поскорей подыматься, оденемся и убежим вместе.

Вот дети встали, быстро оделись и ушли. Когда вода в котле закипела, пошла старуха-стряпуха в спальню за Птицей-Найденышем, чтоб взять его и бросить в котел.

Вошла она в комнату, подходит к постели и видит, что дети ушли. Тогда она очень испугалась и говорит про себя: «Что мне сказать, когда вернется лесник домой и увидит, что дети куда-то ушли? Надо скорей за ними побежать и привести их назад».

Посылает старуха-стряпуха вслед за детьми трех работников, велит им бежать скорее и нагнать детей. А дети сидят себе на опушке лесной и издали видят, как бегут трое работников. Вот Ленхен и говорит Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты розовым кустом, а я — розой на нем.

Подходят трое работников к лесу и видят один только розовый куст да розу на нем, а детей нигде нет как нет. Вот они и говорят:

— Да что тут найдешь?

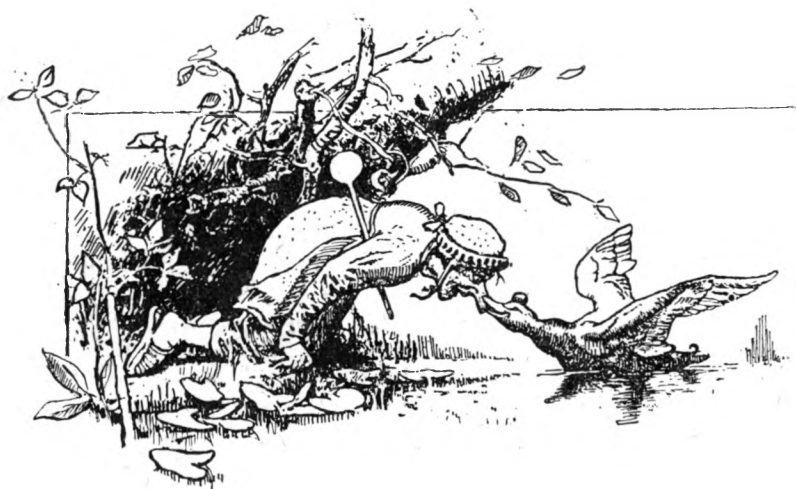
Воротились они домой и рассказали старухе-стряпухе, что ничего не видали, кроме розового кусточка и розы на нем. Стала бранить их старуха-стряпуха:

— Ах вы, простофили, надо было вам разрубить надвое розовый куст, а розу сорвать и принести мне домой. Ну, живей, да сделайте так, как я вам веляю.

И пришло им снова идти на поиски. А дети увидели работников издали, и говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты не покинешь меня, то и я тебя не оставлю.

И ответил Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен сказала:

— Так стань же ты церковкой, а я в ней венцом!

Вот подходят трое работников и видят одну только церковь да венец внутри. И говорят между собой: «Да что нам тут делать, давай вернемся домой». Приходят они домой, и спрашивает у них старуха-стряпуха, нашли ли они детей; и ответили они, что ничего, мол, не нашли, кроме церкви да венца внутри.

— Ах, дураки вы, дураки, — стала бранить их старуха-стряпуха, — отчего же вы не разломали ту церковь и не принесли мне венца?

Вот собралась тогда в дорогу сама старуха-стряпуха, и пошла она вместе с тремя работниками разыскивать детей. А дети издали увидели, что идут трое работников и вслед за ними ковыляет старуха-стряпуха. И говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты меня не покинешь, и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты озером, а я уткой на нем!

Вот подходит старуха-стряпуха и видит перед собой озеро; ложится она на землю и хочет всё озеро выпить. Но тут подплыла быстро к ней утка, ухватила ее своим клювом за голову и стала тащить в воду, — и утонула старая ведьма.

Вернулись тогда дети вместе домой, и стало им весело-весело; и если они еще не умерли, то живут, пожалуй, еще и до сих пор.

Король-Дроздовик

Была у одного короля дочь; она была необычайно красивая, но притом такая гордая и надменная, что ни один из женихов не казался для нее достаточно хорош. Она отказывала одному за другим да притом над каждым еще смеялась.

Велел однажды король устроить большой пир и созвал отовсюду, из ближних и дальних мест, женихов, которые хотели бы за нее посвататься. Расставили их всех в ряд по порядку, по чину и званию; впереди стояли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны, и наконец — дворяне.

И повели королевну по рядам, но в каждом из женихов она находила какой-нибудь изъян. Один был слишком толст: «Да этот, как винный бочонок!» — сказала она. Другой был слишком длинного роста: «Долговязый, слишком тонкий, да и статной нет походки!» — сказала она. Третий был слишком низкого роста: «Ну, какая в нем удача, если мал и толст впридачу?» Четвертый был слишком бледен: «Этот выглядит, как смерть». Пятый был слишком румян: «Это прямо какой-то индюк!» Шестой был слишком молод: «Этот юн и больно зелен, он, как дерево сырое, не загорится».

И так находила она в каждом, к чему можно было бы придраться, но особенно посмеялась она над одним добрым королем, что был выше других, и чей подбородок был чуть кривоват.

— Ого, — сказала она и рассмеялась, — да у этого подбородок, словно клюв у дрозда! — И с той поры прозвали его Дроздовиком.

Как увидел старый король, что дочка его только одно и знает, что над людьми насмехается и всем собравшимся жени-

хам отказала, он разгневался и поклялся, что она должна будет взять себе в мужья первого встречного нищего, что к нему в дверь постучится.

Спустя несколько дней явился какой-то музыкант и начал петь под окном, чтоб заработать себе милостыню. Услыхал это король и говорит:

— Пропустите его наверх.

Вошел музыкант в своей грязной, оборванной одежде и начал петь перед королем и его дочерью песню; и когда кончил, он попросил подать ему милостыню.

Король сказал:

— Мне твое пение так понравилось, что я отдам тебе свою дочь в жены.

Испугалась королева, но король сказал:

— Я дал клятву выдать тебя за первого попавшегося нищего, и клятву свою я должен сдерживать.

И не помогли никакие уговоры; позвали попа, и пришлось ей тотчас обвенчаться с музыкантом. Когда это сделали, король сказал:

— Теперь тебе, как жене нищего, в моем замке оставаться не подобает, можешь себе отправляться со своим мужем куда угодно.

Вывел ее нищий за руку из замка, и пришлось ей идти с ним пешком. Пришли они в дремучий лес, и спрашивает она:

— Это чьи леса и дуга?

— Это всё короля-Дроздовика.

Не прогнала бы его, было б всё тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они по полям, и спросила она опять:

— Это чьи поля и река?

— Это всё короля-Дроздовика!

Не прогнала бы его, было б всё тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они затем по большому городу, и спросила она опять:

— Чей прекрасный этот город?

— Короля-Дроздовика с давних пор он.

Не прогнала бы его, было б всё тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

— Мне вовсе не нравится, — сказал музыкант, — что ты всё хочешь себе в мужья кого-то другого: разве я тебе не мил?

Подшли они, наконец, к маленькой избушке, и она сказала:

— Боже мой, а домишко-то какой!
Чей же он, такой плохой?

И музыкант ответил:

— Это дом мой да и твой, мы будем жить здесь с тобой вместе.

И пришлось ей нагнуться, чтобы войти в низкую дверь.

— А где же слуги? — спросила королева.

— Какие-такие слуги? — ответил нищий. — Ты должна все делать сама, если хочешь, чтоб было что-нибудь сделано. Ну-ка, живей растапливай печь и ставь воду, чтоб мне приготовить обед, я очень устал.

Но разводить огонь и стряпать королева совсем не умела, и пришлось нищему самому приняться за работу; и дело кое-как обошлось. Поели они кое-чего впроголодь и легли спать.

Но только стало светать он согнал ее с постели, и ей пришлось заняться домашней работой. Так прожили они несколько дней, ни плохо, ни хорошо, и все свои запасы поели. Тогда муж говорит:

— Жена, этак у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетенье корзин.

Он пошел, нарезал ивовых прутьев, принес их домой, и начала она плести, но жесткие прутья изранили ее нежные руки.

— Я вижу, дело это у тебя не пойдет, — сказал муж, — возьми-ка ты лучше за пряжу, — пожалуй, ты с этим справишься.

Она села и попробовала было прясть пряжу; но грубые нитки врезались в ее нежные пальцы, и из них потекла кровь.

— Видишь, — сказал муж, — ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придется. Попробую-ка я приняться за торговлю горшками и глиняной посудой. Ты должна будешь ходить на рынок и продавать товар.

«Ах, — подумала она, — еще чего доброго придут на рынок люди из нашего королевства и увидят, что я сижу и продаю горшки, то-то они надо мной посмеются!»

Но что было делать? Она должна была подчиниться, а не то пришлось бы им пропадать с голоду.

В первый раз дело пошло хорошо — люди покупали у нее товар, так как была она красивая, и платили ей то, что она запрашивала; даже многие платили ей деньги, а горшки ей оставляли. Вот так и жили они на это.

Накупил муж опять много новых глиняных горшков. Уселась она с горшками на углу рынка, а товар вокруг себя расставила и начала торговать. Но вдруг прискакал пьяный гусар, налетел прямо на горшки, — и остались от них одни лишь черепки. Начала она плакать и от страха не знала, как ей теперь быть.

— Ах, что мне за это будет! — воскликнула она, — что скажет мне муж?

И она побежала домой и рассказала ему про свое горе.

— Да кто ж на углу рынка с глиняной посудой садится? — сказал муж. — А плакать ты перестань; я вижу, ты

к приличной работе не годишься. Вот был я давеча в замке у нашего короля и спрашивал, не нужна ли там будет судомойка, и мне пообещали взять тебя на работу; там будут тебя за это кормить.

И стала королева судомойкой, ей пришлось помогать повару и исполнять самую черную работу. Она привязывала к своей сумке две мисочки и приносила в них домой то, что доставалось ей на долю от объедков, — тем они и питались.

Случилось, что на ту пору должны были праздновать свадьбу старшего королевича, и вот поднялась бедная женщина наверх в замок и стала у дверей в зал, чтоб поглядеть. Вот зажглись свечи, и входили туда гости один красивей другого, и всё было полно пышности и великолепия. И подумала она с горестью в сердце про свою злую долю и стала проклинать свою гордость и надменность, которые ее так унизили и ввергли в большую нищету. Она слышала запах дорогих кушаний, которые вносили и выносили из зала слуги, и они бросали ей иной раз что-нибудь из объедков, она складывала их в свою мисочку, собираясь унести все это потом домой.

Вдруг вошел королевич, был он одет в бархат и шелк, и были у него на шее золотые цепи. Увидев у дверей красивую женщину, он схватил ее за руку и хотел было с ней танцевать; но она испугалась и стала отказываться, — узнала в нем короля-Дроздовика, что за нее сватался и которому она с насмешкой отказала. Но как она ни упиралась, а он все-таки втащил ее в зал; и вдруг оборвалась тесемка, на которой висела у нее сумка, и выпали из нее на пол мисочки и разлился суп.

Как увидели это гости, стали все смеяться, над нею подшучивать, и ей было так стыдно, что она готова была лучше сквозь землю провалиться. Бросилась она к двери и хотела убежать, но на лестнице ее нагнал какой-то человек и привел ее назад. Глянула она на него, и был то король-Дроздовик. Он ласково ей сказал:

— Ты не бойся, ведь я и музыкант, с которым ты вместе жила в бедной избушке, — это одно и то же. Это я из любви к тебе притворился музыкантом; а гусар, что перебил тебе все горшки, — это тоже был я. Все это я сделал, чтобы сломить твою гордость и наказать тебя за твое высокомерие, когда ты надо мной посмеялась.

Она горько заплакала и сказала:

— Я была так несправедлива, что недостойна быть твоею женой.

Но он ей сказал:

— Успокойся, трудные дни миновали, а теперь мы отпразднуем нашу свадьбу.

И явились королевские служанки, надели на нее пышные платья; и пришел ее отец, а с ним и весь двор; они пожелали ей счастья в замужестве с королем-Дроздовиком; и настоящая радость только теперь и началась.

И хотелось бы мне, чтобы ты да я там побывали тоже.

Снегурочка

Это было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из черного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот, если б родился у меня ребенок,

белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как черное дерево,— и прозвали ее потому Снегурочкой. А когда ребенок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Это была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил ее красотой. Было у нее волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Снегурочка за это время подросла и становилась все краше, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивой самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Снегурочка в тысячу раз богаче красотой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Снегурочку — и сердце у ней разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в ее сердце все выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днем, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень.

Егерь послушался и завел девочку в лес; но когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чем не повинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Все равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Снегурочку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него легкие и печень и принес их королеве в знак доказательства, что ее приказанье исполнено. Повару было велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Снегурочки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинешенька, и в страхе она оглядела все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около нее дикие звери, но ее не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало, наконец, смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в нее отдохнуть. И было в той избушке все таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а еще семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Снегурочке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить всё из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для нее не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась, наконец, ей как раз впору; она в нее улеглась и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не всё оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моем стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлеба?

Четвертый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

— Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку, и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Снегурочка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивленья кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Снегурочку.

— Ах, боже мой! Ах, боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребенок!

Они так обрадовались, что не стали ее будить и оставили ее спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Снегурочка, увидела семь карликов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили ее:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Снегурочкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать карлики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела ее убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, все содержать в чистоте и порядке, — если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Снегурочка, — с большой охотой, — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики ее предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев легкие и печень Снегурочки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь ее обманул, что Снегурочка еще жива. И она стала снова думать и гадать, как бы ее извести. И не было ей от зависти покою, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она накрасила себе лицо, переделалась старой торговкой, и теперь ее никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Снегурочка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаешь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные, — и достала ей один из них показать, и был он сплетен из пестрого шелка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Снегурочка, она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О; как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Снегурочка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Снегурочка задыхнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Снегурочка лежит на полу — не двинется, не шелохнется, словно мертвая! Они подняли ее и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда карлики услышали о том, как все это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Снегурочка ожила снова.

— Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка, — и, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переделась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Снегурочка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Снегурочке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Снегурочка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к ее волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица, — сказала злая женщина, — уж теперь-то пришел тебе конец! — И сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой. Заметив, что Снегурочка лежит на полу мертвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чем дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Снегурочка опять пришла в себя и рассказала им обо всем, что случилось. Тогда карлики еще раз предупредили ее, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услыхав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Снегурочка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева накрасила себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам. Она постучалась; Снегурочка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Снегурочка, — мне брать ничего не велено.

— Ты, что ж, отравы боишься? — спросила старуха. —

целых три дня. Потом они решили ее похоронить, но она выглядела, как живая, — щеки у нее были попрежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно ее такую в землю закапывать?

И они велели сделать для нее стеклянный гроб, чтоб можно было ее видеть со всех сторон, и положили ее в тот гроб, написали на нем золотыми буквами ее имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Снегурочку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своем гробу Снегурочка, и казалось, что она спит, — была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как черное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нем прекрасную Снегурочку, и прочел, что было написано на нем золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это все, что вы пожелаете.

Но карлики ответили:

— Мы не отдадим его даже за все золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Снегурочки, я буду ее глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Снегурочки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей все, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдем вместе со мной в замок моего отца и ты будешь моею женой.

Снегурочка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина свое проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Снегурочку, и от страха и ужаса — как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала мертвая наземь.

Ранец, шапочка и рожок

Жили когда-то три брата. Стали они всё беднеть и беднеть, и, наконец, так обеднели, что пришлось им совсем голодать, — не было у них даже и куска хлеба на пропитание. Вот они и говорят:

— Так жить больше нельзя; уж лучше мы пойдем по свету счастья искать.

Собрались они в путь и прошли уже далеко, много дорог и тропок поисходили, но счастья нигде так и не нашли. Вот попали они раз в дремучий лес, а посреди него стояла гора; подошли ближе, видят — а гора-то вся из серебра. И говорит старший:

— Ну вот я и нашел свое счастье желанное, а большего я не хочу. — Набрал он серебра столько, сколько был в силах нести, повернул назад и домой воротился.

А двое других говорят:

— От счастья мы хотим большего, чем одно лишь серебро, — и они не взяли его и двинулись дальше.

Шли они несколько дней и пришли к горе, была она вся золотая. Остановился второй брат, подумал и не знал, как ему поступить.

— Что мне делать? — говорит он. — Взять ли мне золота, чтоб на всю жизнь хватило, или дальше идти?

Наконец он решился и набил все карманы золотом, простился со своим братом и домой воротился.

А третий сказал:

— Что мне серебро да золото! Не хочу я отказываться от своего счастья, — может, выпадет мне на долю что-нибудь получше.

Он двинулся дальше, прошел еще три дня и попал в лес, был он куда побольше, чем прежние, и не было ему ни конца, ни края; и не мог он там ничего найти, чтоб поесть и попить, и начал уже из сил выбиваться.

Тогда он взобрался на высокое дерево — поглядеть, не будет ли видно сверху, где тому лесу конец; но куда он ни смотрел, видны были одни лишь вершины деревьев. Тогда он спустился с дерева, но его мучил голод, и он подумал: «Ах, если б поесть мне еще хоть разок». Только он слез с дерева, видит, что стоит под деревом стол, и на нем поставлены разные кушанья, и поднимается от них пар.

— Ну, на этот раз, — сказал он, — мое желанье исполнилось во-время, — и, не допытываясь, кто это принес еду, кто ее приготовил, он сел за стол и ел с удовольствием, пока не утолил голод.

Кончил он есть и подумал: «Жаль, что такая хорошая скатерка пропадет здесь в лесу», — он сложил ее и сунул в карман.

Он пошел дальше, и к вечеру, когда он опять почувствовал голод, ему захотелось испробовать свою скатерть. Вот разложил он ее и говорит:

— Хочу, чтоб ты была опять вся уставлена хорошими кушаньями!

И только он вымолвил свое желанье, как появилось на ней множество блюд с прекраснейшими кушаньями, сколько места хватило.

— Теперь я вижу, — сказал он, — в какой кухне варят мне пищу; ты мне дороже, чем целая гора серебра и золота. — Он понял, что это скатерть-самобранка.

Но чтоб вернуться домой спокойно, скатерти-самобранки ему было мало: ему хотелось постранствовать еще по белу свету и попытать счастья. Встретил он раз вечером в дремучем лесу чумазого угольщика; тот обжигал уголь, и варилась у него на огне к ужину картошка.

— Добрый вечер, черный дрозд, — сказал он, — как ты тут один живешь-поживаешь?

— Да изо дня в день одно и то же, — ответил угольщик, — каждый вечер — картошка; хочешь со мною поесть — будешь гостем моим.

— Спасибо, — ответил странник, — но я не хочу отнимать у тебя твоего ужина: на гостя ты не рассчитывал; а вот, если тебе угодно, то я тебя приглашаю на ужин.

— А кто же тебе приготовит ужин? — спросил угольщик. — Я вижу, что у тебя с собой ничего нету; а тут и два часа пройдешь — никого не встретишь, кто мог бы дать тебе что-нибудь поесть.

— А еда все-таки будет, — ответил странник, — да еще такая вкусная, какой ты ни разу не пробовал.

И вот достал он из ранца свою скатерть, разложил ее на земле и говорит:

— Скатерть, накройся! — И тотчас появилось жареное и вареное, и было оно горячее, словно только что из кухни принесено.

Угольщик вытаращил глаза, но долго просить себя не заставил, подсел к еде и стал запихивать в свой черный рот куски, какие побольше. Когда они поели, ухмыльнулся угольщик и говорит:

— Послушай, а скатерка-то твоя мне нравится; она была бы мне в лесу подходящей, ведь тут никто не сварит тебе никогда чего-нибудь вкусного. Давай меняться. Вон висит у меня в углу солдатский ранец; хоть он и старый и на вид неказистый, зато таятся в нем чудесные силы; мне он, пожалуй, больше не нужен, и я готов обменять его на скатерку.

— Но сперва мне надо узнать, какие в нем чудесные силы таятся, — сказал странник.

— А я тебе расскажу, — ответил угольщик: — вот как ударишь ты по нему рукой, то явится тотчас ефрейтор с шестью солдатами, вооруженными с ног до головы, и что ты им ни прикажешь, то они и сделают.

— Что ж, — сказал странник, — я, пожалуй, готов поменяться, — и он отдал угольщику скатерть, снял со стены ранец, повесил его себе на спину и попрощался.

Прошел он часть пути, и захотелось ему испытать чудесную силу своего ранца, он хлопнул по нему рукой, и вмиг перед ним явилось семеро воинов, и ефрейтор сказал:

— Что прикажете, мой сударь и господин начальник?

— Отправляйтесь ускоренным маршем к угольщику и потребуйте у него назад мою скатерть-самобранку.

Они сделали «налево кругом» и вскоре принесли то, что он приказал, — они отобрали у угольщика, не долго спрашивая, скатерть-самобранку.

Затем он приказал им вернуться назад в ранец и отправился дальше, надеясь, что счастье ему улыбнется еще больше. На заходе солнца пришел он к другому угольщику, который готовил себе на костре ужин.

— Хочешь поужинать вместе со мной, — спросил его чумазый парень, — с солью картошки, а сала ни крошки, так подсаживайся ко мне ближе.

— Нет, — ответил странник, — уж будь ты у меня на этот раз гостем, — и он разостлал свою скатерку; и появились на ней тотчас самые прекрасные кушанья. Сели они рядом, стали пить, и развеселились.

Поел угольщик и говорит:

— Да, вот лежит у меня наверху на полке старая, поношенная шапка, но у ней чудесные свойства: стбит ее надеть да повернуть на голове, и вмиг явятся пушки, и будет наведено их целых двенадцать в ряд, и они всё перестреляют, — никто перед ними не устоит. Шапка-то эта мне не нужна, а за твою скатерть я бы охотно ее тебе отдал.

— Что ж, это, пожалуй, подходит, — ответил парень, взял шапку, надел ее, а угольщику оставил свою скатерку.

Прошел он часть дороги и ударил о свой ранец, и его солдаты доставили ему назад скатерку. «Одно к одному подходит, — подумал он, — но мне кажется, что счастье мое еще впереди». И надежды его не обманули.

Прошел он еще день и пришел к третьему угольщику; этот тоже пригласил его, как и те, отведать его картошки без сала. Но он пригласил его поесть с ним на скатерти-самобранке, и это так пришлось угольщику по вкусу, что он предложил ему рожок, который обладал совсем иными свойствами, чем шапочка. Если на этом рожке заиграть, то рухнут все стены и крепости и обратятся все города и деревни в развалины. И вот, хотя он и отдал угольщику за рожок скатерку, но тотчас велел своим солдатам ее снова вернуть. Наконец оказались у него и ранец, и шапочка, и рожок.

— Теперь, — сказал он, — у меня, пожалуй, есть все; пора и домой возвращаться и поглядеть, как моим братьям живется.

Воротился он домой, а братья тем временем выстроили себе за серебро и золото прекрасный дом и жили в нем припеваючи. Вошел он к ним в дом в потрепанной куртке, на голове старая, поношенная шапочка да старый ранец за плечами, — они его и за брата своего признать не хотели. Стали над ним насмехаться и говорят:

— Ты вот себя нашим братом считаешь, а серебром да золотом пренебрег и пожелал себе бóльшего счастья. Нет, наш брат явится окруженный пышностью и богатством, уж

наверняка могущественным королем, а не каким-то нищим, — и прогнали они его со двора.

Тут разгневался он и начал бить по своему ранцу до тех пор, пока не стали перед ним в шеренгу сто пятьдесят солдат. Он велел им окружить дом своих братьев, а двум солдатам приказал взять прутья и начесать кожу двум гордецам, пока те не признают, кто он такой. Поднялась сильная суматоха, побегались люди, чтобы помочь братьям в беде, но с солдатами никак не могли справиться. Наконец доложили о том королю, и был король недоволен и велел выслать своего начальника с отрядом солдат, чтобы выгнать из города нарушителей порядка; но у человека, обладавшего ранцем, оказался вскоре куда больший отряд, и он заставил отступить королевского начальника и его солдат с разбитыми носами назад. И сказал король:

— Этого беглого вора надо, однако, поймать.

На другой день он выслал против него ббльший отряд, но успех был еще меньший. Тот выставил против него солдат еще больше и, чтобы поскорее покончить с королевским отрядом, он повернул на голове раз-другой свою шапчонку — и начали палить тяжелые пушки, и королевские солдаты были разбиты и обращены в бегство.

— А теперь я не заключу мира, — сказал он, — пока король не отдаст мне дочь свою в жены и пока не буду я управлять всей страной.

Об этом он и велел известить короля, и тот сказал своей дочери:

— Что теперь делать? Придется выполнить то, что он требует. Если желать сохранить мир и корону на голове, то мне ничего не остается другого, как выдать тебя за него замуж.

И вот отпраздновали свадьбу; но молодой королеве было обидно, что муж у нее простой человек, носит потрепанную шапчонку, за плечами старый ранец. Ей очень хотелось от него избавиться, и она думала день и ночь, как бы это ей сделать.

И вот она надумала: «А не в этом ли ранце кроется вся его чудесная сила?» — и она притворилась такой ласковой, разжалобила его и говорит:

— Снял бы ты свой старый ранец, он тебя так безобразит, что мне приходится за тебя краснеть.

— Моя любушка, — ответил он, — этот ранец и есть самое мое большое сокровище; пока он у меня, я не боюсь ничего на свете, — и он объяснил ей, какой волшебною силой тот обладает.

Тут бросилась она ему на шею, будто желая его расцеловать, а в это время ловко сняла у него с плеч ранец и, схватив его, убежала.

Когда она оказалась одна, она ударила по ранцу и приказала солдатам схватить и связать их прежнего хозяина и выгнать его из королевского дворца. Они повиновались, и тогда коварная жена вызвала еще солдат, чтобы прогнали они его вовсе из королевства. И пришлось бы ему погибнуть, если б не осталось у него шапочки. Только удалось ему освободить руки, повернул он на голове несколько раз шапочку, — и тотчас начали гроыхать пушки, все было разгромлено, и пришлось самой королеве итти к нему и просить у него пощады. Она так ласково его просила и обещала исправиться, что, наконец, уговорила его заключить мир. И притворилась она такой любящей, что сумела вскоре его одурачить, и он рассказал ей, что если кто и захватит у него ранец, то все же его одолеть нельзя до тех пор, пока находится у него эта старая шапочка.

Узнав эту тайну, она выждала, пока он уснул, забрала у него шапочку и велела вытолкать его на улицу. Но остался у него еще рожок; и вот, сильно разгневавшись, стал он дуть в него изо всех сил. И вмиг рухнуло всё — стены и крепость, города и деревни, и были убиты при этом король с королевой. И не перестань он дуть в свой рожок, обратилось бы всё в развалины и не осталось бы и камня на камне.

И вот с той поры никто уже больше не осмеливался выступать против него, и стал он королем над всею страной.

Румпельштильцхен

Жил когда-то на свете мельник. Был он беден, но была у него красавица-дочь. Случилось ему однажды вести с королем беседу; и вот, чтоб вызвать к себе уважение, говорит он королю:

— Есть у меня дочка, такая, что умеет прясть из соломы золотую пряжу.

Говорит король мельнику:

— Это дело мне очень нравится. Если дочь у тебя такая искусница, как ты говоришь, то приведи ее завтра ко мне в замок, я посмотрю, как она это умеет делать.

Привел мельник девушку к королю, отвел ее король в комнату, полную соломы, дал ей прялку, веретено и сказал:

— А теперь принимайся за работу; но если ты за ночь к раннему утру не перепрядешь эту солому в золотую пряжу,

то не миновать тебе смерти. — Затем он сам запер ее на ключ, и осталась она там одна.

Вот сидит бедная мельникова дочка, не знает, что ей придумать, как свою жизнь спасти, — не умела она из соломы прясть золотой пряжи; и стало ей так страшно, что она, наконец, заплакала. Вдруг открывается дверь, и входит к ней в комнату маленький человечек и говорит:

— Здравствуй, молодая мельничиха! Чего ты так горько плачешь?

— Ах, — ответила девушка, — я должна перепрясть солому в золотую пряжу, а я не знаю, как это сделать.

А человечек и говорит:

— Что ты мне дашь за то, если я тебе ее перепряду?

— Свое ожерелье, — ответила девушка.

Взял человечек у нее ожерелье, подсел к прялке, и — турр-турр-турр — три раза обернется веретено — вот и намотано полное мотовило золотой пряжи. Вставил он другое, и — турр-турр-турр — три раза обернется веретено — вот и второе мотовило полно золотой пряжи; и так рабстал он до самого утра и перепрял всю солому, и все мотовила были полны золотой пряжи.

Только начало солнце всходить, а король уже явился; как увидел он золотую пряжу, так диву и дался, обрадовался, но стало его сердце еще более жадным к золоту. И он велел отвести мельникову дочку во вторую комнату, а была она побольше первой и тоже полна соломы, и приказал ей, если жизнь ей дорога, перепрясть всю солому за ночь.

Не знала девушка, как ей быть, как тут горю помочь; но снова открылась дверь. явился маленький человечек и спросил:

— Что ты дашь мне за то, если я перепряду тебе солому в золото?

— Дам тебе с пальца колечко, — ответила девушка.

Взял человечек кольцо, начал снова жужжать веретеном и к утру перепрял всю солому в блестящую золотую пряжу. Король, увидя целые вороха золотой пряжи, обрадовался, но ему и этого золота показалось мало, и он велел отвести мельникову дочку в комнату еще побольше, а было в ней полным-полно соломы, и сказал:

— Ты должна перепрясть все это за ночь. Если тебе это удастся, станешь моею женой. «Хоть она и дочь мельника, — подумал он, — по богаче жены, однакож, не найти мне во всем свете».

Вот осталась девушка одна, и явился в третий раз маленький человечек и спрашивает:

— Что ты дашь мне за то, если я и на этот раз перепряду за тебя солому?

— У меня больше нет ничего, что я могла бы дать тебе.

— Тогда пообещай мне своего первенца, когда станешь королевой.

«Кто знает, как оно там еще будет!» — подумала мельникова дочка. Да и как тут было горю помочь? Пришлось посулить человечку то, что он попросил; и за это человечек перепрял ей еще раз солому в золотую пряжу.

Приходит утром король, видит — все сделано, как он хотел. Устроил он тогда свадьбу, и красавица, дочь мельника, стала королевой.

Родила она спустя год прекрасное дитя; а о том человечке и думать позабыла. Как вдруг входит он к ней в комнату и говорит:

— А теперь отдай мне то, что пообещала.

Испугалась королева и стала ему предлагать богатства всего королевства, чтобы он только согласился оставить ей дитя. Но человечек сказал:

— Нет, мне живое милей всех сокровищ на свете.

Запечалилась королева, заплакала, и сжалился над ней человечек:

— Даю тебе три дня срока, — сказал он, — если за это время ты узнаешь мое имя, то пускай дитя останется у тебя.

Всю ночь королева вспоминала разные имена, которые когда-либо слышала, и отправила гонца по всей стране разведать, какие существуют еще имена. На другое утро явился маленький человечек, и она начала перечислять имена, начиная с Каспара, Мельхиора, Бальцера, и назвала все по порядку, какие только знала, но на каждое имя человечек отвечал:

— Нет, меня зовут не так.

На другой день королева велела разузнать по соседям, как их зовут, и стала называть человечку необычные и редкие имена:

— А может, тебя зовут Риппенбист, или Гаммельсваде, или Шниёрбейн?

Но он всё отвечал:

— Нет, меня зовут не так.

На третий день вернулся гонец и сказал:

— Ни одного нового имени найти я не мог, а вот когда подошел я к высокой горе, покрытой густым лесом, где живут одни только лисы да зайцы, увидел я маленькую избушку, пылал перед нею костер, и скакал через него очень смешной, забавный человечек; он прыгал на одной ножке и кричал:

Нынче пеку, завтра пиво варю,
У королевы дитя отберу;
Ах, хорошо, что никто не знает,
Что Румпельштильцхен¹ меня называют!

¹ Румпельштильцхен — или Хлáмушка.

Можете себе представить, как обрадовалась королева, услышав это имя! И вот, когда к ней в комнату вскоре явился человек и спросил:

— Ну, госпожа королева, как же меня зовут? — она сначала спросила:

— Может быть, Кунц?

— Нет.

— А может быть, Гейнц?

— Нет,

— Так, пожалуй, ты Румпельштильцхен!

— Это тебе сам чорт подсказал, сам чорт подсказал! — завопил человек и так сильно топнул в гневе правой ногой, что провалился в землю по самый пояс. А потом схватил в ярости обеими руками левую ногу и сам разорвал себя пополам.

Милый Роланд

Жила когда-то женщина, и была она настоящая ведьма. Было у нее двое дочерей; одна из них уродливая и злая, и женщина любила ее потому, что приходилась она ей родной дочерью; а другая — добрая и красивая, и женщина ее ненавидела потому, что та приходилась ей падчерицей.

Надела раз падчерица красивый передник, он понравился другой дочери, и та стала сводной сестре завидовать и сказала матери, что хочет во что бы то ни стало иметь этот передник.

— Успокойся, мое дитяtko, — сказала старуха, — ты его получишь. Твою сводную сестру давно уже пора убить; нынче ночью, когда она уснет, я приду и отрублю ей голову. Только смотри, ты ложись в постель поближе к стене, а ее подвинь на край кровати.

И пришлось бы бедной девушке погибнуть, но как раз в это время она стояла в углу и все слышала. Девушку целый день из дому не выпускали, а когда подошло время ложиться спать, ей велели лечь в постель первой, чтоб сестра ее могла улечься поближе к стенке, сзади нее. Когда сестра уснула, девушка подвинула ее тихонько на край кровати, а сама улелась сзади у стены, на ее месте.

Подкралась ночью старуха, и был у ней в правой руке топор, а левой она сначала пощупала, лежит ли кто на краю кровати; потом она схватила топор обеими руками и отрубила голову своей собственной дочери.

Когда старуха ушла, девушка поднялась и пошла к своему милому, звали его Роландом, и постучалась к нему в дверь. Он вышел, а она ему и говорит:

— Послушай, милый Роланд, нам надо поскорей отсюда бежать. Мачеха хотела меня убить, а вместо меня убила собственную дочку. Настанет утро, и она увидит, что она надедала, и тогда мы пропали.

— Я советую тебе сначала, — сказал Роланд, — забрать у нее ее волшебную палочку, а то вам никак нельзя будет спастись, если она кинется за нами в погоню.

Достала девушка волшебную палочку, взяла потом мертвую голову и капнула на пол три капли крови: одну у постели, другую на кухне, а третью на лестнице. А затем убежала со своим милым.

Утром поднялась ведьма-старуха, кликнула свою дочку, хотела дать ей передник, но та не явилась. Тогда она крикнула:

— Где ты?

— Да я здесь, на лестнице, подметаю, — ответила капля крови.

Вышла старуха, но на лестнице никого не оказалось, и она крикнула еще раз:

— Где ты?

— Да я вот здесь, греюсь на кухне, — крикнула вторая капля крови.

Пошла ведьма на кухню, но там никого не оказалось. Крикнула она еще раз:

— Где ты?

— Ах, да я здесь, на кровати, я сплю! — крикнула третья капля крови.

Входит старуха в комнату, подошла к постели. И что же она увидела? Свое родное дитя, что плавало в луже крови и которому она сама же голову отрубила.

Разъярилась ведьма, подскочила к окну, а так как видеть она могла кругом далеко-далеко, то сразу заметила свою падчерицу, которая бежала со своим милым Роландом.

— Это вам не поможет! — крикнула ведьма. — Как бы вы далеко от меня ни ушли, а убежать вам все-таки не удастся.

Надела она свои семимильные сапоги, в которых что ни шаг — то на целый час вперед продвигалась, и в скором времени нагнала обоих. Как увидела девушка, что старуха уже близко, обратила она с помощью волшебной палочки своего любимого Роланда в озеро, а сама обернулась уткой и поплыла на середину озера. Остановилась ведьма на берегу, стала бросать в воду хлебные крошки; она всячески хотела подманить к себе утку. Но утка приманить себя не дала, и пришлось старухе вернуться вечером домой ни с чем.

А девушка вместе со своим милым Роландом приняла свой прежний образ, и пошли они вместе дальше, и шли целую ночь до самого рассвета. Потом обернулась девушка прекрасным цветком, что вдруг вырос в терновой заросли, а своего любимого Роланда обратила она в скрипача.

Вскоре явилась ведьма и говорит музыканту:

— Милый музыкант, можно мне сорвать этот красивый цветок?

— О, разумеется, можно, — ответил он, — а я тебе еще к тому ж и сыграю.

И только ведьма забралась второпях в колючую заросль и хотела было сорвать цветок, — она прекрасно знала, кто был этим цветком, — как начал музыкант играть, и хотелось ли ведьме, или не хотелось, а пришлось ей плясать, так как танец тот был волшебный. И чем быстрее играл музыкант, тем всё выше приходилось ей делать прыжки.

И вот изорвали колючки всю одежду на ведьме, искололи ее всю до крови, а музыкант все продолжал играть; и пришлось ведьме плясать до тех пор, пока не свалилась она замертво на землю.

Вот спаслись они наконец, и сказал Роланд:

— А теперь я пойду к своему отцу и попрошу его, чтоб он устроил нам свадьбу.

— А я здесь останусь, — сказала девушка, — буду тебя дожидаться, а чтоб меня никто не узнал, я обернусь придорожным столбом из красного камня.

Вот Роланд ушел, а девушка тем временем стояла красным столбом у дороги и ждала своего любимого. Когда Роланд пришел домой, его обольстила другая девушка, — она подстроила так, что он вовсе позабыл про свою милую.

Долго-долго стояла бедная девушка в поле, но когда Роланд совсем не вернулся, она запечалилась, обернулась цветком и подумала: «Может, будет кто проходить мимо и меня растопчет».

Но случилось так, что на том самом поле пас своих овец пастух. Он увидел цветок, и был цветок такой красивый, что он сорвал его, взял с собой, принес и спрятал к себе в сундучок. И с того времени пошли волшебные дела в доме у пастуха. Встанет он утром, глядь вся работа уже сделана: комната подметена, стол и скамьи убраны, в очаге горит огонь, и вода принесена; а вернется он в полдень домой — и стол уж накрыт, и расставлена на нем всякая еда.

И никак не мог пастух понять, как все это делается, — ведь у себя в доме он ни разу никого постороннего не замечал, да и кто бы мог в маленькой избушке спрятаться? Хороший уход, конечно, ему понравился, но ему стало, наконец, все-таки страшно; и он отправился к ведунье за советом.

Ведунья сказала:

— Тут не иначе, как кроется какое-то колдовство. Ты как-нибудь утром пораньше прислушайся на заре, не двигается ли что в комнате, и ежели что заметишь, то набрось мигом на него платок, вот колдовство и поймается.

Пастух так и сделал, как сказала ему ведунья, и на другое утро, только стало светать, увидел он, что сундучок открылся и вышел оттуда цветок. Вмиг подскочил пастух к цветку и набросил на него белый платок. И вмиг чары исчезли, и стояла перед ним прекрасная девушка.

Она рассказала ему всё: что была она цветком и все это время заботилась об его хозяйстве, рассказала ему и про свою судьбу. И так как девушка пастуху понравилась, то он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж. Но она ответила:

— Нет, я хочу остаться верною своему милому Роланду, хотя он меня и покинул. — Но она обещала от пастуха не уходить и вести его хозяйство попрежнему.

А подошло уже время, когда Роланд должен был праздновать свадьбу. И были, по старому обычаю, приглашены на свадьбу все деревенские девушки петь в честь жениха и невесты песни.

Услыхала о том верная девушка и так запечалилась, что ей казалось, что сердце у ней от тоски разорвется, и она не захотела итти на свадьбу. Но за нею пришли другие девушки и потащили ее с собой. Вот настал ей черед петь песню, но она отошла назад и не пела до тех пор, пока не осталась одна, иначе она не могла. Но только она запела свою песню и услышал ее Роланд, как тотчас вскочил и воскликнул:

— Мне этот голос знаком, вот это моя настоящая невеста, никакой я другой не хочу!

И все, что он позабыл, что исчезло у него из памяти, вдруг, будто домой, вернулось опять к нему в сердце.

Отпраздновала тогда верная девушка свадьбу со своим милым Роландом, и пришел конец ее мученьям, и настало время радости и веселья.

Золотая птица

Жил в стародавние времена король. Был у него позади замка прекрасный сад для гулянья, и росло в том саду дерево, на котором были золотые яблоки. Когда яблоки поспевали, им вели счет, но каждое утро одного яблока не доставало.

Донесли о том королю, и он велел, чтобы каждую ночь под деревом ставили стражу.

Было у короля три сына, и вот с наступлением ночи послал он в сад старшего. Но к полуночи не мог он сна одолеть, и наутро опять не досчитались одного яблока. На другую ночь должен был сторожить средний сын, но и с тем случилось то же самое: когда пробило двенадцать часов, он уснул, а наутро не досчитались одного яблока. Вот настал черед нести стражу младшему сыну; он уже было приготовился идти, но король не очень ему доверял и подумал, что этот справится с делом еще меньше, чем его братья, но под конец он все-таки его послал.

Вот улегся юноша под деревом, начал сторожить, но не допустил, чтобы сон его одолел. Пробило двенадцать часов, и вот в воздухе что-то зашумело; и он увидел в лунном сиянии летящую птицу, все перья блистали у нее золотом. Опустилась птица на дерево, и только отклевала она яблоко, как пустил юноша в нее стрелу. Птица улетела, но попала стрела ей в оперенье, и одно из ее золотых перьев упало наземь. Поднял его юноша, принес наутро королю и рассказал ему, что видел он ночью.

Собрал король тогда своих советников, и все в один голос решили, что такое перо, как это, дороже, пожалуй, целого королевства.

— Раз перо такое драгоценное, — сказал король, — то в таком случае мне одного будет мало, я хочу непременно иметь целую птицу.

И вот отправился в путь-дорогу старший сын; он полагался на свою рассудительность и думал, что золотую птицу он уж непременно добудет.

Прошел он ни много, ни мало и увидел на лесной опушке лису; приложил он к плечу ружье и нацелился в нее. Но лиса закричала:

— Не бей меня, дам я тебе за это добрый совет. Ты на пути за золотую птицей, и нынче под вечер ты придешь в деревню, где находятся две харчевни, — они стоят одна напротив другой. Одна будет освещена ярко, в ней весело и шумно; но ты в эту не заходи, а ступай в другую, хотя она и покажется тебе с виду неказистой.

«Как может такой глупый зверь дать мне разумный совет!» — подумал королевич и выстрелил, но в лису не попал, она выпустила свой хвост и убежала в лес. Потом он отправился дальше и пришел под вечер в деревню, где находились две харчевни — в одной плясали и пели, а у другой был вид убогий и мрачный.

«Был бы я дураком, — подумал он, — если бы пошел в дрянную, нищенскую харчевню, а хорошей бы пренебрег».

И он направился в веселую харчевню и стал проводить там время в пирушках и радостях, а про птицу и про отца и все его добрые наставления и позабыл.

Прошло некоторое время, а старший сын всё домой не возвращается; тогда собрался в путь-дорогу средний сын, — захотелось ему найти золотую птицу. Как и старшему брату, повстречалась ему лиса, дала ему добрый совет, но он тоже не обратил на него вниманья. Подошел он к двум харчевням, и стоял у окна одной из них его брат, неслись оттуда веселые песни, и брат окликнул его. Не мог средний брат удержаться, зашел в эту харчевню и стал там жить в свое удовольствие.

Снова прошло некоторое время, и захотелось младшему королевичу отправиться в путь-дорогу и попытать счастья. Но отец на это не соглашался.

— Это дело напрасное! — сказал он. — Куда уж ему найти золотую птицу, старшие братья уже ходили. А случись с ним какая беда, не сможет он из нее выбраться; ведь ума-то ему нехватает.

Но младший все не давал королю покоя, и тот позволил ему, наконец, отправиться в путь-дорогу. И сидела опять на лесной опушке лиса, стала его просить пощадить ей жизнь и дала ему добрый совет. Юноша был жалостлив и сказал:

— Лисичка, будь спокойна, зла я тебе не сделаю.

— Ты в этом не раскаешься, — ответила лиса, — а что скорей тебе добраться до места, садись-ка ты ко мне на хвост.

И только он сел, как пустилась лиса бежать и понеслась через горы и доли, — только в ушах от ветра свистело. Прибыли они в деревню; простился юноша с лисой, послушался ее доброго совета и зашел, не оглядываясь, прямо в харчевню, которая поплосе, и спокойно там переночевал.

На другое утро, только он вышел на поле, видит — сидит там лиса и говорит:

— Я расскажу, что делать тебе дальше. Ступай все напрямик, и подойдешь ты наконец к замку; увидишь, что перед замком залег целый отряд солдат, — но ты не беспокойся, все они будут спать и храпеть; пройди между ними посередине и ступай прямо в замок, пройди через все комнаты; войдешь потом в потайную комнату, и висит там деревянная клетка с золотой птицей, и стоит с ней рядом пустая золотая клетка, для пущей красоты. Но, смотри, берегись, не пересаживай птицу из простой клетки в дорожную, а не то тебе плохо придется.

Только сказала это лиса, протянула опять свой хвост, и уселся на него королевич. Понеслась лиса через лес и горы, — только в ушах от ветра свистело. Прибыл он к замку и увидел все, о чем говорила ему лиса. Вошел королевич в

потайную комнату, и сидела там золотая птица в деревянной клетке, а золотая с ней рядом стояла, и лежали в комнате по углам три золотых яблока. И он подумал, что было бы смешно, если б он оставил такую прекрасную птицу в простой и некрасивой клетке. Он открыл дверцу, схватил птицу и пересадил ее в золотую. Но в этот миг закричала птица пронзительным голосом. Проснулись солдаты, вбежали в комнату и отвели его в темницу.

На другое утро привели его на суд, и так как он во всем признался, то присудили его к смертной казни. Но король сказал, что готов его помиловать, если он доставит ему золотого коня, что скачет быстрее ветра, и тогда он получит в награду золотую птицу.

Отправился королевич в путь-дорогу; вздохнул и запечалился, не зная, где ж ему отыскать золотого коня. И вдруг увидел он старого своего друга — лису; сидела она у дороги.

— Вот видишь, — сказала лиса, — так вышло оттого, что ты меня не послушался. Но духом не падай, я тебе помогу и скажу, как раздобыть тебе золотого коня. Ты должен идти всё напрямик, и подойдешь ты к замку, — там и стоит конь на конюшне. И будут лежать перед конюшной конюхи, но они будут спать и храпеть, и ты сможешь спокойно вывести золотого коня. Но ты должен запомнить хорошо одно: седлай его плохим седлом из дерева и кожи, а никак не золотым, что будет висеть рядом, а не то плохо тебе придется.

Вытянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла его лиса через леса и горы, — только в ушах от ветра свистело.

Случилось все так, как говорила лиса, — зашел он на конюшню, где стоял золотой конь, хотел оседлать его плохим седлом, да подумал: «Стыдно не оседлать такую прекрасную лошадь дорогим седлом, как это ей подобает». Но только прикоснулось золотое седло к коню, как начал он громко ржать. Проснулись конюхи, схватили юношу и бросили его в темницу. На другое утро суд приговорил его к смертной казни. Но король пообещал его помиловать и подарить ему золотого коня, если он добудет ему из золотого замка прекрасную королевну.

С тяжелым сердцем отправился юноша в путь-дорогу, но, по счастью, он повстречал вскоре свою верную лису.

— Следовало бы тебя в несчастьи покинуть, — сказала лиса, — но мне тебя жаль, и я еще раз выручу тебя из беды. Дорога приведет тебя как раз к золотому замку; туда ты придешь вечером, а ночью, когда все утихнет, выйдет прекрасная королевна в купальню купаться. Когда она будет туда входить, ты подскочи к ней и поцелуй ее один раз, тогда она пойдет за тобой, и ты сможешь ее увести оттуда. Но только никак не

соглашайся, чтоб она перед этим просталась со своим отцом-матерью, а не то плохо тебе придется.

Протянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла она его через леса и горы, — только в ушах от ветра гудело.

Вот подъехал он к золотому замку, и было всё, как сказала ему лиса. Подождал он до полуночи, когда всё погрузилось в глубокий сон, и вышла прекрасная девушка в купальню; тут выскочил он и поцеловал ее один раз. Она сказала ему, что охотно пойдет за него замуж, но стала его со слезами на глазах умолять, чтоб дозволил он ей перед этим проститься с родителями. Сначала он противился ее просьбам, но она горько заплакала, бросилась ему в ноги, и он, наконец, уступил. И только подошла девушка к постели своего отца, как он тотчас проснулся, а за ним и все остальные в замке, и юношу схватили и посадили в темницу.

На другое утро сказал ему король:

— Ты заплатишься за это своей жизнью и только тогда будешь помилован, если сроешь гору, что находится перед моими окнами, — из-за нее я не вижу, что делается кругом; и должен ты это выполнить в течение восьми дней. Удастся это тебе — ты получишь за это в награду мою дочь.

Принялся королевич за работу, стал рыть и копать лопатой без отдыха, но спустя семь дней он увидел, как мало он сделал и что вся его работа ничего не стоит, и он совсем пригорюнился, — все надежды его рухнули. А на седьмой день вечером явилась лиса и говорит:

Ты не стоишь того, чтоб я о тебе заботилась; но ступай да ложись себе спать, я всю работу за тебя выполню.

Проснулся он на другое утро, глянул в окошко, видит — горы как не бывало. Поспешил юноша на радостях к королю и объявил ему, что условие его выполнено; и хотелось ли королю, или не хотелось, а пришлось ему слово свое сдержать и отдать ему свою дочь.

Отправились они вместе из замка; прошло немного времени, и вот явилась к ним лиса.

— Хотя ты и обладаешь теперь самым дорогим, — сказала она, — но девушке из золотого замка принадлежит и золотой конь.

— А как же мне его добыть? — спрашивает юноша.

— Это я тебе объясню, — отвечала лиса. — Ты сперва отведи прекрасную девушку к королю, который послал тебя в золотой замок; будет там неслыханная радость, и они отдадут тебе охотно золотого коня и сами его выведут. Мигом садись на него и протяни им всем на прощанье руку, а напоследок прекрасной девушке; и как только ты возьмешь

ее за руку, втащи ее сразу на коня и скачи во весь дух оттуда, — и никто не сможет тебя догнать: тот конь летит быстрее ветра.

Всё удалось успешно, и королевич увез прекрасную девушку на золотом коне. Но лиса их не бросила и молвила юноше:

— А теперь я тебе помогу добыть и золотую птицу. Когда ты подъедешь к тому замку, где находится птица, то сними девушку с коня, а я уж за ней присмотрю. Затем въезжай на золотом коне во двор замка, — тебя увидят, и будет там великая радость; и они вынесут тебе золотую птицу. Когда клетка с птицей будет у тебя в руках, ты скачи во весь опор к нам назад и возьмишь снова прекрасную девушку.

Когда все успешно исполнилось и королевич уже собирался ехать со своими сокровищами домой, говорит ему лиса:

— Теперь ты должен отблагодарить меня за помощь.

— А что ж ты за это от меня потребуешь? — спросил юноша.

— Когда мы будем в лесу, ты меня пристрели и отруби мне голову и лапы.

— Нечего сказать, хороша благодарность, — молвил королевич, — этого я уж никак выполнить не смогу.

Говорит лиса:

— Если ты этого сделать не хочешь, я должна буду тебя покинуть. Но прежде чем я от тебя уйду, я хочу дать тебе еще один добрый совет: бойся двух вещей — не покупай мяса с виселицы и не садись на краю колодца.

Затем лиса убежала в лес.

Юноша подумал: «Что за диковинный зверь и какие странные у него причуды. Кто же станет покупать мясо с виселицы! А желания сидеть на краю колодца у меня никогда не было».

Поехал он вместе с прекрасной девушкой дальше; а дорога проходила через ту деревню, где остались его оба брата. И было там большое сборище и много шума. Королевич спросил, что тут случилось; ему ответили, что здесь должны повесить двух людей. Подошел он — видит, что это два его брата, которые совершили разные злые дела и прогуляли все свое состояние. Он спросил, нельзя ли будет их освободить.

— Можно, если вы согласны за них уплатить, — ответили люди, — но зачем вам выбрасывать деньги понапрасну и их выкупать?

Но королевич не раздумывая за них уплатил, и вот они оказались на свободе и двинулись дальше все вместе. Попали они в тот самый лес, где повстречалась им впервые лиса. Солнце

горячо припекало, а в лесу было прохладно и приятно, и вот говорят два брата:

— Давайте отдохнем у колодца, поедим и напьемся.

Он согласился, но за разговорами позабыл про совет лисы и сел на краю колодца, не предчувствуя ничего дурного. Тогда двое братьев сбросили его в колодец, захватили девушку, коня и птицу и направились домой к своему отцу.

— Вот, — говорят они, — привезли мы не только золотую птицу, а достали еще и золотого коня и девушку из золотого замка.

И была там великая радость, но конь ничего не ел, птица не пела, а девушка сидела и все плакала.

Но младший брат не погиб. По счастью, колодец оказался сухим, он упал на мягкий мох, не причинив себе никакого вреда; но выбраться он оттуда не мог. Но и в этой беде его не покинула верная лиса. Она прибежала к нему, стала его бранить, что он забыл про ее совет.

— Но все-таки я не могу тебя покинуть, — сказала она, — я помогу тебе выбраться из колодца.

Она велела ему уцепиться за ее хвост и держаться покрепче, и вытащила его наверх.

— Но ты еще не совсем избавился от опасности, — сказала лиса. — Твои братья не уверены в твоей гибели, и они расставили по всему лесу сторожей, чтоб тебя убить, если тебя заметят.

А сидел у дороги нищий, и вот обменялся юноша с ним одеждой и явился, переодетый, к королевскому двору. Его никто не узнал, но птица начала петь, конь начал есть, а прекрасная девушка перестала плакать.

Спросил король в удивленьи:

— Что это значит?

А девушка ему говорит:

— Не знаю, мне было прежде так грустно, а теперь стало радостно. Мне кажется, что явился мой настоящий жених.

И она рассказала королю обо всем, что случилось, хотя оба брата и угрожали ей смертью, если она проговорится. Тогда велел король призвать к себе всех людей, бывших в замке, явился и юноша, переодетый нищим; но девушка тотчас его узнала и кинулась к нему на шею. Злых братьев схватили и казнили, а младшего повенчали с прекрасной девушкой, и он был назначен наследником короля.

А что же случилось с бедной лисой?

Прошло много времени, и отправился раз королевич снова в тот самый лес. Повстречалась ему лиса и говорит:

— Теперь у тебя есть все, что ты мог себе пожелать, а вот моему несчастью никак не может наступить конец, но в

твоих силах меня выручить, — и стала лиса опять его просить и умолять, чтобы он согласился ее застрелить и отрубить ей голову и лапы. Так он и сделал; и только выполнил он ее просьбу, как обернулась лиса юношей, а был то не кто иной, как брат прекрасной королевы, который наконец-то был освобожден от злого заклятья. И теперь у них было все, чтобы быть всю свою жизнь счастливыми.

Собака и воробей

Не было у овчарки доброго хозяина, а был у нее такой, что всё морил ее голодом. Вот не стало у нее сил больше терпеть, и ушла она от него, грустная да печальная. Встретился ей по пути воробей и спрашивает:

— Отчего ты, сестрица-собака, так пригорюнилась?

Ответила собака:

— Я голодная, а есть-то мне нечего.

Воробей и говорит:

— Давай, милая сестрица, пойдем с тобой в город, я накормлю тебя досыта.

Пошли они в город. Проходили они мимо мясной лавки, а воробей и говорит собаке:

— Ты постой тут, а я тебе откляю кусочек мяса.

Он сел на прилавок, оглянулся кругом, никого не видно, и давай клевать мясо; он тащил и рвал кусок, что лежал на краю, пока тот не свалился на землю. Схватила мясо собака, побежала в уголок и все мясо поела, а воробей и говорит:

— А теперь пойдем к другой лавке, я сброшу тебе еще кусок, чтобы ты наелась как следует.

Съела собака и другой кусок мяса, а воробей спрашивает:

— Ну, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, я мясом уже сыта, — ответила она, — но я еще хлеба не ела.

Сказал воробей:

— Хлеб ты тоже получишь, только ступай за мной.

И он привел ее к булочной и начал клевать две булочки, пока они вниз скатились. Но захотелось собаке еще, и повел ее воробей к другой булочной, сбросил ей еще хлебец. Собака съела его, а воробей и спрашивает:

— Ну что, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, — ответила собака, — а теперь давай за город прогуляемся.

Вышли они на большую дорогу. Погода была теплая, прошли они немного, а собака и говорит:

— Я умиротилась, хотелось бы мне немного поспать.

— Ладно, поспи, — ответил воробей, — а я тем временем на ветке посижу.

Улеглась собака на дороге и крепко уснула. А когда она лежала и спала, подъехал возница, — в повозку у него было запряжено трое лошадей, и лежали на повозке два бочонка вина. Увидел воробей, что возница и не думает сворачивать с дороги, а продолжает ехать по колее, где лежала собака, и крикнул:

— Эй, возница, ты этак не делай, а не то я сделаю тебя бедным!

Но возница буркнул про себя: «Бедным-то ты меня не сделаешь», — и, щелкнув бичом, он погнался прямо на собаку, — и вот раздавили ее колеса насмерть.

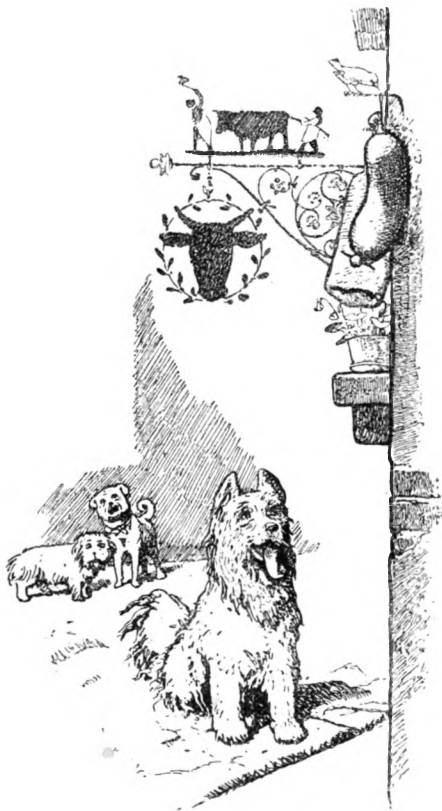
Крикнул тогда воробей:

— Ты убил мою сестрицу-собаку, ты за это заплатишься повозкой и лошадью.

— Ишь ты! Повозкой да лошадью, — проворчал возница, — как это ты мне можешь сделать! — и поехал себе дальше.

А воробей забрался под рогожу и стал клевать затычку в бочонке, и клевал, пока не вытащил ее: и расплескалось все вино наземь, а возница того не заметил. Оглянулся он назад, видит — с повозки что-то капает, стал он разглядывать бочки и заметил, что одна из них порожняя.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей и, подлетев, сел на голову коренной лошади и выклевал ей глаза.

Увидал это возница, выхватил мотыгу, хотел было ударить воробья; но воробей взлетел, и угодил возница как раз в голову лошади, и та упала замертво наземь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей; и когда возница поехал дальше на двух лошадях, забрался воробей опять под рогожу, выклевал затычку из второй бочки, и все вино расплескалось.

Заметил это возница и снова воскликнул:

— Ах, бедный я человек!

Но воробей ответил:

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — уселся на голову второй лошади и выклевал ей глаза.

Подбежал возница, кинулся на воробья с мотыгой, но тот порх и улетел; пришлось удар как раз по лошади, и упала она замертво наземь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей, сел на голову к третьей лошади и выклевал ей глаза.

Разъярился возница, ударил по воробью, да не попал в него и убил свою третью лошадь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей, — сделаю я тебя бедным дома, — и с тем улетел.

Пришлось вознице бросить свою повозку, и он вернулся домой в большой досаде и гнев.

— Ох, какое у меня несчастье приключилось! — сказал он своей жене. — Все вино вытекло, и все три лошади погибли.

— Ах, муженек, — отвечала жена, — а какая к нам вредная птица в дом залетела! Собрала птиц со всего света, слетелись они на нашу пшеницу и ее выклевают.

Вышел он на поле, видит — сидят там тысячи тысяч птиц и всю пшеницу поклевали, и был между ними тот самый воробей.

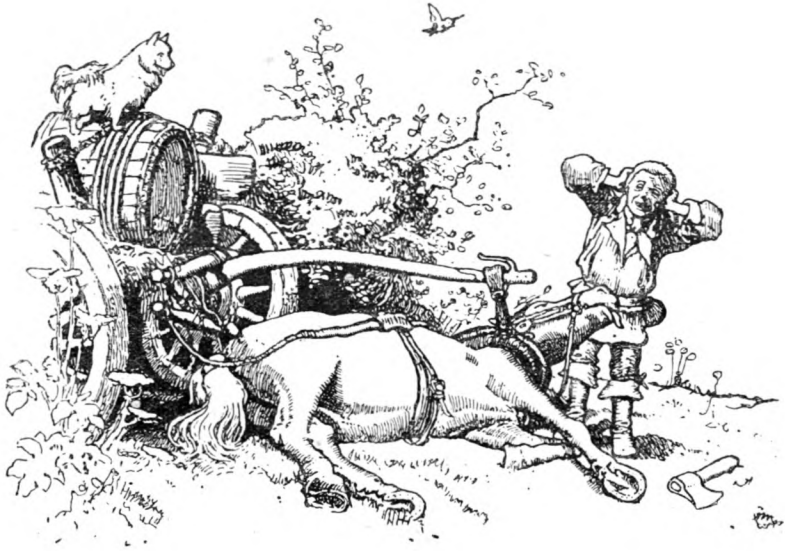
Крикнул возница:

— Ах, бедный я человек!

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей. — Ты, возница, еще за это жизнью своей расплатишься, — и улетел.

Вот потерял возница все свое добро, входит он в комнату, садится за печкой, и был он злой и свирепый. А воробей уселся у окошка да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут схватил возница мотыгу и кинул ее в воробья; но выбил он только оконницу, а в птицу не попал. Влетел воробей в комнату, уселся на печь да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей поплатишься!

Тут возница в бешенстве и в ярости всю печь развалил, а воробей всё с места на место перелетает. Вот перебил возница всю свою посуду, и зеркальце, и скамьи, и стол, наконец развалил даже стены своего дома, а всё в воробья попасть никак не может. Наконец он все-таки его поймал.

А жена и спрашивает:

— Не убить ли мне воробья?

— Нет, — крикнул он, — это было бы слишком мило-ство; он должен погибнуть лютою смертью, я его живьем проглочу.

Берет он воробья и проглатывает его. А воробей начинает у него в животе трепыхаться, вылетает опять нару-жу и влетает к нему в рот, высовывает оттуда голову и кричит:

— Возница, ты еще жизнью своей за это поплатишься!

Тогда возница дает жене мотыгу и говорит:

— Жена, убей-ка эту птицу у меня во рту.

Размахивает жена мотыгой, а попасть в воробья не может, и вот угодила она прямо в голову мужу, и тот падает мертвый наземь.

А воробей выпорхнул и улетел.

Фридер и Катерлизхен

Жил-был человек, звали его Фридер, и была девушка, звали ее Катерлизхен; вот поженились они и стали жить вместе, как молодые муж и жена. Однажды говорит Фридер:

— Я поеду на поле, а ты, Катерлизхен, приготовь к моему возвращению чего-нибудь поесть, чтоб голод заморить, да свежего пива глоток, чтоб жажду утолить.

— Ступай, Фридерхен, — отвечала Катерлизхен, — ступай, я всё тебе приготовлю.

Подошло время обедать, и достала она из трубы копченую колбасу, взяла сковородку, положила на нее масла и поставила ее на огонь. Начала колбаса поджариваться и шипеть, а Катерлизхен стоит, держит сковородку за ручку и думает: «Пока колбаса изжарится, надо бы сходить в погреб да пива нацедить». Поставила она сковородку на огонь, взяла кружку, спустилась в погреб и стала наливать пиво. Бежит пиво в кружку; смотрит Катерлизхен, и вдруг ей приходит в голову: «Эх, а собака-то ведь не привязана; чего доброго, она колбасу со сковородки стащит. Хорошо, что я еще во-время вспомнила», — и вмиг выбежала она из погреба.

Но дворняжка тем временем схватила уже колбасу и тащит ее по двору. А Катерлизхен, не будь ленива, погналась за собакой; гонит она ее по полю. А собака-то была куда попроворней, чем Катерлизхен: колбасы изо рта не выпускала и стала удирать со всех ног. «Ну, что пропало, то пропало!» — сказала Катерлизхен, вернулась назад, а так как бежать она утомилась, то стала идти медленней, чтобы отдышаться.

А в это время пиво все бежало и бежало из бочки, — кран-то ведь Катерлизхен завернуть позабыла; и когда кружка наполнилась до самого края, начало пиво литься на пол, и лилось оно до тех пор, пока вся бочка не вылилась. Уже на лестнице Катерлизхен увидала, что за беда приключилась.

«Вот так-так! — воскликнула она. — Что же мне теперь делать, чтобы Фридер не заметил?» Она подумала и, наконец, вспомнила, что стоит у ней на чердаке мешок хорошей пшеничной муки, купленный еще в прошлом году на ярмарке, и она решила снести его в погреб и посыпать мукой там, где разлилось пиво.

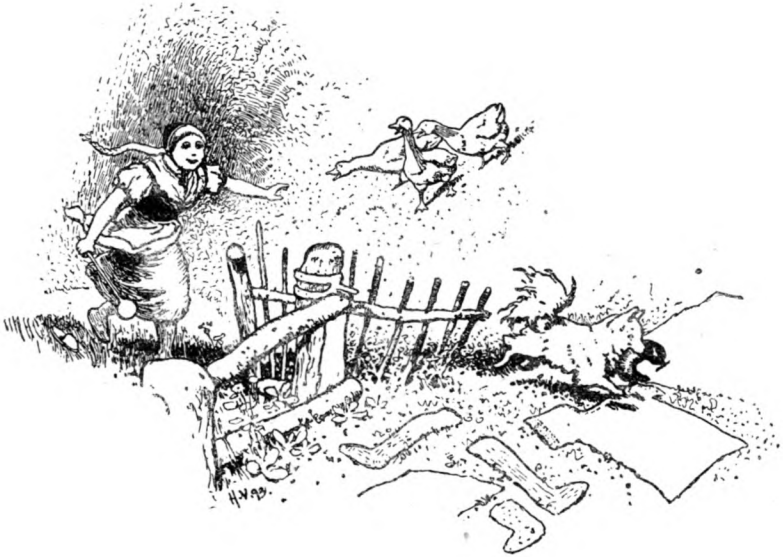
«Да, — сказала она, — кто во-время что сберегает, тому оно в беде помогает», — полезла она на чердак, притащила мешок с мукой и бросила его как раз на кружку с пивом; опрокинулась кружка, и разлилось пиво на пол. «Правильно говорится, — сказала Катерлизхен, — что беда беду пого-

няет», — и стала она рассыпать муку по всему погребу. Сделав это, она осталась своей работой очень довольна и сказала: «Как стало здесь, однако, чисто и хорошо».

В полдень воротился Фридер домой.

— Ну, жена, что ж ты мне на обед приготовила?

— Ах, Фридерхен, — ответила она, — хотела я тебе колбасы изжарить, да стала пиво к обеду наливать, а собака колбасу со сковородки стащила; пока я за собакой гналась,

все пиво из бочки выбежало; хотела я пиво мукой присыпать, да кружку с пивом опрокинула; но ты будь спокоен — в погребе уже сухо.

И сказал Фридер:

— Ах, Катерлизхен, Катерлизхен, не надо было так делать! Можно ли было оставлять колбасу, чтоб собака ее стащила, а пиво из бочки выбежало, да еще засыпать его самой лучшей мукой.

— Да ведь я же, Фридерхен, не знала, ты бы мне раньше об этом сказал.

Муж подумал: «Если и дальше будут с моей женой такие случаи приключаться, то придется мне самому кое-что придумать».

Он скопил круглую сумму талеров, обменял их на золото и говорит Катерлизхен:

— Видишь, эти вот желтые кружочки спрячу я в кубышку и закопаю в хлеву под коровьими яслями. Но ты смотри, кубышки этой не трогай, а не то плохо тебе будет.

— Нет, Фридерхен, я трогать ее не стану, — ответила Катерлизхен.

Вот раз мужа не было дома, а в это время явились в деревню купцы продавать глиняные горшки и миски, и они спросили молодую женщину, не купит ли она у них чего из их товара.

— Да вот, милые люди, — говорит им Катерлизхен, — денег-то у меня нету, купить мне не на что; если вам нужны желтые кружочки, то я, пожалуй, тогда и купила бы что-нибудь.

— Желтые кружочки пожалуй что и пригодятся, а покажи-ка их нам.

— А вы ступайте в хлев да поройтесь, они закопаны под коровьими яслями, вот там и найдете желтые кружочки, а мне с вами вместе итти туда никак нельзя.

Вошли плуты-продавцы в хлев, стали там копать и нашли чистое золото. Схватили они его и убежали, а свои горшки да миски в доме оставили. Катерлизхен подумала, что новая-то посуда ей пригодится; а было ее в кухне у нее достаточно, и вот повыбывала она у всех горшков доньшки и нацепила горшки на заборные столбы вокруг дома вместо украшения.

Воротился Фридер домой, увидал такую обнову и говорит:

— Катерлизхен, что это ты наделала?

— Да я купила их, Фридерхен, за те желтые кружочки, что спрятаны были под коровьими яслями; сама я туда не ходила, торговцы их сами выкопали.

— Ах, жена, жена, — говорит Фридер, — что же ты наделала! Да ведь это ж были не желтые кружочки, было то чистое золото — все наше богатство; разве можно было так делать?

— Фридерхен, да ведь я, — говорит жена, — об этом не знала. Надо было мне раньше о том сказать.

Постояла Катерлизхен, подумала и говорит:

— Послушай, Фридерхен, ведь золото можно назад вернуть, давай побежим за ворами.

— Что ж, — говорит Фридер, — давай попробуем; только захвати с собой хлеба и сыру, чтоб было чем в дороге закусить.

— Ладно, Фридерхен, я возьму.

Отправились они в погоню, и так как Фридер ходил быстрее, то и шел он впереди Катерлизхен.

«А мне еще лучше, — подумала она, — когда надо будет домой возвращаться, я окажусь впереди». Вот подошла она к горе, где по обеим сторонам дороги были глубокие рытвины. «Гляди-ка, — молвила Катерлизхен, — как они землю-то всю поизрезали, поизрыли, измяли. За весь свой век она никогда

не заживет». А было сердце у нее жалостливое, взяла она масло и намазала им колеи справа и слева, чтоб колеса не так их давили; нагнулась она, их жалеючи, а сыр у ней из сумки и выпал и покотился с горы.

Говорит Катерлизхен: «Ну, раз уж взобралась я на гору, то вниз за тобой спускаться не стану, пусть уж другой за ним побежит и при-

ведет его назад». Взяла она другой сыр и скатила его вниз. Но сыры назад не вернулись. Тогда сбросила она и третий сыр и подумала: «Может быть, они ждут третьего, — одни не хотят возвращаться?» А три сыра все не возвращаются и не возвращаются; вот она и говорит: «Не знаю,

что тут и подумать. Пожалуй, третий не нашел дороги да заблудился; надо будет послать за ним четвертый, чтоб позвал он их назад». Но и с четвертым сыром случилось то же, что и с третьим.

Рассердилась тогда Катерлизхен, сбросила вниз и пятый, и шестой, а они были у ней последние. Некоторое время стояла она и ждала, не вернуться ли они назад, а они всё не возвращались; тогда она и говорит: «О, вас хорошо бы за смертью посылать; долго вы что-то ходите; небось, думаете, что я буду вас тут дожидаться? Я пойду, а вы уж меня сами нагоните, ноги-то у вас помоложе моих будут».

И Катерлизхен ушла и нашла Фридера; он стоял, ее дожидаясь, — есть ему очень захотелось.

— Ну, дай-ка мне чего-нибудь поесть. — Она подала ему сухой хлеб.

— А где же масло и сыр? — спрашивает муж.

— Ах, Фридерхен, — говорит Катерлизхен, — маслом я колеи намазала, а сыры, те скоро вернуться; один у меня из сумки выкатился, я и послала за ним вдогонку другие, чтоб позвали они его назад.

Говорит Фридер:

— Не надо было, Катерлизхен, так делать! Не надо было маслом дорогу намазывать и сыры с горы скатывать.

— Это правда, Фридерхен; чего же ты мне раньше о том не сказал?

Поели они сухого хлеба, а Фридер и спрашивает:

— А заперла ли ты дом, когда уходила?

— Нет, Фридерхен; отчего ты мне раньше о том не сказал?

— Так ступай домой, сначала дом запри, а потом уж пойдем дальше; да принеси чего-нибудь поесть, а я подожду тебя здесь.

Пошла Катерлизхен домой и думает: «Надо будет принести Фридерхену поесть чего-нибудь другого, сыр и масло ему, видно, не нравятся, — принесу-ка ему мешок сушеных груш да кружку уксуса. Заперла она на засов верхнюю дверь в доме, а нижнюю сняла с петель, взвалила ее на плечи и пошла, думая, что если дверь возьмет с собой, то в дом никто уж не заберется. Катерлизхен идет себе медленно, не торопясь и думает: «Пусть Фридерхен отдохнет подольше». Подошла она к нему и говорит:

— Вот, Фридерхен, тебе и дверь от дома; теперь ты можешь сам дом сторожить.

— Ах, господи, — сказал он, — какая у меня умная жена! Нижнюю дверь сняла, чтобы всякий мог в дом забраться, а верхнюю заперла на засов. Теперь поздно уже домой назад

возвращаться, а раз ты дверь сюда принесла, то и тащи ее теперь сама дальше.

— Дверь-то, Фридерхен, я потащу, а сушеные груши да кружку уксуса мне будет нести тяжело. Повешу я их на дверь, пускай она их несет.

Пошли они в лес, стали разыскивать плутов-продавцов, но не нашли их. Стало уже, наконец, в лесу темнеть; взобрались они на дерево и решили там заночевать. Только уселись они на верхушке дерева, как подошли к дереву люди, которые уносят то, что за ними само итти не хочет, и находят вещи, прежде чем кто-нибудь их потеряет. Они уселись как раз под дерево, на котором сидели Фридер и Катерлизхен, развели костер, собираясь делить между собой добычу. Тогда Фридер спустился с дерева на другую сторону и набрал камней, а затем снова взлез на дерево и хотел убить воров насмерть. Стал он бросать в них камни, но всё не попадал, а воры и говорят: «Скоро, пожалуй, начнет светать, вот ветер сбивает уже с елей шишки».

А Катерлизхен все держала дверь на плечах, но стало ей под конец тяжело, и подумала она, что виной тому сушеные груши, и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я сушеные груши вниз.

— Нет, Катерлизхен, сейчас делать этого не надо, а то воры могут нас заметить.

— Ах, Фридерхен, я не могу, очень уж мне тяжело.

— Ну, так бросай, чорт возьми!

И посыпались груши вниз сквозь ветки, а плуты-продавцы внизу и говорят: «Это птицы помет сбрасывают». А дверь всё попрежнему давит плечи; тут вскоре Катерлизхен и говорит:

— Ах, Фридерхен, надо и уксус, пожалуй, вылить.

— Нет, Катерлизхен, не делай ты этого, не то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я больше не могу, уж больно мне тяжело.

— Ну что ж, выливай, чорт возьми!

Вылила она уксус и облила им плутов-продавцов. Вот они и говорят меж собой: «Это падает уже роса».

И подумала, наконец, Катерлизхен: «А не дверь ли это такая тяжелая?» и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я дверь.

— Нет, Катерлизхен, сейчас не надо этого делать, а то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я не могу больше, уж больно мне тяжело.

— Нет, Катерлизхен, а ты держи крепче.

— Ах, Фридерхен, я ее уроню.

— Ну, — ответил Фридер сердито, — и роняй, чорт возьми!

И упала дверь с грохотом вниз; а плуты-продавцы как закричат: «Чорт спускается с дерева!» — да как бросятся бежать и всё, что было у них, побросали. На рассвете спустились Фридер и Катерлизхен с дерева и нашли внизу все свое золото и понесли его домой.

Воротились они домой, а Фридер и говорит:

— Ну, Катерлизхен, теперь ты уж должна быть прилежной и хорошо работать.

— Ладно, Фридерхен, буду работать, — пойду на поле жать пшеницу.

Вышла Катерлизхен на поле и говорит про себя: «Поест ли мне прежде, или жать, или сначала поспать, а потом уже жать? Э-э, поем я сначала». Поела Катерлизхен, а после еды ей спать захотелось; начала она жать, а была она сонная и порезала себе передник, юбку и рубашку. Вот проснулась после долгого сна Катерлизхен, встала полуголая и говорит про себя:

— Я ли это, или не я? Ах, нет, это не я.

А меж тем наступила ночь; побежала Катерлизхен в деревню, стала в окошко к мужу стучаться и кричать:

— Фридерхен!

— Что там такое?

— Скажи мне, дома ли Катерлизхен?

— Да, да, — ответил Фридер, — она дома, лежит и спит.

А она говорит:

— Хорошо; стало быть, я уж дома, — и убежала.

Встретила Катерлизхен на улице воров, они воровать собирались. Подходит она к ним и говорит:

— Я вам помогу воровать.

Воры подумали: она, должно быть, здешние места знает, — и согласились. Катерлизхен подходила к домам и кричала:

— Люди добрые, есть ли у вас что? А то мы красть собираемся.

Подумали воры: «Так дело не пойдет», — и решили от Катерлизхен избавиться. Вот и говорят они ей:

— На краю деревни растет у пастора в огороде репа, ступай туда и нарви нам ее.

Пошла Катерлизхен на огород и начала рвать репу, села, и лень ей было подняться. А на ту пору шел мимо прохожий, посмотрел он, остановился и подумал, что это сам чорт, должно быть, тащит репу. Побежал он в деревню к пастору и говорит:

— Господин пастор, а в вашем огороде чорт репу тащит.

— Ах, господи, — ответил пастор, — нога-то у меня хромая, не могу я пойти на огород и чорта прогнать.

Прохожий предложил:

— А я вам вместо костыля буду, — и он повел пастора на огород.

Приходят они на огород, а Катерлизхен в это время поднимается и встает во весь рост.

— Ох, да ведь это же чорт! — закричал пастор, и как бросились они оба бежать! Ну, тут пастор со страху и хромать перестал, и бежал он со своей хромой ногой куда проворней, чем тот, кто привел его на огород на своих здоровых ногах.

Два брата

Жили однажды два брата — один богатый, другой бедный. Был богатый золотых дел мастером, и было сердце у него злое. А бедный кормился тем, что метлы вязал, и был он добрый и честный. Было у бедного брата двое детей, мальчики-близнецы, и были они один на другого как две капли воды похожи. И ходили два мальчика в дом к богачу, где им давали поесть, что из объедков останется.

Случилось, что пошел раз бедняк в лес за прутьями и увидел там птицу; она была вся золотая и такая красивая, какой он ни разу еще не видывал. Поднял он камешек, бросил и попал прямо в птицу; упало с нее одно лишь золотое перо, а птица улетела. Взял бедняк перо и принес его своему брату. Посмотрел тот на перо и говорит:

— Да это настоящее золото, — и дал ему за него много денег.

На другой день взобрался бедняк на березу и хотел было срубить несколько веток, вдруг вылетела оттуда та же самая птица. Стал он дальше искать — и нашел гнездо, лежало в нем яйцо, и было оно золотое. Взял он яйцо и отнес его своему брату. А тот говорит опять:

— Это чистое золото, — и дал ему за него столько, сколько оно стоило.

Наконец золотых дел мастер сказал:

— Хотелось бы мне иметь самую птицу.

Пошел бедняк в третий раз в лес и увидел на дереве золотую птицу; он взял камень, сбил ее с дерева и принес своему брату, и тот дал ему за нее целую пригоршню золота.

«Ну, теперь-то мне есть на что жить», — подумал бедняк и воротился довольный домой.

А был золотых дел мастер хитер и умен: он прекрасно знал, что это за птица. Позвал он жену и говорит:

— Жажарь-ка мне золотую птицу, да постарайся, чтоб ничего из нее не пропало. У меня охота съесть ее одному.

А птица та была не простая, а волшебная: кто съест ее сердце и печень, тот каждое утро будет находить у себя под подушкой золотой.

Ощипала жена птицу, приготовила ее как следует, насадила на вертел и принялась ее жарить. Но случилось так, что понадобилось ей выйти из кухни по какому-то делу, и вбежали как раз туда в это время двое детей бедняка-метельщика, стали у вертела и разок-другой его повернули. И выпало из птицы на сковородку два кусочка, а мальчик и говорит:

— Я голоден. Давай-ка эти маленькие кусочки съедем, ведь этого никто не заметит.

И они съели оба по кусочку; а тут входит жена богача, видит, что они что-то едят, и спрашивает:

— Что это вы едите?

— Два кусочка, они выпали из птицы, — ответили мальчики.

— Да ведь это же были сердце и печень!—воскликнула испуганная женщина, и чтоб муж ничего не заметил и не разгневался, она быстро зарезала петушка, вырезала у него сердце и печень и сунула их в золотую птицу. Когда птица поджарилась, женщина принесла ее золотых дел мастеру, и тот съел ее один и ничего не оставил. На другое утро сунул он руку под подушку, рассчитывая вытащить оттуда золотой, но там не оказалось ничего.

А дети и не знали, откуда им счастье такое привалило: на другое утро, только они встали, как что-то со звоном упало на пол; подняли они, смотрят,— а это два червонца. Принесли они их своему отцу. Тот удивился и говорит:

— Как же это могло случиться?

Но когда они нашли и на другое утро два золотых, и так каждый день, то пошел он к своему брату и рассказал ему эту удивительную историю.

Золотых дел мастер тотчас смекнул, как это вышло, и понял, что дети съели сердце и печень золотой птицы. И вот, чтобы отомстить им за это, — а был он к тому же завистлив и бессердечен, — он сказал их отцу:

— Дети твои с нечистой силой спутались; не бери этого золота и не держи их больше у себя в доме, ибо нечистый имеет над ними силу и может и тебя самого довести до беды.

Отец боялся чорта, и как ни было ему тяжело, а завел он своих детей-близнецов в лес и бросил их там, хоть и трудно ему было на сердце.

Вот стали двое детей бродить по лесу да искать дорогу домой, но найти ее никак не могли и всё больше и больше заходили

в густую чащу. Встретили они, наконец, охотника, и спросил он у них:

— Дети, вы чьи?

— Мы сыновья бедного метельщика, — ответили они и рассказали ему, что отец не захотел их больше держать у себя в доме оттого, что каждое утро у них под подушками оказывался золотой.

— Ну, — сказал охотник, — в этом нет ничего дурного, если вы при этом остались честными и не стали оттого лежебоками.

Доброму человеку мальчики понравились, а так как детей у него не было, то взял он их к себе домой и сказал:

— Я вам буду вместо отца родного и вас воспитаю.

Стали они учиться у него охотничьему делу, а червонцы, которые каждый из них находил, подымаясь с постели, он для них сберегал на случай, если они в будущем им понадобятся.

Вот дети выросли. И взял их однажды приемный отец с собой в лес и сказал:

— Сегодня каждый из вас должен сделать по пробному выстрелу, чтобы я мог признать вас подмастерьями и настоящими охотниками.

Вышли они с ним на стойку и долго ждали, а дичи всё не попадалось. Глянул охотник и увидел стаю белый гусей; летели они треугольником, и он сказал одному из учеников:

— А ну-ка, сбей мне с каждого угла по одному гусю.

Тот нацелился и сделал свой пробный выстрел удачно. Вскоре после того показалась вторая стая, она летела двойкой. И велел охотник другому ученику сбить по одному гусю, и ему тоже пробный выстрел удался. Тогда приемный отец говорит:

— Теперь я вас отпускаю, вы уже опытные охотники.

Пошли после того двое братьев в лес, стали между собой советоваться и кое-что порешили. А когда вечером сели ужинать, они говорят своему приемному отцу:

— Мы есть не станем, и куска не съедим, пока вы не исполните одну нашу просьбу.

Он спрашивает:

— Какая же у вас просьба?

Они отвечают:

— Теперь учење свое мы закончили и должны попытать счастья. Так вот, дозвоьте нам уйти странствовать.

И сказал старик с радостью:

— Вы рассуждаете, как храбрые охотники, и то, что вы хотите, было и моим желаньем. Отправляйтесь в путь, и будет вам удача. — Потом они вместе радостно поели и выпили.

Вот наступил назначенный день, и подарил приемный отец каждому из них по хорошему ружью и по собаке и велел взять из сбереженных червонцев столько, сколько каждый из них пожелает. Затем он проводил их и дал им еще на прощанье блестящий отточенный нож и сказал:

— Если вам придется когда-нибудь друг с другом расстаться, воткните этот нож в дерево на перекрестке дорог, и тот, кто из вас вернется, сможет по этому ножу узнать про судьбу своего брата; та сторона ножа, в какую сторону тот уйдет, в случае его смерти покроется ржавчиной; а пока он будет в живых, она останется блестящей.

Пошли двое братьев дальше и зашли в лес, да такой дремучий, что и за целый день не могли оттуда выбраться. Пришлось им там заночевать, и они съели все, что было у них в охотничьих сумках; пришлось им итти еще и другой день, но из лесу выбраться они никак не могли. Есть им было нечего. Вот один из них и говорит:

— Надо бы нам что-нибудь застрелить, а не то голодать придется.

Зарядил он свое ружье и стал поглядывать по сторонам. Вдруг выбежал старый заяц. Нацелился охотник, а заяц как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Двух зайчат отдам за то.

Прыгнул заяц в кусты и принес двух зайчат; но зверушки играли так весело и были такие приятные, что охотник не мог решиться их убить. Братья оставили их у себя, и маленькие зайчата поскакали вслед за ними. А тут увидели они вскоре, как пробиралась тайком лиса, хотели ее было убить, но она как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Лисенят я дам за то.

Принесла она им двух лисенят; но охотникам не хотелось их убивать. Они оставили их заодно с зайчатами, и пошли лисенята вслед за охотниками. А тут вскоре вышел из чащи волк. Нацелились в него охотники, а волк как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Двух волчат отдам за то.

Пустили охотники к остальным зверям двух молодых волчат, и те пошли следом за ними. Потом явился медведь, и ему тоже захотелось пожить еще на свете и по лесу потопать, и он закричал:

Ты не бей меня, стрелок,
Медвежат отдам за то.

Двое молодых медвежат тоже присоединились к остальным зверям и пошли за охотниками. И кто же явился наконец? Явился лев и тряхнул своей гривой. Но охотники не испугались и прицелились в него. Но лев тотчас сказал:

Ты не бей меня, стрелок,
Львят отдам тебе за то.

Он принес своих львят, и оказалось теперь у охотников два льва, два медведя, две лисы и два зайца; все они шли за ними следом и им служили. Но голода своего охотники так и не удовлетворили, и говорят они лисенятам:

— Эй вы, проныры, достаньте-ка нам что-нибудь поесть, вы-то ведь хитрые-прехитрые.

И ответили они:

— Неподалеку отсюда находится деревня, где мы не раз кур таскали; дорогу туда мы вам укажем.

Пошли охотники в ту деревню, купили себе кое-чего поесть, велели накормить и своих зверей и отправились дальше. Лисенятам все места здесь были хорошо знакомы, где какие дворы с курами находятся, и они могли везде указать охотникам.

Ходили-бродили охотники по разным местам, но нигде не могли себе найти такой службы, чтоб остаться всем вместе. Тогда они и говорят:

— Не иначе, как придется нам друг с другом расстаться.

Поделили они между собой зверей, — и получил каждый по львенку, медвежонку, волчонку, лисенку и зайчику. Потом они попрощались, обещали любить друг друга братской любовью до самой смерти, воткнули в дерево нож, который им дал приемный отец, и вот пошел один на восток, а другой на запад.

Пришел младший брат со своими зверями в город, и было в том городе все черным крепом затынуто. Зашел он в харчевню и спросил у хозяина, не сможет ли тот приютить его зверей. Отвел хозяин их в стойло, а была там в стене дыра; вылез заяц наружу и притащил себе кочан капусты, а лиса принесла курицу, съела ее и принялась за петуха. А волк, медвежонок и львенок были побольше и вылезти не могли. Предложил хозяин вывести зверей туда, где лежала в то время на траве корова, пусть-де вдосталь там наедятся. Накормил охотник своих зверей и спрашивает потом у хозяина:

— Отчего весь город черным крепом затынут?

Ответил хозяин:

— Оттого, что завтра должна умереть единственная дочь короля.

Спрашивает охотник:

— Разве она смертельно больна?

— Нет, — ответил хозяин, — она совершенно здорова, но должна умереть.

— Как же это так? — спросил охотник.

— Да вот стоит за городом высокая гора, и живет на ней дракон; и каждый год ему обязаны отдавать невинную девушку, а не то он опустошит всю нашу страну. Ему отдали уже всех девушек, и не осталось ни одной, кроме королевны; но пощады ждать не приходится, ее должны отдать завтра дракону.

Охотник сказал:

— А почему ж не убьют дракона?

— Ах, — ответил хозяин, — уж сколько рыцарей пыталось это сделать, но все жизнью своей поплатились; король обещал тому, кто одолеет дракона, отдать свою дочь в жены, а после смерти своей и все королевство.

Ничего не сказал на это охотник, но на другое утро он взял своих зверей и поднялся вместе с ними на Драконову гору. Стоял на ее вершине небольшой храм, на алтаре было три чаши с вином, и было на них написано: «Кто эти чаши выпьет, станет самым могучим человеком на свете и овладеет мечом, что закопан перед дверным порогом».

Охотник из чаш этих пить не стал, вышел оттуда и нашел в земле меч, но не смог он его и с места сдвинуть. Он вернулся назад, выпил чаши и стал вдруг настолько могуч, что смог уже меч поднять, держа его в руке, и им размахивать.

Настал час, когда девушка должна была быть выдана дракону, и ее провожали король, маршал и придворные. Увидела девушка издали на вершине Драконовой горы охотника и подумала, что то стоит дракон и ее дожидается, и не хотела подыматься на гору; но, наконец, пришлось ей взойти туда против воли, а не то бы погиб весь город. Вернулся король домой с придворными в великой печали, а маршал королевский должен был там оставаться и издали за всем наблюдать.

Поднялась королевна на самую вершину горы, — и стоял там не дракон, а молодой охотник; он утешил ее и сказал, что хочет ее спасти; он отвел ее в храм и там запер.

Вскоре появился с великим шумом семиглавый дракон. Увидав охотника, дракон удивился и говорит:

— Что тебе тут на горе надо?

Ответил охотник:

— Я хочу с тобой сразиться.

Сказал дракон:

— Не один уже рыцарь здесь свою жизнь положил, и с тобой я тоже управлюсь, — и ондохнул пламенем из своих семи пастьей.

Загорелась сухая трава, и пришлось бы охотнику в пламени и дыму задохнуться; но прибежали звери и весь огонь затоптали.

Кинулся дракон на охотника, но тот выхватил свой меч, он засвистел в воздухе и снес дракону три головы прочь. Тут разъярился дракон, поднялся на воздух и стал изрыгать на охотника пламя; хотел было на него броситься, но охотник выхватил снова меч и отрубил ему еще три головы.

Ослабело чудовище и рухнуло наземь, но все ж таки готовилось кинуться на охотника; но тот, собрав последние силы, отсек ему хвост. Бороться охотник больше не мог, он кликнул своих зверей, — и они разорвали дракона в клочья.

Кончился бой, отпер охотник храм, видит — лежит королева на полу: от страха и ужаса, пока длился бой, она лишилась чувств. Он вынес ее на воздух, и когда она снова очнулась и открыла глаза, он показал ей изрубленного на куски дракона и сказал, что она теперь спасена. Она обрадовалась и сказала: — Ты станешь теперь моим мужем, ведь мой отец обещал выдать меня за того, кто убьет дракона.

Потом сняла она с шеи коралловое ожерелье и разделила его в награду между зверями, и достался льву золотой замочек. А свой носовой платок, на котором было вышито ее имя, она подарила охотнику. Он пошел и вырезал из семи драконовых голов языки и завернул их в платок, чтобы лучше их сохранить.

После того как все это случилось, охотник, измученный жарой и сраженьем, сказал девушке:

— Мы оба с тобой устали, давай немного поспим.

Она согласилась; они легли на землю, и молвил охотник льву:

— Ты нас охраняй, чтоб во время сна никто на нас не напал, — и они с девушкой уснули. Лев улегся рядом с ними, чтобы нести стражу, но он тоже устал от битвы с драконом и потому кликнул медведя и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улегся медведь рядом с ним, но он тоже устал, кликнул волка и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улегся волк рядом с ним, он тоже устал, кликнул лису и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; а если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улеглась с ним рядом лиса, и она тоже устала, позвала зайца и говорит:

— Ложись со мной рядом, мне надо немного поспать; если кто придет, ты меня разбуди.

Сел заяц рядом с ней, но бедный зайчик ведь тоже устал, ему некого было позвать в сторожа, — и он уснул.

И вот уснули королева, охотник, лев, медвежонок, волк, лиса и зайчик, и все спали глубоким сном.

Но маршал, который должен был за всем наблюдать издали, не видел, чтобы дракон улетел с девушкой. На горе было все тихо, и вот, наконец, он отважился и взобрал на вершину. И лежал дракон на земле, изрубленный и разорванный на куски; а поодаль от него королева и охотник со своими зверями, и все были погружены в глубокий сон. А был маршал человек злой и жестокий, он выхватил свой меч и отрубил охотнику голову, схватил девушку на руки и унес ее с горы. Девушка, проснувшись, испугалась, но маршал ей говорит:

— Ты теперь в моих руках; ты должна будешь сказать, что это я убил дракона.

— Этого сказать я не могу, — ответила она, — ведь это сделал охотник со своими зверями.

Тогда выхватил маршал свой меч и пригрозил ее убить, если она его не послушает, и так вынудил у нее обещание. Затем он принес ее королю. Как увидел король свою любимую дочку в живых, то не знал как ему и радоваться, — ведь он думал, что ее разорвало чудовище.

И сказал маршал:

— Это я убил дракона и освободил девушку и все королевство, поэтому требую ее себе в жены, как это было обещано.

Король спросил девушку:

— Это правда, что он говорит?

— Ах, да, — ответила она, — это, должно быть, правда. Но я ставлю условие, чтоб свадьба праздновалась только спустя год и один день. — Она надеялась за это время услышать что-нибудь о своем милом охотнике.

А на Драконовой горе всё еще лежали звери со своим мертвым хозяином. Но вот прилетел большой шмель и сел на нос зайцу; заяц смахнул его лапой и продолжал спать. Прилетел шмель во второй раз, но заяц опять смахнул его лапой и продолжал спать. Прилетел шмель в третий раз и укусил его за нос, чтоб заяц проснулся. Только заяц проснулся, разбудил он лису, лиса — волка, волк — медведя, а медведь льва. Проснулся лев, видит — нет девушки, а хозяин лежит мертвый; поднялся лев страшный рев и завопил:

— Кто это сделал? Медведь, почему ты меня не разбудил? Медведь спросил волка:

— Почему ты меня не разбудил?

А волк лису:

— Почему ты меня не разбудила?

А лиса зайца:

— Почему ты меня не разбудил?

И только один бедный заяц не знал, что ему ответить, — так и остался он виноватым.

Решили тогда звери на него накинуться, но он стал просить о пощаде и сказал:

— Не губите меня, я нашего хозяина оживлю. Я знаю одну гору, растет на ней корень: если кому положить его в рот, тот от всяких болезней и ран исцелится. Но до этой горы ходу двести часов.

Сказал лев:

— Ты должен за сутки сбегать туда и назад вернуться и принести этот корень.

Ускакал заяц, и за сутки вернулся назад, и принес корень. Приставил лев голову охотнику, заяц засунул ему в рот корень, и вмиг все снова срослось, забилося сердце, и он ожил опять.

Проснулся охотник, видит — нету девушки, испугался он и подумал: «Она, должно быть, ушла, пока я спал, чтобы от меня избавиться».

Лев второпях приставил голову своему хозяину задом наперед, но за печальными думами о королевне охотник этого не заметил: только к полудню, когда ему захотелось есть, он увидел, что голова поставлена у него задом наперед; он никак не мог разобраться, отчего это так, и спросил у зверей, что с ним приключилось во сне.

Тогда рассказал ему лев, что все они, утомившись, уснули, а когда проснулись, нашли его мертвым, с отрубленной головой; заяц принес корень жизни, а он второпях приставил голову задом наперед; но ошибку свою, конечно, он исправит. Он оторвал охотнику голову, повернул ее, а заяц заживил ее корнем.

Однако охотник запечалился, пошел скитаться по свету и заставил своих зверей плясать перед людьми. И случилось так, что как раз по прошествии года он пришел снова в тот самый город, где освободил королевну от дракона; но теперь весь город был украшен красною тканью. Спросил охотник хозяина харчевни:

— Год тому назад город был весь в трауре, а нынче он весь в красном? Что это значит?

Ответил хозяин харчевни:

— Год тому назад дочь нашего короля должны были выдать на съедение дракону, но маршал вступил с ним в бой и его убил, и вот завтра должны праздновать их свадьбу, — вот почему был город тогда в трауре, а нынче он весь в красном.

На другой день, когда назначен был свадебный пир, говорит охотник хозяину харчевни:

— Ты мне поверишь, хозяин, что нынче я буду есть при тебе хлеб с королевского стола?

— Нет, — ответил хозяин, — бьюсь с тобой об заклад на сто червонцев, что этого не случится.

Охотник принял условие и выставил в свою очередь кошелек с таким же количеством золотых. Затем кликнул он зайца:

— Ступай, мой милый попрыгун, да принеси мне хлеб с королевского стола.

Для зайчика это было совсем нетрудно, а поручить это кому-нибудь другому он не мог, и пришлось ему скакать одному. «Ох, — подумал он, — придется мне самому по улицам прыгать, — пожалуй, кинутся за мной гончие». Как подумал он, так и случилось; кинулись за ним собаки и хотели было вцепиться ему в шкуру. Но заяц прыгнул — разве ты не видал? — и как бросится в караульную будку, и солдат его не заметил. Подбежали собаки, хотели было зайца оттуда вытащить, но солдат шуток не любил, ударил их прикладом, и они с лаем и воем убежали прочь.

Заметил заяц, что хитрость ему удалась, прискакал в замок да прямо к королевне; уселся к ней под стул и стал ей ногу царапать. А королевна говорит: «Пошла прочь!» — она думала, что это собака. Заяц царапнул королеву за ногу еще раз, а она опять говорит: «Пошла прочь!» — она думала, что это собака. Но заяц не смутился и царапнул королеву в третий раз. Глянула она вниз и узнала зайца по своему ожерелью. Взяла она зайчика к себе на колени, отнесла в свою комнату и спрашивает:

— Милый зайчик, чего ты хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь; он послал меня попросить хлеба, который ест сам король.

Обрадовалась королевна, велела позвать хлебодара и приказала ему принести хлеб, который ест король. Тогда зайчик говорит:

— Но пускай хлебодар мне его и донесет, а не то нападут на меня гончие.

И отнес хлебодар этот хлеб до самых дверей харчевни. Стал заяц на задние лапы, взял хлеб в передние и принес его своему хозяину. Тогда охотник и говорит:

— Ну, хозяин, а сто золотых-то теперь мои!

Удивился хозяин, а тот говорит:

— Что ж, хозяин, хлеб-то у меня имеется! Да вот хотелось бы мне теперь и королевского жаркого отведать.

Сказал хозяин:

— Что ж, посмотрим, — но спорить больше не стал.

Кликнул охотник лису и говорит:

— Лисичка, сходи-ка ты да принеси мне жаркое, какое кушает сам король.

Рыжая лиса знала все ходы и выходы лучше других. Прокралась она по углам да закоулкам, и ни одна собака ее не заметила. Села лиса под стулом королевы, стала ей ногу царапать. Глянула королева вниз и узнала лису по ожерелью; взяла ее к себе в комнату и спрашивает:

— Лисонька, милая, чего тебе надобно?

Ответила лиса:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, и послал меня, чтоб я попросила жаркого, что ест сам король.

Велела королева позвать повара, и сказала, чтоб он приготовил жаркое, какое ест король, и донес бы его лисе до самых дверей харчевни.

Взяла лиса блюдо, отогнала сначала хвостом мух, что уселись на жаркое, и принесла его своему господину.

— Ну, хозяин, — сказал охотник, — хлеб и мясо у нас теперь имеются, но хотелось бы отведать и тех овощей, что ест сам король.

Кликнул он волка и говорит:

— Милый волк, ступай да принеси ты мне тех овощей, что ест король.

Пошел волк напрямик в замок, потому что он никого не боялся, зашел в комнату королевы и дернул ее за платье, чтоб она оглянулась. Узнала она его по ожерелью, повела к себе в комнату и спрашивает:

— Милый волк, чего тебе надобно?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, он просил дать тех овощей, которые ест сам король.

Кликнула королева повара и велела ему приготовить тех овощей, которые ест король, и донести их волку до самых дверей харчевни. Взял волк у него блюдо и принес его своему господину.

— Вот видите, хозяин, — говорит охотник, — теперь имеется у меня и хлеб, и жаркое, и овощи; но хотелось бы мне отведать еще и сладкого, которое ест король.

Он кликнул медведя и говорит:

— Милый медведь, ты, небось, любишь сладким полакомиться, так вот ступай да принеси мне сладкое блюдо, какое ест сам король.

Затопал медведь прямо к замку, и каждый ему уступал дорогу. Подошел он к страже, и выставила стража перед ним ружья, не хотела его пропускать в королевский замок. Тут поднялся медведь на задние лапы, надавал им таких затрепич, что вся стража попадала наземь, — и двинулся медведь прямо к королеве, стал сзади нее и зарычал тихонько. Оглянулась

она, узнала медведя и велела ему итти с ней в комнату, и спрашивает:

— Милый медведь, ты чего хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, он прислал меня за сладким, которое ест сам король.

Велела королева позвать кондитера и приготовить сладкое блюдо, какое ест король, и отнести его медведю до самых дверей харчевни. Начал тут медведь лизать сладкие леденцы, что скатились наземь, затем он поднялся на задние лапы, взял в передние блюдо и принес его своему господину.

— Видите, хозяин, — сказал охотник, — вот имеется у меня теперь и хлеб, и жаркое, и овощи, и сладкое; но хотелось бы мне попить и вина, которое пьет сам король.

Позвал он своего льва и сказал:

— Милый лев, ведь ты до хмельного охотник, так вот ступай да принеси мне вина, которое пьет сам король.

Заагагал лев по улицам, и люди от него убегали; а когда подошел он к страже, та хотела ему преградить дорогу, но лев так взревел, что все от него отскочили.

Подошел лев к королевской комнате и постучался хвостом в дверь. Вышла оттуда королева, она было льва испугалась, но, узнав его по золотому замочку от своего ожерелья, велела ему итти за ней в комнату и спросила:

— Милый лев, ты чего хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь; он поручил мне попросить вина, какое пьет сам король.

Позвала королева виночерпия, и он должен был дать льву вина, которое пьет сам король. Сказал лев:

— Я хочу пойти с виночерпием вместе и посмотреть, чтоб он дал мне настоящего.

Спустился лев вместе с виночерпием в винный подвал. Пришли они туда, и хотел виночерпий нацедить ему простого вина, какое пьют слуги, но лев сказал:

— Постой! Сперва я вино попробую, — нацедил себе полкружки и выпил его залпом. — Нет, — сказал он, — это вино не то.

Глянул на него виночерпий искоса, но пошел и хотел нацедить ему вина из другой бочки, что было для королевского маршала. Но лев сказал:

— Постой! Сперва я вино попробую, — нацедил себе полкружки и выпил его. — Это будет получше, но все-таки это не то.

Разозлился тогда виночерпий и сказал:

— Может ли такой глупый зверь в вине разбираться?

Но лев дал ему по уху, — тот так и покатился на землю; и когда поднялся на ноги, он повел льва, ни слова не молвив, в особый небольшой подвал, где стояло королевское вино, которое не давали пить никому из людей. Нацедил лев сперва себе полкружки, отведал вина и говорит:

— Это, пожалуй, настоящее, — и велел виночерпию налить его шесть бутылок.

Затем поднялись они наверх. Вышел лев из подвала шатаясь, был он немного под хмелем; и должен был виночерпий отнести ему вино до самых дверей харчевни; тут взял лев корзину в пасть и принес ее своему господину.

Сказал охотник:

— Видишь, хозяин, теперь есть у меня хлеб, и мясо, и овощи, и сладкое, и вино — все, что ест и пьет сам король; а теперь я со своими зверями пообедаю.

Он уселся, начал есть и пить и дал также поесть и попить зайцу, лисе, волку, медведю и льву; был он весел, — он знал, что королева его по-настоящему любит. Вот пообедал он и говорит:

— Ну, хозяин, я поел и попил по-королевски, а теперь пойду в королевский замок да женюсь на королевно.

А хозяин спрашивает:

— Как же это может случиться, ежели у нее есть жених и нынче будут справлять свадьбу?

Вытащил тогда охотник платок, что дала ему королева на Драконовой горе, а в нем были завязаны семь языков чудовища, и сказал:

— Мне эти знаки доказательства помогут.

Осмотрел хозяин платок и говорит:

— Ежели я всему и поверил, то уж этому ни за что не поверю и ставлю в заклад свою харчевню и двор.

Вынул охотник кошелек с тысячей червонцев, положил его на стол и говорит:

— А я ставлю тыщу червонцев.

Стал король спрашивать у своей дочери во время пира:

— А что хотели все эти дикие звери, которые приходили в мой замок и опять ушли?

— Я этого сказать не смею, — ответила она, — а вы позвите хозяина этих зверей, он вам все расскажет.

Послал король своего слугу в харчевню и велел ему пригласить к себе незнакомца; слуга явился туда как раз в то время, когда охотник бился об заклад с хозяином харчевни. И сказал охотник:

— Вот видите, хозяин, а король-то прислал своего слугу и приглашает меня явиться, но так запросто я не пойду. — И он обратился к королевскому слуге: — Передайте мою просьбу

королю, чтоб прислал он мне королевскую одежду, карету, запряженную шестериком, и слуг, которые бы меня сопровождали.

Услыхал это король и говорит своей дочери:

— Как мне быть?

— Велите его привезти, как он этого требует, — сказала она, — и вы поступите правильно.

Послал тогда король ему королевскую одежду, карету, запряженную шестериком коней, и слуг, которые бы его сопровождали.

Увидел охотник, что за ним приехали, и говорит:

— Вот видите, хозяин, а теперь меня отвезут, как я и потребовал, — и он надел на себя королевскую одежду, взял платок с драконовыми языками и направился к королю.

Увидел король, что тот приехал, и говорит своей дочери:

— Как мне следует его принять?

— Вы должны выйти к нему навстречу, — сказала она, — и вы поступите правильно.

Вот вышел к нему навстречу король, ввел его в замок, и следовали за ним все его звери. Король пригласил его сестру рядом с собой и королевной, — а маршал сидел по другую руку от него, как жених, но охотника он теперь не узнал.

И вот как раз принесли в это время семь голов дракона, чтоб гости на них посмотрели, и сказал король:

— Эти семь голов отрубил у дракона маршал, поэтому я выдаю дочь свою нынче за него замуж.

Тогда поднялся из-за стола охотник, открыл семь драконовых пастей и спросил:

— А где ж семь языков дракона?

Испугался маршал, побледнел и не знал, что и ответить; наконец он проговорил в испуге:

— У драконов языков не бывает!

— Да, их не следует иметь лжецам, но драконовы языки — это знак доказательства победителя!

Охотник развязал свой платок, где лежали все семь языков, и приложил каждый из них к пасти дракона, — и языки как раз прилипли к каждой из них. Затем он достал платок, на котором было вышито имя королевны, показал его невесте и спросил, кому она подарила его. Она ответила:

— Тому, кто убил дракона.

Тогда он кликнул своих зверей, снял у каждого из них ожерелье, а со льва золотой замочек, показал их невесте и спросил, кому они принадлежат.

— Ожерелье с золотым замочком, — ответила она, — было мое, я поделила его между зверями за то, что они помогли одолеть дракона.

И сказал охотник:

— Когда я лежал на поле боя усталый и уснул, то явился маршал и отрубил мне голову. Затем он унес королевну и объявил, что это будто бы он убил дракона; а то, что он солгал, я доказываю драконовыми языками, вот этим платком и ожерельем.

И он рассказал, как спасли его звери при помощи волшебного корня, как целый год он бродил вместе с ними по свету и теперь опять вернулся сюда, где узнал про обман маршала от хозяина харчевни.

Тогда спросил король свою дочь:

— Правда, что этот человек убил дракона?

Она ответила:

— Да, это правда. Теперь я могу открыть злодеяния маршала, так как все выяснилось без моего участия: он взял с меня обещанье молчать. Вот почему я просила праздновать свадьбу не раньше чем через год и один день.

Тогда король велел позвать двенадцать советников, чтоб они вынесли маршалу приговор; и они присудили, что он должен быть разорван четырьмя быками. Маршала казнили, а король отдал дочь свою замуж за охотника и назначил его наследником всего королевства. Свадьбу отпраздновали с великим весельем, и молодой король велел позвать своего родного отца и приемного и одарил их большими сокровищами. Не забыл он и про хозяина харчевни, — он позвал его и сказал:

— Вот видите, хозяин, я на королевне женился, и ваша харчевня и двор, стало быть, теперь мои.

Сказал хозяин:

— Да, они теперь ваши по праву.

Но молодой король сказал:

— По милости моей пускай харчевню и двор хозяин оставит себе, и дарю я ему еще тысячу червонцев впридачу.

И были молодой король и молодая королева веселы и довольны и зажили счастливо вместе. Он часто выезжал на охоту, это было для него большой радостью, и верные звери всегда его сопровождали.

Находился поблизости лес, о нем шла молва, что там нечистая сила водится, и кто в него попадал впервые, тому было трудно выбраться назад. Но молодому королю сильно захотелось в том лесу поохотиться, и он не давал старому королю покоя, пока тот, наконец, это ему позволил.

Вот выехал молодой король с большой свитой и, въезжая в лес, заметил белоснежную самку оленя и сказал своим людям:

— Вы подождите здесь, пока я вернусь назад, я хочу поохотиться за прекрасным зверем, — и он поскакал вслед за ней в самую чащу леса, и следовали за ним только его звери.

Люди прождали его до самого вечера, но он назад не вернулся. Тогда они поехали домой и сказали молодой королеве:

— Король погнался в заколдованном лесу за белой самкой оленя и назад не вернулся.

И королева сильно о нем беспокоилась. А он всё скакал и скакал за прекрасным зверем и никак не мог его нагнать; то казалось ему, что пора уже стрелять, но зверь вмиг убежал далеко-далеко и, наконец, скрылся совсем из виду. Тут он заметил, что заехал в самые дебри лесные, взял свой рог и начал трубить; но ответа не было, люди не могли его услышать. А уже наступила ночь, и он понял, что нынче ему домой не вернуться.

Он слез с коня, развел возле дерева костер и решил там заночевать. Когда он сидел у костра, и его звери лежали с ним рядом, ему показалось, будто послышался человеческий голос: он оглянулся, но ничего не увидел. Вскоре он опять услышал, будто наверху кто-то стонет; он глянул наверх, видит — сидит на дереве какая-то старуха и все причитает:

— Ух, ух, ух, как мне холодно!

Он сказал:

— Слезай да погрейся, если тебе холодно.

Но она ответила:

— Нет, твои звери меня укусят.

Он сказал:

— Бабушка, они не тронут тебя, слезай вниз.

Но это была ведьма, она сказала:

— Я сброшу тебе с дерева прутик; если ты прутиком этим ударишь зверей по спине, тогда они мне ничего не сделают, — и она сбросила ему маленький прутик.

Он ударил тем прутиком зверей, те тотчас тихо улеглись — и вдруг окаменели. Теперь ведьме зверей бояться было нечего, она прыгнула вниз и дотронулась прутиком до короля и обратила его в камень. Потом она засмеялась и потащила его и зверей в яму, где лежало много таких же камней.

Не вернулся молодой король домой, и забота и страх у королевы всё росли и росли. А случилось, что как раз в это время пришел в королевство второй брат — тот, что при расставании ушел странствовать на восток. Он искал работу и не мог ее нигде найти; он стал тогда бродить по разным местам и представлял своих зверей плясать перед людьми.

И вот пришло ему в голову пойти посмотреть на нож, который воткнули они при разлуке в ствол дерева, чтоб узнать, что с его братом. Пришел он туда и видит, что сторона его брата наполовину уже заржавела, а наполовину осталась блестящей. Он испугался и подумал: «С моим братом, видно, случилось большое несчастье, но я, может, его спасу: ведь половина ножа осталась блестящей».

И он двинулся со своими зверями на запад. Когда он подошел к городским воротам, вышла ему навстречу стража и спросила: доложить ли о нем его супруге, — молодая королева уже несколько дней, мол, в большой тревоге по поводу его отсутствия и опасается, что он погиб в заколдованном лесу. Стража приняла его за молодого короля, так как был он на него очень похож, и за ним тоже шли следом дикие звери. Он понял, что речь идет о его брате, и подумал: «Самое лучшее, это выдать себя за него, — тем легче, пожалуй, я смогу его спасти». И он велел страже проводить его в замок, где был принят с великой радостью. Молодая королева подумала, что это ее муж, и спросила, почему он так долго не возвращался. Он ответил:

— Я заблудился в лесу и выбраться раньше оттуда никак не мог.

Вечером его проводили в королевскую опочивальню, но он положил на постели между собой и молодой королевой отточенный меч. Она не знала, что это значит, но спросить его о том не решилась.

Он пробыл там несколько дней и за это время успел разведать все про заколдованный лес, и сказал наконец:

— Я хочу еще раз в нем поохотиться.

Король и молодая королева стали его отговаривать, но он настоял на своем и выехал в лес с большой свитой. Вот попал он в тот лес, и случилось с ним то же, что и с его братом; он увидел белую самку оленя и сказал своим людям:

— Вы здесь оставайтесь и меня подождите, пока я вернусь, я хочу поохотиться за прекрасным зверем.

И он ускакал в лес, а следом за ним мчались его звери. Но он не мог нагнать самку оленя и попал в такие дебри лесные, что пришлось ему там заночевать. Он развел костер и услышал, что кто-то наверху дерева стонет:

— Ух, ух, ух, как мне холодно!

Он глянул наверх, видит — сидит на верхушке старуха: а это была та самая ведьма. Он сказал:

— Если тебе, бабушка, холодно, слезай вниз и погрейся.

Она ответила:

— Нет, твои звери меня укусят.

А он говорит:

— Они не тронут тебя.

Тогда она крикнула:

— Я сброшу тебе прутик, ты ударь их тем прутиком, они тогда не тронут меня.

Услыхал это охотник, но старухе не поверил и говорит:

— Своих зверей я бить не стану, слезай вниз, а не то я тебя стащу.

Она крикнула ему:

— Ишь чего захотел! Все равно ты со мной не справишься!

Но он ответил:

— Сама не сойдешь, так сниму тебя пулей.

А она говорит:

— Стреляй, я твоих пуль не боюсь.

Приложил он к плечу ружье, выстрелил в нее, но ведьма против свинцовых пуль была заколдована и крикнула:

— Тебе в меня не попасть!

Тут охотник сообразил, сорвал со своей куртки три серебряных пуговицы и зарядил ими ружье, так как против них ее колдовство было бессильно. Когда он выстрелил, она враз рухнула с воплем вниз. Он наступил на нее ногой и говорит:

— Старая ведьма, если ты сейчас не признаешься, где мой брат, я схвачу тебя и брошу в костер.

Сильно испугалась ведьма, стала просить о пощаде и говорит:

— Он лежит со своими зверями, обращенный в камень, в яме.

Тогда он заставил ее пойти с ним вместе, пригрозил ей и сказал:

— Теперь-то ты, старая мартышка, вернешь жизнь моему брату и всем, кто лежит с ним вместе, а не то попадешь в костер.

Взяла ведьма прутик, прикоснулась к камням — и вмиг ожили брат со зверями, и много других людей, купцов, ремесленников и пастухов. Они стали благодарить его за свое освобождение и отправились потом по домам. А братья-близнецы, увидев друг друга, стали целоваться, и большая была у них радость на сердце. Схватили они потом ведьму, связали ее и бросили в костер; и только она стореда, очистился лес сам собою, стал светлый и такой прозрачный, что можно было видеть королевский замок за три часа ходу отсюда.

Отправились два брата домой, и по дороге рассказали каждый друг другу про свою судьбу. Когда младший брат рассказал, что он наследник всего королевства, старший говорит ему:

— Это я сразу же понял: когда я пришел в город, меня приняли за тебя и стали воздавать мне королевские почести, молодая королева приняла меня за своего мужа, и пришлось мне сидеть за столом с ней рядом и спать с ней вместе в твоей постели.

Как услышал это младший брат, так возгневался, что выхватил меч и отрубил брату голову. Но когда он увидел, что тот лежит мертвый и течет его красная кровь, он сильно в этом раскаялся.

— Мой брат меня освободил от колдовства, — воскликнул он, — а я его за это убил! — и он горько заплакал.

Но к нему подошел заяц и предложил принести корень жизни; он поскакал и принес его как раз в-время. Мертвый ожил и даже раны своей не заметил.

Потом они двинулись дальше, и сказал младший брат:

— Ты выглядишь так же, как я, на тебе такие же королевские одежды, и за тобой, так же как и за мной, следуют звери. Давай войдем в разные ворота и явимся к старому королю одновременно.

Они расстались, и вот к старому королю пришла в одно и тоже время стража обоих ворот и доложила, что молодой король, мол, вернулся со своими зверями с охоты.

Сказал тогда король:

— Этого быть не может, ведь от одних ворот до других будет ходу не меньше часа.

Но в это самое время с двух разных сторон прибыли на королевский двор два брата и вошли в замок. Спросил тогда король у своей дочери:

— Скажи, который же из двух твой муж? Они оба похожи один на другого, — я этого понять никак не могу.

Но она так испугалась, что не могла объяснить. Вдруг она заметила ожерелье, которое раздала зверям, и увидела на одном из львов свой золотой замочек и на радостях воскликнула:

— Гот, за кем идет этот лев, и есть мой настоящий супруг! Засмеялся молодой король и сказал:

— Да, и вправду я настоящий.

И они уселись все вместе за стол, начали есть и пить и были радостны и веселы.

Вечером, когда молодой король ложился в постель, спросила его жена:

— Ты зачем в прошлые ночи клал всегда в нашу постель отточенный меч? Я думала, что ты хотел меня убить.

И узнал он тогда, насколько был верен ему брат.

Мужичок

Была одна деревня, где жили всё сплошь одни только крестьяне-богатеи; и был один только среди них бедняк, звали они его Мужичком. Не было у него никогда коровы, да и денег на ее покупку тоже не было; а ему и жене его вот как хотелось бы ее иметь! Вот и говорит он ей однажды:

— Послушай, жена, мне пришла в голову добрая мысль: кум-то ведь наш столяр, пусть сделает он нам из дерева телочку да покрасит ее бурою краской, чтоб была она похожа на телят; со временем она подрастет, вот и будет у нас корова.

Жене это тоже понравилось. И мастерил им кум-столяр и выстрогал телочку как следует; краской ее покрасил, как полагається, да устроил еще так, что и голову она наклоняла, буд-то пасется.

Вот на другое утро погнали коров пастись в поле, а Мужичок зазвал к себе пастуха и говорит:

— Видишь, есть теперь у меня телочка, да она еще мала, ее надо нести на руках.

Сказал пастух:

— Что ж, ладно, — взял он ее на руки, вынес на пастбище и поставил на травку.

Телочка все стоит, будто траву щиплет, а пастух и говорит: «Скоро она станет и сама бегать; глянь-ка, она уж и есть умеет».

Вечером собрался он гнать стадо домой и говорит телке:

— Коли можешь стоять и есть уж умеешь как следует, то должна сама и ходить, — не стану я тащить тебя домой на руках.

А Мужичок стоит у ворот, дожидается своей телочки. Вот гонит пастух коров по деревне, а телочки и нету. Спрашивает Мужичок о ней у пастуха. А пастух отвечает:

— Она на лугу все пасется да пасется, никак уходить не хочет.

Тогда Мужичок говорит:

— Как это так, ты должен был скотину ко мне домой пригнать.

И вернулись они вместе с пастухом на луг; но кто-то телочку, видно, украл, они там ее не нашли. Вот пастух и говорит:

— Она куда-нибудь забежала.

А Мужичок ему в ответ:

— Как бы не так! — и повел пастуха к старосте; а тот и присудил, что должен пастух за свое нерадение дать Мужичку вместо пропавшей телочки корову.

Вот и получил Мужичок со своею женою корову, которую им так давно хотелось иметь. Они очень обрадовались, но корму-то у них не было и корову им нечем было кормить, и вот пришлось ее зарезать. Мясо они засолили, и Мужичок пошел в город, собираясь продать там шкуру, а на вырученные деньги купить себе новую телочку. Проходил он мимо мельницы; видит — сидит там ворон со сломанным крылом. Пожалел он его, взял и завернул его в шкуру. Но погода стала плохая, поднялся ветер, и дождь начал лить как из ведра, — дальше идти было трудно.

Он вернулся на мельницу и попросил его приютить. Мельничиха была дома одна и говорит Мужичку:

— Что ж, ложись на солому, — и дала ему кусок хлеба с сыром.

Мужичок поел и лег спать, а шкуру положил около себя. Женьщина подумала: «Он устал и, пожалуй, уже спит». А тут приходит в гости поп. Мельничиха приняла его ласково и говорит:

— Мужа моего сейчас дома нет, давай вместе закусим.

Мужичок стал прислушиваться, и когда речь зашла об угощении, он подосадовал, что пришлось ему довольствоваться одним только хлебом да сыром. А мельничиха принесла еду и наставила всякой всячины — и вареного, и жареного, окрошку, пироги и вино.

Только они сели за стол и начали есть, как кто-то постучался в дверь. Мельничиха говорит:

— Ах, господи, это, пожалуй, мой муж.

Живо сунула она жаркое в печурку, вино—под подушку, окрошку— на постель, пироги— под постель, а попа в шкаф спрятала, что в сенцах стоял. Затем открыла она дверь мужу и говорит:

— Слава богу, что ты воротился! Вот уж погодка, точно конец свету настал!

Увидал мельник Мужичка на соломе и спрашивает:

— А этому чего тут надо?

— Ах, — ответила жена, — да вот бедняга попал в бурю и дождь, ну и попросился переночевать. Дала я ему кусок хлеба с сыром и позволила лечь на соломе.

Муж говорит:

— Пускай его спит, только дай-ка ты мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нет у меня ничего, кроме хлеба да сыра.

— Я и тем буду доволен, — ответил муж, — давай, пожалуйста, хлеба с сыром.

Глянул он на Мужичка и говорит:

— Эй ты, ступай да поешь с нами еще раз!

Мужичок не заставил себя долго просить, поднялся и стал есть. Увидел мельник, что лежит на земле коровья шкура и в нее вброн завернут, вот он и спрашивает:

— Что это у тебя там такое?

А Мужичок и говорит:

— Да там у меня предсказатель ззпрятан.

— Может, он и мне что-нибудь предскажет?—спросил мельник.

— Пожалуй, — ответил ему Мужичок, — но он предсказывает только четырежды, а пятый раз таит про себя.

Мельнику стало любопытно, и он стал просить:

— Так вели ты ему что-нибудь предсказать.

Прижал Мужичок вóрона за голову, тот так и крикнул и закаркал: «кар-кар».

Мельник спросил:

— Ну, что ж он сказал?

Мужичок ответил:

— Во-первых, сказал он, что вино спрятано под подушкой.

— Это было бы неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел вино.

— Ну, говори дальше! — сказал мельник.

Мужичок заставил вóрона снова закаркать и сказать.

— Во-вторых, он говорит, что жаркое стоит в печурке.

— Это было бы кстати! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел жаркое.

Мужичок заставил вóрона еще предсказывать и объявил:

— В-третьих, он говорит, что салат лежит на постели.

— Это тоже было б неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел салат.

Еще раз прижал Мужичок ворона, да так, что тот запищал и закаркал. И объявил Мужичок:

— А в-четвертых, сказал он, что пироги лежат под кроватью.

— Это было б недурно! — воскликнул мельник, полез под кровать и нашел там пироги.

Сели они оба за стол, а мельничиха до смерти перепугалась, легла в постель и все ключи у себя попрятала. Захотелось мельнику узнать и пятое, а Мужичок говорит:

— Давай сначала поедим все четыре, а пятое — оно будет, пожалуй, похуже.

Вот поели они, стали торговаться, сколько должен дать мельник за пятое предсказанье, и сошлись они на трехстах талерах. Вот прижал Мужичок еще раз голову вóрону — тот так и закаркал во всю глотку. Спрашивает мельник:

— Что же он сказал?

А Мужичок отвечает:

— Он сказал, что в шкафу в сенях спрятался чорт.

Мельник говорит:

— Ну, чорта надо будет оттуда выгнать, — открыл дверь, и вот пришлось жене отдать мужу ключ.

И Мужичок отпер шкаф. И выскочил оттуда стремглав этот самый поп. А мельник говорит:

— Видал я своими глазами черного человека — это и был чорт.

Мужичок на другое утро, только стало светать, захватил свои триста талеров и давай бог ноги. Воротился Мужичок домой и привел мало-помалу хозяйство свое в порядок, выстроил себе красивый дом, и крестьяне стали о нем говорить:

— А Мужичок-то, пожалуй, побывал там, где падает дождь золотой и где деньги гребут прямо лопатами.

И потребовали Мужичка к старосте, чтоб сказал он, откуда у него явилось такое богатство. И ответил он:

— Был я в городе и продал коровью шкуру за триста талеров.

Услыхали это крестьяне, захотелось и им тоже получить такие же деньги. Прибежали они домой, всех коров своих позарезали, шкуры содрали, чтобы продать их в городе да барыш взять побольше. А староста и говорит:

— Моя работница пусть в город идет первая.

Пришла та к купцу в город, и дал он ей всего три талера за шкуру; а когда явились и другие, дал он им и того меньше и сказал:

— Да куда мне все эти шкуры девать-то?

Рассердились крестьяне, что Мужичок их так ловко обманул, и порешили ему отомстить: подали жалобу старосте, что ввел он их-де в обман. И ни в чем неповинный Мужичок был единогласно присужден к смерти; и должны были его спустить в продырявленной бочке в реку.

Привели Мужичка и вызвали попа, чтоб прочитал он по нем заупокойную. А всем остальным велено было разойтись. Как увидел Мужичок попа, узнал он в нем того самого, что был в гостях у мельничихи. Вот и говорит он ему:

— Я освободил вас из шкафа, а вы освободите меня из бочки.

А как раз на ту пору пастух гнал овец, а о том пастухе он знал, что давно ему хочется сделаться старостой. И вот закричал он во всю глотку:

— Нет, я не согласен! Даже если бы весь мир того пожелал, то и тогда я бы не согласился.

Услыхал это пастух, подошел и спрашивает:

— Что с тобой? На что ты не согласен?

А Мужичок отвечает:

— Да вот хотят они сделать меня старостой, если сяду я в ту бочку, но я никак не согласен.

Тогда пастух и говорит:

— Если только это и нужно, чтоб стать старостой, я сейчас сяду в бочку.

А Мужичок говорит:

— Если согласен ты сесть, то и старостой будешь.

Пастух согласился, сел в бочку, и Мужичок доньшко в бочке заколотил, а сам подошел к стаду и погнал его вместо пастуха. А поп пошел к своим прихожанам и сказал, что заупокойную он уже прочитал. И пришли крестьяне и скатили бочку в реку. Только начала бочка катиться, а пастух из нее как закричит:

— Да, я охотно старостой буду!

Подумали они, что то кричит Мужичок, и говорят:

— И мы думаем то же; но ты сначала осмотришь-ка, что делается там внизу, — и скатили они бочку в реку.

Стали затем крестьяне по домам расходиться; пришли в деревню, видят — и Мужичок возвращается тоже, гонит стадо овец, как ни в чем не бывало. Удивились крестьяне и спрашивают:

— Мужичок, ты это откуда взялся? Ты из воды, что ли, вылез?

— Ну да, — ответил им Мужичок, — я спустился глубоко-глубоко и попал на самое дно; выбил я из бочки донышко, вылез, а там внизу такие прекрасные луга, и пасется на них много ягнят, — вот и взял я себе целое стадо.

Спрашивают крестьяне:

— А много ли их там еще осталось?

— О, много! — ответил Мужичок. — Куда побольше, чем вам нужно.

Сговорились тогда меж собой крестьяне, что и они тоже непрочь бы овец раздобыть — каждый по целому стаду. А староста и говорит:

— Я пойду первый.

Вот пришли они все вместе к реке, а по синему небу как раз на ту пору ходили облачка, те, которых называют барашками: они отражались в воде. И вот закричали крестьяне:

— Овец-то уж видно на дне!

Пробился староста вперед и говорит:

— Я первый кинусь на дно, ведь надо поглядеть да осмотреться; если все будет как надо, я вас кликну.

И вот бросился он в воду, «бултых» — отдалось по воде. А крестьяне подумали, что кричит он: «идите», — и вот они всей гурьбой кинулись вслед за ним в воду.

И вымерла вся деревня, и остался один Мужичок наследником всего их добра и сделался человеком богатым.

Пчелиная матка

Вышли раз два королевича на поиски приключений, и стали они вести жизнь разгульную да распутную, и даже домой не возвращались.

И отправился младший, которого звали Дурнем, в путь-дорогу, на поиски братьев. И вот он нашел их, и стали они над ним смеяться, что вздумал он своей простотой себе в жизни

дорогу пробить, — ведь они двое куда его поумней, да и то не сумели той дороги найти.

И отправились они все трое дальше, и пришли к муравейнику. Двое старших порешили его раскопать, чтоб поглядеть, как маленькие муравьи будут в страхе бежать и уносить свои личинки, но Дурень сказал:

— Оставьте муравьев в покое, я не позволю, чтобы вы их тревожили.

Пошли они дальше и пришли к озеру, на котором плавало много уток. Двое братьев хотели поймать и зажарить несколько уток, но Дурень им этого не позволил и сказал:

— Оставьте уток в покое, я не позволю, чтоб вы их убивали.

Пришли они, наконец, к дуплу, где было пчелиное гнездо, и было там так много меда, что он даже по стволу стекал. Двое братьев решили развести под деревом костер, чтоб выкурить пчел, а мед забрать себе. Но Дурень снова их удержал и сказал:

— Оставьте пчел в покое, я не позволю, чтоб вы их уничтожали.

Наконец пришли трое братьев к замку, и стояли на конюшне одни только окаменевшие кони, и не было видно кругом ни одной живой души. Прошли они по всем залам и подошли, наконец, к дверям, и висело на них три замка; но в двери была щель, через которую они смогли разглядеть комнату; и увидели они седого человечка, что сидел у стола. Они окликнули его раз, другой, но он не слышал. Наконец окликнули его в третий раз, и он тогда встал, отпер замка и вышел им навстречу. Но он не вымолвил ни слова и повел их к богато убранному столу. Вот поели они и попили, и отвел он каждого из них в особую опочивальню.

На другое утро седой человек явился к старшему из братьев, кивнул ему и повел его к каменному столу, и написаны были на нем три задачи, — если их решить, то замок будет расколдован. А состояла первая задача в том, что надо было разыскать в лесу подо мхом жемчуга королевы, и было их счетом целая тысяча. А если до захода солнца нехватит хотя бы одной жемчужины до тысячи, то тот, кто будет искать их, обратится в камень.

Старший брат отправился в лес и целый день провел в поисках, но день подходил к концу, когда нашел он только сотню жемчужин; и случилось с ним то, что начертано было на столе, — обратился он в камень. На другой день вышел на поиски второй брат. Но и ему не очень-то повезло: нашел он не больше чем две сотни жемчужин, и обратился он в камень.

И настал, наконец, черед итти Дурню; стал он искать во мхах, но найти жемчуга было так трудно, и дело подвигалось медленно. Сел он тогда на камень и заплакал. Вот сидит он на

камне и плачет, и явился к нему царь муравьиный, которому он однажды спас жизнь; а явился тот царь муравьиный с пятью тысячами муравьев, и вскоре они собрали одну за другой все жемчужины и сложили их в кучу.

А вторая задача состояла в том, чтоб достать со дна озера ключ к опочивальне королевны.

Вот пришел к озеру Дурень, и подплыли к нему утки, которых он однажды спас, нырнули в воду и достали со дна ключ.

Третья задача была самая трудная — надо было выбрать из трех спящих королевен самую младшую и самую хорошую. А были они похожи одна на другую и ничем одна от другой не отличались, — разве только тем, что перед сном ели они разные сладости: старшая съела кусок сахара, средняя — немного сиропа, а младшая — целую ложку меда.

И явилась тогда пчелиная матка тех пчел, которых Дурень защитил от огня; прикоснулась она к губам каждой из трех королевен и осталась на губах той, которая мед ела; и вот королевич узнал, что это младшая. И были сняты чары — всё освободилось ото сна, и тот, кто был обращен в камень, снова принял свой человеческий образ.

И женился Дурень на младшей и самой милой, и стал после смерти ее отца королем; а двум остальным братьям достались в жены две другие сестры.

Три перышка

Жил-был однажды король; было у него три сына. Из них двое умных да толковых, а третий и говорил-то мало, был он простоват, и звали его все Дурнем.

Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придется, но никак он не мог решить, кому же из своих сыновей царство свое передать в наследство. Вот и говорит он сыновьям:

— Ступайте странствовать по белу свету, и кто принесет мне самой лучшей работы ковер, тот и будет после смерти моей королем.

А чтоб не было между ними никакого спора, повел он их к замку, взял три перышка, дунул на них, и они взлетели вверх; а он и говорит:

— Куда они полетят, туда и вам итти.

Полетело одно перышко на восток, другое на запад, а третье взлетело, но далеко не улетело и опустилось вскоре на землю. Вот отправился один брат направо, другой пошел налево, — и посмеялись они над Дурнем, что остался он возле третьего перышка, там где оно и упало.

Сел Дурень на землю и запечалился. Вдруг он заметил, что там, где лежит перо, находится ход в подземелье. Поднял он дверь, видит — идет дальше лестница, и спустился он по ней вниз. Подошел к другой двери, постучался, слышит — изнутри кто-то настойчиво кричит:

Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?

Отворилась дверь, видит он — сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг нее много маленьких жаб. Спрашивает у него толстая жаба, чего он хочет. Он ей говорит:

— Хотел бы я получить самый красивый и самой тонкой работы ковер.

Позвала та молодую жабу и говорит:

Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Эй, поди-ка поскорей,
Принеси ларец живей!

Принесла молодая жаба ларец. Открыла его толстая жаба, достала оттуда ковер и дала его Дурню. И был тот ковер такой прекрасный и такой тонкой работы, что подобного во всем свете никто и соткать не смог бы. Поблагодарил он ее и выбрался снова наверх.

А те двое братьев считали своего младшего брата таким глупым, что подумали: ничего он, мол, никогда не найдет и ничего не принесет.

— Чего нам еще стараться искать, — сказали они и взяли у первой попавшейся им пастушки грубый шерстяной платок и принесли его домой королю.

В это самое время воротился назад Дурень и принес свой прекрасный ковер. Как увидел это король, удивился и говорит:

— Уж если по справедливости поступать, то королевство должно принадлежать младшему сыну.

Но двое братьев не давали отцу покоя, стали говорить и доказывать, что невозможно-де Дурню, у которого и разума нехватает, быть королем, и стали просить его о новом уговоре.

Вот отец и говорит:

— Королевство получит тот, кто принесет мне самое красивое кольцо, — и он вывел трех братьев во двор замка, взял три перышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели в разные стороны, куда и должны были отправиться братья.

Два старшие брата отправились снова на восток и на запад, а перышко Дурня упало наземь, как раз у самого входа в под-земелье. Спустился он снова вниз к толстой жабе и сказал ей, что ему надо добыть самое красивое кольцо. Она тотчас велела принести свой большой ларец, достала оттуда кольцо и подала ему, и блестело оно, усыпанное драгоценными камнями, и было такое красивое, что подобного ни один золотых дел мастер на свете не смог бы никогда сделать.

Посмеялись два старших брата над Дурнем, что собрался он найти золотое кольцо, и не старались его вовсе искать, а взяли старый обод с колеса, посбивали с него гвозди и принесли его королю.

Когда Дурень показал свое золотое кольцо, отец и говорит опять:

— Ему принадлежит королевство.

Но двое старших всё докучали королю, пока, наконец, он не согласился на третий уговор и порешил, что тот должен получить королевство, кто приведет домой самую красивую девушку.

Взял он три перышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели так же, как и в прошлый раз.

Спустился Дурень, не долго думая, вниз к толстой жабе и говорит:

— Я должен привести домой самую красивую девушку.

Но жаба ответила:

— Самую красивую? Ой, что ты! Так ей сейчас нету, но ты ее все-таки получишь.

И она дала ему выдолбленную желтую репу, запряженную шестью мышатами. И говорит, соедем запечалась, Дурень:

— А что же мне делать-то с ними?

Ответила жаба:

— А ты посади в нее одну из моих маленьких жаб.

Взял он, какая ему первая под руку попалась, и посадил ее в желтый возок; но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей, репа — каретой, а шестеро мышат — конями. Поцеловал он девицу, погнал коней и привез ее к королю.

Братья его явились позже, — они даже и не старались отыскать красивую девушку, а захватили с собой первых попавшихся им навстречу деревенских баб. Увидел их король и говорит:

— Младшему после смерти моей будет принадлежать королевство.

Но двое старших снова прокричали все уши королю:

— Мы никак не можем допустить, чтобы Дурень стал королем, — и потребовали, чтобы предпочтение оказано было тому, чья жена прыгнет через кольцо, что висит посреди зала. Они думали так: «Деревенские бабы сумеют это сделать, ведь они куда посильней, чем эта нежная девушка, — она прыгнет и наверняка разобьется насмерть».

Старый король и на это согласился. И вот прыгнули две деревенские бабы, проскочили через кольцо, но были они неуклюжи, упали и перешибли свои грубые руки и ноги. А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привез Дурень, и она проскочила легко, точно лань, — и спорить дальше было уже не о чем. Так и получил Дурень королевскую корону, и долгие годы правил он мудро.

Золотой гусь

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший итти в лес—дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором, да угодил себе прямо в руку, — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по де-

реву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, — куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки, — я так голоден и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется. — Потом человечек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

— Ради бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там, то и я могу быть тоже с ними», — и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся подмышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидал он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить, — и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли, — и стало их теперь семеро бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, притти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь, — сказал Дурень. — Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поесть.

Не долго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уж съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошел и начал есть, — и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывешь, — сказал он Дурню, — тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес; сидел там старый седой человечек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человечек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своею женой.

Девушка - Дикарка

Жил когда-то король; была у него жена с золотыми волосами, такая красавица, что подобной не найти было во всем свете.

Случилось однажды ей заболеть, и когда она почувствовала, что скоро умрет, позвала короля и сказала:

— Если ты после моей смерти захочешь снова жениться, то бери себе в жены только такую, которая будет равной мне по красоте и чтоб были у нее такие же золотые волосы, как у меня; это ты должен мне обещать. И вот, после того как король пообещал ей это, она закрыла глаза и умерла.

Долгое время король был безутешен и не думал о том, чтобы жениться во второй раз. Но вот, наконец, говорят ему советники:

— По-иному быть не может, — должен король жениться в другой раз, чтобы у нас была королева.

Разослали тогда во все края посланцев на поиски невесты, которая бы точь-в-точь походила красотой на покойную королеву. Но во всем свете нельзя было сыскать подобной, а если бы такую и нашли, то не могло быть ни одной девушки, у которой были бы такие же золотые волосы.

Но была у короля дочь; была она такая же красивая, как и ее покойная мать, и были у ней такие же золотые волосы. Вот когда она подросла, посмотрел на нее однажды король и увидел, что она точь-в-точь похожа на его покойную жену, и вдруг почувствовал к ней сильную страсть. И сказал он своим советникам:

— Я хочу жениться на своей дочери, она — точное подобие моей покойной жены, а мне никак не найти невесты, на нее похожей.

Услыхали это советники, испугались и говорят:

— Богом запрещено жениться отцу на своей дочери, от такого греха ничего путного не выйдет, а заодно будет ввергнуто в беду и все королевство.

А пуще того испугалась дочь, узнав о таком решении своего отца, но она надеялась отговорить его от этого замысла. И она сказала ему:

— Прежде чем выполнить ваше желанье, я должна получить от вас три платья: одно золотое, как солнце, другое — серебряное, как луна, а третье — сверкающее, как звезды; кроме того, хочу я иметь мантию, сшитую из тысячи разных мехов и шкурок, и чтобы с каждого зверя вашего королевства было на ней по куску кожи. Она думала: «Всего этого добыть невозможно, и я отвлеку этим отца от его дурных мыслей». Но, однако, король замысла своего не оставил; самые искусные девушки королевства должны были выткать три платья: одно — золотое, как солнце, другое — серебряное, как луна, а третье — сверкающее, как звезды; а королевским охотникам велено поймать самых разных зверей в королевстве и вырезать у каждого из них по куску кожи. И вот была сделана мантия из тысячи разных шкурок и мехов. Наконец, когда все было готово, велел король принести ему мантию; он развернул ее перед дочерью и сказал:

— Завтра быть свадьбе.

Поняла тогда королева, что нет никакой надежды от-
вратить любовь отца, и она решила бежать. Ночью, когда
все кругом спало, она встала и взяла из своих драгоцен-
ностей только три вещи: золотое кольцо, золотое веретено и
маленькое золотое мотовило; а три платья, как солнце, луна и
звезды, она спрятала в ореховую скорлупу; накинула на себя
мантию из тысячи разных шкурок и вымазала себе лицо и руки
сажей. Она отдала себя на волю господню и двинулась в путь.
Шла она целую ночь, пока не пришла в дремучий лес. Она
очень устала и забралась в дупло дерева и там уснула.

Взошло солнце, а она все продолжала спать, пока не настал
ясный день. И случилось как раз так, что король, которому
принадлежал этот лес, в это время охотился в нем. Подбежали
королевские собаки к дереву, учуяли королеву, стали бегать
вокруг дерева и лаять. Сказал тогда король егерям:

— Посмотрите-ка, что там за дичь спряталась.

Егеря исполнили его приказ, вернулись назад и говорят:

— Лежит в дупле дерева странный зверь, мы такого еще
ни разу не видывали; покрыт зверь шкурой из тысячи раз-
ных мехов, лежит и спит.

Говорит им король:

— Вы постарайтесь поймать мне этого зверя живым, при-
вяжите его к повозке и возьмите с собой.

Но только егеря дотронулись до девушки, она мигом про-
снулась, испугалась и говорит им:

— Я бедная девушка, отцом-матерью покинутая. Сжалъ-
тесь надо мной, возьмите меня с собой!

И сказали тогда егеря:

— Замарашка, да ты как раз пригодишься на кухне,
ступай с нами, будешь там золу выгребать.

Посадили они ее на повозку и отвезли домой в королев-
ский замок.

Отвели девушке маленький закуток под лестницей, где
и света не было, и сказали:

— Зверушка, вот здесь ты и будешь жить и спать.

Потом они послали ее на кухню, и она стала носить дро-
ва и воду, следить за печкой, птиц ощипывать, чистить разные
овощи, золу выгребать и исполнять всякую черную ра-
боту.

Так жила Дикарка долгое время в горе и беде. Ах, пре-
красная королева, что еще с тобою станется!

Вот случилось, что устроили раз в замке пир, и го-
ворит она тогда повару:

— Можно мне пойти наверх и немного поглядеть? Я буду
стоять у дверей.

Повар ответил:

— Ладно уж, ступай, но только через полчаса ты должна назад вернуться и убрать золу.

Взяла она свою масляную лампочку, пошла к себе в каморку, сняла меховую мантию, смыла с лица и рук сажу, и вернулась к ней опять ее прежняя красота. Потом открыла она орешек и достала оттуда свое платье, что сияло, как солнце. Она оделась и поднялась наверх в замок; все уступали ей дорогу, ее никто не узнал, и все думали, что не иначе, как явилась какая-то королева. Вышел к ней навстречу король, протянул ей руку, стал с нею танцевать, думая в сердце своем: «Такой красивой девушки я ни разу не видывал». Вот кончился танец, она поклонилась, и не успел король оглянуться, как она уже скрылась, и никто не знал куда. Позвали сторожей, что стояли у замка, спросили у них, но никто ее не видел.

А убежала она к себе в каморку, быстро сняла с себя платье, вымазала лицо и руки сажей, надела меховую мантию, и снова стала Дикаркой. Пришла она на кухню, хотела было приняться за работу — убирать золу, а повар и говорит:

— Это ты отложи до завтра, а свари мне сейчас для короля суп, мне тоже хочется заглянуть немного наверх. Но смотри мне, чтоб ни один волос в суп не попал, а то потом я не дам тебе ничего есть.

Повар ушел; и сварила Дикарка для короля суп; наварила она хлебной похлебки, постаралась сделать ее как можно лучше, и когда похлебка сварилась, достала она свое золотое кольцо и бросила его в миску. Вот кончились танцы, и велел король принести ему суп; отведал он супа, и он так пришелся ему по вкусу, что ему показалось, будто лучшего он никогда не едал. Доел он всю миску и — увидел на дне золотое кольцо, и никак не мог понять, как оно туда попало. Велел он тогда позвать к себе повара. Испугался повар, услышав о таком приказе, и говорит Дикарке:

— Ты, должно быть, уронила в суп волос; если это правда, я тебя побью.

Приходит повар к королю, а король его спрашивает, кто это суп варил?

Говорит повар:

— Я его варил.

А король говорит:

— Нет, это неправда, он сварен по-другому и куда лучше, чем прежде.

Отвечает повар:

— Должен признаться, что варил его не я, а варила его Дикарка.

И сказал король:

— Ступай и позови мне ее сюда.

Пришла Дикарка, а король ее спрашивает:

— Ты кто такая?

— Я бедная сирота, нет у меня ни отца, ни матери.

Спрашивает король дальше:

— А ты кем у меня работаешь в замке?

Она отвечает:

— Да я ни к чему не пригодна, разве что только пинки да побои получать.

Спрашивает король дальше:

— А откуда ты взяла кольцо, которое оказалось в супе?

Ответила она:

— Об этом кольце я ничего не знаю.

Так и не смог король ничего узнать, и пришлось ему ее назад отослать.

Спустя некоторое время было устроен опять пир, и Дикарка попросила у повара позволения, как и в прошлый раз, пойти туда поглядеть. Повар ответил:

— Ладно, но смотри, через полчаса назад возвращайся, да свари королю хлебную похлебку, которая ему так по вкусу пришлась.

Побежала она в свою каморку, быстро умылась, достала из ореховой скорлупы платье, что было серебряное, как луна, и надела его на себя. Поднялась она наверх в замок и была похожа на королеву. Вышел к ней навстречу король, был рад ее видеть опять, и как раз в то время начинался танец, — и они танцевали вместе. Но только кончился танец, она исчезла так быстро, что король не успел заметить, куда она скрылась. А убежала она к себе в каморку, стала снова Дикаркой и пошла на кухню варить хлебную похлебку. А повар был наверху; и вот достала она золотое веретенце, бросила его в миску и налила туда похлебку. Подали ее королю, и он ее ел, и похлебка ему понравилась так же, как и в прошлый раз; велел король позвать повара, и пришлось ему и на этот раз признаться, что эту похлебку варила Дикарка. Призвали Дикарку опять к королю, но она ответила, что для одного лишь годна, чтоб получать пинки да побои, и что о золотом веретенце она ничего не знает.

Устроил король в третий раз пир, и случилось все так же, как и прежде. И хотя повар сказал:

— Дикарка, а ты, видно, колдунья, должно быть в суп что-то подкладываешь, отчего становится он таким вкусным и нравится королю больше, чем тот, что варю я.

Но она долго его упрашивала, и наконец он отпустил ее на короткое время побывать на пиру. Надела она платье, что сияло, как звезды, и вошла в нем в зал. И снова король танцевал с пре-

красной девушкой, и ему казалось, что она никогда еще не была такую красивой. В то время как он танцевал, надел он ей незаметно на палец золотое кольцо и велел, чтоб танцы продолжались подольше. Кончился танец, и он хотел удержать ее за руку, но она вырвалась и быстро затерялась среди гостей. Побежала она второпях в свою каморку под лестницей, но так как она пробыла в замке больше, чем полчаса, то она не успела снять с себя прекрасное платье, а набросила только меховую мантию, и не смогла второпях вымазаться вся сажей, и вот один палец остался у нее белым. Прибежала Дикарка на кухню, сварила королю хлебную похлебку и, только повар ушел, положила в нее золотое мотовило. Увидел король золотое мотовило на дне миски и велел позвать Дикарку. И вдруг он увидел, что у нее белый палец, а на пальце кольцо, которое он подарил ей во время танцев. Схватил он тогда ее за руку и крепко зажал, и только она хотела вырваться и убежать, вдруг распахнулась слегка меховая мантия и засверкало на ней звездное платье. Схватил король мантию и сорвал ее с нее. И вот стали видны золотые волосы, и она предстала перед ним во всей своей красоте, — никак нельзя уже было ей скрыться. А когда она смыла с лица сажу и золу, то стала она прекрасной, и подобной красоты еще никто на свете не видывал.

И сказал король:

— Ты моя милая невеста, и мы никогда с тобой не расстанемся.

А потом и свадьбу сыграли, и жили они в счастье и довольстве до самой смерти.

Заячья невеста

Жила-была женщина со своей дочкой, и был у нее прекрасный огород, и росла на том огороде капуста. Но повадился туда ходить зайчик и к зиме поел всю капусту. Вот и говорит мать дочке:

— Ступай на огород и прогони зайчика.

И говорит девушка зайчику:

— Прочь, прочь, зайчик, а то ты этак всю капусту поешь!

А зайчик ей и говорит:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на мой заячий хвостик и поедем вместе со мной в заячью избушку.

А девушка не соглашается. На другой день приходит зайчик опять и ест капусту. Говорит мать дочке:

— Ступай на огород да прогони зайчика.

Говорит девушка зайчику:

— Пш-пш, зайчишка, этак ты всю капусту поешь!

А зайчик говорит:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на заячий хвостик и поедем вместе со мной в заячью избушку.

А девушка не соглашается. Приходит зайчик и на третий день и ест капусту. Вот мать и говорит своей дочке:

— Ступай на огород да прогони зайчика.

Девушка говорит:

— Пш-пш, зайчишка, этак ты всю капусту поешь!

А зайчик ей отвечает:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на заячий хвостик и поедем вместе со мной в мою заячью избушку.

Села девушка на заячий хвостик, — и повез ее зайчик далеко-далеко в свою избушку. Говорит он девушке:

— Ну, а теперь навари зеленой капусты и проса, а я пойду звать гостей к нам на свадьбу.

Вот собрались все гости свадебные. (А кто же были у них поезжане? Я тебе расскажу это, как сказывал мне о том другой человек: были там всякие зайцы; ворон был вместо попа, чтоб обвенчать молодых, лиса — за причетника, а алтарь был под самую радугой.)

Но девушка пригорюнилась, что была она среди них одна-одинешенька.

А тут приходит зайчик и говорит:

— Отворися, отоприся, веселятся гости свадебные!

А невеста молчит и плачет. Зайчик ушел; потом приходит опять и говорит:

— Отворися, отоприся, есть хотят гости свадебные!

А невеста все молчит да плачет. Зайчик уходит и опять приходит и говорит:

— Отворися, отоприся, гости свадебные уж заждались!

А невеста молчит, и зайчик уходит. Сделала она тогда из соломы чучело, нарядила его в свое платье, дала ему в руку поварешку и посадила к котлу с просом, а сама ушла к матери.

Приходит опять зайчик и говорит:

— Отворися, отоприся, — отворяет дверь да как ударит чучело по голове, — у того и чепец с головы свалился. Увидел тогда зайчик, что это не его невеста, и ушел грустный и печальный.

Двенадцать охотников

Жил королевич, и была у него невеста; он сильно ее любил. Раз сидел он у нее счастливый, и вдруг пришло известие, что отец его заболел и лежит при смерти и хочет перед своей кончиной с ним проститься.

Сказал тогда королевич своей возлюбленной:

— Я должен уехать, мне придется тебя покинуть; так вот, даю я тебе на память кольцо. Когда я стану королем, то вернусь назад и увезу тебя вместе с собой.

Сел он на коня и поскакал; и когда он приехал к отцу, тот был уже при смерти. И сказал ему отец:

— Любезный мой сын, я хотел в последний раз повидаться с тобой перед смертью, обещаю тебе, что ты женишься по моей воле, — и назвал он одну королевну, что должна была стать его женой. Сын был так опечален, что, не подумав, сказал:

— Хорошо, дорогой мой батюшка, пусть будет по воле вашей.

Затем король закрыл глаза и умер.

Прошло время поминок, и должен был сын исполнить обещанье, данное им отцу, и он велел отправить к той королевне сватов, и родители согласились выдать ее за него замуж. Но услышала о том его первая невеста и так запечалилась из-за его неверности, что чуть было не умерла с горя. И сказал ей тогда отец:

— Доченька моя дорогая, чего ты так печалишься? Что ты захочешь, то и получишь.

Призадумалась она на минуту и сказала так:

— Дорогой мой батюшка, хочу я, чтобы было у меня одиннадцать девушек, похожих на меня и лицом, и станом, и ростом.

И ответил король:

— Если это сделать возможно, пусть желание твое исполнится.

И приказал он искать по всему королевству девушек, пока не найдется одиннадцать, совершенно похожих на его дочь и лицом, и станом, и ростом.

Вот привели их к королевне, и она велела шить им двенадцать охотничьих костюмов, похожих один на другой, и должны были одиннадцать девушек нарядиться в эти охотничьи костюмы, а королевна надела двенадцатый. Затем она простилась со своим отцом и ускакала вместе с девушками, и прибыла ко двору своего прежнего жениха, которого она так любила.

Она спросила, не нужны ли ему будут охотники и не возьмет ли он всех их вместе к себе на службу. Посмотрел на нее ко-

роль, но не узнал; а так как были они все красивые, то он и согласился и сказал, что примет их на службу охотно; и стали они двенадцатью охотниками у короля.

Но был у короля лев, и был он зверем волшебным, он ведал обо всем сокрытом и тайном. И случилось так, что однажды вечером он сказал королю:

— Ты думаешь, что и вправду у тебя двенадцать охотников?

— Да, — ответил король, — это двенадцать охотников.

А лев говорит:

— Ты ошибаешься, — это двенадцать девушек.

А король ему говорит:

— Это уж никак не похоже на правду; ну, как ты мне это докажешь?

— О, вели только рассыпать в прихожей горох, — ответил лев, — и ты сразу увидишь. У мужчин шаг твердый, уверенный: если они пройдут по горошинам, то ни одна из них не сдвинется; а девушки — те ногами семят да шаркают, ступают осторожно, — вот горошины и раскатываются у них под ногами.

Королю совет этот понравился, и велел он рассыпать в прихожей горох.

Но был у короля слуга, он к охотникам хорошо относился, и только он услышал, что хотят их испытать, пришел к ним, рассказал обо всем и говорит:

— Лев хочет открыть королю, что вы девушки.

Поблагодарила слугу королева и обратилась затем к своим девушкам:

— Ну, теперь набирайтесь сил и ступайте по горошинам твердым, уверенным шагом.

Когда на другое утро король призвал к себе двенадцать охотников и они явились к нему в прихожую, где был рассыпан горох, то прошли они по гороху уверенно и твердо, и походка у них была крепкая и верная, и ни одна горошина не покати-лась, даже с места не сдвинулась.

Вот ушли они, а король и говорит льву:

— Ты мне наврал: они прошли, как мужчины.

Лев ответил:

— Они проведали, что их будут испытывать и понабра-лись сил. Ты вот поставь в прихожей двенадцать прялок; про-дут они, увидят их, обрадуются, а мужчины — те радоваться не станут.

Этот совет королю понравился, и он велел поставить в при-хожей двенадцать прялок.

Но слуга, который желал охотникам добра, пошел и от-крыл им и этот замысел короля. И сказала королева, оставшись наедине со своими одиннадцатью девушками:

— Держитесь как следует и на прялки вовсе не глядите.

И вот, когда на другое утро король призвал своих двенадцать охотников, то прошли они через прихожую, а на прялки и вовсе не глянули. Тогда говорит король снова своему льву:

— Ты мне солгал: это мужчины, на прялки они ведь и не посмотрели.

Лев ответил:

— Они проведали о том, что хотят их испытать, и себя пересилили. — Но король льву больше верить не стал.

И двенадцать охотников всегда сопровождали короля на охоту, и чем дальше, тем больше они ему полюбились. И случилось так, что раз во время охоты пришло известие о том, что невеста короля уже в пути. Услыхала о том настоящая невеста, и стало ей так обидно и больно, что сердце у ней почти перестало биться, и она упала без чувств. Король, решив, что с его милым охотником случилось что-то недоброе, подбежал к нему, желая помочь, и сдернул с руки у него перчатку. И вдруг увидел он кольцо, подаренное им своей первой невесте, заглянул он ей в лицо и узнал ее. И растрогалось его сердце, поцеловал он ее, а когда она открыла глаза, он сказал:

— Ты — моя, а я — твой, и никто на свете не может нас разлучить!

И он послал навстречу другой невесте гонца и велел просить ее вернуться назад в свое королевство, потому что, мол, есть у него уже жена, а кто старый ключ найдет, тому нового не надо. Тут и свадьбу они сыграли. И лев снова попал к королю в милость, — ведь он ему всю правду сказал.

Вор и его учитель

Собрался Ян отдать сына своего ремеслу обучаться; пошел в церковь и стал богу молиться, чтоб узнать, что сыну будет полезней всего. А стоял у алтаря причетник и говорит: «Воровство, воровство!» Воротился Ян к своему сыну и объявил, что тот должен воровству обучаться, что это-де сказал ему сам господь бог. И пошел он со своим сыном искать такого человека, который воровать мастер. Шли они долго и зашли, наконец, в глухой и дремучий лес, видят — стоит там маленькая избушка, и сидит в той избушке старая-престарая женщина. Ян ей и говорит:

— Не знаешь ли ты такого человека, что воровать умеет?
— Этому делу можно и здесь хорошо научиться, — ответила старуха, — сын мой на эти дела большой мастер.

Вот и спрашивает он у сына старухи, хорошо ли тот воровство знает. Говорит воровских дел мастер:

— Твоего сына я обучу как следует; придешь сюда год спустя, и ежели сына своего узнаешь, то и денег за ученье я с тебя не возьму, а не узнаешь, то должен ты будешь заплатить мне двести талеров.

Воротился отец домой, а сын стал колдовству да воровству обучаться. Прошел год, и отправился отец к воровских дел мастеру, да по дороге пригорюнился, не зная, сможет ли сына своего узнать. Идет он, запечалился, вдруг навстречу ему маленький человечек. И спрашивает его тот человечек:

— Послушай, ты чего это пригорюнился? Чего запечалился?

— Ох, — отвечает Ян, — год тому назад отдал я своего сына к воровских дел мастеру в обучение, велел он мне год спустя прийти к нему снова, и если сына своего я не узнаю, то должен буду уплатить ему двести талеров, а если узнаю, то и платить ничего не придется, — вот мне и страшно, что я его не узнаю, а где мне тогда денег-то столько добыть?

И сказал ему человечек:

— Ты должен взять с собой лукошко с хлебом и стать под дымовую трубой; увидишь там на шесте клеточку, и выглянет оттуда птичка, это и будет твой сын.

Пошел Ян туда, поставил лукошко с черным хлебом перед клеткой, — вылетела из нее птичка и смотрит на хлеб.

— Эй, сыночек, ты здесь? — спрашивает отец.

Обрадовался сын, что отца своего увидал. Но воровских дел мастер говорит:

— Это сам чорт тебя надоумил, а то как бы ты своего сына узнал?

— Отец, нам надо отсюда поскорей уходить, — сказал юноша.

И отправился отец со своим сыном домой. Вдруг едет по дороге им навстречу карета, и говорит сын своему отцу:

— Обернусь я большою борзой, и вы сможете на мне заработать немало денег.

Высобиывается из кареты господин:

— А не продадите ли вы мне эту собаку?

— Что ж, продам, — ответил отец.

— А сколько вы денег за нее хотите?

— Тридцать талеров.

— Это слишком много, но пес, видно, очень породистый, я, пожалуй, согласен.

Забрал господин пса в карету, но только немного отъехал, а пес как выскочит из нее через окошко, и вмиг обернулся юншей и снова очутился возле своего отца. И пошли они вместе домой. А была на другой день в соседней деревне ярмарка, вот парень и говорит своему отцу:

— А теперь обернусь я красивым конем, а вы меня продадите. Но прежде чем продать, вы должны снять с меня уздечку, а то не смогу я стать опять человеком.

Вывел отец коня на ярмарку, но пришел туда и воровских дел мастер и купил коня за сто талеров, а отец и позабыл снять с него уздечку. Вот повел вор коня домой и поставил его в конюшню. Вошла туда работница, а конь ей и говорит:

— Снимите с меня уздечку, снимите с меня уздечку!

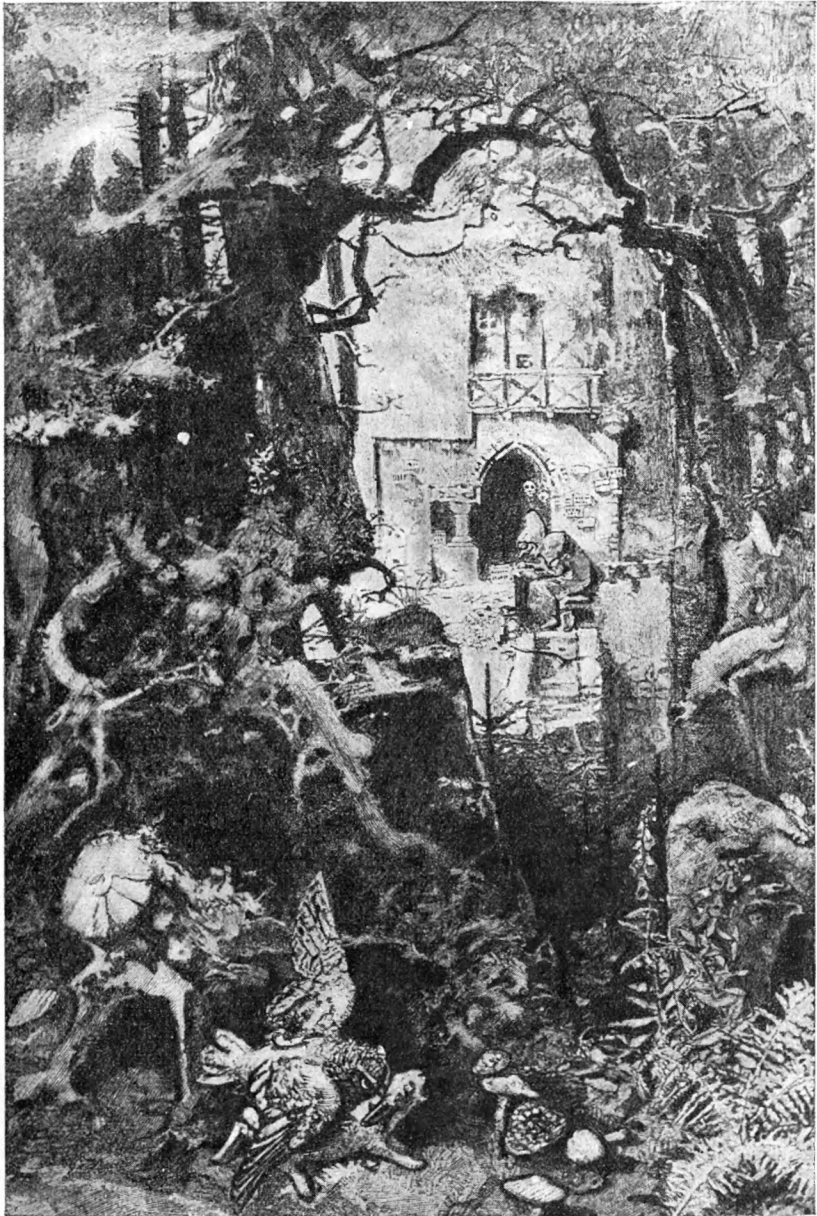
Стоит работница, удивляется:

— Э-э, да ты и говорить умеешь! — Подошла она к коню, сняла с него уздечку, и обернулся конь воробьем, вылетел в дверь; а колдун тоже воробьем обернулся и полетел вслед за ним. Вот слетелись они, стали биться, и колдун проиграл; кинулся он тогда в воду и обернулся рыбой. А парень тоже рыбой обернулся, догнал его, и стали они биться, и колдун опять проиграл. Обернулся тогда колдун петухом, а парень — лисой, да и откусил голову петуху, так вот и погиб воровских дел мастер и лежит там и поныне.

Йоринда и Йорингель

С тоял когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, убивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а если входила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запирала в клетку и уносила в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался за нее такой же прекрасный юноша, звали его Йорингель, и это

были предбрачные дни, — и весело, радостно было им вместе.

И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они раз погулять в лес.

— Только смотри, — говорит ей Йорингель, — к замку близко не подходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горлинка над старыми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близкая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не знают, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не за-

шло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросль лесную, видит — стоят перед ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминуемую все голубку поет,
Так жалобно, всё жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни плакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелить, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глаза, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог Йорингель, и с места не сойти

ему было: пропал соловей. Вернулась, наконец, старуха и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне делать теперь?» — И ушел Йорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую, прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал, и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьего голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, ну, а подступиться к нему и на два шага была не в силах. А он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами; и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся цветком до клеточки и до стару-

хи-колдуньи, — тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

Три счастливица

Созвал однажды отец своих трех сыновей и подарил первому из них петуха, второму — козу, а третьему — кошку.

— Я уже стар стал, — сказал он, — скоро мне помирать придется, вот и хочу я вас чем-нибудь обеспечить перед своей смертью. Денег у меня нету, и то, что я вам даю, стóит будто и мало, но главное в том, чтобы с толком его применить к делу: стóит вам только найти такую страну, где подобных вещей еще не знают, и счастье вам будет обеспечено.

Отец умер, и вот старший ушел из дому со своим петухом, но куда он ни приходил, петух всюду был давно уж известен: в городах он видел его издали на башнях, где он вертелся флюгаркой под ветром на крышах; по деревням их немало горланило по дворам, — и никто, увидев его, не удивлялся, и было непохоже, чтобы благодаря петуху можно было счастье свое устроить. Но вот случилось ему, наконец, попасть на остров, где люди не только про петуха не слыхали, но и времени счет вести не умели. Они, конечно, знали, когда утро, когда вечер, но если они просыпались ночью, то никто не знал, который час.

— Вот поглядите, — сказал он, — что за стройная да красивая птица. На голове у нее рубиново-красный венец, и носит она шпоры, точно какой-нибудь рыцарь; она окликает вас ночью трижды в положенное время, а когда кричит она в последний раз, это значит, что скоро взойдет солнце. А когда запсет она среди бела дня, этим указывает на верную перемену погоды.

Людям это понравилось, они решили целую ночь не спать и с великой радостью слушали, как петух отчетливо и громко пел в два, в четыре и в шесть часов, указывая время. Они спросили, не продаст ли он им петуха и сколько за него потребует денег.

— Столько золота, сколько осел дотащить сможет, — ответил он.

— И деньги-то малые за такую драгоценную птицу, — обрадовались они и охотно заплатили ему то, что он потребовал.

Воротился он со своим богатством домой; братья его удивились, и сказал средний из них:

— Пойти, что ли, и мне? Может, и я сбуду свою косу так же удачно.

Но сначала было оно как-то нѣ то непохоже: повсюду встречал он крестьян, и у них тоже были косы за плечами, как и у него. Но, наконец, и ему посчастливилось попасть на остров, где люди о косе до той поры и понятия не имели. Когда у них созревали хлеба, они подвозили к полям пушки и выстрелами срезали хлеб. Но дело это было ненадежное. Одно ядро стреляло слишком далеко, другое вместо стебля попадало в колосья, и от выстрела они разлетались, и много зерен пропадало понапрасну, а кроме того, было много лишнего шума. И вот пошел средний брат на поле и стал косить, да так бесшумно и быстро, что люди от изумленья так рты и пораскрывали. Они были согласны отдать ему за ту косу все, что он потребует. И вот получил он лошадь, на которую золота навьючили столько, сколько она могла тащить.

Захотелось и третьему брату сбыть свою кошку подходящему человеку. Но и с ним, пока он ходил по нашей земле, вышло сначала то же, что и с братьями; и ничего придумать он не мог, — повсюду кошек было так много, что новорожденных котят большей частью топили. Наконец удалось ему перебраться на один остров, и, по счастью, оказалось, что кошек там ни разу не видавали, а мышей там развелось так много и они так обнаглели, что прямо плясали по столам и скамьям, все равно — дома ли хозяин, или нет. Люди очень жаловались на такое бедствие, даже сам король не знал, как спастись от них в своем замке: во всех углах пищали мыши и грызли все, что только им ни попадалось.

Вот вышла кошка на охоту и вскоре очистила несколько зал от мышей; стали люди просить короля, чтоб купил он этого чудесного зверя на пользу государству. Король охотно уплатил то, что было за нее потребовано, и дал мула, навьюченного золотом; и воротился домой третий брат с самыми большими богатствами.

Власть наелась кошка в королевском замке мышами; передушила она их столько, что и счесть было невозможно. Наконец стало ей от такой работы жарко и захотелось ей пить; остановилась она, головой повертела и закричала: «мяу-мяу». Испугался король, услышав такой странный крик, а за ним и придворные, и в страхе бежали они все вместе из замка. И держал король в нижнем зале совет, как быть, как лучше всего поступить. Было, наконец, решено выслать к кошке герольда и потребовать, чтобы она покинула замок и предупредить ее, что в противном случае к ней будет применена сила.

И сказали советники, что лучше уж от мышей мучиться, — к этому злу они, мол, привычны, — чем отдавать свою жизнь на произвол такому чудовищу.

Один из пажей должен был подняться в замок и спросить у кошки, согласна ли она убраться отсюда подобру-поздорову. Но стала кошку жажда мучить пуще прежнего, и она ответила только: «мяу-мяу». А паж понял: «нет, мол, нет», и передал королю этот ответ.

— Ну, — сказали тогда советники, — в таком случае она должна будет уступить силе. — И были наведены пушки; открыли огонь, и загорелся от выстрелов замок. Когда огонь стал проникать в зал, где сидела кошка, она благополучно выскочила в окно; но осаждающие не прекращали пальбу до тех пор, пока весь замок не был разрушен до основания и не осталось от него и камня на камне.

Шестеро весь свет обойдут

Жил-был на свете человек, и был он на все руки мастер; служил он на войне и был смел и отважен, но как кончилась война, получил он отставку да три гроша харчевых на дорогу. «Постой, — сказал он, — это мне не очень-то нравится. Найдука я нужных людей — вот и отдаст мне, пожалуй, король все сокровища целой страны».

И отправился он разгневанный в лес и увидел там человека; и вырвал тот человек с корнем шесть деревьев, точно были это соломинки какие. И говорит он ему:

— Хочешь стать моим слугой и везде следовать за мной?

— Ладно, — ответил тот, — но вот отнесу я сперва матери вязанку хвороста, — и он взял одно из деревьев, связал им остальные пять, взвалил их на плечи и понес домой.

Затем он вернулся и пошел вместе со своим хозяином, а хозяин ему и говорит:

— Мы с тобою вдвоем весь свет обойдем.

Прошли они немного, и повстречался им на пути охотник; стоял он, опустившись на колено, и, приложив ружье, целился. И говорит ему хозяин:

— Охотник, ты что, стрелять собираешься?

Тот ему ответил:

— В двух милях отсюда сидит на ветке дуба муха, — вот и хочу я прострелить ей левый глаз.

— О, раз так, то ступай вместе со мной, — сказал человек. — Если мы будем втроем, то весь свет обойдем.

Охотник согласился и пошел за ним; и пришли они к семи ветряным мельницам; их крылья быстро вертелись, а ветер не дул ни слева, ни справа, даже листок на дереве, и тот не шевелился. Вот человек и говорит:

— Не понимаю, как движутся эти мельницы, ведь и ветерка-то нету. — И он двинулся дальше со своими слугами; прошли они две мили и увидели человека на дереве; он прижал одну ноздрю, а дул в другую.

— Послушай, что это ты там наверху делаешь? — спросил его человек.

А тот и говорит:

— Да вон в двух милях отсюда стоят семь мельниц, ну вот я и дую на них, а они и вертятся.

— О, раз так, то ступай за мной, — сказал человек. — Если будем мы вчетвером, то весь свет обойдем.

Тот слез с дерева и пошел с ними вместе; а вскоре увидели они еще одного; стоял он на одной ноге, а другую отстегнул и положил около себя.

Вот хозяин и говорит:

— Ты, однако, удобно на отдых расположился.

— Я скороход, — ответил тот, — а чтоб не бежать очень уж быстро, я одну ногу и отстегнул; а то, ежели побегу я на двоих, то будет, пожалуй, побыстрей, чем птица летит.

— О, раз так, то ступай за мной. Если будем мы впятером, то весь свет обойдем!

И пошел скороход вместе с ними; вскоре повстречали они человека, — а у того шапчонка еле на голове держится, на самое ухо надвинута. Вот хозяин ему и говорит:

— Красиво, что и говорить, красиво! Поправь шапку-то, а то совсем дураком выглядишь.

— Этого никак сделать нельзя, — ответил тот. — Если надвину я шапку прямо, то наступит такой сильный мороз, что все птицы поднебесные на легу позамерзнут и упадут замертво наземь.

— О, раз так, то ступай за мной! — сказал хозяин. — Если будем мы вшестером, то весь свет обойдем.

И пришли они все шестеро в город. А король объявил там во всеобщее сведенье, что тот, кто согласится бежать с его дочерью взапуски и в этом деле выйдет победителем, тот и станет ее мужем, но кто окажется побежденным, тому голову с плеч долой. Явился тогда человек и говорит:

— Я выставлю за себя своего слугу, он за меня побежит.

Король ответил:

— Раз так, ты должен отдать мне в залог и его жизнь; и если победит моя дочь, то не сносить вам обоим головы на плечах.

Так они и сговорились и порешили; пристегнул тогда человек скороходу вторую ногу и говорит ему:

— Ну, будь попроворней и помоги одержать нам победу.

А было сговорено, что кто первый принесет воду из дальнего колодца, тот и будет победителем. Вот получили скороход с королевной по кружке и пустились бежать взапуски. Пробежала королевна совсем небольшое расстояние, а скороход уже из виду скрылся, — помчался точно ветер. Вскоре добежал он до колодца, набрал полную кружку воды и повернул назад. На обратном пути напала на него усталость, и поставил он кружку, а сам лег на землю и уснул. Но вместо подушки положил он себе под голову конский череп, чтоб спать было жестко и чтоб поскорей проснуться. А королевна, та тоже бегать умела хорошо, но так, примерно, как всякий человек бегать умеет. И вот прибежала она к колодцу и поспешила с полной кружкой воды назад. Заметив, что скороход лежит и спит, она обрадовалась и говорит:

— Теперь-то соперник в моих руках, — выплеснула она воду из его кружки и помчалась дальше.

Тут бы все и пропало, если бы зоркий охотник, по счастью, не стоял на башне замка и не заметил бы всего, что случилось. И сказал он:

— А все ж королевне победить нас не придется, — и, зарядив свое ружье, он выстрелил так метко, что выбил конский череп из-под головы скорохода, не причинив ему никакого вреда.

Проснувшись скороход, вскочил и увидел, что кружка его пуста и что королевна далеко его обогнала. Но он не растерялся, бросился с кружкой снова к колодцу, зачерпнул воды и прибежал все же на десять минут раньше королевны.

— Вот, — сказал он, — только сейчас я и расправил, как следует ноги, а раньше разве это был бег!

И стало королю обидно, а еще больше того королевне, что какой-то простой отставной солдат может теперь увести ее из дому. Посоветовались они между собой, как избавиться им от него, а заодно и от его товарищей; и сказал король королевне:

— Не бойся, средство такое я нашел; они домой не вернуться.

И обратился он к ним с такими словами:

— Теперь надо будет всем вам вместе повеселиться, поесть да выпить как следует, — и повел он их в комнату, а пол в ней был весь железный, двери были тоже железные, и на окнах были железные прутья. И был в комнате той накрыт стол, и стояли на нем разные вкусные яства; и сказал король:

— Добро пожаловать! Наслаждайтесь в свое удовольствие!

Только они туда вошли, велел король закрыть за ними двери на замки и на засовы. Затем он велел позвать повара и приказал ему развести огонь под комнатой, и чтоб горел он до тех пор, пока железо не раскалится докрасна. Так повар и сделал, — и согрелись шестеро как следует, пока за столом сидели, и подумали они, что это от еды стало им так жарко; но когда жара становилась все больше и больше и им захотелось выйти из комнаты, они увидели, что все двери и окна заперты, — видно, король задумал что-то недоброе и порешил их удушить.

— Но это ему не удастся, — сказал тот, на котором была шапчонка, — я нагону такой холод, что никакой жар перед ним не устоит. — И он надел свою шапчонку прямо, — и настал такой мороз, что всякая жара вмиг исчезла, и кушанья на блюдах начали подмерзать.

Прошло два часа, и король подумал, что они от жары уже погибли, и велел тогда открыть двери, чтоб самому на тех шестерых посмотреть. Открылась дверь, и увидел он, что все живы и здоровы да еще говорят, что им приятно было бы выйти наружу погреться, что мороз-де в комнате такой, что замерзает даже еда на блюдах.

Тогда разгневанный король спустился вниз к повару, стал его ругать на чем свет стоит да спрашивать, почему он не исполнил того, что было ему велено.

Но повар ответил:

— Жару-то ведь было довольно, вот поглядите хоть сами.

Глянул король и увидел, что под железной комнатой пылает сильный огонь; тут-то и понял король, что с этими шестерыми таким способом ничего не поделаешь.

И стал король думать да раздумывать снова, как бы ему от недобрых гостей избавиться. Призвал он главного из них и говорит:

— Хочешь, я дам тебе золота, сколько угодно, а ты откажись от моей дочери.

— О, я согласен, господин король, — ответил тот, — дайте мне золота столько, сколько слуга мой сможет донести, и я требовать вашей дочери не стану. — Королю это понравилось, а тот и говорит:

— Ну что ж, приду я за ним спустя две недели.

Тогда он созвал всех портных со всего королевства, и должны они были сидеть две недели подряд и шить мешок. А когда его сшили, то должен был тот силач, что деревья с корнем выворачивал, взять его на плечи и итти с ним к королю. И спросил король:

— Что это за силач, который может тащить на своих плечах целую грудку полотна? — Испугался и подумал: «Сколько же золота он утащит?»

И он велел принести целую бочку золота, несли его шестнадцать самых сильных людей королевства, — а силач сунул золото одной рукою в мешок и говорит:

— Чего же вы больше-то не принесли, этим ведь и дна мешка не покроешь.

Тогда велел король перетащить сюда мало-помалу всю свою казну. Силач и ее засунул в мешок, но и после того он не наполнился даже наполовину.

— Тащите побольше! — кричал он, — а то этими крохами ничего не заполнишь.

И собрали тогда со всего государства семь тысяч повозок золота; но все это, заодно с запряженными в них быками, засунул силач в свой мешок.

— Чего тут разглядывать, — сказал он, — надо брать все, что под руку попадется, а то этак и мешка не наполнишь.

Сунул все это он в мешок, а в нем еще немало места пусто-го осталось. Вот он и говорит:

— Ну, дело, однакож, надо кончать, ведь мешки завязывают иной раз, когда они бывают и неполные. — И он взвалил мешок себе на спину и ушел вместе со своими товарищами.

Увидал король, что один человек унес на спине все богатство целой страны, разгневался и велел своим всадникам сесть на коней, догнать шестерых и отнять у того силача мешок. И вот два полка их вскоре нагнали, и крикнули всадники:

— Сдавайтесь в плен; бросайте мешок с золотом на землю, а не то мы вас всех перебьем!

— Да что вы говорите? — сказал тот, кто в ноздрю здорово дуть умел. — Это мы-то сдадимся в плен? Скорей вы у нас все в воздухе запляшете, — и он зажал одну ноздрю и дунул в другую, да прямо на оба конных полка, — и рассыпалась конница и разлетелась по воздуху над горами, над долинами во все стороны.

Один из фельдфебелей закричал, прося о пощаде, стал объяснять, что ранен уже девять раз, и солдат-де он исправный, и оскорбленья такого никак не заслужил. Тогда тот стал дуть чуть потише, и фельдфебель благополучно спустился на землю; и сказал он фельдфебелю:

— Ну, а теперь возвращайся домой к королю да скажи ему, пускай вышлет конницы еще больше, я и ту по воздуху всю размечу.

Услыхал о том король и сказал:

— Пусть они поскорей убираются, тут что-то неладное.

И вот принесли шестеро все богатства к себе домой, поделили их поровну и стали жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

Волк и человек

Рассказала раз волку лиса про силу человека, что ни один-де зверь не устоит перед ним и разве одной только хитростью можно уберечь от него свою шкуру. Ну, волк и говорит:

— Встретить бы мне хоть раз человека, уж я на него нападу!

— Я могу тебе в этом помочь, — ответила ему лиса, — приходи завтра раным-рано на заре, и я покажу тебе человека.

Явился волк раным-рано на заре, и вывела его лиса на дорогу, по которой всегда проходил охотник. Но сперва прошел там старый отставной солдат.

— Вот это и есть человек? — спрашивает волк.

— Нет, — отвечает лиса, — этот был когда-то человеком.

Затем прошел по дороге мальчик в школу.

— Вот это и есть человек?

— Нет, — ответила лиса, — этот будет еще человеком.

Вот идет, наконец, охотник, за спиной у него двустволка, а на поясе охотничий нож. Говорит волку лиса:

— Видишь, вон идет человек, ты на него напади, а я поскорей спрячусь в нору. — Тут волк и кинулся на человека.

Увидел его охотник и говорит:

— Жаль, что не зарядил ружье пулей.

Взял он ружье, прицелился и выпустил заряд дробы прямо волку в морду. Волк скривился, но, однакож, не испугался и пошел прямо на человека; охотник выпустил второй заряд. Волк сжал зубы от боли и кинулся на человека; выхватил тогда охотник свой охотничий нож и ударил им волка в бок раз и другой; пустился волк, истекая кровью, бежать и прибежал, воя, к лисе.

— Ну, братец-волк, — сказала лиса, — расскажи, как ты расправился с человеком?

— Ах, — говорит ей волк, — я и не представлял себе, чтобы человек был так силен; снял он сначала палку с плеча и как дунет, и как полетело мне что-то в лицо, да как зашекочет; а потом дунул он еще раз в палку — точно молния с градом пролетела у самого носа; подхожу я к нему поближе, а он как вытаскает из тела блестящее ребро и как ударит меня им, тут я еле и жив остался!

— Вот видишь, — сказала лиса, — какой ты, однако, хвастун! Замахиваешься широко, а ударить-то и не можешь.

Волк и лиса

Жила лиса у волка в услуженьи, и что волк ее заставлял, то лисе и приходилось делать, — оттого, что была она его слабее; и захотелось лисе от хозяина такого избавиться. Случилось раз итти им вместе по лесу, а волк и говорит:

— Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем!

И ответила лиса:

— Я знаю один крестьянский двор, есть там двое молодых ягнят; если хочешь, давай одного утащим.

Это волку понравилось, пошли они туда; и украла лиса ягненка, притащила его волку, а сама убежала. Съел волк ягненка, но этого показалось ему мало, захотелось ему добыть другого, и пошел он, чтоб его утащить. Но волк был такой неловкий, — заметила волка мать ягненокка и принялась так сильно кричать и блеять, что сбежались крестьяне. Нашли они волка и так его избili, что он, прихрамывая и воя, явился к лисе.

— Ты меня, однако, здорово подвела, — сказал он, — хотел я было утащить другого ягненка, но поймали меня крестьяне и сильно мне бока намяли.

А лиса говорит:

— А зачем ты такой ненасытный?

На третий день пошли они снова на поле, и говорит волк опять:

— Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

И ответила лиса:

— Я знаю один крестьянский двор, нынче вечером там хозяйка блины печет, — давай их утащим.

Пошли они туда, а лиса весь дом кругом обшарила, все разглядывала да принюхивалась, пока не узнала, где горшки стоят, стащила потом шесть блинов и принесла их волку.

— На тебе, ешь, — сказала она ему, а сама пошла своей дорогой.

Проглотил волк блины вмиг и говорит:

— Они такие вкусные, что мне еще хочется, — пошел и свалил всю миску на пол, — одни только черепки остались.

Раздался грохот, и явилась хозяйка, заметила волка, стала людей звать на помощь. Сбежались люди, стали бить его кто чем попало, и убежал он, на обе ноги прихрамывая и громко воя, к лисе в лес.

— Что это ты меня так сильно подвела? — воскликнул волк — Поймали меня крестьяне и начесали мне спину!

Отвечает лиса:

— А зачем ты такой ненасытный?

На третий день вышли они вместе на поле. Волк, прихрамывая, еле поспевал за лисой, и говорит ей:

— Лиса рыжая, достань-ка мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

Отвечает лиса:

— Я знаю одного крестьянина, он зарезал корову, и засоленное мясо лежит у него в погребе, в бочонке, — давай его утащим!

Сказал волк:

— Так давай пойдем поскорее вместе, а ты мне поможешь, если я сам выбраться не смогу.

— Что ж, пойдем, пожалуй, — сказала лиса и показала ему все пути и лазейки.

И вот добрались они, наконец, до погреба. А было там мяса вдосталь, и волк тотчас принялся за него и подумал: «Всё съем — времени хватит». Лиса тоже как следует полакомилась, но все кругом поглядывала и частенько подбегала к дыре, через которую они в погреб забрались, да все пробовала, достаточно ли дыра широка, чтоб в нее пролезть. А волк говорит:

— Лиса милая, скажи мне, отчего ты все взад да вперед бегаешь и все куда-то выскакиваешь?

— Да надо ведь поглядеть, не идет ли кто, — отвечала хитрая лиса, — не ешь только слишком много.

Волк говорит:

— Я уйду не раньше, чем весь бочонок съем.

А между тем приходит в погреб крестьянин, услышал он шорох лисьих лап. Как увидела его лиса, одним махом выскочила в дыру; хотел было и волк следом за ней, но он так набил себе брюхо, что пролезть не смог и застрял в дыре. Взял крестьянин дубину и убил его. А лиса в лес убежала и рада была, что от такого обжоры избавилась.

Лиса и кума

Родила волчиха на свет волчонка и позвала в кумыг лису.

— Ведь она нам близкою родней приходится, — сказала волчиха, — и ума у ней много и ловкости немало, и она сможет моего сыночка обучить и помочь ему в жизни.

Приходит лиса, такая почтенная и важная, и говорит:

— Дорогая и уважаемая кума, благодарю вас за честь, оказанную мне, и считаю должным заметить, что и вы получите тоже от этого не меньшее удовольствие.

На крестинах лиса хорошо полакомилась, развеселилась и говорит:

— Дорогая кума, в нашу обязанность входит заботиться о ребеночке. Вам надо всегда иметь хорошую пищу, чтоб ребеночек-то окреп. Я знаю в одном месте овечьи ясли, там мы могли бы легко заполнить лакомый кусок.

Волчихе песенка эта пришлась по вкусу, и она отправилась вместе с лисой к крестьянскому двору. Лиса показала ей издали ясли и говорит:

— Вон там вы можете незаметно пролезть, а я тем временем на другой стороне что-нибудь высмотрю, не удастся ли мне схватить курочку.

Но лиса никуда не пошла, а легла на лесной опушке, растянулась и стала отдыхать. Забралась волчиха в ясли, а лежала там собака, и подняла она шум. Прибежали крестьяне, схватили куму и задали ей порядочную трепку. Наконец ей все-таки удалось удрать; она кое-как выбралась и потащилась домой, вдруг видит — лежит лиса. А та притворилась и стала жаловаться:

— Ах, кумушка, как мне плохо пришлось! Напали на меня крестьяне и всю меня избивали; ежели вы не хотите, чтоб я тут осталась лежать да умирать, то вы должны меня отсюда унести.

Волчиха сама еле могла двигаться, но уж так ей стало лису жалко, что взвалила она ее к себе на плечи и отнесла осторожно свою здоровехонькую куму до самого ее дома.

Тут лиса ей и говорит:

— Ну, а теперь, милая кума, прощайте, счастливо вам оставаться! — посмеялась над ней в досталь и убежала.

Лиса и кот

Случилось раз коту в лесу с госпожой лисой повстречаться. «Она умная и такая опытная, что ее все на свете уважают», — подумал кот и ласково к ней обратился:

— Добрый день, милая госпожа лиса, как вам живется? Как справляетесь вы в наши трудные времена? Ведь дороговизна-то какая!

Посмотрела лиса надменно на кота, смерила его с ног до головы и помедлила, не зная, стбит ли ему и отвечать. Наконец она сказала:

— Ах ты, несчастный Мурлыка, дурень ты этакий, голодный ты мышелов, что это тебе в голову пришло, что ты осмеливаешься еще спрашивать, как мне живется? Чему ты учился? Какие науки прошел?

— Я прошел только одну, — скромно ответил кот.

— А какая же это наука? — спросила лиса.

— Если за мной гонятся собаки, то я умею прыгнуть на дерево и спастись.

— Это и все? — сказала лиса. — А вот я на целую сотню искусств мастерица, да, кроме того, у меня полный мешок хитростей. Мне тебя жаль, пойдём-ка вместе со мной, и я тебя научу, как лучше от собак убежать.

А тут как раз на эту пору проходил охотник с четырьмя собаками. Кот быстро прыгнул на дерево и уселся на самой верхушке, и ветки и листья его укрыли.

— Развяжите ваш мешок, госпожа лиса, развяжите мешок! — крикнул ей кот, но собаки ее уже схватили и крепко держали в зубах.

— Эх, госпожа лиса! — воскликнул кот. — Вот вы со своею сотней искусств и попались! А могли б вы взобраться, как я, на дерево, не пришлось бы вам с жизнью своей проститься.

Гвоздика

Жила-была королева, и судил ей так господь бог, что детей у нее не было. И она ходила каждое утро в сад и молила бога, чтоб послал он ей сына или дочь. И вот однажды она услышала голос:

— Радуйся, будет у тебя сын-счастливец, все его желания будут исполняться, и все, что он ни пожелает, то и сбудется.

Она пришла к королю и рассказала ему эту радостную весть; и, когда подошло время, родила она сына, и король был в великой радости.

Она ходила каждое утро с младенцем в сад, где находилась зверинец, и умывалась у прозрачного родника. Случилось однажды так, что когда ребенок был уже постарше, он лежал у нее на коленях, и она в это время уснула. И явился старый повар; он знал, что это ребенок такой, что если он что задумает,

то и исполнится, — и похитил его. Он взял затем курицу, зарезал ее и окропил кровью передник и платье ребенку. Ребенка он унес и спрятал в потаенном месте, где его должна была выкормить мамка; а сам побежал к королю и обвинил королеву в том, будто она допустила диких зверей похитить своего ребенка. Увидел король кровь на переднике, поверил всему и так разгневался, что велел построить высокую башню, куда не заглядывал бы ни один луч солнца и луны, приказал посадить туда свою жену и там ее замуровать. И пришлось ей томиться там целых семь лет без питья и пищи. Но господь послал двух белых голубей, они должны были дважды в день прилетать и приносить ей еду, пока не пройдет семь лет.

Но повар подумал про себя: «Ведь это такой ребенок, что все его желанья исполняются, и он может накликают на меня несчастье». И он ушел из замка и явился к мальчику; а тот за это время вырос настолько, что начал уже говорить. Вот повар ему и сказал:

— Пожелай себе прекрасный замок с садом и все, что к замку полагается.

И только мальчик вымолвил слово, как в ту же минуту явилось все, что он пожелал.

Спустя некоторое время повар ему говорит:

— Нехорошо тебе жить в одиночестве; пожелай, чтоб была с тобой вместе красивая девушка.

И королевич ее пожелал, и она вмиг перед ним явилась, и была такая прекрасная, что ни один живописец не мог бы написать подобной. Вот стали они вместе играть и полюбили друг друга от всего сердца. А старый повар ходил на охоту, будто какой знатный господин. Но вот пришла ему раз в голову мысль, что королевич может однажды пожелать жить вместе со своим отцом, и тогда это принесло бы ему большое несчастье. Он вышел из дому, взял с собой девушку и сказал:

— Этой ночью, когда мальчик уснет, подойди к его постели, всади ему нож в сердце и принеси мне его сердце и язык; если же ты этого не исполнишь, то сама умрешь.

Повар ушел, а на другой день вернулся и видит, что она этого не сделала; девушка ему говорит:

— Зачем мне проливать невинную кровь, ведь он-то еще никого не обидел.

Говорит повар опять:

— Если ты этого не сделаешь, придется тебе жизнью своей поплатиться.

Только он ушел, велела девушка привести небольшого оленя и заколоть его; она взяла его сердце и язык, положила их на тарелку, а когда повар-старик явился домой, она сказала мальчику:

— Ложись в постель и укройся одеялом.

Вот входит злодей и говорит:

— Где сердце и язык мальчика?

Подала ему девушка тарелку, а королевич сбросил с себя одеяло и сказал:

— Ты, что ж, старый злодей, задумал меня убить? Я вынесу тебе за это приговор. Отныне ты станешь черным пуделем с золотой цепью на шее и будешь пожирать раскаленные угли, и будет у тебя из шеи выбиваться пламя.

Только вымолвил королевич эти слова, как вмиг обратился старик в пуделя, и была у него на шее цепь золотая. И велено было поварам принести горящие угли, — и он сожрал их все, и выбилось пламя у него из шеи. Пробыл королевич там недолгое время и вспомнил о своей матери: жива ли она еще? И сказал девушке:

— Мне хотелось бы вернуться домой на родину; если хочешь, поедем вместе со мной, и я буду тебя кормить.

— Ах, — отвечала она, — дорога туда далека, и что я буду делать на чужбине, где меня никто не знает?

И так как желания ехать у нее не было, а разлучаться они не хотели, то заколдовал он ее в красивую гвоздику и взял ее вместе с собой.

И вот королевич уехал оттуда, а пудель должен был бежать следом за ним. Наконец он вернулся к себе на родину. Подошел королевич к башне, где сидела его мать; а была башня очень высокая, и он пожелал, чтоб явилась лестница, которая доходила бы до самого верха. Он взобрался по той лестнице, заглянул в башню и крикнул:

— Милая матушка, госпожа королева, вы живы еще или умерли с голоду?

Ответила она:

— Я только что поела и вполне сыта, — она подумала, что то были ангелы.

А он говорит:

— Я любимый ваш сын, которого будто бы похитили у вас дикие звери; но я жив и в скором времени вас спасу.

Спустился королевич с башни и пошел к своему отцу; велел доложить, что он, мол, охотник из чужой земли и не может ли он поступить к королю на службу.

Ответил король:

— Да, если он достаточно опытный и может доставлять дичь, пусть явится ко мне.

Но дичи в тех краях никогда не водилось. И пообещал охотник доставлять ему дичи всегда столько, сколько будет необходимо для королевского стола. Потом он велел всем егерям собраться, чтоб отправиться с ним вместе в лес. Вот пошли

егеря вместе с охотником и он велел устроить в лесу облаву, но так, чтоб в одном месте большой круг оставался бы открытым; а сам стал в середину и начал желать. И вмиг явилось больше двухсот с лишним штук дичи, и егерям оставалось только ее стрелять. И они нагрузили дичь на целых шестьдесят крестьянских телег и привезли ее королю; и король мог, наконец, украсить свой стол дичью, которой долгие годы у него вовсе не было.

По этому случаю король очень обрадовался и пригласил на другой день на обед к себе всех придворных и устроил большое пиршество. Когда все гости собрались, сказал король своему охотнику:

— Так как ты очень ловок, то садись рядом со мной.

И ответил ему охотник:

— Ваше величество, господин король, позвольте заметить, что я охотник плохой.

Но король настаивал на своем и сказал:

— Нет, ты должен сидеть рядом со мной, — и пришлось тому подчиниться.

Когда охотник сидел за торжественным столом, он подумал про свою любимую мать; и вот он пожелал, чтобы кто-нибудь из придворных спросил бы о ней, как поживает, мол, госпожа королева в башне, жива ли она, или уже погибла. И стоило ему только это пожелать, как заговорил о ней маршал и сказал:

— Ваше величество, нам-то вот здесь радостно, а как там поживает в башне госпожа королева, в живых ли она еще, или, может, уже умерла?

И ответил король:

— Она позволила диким зверям разорвать моего любимого сына, и о ней слышать я не хочу!

Тогда поднялся охотник и говорит:

— Мой милостивейший батюшка, она еще жива, а я — ваш родной сын, меня не дикие звери разорвали, а похитил меня злодей, повар-старик; он унес меня из замка, когда она уснула, и выкрал меня у нее, когда я лежал у нее на коленях, и он обрызгал ее передник кровью курицы.

Потом он взял черного пуделя с золотой цепью на шее и сказал:

— Вот он, этот злодей, — и велел принести раскаленных углей, и пудель все их сожрал, и выбилось пламя у него из шен.

И спросил королевич у отца, не угодно ли будет ему увидеть злодея в настоящем виде; и он пожелал, чтобы тот обратился снова в повара: глядь — стоит перед ним повар в белом фартуке и с ножом на боку. Увидев его, король, разгне-

вался и велел бросить его в самую глубокую темницу, в подземелье.

А охотник продолжал:

— Батюшка, не угодно ли вам увидеть ту девушку, что нежно меня воспитывала? Ее заставляли меня убить, но она не сделала этого, хотя за отказ свой должна была поплатиться жизнью.

Ответил король:

— Да, я бы с удовольствием посмотрел на нее.

И сказал сын:

— Милостивейший батюшка, я покажу ее вам в образе красивого цветка.

Он сунул руку в карман, достал оттуда гвоздику и положил ее на королевский стол, и была она такая прекрасная, что подобной король еще ни разу не видывал.

И говорит тогда сын:

— А теперь я покажу ее вам в настоящем виде, — и он расколдовал ее, и стала она девушкой, и была такую прекрасной, что ни один живописец не смог бы написать лучшей.

Послал тогда король двух своих камеристок и слуг, чтоб поднялись они в башню, вывели бы оттуда королеву и привели ее к королевскому столу. Вот привели ее в пиршественный зал, но она не стала ничего есть и сказала:

— Милостивый господь, что поддерживал меня в башне, скоро пошлет мне освобождение.

Она прожила еще три дня, а потом тихо и спокойно умерла.

Старый король велел повара четвертовать; но печаль терзала его сердце, и он вскоре умер. А сын женился на прекрасной девушке, которую принес с собой в кармане в образе цветка; а живут ли они сейчас, о том одному богу известно.

Умная Гретель

Жила-была кухарка, звали ее Гретель; носила она башмаки на красных каблуках, и как выйдет, бывало, в них из дому, повернется то в одну, то в другую сторону, обрадуется и подумает: «А я, однако, девушка красивая». Вернется домой, хлебнет на радостях глоток вина, а после того, конечно, и есть захочется, вот и начнет она пробовать самое вкусное, что готовит к обеду; все поперепробует, пока не наестся вдосталь, а потом скажет:

— Ведь кухарка должна знать, вкусная ли пища.

Вот раз хозяин ей и говорит:

— Гретель, нынче ко мне гость придет; зажарь мне две курицы, да смотри, чтоб повкусней вышло.

— Ладно, хозяин, я уж сготовлю, — ответила Гретель.

Зарезала она кур, обварила их кипятком, ощицала, насадила на вертел и понесла их в печь жариться, а дело было уже под вечер. Начали куры поджариваться и были совсем готовы, а гость все не являлся. Вот и говорит Гретель хозяину:

— Если гость не придет, то надо кур из печи вынуть, какая будет досада, если их тотчас не съесть, ведь они-то сейчас в самом соку!

Хозяин говорит:

— Ну, раз так, то я сам побегу за гостем.

Только хозяин ушел, оставила Гретель вертел с курами в сторону, а сама подумала: «Если долго придется стоять у печки, то еще вспотеешь и пить захочется; почем знать, когда они там явятся, — сбегаю-ка я в погреб и перехвачу глоточек». Спустилась она в погреб, подставила кружку и говорит:

— Да поможет тебе господь бог, Гретель, — и хлебнула порядочный глоток. — Вино к вину тянет, — молвила она, — не хорошо отрываться, — и выпила еще порядочный глоток. Пришла она и поставила кур снова на огонь, помазала их маслом и стала весело поворачивать вертел. А жаркое пахло так вкусно, что Гретель подумала: «Мне будто чего-то недостает, надо бы кур отведать!» — потрогала она пальцем, лизнула и говорит:

— Ой, какие вкусные куры! Прямо-таки грешно не есть их теперь же!

Подбежала она к окошку поглядеть, не идет ли хозяин с гостем, видит — нет никого. Подошла она снова к курам и подумала: «Одно крылышко подгорело, будет лучше, если я его съем». Отрезала она его, съела, и как же оно ей по вкусу пришлось! Съела она и подумала: «Надо будет и другое отрезать, а не то хозяин заметит, что чего-то недостает». Съела она оба крылышка, и пошла опять поглядеть, не идет ли хозяин, но видит, что его нету. «Кто знает, — пришло ей в голову, — может, они и вовсе не придут; пожалуй, куда-нибудь зашли». Вот она и говорит:

— Эй, Гретель, будь веселей, одна уже начата, выпей-ка еще добрый глоток вина и съешь всю ее целиком, а как съешь все, то и успокоись: чего божьему дару пропадать!

Сбегала она еще раз в погреб, хлебнула порядочный глоток и на радостях съела курицу. Не стало одной курицы, а хозяин домой все не возвращается. Посмотрела Гретель на другую курицу и говорит:

— Где одно, там и другое, — одно к одному приходится. Что правильно для одного, то и для другого справедливо; я так по-

лагаю: ежели выпить еще разок, то от этого никакого вреда не будет.

Хлебнула она еще порядочный глоток и вслед за первой покончила и со второй курицей.

Наелась она вволю, а тут приходит хозяин и говорит:

— Ну, Гретель, живей, сейчас гость придет.

— Ладно, хозяин, я уж все приготовлю, — ответила Гретель.

Посмотрел хозяин, накрыт ли как следует стол, взял большой нож, чтобы кур разрезать, и начал его тут же точить. Приходит как раз в это время гость, стучится вежливо и тихонько в дверь. Гретель бежит посмотреть, кто там такой; увидела она гостя, приложила палец к губам и говорит ему:

— Тише! Тише! Скорей уберите отсюда; если хозяин вас поймает, то плохо вам придется. Он хотел вас пригласить на ужин, но у него одно на уме: как бы вам уши отрезать. Слышите, вот он и нож для этого точит.

Услыхал гость, что нож натачивают, и давай бежать со всех ног с лестницы. А Гретель, не будь ленива, бросилась к хозяину с криком:

— Хорошего вы гостя пригласили, нечего сказать!

— Гретель, а что такое? Что ты говоришь?

— Да вот, — говорит, — выхватил он из миски обе курицы, которых я только что подавать собралась, и убежал с ними.

— Вот так-так! — сказал хозяин, и жаль ему стало хороших кур. — Хотя бы одну мне оставил на ужин.

И он крикнул вслед гостю, чтобы тот остановился, но гость сделал вид, будто ничего не слышит. Кинулся хозяин вслед за ним, как был, с ножом в руке, и закричал:

— Одну только! Одну только! — желая этим сказать, чтоб гость оставил ему хотя бы одну курицу и не брал бы обеих; а гостю показалось, что тот требует дать ему одно ухо, и как угорелый бросился домой, чтобы как-нибудь да спасти свои уши.

Старый дед и внучек

Жил-был старый-престарый дед: глаза у него ослепли, уши оглохли, и дрожали у него колени. Когда сидел он за столом, то еле держал ложку в руках и проливал суп на скатерть, да еще изо рта суп капал на стол. Надокучило сыну и невестке на это глядеть, и вот посадили они старого деда в угол за печкой и стали

подавать ему еду в глиняной мисочке, да и кормили его подчас впроголодь. И глядел дед с грустью на стол, и на глазах у него показывались слезы.

Вот раз не удержал он в дрожащих руках мисочку, упала она наземь и разбилась. Стала его бранить молодая невестка, но он ничего не сказал, только тяжело вздохнул. Купила ему невестка деревянную мисочку за два гелдера, и пришлось ему теперь есть из нее. Вот сидят они раз, и приносит маленький внучек — было ему четыре года — небольшие дощечки и начинает их складывать.

— Что ты там делаешь? — спрашивает отец.

— Я делаю корытце, — отвечает ребенок, — буду кормить из него отца с матерью, когда я стану большим.

Посмотрели муж и жена друг на друга — и заплакали. Подвели тотчас старого деда к столу и позволили ему с той поры есть всегда вместе с ними и не попрекали его, если он немного проливал на стол.

Ундина

Играли раз братец с сестрицей у колодца и, играючи, упали оба в колодец. А жила там внизу ундина, вот она и говорит:

— Уж теперь-то вы мои! Теперь вы должны на меня прилежно работать, — и увела их с собой.

Дала она девочке прясть запутанный жесткий лен, и к тому же ей пришлось наливать воду в бездонную бочку; а мальчика заставила рубить дерево тупым топором; и получали они вместо еды одни только твердые, как камень, клецки. Стало, наконец, детям совсем невестомогу, и они выждали, когда однажды в воскресный день ундина была в церкви, и убежали. А так как церковь находилась по пути, то ундина заметила, что птички-то улетели, и пустилась за ними большими прыжками в погоню. Но дети увидели ее издали, и бросила девочка позади себя щетку, — и выросла вдруг большая гора щеток с тысячами тысяч колючек, и пришлось ундине пробираться через нее с большим трудом; но, наконец, она все-таки сквозь нее пролезла. Как увидели это дети, бросил мальчик тогда позади себя гребенку, — и поднялась большая гора из гребенок с тысячами тысяч зубцов; но ундина знала, как за них уцепиться, и, наконец, все-таки по ним прошла.

Бросила тогда девочка вслед за собой зеркало, — и выросла зеркальная гора, и была она такая скользкая, что никак

не могла злая ундина через нее перелезть. И подумала ундина: «Лучше пойду я скорее домой, возьму свой топор да разрублю зеркальную гору надвое». Но пока она вернулась назад и разрубила зеркало, дети уже давно убежали далеко-далеко, — и пришлось ундине опять опуститься в свой колодец.

Про смерть курочки

Пошла раз курочка с петушком на гору, где росли орехи, и условились они между собой, что кто первый найдет орешек, тот и поделится своей находкой.

Нашла курочка большой-большой орех, но о том петушку ничего не сказала и решила этот орешек съесть сама. А орешек-то был такой большой, что она никак не могла его проглотить, и он застрял у ней в горле; испугалась она, что орешком подавится, и закричала:

— Петушок, пожалуйста, побегу ты скорей, принеси мне водицы напиться, а то я задохнусь.

Петушок кинулся со всех ног к роднику и говорит:

— Родник, дай мне водицы! Лежит курочка на горе, где растут орехи, — проглотила она большой орешек и вот-вот задохнется.

А родник отвечает:

— Побегу ты сначала к невесте, пускай даст мне алого шелку.

Побежал петушок к невесте:

— Невеста, дай мне алого шелку, дам я его роднику, он даст мне за это водицы, а водицу я отнесу курочке, лежит она на горе, где растут орехи, — проглотила она большой орешек и может задохнуться.

Говорит невеста:

— Побегу сначала да принеси мне мой веночек, я позабыла его на иве.

Побежал петушок к иве, снял с ветки веночек, принес его невесте, и дала ему невеста за это алого шелку, и принес он его роднику, и дал родник за это водицы. И принес петушок курочке водицы напиться.

Пришел он, а курочка тем временем уже задохнулась, лежит мертвая и не двигается. И стало петушку так грустно, так грустно, и закричал он во все горло; сошлись все звери, стали оплакивать курочку. И построили шесть мышей маленький

возок, чтоб отвезти и похоронить в могиле курочку. Когда возок был готов, они впряглись в него, петушок стал править. Но повстречалась им по дороге лиса:

- Куда это ты, петушок, едешь?
- Везу хоронить свою курочку.
- А можно мне с тобою поехать?

Ладно, садись только сзади возка,
Лошадки мои норовисты слегка.

Вот села лиса сзади, а за нею волк и медведь, олень и лев, и все прочие звери лесные. Так и ехали они, пока не приехали к ручью.

— А как же нам теперь через него перебраться? — говорит петушок.

А у ручья лежала соломинка, говорит она:

— Перекинусь я над ручьем, а вы по мне и переедете.

Но только ступило шестеро мышек на мост, соскользнула соломинка и упала в воду, и все шестеро мышек упали вслед за ней и утонули. И приключилась снова беда, но явился уголь и говорит:

— И достаточно велик: протянусь я с берега на берег, а вы по мне и переедете.

Лег уголь над водой, но, на беду, прикоснулся он к ней, зашипел, потух, и настал ему конец. Увидал это камень, сжалился он над ними, захотелось ему помочь петушку, и он лег над водой. Стал тогда тащить возок сам петушок. Вот было переправился он на другой берег, и были они уже с курочкой на суше, захотелось ему перетащить и тех, что сзади сидели, — а было их очень уж много, — и покатился возок назад, и попадали они все вместе в воду и утонули. Остался петушок один с мертвой курочкой. Вырыл он ей могилу, положил ее туда и насыпал над нею могильный холм, присел на него и стал горевать, и так долго он горевал, пока сам не помер. Так оба они и умерли.

Брат-Весельчак

Была когда-то большая война, и когда она окончилась, много солдат вышло в отставку. Получил и Брат-Весельчак отставку и впридачу всего лишь солдатский хлебец и четыре крейцера деньгами; с тем и пустился он в путь-дорогу. А сидел у дороги святой Петр в образе нищего. Когда Брат-Весельчак проходил мимо, стал нищий милостыню у него просить. А тот отвечает:

— Милый мой нищий, что же мне тебе подать? Был я в солдатах и вот получил отставку, и есть у меня всего-навсего один лишь хлебец солдатский да четыре крейцера денег; как истрачу их, придется мне тоже, как и тебе, милостыню просить. Но все ж таки я тебе что-нибудь подам.

Разделил он хлебец на четыре части, дал апостолу часть да еще крейцер деньгами. Поблагодарил его святой Петр и пошел себе дальше, уселся опять в образе другого нищего у дороги, где проходил солдат. Подошел солдат, а тот попросил опять, как и в прошлый раз, подать ему милостыню. Ответил Брат-Весельчак то же самое, что и тогда, и дал ему снова четверть хлебца да крейцер деньгами. Поблагодарил святой Петр, пошел себе дальше и сел в третий раз у дороги, в образе другого нищего, и попросил у Брата-Весельчака милостыню. Подал ему Брат-Весельчак и в третий раз четверть хлебца да третий свой крейцер. Поблагодарил его святой Петр, и Брат-Весельчак пошел дальше, и осталось у него всего лишь хлеба краюшка да один крейцер деньгами. Вот и зашел он с этим в харчевню; хлебец поел, а на крейцер велел подать себе пива. Закусил он и двинулся дальше, а ему навстречу опять святой Петр в образе отставного солдата и говорит ему:

— Здравствуй, товарищ! Не дашь ли мне хлеба кусок да крейцер, чтоб выпить маленько?

— Где ж мне взять их? — ответил Брат-Весельчак. — Получил я отставку да хлебец солдатский и четыре крейцера деньгами. Повстречал по дороге трех нищих, дал каждому из них по четверти хлебца да деньгами по крейцеру. Последнюю краюшку я в харчевне съел, а на последний крейцер немного выпил. Теперь у меня в кармане пусто, и если у тебя тоже нет ничего, то, пожалуй, пойдем вместе с тобой милостыню просить.

— Нет, — ответил святой Петр, — вот этого как раз и не требуется: я малость знаком с лекарским ремеслом и заработать себе смогу, сколько мне будет надо.

— Да, — сказал Брат-Весельчак, — но в этом деле я ничего не смыслю, и выходит, что придется мне милостыню итти просить одному.

— Ну, а ты ступай со мной вместе, — сказал святой Петр, — если я что заработаю, дам тебе половину.

— Это дело для меня подходящее, — сказал Брат-Весельчак.

И вот пошли они вместе. Подошли они к одному крестьянскому дому и слышат там плач и крик; вошли они в дом, а лежит там человек тяжело больной и уже при смерти; его жена причитает и плачет навзрыд.

— Брось плакать да причитать, — сказал святой Петр, — я готов твоего мужа вылечить. — Достал он из кармана мазь и вмиг исцелил больного; тот мог встать и стал совершенно здоров. Вот муж с женой и говорят на радостях:

— Как же нам вас отблагодарить? Что дать вам за это?

Но святой Петр принять ничего не пожелал; и чем больше его упрашивали, тем он больше отказывался. Тут Брат-Весельчак толкнул святого Петра и говорит:

— Да возьми ты что-нибудь, ведь нам пригодится.

Принесла, наконец, крестьянка ягненка и говорит святому Петру, чтобы он его взял, а тот братъ не хочет. Тут Брат-Весельчак отвел его в сторону и говорит:

— Да бери ты, глупый чорт, нам-то ведь пригодится.

И сказал, наконец, святой Петр:

— Ну, ягненка я возьму, но нести его не буду; если хочешь, то носи его сам.

— Да дело это нетрудное, — сказал Брат-Весельчак, — уж я его понесу, — и он взвалил ягненка себе на плечи. Пошли они дальше и пришли в лес. Стало Брату-Весельчаку трудно нести ягненка; был он голоден и говорит святому Петру:

— Погляди, вот и местечко красивое, здесь мы могли бы ягненка сварить и съесть.

— Что ж, я согласен, — отвечал святой Петр, — но стряпать я не умею. Если хочешь варить, то вот тебе и котел, а я, пока мясо сварится, пойду погуляю. Но ты не смей начинать есть, пока я не вернусь, а приду я во-время.

— Ну, ступай себе, — сказал Брат-Весельчак, — я уж управлюсь, сварить его сумею.

И святой Петр ушел, а Брат-Весельчак зарезал ягненка, развел костер, бросил мясо в котел и начал варить. Был ягненок уже готов, а апостола все нету. Вытащил тогда Брат-Весельчак ягненка из котла, разрезал его и нашел сердце.

— Это, пожалуй, самое вкусное, — сказал он, попробовал его и, наконец, съел его все. Воротился святой Петр и говорит:

— Можешь съесть всего ягненка, а я съем одно только сердце, дай мне его.

Взял Брат-Весельчак нож и вилку и сделал вид, будто усердно ищет его в мясе, но никак не может найти. Наконец, не долго думая, говорит:

— Тут его нету.

— Ну, а куда ж оно могло деться? — спрашивает апостол.

— Это уж я не знаю, — ответил Брат-Весельчак. — Но ты только подумай, какие мы с тобой оба дураки: ищем у ягненка сердце, а никому из нас и в голову не придет, что у ягненка-то ведь сердца не бывает!

— Э, — сказал святой Петр, — да это ты что-то выдумываешь! Ведь у каждого животного имеется сердце, почему ж не быть ему и у ягненка?

— Нет, братец, так оно и есть, нет у ягненка сердца. Ты только как следует поразмысли и сообрази, что и вправду нет у него сердца.

— Ну, ладно, — сказал святой Петр, — раз нет сердца, так мне тогда ничего и не надо, можешь всего ягненка сам съесть.

— Ну, чего сейчас не доем, то возьму с собой в ранец, — сказал Брат-Весельчак. Съел половину ягненка, а остальное себе в ранец засунул.

Пошли они дальше, и сделал святой Петр так, что через дорогу, по которой им надо было проходить, вдруг стала протекать большая река. Святой Петр и говорит:

— Ступай ты вперед.

— Нет, — говорит Брат-Весельчак, — иди ты вперед, — а сам подумал: «Если он не перейдет реку, я тут останусь».

Вошел святой Петр в воду, и была она ему всего лишь по колено. Собрался и Брат-Весельчак переходить вброд, и вдруг река стала глубже, и вода оказалась ему по самую шею. Тут он как закричит:

— Братец, помоги мне!

А святой Петр и говорит:

— А ты готов сознаться, что ты съел сердце ягненка?

— Нет, — ответил он, — я его не ел.

И стала тогда вода прибывать и дошла ему до самого рта.

— Помоги мне, братец! — завопил солдат.

А святой Петр и говорит ему опять:

— А ты готов сознаться, что ты съел сердце ягненка?

— Нет, — ответил он, — я его не ел.

Но святому Петру все-таки не хотелось, чтоб солдат утонул, и повелел он воде схлынуть и помог ему перейти.

Пошли они дальше и пришли в одно королевство; услышали они там, что королева лежит больная, при смерти.

— Хо-хо, братец, — говорит солдат святому Петру, — вот уж будет нам добыча и на веки вечные хватит.

И казалось ему, что святой Петр идет недостаточно быстро.

— Ты, братец любезный, шагай повеселей, ноги подымай повыше, — говорит он ему, — чтобы явиться нам как раз вовремя.

А святой Петр шел все медленней, как его Брат-Весельчак ни гнал, ни подталкивал; и услышали они, наконец, что королева уже умерла.

— Вот тебе и на, — говорит Брат-Весельчак, — а все это из-за того, что ты шел будто спросонок.

— Да ты успокойся, — ответил святой Петр, — я в силах не только больных врачевать, но могу и мертвых воскрешать.

— Ну, ежели так, — сказал Брат-Весельчак, — это мне нравится, тут по крайней мере заработаем мы с тобой целых пол-королевства.

Пришли они в королевский замок, и были там все в великой печали; но святой Петр объявил королю, что он готов его дочь воскресить. Привели его к ней, а он и говорит:

— Принесите мне котел с водой.

Принесли ему котел с водой, и велел он, чтоб все вышли, и позволил остаться с ним одному лишь Брату-Весельчаку.

Потом разрезал он покойницу на куски, бросил их в воду, развел огонь под котлом и начал варить. Отвалилось от костей мясо, вынул он белые кости, положил их на стол в надлежащем порядке. Только он это сделал, вышел и трижды промолвил: «Во имя пресвятой троицы, мертвая, встань». Только он это сказал в третий раз, поднялась королева — живая, здоровая и красивая. И был король по этому случаю в великой радости и сказал святому Петру:

— Требуя от меня награду, и если то будет даже половина моего королевства, я ее тебе отдам.

Но ответил святой Петр:

— Я за это ничего не хочу.

«Ох, ты дурень какой!» — подумал Брат-Весельчак, отвел своего товарища в сторону и говорит:

— Не будь ты, однако, таким дураком; если ты ничего не хочешь, то ведь мне что-нибудь да надо.

Но святой Петр не пожелал себе ничего; а король заметил, что другому из них хочется что-нибудь получить, и он велел своему казначею насыпать ему полный ранец золота.

Пошли они дальше. Пришли в лес, вот святой Петр и говорит Брату-Весельчаку:

— Давай теперь золото делить.

— Ладно, — ответил солдат, — давай делиться.

И поделил святой Петр золото, но разделил его на три части.

Подумал Брат-Весельчак: «Что это у него заскок в голове случился? Делит все на три части, а нас-то ведь двое».

Но святой Петр сказал:

— Вот я разделил правильно: одна часть мне, другая тебе, а третья часть тому, кто съел сердце ягненка.

— О, да ведь это же я его съел! — ответил Брат-Весельчак и быстро сгрел золото себе в карман, — уж в этом ты мне поверь.

— Как же так, — сказал святой Петр, — ведь у ягненка сердца нету?

— Э, да ты что, братец, как это ты соображаешь! Ведь у ягненка, как и у всякого другого животного, сердце имеется; отчего бы ему одному не иметь его?

— Ну, ладно уж, — сказал святой Петр, — получай золото ты один, но больше оставаться с тобой я не хочу, пойду теперь я один.

— Как хочешь, любезный братец, — ответил солдат, — счастливей тебе дороги.

И пошел святой Петр другим путем, а Брат-Весельчак подумал: «Да оно и к лучшему, что он от меня убрался, удивительный, надо сказать, святой».

И хотя у солдата денег было достаточно, но обращаться он с ними не умел, поразратил, пораздарил их, и спустя некоторое время у него опять ничего не оказалось. А пришел он в то время в одну страну и услышал, что там умерла королева. «Хе-хе, — подумал он, — будет мне удача, я ее воскрешу и уж велю уплатить себе как следует». Явился он к королю и предложил ему воскресить умершую. А король слышал, что ходит какой-то отставной солдат и воскрешает мертвых, и подумал, что Брат-Весельчак и есть тот самый человек; но так как он ему не доверял, то спросил сперва у своих советников, и те сказали, что он может рискнуть, — все равно, мол, дочь его мертвая.

Вот велел Брат-Весельчак налить в котел воды и всем из комнаты выйти. Разрубил он умершую королеву на части, бросил их в воду, развел огонь так же, как, видел он, делал это святой Петр. Начала вода кипеть и отвалилось мясо, вынул он из котла кости и разложил их на столе; но он не знал, в каком порядке их класть, и все их перепутал. Стал он перед костями и говорит: «Во имя пресвятой троицы, мертвая, встань!» Проговорил он это трижды, но кости никак не пошевелились. Произнес он тогда эти слова еще трижды, но все было понапрасну.

— Ну, чортова девка, вставай, — крикнул он, — а не то тебе плохо придется!

Только он это вымолвил, как вдруг влезает в окошко святой Петр в прежнем образе отставного солдата и говорит:

— Эй, нечестивец, ты что это тут затеял? Как может мертвая встать, если ты все кости у ней перепутал?

— Любезный братец, да я ведь старался, как мог, — ответил он.

— Ну, на этот раз я тебя из беды выручу; но должен тебе сказать, что если ты еще затеешь что-нибудь подобное, попадешь в большую беду. А кроме того, не смей ты просить или брать что-нибудь у короля.

Сложил святой Петр кости в должном порядке и трижды промолвил: «Во имя пресвятой троицы, мертвая, встань», — и королева встала, и была здорова и так же прекрасна, как прежде. Вышел потом святой Петр снова через окошко. Обрадовался Брат-Весельчак, что все так хорошо обошлось, но досадно ему стало, что не должен он ничего брать. «Хотелось бы мне знать, — подумал он, — что это у него за такие причуды, — одной рукою дает, а другой отбирает; нету в этом никакого смысла». Предложил король Брату-Весельчаку просить у него, что он пожелает. Солдат не мог ничего принять, но все-таки хитростью и намеками он устроил так, что король велел отсыпать ему полный ранец золота, с тем и отправился он дальше. Выходит солдат, а у ворот стоит святой Петр и говорит:

— Ишь, что ты за человек, ведь я же тебе запретил что-либо брать, а ты вот полный ранец золота набрал!

— А я-то причем, — ответил Брат-Весельчак, — если мне его сунули.

— А я тебе говорю, чтобы ты в другой раз подобных вещей не делал, а не то плохо тебе придется.

— Э, брат, да ты уж об этом не беспокойся: теперь есть у меня золото, чего мне сейчас перемышаньем костей заниматься!

— Да, — сказал святой Петр, — но долго ли золото продержится! А чтоб ты не вступал опять на неуказанный путь, дам я твоему ранцу силу, чтобы все, чего ты ни пожелаешь, в нем и оставалось. Прощай, теперь меня больше не увидишь.

— С богом! — сказал Брат-Весельчак, а сам подумал: «Я рад, что такой чудаковатый малый уходит, уж вслед за ним я не поплетусь». А про волшебную силу ранца он и думать перестал.

Побывал Брат-Весельчак со своим золотом повсюду; все его проиграл, просадил, поистратил, как и в первый раз. И осталось у него под конец денег всего лишь четыре крейцера. Проходил он как-то мимо харчевни и подумал: «Ну, конец моим денежкам» — и велел подать себе на три крейцера пива и хлеба на крейцер. Вот сидит он себе и пьет, а сам чует запах жареных гусей. Посмотрел-поглядел Брат-Весельчак кругом и видит, что хозяин двух гусей в духовке оставил. Вспомнил он тут, что говорил ему однажды его товарищ: если пожелает он что в ранце иметь, то у него и будет.

«Э, надо бы это на гусях испробовать!» Он вышел и говорит за дверьми:

— Хочу, чтоб два жареных гуся из духовки в ранец ко мне попали.

Только он это вымолвил, открывает ранец, смотрит — лежат в нем два гуся.

— Ох, это хорошо! — сказал он. — Ну, теперь я буду парень не промах, — он пошел на лужок и достал из ранца свое жаркое. Только начал он его уплетать, а в это время проходило двое мастеровых, и они поглядели на нетронутого целого гуся голодными глазами. Подумал Брат-Весельчак: «С меня и одного хватит», — подозвал он парней к себе и говорит:

— Ну нате, берите гуся и ешьте за мое здоровье.

Поблагодарили они и пошли с гусем в харчевню; велели подать себе полбутылки вина и хлеба, вытащили дареного гуся и принялись за еду. Смотрит хозяйка и говорит своему мужу:

— Там вон двое гуся едят; погляди-ка, не тот ли это самый, что был у нас в духовке.

Побежал хозяин, видит — а в духовке-то пусто.

— Ишь, какой воровской народ, на даровщинку есть гусей собираются! Сейчас же платите, а не то я вам прутьями бока начешу.

А те двое и говорят:

— Мы вовсе не воры, гуся подарил нам на том вон лугу один отставной солдат.

— Да вы мне головы не морочьте! Солдат здесь и правда был, но ушел он, как человек честный, за ним я следил. Вы — воры и должны платить.

Но им уплатить было нечем, — взял тогда хозяин палку и выгнал их из харчевни.

А Брат-Весельчак шел себе своею дорогой и пришел в одно место, где стоял красивый замок, а рядом с ним была плохая харчевня. Зашел он в ту харчевню, попросился переночевать, но хозяин ему отказал и объяснил:

— Места у меня больше свободного нету, дом полон знатных гостей.

— Вот так странное дело: — сказал Брат-Весельчак, — идут к вам, а не в богатый замок.

— Да, — ответил хозяин, — есть тому причина: кто ни пробовал в том замке поспать одну ночь, тот живой назад не возвращался.

— Что ж, если другие пробовали, — сказал Брат-Весельчак, — то я и хочу попробовать.

— Нет, вы лучше это дело бросьте, — сказал хозяин, — а то головой поплатитесь.

— Да, но ведь не сразу же и головой-то платиться, — сказал Брат-Весельчак, — вы мне только дайте ключи да еды покусней и что-нибудь выпить.

Дал ему хозяин ключи, еды да питья, и пошел с тем Брат-Весельчак в замок; поел он вкусно и спать ему захотелось; лег на землю, кровати там не было. Вскоре он заснул, а ночью разбудил его страшный шум. Просыпается, видит — в комнате девять страшных чертей, сошлись вокруг него и плясать начали. А Брат-Весельчак и говорит:

— Пляшите себе, сколько вам влезет, а близко ко мне не подступайте.

Но стали черти напирать все ближе и ближе, и вот почти лезут уже своими мерзкими ногами в лицо.

— Потихе, потихе, чортовы привиденья, — сказал он; а те лезут, напирают все больше и больше. Разозлился тут Брат-Весельчак и как крикнет:

— Эй, вы, а не то я живо наведу порядок! — выхватил ножку стула и кинул в самую их середину.

Но девять-то чертей против одного солдата было чересчур многовато, и когда он колотил одного из передних, остальные хватили его за волосы и безжалостно их вырывали.

— Чорт возьми, — кричал он, — сейчас мне туго придется, но погодите! Все девять в мой ранец, марш! — И — раз-два — кинулись они туда; захлопнул он ранец и бросил его в угол. Стало вдруг тихо, и Брат-Весельчак улегся снова и проспал до самого позднего утра.

Явился хозяин и тот дворянин, которому принадлежал замок, — хотелось им посмотреть, что тут с солдатом вышло. Увидали они его в полном здравии и веселым, удивились и спрашивают:

— Что, разве вам духи ничего не сделали?

— Еще чего нехватало! — ответил Брат-Весельчак. — Они все у меня уже в ранце. Вы можете теперь совершенно спокойно жить в своем замке; отныне ни один не будет там разгуливать.

Дворянин поблагодарил его, наградил щедро и предложил остаться у него на службе, хотел его обеспечить на всю жизнь.

— Нет, — ответил солдат, — я уж привык всюду бродить, пойду себе дальше.

И ушел оттуда Брат-Весельчак, зашел по пути в кузницу и положил ранец с девятью чертями на наковальню и попросил кузнеца и его подмастерьев ударить как следует. Ударили те изо всех сил большими молотами, и подняли черти жалобный вой. Открыл солдат ранец, глядь — лежат восемь из них мертвые, и только один, тот, что сидел в складке, остался в живых. Вылез чорт оттуда и направился опять в ад.

Долгое время еще странствовал по свету Брат-Весельчак, и кто знает об этом, мог бы немало о том порассказать. Наконец стал он стар и подумал о смерти; вот направился к одному отшельнику, известному своим благочестием, и говорит ему:

— Я от странствий устал, хотелось бы мне попасть в царство небесное.

Ответил отшельник:

— Есть два пути: один из них широкий и приятный, он ведет в ад, а другой узкий и трудный — и ведет он на небо.

«Был бы я дураком, — подумал Брат-Весельчак, — если бы вздумал итти узким и трудным путем».

Он собрался и двинулся по широкой, приятной дороге и подошел, наконец, к большим черным воротам, а были то врата ада. Постучался в них Брат-Весельчак; выглянул привратник посмотреть и узнать, кто там такой. Увидал он Брата-Весельчака, испугался, а был это как раз тот самый девятый чорт, что сидел у солдата в ранце и выскочил из него с синяком под глазом. Поэтому он быстро задвинул засов, побежал к старшему чорту и говорит:

— Стоит там один парень с ранцем за плечами, хочет сюда войти, но вы его ни за что не впускайте, а не то захочется ему весь ад в ранец упрятать. Был я однажды в том ранце, и здорово он меня молотом отколотил.

И крикнули Брату-Весельчаку, чтоб проваливал он оттуда, что его, мол, сюда не пустят никак.

«Если они не хотят, чтоб я у них был, — подумал он, — то надо мне будет посмотреть, не найду ли я пристанища себе на небе. Надо же мне где-нибудь да находиться».

Повернулся он и отправился дальше; шел он, пока не пришел к вратам рая, и постучался туда. Святой Петр как раз в это время сидел на страже у врат. Брат-Весельчак его тотчас узнал и подумал: «Вот и нашел я старого дружка, здесь дело пойдет лучше».

Но святой Петр сказал:

— Ты что, хочешь на небо попасть?

— Ты уж меня, братец, пусти, надо же мне где-нибудь да пристроиться. Если бы приняли меня в ад, то я сюда и не пришел бы.

— Нет, — сказал святой Петр, — тебе сюда не войти.

— Ну, раз не хочешь меня впускать, забирай тогда и свой ранец; раз так, то не хочу я иметь от тебя ничего, — сказал Брат-Весельчак.

— Что ж, давай его сюда, — сказал святой Петр.

Тогда солдат протянул ранец сквозь решетку на небо, а святой Петр взял его и повесил рядом со своим креслом.

И говорит тогда Брат-Весельчак:

— А теперь хочу я сам к себе в ранец попасть.

Шмыг — и был он уже там и сидел теперь на небе, и пришлось святому Петру там его и оставить.

Гансль-игрок

Жил когда-то человек; он только одно и знал, что в карты играть, и прозвали его потому Гансль-Игрок; а так как он не переставая играл, то и проиграл и свой дом, и все, что у него было. И вот, как раз в последний день, когда займодавцы хотели забрать у него и дом, явился к нему господь бог, а с ним вместе святой Петр, и попросились к нему на ночлег.

Гансль-Игрок и говорит:

— Хотите, оставайтесь ночевать, но дать вам постель и накормить вас я не могу.

Тогда господь бог сказал, что пусть он только их на ночлег пустит, а еды они уж сами себе купят. Гансль на это согласился.

Вот дал ему святой Петр три гроша, чтоб пошел Гансль к булочнику купить хлеба. Пошел Гансль-Игрок, но проходил мимо дома, где обычно всякие игроки-шулера собирались, которые у него все и повыиграли; они подозвали его и стали ему кричать:

— Гансль, поди-ка сюда!

— Да, — говорит он им, — вы хотите у меня и эти три гроша выиграть.

Но они его не отпустили. Вошел он к ним и проиграл эти три гроша. А святой Петр и господь бог все ждут его дожидаются, а он назад не возвращается. Вышли они тогда к нему навстречу. Приходит Гансль-Игрок и говорит, что деньги, мол, у него из кармана в дыру проскочили и он все время лазил да их разыскивал. Но господь бог уже знал, что тот их проиграл.

Дал ему святой Петр еще три гроша. Ну, уж теперь Гансль не дал себя ввести в соблазн и принес святому Петру хлеба. Вот спрашивает господь бог Гансля, не найдется ли, мол, у него вина, а Гансль-Игрок говорит:

— Нет, сударь, бочки все у меня порожние.

Говорит тогда господь бог, чтоб спустился он в подвал:

— Там теперь самое лучшее вино стоит.

Долго не хотел Гансль-Игрок этому верить, но, наконец, сказал:

— Ладно, схожу в подвал, но я-то ведь знаю, что вина там нету.

Начал он нацеживать из бочки, и вдруг потекло из нее самое лучшее вино.

Принес он господу богу вина, и остались они у него ночевать.

На другой день, рано на рассвете, говорит господь бог Гансль-Игроку, чтоб выпросил он у него для себя три награды. Думал господь, что тот будет просить, чтоб пустил он его на не-

бо, но Гансль-Игрок попросил у него карты, которыми можно было бы всегда выигрывать, такую же игральную кость и дерево, на котором росли бы разные плоды и овощи, и если б кто на то дерево взобрался, то спуститься оттуда назад бы не мог, пока он сам ему не прикажет. И дал ему господь бог все, что он попросил, а затем ушел вместе со святым Петром.

Только теперь и начал Гансль-Игрок играть по-настоящему, и в скором времени выиграл целых полсвета.

Говорит тогда святой Петр господу богу:

— Дело не к добру клонится, этак в конце концов он весь свет выиграет. Надо бы нам послать к нему смерть.

И они послали к нему смерть. Приходит смерть, а Гансль-Игрок как раз в это время сидел за игорным столом. Вот смерть и говорит:

— Гансль, выйди-ка сюда на минутку.

А Гансль-Игрок ей отвечает:

— Подожди маленько, пока игра кончится, а пока что взберись на то вон дерево, да что-нибудь сорви, чтоб было нам что по дороге жевать.

Вот смерть и взобралась на дерево; захотелось ей вниз спуститься, но она никак не могла, и заставил ее Гансль-Игрок сидеть там целых семь лет, и за это время не умер ни один человек на свете.

Говорит тогда святой Петр господу богу:

— Дело, господь, не к добру клонится, теперь ведь никто не помирает, надо бы нам к нему самим сходить.

Пошли они сами, и приказал господь бог Ганслю-игроку, чтоб позволил он смерти с дерева слезть. Тот тотчас пошел и сказал смерти:

— Слезай вниз!

И смерть тотчас схватила его и задушила. Она ушла вместе с ним оттуда и увела его на тот свет. Вот подошел это мой Гансль к небесным вратам и постучался.

— Кто там такой?

— Гансль-Игрок.

— Ах, нам такого не надо, ступай прочь отсюда.

Подошел он тогда к вратам чистилища и постучался опять.

— Кто там такой?

— Гансль-Игрок.

— Э, да ведь ты попал к нам не из-за беды и несчастья, а играть мы с тобой не собираемся. Ступай прочь отсюда.

Подошел тогда Гансль к вратам ада, его впустили, но там никого не оказалось, кроме старца Люцифера да хромых чертей (другие в то время по свету расхаживали). Усадил их тотчас Гансль-Игрок и принялся опять за свою игру. Но сейчас у Люцифера не было ничего, кроме вот этих хромых чертей;

вот Гансль-Игрок и выиграл их у Люцифера, потому что своими картами он мог все выиграть.

Выбрался он со своими хромыми чертями из ада и направился в Гогенфурт. Вырезал он там себе шест для прыжков, подкинул его к небу и начал небо раскачивать, и стало оно уже потрескивать.

Вот и говорит опять святой Петр господу богу:

— Дело не к добру клонится, надо будет его сюда впустить, а не то он нас самих с неба сбросит.

Вот, значит, пустили они его на небо. Но принялся Гансль-Игрок опять там за свою игру, и поднялся на небе тотчас такой шум и беспорядок, что не могли они и собственных слов разобрать.

И говорит святой Петр опять:

— Господь, дело не к добру клонится, надо будет его вниз сбросить, а не то он взбунтует все небо.

Вот, значит, взяли они его и сбросили вниз; и разделилась тогда его душа на части и вселилась в разных других игроков-добродяжек, что живут и до сей поры.

Ганс в счастье

Прослужил Ганс семь лет у своего хозяина и говорит ему:

— Хозяин, срок работы моей кончился; хочу я домой к матери вернуться, уплатите мне что полагается.

А хозяин отвечает:

— Ты служил мне верно и честно, и какова твоя служба была, такова будет тебе и награда, — и дал он ему кусок золота величиной с голову Ганса. Вынул Ганс из кармана свой платок, завернул в него золотой слиток, взвалил его на плечи и двинулся в путь-дорогу домой.

Идет он, с ноги на ногу переваливаясь, видит — навстречу ему мчится вскачь всадник на резвом коне. «Ах, — говорит Ганс вслух, — как славно ездить верхом на лошади! Сидит себе человек, точно на стуле, о камень не спотыкается, башмаков не сбивает, а движется вперед, не утруждая себя». Услыхал это всадник, придержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, чего ты пешком-то идешь?

— А вот должен я, — говорит, — отнести домой этот слиток; хотя он из чистого золота, но голову прямо держать нельзя, да и плечи он здорово давит.

— Знаешь что, — сказал всадник, — давай-ка мы поменяемся: дам я тебе своего коня, а ты мне отдашь свой слиток.

— С большим удовольствием, — ответил Ганс, — но скажу вам наперед, придется вам с ним повозиться.

Слез всадник с коня, взял золото, помог Гансу сесть на коня, дал ему в руки поводья и сказал:

— Если вздумаешь ехать быстрее, ты языком прищелкни да крикни «гоп-гоп».

Сел Ганс на коня, обрадовался и поехал себе молодцом належке дальше. Вздумалось ему еще скорей коня припустить, стал он языком прищелкивать да кричать «гоп-гоп». Пустился конь вскачь, и не успел он и оглянуться, как лежал уже в придорожной канаве. Конь тоже перескочил бы через канаву, если б не придержал крестьянин, что гнал по дороге корову. Ганс вылез из канавы и встал на ноги. И вот в досаде говорит он крестьянину:

— Скверное дело ездить верхом на коне, особенно если попадешь на такую клячу, как эта; и трясет да еще сбрасывает тебя, — тут и шею-то легко свернуть. Ну, уж больше ни разу я на нее не сяду. Вот корова твоя — это дело другое; идешь это себе за ней преспокойно, да кроме того каждый день получаешь и молоко, и масло, и творог. Много бы я дал, чтобы иметь такую корову!

— Ну что ж, — ответил крестьянин, — если тебе угодно, я согласен поменяться с тобой на коня.

Ганс с большой радостью согласился, а крестьянин вскочил на коня и быстро от него ускакал.

Ганс спокойно погнался свою корову, вспоминая об удачной сделке. «Будет у меня теперь кусок хлеба, недостатка в этом, пожалуй, не будет, а захочется — можно будет и масла, и творогу поесть; а захочется попить — подою я корову и напьюсь молока. Чего же мне еще надо?» Зашел он по дороге в харчевню отдохнуть и поел на радостях все, что у него было с собой и на обед и на ужин, а на свои последние два гроша велел налить себе полкружки пива. Затем погнался он свою корову

дальше по дороге, в деревню к своей матери. К полудню жара становилась все тяжелей, а Гансу надо было идти по крайней мере еще целый час полев. Стало Гансу нелегко от жары, и язык во рту у него совсем пересох. «С этим делом можно будет справиться, — подумал он, — подою-ка я свою корову да попою молока». Привязал Ганс корову к сухому дереву, а так как подойника у него с собой не было, то подставил он свою кожаную шапку; но как он ни старался, а молока не выдоил ни капли. А так как стал он доить не умеючи, то корова от нетерпенья ударила его задней ногой в голову, да так сильно, что он грохнулся наземь и некоторое время никак не мог сообразить, где он находится. К счастью, проходил на ту пору по дороге мясник, он вез на тележке поросенка.

— Что это с тобой случилось? — крикнул он и помог доброму Гансу подняться. Ганс рассказал, что с ним произошло. Мясник подал ему свою дорожную фляжку и сказал:

— На, выпей да подкрепишься. Корова, должно быть, яловая; видать, стара и годна разве что для упряжки или на убой.

— Эх-эх-эх, — сказал Ганс, почесывая себе затылок, — и кто бы это мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если такую скотину можно будет дома зарезать, и мяса-то сколько будет! Да много ли сделаешь вкусного из говядины? По-моему, мясо-то не очень сочное. Вот если бы иметь такого поросенка! И вкус у него другой, да еще и колбас можно наделать.

— Послушай-ка, Ганс, — сказал мясник, — уж я для твоего удовольствия готов поменяться: отдам тебе за корову свинью.

— Да вознаградит тебя господь бог за твою доброту ко мне, — сказал Ганс, отдал ему корову и попросил, чтобы мясник развязал свинку и дал бы ему в руки веревку, к которой была та привязана.

Отправился Ганс дальше, и стал он раздумывать, что все вот желанья его исполняются, а если встретится какая помеха, то все снова тотчас хорошо улаживается. А тут ввязался идти с ним вместе по пути парень, нес он подмышкой красивого белого гуся. Заговорили они, и Ганс начал рассказывать ему про свое счастье и как ему удавалось все обменивать выгодно и удачно. Парень ему рассказал, что несет гуся этого на пирушку по случаю крестин.

— Вот попробуй-ка ты его поднять, — сказал он и схватил гуся за крылья, — вишь, какой он тяжелый! Мы целых восемь недель его откармливали. Если зажарить его да начать есть, то придется, пожалуй, жир с обеих щек вытирать.

— Да, — сказал Ганс, взял его в руку и попробовал, какой он будет на вес, — что и говорить, жирный, но моя-то свинья тоже подходящая свинка.

Стал парень между тем по сторонам с тревогой оглядываться и покачивать головой.

— Послушай, — сказал он снова, — а с твоей-то свиньей дело может выйти плохое. В деревне, через которую я проходил, только что у старосты свинью из хлева украли. Боюсь я, не эта ли самая она и есть. Послали уже и людей на розыски, и плохо придется, если тебя с ней поймают, — в лучшем случае запрячут тебя куда-нибудь.

Стало страшно доброму Гансу.

— Ах, боже ты мой! — сказал он, — выручи ты меня из беды, тебе тут в случае чего легче справиться будет, возьми-ка ты мою свинью, а мне дай своего гуся.

— Дело-то оно несколько опасное, — ответил парень, — но не хочется мне в твоей беде быть виноватым. — Взял он веревку в руку и быстро погнал свинью окольной дорогой; а добрый Ганс шел без забот и печалей, с гусем подмышкой, домой.

«Если оно хорошенько-то поразмыслить, — сказал он про себя, — я обменял еще выгодно: будет у меня славное жаркое,

да к тому же и жиру немало, а его можно будет перетопить, и хватит его, чтобы есть с хлебом, по крайней мере на целую четверть года; да еще какой прекрасный белый пух, — я велю им набить себе подушку, и засыпать-то на ней как будет сладко. Вот матери будет радость!

Проходил он уже через последнюю деревню и увидел точильщика, что стоял у своей тележки; колесо его жужжало, и он, работая, напевал:

Течу ножи-ножницы, верчу колесо,
Вот жизнь развеселая, крути да и все.

Ганс остановился и стал смотреть на его работу; наконец он обратился к нему и говорит:

— Должно быть, тебе хорошо живется, ты вон как весело точишь.

— Да, — ответил точильщик, — ремесло мое золотое. Хороший точильщик как полезет к себе в карман, так и деньги найдутся. Но где это ты купил такого красивого гуся?

— Да я его не покупал, я его на свинью променял.

— А свинью ты откуда взял?

— Выменял на корову.

— А корову?

— Выменял на коня.

— А коня?

— За него я дал слиток золота величиной с мою голову.

— А золото?

— А то уплата за мои семь лет работы.

— Ну, что и говорить, был ты всегда находчив, — заметил точильщик, — надо бы тебе так дело устроить, чтоб деньги у тебя всегда к кармане водились, и будешь ты тогда вполне счастлив.

— А как это сделать? — спросил Ганс.

— Надо тебе стать точильщиком, таким вот, как я; требуется для этого всего-то один точильный камень, а все остальное уж само собой приложится. Вот есть у меня камень, — правда, он малость попорчен, да возьму я за него всего лишь твоего гуся; согласен?

— Да как можешь ты еще спрашивать. — отвечал Ганс. — ведь стану я тогда счастливейшим человеком на свете; ежели будут у меня всегда деньги в кармане водиться, о чем же мне тогда и печалиться будет?

И он отдал ему гуся, а вместо него взял точильный камень.

— Ну, — сказал точильщик, подымая с земли простой тяжелый булыжник, — вот тебе впридачу хороший камень, на нем будет удобно старые гвозди расправлять. Возьми и его заодно и донеси как следует.

Взвалил Ганс камни на плечи и с легким сердцем отправился дальше; глаза его сияли от радости: «Должно быть, родился я в рубашке, — воскликнул он. — все, чего я ни пожелаю, само идет ко мне в руки, словно к какому-нибудь счастливцу». А надо сказать, был он на ногах с самого раннего утра и приутомился; да и голод стал его мучить, а весь свой дорожный запас он на радостях по поводу проданной коровы проел. И вот он уже еле-еле передвигал ноги и то и дело останавливался,

чтобы передохнуть; а к тому же и камни сильно оттягивали ему плечи. И стал он подумывать, что было бы неплохо, если б можно было от них избавиться. Еле добрался он до придорожного колодца, собираясь отдохнуть и свежей воды напиться; а чтобы как-нибудь не повредить камней, он положил их осторожно у самого края колодца. Затем сел он и сам и хотел было нагнуться, чтобы воды напиться, да как-то недоглядел, столкнул их, — и оба камня бултыхнулись прямо в колодец. Ганс, увидя, что они пошли на самое дно, вскочил от радости, бросился на колени и в слезах стал благодарить господа бога за то, что оказался он к нему и на этот раз милостив и освободил его так легко от тяжелых камней, которые ему только мешали, и случилось это так, что ему ни в чем и упрекать себя не придется.

— Нет на свете, — воскликнул он, — такого счастливого человека, как я!

С легким сердцем и без всякой ноши двинулся он дальше и воротился, наконец, домой к своей матери.

Ганс женится

Жил-был на свете крестьянский парень, звали его Гансом; захотелось его двоюродному брату сосватать для него богатую невесту. Посадил он Ганса на лежанку и велел хорошенько натопить печь. Затем принес он кувшин молока да большой каравай пшеничного хлеба, дал ему в руки новую блестящую денежку и говорит:

— Ганс, денежку эту ты держи покрепче, а пшеничный хлеб кроши в молоко, и сиди так, не сходя с места, пока я назад не вернусь.

— Ладно, — говорит Ганс, — это я все исполню.

Надел сват старые заплатанные штаны и отправился в другую деревню к богатой крестьянской девушке и говорит:

— Не хочешь ли выйти замуж за моего двоюродного брата Ганса? Парень он работающий и смысленный, — он тебе понравится.

А отец у нее был человек скупой; вот он и спрашивает:

— А как у него насчет хозяйства? Хлеба-то у него хватает?

— Да что и говорить, друг любезный, — ответил сват, — мой-то младший братец сидит себе в тепле да в холе, и денежка у него в руке имеется, а есть-то ему, что и говорить, хватает.

Да и заплат¹ у него не меньше будет, чем у меня, — и он при этом хлопнул себя по заплатанным штанам. — Ежели вы согласны будете, то потрудитесь пройти вместе со мной, и я вам на месте покажу, что все оно так и есть, как я говорю.

Не хотелось скряге упускать хорошего случая, вот он и говорит:

— Если все так оно и есть, то я против свадьбы ничего не имею.

И вот в назначенный день справили они свадьбу, и когда молодая жена собралась пойти на поле посмотреть земли своего жениха, Ганс сначала снял с себя праздничный наряд, надел свою заплатанную куртку и сказал:

— Хорошее-то платье, пожалуй, еще и запачкаешь.

И пошли они вместе на поле, и где по пути встречался им виноградник, то ли пахотная земля или луга, Ганс указывал на них пальцем, а затем, похлопывая по заплатам своего кафтана, говорил:

— Гляди, голубушка, вот эта заплата моя, и та тоже будет моя, — он хотел этим сказать, чтобы жена не на те поля смотрела, а на его куртку, которая была вправду его собственной.

— И ты на той свадьбе была? — Да, была, и в полном наряде. Головной мой убор был из снега; а как вошло солнышко, он весь и растаял; а платье было мое из паутины, но шла я через колючий кустарник и все-то его изорвала; а туфельки были у меня стеклянные; споткнулась я о камень, молвили они «дзынь», да и раскололись.

Золотые дети

Жил-был на свете бедняк со своей бедной женой, и была у них одна лишь небольшая избушка, и кормились они рыбной ловлей — что заработают, то сразу и проедят. Раз вышел рыбак на берег и закинул сеть свою в воду, начал тянуть и вытащил рыбу — не простую, была она вся золотая. Посмотрел он на нее, удивился, и вдруг рыба заговорила и сказала:

— Послушай, рыбак, еслипустишь ты меня снова в воду, то сделаю я твою убогую избушку богатым замком.

И ответил рыбак:

¹ Так наделы крестьянские звались. (Прим. братьев Я. и В. Гримм.)

— Что мне в замке твоем, если есть мне нечего!

А золотая рыба ему и говорит:

— Я и о том позабочусь: будет у тебя в замке шкаф; только ты его откроешь, то увидишь, что стоят в нем разные блюда с прекрасными кушаньями, и столько, сколько ты пожелаешь.

— Если так, — молвил бедняк, — то, пожалуй, сделаю тебе одолжение.

— Хорошо, — ответила золотая рыба, — но с таким уговором, что не скажешь ты никому на свете, кто бы то ни был, откуда к тебе счастье явилось; а скажешь хоть слово, все тотчас исчезнет.

Бросил рыбак волшебную рыбу в реку и домой воротился. Глядь, где прежде стояла у него избушка, вырос теперь большой замок. Поглядел он на него, удивился, вошел в него, видит — сидит его жена в роскошных покаях, нарядилась в красивое платье. Была она довольна и говорит:

— Скажи ты мне, муженек, откуда все это вдруг явилось? Мне это все очень нравится.

— Да, — сказал муж, — и мне тоже нравится. Только я очень голоден, дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нету у меня ничего, и не знаю я, где и найти в этом новом доме.

— Не тужи, — ответил ей муж, — вон, я вижу, стоит большой шкаф, ты возьми его да открой.

Открыла она шкаф, глядь — стоят в нем пироги, мясо, овощи и вино, — прямо глянуть приятно. И воскликнула на радостях жена:

— Чего ж нам еще надобно? — уселись они за стол, стали есть да пить вместе. Вот наелись они, а жена и спрашивает:

— А скажи мне, муженек, откуда же явилось все это богатство?

— Эх, — ответил он, — ты уж меня о том не спрашивай, не допытывай, рассказать я тебе об этом не смею, а если кому о том я скажу, то пропадет все наше счастье.

— Ладно, — говорит жена, — если я не должна о том спрашивать, то и едать о том не желаю.

Но она сказала неправду; и не имела она покоя ни днем, ни ночью, мучила она мужа и так ему докучала, что он с досады ей и рассказал, как явилось все это от волшебной золотой рыбы, которому он поймал и за то отпустил на свободу. Только он это промолвил, вдруг исчез прекрасный замок вместе со шкафом, и очутились они снова в своей ветхой рыбацкой избушке.

И пришлось рыбаку снова приняться за свой промысел и начать рыбачить. Но, по счастью, случилось так, что вытащил он еще раз золотую рыбу.

— Послушай, — молвила рыба, — если ты снова отпустишь меня в воду, я верну тебе замок вместе со шкафом, полным всякой снеди; только смотри — держи слово, не выдавай никак, от кого все это ты получил, а не то ты снова все потеряешь.

— Уж на этот раз я поостерегусь, — ответил рыбак и бросил рыбу в воду. Воротился он домой, видит — а там снова прежнее богатство, и жена радуется счастью. Но любопытство не давало ей покоя, и спустя несколько дней начала она снова спрашивать и допытываться, откуда все это взялось, и как он это устроил. Муж долго молчал, но, наконец, она его так донимать стала, что он не сдержался и выдал свою тайну. В тот же миг исчез замок, и вот сидят они снова в своей ветхой избушке.

— Ну, вот ты своего и добилась, — сказал муж, — что ж, придется нам теперь снова корку сухую грызть.

— Ах, — сказала жена, — уж лучше мне и богатств никаких не надо, если я не знаю, откуда они явились, а то б не имела я и дня покоя.

Отправился муж снова рыбачить, и через некоторое время так уж оно вышло, что вытащил он и в третий раз золотую рыбу.

— Послушай, — молвила рыба, — видно, мне суждено попадаться тебе в руки; возьми ты меня с собою домой и разрежь меня на шесть кусков; два из них дай съесть жене, два — лошади дай, а два закопай в землю, — и будет тебе от этого счастье.

Взял рыбак золотую рыбу домой и сделал так, как она ему велела. И вышло так, что из тех двух кусков, что он закопал в землю, выросли две золотые лилии, лсшадь двух золотых жеребят дала, а жена рыбака двух детей родила, и были они все золотые.

Подросли дети, стали большие да красивые, и лилии и лошади выросли тоже вместе с ними. И говорят дети:

— Отец, мы хотим сесть на наших золотых коней и пуститься странствовать по свету.

Ответил он им, пригорюнившись:

— Как перенести мне разлуку, когда вы уедете, и не знать, что с вами?

А они говорят:

— Останутся здесь две золотые лилии; вы по ним увидите, что с нами: будут они расти, значит и мы здоровы; а увянут — значит мы больны; а если они отцветут — значит нас нету уже в живых.

И ускакали они и приехали к харчевне; а было там много народу; когда увидели люди двух золотых юношей, стали смеяться и над ними подшучивать. Когда один из юношей услышал те насмешки, он застыдился и не захотел больше странствовать по свету, повернул назад и воротился к своему отцу.

А другой отправился дальше, и вот подъехал он к дремучему лесу. Хотел он уже было въехать в лес, но люди сказали:

— Вы там не проедете — в лесу полно разбойников, они на вас нападут, а как увидят, что вы золотой, то, чего доброго, еще и убьют.

Но он не испугался и сказал:

— Я должен во что бы то ни стало через лес этот проехать.

Он взял медвежьи шкуры, закутался в них и коня укрыл тоже, чтоб золота не было видно, и смело въехал в лес. Только он немного проехал, вдруг услышал в глубине шум и голоса говоривших между собой. Потом поодаль от дороги кто-то крикнул: «Там кто-то едет», а с другой стороны ответили: «Ну, и пусть себе едет, это, должно быть, какой-то медвежатник; он беден, как церковная мышь, на что он нам нужен!» — Так счастливо проехал золотой юноша через тот лес, и никакой беды с ним не случилось.

Однажды заехал он по пути в деревню и увидел там девушку; была она так прекрасна, что он не знал, может ли быть на свете другая, ее красивей. Он так влюбился в нее, что пришел к ней и сказал:

— Я люблю тебя всем сердцем и душой, согласна ли ты выйти за меня замуж?

И он тоже понравился девушке, она согласилась и ответила ему:

— Да, я хочу стать твоей женой и быть тебе верной на всю жизнь.

И стали они свадьбу справлять, но когда они радовались и веселились, воротился отец невесты домой и, увидев, что дочь его устроила свадьбу, удивился и спросил:

— А где ж твой жених?

Ему показали на золотого юношу, но был он укутан в медвежью шкуру. И сказал разгневанный отец:

— Никогда медвежатнику не получить моей дочери себе в жены, — и хотел было его убить.

Тут стала невеста просить отца да уговаривать:

— Теперь он мне муж, я люблю его от всего сердца.

И вот отец смиростивился. Но он все размышлял об этом, и на другое утро встал рано, желая посмотреть на мужа своей дочери — вправду ли он простой оборванец-нищий. Заглянул он и увидел в постели красивого золотого юношу; сброшенные медвежьи шкуры лежали на полу. И он вернулся и подумал: «Как хорошо, что я сдержал свой гнев, а то бы совершил я большое преступление».

А золотому юноше в это время снилось, что выезжает он на охоту за прекрасным оленем; и, проснувшись поутру, сказал он своей невесте:

— Я хочу отправиться на охоту.

Ей стало страшно, и она начала его просить остаться с нею:

— С тобой легко может случиться большое несчастье.

Но он ответил:

— Нет, мне надо ехать. — Он встал и отправился в лес; и вскоре остановился перед ним, как и снилось ему во сне, стройный олень. Он нацелился и хотел было его застрелить, но олень ускакал. Он погнался за ним по оврагам и зарослям и безустали гонялся за ним целый день; но вечером олень скрылся из виду. Оглянулся золотой юноша, видит — стоит он перед небольшой избушкой, а в избушке той жила ведьма. Он постучался, вышла навстречу старушка и спрашивает:

— Что надобно вам в такую позднюю пору в глухом лесу?

Он ответил:

— Не видали ли вы оленя?

— Да, — сказала она, — этого оленя я хорошо знаю. —

А в это время громко залаяла на юношу собачонка, что выскочила из избушки следом за ведьмой

— Да замолчи ты, злая жаба, — сказал он, — а не то я тебя застрелю.

Тогда ведьма крикнула гневно:

— Как, ты хочешь мою собачку убить?! — и обратила она юношу тотчас в камень.

А невеста все его домой ждала понапрасну и думала: «Видно, с ним что-то случилось, недаром я так боялась и на сердце было у меня так тяжело».

А дома, как раз в это самое время второй брат остановился около золотых лилий и видит, что вдруг одна из них отцвела.

— Ах, боже ты мой, — сказал он, — с моим братом случилось большое несчастье; надо скорей итти, может мне еще удастся его спасти.

А отец говорит:

— Нет, оставаясь ты дома; если я и тебя потеряю, то что мне делать тогда?

Но сын ответил:

— Я должен во что бы то ни стало итти.

Вскочил он на своего золотого коня и помчался, и приехал он в тот же дремучий лес, где лежал его брат камнем. Вышла из своей избушки старая ведьма, окликнула его, чтоб и его заколдовать, но он к ней близко не подошел и сказал:

— Я тебя застрелю, если ты тотчас не оживишь моего брата.

С большой неохотой прикоснулась она к камню пальцем, и тотчас вернулся брату его человеческий образ. Обрадовались золотые юноши, увидав друг друга, стали целовать да обнимать друг друга, сели на своих коней и выехали вместе из лесу: один — к своей невесте, а другой — домой к отцу.

И сказал тогда отец:

— Я-то знал, что ты спасешь своего брата, ведь золотая лилия вдруг поднялась и зацвела снова.

И стали они жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

Лиса и гуси

Раз пришла лиса на лужок, видит — сидит там стадо красивых жирных гусей. Засмеялась лиса и говорит:

— А я пришла видно, кстати, вы так славно сидите рядышком, что можно вас будет легко одного за другим и съесть.

Заготовали гуси от страха, вскочили и начали кричать да жалобно просить, чтоб оставила лиса их в живых. Но лиса их и слушать не захотела и говорит:

— Не будет вам от меня пощады, всем вам смерть.

Вот один гусь расхрабрился было и говорит:

— Уж если мы, бедные гуси, должны умереть такими молодыми, то окажи нам одну милость, разреши нам помолиться, чтобы перед смертью замолить наши грехи, а потом уж станем мы в ряд, и ты будешь выбирать того, кто из нас пожирней.

— Ладно, — говорит лиса, — это правильно, и просьба у вас скромная; ну, молитесь себе, а я пока подожду.

И вот начал первый гусь петь свою протяжную молитву и повторять: «га-га-га!», и молитве той все не было конца. Тогда второй гусь не стал ожидать, пока дойдет до него черед, и начал тоже: «га-га-га!» А тут за ним и третий, и четвертый, и вскоре заготовали все гуси разом.

(Как кончат они молиться, так и сказка дальше пойдет, но молятся всё они до сих пор.)

Бедняк и богач

В стародавние времена, когда господь бог ходил еще по земле, случилось, что однажды под вечер он устал, его застала ночь, и негде ему было переночевать. А стояли по дороге два дома, один против другого; был один большой и красивый, а другой — маленький и на вид неказистый. Большой дом при-

надлежал богачу, а маленький бедняку. И подумал господь: «Богатого я не затрудню, я у него и заночую». Услыхал богач, что стучатся к нему в дверь, открыл окошко и спросил незнакомца, что ему надобно. Господь ответил:

— Пустите меня переночевать!

Оглядел богач путника с головы до ног, а так как господь одевался в простую одежду и по его виду было не похоже, чтоб у него водились деньги в кармане, то покачал богач головой и сказал:

— Я не могу вас пустить, комнаты у меня завалены овощами и семенами; ежели мне пускать на ночлег всякого, кто в дверь постучится, то пришлось бы мне самому итти по свету с сумой. Пспроситесь, может где и пустят.

Он захлопнул окошко, и господь бог остался стоять у дверей. Повернулся господь и направился через дорогу к маленькому домику. Только он постучался, отодвинул бедняк щеколду, открыл свою дверку и пригласил странника войти.

— Ночуйте у меня, — сказал он, — на дворе уж темно, да и куда вам теперь итти!

Это господу богу понравилось, и он вошел к нему в дом. Подала жена бедняка ему руку, поздоровалась с ним и сказала, чтоб он устраивался, как будет ему удобней, чтоб было ему приятно; многого они не имеют, но то, что у них есть, они дадут ему от чистого сердца. Она поставила на огонь картошку, и пока та варилась, подоила козу, чтоб угостить его немного молоком. Вот накрыли стол, сел господь бог и ел с ними вместе, и ему понравилась их бедная пища, оттого что лица у них были при этом довольные. Вот поели они, и наступило время ложиться спать. Позвала тихонько жена своего мужа и говорит:

— Послушай, муженек, давай нынче постелим себе на ночь солому, а бедный странник пускай ложится на нашу постель и отдохнет: целый-то день он был на ногах, тут всякий умается.

— Я предложу ему это охотно, — ответил тот, подошел к господу богу и предложил, что если будет ему угодно лечь спать в их постель, то он мог бы на ней как следует отдохнуть. Господь бог не пожелал отбирать у стариков их постель, но они так ему предлагали, что, наконец, он согласился и лег в их постель; а они постелили себе на полу солому. На другой день поднялись они чуть свет и сварили гостю завтрак, такой хорошей, какой только могли. Вот уже засияло солнце в окошко, встал господь, поел с ними и опять собрался в путь-дорогу. Он стоял уже в дверях, но обернулся и сказал:

— Оттого, что вы были такие жалостливые и добрые, пожелайте себе три разных желанья, и я вам их исполню.

И сказал бедняк:

— Чего же мне себе пожелать, как ни вечного блаженства и чтобы мы оба, пока живы, были бы здоровы и имели бы свой хлеб насущны́й; а третьего я и не знаю, чего себе пожелать.

И ответил милостивый господь бог:

— Не хочешь ли ты иметь новый дом вместо старого?

— О, да, — ответил бедняк, — если бы я мог и его получить, это было бы мне очень приятно.

И исполнил господь их желанья, обратил старый их дом в новый, дал им еще раз свое благословенье и отправился дальше.

Был уже день, когда богач поднялся. Высунулся он в окошко, видит — стоит напротив него новый, нарядный дом под красною черепицей, а стояла там прежде старая избушка. Раскрыл богач от удивленья глаза, кликнул жену и говорит:

— Скажи мне, как это случилось? Ведь вчера ж вечером стояла там старая, убогая избушка, а нынче стоит новый, красивый дом. Сбегай-ка вниз да узнай, как все это произошло.

Пошла жена, стала расспрашивать бедняка. И он ей рассказал:

— Зашел вчера вечером какой-то странник, попросился у нас почевать, а нынче утром, когда мы с ним прощались, он выполнил три наши желанья: вечное блаженство, здоровье в жизни и хлеб насущный да еще вместо нашей старой избушки новый, красивый дом.

Кинулась жена богача домой и рассказала мужу, как все случилось. А муж и говорит:

— Я готов сам себя на куски разорвать: эх, кабы знал я! Ведь незнакомец-то заходил раньше ко мне и хотел у нас переночевать, а я ему отказал.

— А ты не мешкай, — говорит жена, — садись поскорей на лошадь и сможешь нагнать того человека и его попросить, чтобы он исполнил твои три желанья.

Послушался богач доброго совета, помчался на лошади и нагнал господа бога. Заговорил он с ним мягко и вежливо и стал просить, чтобы тот не обижался, что его тотчас не пустили, искал он-де ключ от дверей, а он тем временем ушел. Если будет назад возвращаться той же дорогой, то пускай, мол, останавливается у него.

— Хорошо, — сказал господь бог, — если я когда буду возвращаться, то так и сделаю.

Спросил богач, не может ли и он пожелать себе тоже три желанья, как и его сосед?

— Да, — сказал господь бог, — пожелать, конечно, можно, но это было бы плохо для тебя же самого, и лучше бы тебе ничего не желать.

Богач подумал, что надо бы себе что-нибудь такое придумать, что сделало бы его счастливым, если будет оно выполнено. И сказал господь бог:

— Езжай себе домой, и твои три желанья исполнятся.

Получил богач то, что хотел, поехал домой и начал раздумывать, что бы это такое себе пожелать. Думал он, раздумывал, и опустил поводья, и пустилась лошадь вскачь, а это мешало богачу думать, и он никак не мог собраться с мыслями. Похлопал он лошадь по шее и говорит:

— Лиза, потише, — но лошадь продолжала скакать и начала становиться на дыбы. Рассердился богач и крикнул в нетерпении: — Э, чтоб ты себе шею сломала!

И только он вымолвил эти слова — бух, свалился он на землю, а лошадь лежала мертвая и не шевелилась: так было исполнено его первое желанье.

А так как богач был по природе скрягой, то не хотелось ему бросать седла, снял он его и взвалил себе на плечи. Пришлось ему теперь идти пешком. «Осталось у меня еще два желанья», — подумал он и на этом успокоился. Шел он медленно по песку, а в полдень солнце грело горячо, и стало ему жарко и так на душе досадно: седло давило ему плечи, а ему все никак не приходило в голову, что бы это себе пожелать. «Если бы я пожелал себе все царства и все сокровища мира, — молвил он про себя, — то все-таки приходило бы мне в голову то одно, то другое желанье, это я точно знаю; мне хочется устроить так, чтобы мне ничего не оставалось желать». Он вздохнул и сказал:

— Да, если б я был баварским крестьянином, у которого бы тоже оставалось три желанья, то я знал бы, что делать, и пожелал бы себе, во-первых, побольше пива; во-вторых, пива столько, сколько бы мог выпить; а в-третьих, бочку пива впридачу.

То казалось ему, что вот уже желанье у него нашлось, но потом он считал его слишком малым. И вспомнилось ему, как должно быть теперь хорошо его жене, — сидит она себе дома в прохладной комнате и ест что-нибудь вкусное. Но это его порядочно рассердило, и вдруг невзначай он вымолвил:

— Хотелось бы мне, чтоб сидела она лучше дома в седле и не могла бы с него слезть и чтоб я не тащил его на плечах.

Только сорвалось у него с языка последнее слово, как исчезло седло с его плеч, и он понял, что исполнилось его второе желанье. Но стало ему только сейчас по-настоящему жарко, он пошел быстрее и захотелось ему сидеть дома одному в своей комнате и думать о чем-нибудь таком большом — о последнем

своем желаньи. Приходит он домой, открывает в комнату дверь, видит — сидит там его жена в седле и никак с него слезть не может, стонет и кричит. А он и говорит:

— Будь этим довольна, я готов пожелать тебе все богатства на свете, только оставайся ты сидеть в седле.

Но она обозвала его дураком и сказала:

— На что мне все богатства на свете, если я сижу в седле? Ты этого мне пожелал, ты и должен помочь мне с него слезть.

И хотелось ему или не хотелось, а пришлось-таки высказать свое третье желанье: чтоб избавилась жена от седла и смогла бы с него слезть. И тотчас желание это исполнилось. И так досталось ему одно лишь: досада, заботы, ругань да пропавшая лошадь. А бедняки жили себе в довольстве, тихо и мирно, как живут добрые люди, до самой блаженной смерти.

Певчий попрыгун-жаворонок

Жил-был на свете человек, и собрался он в дальнюю дорогу. И вот спрашивает он на прощанье у своих трех дочерей, что привезти им в подарок. Попросила старшая жемчуга, средняя — брильянты, а младшая сказала:

— Милый батюшка, хочу я, чтоб привез ты мне певчего прыгуна-жаворонка.

Ответил отец:

— Ладно, если я такого достану, то привезу.

Поцеловал он всех трех дочерей и отправился в путь-дорогу. Но вот пришло время ему домой возвращаться, и накупил он для двух старших дочерей жемчугов и брильянтов, но напрасно искал он для младшей певчего прыгуна-жаворонка; и было это ему досадно, потому что была она его любимой дочкой. А путь лежал через лес, и стоял в самом лесу прекрасный замок, и росло вблизи замка дерево, а на самой его вершине увидел он певчего прыгуна-жаворонка. «Э, да ты кстати мне повстречался!» — сказал он, обрадовавшись. Позвал своего слугу и велел ему взлезть на верхушку и поймать птичку. Но только подошел тот к дереву, как выскочил сзади лев, тряхнул гривой и так заревел, что листья на деревьях задрожали.

— Кто посмеет украсть моего певчего прыгуна-жаворонка, — кричал он, — того я съем живьем!

А человек и говорит:

— Я не знал, что птица принадлежит тебе. Я готов исправить свою ошибку и дорогой ценою откупиться, только оставь меня в живых.

Говорит тогда лев:

— Одно тебе может спасти: пообещай мне то, что первым тебе дома повстречается. Если ты на это согласен, то, так и быть, дарю тебе жизнь и впридачу птицу для твоей дочери.

Но человек отказался и говорит:

— Ведь это может оказаться моей младшей дочерью, — она любит меня сильнее всех и всегда выбегает мне навстречу, когда я возвращаюсь домой.

Но слуге стало страшно, и говорит он:

— Неужто вас непременно встретит дочь? Это может оказаться кошка или собака.

И он уговорил своего хозяина, и тот взял певчего прыгуна-жаворонка и пообещал льву отдать первое, что встретится ему дома.

И вот воротился он домой. Входит к себе в дом, и первая, кого он встретил, была не кто иная, как его младшая любимая дочь. Бросилась она к нему навстречу, стала его целовать и обнимать, а как увидела, что привез он ей певчего прыгуна-жаворонка, была она вне себя от радости. Но отцу было не до веселья, он заплакал и говорит:

— Милая моя дочка, дорогою ценою заплатил я за эту маленькую птичку. — пришлось мне пообещать отдать тебя дикому льву; он растерзает тебя и съест. — И рассказал ей все, что произошло, и стал просить ее, что бы ни случилось, а ко льву не итти. Стала она его утешать и говорит:

— Милый батюшка, что обещано, то надо исполнить; я пойду, но лва постараюсь задобрить и вернуться домой целой и невредимой.

На другое утро попросила она указать ей дорогу, простилась и спокойно отправилась в самую чащу лесную. А был лев не кто иной, как заколдованный королевич, днем он был львом, и вместе с ним и все его слуги были тоже львами, а ночью они опять превращались в людей.

Когда она пришла, встретил лев ее ласково и прогнал в свой дворец. А когда наступила ночь, стал он прекрасным юношей; тут и свадьбу сыграли с большой пышностью. И стали они жить счастливо вместе, ночью бодрствовали, а днем спали. Вот приходит он раз и говорит:

— Завтра в доме у твоего отца будет пир по случаю свадьбы старшей твоей сестры; если хочешь, то мои львы проводят тебя туда.

Она сказала, что охотно повидала бы своего отца, и направилась домой, и провожали ее львы. И была великая радость,

когда она явилась, — ведь все думали, что ее растерзал лев и что давно ее уже нет в живых. Рассказала она, какой у нее красивый муж и как хорошо ей живется, и пробыла она дома, пока продолжалась свадьба, а затем вернулась назад в лес. Когда выходила замуж средняя дочь, ее опять пригласили на свадьбу, и она сказала льву:

— На этот раз не хочу я идти одна, пойдем вместе со мной.

Но лев ответил, что это будет для него слишком опасно, — ведь если упадет на него луч от зажженной свечи, то обернется он голубем, и придется ему семь лет летать вместе с голубями.

— Ах, — сказала она, — уж пойдем вместе со мной, я буду тебя охранять и защищу от всякого света.

И вот отправились они вместе и взяли с собой и своего маленького ребенка. Она велела построить там зал с прочными и толстыми стенами, куда не проникал бы ни один луч, чтобы лев мог сидеть в нем, когда зажгутся свадебные свечи. Но древерь сделана была из сырого дерева, она рассохлась и дала небольшую трещину, которую никто из людей не заметил. Стали праздновать пышную свадьбу, и когда свадебный поезд возвращался из церкви с факелами и свечами мимо зала, упал тонкий, как волос, луч на королевича, и в тот же миг был он обращен в голубя. Когда жена вернулась домой и стала искать мужа, найти его нигде не могла, — перед нею сидел белый голубь. И голубь сказал:

— Семь лет должен буду летать я по свету. Но каждые семь шагов я буду ронять по капельке алой крови и по белому перышку, они укажут тебе дорогу, и если ты пойдешь по следу, то сможешь меня освободить.

Сказав это, голубь вылетел в дверь, и она пошла вслед за ним; и каждые семь шагов падали наземь алые капельки крови и белые перышки и указывали ей дорогу. И так шла она все дальше и дальше по свету, не оглядывалась и не отдыхала. И прошло уже почти семь лет. Стала она радоваться, думая, что скоро будут они освобождены от чар, но было это еще так далеко!

Шла она все дальше, и вот однажды не упало перышко наземь, не скатилась алая капелька крови. Глянула она наверх, видит — голубь исчез. Она подумала: «Люди мне ничем помочь не могут», и она поднялась к солнцу и сказала ему:

— Светишь ты во все углы темные и на вершины горные, не видало ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — ответило солнце, — не видало я голубя белого, но подарю тебе ларец, ты открой его, когда будешь в великой беде и опасности.

Поблагодарила она солнце и пошла дальше; шла она до самого вечера, пока не взошел уже и месяц, и спросила она у месяца:

— Ты целую ночь светишь на поля на широкие, на леса на высокие, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — ответил ей месяц, — не видал я белого голубя, вот подарю я тебе яйцо, ты разбей его, когда будешь в большой беде и опасности.

Поблагодарила она месяц и пошла дальше; шла она, пока явился ветер ночной и подул на нее прохладой. И молвила она ветру ночному:

— Ты веешь над всеми деревьями, подо всеми листьями дуешь, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — сказал ей ветер ночной, — не видел я белого голубя, но спрошу у других трех ветров, может они видели. Явились ветер восточный и западный ветер, но они не видели ничего, а южный ветер ответил:

— Видел я белого голубя, полетел он к Красному морю, там обернулся он снова львом, ведь минуло семь лет, и борется лев там с драконом, а дракон тот — зачарованная королева.

И сказал ей ветер ночной:

— Дам я тебе совет: ступай к Красному морю, растут на правом его берегу большие лозы: ты их сосчитай, и срежь одиннадцатую, и ударь ею дракона — тогда лев его одолеет, и вернется к обоям снова их человеческий образ. Потом оглянись назад, и увидишь ты птицу-грифа, что сидит у Красного моря; вскочи вместе с милым своим на спину к нему, и перенесет вас птица через море домой. На тебе еще орешек; когда будешь ты посреди моря, кинь его в воду, и вырастет из воды большой орешник, и отдохнет на нем птица-гриф. Если ей отдохнуть не удастся, то нехватит у ней сил перенести вас через море; а забудешь ты бросить в воду орешек, то уронит вас птица-гриф в море.

Пошла она к морю и нашла там все, о чем говорил ей ветер ночной. Сосчитала она лозы на морском берегу, одиннадцатую срезала, ударила ею дракона, и лев его одолел; и вмиг обратились они снова в людей. Только освободилась от чар королева, что прежде была драконом, взяла она за руки юношу, села на птицу-грифа и исчезла с ним вместе. И осталась бедная странница опять одна, села она на землю и заплакала. Но, наконец, она успокоилась и сказала: «Я пойду дальше, так далеко, куда только ветер дует и доколе петух будет петть, пока его не найду». И пошла она дальше, и прошла много путей и дорог, пока не пришла, наконец, к замку, где жили они вдвоем, и узнала, что скоро будут справлять они свадьбу. И сказала она:

— Бог мне поможет еще раз! — и она открыла ларец, подаренный солнцем, и лежало в том ларце платье, и сияло так же, как самое солнце. Она достала его, надела и поднялась в замок, и все люди и даже невеста посмотрели на нее с удивлением; и это платье так понравилось невесте, что захотелось

ей надеть его под венец, и она спросила, не может ли та его продать.

— Не продам я его ни за деньги, ни за какое добро, — ответила она, — а за плоть и за кровь.

Невеста спросила, что она этим хочет сказать. И она ответила:

— Позволь меня переночевать ночь в той комнате, где спит твой жених.

Невеста не согласилась; но ей так хотелось получить платье, что, наконец, она дала согласие, приказав слуге подсыпать королевичу сонного зелья.

Когда наступила ночь и королевич уснул, ее отвели в спальню. Села она у его постели и сказала:

— Я шла за тобой семь лет, была я у солнца и месяца, и у четырех ветров я была — все о тебе узнала, я помогла тебе одолеть дракона, неужто ты меня совсем позабыл?

Но королевич спал крепко, и казалось ему, будто ветер шумит среди елей в лесу. Когда наступило утро, ее увели из спальни, и пришлось ей отдать свое золотое платье.

Но когда и это не помогло, запечалилась она, вышла на луг, села и заплакала. Сидя там, она вспомнила о яйце, что подарил ей месяц; она разбила яйцо — и вылупилась из него наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, они побежали, поклевали и залезли опять под крылья наседки, — и не было ничего милее на свете, как смотреть на это.

Потом она встала и пошла по лугу, но невеста заметила из окошка маленьких цыплят, и они ей так понравились, что она вышла из замка и спросила, не продаст ли их странница.

— Ни за деньги, ни за добро, а за плоть и за кровь. Дозволь мне еще одну ночь пробыть в спальне, где спит жених.

Невеста согласилась, но решила ее обмануть, как и в прошлый вечер. Когда королевич ложился в постель, он спросил своего слугу, что это был за шум и за шопот в прошлую ночь. И слуга рассказал ему обо всем: что велено было дать ему сонного зелья, потому что какая-то бедная девушка спала тайком в его спальне, и что в эту ночь он должен дать ему снова сонного зелья. Тогда королевич сказал:

— Вылей это зелье на пол у моей постели.

Ночью девушку ввели снова, и стала она рассказывать, как ей тяжело пришлось; и он тотчас по голосу узнал свою милую жену, вскочил с постели и воскликнул:

— Только теперь впервые я воистину освобожден от чар, а был я будто во сне, ибо меня околдовала чужая королева и заставила меня тебя позабыть, но бог во время снял с меня наваждение.

Тогда они вышли оба ночью тайком из замка, — они боялись отца королевы, который был колдуном, — сели на птицу-грифа, и перенесла их птица-гриф через Красное море. И когда были они посреди моря, бросила она в воду орешек. И тотчас выросло большое дерево орешник, отдохнула на нем птица-гриф и принесла их потом домой, где нашли они своего ребенка; он за это время вырос и сделался красивым мальчиком; и жили они с той поры счастливо до самой смерти.

Гусятница

Жила однажды старая королева; муж у нее умер много лет тому назад, но была у нее красавица-дочь. Когда она выросла, ее обручили с одним королевичем из далекой страны. Пришло время, когда они должны были быть повенчаны и девушке надо было ехать в чужое королевство, и вот собрала тогда старуха-мать много дорогой утвари и драгоценностей — все, что входило в приданое королевы, так как она всем сердцем любила свою дочь. Дала она ей и камеристку, которая должна была ехать вместе с нею, чтобы передать невесту в руки жениха; и дали им для путешествия двух коней, и звали коня королевы Фалада, и умел тот конь говорить. Вот настал час расставанья, и пошла старая мать-королева в свою опочивальню, взяла маленький нож, порезала себе пальцы, и брызнула из них кровь; потом взяла она белый платочек, и упали на него три капли крови; королева отдала этот платочек дочери и сказала:

— Милое мое дитяtko, храни его крепко, он пригодится тебе в дороге.

С грустью простились они друг с другом; сунула королева платочек за пазуху, села на коня и отправилась к своему жениху. Проехали они час, и почувствовала королева сильную жажду и говорит своей камеристке:

— Слезь с коня и набери мне воды из ручья в мой кубок, что взяла ты в дорогу, мне очень хочется пить.

— Если вам хочется пить, — сказала камеристка, — то слезьте сами с коня, наклонитесь к воде и напейтесь, я вашей служанкой быть не хочу.

Королеву мучила жажда, и она сошла с коня, нагнулась к ручью, напилась, но напиться из золотого кубка ей так и не пришлось. И сна сказала:

— Ах, -господи!

И ответили ей три капли крови: «Если бы мать знала об этом, у ней разорвалось бы сердце в груди».

Запечалилась королевна, но ничего не сказала и села опять на коня. Так проехали они несколько миль, но день был жаркий, солнце сильно пекло, и ей снова захотелось пить. А проезжали они мимо родника, и она крикнула снова своей камеристке:

— Сойди с коня и дай мне попить из моего золотого кубка. — Королевна все ее злые слова уже позабыла. Но камеристка сказала еще высокомерней:

— Если хотите пить, то и пейте себе, а вашей служанкой я быть не хочу.

И королевна сошла в великой жажде с коня, нагнулась над родником, заплакала и сказала:

— Ах, господи!

И ответили опять капли крови: «Если бы мать знала об этом, сердце б у ней разорвалось в груди».

Начала королевна пить и сильно нагнулась, и выпал у нее из-за пазухи платок, на котором были три капли крови, и уплыл по воде, но в горе она этого не заметила. А камеристка все это видела и обрадовалась, что получила власть над невестой: ведь если ей потерять эти три капли крови, то станет она беспомощной и слабой. Только хотела королевна сесть опять на своего коня, которого звали Фалада, но камеристка сказала:

— На Фаладе поеду я, а ты можешь ехать на моей кобыле.

И королевне пришлось подчиниться. Потом камеристка грубо ей приказала, чтоб сняла она королевские одежды и надела бы на себя ее простое платье, и к тому же заставила ее поклясться перед богом, что она не скажет об этом при королевском дворе ни одному человеку, а если она не даст такой клятвы, то будет тотчас убита. Но конь Фалада все это видел и хорошо запомнил.

Села камеристка на коня Фаладу, а настоящая невеста на простую лошадь, и поехали они дальше, и вот приехали, наконец, в королевский замок. И была там великая радость по поводу их прибытия, выбежал к ним навстречу королевич, снял камеристку с коня, думая, что это и будет его настоящая жена. Повели ее по лестнице, а настоящей королевне пришлось остаться внизу. Посмотрел старый король в окно и увидел, что она стоит во дворе, заметил, какая она стройная, нежная и какая красивая. Пошел он тотчас в королевскую горницу и спросил у невесты про девушку, что с ней вместе приехала и стоит теперь внизу во дворе, кто она, мол, такая?

— Я взяла ее с собой в дорогу, чтоб было мне с кем ехать. Дайте девушке какую-нибудь работу, чтоб она не стояла без дела.

Но у короля работы для нее не нашлось, и, не зная, что придумать, он сказал:

— Есть у меня тут мальчонка, он пасет гусей, пускай она ему помогает.

Мальчика звали Кюрдхен; и пришлось настоящей невесте помогать ему пасти гусей.

Немного спустя говорит фальшивая невеста молодому королю:

— Мой любезный супруг, сделайте мне одно одолжение.

— Я выполню его с удовольствием, — ответил он ей.

— Велите позвать живодера и отрубить голову коню, на котором я сюда приехала, он по дороге меня рассердил.

А на самом-то деле она боялась, чтобы конь не рассказал, как поступила она с королевной. Раз уж на то пошло, то должно оно было случиться, и пришлось верному Фаладе погибнуть. Но слух об этом дошел до настоящей королевны, и она тайно пообещала живодеру уплатить золотой, если он окажет ей небольшую услугу. Были в том городе большие черные ворота, через них она проходила всегда утром и вечером со своими гусями.

— Прибейте, — сказала она, — над черными воротами голову убитого Фалады, чтоб я видела ее каждый раз.

И живодер обещал ей это: он отрубил голову Фаладе и крепко прибил ее над черными воротами.

На заре, когда гнали они вместе с Кюрдхен через эти ворота гусей, она, проходя, говорила:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

И голова отвечала:

А ты, королевна, ходишь за стадом.
Если б об этом матушка знала,
Сердце б у ней разорвалось.

И она медленно выходила за город и гнала гусей на пастбище.

Прийдя на лужок, она садилась на землю и распускала свои волосы, а были они, словно чистое золото. И Кюрдхен смотрел на них и радовался, глядячи, как сверкали они, и захотелось ему вырвать у нее несколько волосков. Но она сказала:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Кюрдхен колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И поднялся вдруг такой сильный ветер, что сорвал у Кюрдхен его шапочку, — полетела она по полю, и пришлось ему бежать за нею вдогонку. Пока он вернулся назад, она тем временем волосы расчесала, заплела их в косы, и он не мог вырвать у ней ни одного волоска. Рассердился Кюрдхен и перестал с ней разговаривать; и они продолжали пасти гусей, пока не наступил вечер, а потом пошли домой.

На другое утро, когда они гнали гусей через черные ворота, девушка сказала:

Вот где висешь ты, конь мой Фалада!

И ответил Фалада:

А ты, королева, ходишь за стадом.
Если б об этом матушка знала,
Сердце б у ней разорвалось.

Села она опять на лужок и начала расчесывать волосы. Подбежал Кюрдхен и хотел схватить ее за волосы, но она быстро промолвила:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Кюрдхен колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И подул ветер, сдунул у него с головы шапочку, и пришлось Кюрдхен бежать за нею вдогонку, и когда он вернулся, де-

вушка давно уже привела волосы в порядок, и он не мог вырвать у ней ни одного волоса. И пасли они гусей до самого вечера.

А вечером, когда воротились они домой, пришел Кюрджен к старому королю и говорит:

— С этой девушкой я пасти гусей больше не стану.

— Почему? — спросил старый король.

— Да она мне весь день докучает.

Приказал старый король рассказать, что же она ему такое делает.

И сказал Кюрджен:

— Утром, когда проходим мы со стадом через черные ворота, — а висит там на стене лошадиная голова, — девушка говорит:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

а голова отвечает:

А ты, королева, ходишь за стадом.

Если б об этом матушка знала,

Сердце б у ней разорвалось.

И стал Кюрджен рассказывать дальше, что происходит на гусином лугу и как приходится ему бегать вдогонку за шапочкой.

Старый король велел ему и впредь пасти гусей, а сам, только наступило утро, сел за черными воротами и услышал, как говорила она с головою Фалады; потом он пошел вслед за нею на пастбище и спрятался на лугу за кустом. И увидел он вскоре своими собственными глазами, как гусятница и пастушок пригнали гусей, и как села она потом и начала расплетать волосы, и как засияли они от блеска.

И опять сказала она:

Подуй, ветер-ветерок,
Слуй у Кюрджен колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И поднялся вихрь и сорвал с Кюрджен шапочку, и пришлось ему бежать далеко-далеко за нею вдогонку, а пастушка тем временем медленно причесала и заплела волосы, и старый король все это видел. Потом он незаметно вернулся назад, и когда вечером гусятница возвращалась домой, король отозвал ее в сторону и спросил, зачем она все это делает.

— Я сказать вам об этом не смею, да и не могу ни одному человеку пожаловаться на свое горе, — я поклялась в том перед богом, а не то мне придется погибнуть.

Он стал ее допытывать и не давал ей покоя, но ничего добиться от нее не мог. И сказал король:

— Если ты мне ничего не хочешь сказать, так пожалуись тогда на свое горе железной печке, — и ушел.

Тогда она забралась в железную печку, начала плакать и причитать, и все, что было у ней на сердце, высказала, и говорит:

— Живу я, всеми покинутая, а я-то ведь королева; коварная камеристка

принудила меня силой снять с себя королевские одежды и заняла у жениха мое место, и должна я исполнять чёрную работу и пасти гусей.

Если бы знала об этом моя матушка, сердце б у ней разорвалось!

А старый король стоял за печкой и слышал все, что она говорила. Вышел он потом и велел ей вылезть из печки. Надели на нее королевские одежды; и казалось прямо чудом, какая была она прекрасная. Позвал старый король своего сына и объявил ему, что невеста у него фальшивая, а на самом деле она

всего лишь камеристка, а настоящая стоит перед ним — это бывшая гусятница.

Сильно обрадовался молодой король, увидав ее красоту и доброту, и было устроено большое пиршество и созвали на него всех людей и добрых друзей. И сидел на первом месте жених, а рядом с ним королевна, а с другой стороны камеристка, но была камеристка ослеплена и не узнала ее в пышном наряде. Вот поели они, попили, стало им весело, и задал тогда старый король камеристке загадку: чего заслуживает та, которая так, мол, и так обманула своего хозяина, — и он рассказал ей все, как было, по порядку, и спросил:

— Какого приговора она достойна?

И сказала фальшивая невеста:

— Она достойна одного, чтоб раздели ее догола и бросили в бочку, утыканную острыми гвоздями; и надо запрячь в ту бочку двух белых лошадей, и пусть тащат они ее по всем улицам.

— Так ты же и есть та самая, — сказал старый король, — которая произнесла себе приговор, таки должно с тобой поступить.

И вот, когда исполнили приговор, женился молодой король на своей настоящей невесте, и стали они оба править своим королевством в мире и в счастье.

Юный великан

Был у одного крестьянина сын; и был он ростом всего с палец, больше никак не рос, и за несколько лет ничуть не сделался больше. Собрался раз крестьянин ехать на поле — землю пахать, а малютка ему и говорит:

— Батюшка, хочу я с тобой на поле поехать.

— На поле? — говорит отец. — Нет, уж лучше оставайся ты дома; какая с тебя польза будет, — чего доброго, я тебя еще потеряю.

И начал Мальчик-с-пальчик плакать; и чтобы его успокоить, сунул его отец в карман и взял вместе с собой. Приехав на поле, он достал его из кармана и посадил на только что вспаханную борозду. Вот сидит на ней Мальчик-с-пальчик, а в это время выходит из-за горы огромный великан.

— Видишь эту громадину? — спросил его отец, желая напугать этим малыша; а чтоб был он послушным, сказал: — Вот он тебя заберет с собой!

Великан в это время сделал несколько шагов своими длинными ножищами и очутился у самой борозды. Взял он маленького Мальчика-с-пальчик осторожно двумя пальцами, поднял вверх, поглядел на него внимательно и, ни слова не молвив, двинулся с ним дальше. Отец стоял рядом, но от страха и слова вымолвить не мог, и решил, что пропал теперь его сыночек и никогда уж он больше его не увидит.

И унес великан его к себе домой, начал его выкармливать; и вырос Мальчик-с-пальчик и стал таким же большим и сильным, как и все великаны. Прошло два года, и направился старый великан вместе с ним в лес. Он захотел его испытать и сказал:

— Вытащи-ка мне вот этот прутик.

А стал мальчик такой уже сильный, что вырвал из земли молодое дерево вместе с корнями. Великан подумал: «Ну, дело теперь пойдет лучше». И взял его с собой и выкармливал еще целых два года. Стал он его опять испытывать, и силы у мальчика настолько прибавилось, что мог он вырвать из земли теперь и старое дерево. Но великану это казалось еще недостаточным, он выкармливал его еще два года, потом пошел с ним в лес и сказал:

— Ну-ка, вырви мне прутик побольше, — и парень вырвал ему из земли самый толстый дуб — он так и затрепал; и было это для него делом совсем пустячным.

— Ну, теперь хватит, — сказал великан, — ты уже обучился, — и отвел его назад на поле, откуда он его принес.

А отец его как раз в это время шел за плугом. Юный великан подошел к нему и говорит:

— Посмотрите, батюшка, каким человеком ваш сын сделался.

Испугался крестьянин и говорит:

— Нет, ты мне не сын, я такого не хочу, отойди от меня.

— Да нет же, я ваш сын, и дозвоьте мне приняться за работу; пахать я умею так же хорошо, как и вы, а может, еще и получше.

— Нет, нет, ты не сын мне, да и пахать-то ты не умеешь; уходи от меня прочь.

Но так как он великана побаивался, то отошел от плуга и сел на край поля. Взял тогда парень всю упряжку и нажал одной только рукой на плуг, но нажим был такой сильный, что плуг глубоко врезался в землю. Тут крестьянин не вытерпел и крикнул:

— Коли хочешь землю пахать, то не надо так сильно нажимать, а то пахота будет неважная.

Тогда парень выпряг коней, потащил плуг на себе и сказал:

— Ступай, батюшка, домой да вели матери наварить мне миску еды, да чтобы побольше, а я уж за это время сам все поле вспашу.

Пошел крестьянин домой и сказал жене, чтоб наварила она еды побольше. Вспахал парень поле, а было оно величиной в два моргена ¹, и сделал он это один, а потом впряг себя в борону и стал боронить все поле двумя боронами зараз. Кончив работу, пошел он в лес, вырвал из земли два дуба, взвалил их себе на плечи, а сзади и спереди по бороне, да еще сзади и спереди по лошади, и понес все это, словно вязанку соломы, домой к отцу-матери. Входит он во двор, а мать его не узнала и спрашивает:

— Что это за страшный и огромный человечище?

А крестьянин отвечает:

— Да это наш сын.

А она говорит:

— Нет, это не наш сын, — такого верзилы у нас никогда не было, наш-то ведь был совсем крошечный.

И она крикнула ему:

— Ступай прочь, такого мы не хотим!

Но парень промолчал, отвел лошадей на конюшню, засыпал им овса, подложил им сена — все как следует. Когда он закончил работу, вошел в комнату, сел на скамью и говорит:

— Матушка, ну, а теперь мне хочется чего-нибудь поесть, скоро ли будет ужин?

¹ Старинная мера земли в Германии. (*Примеч. переводчика.*)

— Скоро, — ответила она и принесла две больших полных миски еды, ее хватило бы для нее и для мужа, пожалуй, на целую неделю. Но парень поел все это сам и спросил, нельзя ли еще чего подбавить.

— Нет, — сказала она, — это все, что у нас имеется.

— Да ведь это только, чтоб отведать, — мне бы надо побольше.

Она не решилась ему отказать, пошла на кухню и поставила на огонь большой котел, из которого свиньи ели, и когда он вскипел, принесла она ему целый котел.

— Наконец-то еще маленько принесли, — сказал он и съел все за один присест; но и этим он не наелся. Тогда говорит он отцу:

— Я вижу, что сыт я у вас не буду. Достаньте мне железную палицу, да покрепче, такую, чтоб мне на колене не переломить, и пойду я странствовать по свету.

Крестьянин обрадовался, запряг в повозку пару лошадей и привез от кузнеца палицу, такую большую и толстую, какую только могла дотащить пара лошадей. Положил парень палицу на колени и — трах! — переломил ее пополам, как гороховый стебель, и отбросил в сторону. Запряг тогда отец четырех лошадей и привез палицу, такую большую и толстую, какую могла только дотащить четверка лошадей. И эту сын, положив на колени, переломил, кинул ее в сторону и говорит:

— Батюшка, ты в этом деле помочь мне, видно, не можешь; надо запрячь лошадей побольше и привезти палицу, какую покрепче.

И запряг отец восьмерик лошадей и привез палицу, такую большую и толстую, какую только восемь лошадей могли дотащить. Взял ее сын в руку, отломил сверху кусок и говорит:

— Ну, вижу я, что палицы, какая мне нужна, вы достать не можете, дольше оставаться у вас я не хочу.

И он ушел от него и стал выдавать себя всюду за кузнеца-подмастерье. Пришел раз в деревню, а жил в той деревне кузнец и был он большой скряга — никому ничего не давал и хотел, чтоб все принадлежало только ему. Вот пришел он к нему в кузницу и спрашивает, не нужен ли ему будет кузнец-подмастерье.

— Да, — говорит кузнец; глянул на него и подумал: «Этот парень здоровенный, ковать сумеет хорошо и на хлеб себе зарабатывает». И спросил:

— А какую ты плату за работу хочешь?

— Да мне никакой платы не надо, — говорит он, — а вот каждые две недели, когда будешь с другими подмастерьями расплачиваться, хотел бы я давать тебе по два тумака, а ты уж изволь их выдержать.

Такой уговор скряге пришелся по сердцу: он рассчитал, что так сбережет он немало денег. На другое утро новый подмастерье должен был приняться в первый раз за работу, и когда мастер принес раскаленную докрасна болванку, тот ударил разок, но железо от удара все так и разлетелось, а наковальня вгрузла в землю так глубоко, что ее нельзя было никак оттуда вытаскать.

Рассердился скряга и говорит:

— Э-э, нет, держать я тебя на работе не стану, ты куешь слишком грубо. А сколько ты хочешь за этот удар?

Подмастерье ему отвечает:

— Одно я хочу — дать тебе небольшого пинка, больше мне ничего от тебя не надо. — И он поднял ногу, дал ему пинка, и перелетел кузнец через четыре стога сена.

Потом выбрал он себе самую толстую железную болванку, какая была в кузнице, взял ее вместо посоха в руку и отправился дальше.

Вскоре подошел он к деревне и спросил у старосты, не потребуется ли ему старший работник.

— Да, — ответил староста, — пожалуй, будет нужен. Ты, видно, парень здоровый, с делом, пожалуй, справишься. А сколько ты жалованья за год хочешь?

Он опять-таки ответил, что жалованья ему не надо, а вот хочет он давать ему каждый год по три тумака, которые тот должен выдержать. Староста таким ответом остался доволен, — он был тоже порядочный скряга. На другое утро работникам надо было ехать в лес за дровами, все уже встали, а старший работник еще лежал в кровати. Вот один из работников его и окликнул:

— Эй ты, вставай, пора в лес за дровами ехать, и тебе тоже вместе с нами.

— Э, — ответил он насмешливо и грубо, — вы уж себе отправляйтесь, а я раньше вас с делом управлюсь.

Вот работники и пошли к старосте и рассказали ему, что старший-де работник еще лежит на полотах и, видно, ехать с ними в лес не собирается. Староста сказал, что пусть его разбудят как следует и скажут, чтоб он запрягал лошадей. А старший работник опять им отвечает:

— Да вы езжайте себе, я раньше всех вас с делом управлюсь.

И он пролежал на полотах еще часа два. Наконец вылез он из перины, принес из амбара две мерки чечевицы, сварил себе похлебку, спокойно ее поел, а потом пошел на конюшню, запряг лошадей и поехал в лес. А вблизи от порубки была ложбина, по которой надо было ему ехать. Проехал он с телегой через ложбину, остановил лошадей, отошел назад к телеге и

устроил из деревьев и хворосту такую засеку, что через нее ни одна лошадь не могла бы проехать. Подошел он к порубке, а в это время другие работники уже выезжали оттуда домой с груженными телегами, вот он им и говорит:

— Езжайте-езжайте, я все равно раньше вас домой приеду. — Отъехал он немного, вырвал сразу из земли два самых больших дерева, взгалил их на телегу и повернул назад. Подъезжает к засеке, видит — стоят работники и никак не могут через нее проехать.

— Вот видите, — сказал он, — остались бы вы со мной, то и домой бы поскорей приехали да еще часок-другой могли бы поспать.

Он хотел тоже проехать через ложбину, но лошади пробраться никак через нее не могли. Тогда он их выпряг, положил на телегу, а сам ухватился за оглобли и враз перетащил все через засеку, и сделал это так легко, словно телега была перьями нагружена. Вот перебрался он на другую сторону и говорит тогда остальным:

— Вот видите, я скорей вас проехал, — и двинулся дальше, а остальным пришлось там остаться.

Заехав во двор, он взял в руки дерево, показал его старосте и говорит:

— А дров-то, пожалуй, целая сажень выйдет.

Вот староста и говорит своей жене:

— А работник наш и вправду хорош; хоть и спит он много, да с делом раньше других справляется.

Так прослужил он у старосты целый год. Вышел срок, и стали работники получать свое жалованье. Вот он и говорит:

— Время и мне свою плату получать.

Испугался староста пинков, которые он должен был получить, и стал его просить и уговаривать, чтобы он простил ему те тумачи:

— Я уж лучше старшим работником стану, а ты будь за меня старостой.

— Нет, — сказал он, — не хочу я быть старостой; я старший работник и хочу им остаться, а свое, как мы условились, должен я получить.

Стал староста ему предлагать все, что он только пожелает, но старший работник на все его предложения отвечал «нет». Староста не знал, что ему и делать, и попросил у него на размышление две недели отсрочки. Старший работник на это согласился. Созвал тогда староста всех своих писарей, чтоб пораздумали они хорошенько и дали бы добрый совет. Писаря долго думали-раздумывали и, наконец, сказали, что никто перед старшим работником устоять не сможет, а то, пожалуй, и жизнью расплатиться придется, — ведь он каждого,

как комара, раздавит. И они посоветовали старосте, чтобы велел он старшему работнику спуститься в колодец и его почистить, а когда он спустится вниз, прикатить мельничный жернов и сбросить его ему на голову, — тогда уж он никогда оттуда не вылезет.

Совет этот старосте понравился, и старший работник спуститься в колодец согласился. Когда он очутился на дне колодца, они скатили в колодец самый большой мельничный жернов, думая, что расшибует работнику голову, а он вдруг как закричит оттуда:

— Отгоните кур от колодца, а то роются они там в песке и сбрасывают мне в глаза всякий мусор, и мне оттого ничего не видно.

Крикнул тогда староста: «Кш-кш!», будто кур отгоняет. Закончил старший работник свою работу, вылез из колодца и говорит:

— Поглядите, какое у меня красивое ожерелье, — а был это на самом деле жернов; висел он у него на шее.

Пожелал старший работник получить теперь свое жалование, но староста опять выпросил две недели на размышление. Сошлись все писаря и дали такой совет: послать старшего работника в заколдованную мельницу, чтоб перемолол он там ночью зерно; никто еще с той мельницы наутро живым не возвращался. Это предложение старосте понравилось, и он позвал в тот же вечер работника и велел ему отвезти на мельницу восемь четвертей зерна и за ночь все это перемолоть, — очень, мол, нужно. Пошел старший работник в амбар, насыпал две четверти зерна в правый карман, две четверти в левый, а четыре насыпал в перемётную суму, взвалил на себя и, нагруженный, отправился к заколдованной мельнице. Мельник сказал ему, что днем он может зерно перемолоть как следует, но ночью никак дело не выйдет, — мельница-де заколдованная, и всякого, кто в нее зайдет, мертвым наутро выносить приходится. Но работник сказал:

— Я уж как-нибудь управлюсь, вы только уходите отсюда да ложитесь себе спать.

И пошел он на мельницу и засыпал зерно. Часам к одиннадцати зашел он к мельнику в комнату и присел на лавку. Посидел немного, — вдруг открывается дверь, и входит в комнату большой-пребольшой стол, и ставятся на него сами собой вино и жаркое и много всяких других яств, а в комнате ведь никого не было, кто мог бы все это принести. И придвинулись потом стулья сами к столу, но никто из людей не явился. Вдруг увидел он пальцы, они двигали ножами и вилками и накладывали кушанья на тарелки, а больше ничего разглядеть он не мог. Он был голоден, а когда увидел кушанья, то подсел тоже

к столу и стал есть вместе с другими; и все ему показалось очень вкусным. Когда он наелся и другие тоже поели все, что было у них на тарелках, вдруг кто-то стал все свечи тушить, — это он ясно слышал, — и когда стало темным-темно, хоть глаз выколи, то кто-то дал ему вроде пощечины. Тогда он сказал:

— Если это повторится еще раз, я дам сдачи!

И когда он получил еще раз пощечину, он тоже размахнулся и тотчас ударил кого-то в ответ.

И так продолжалось целую ночь: он не спускал ни разу и честно давал сдачу, не ленился — бил куда попадет. Но только стало светать, как все вмиг прекратилось. Мельник встал, захотелось ему посмотреть на работника, и он был удивлен, что увидел его в живых. И тот рассказал:

— Наелся я досыта, но и пощечин получил немало; ну, и сдачи тоже давал.

Обрадовался мельник и сказал, что теперь мельница расколдована, и хотел было дать ему за это много денег в награду, но он сказал:

— Денег я не хочу, у меня их и так довольно. — Взвалил он мешок с мукой на плечи, пошел домой и сказал старосте, что с делом он управился, а теперь хочет получить расчет.

Как услышал об этом староста, тут уж и совсем перепугался и никак не мог успокоиться, стал ходить по комнате взад и вперед, и пот градом так и катился у него с лица. Открыл он окошко, чтоб подышать свежим воздухом, но не успел идохнуть, как дал ему старший работник такого пинка, что вылетел он из окна, взлетел прямо на воздух и стал подыматься выше и выше, пока, наконец, стал совсем невидим. Тогда старший работник говорит старостихе:

— Если он назад не вернется, то другой пинок вам уж получать придется.

Закричала старостиха:

— Нет, нет, уж мне этого не выдержать! — открыла она другое окошко, и у нее капли пота тоже на лбу проступили. И вот дал работник ей пинка, и вылетела она в окошко; а так как была она легче мужа, то и взлетела куда повыше.

Стал муж ей кричать:

— Спускайся ко мне!

А она всё кричала:

— Ты уж лучше ко мне подымайся, а мне к тебе спуститься никак невозможно. — И стали они носиться по воздуху, а друг к другу приблизиться все никак не могут.

Летают ли они там до сих пор, по правде сказать, я не знаю. А юный великан взял свою железную палицу и пошел себе дальше.

Подземный человечек

Жил-был некогда богатый король, и было у него три дочери; они каждый день гуляли по замковому саду, а король был такой большой любитель всяких плодовых деревьев, что объявил, что всякого, кто сорвет хоть одно яблоко с дерева, он силой заклятья упрячет на сто сажен под землю. Вот наступила осень, и стали яблоки на одном из деревьев красные, точно кровь. А три королевских дочери гуляли каждый день под деревом и смотрели, не страшнет ли ветром хоть одно яблоко, — ведь за всю свою жизнь они не нашли ни одного, которое бы упало, — а дерево чуть не ломилось от яблок, и ветки его пригнулись до самой земли. И вот очень уж захотелось младшей королевне съесть яблочко, и сказала она своим сестрам:

— Наш отец нас очень любит, и вряд ли он выполнит свое заклятье; я думаю, что это относится только к чужим людям. — И она сорвала самое крупное яблоко и, подбежав к своим сестрам, сказала:

— Вот, отдайте, милые сестрицы, хотя бы кусочек! Я за всю свою жизнь не ела никогда такого вкусного яблока.

И откусили обе старшие королевны по куску яблока, и все трое тотчас опустились под землю, да так глубоко, что не слышать было и петушиного крика.

Вот наступил полдень, и король собрался уже идти к столу, но дочерей нигде найти не мог; он долго искал их и в замке и в саду, но всё напрасно. Он был так опечален, что приказал объявить по всей стране, что тот, кто найдет его дочерей, возьмет любую из них себе в жены. И много тогда молодых людей пустилось на поиски, так как трех королевских дочерей все очень любили, — были они ко всем ласковы, да лицом к тому же очень красивы. Среди прочих были три молодых охотника, и, проездив целую неделю, прибыли они к большому замку, а в замке том были красивые комнаты, и в одной из них был накрыт стол; стояли на нем разные вкусные яства, и все они были горячие, и шел от них еще пар, хотя во всем замке не было ни слышно и не видно ни одной человеческой души. Просидели они там, дожидаясь, целых полдня, а кушанья все оставались горячими, и от них шел пар; они так проголодались, что сели и начали есть, да порешили между собой остаться жить в этом замке и кинуть жребий, кому в доме остаться, а кому ехать вдвоем на поиски королевских дочерей; так они и сделали; и выпал жребий остаться в замке старшему. На другой день двое младших отправились на поиски, а старший остался дома. Вдруг является в полдень маленький человечек и начинает его просить дать ему ку-

сочек хлеба; взял тогда старший охотник хлеб, отрезал целый ломоть и подал ему, но маленький человечек его уронил и попросил, чтобы тот был так добр и подал ему этот кусок хлеба. Он согласился, и вот когда он нагнулся за хлебом, маленький человечек взял палку, схватил его за волосы и стал бить.

На другой день дома пришлось оставаться среднему — и с тем случилось то же самое. Вернулись охотники вечером домой, а старший и спрашивает среднего:

— Ну, как поживаешь?

— Ох, очень плохо! — Стали они тогда рассказывать один другому про свою беду, но младшему ничего о том не сказали, — они его не любили и всегда называли глупым Гансом, потому что он был не такой, как они.

На третий день дома оставаться пришлось младшему, и снова явился маленький человечек и стал просить дать ему кусочек хлеба; дал Ганс ему хлеба, а тот его снова уронил и стал просить, чтобы был он так добр и поднял бы кусок хлеба. Но младший сказал маленькому человечку:

— Что? Разве ты сам не можешь его поднять? Если ты не хочешь позаботиться о своем хлебе насущном, то ты недостойн его и есть.

Разозлился тогда человечек и сказал, что он должен ему поднять хлеб, но Ганс, не будь ленив, схватил человечка того за шиворот и здорово его отколотил. Стал тогда человечек кричать изо всех сил:

— Не бей меня, отпусти ты меня, — скажу я тебе тогда, где находятся королевны!

Услыхал это Ганс и перестал его бить. И рассказал ему тот человечек, что живет он, мол, под землей и что там их больше тысячи, и предложил ему идти вместе с ним, обещая ему указать, где находятся королевны. Привел он его к глубокому колодцу, но воды в нем не было. Рассказал ему человечек, что он доподлинно знает о том, что его приятели злое против него замышляют и что если он хочет освободить королевен, то должен сделать это один; что и его спутники тоже хотят отыскать королевен, но хотят они это сделать не прилагая усилий и избегая опасностей; что должен он взять большую корзину, сесть в нее, взять с собой колокольчик и большой охотничий нож и спуститься вниз; а внизу находятся три комнаты, и в каждой из них сидит по королевне, а возле каждой из них лежит многоголовый дракон, и должен он тем драконам все головы отрубить.

Рассказал все это подземный человечек и исчез.

Наступил вечер, и вернулись два охотника и стали у него спрашивать, как ему дома пришлось, и он ответил, что было очень хорошо, — никаких людишек он не видел, а вот в полдень приходил-де маленький человечек, кусочек хлеба просил; и хлеба он

ему дал, но тот человек его уронил и стал просить, чтоб он его поднял и подал ему; но он сделать этого не захотел, и стал тогда человек его бранить, а он его хорошенько отколотил, и человек тогда ему рассказал, где находятся королевы. Услыхав о том, оба охотника так разозлились, что от злости прямо пожелтели да позеленели. На другое утро пошли они все к колодцу и бросили жребий, кто первый должен спуститься туда в корзине; и выпал жребий опять старшему: Сел он в корзину, взял с собой колокольчик и говорит:

— Когда я позвоню, тащите меня быстро наверх.

Только он начал спускаться, как зазвонил колокольчик, чтоб тащили его наверх. Тогда сел в корзину средний, но и с ним было то же. Вот наступил черед младшему, и спустили его на самый низ. Вышел он из корзины, взял свой большой охотничий нож, подошел к первой двери, остановился и стал прислушиваться; и услышал он, что дракон громко храпит. Тогда он медленно приоткрыл дверь, видит — сидит в комнате одна из королевен, а девятиглавый дракон положил головы ей на колени и стережет ее. Взял он тогда свой большой охотничий нож и отрубил смаху все девять голов. Тут королева вскочила и бросилась ему на шею, стала его обнимать и целовать; и сняла она с груди свое ожерелье, — а было оно из червонного золота, — и надела ему на шею. И отправился он затем за второй королевной. Ее тоже стерег дракон с семью головами, и освободил он ее так же, как и младшую, которую сторожил дракон с четырьмя головами, и отрубил ему головы тоже. И стали они все его расспрашивать, обнимать и целовать без конца. Затем он стал звонить в колокольчик, пока его не услышали. И посадил он трех королевен одну за другой в корзину и велел всех их тащить наверх. Но пришел черед и ему наверх подыматься; тут он вспомнил слова подземного человечка, что приятели его замышляют против него недоброе. Взял он тогда большой камень, что лежал на дне колодца, и положил его в корзину; но когда корзина поднялась до середины, обрезали коварные охотники веревку, и упала корзина с камнем на дно колодца, и подумали они, что он разбился, и убежали с тремя королевнами, взяв с них обещанье, что они скажут своему отцу, что освободили их, дескать, они. Вот пришли они к королю и стали его просить отдать им дочерей в жены.

А тем временем молодой охотник бродил, грустный и печальный, по трем комнатам, думая, что придется ему тут и помирать. Вдруг видит он — висит на стене флейта, и сказал он: «Зачем ты висишь здесь на стене, кому тут может быть весело?» Поглядел он на головы драконов и промолвил: «И вы тоже помочь мне ничем не можете». Расхаживал он по комнатам так долго, что весь земляной пол утоптал. Наконец пришли ему в

голову другие мысли, и он снял со стены флейту и начал на ней играть; вдруг явилось множество подземных человечков, и с каждым звуком флейты их являлось все больше и больше; тогда он стал продолжать игру, пока вся комната не наполнилась человечками. Стали все они его спрашивать, чего он хочет, и он им ответил, что хотелось бы ему снова вернуться на землю, на белый свет поглядеть; и подхватили тогда они его, и каждый схватил его за один волос на голове, и так они его за волосы наверх из колодца и вытянули.

Когда он очутился на земле, то счастливо добрался к королевскому замку, где как раз в это время должна была состояться свадьба одной из королевен, и он направился прямо в комнату, где находился король со своими тремя дочерьми. Увидев его, они упали на пол без чувств. Разгневался король и велел посадить его тотчас в темницу, думая, что он причинил зло его дочерям. Но когда королевны снова очнулись, они стали просить своего отца, чтобы он освободил его из темницы. Король их спросил, почему они просят его об этом, и они ответили, что не смеют ничего о том ему рассказать. Тогда он велел, чтобы они рассказали о том печке. Вышел он из комнаты и стал у дверей подслушивать, и так узнал он обо всем. Велел он тогда тех двух охотников повесить, а третьему отдать свою младшую дочь в жены.

И надел я на свадьбу стеклянные башмаки, да споткнулся о камень, и — дзынь! — пришел им капут.

Король с Золотой горы

Было у одного купца двое детей, мальчик и девочка; были они маленькие и не умели еще ходить. Отправил однажды купец за море корабли, и находилось все его состояние на тех кораблях, и он думал много денег оттого заработать; но вот пришло известие, что корабли утонули. И стал он вместо богатого человека бедняком, остался у него всего только ключок земли за городом. Чтоб как-нибудь про свое горе забыть, вышел он из дому в поле, стал прохаживаться, и вдруг явился перед ним маленький черный человечек и спрашивает, чего он запечалился, какая у него на сердце грусть.

Сказал купец:

— Если б ты мог мне помочь, я бы охотно тебе рассказал.

— Почем знать, — ответил черный человечек, — может и помогу.

Рассказал тогда купец о том, что все его богатства на море утонули, и остался у него всего лишь вот этот клочок земли.

— А ты не горюй, — молвил человечек, — если ты мне обещаешь доставить сюда через двенадцать лет на это вот самое место, то, что первое дома тебя в ногу толкнет, то получишь денег столько, сколько захочешь.

Подумал купец: «Ну, это, наверно, моя собака», — а про своего маленького сына он и забыл, — и согласился; дал черному человечку расписку, печать к ней приложил и домой отправился.

Пришел купец домой, а маленький сын обрадовался ему; стал, держась за скамейку, к нему пробираться и крепко вцепился ему в колени. Испугался отец, вспомнив про свое обещанье, и понял теперь, в чем он сам расписался. А так как никаких денег в ящиках он нигде у себя пока что не находил, то и подумал, что человечек, пожалуй, подшутил. Месяц спустя пошел купец на чердак, хотел собрать там старую оловянную посуду и ее продать, как вдруг увидел он там целую кучу денег. И радостно-весело стало ему опять. Начал он покупать снова товары и вскоре сделался купцом еще поважней прежнего и тужить ему теперь ни о чем не приходилось. Тем временем сын его вырос и сделался такой умный и рассудительный.

Но чем ближе подходило время к двенадцати годам, тем озабоченней становился купец, и по лицу его было видно, что он чувствует страх. Вот и спрашивает у него однажды сын, что с ним такое. Отцу не хотелось говорить ему об этом, но сын так долго его упрашивал, что в конце концов он рассказал, что пришлось ему пообещать, — не зная этого, — отдать его черному человечку, и что получил он за это много денег; дал он в том человечку расписку и печать приложил, и вот должен он, когда исполнится двенадцать лет, его отдать.

— Вы уж, батюшка, — сказал сын, — не бойтесь, все будет хорошо, черный человечек не имеет надо мной никакой силы.

Попросил сын у пастора благословенья, и когда подошел срок, он вышел вместе с отцом на поле; начертил сын круг и стал вместе с отцом в середину круга. Явился черный человечек и говорит старику-отцу:

— Ну, принес ты мне, что обещал?

Промолчал отец, ничего не сказал, а сын спрашивает:

— Чего тебе тут надобно?

Черный человечек говорит:

— Мне надо с твоим отцом поговорить, а не с тобой.

Отвстил сын:

— Ты моего отца обманул и ввел в соблазн, давай расписку назад.

— Нет, — говорит черный человечек, — от своего права я не откажусь.

Долго они между собой спорили и, наконец, порешили на том, что сын принадлежит отныне нечистому, а не своему родному отцу, и должен сын сесть на кораблик, что стоит на реке, а отец обязан своей собственной ногой оттолкнуть кораблик от берега, и пусть себе сын плывет по воле волн. Простился сын со своим отцом, сел на кораблик, и пришлось отцу оттолкнуть тот кораблик своей собственной ногой. Перевернулся кораблик вверх дном, оказалась палуба в воде, и подумал отец, что его сыну придется погибнуть. Вернулся отец домой, стал о нем горевать и его оплакивать.

Но кораблик не утонул, а спокойно поплыл себе дальше, и сидел в нем юноша в безопасности; и плыл кораблик долго-долго, пока, наконец, не пристал к неведомым берегам. Вышел юноша на берег, видит — стоит перед ним прекрасный замок, и он пошел прямо к тому замку. Но только вступил он в замок, видит, что тот заколдован. Обошел он все комнаты, они оказались пустые; зашел он в последнюю комнату, и лежала там, извиваясь, змея. А была змея заколдованной девушкой; увидев его, она обрадовалась и говорит:

— Ты явился, мой избавитель? Я ждала тебя, дожидалась целых двенадцать лет. Это королевство заколдовано, и ты должен его расколдовать.

— А как же мне это сделать? — спросил он.

— Сегодня ночью явятся двенадцать черных человечков, все они увешаны цепями; они станут тебя спрашивать, что ты тут делаешь, но ты молчи, ни слова не говори, не отвечай им, и пусть они делают с тобой, что хотят. Они станут тебя мучить, бить и колоть, а ты терпи, ничего не говори; в полночь они должны будут уйти. На вторую ночь явятся снова другие двенадцать, на третью ночь — двадцать четыре, и отрубят они тебе голову; но в полночь их власть окончится, и если ты выдержишь и не вымолвишь ни единого слова, то я буду расколдована. Я приду к тебе и принесу с собой пузырек с живою водой. Я окроплю тебя этой водой, и ты снова воскреснешь и будешь здоров, как прежде.

И он сказал ей:

— Я с радостью тебя освобожу.

И вот случилось все, как она говорила; черные человечки не могли вынудить у него ни единого слова, и на другую ночь стала змея прекрасною королевой; она явилась с живою водой и воскресила юношу. Бросилась она к нему на шею, стала

его целовать, и были радость и ликование во всем замке. Отпраздновали свадьбу, и он стал королем с Золотой горы.

И вот зажили они вместе в счастье и довольстве, и родила королева прекрасного мальчика. Прошло уж восемь лет, и вспомнил король про своего отца; заговорило у него сердце и захотелось ему навестить отца. Но королева не хотела его отпустить и сказала:

— Я знаю наперед, что это принесет мне несчастье.

Однако он не давал ей покоя до тех пор, пока она не согласилась. Дала она ему на прощанье волшебное кольцо и сказала:

— Возьми это кольцо, надень его себе на палец, и оно вмиг перенесет тебя туда, куда ты захочешь; но дай мне обещанье, что ты не воспользуешься кольцом для того, чтоб унести меня отсюда к твоему отцу.

Он пообещал ей это, надел на палец кольцо и пожелал перенестись на родину, к тому городу, где жил его отец. И вмиг он там очутился, и захотелось ему попасть в город. Подошел он к воротам, но стража не хотела его пропускать, оттого что была на нем странная, хотя богатая и роскошная одежда. Тогда он взшел на гору, где пас свое стадо пастух, обменялся с ним одеждой, надел старую пастушью куртку, и никто тогда не стал его задерживать, и он прошел в город. Вот пришел он к своему отцу и объявил ему, кто он такой; но отец никак не мог поверить, что это его родной сын, и сказал:

— Хотя и был у меня сын, но он давно уже умер. Я вижу, что ты бедный, убогий пастух, и я готов накормить тебя досыта.

И говорит пастух своим отцу-матери:

— Нет, я вправду ваш сын. Может, вы знаете какой-либо знак у меня на теле, по которому вы могли бы меня узнать?

— Да, — сказала мать, — была у нашего сына под правым плечом красная родинка.

Он приподнял рубаху, и они увидели у него под правым плечом красную родинку и перестали тогда сомневаться, что это и вправду их родной сын. Потом он рассказал им, что он — король с Золотой горы, что жена у него королева и что есть у них прекрасный сын семи лет.

И сказал отец:

— Я никогда этому не поверю! Какой же славный король станет ходить в изодранной пастушьей одежде?

Тут разгневался сын и повернул, позабыв про свое обещанье, вокруг пальца кольцо и пожелал, чтоб жена и ребенок тотчас к нему явились; и вмиг они были уже здесь. Но королева начала плакать и горевать и сказала, что он нарушил свое слово и сделал их оттого несчастными.

Он ответил:

— Я сделал это по забывчивости, а не по злой воле, — и стал ее утешать. Она сделала вид, будто ему простила, но в душе затаила злобу.

Тогда он повел ее за город, в поле, и показал ей ту реку, где когда-то оттолкнули его кораблик, и сказал:

— Я устал, давай сядем на землю, и я немного вздремну у тебя на коленях. — Положил он ей голову на колени, и она стала искать у него в голове, пока он уснул. Когда он уснул, сняла королева сначала у него с пальца кольцо, потом тихонько высвободила ногу, но осталась туфелька; потом взяла она на руки своего ребенка и пожелала вернуться к себе в королевство.

Проснулся он, видит, что лежит один, всеми покинут; жены и ребенка нету, и кольца на пальце нет тоже, осталась в знак доказательства одна лишь туфелька.

«Вернуться домой к родителям я не могу, — подумал он, — а то они еще скажут, что я колдун; надо мне собираться и уходить отсюда и идти до тех пор, пока не вернусь в свое королевство». Он ушел и, наконец, прибыл к горе; а стояли у той горы три великана и спорили между собой, не зная, как поделить им отцовское наследство. Увидели они, что идет мимо юноша, окликнули его и говорят: — Маленькие люди толковые; подели между нами отцово наследство. А наследство это состоит, во-первых, из сабли, — у кого находится в руках эта сабля и кто скажет: «Все головы с плеч долой, кроме моей одной!» — то будут лежать вмиг все головы на земле; во-вторых, из плаща, — кто им закутается, тот сделается невидимкой; и в-третьих, из пары сапог, — кто те сапоги на себя наденет, то, куда он ни пожелает попасть, вмиг там и очутится.

Вот юноша и говорит:

— А вы дайте мне эти три вещи, я испробую, в исправности ли они.

Дали они ему плащ, накинул он его на себя — и вмиг стал невидимкой и обратился в муху. Потом он принял опять свой прежний вид и сказал:

— Плащ хорош, а теперь дайте мне меч.

А они говорят:

— Нет мы его тебе не дадим! Ведь если ты скажешь: «Все головы с плеч долой, кроме моей одной!», то полетят наши головы с плеч и останется голова только у тебя одного.

Но они все ж таки дали ему меч, взяв с него слово, что он испробует его силу на дереве. Так он и сделал, и меч разрубил ствол дерева, точно соломинку.

Захотелось ему испробовать и сапоги, но великаны сказали:

— Нет, мы сапог тебе не дадим; ведь если ты их наденешь и пожелаешь попасть на вершину горы, мы останемся тут внизу, и у нас ничего не будет.

— Нет, — сказал он, — я этого не сделаю.

Они дали ему сапоги. И вот оказались у него все эти три вещи, а он думал только о своей жене и ребенке и молвил про себя: «Ах, если б попасть мне на Золотую гору!» — и миг на глазах великанов он исчез; так было поделено их наследство.

Был уже юноша вблизи замка; услышал он радостные крики, звуки скрипок и флейт, и люди сказали ему, что это его жена празднует свадьбу с другим. Разгневался он и сказал:

— Лжигая женщина, она меня обманула и покинула город, когда я уснул. — И онакинул на себя свой плащ и вошел невидимкою в замок.

Вошел он в зал, и стоял там большой стол, уставленный богатой едой; гости ели и пили, смеялись, шутили. А королева сидела среди них в прекрасных одеждах, на королевском троне, и была у нее на голове корона. Он стал позади нее, и его никто не видел. Когда ей клали на тарелку кусок мяса, он брал его и съедал: наливали ей стакан вина, он брал его и выпивал; ей все время подкладывали еду, но у нее ничего не было, — тарелка и стакан миг исчезали. Она была этим огорчена, ей стало стыдно, она ушла к себе в комнату и заплакала, а он пошел следом за ней.

Сказала она:

— Неужто дьявол мной овладел, разве ни разу не приходил мой избавитель?

Он ударил ее по лицу и сказал:

— Разве никогда не приходил твой избавитель? Да ведь он рядом с тобою, обманщица! Разве я это заслужил от тебя?

И он сделался видим, вошел в зал и крикнул:

— Пиру конец, настоящий король явился!

Короли, князя и советники, которые там собрались, начали над ним издеваться и смеяться; но он коротко молвил:

— Уйдете вы отсюда или нет?

Они хотели было его схватить и уже кинулись на него, но он выхватил свой меч и сказал:

— Все головы с плеч долой, кроме моей одной!

И покатились все головы наземь, и он остался один хозяином замка и стал опять королем с Золотой горы.

Ворона

Жила-была некогда королева; была у нее дочка, совсем еще маленькая, — ее еще на руках носили. Однажды стала девочка капризничать, и что мать ей ни говорила, девочка никак не могла успокоиться. Потеряла мать терпенье, а летали вокруг замка в то время вороны; вот открыла она окно и сказала:

— Хоть бы ты стала вороной и от меня улетела, мне было бы тогда спокойней!

Только вымолвила она это слово, обернулась девочка вороной и выпорхнула у нее из рук прямо в окошко. Улетела она в темный лес и оставалась там долгое время, и родители ничего о ней не знали. Спустя некоторое время проезжал через тот лес один человек, услышал он, что кричат вороны, и пошел туда; подошел он ближе, а ворона ему и говорит:

— Я родилась королевной, но меня заколдовали, и ты можешь меня освободить от заклятья.

— А что же надо мне для этого сделать? — спросил он.

Говорит ворона:

— Ступай дальше в лес, и увидишь там дом, сидит в том доме старуха; она предложит тебе поесть и попить, но ты этого делать не смей, а не то нападет на тебя сон и тогда ты не сможешь меня освободить. В саду за тем домом стоит большая сторожевая вышка; ты взойди на ту вышку и там меня дождайся. Три дня подряд я буду являться к тебе в карете, каждый раз в два часа, и будет она запряжена сначала четверкою белых жеребцов, потом четверкой буланых, наконец четверкою вороных; и если ты будешь бодрствовать и не уснешь, я буду расколдована.

Человек пообещал выполнить все, что она пожелает, а ворона говорит:

— Ах, я уж знаю, ты меня от колдовства не освободишь, ты что-нибудь да возьмешь у старухи.

Но человек пообещал еще раз, что ничего у старухи брать не станет, ни еды, ни питья. Когда подошел он к тому дому, вышла к нему навстречу старуха и говорит:

— Бедный вы человек, как вы истощали! Заходите и подкрепитесь, покушайте чего-нибудь да выпейте.

— Нет, — говорит человек, — я не хочу ни есть и ни пить.

Но она все приставала к нему и говорила:

— Если вы есть не хотите, то отпейте хоть из этого вот стакана, ведь это все равно что ничего.

И вот она уговорила его, и он выпил. После полудня, около двух часов, вышел он в сад, взобрался на вышку и стал дожидаться ворону. Стоит он там, и вдруг такая на него напала усталость, что он не мог себя пересилить и прилег немного; но уснуть ему все-таки не хотелось. Но только он лег поудобней, как сами собой глаза у него закрылись, он заснул и спал так крепко, что ничто на свете не могло бы его разбудить.

В два часа подъехала ворона на четверке белых жеребцов, она сильно грустила и сказала:

— Я знаю, он спит.

Вошла она в сад, — так оно и оказалось: он лежал на вышке и спал. Вышла она из кареты, подошла к нему, стала его расталкивать, окликнула, но он не проснулся.

На другой день в полдень явилась опять старуха, принесла ему еды и питья, но он не хотел их брать. Она не давала ему покоя и уговаривала его до тех пор, пока он не хлебнул из стакана. Около двух часов вышел он в сад, поднялся на вышку и стал ждать ворону, но вдруг он почувствовал такую усталость, что устоять был не в силах; он ничего не мог поделать, захотелось ему лечь, и его одолел глубокий сон.

Явилась ворона на четверке буланых коней, была она в великой печали и молвила:

— Я знаю, он спит.

Взошла она к нему на вышку, где он лежал, но не могла его никак разбудить. На другой день говорит ему старуха:

— Что это такое? Ты не ешь ничего и не пьешь, неужто ты умирать задумал?

Он ответил:

— Я есть и пить не хочу и не смею.

Но она поставила перед ним блюдо с едой и стакан вина. Услыхал он запах, не мог удержаться и хлебнул большой глоток. Пришло время, и вышел он в сад, на вышку, и стал дожидаться королеву; а был он еще больше утомлен, чем в те дни, лег на землю и уснул, да так крепко, точно весь окаменел.

В два часа явилась ворона; приехала она на четверке вороних жеребцов, в черной карете и вся в черном. И была ворона совсем уже в глубокой печали и сказала:

— Я знаю, он спит и освободить меня не сможет.

Пришла она к нему, а он лежит и спит крепким-крепким сном. Толкнула она его, окликнула, но разбудить не могла. Положила она тогда рядом с ним хлеб и кусок мяса, а на треть бутылку вина, чтоб он мог поесть и выпить столько, сколько бы захотел, а пища и вино не уменьшались бы. Потом сняла она с пальца золотое кольцо и надела ему на палец, а было на том кольце ее имя вырезано. Оставила она ему и письмо, было

в нем перечислено, что она ему принесла, и сказано, что пища и питье никогда не будут уменьшаться; и было в этом письме еще написано: «Я вижу, что ты освободить меня здесь не сможешь; если хочешь освободить, то приходи в золотой замок Стекло́нной горы, — сделать это в твоей власти, я знаю это наверняка». Положила она все это, села потом в карету и поехала в золотой замок Стекло́нной горы.

Он проснулся, видит, что спал, и стало ему на сердце грустно, и он сказал:

— Видно, она только проехала мимо, а я ее не освободил. Вдруг он заметил — что-то лежит около него; он прочитал письмо, и было в нем описано, как все случилось. Вот поднялся он и направился к золотому замку Стекло́нной горы, но он не знал, где тот замок находится. Странствовал он по свету долгое время и попал, наконец, в темный лес. Шел он тем лесом целых четырнадцать дней и никак не мог из него выбраться. Однажды к вечеру он так устал, что лег под кустом и уснул. На другой день двинулся он дальше, а под вечер собрался снова прилечь под кустом, — и вдруг услышал вой, плач, и никак не мог уснуть. Был час, когда люди зажигают свет, и он увидел, что где-то вдали светится огонек; он поднялся и пошел ему навстречу; он пришел к какому-то дому, и дом показался ему совсем крошечным оттого, что перед ним стоял великан. Подумал он: «Если войти в этот дом, великан меня заметит и можно легко своей жизнью поплатиться». Но, наконец, он решился и вошел. Увидел его великан и говорит:

— Это хорошо, что ты явился, я давненько уже ничего не ел. Я проглочу тебя на ужин.

— Посмотрим, — сказал человек, — я не так-то легко дам себя проглотить. Если ты хочешь есть, то еды у меня в досталь, чтоб тебя накормить досыта.

— Если это правда, — сказал великан, — можешь спокойно оставаться; я хотел съесть тебя потому, что у меня нет ничего другого. — Они пошли, подсели к столу, и он достал хлеб, вино и мясо, и сколько они ни ели и ни пили, всегда оставалось столько же.

— Это мне нравится, — сказал великан, — и ел сколько влезет.

Потом человек ему говорит:

— Не можешь ли ты мне сказать, где находится золотой замок Стекло́нной горы?

Великан сказал:

— А я посмотрю по своей карте, на ней можно найти все города и деревни, и все дома́.

Принес он полевую карту, что была у него в комнате, и стал искать на ней замок, но на карте такого замка не было.

— Это ничего, — сказал великан, — есть у меня в шкафу наверху еще карты побольше, посмотрим по ним. — Но и на них замка не оказалось.

Собрался человек идти дальше; но великан стал его просить остаться еще день-другой у него, пока не вернется домой его брат, который ушел на поиски пищи. Воротился домой брат великана, и стали они его спрашивать, где находится золотой замок Стекло́йной горы; тот ответил:

— Вот как поужи́наю да наемся, поищу его на карте.

Вошли они вместе с ним в его горницу и стали искать на его карте, но замка такого найти никак не могли. Принес тогда брат великана другие старинные карты, стали они искать по тем картам; искали-искали, пока, наконец, не нашли золотой замок Стекло́йной горы, но был он за много тысяч миль отсюда.

— А как же мне туда попасть? — спросил человек.

Великан и говорит:

— Есть у меня два часа свободного времени, я готов отнести тебя почти до самого замка, а потом мне надо будет домой возвращаться и кормить грудью ребенка, который у нас живет.

Понес великан человека, и оставалось до замка сто часов ходу, вот он и говорит:

— Остальную часть дороги ты пройде́шь без труда и сам.

Повернул потом великан назад, а человек пошел дальше, и шел он день и ночь, пока, наконец, не пришел к золотому замку Стекло́йной горы. Этот замок стоял на горе из стекла, и заколдованная девушка объехала вокруг него в своей карете, а затем вошла туда. Увидел он ее, обрадовался и хотел было взобраться к ней наверх, но как ни старался, а все по стеклу вниз скатывался. Понял он, что ему к ней не добраться, крепко запечалился и молвил про себя: «Остану́сь-ка я тут внизу и стану ее дожидаться». Построил он себе хижину, просидел в ней целый год и каждый день глядел на королевну, как ездила она там наверху, но наверх к ней взобраться он никак не мог.

Заметил он однажды из своей избушки, как бились между собой трое разбойников-великанов и крикнул им:

— Господь с вами!

Услыхав это, они остановились, но никого не заметили и продолжали драться во-всю. Он крикнул им опять:

— Господь с вами!

Они остановились было, оглянулись, но, никого не заметив, продолжали биться. Крикнул он в третий раз:

— Господь с вами! — и подумал: «Надо поглядеть, что эти трое задумали».

Он подошел к ним и спрашивает, почему они между собой дерутся. И сказал один из великанов, что нашел он-де палку,

такую; что если ею ударить в дверь, то дверь разлетится; другой великан сказал, что нашел он такой плащ, что если его на себя накинуть, то станешь невидимкой; а третий сказал, что поймал он такого коня, что всюду на нем можно проехать и даже на Стекланную гору взобраться. И вот, не знают они теперь, как им быть — оставаться ли им вместе, или разойтись. Тогда человек сказал:

— Хотел бы я у вас эти три вещи выменять; хотя денег у меня и нету, но зато имеются у меня другие предметы, что будут подороже всяких денег. Но я должен сперва вашу находку испытать, чтоб узнать, правду ли вы говорите.

И они позволили ему сесть на коня, набросили на него плащ и дали ему в руки палку; только он все это получил, как стал вмиг невидимкой. Ударил он разбойников со всего маху и крикнул:

— Ну, медвежатники, получайте теперь, что вам следует! Вы этим довольны?

Потом въехал он на коне на Стекланную гору и был уже перед самым замком — но замок был закрыт. Ударил он палкой в ворота, они вмиг распахнулись, он вошел туда, поднялся по лестнице наверх и вошел в зал; сидела там девушка, а перед нею стояла золотая чаша с вином. Девушка не могла его заметить, оттого что был он укутан плащом. Он подошел к ней, снял с пальца кольцо, что она когда-то ему подарила, бросил его в чашу, и оно на дне зазвенело. И она воскликнула:

— Это мое кольцо! Значит и тот человек, который меня освободит от заклятья, должен здесь находиться.

Стали его искать по всему замку, но нигде не нашли; он вышел, сел на коня и сбросил с себя плащ. Вот подошли к воротам, и все увидели его и от радости закричали. Тогда он сошел с коня и обнял королевну; а она поцеловала его и сказала:

— Теперь ты меня освободил от злых чар, завтра мы отпразднуем нашу свадьбу.

Умная дочь крестьянская

Жил когда-то на свете бедный крестьянин; земли у него вовсе не было, и была у него всего лишь одна небольшая избушка да единственная дочка. Вот и говорит раз дочка отцу:

— Надо бы нам выпросить у короля хотя бы какой-нибудь кусок пустоши.

Услыхал король про их бедность и подарил им клочок луга. Перепахала она его вместе с отцом, и собрались они посеять на нем рожь да еще что-нибудь. Вспахали они почти уже все поле и вдруг нашли в земле ступку, а была она из чистого золота.

— Знаешь что, — сказал отец дочке, — господин король был к нам так милостив, что подарил нам эту землю. Давай отдадим мы ему за это золотую ступку.

Но дочь на это не согласилась и говорит:

— Батюшка, если есть у нас одна только ступка, а пестика нету, то с нас ведь потребуют еще и пестик, — лучше уж вы помолчите.

Но отец ее не послушался, взял ступку и отнес ее королю и сказал, что нашел ее на лугу, и спросил, не примет ли он ее от него в дар. Взял король ступку и спрашивает:

— А не находил ли ты еще чего?

— Нет, — ответил крестьянин.

И сказал король, чтоб доставил он ему и пестик. Крестьянин сказал, что такого они, мол, не находили, но этот ответ помог ему мало, — все равно, что говорить на ветер. И посадили его в темницу, чтобы сидел он там, пока пестика не достанет. Тюремщики приносили ему каждый день хлеб да воду — то, что в тюрьме полагается; и услышали тюремщики, как он все повторял про себя: «Ах, если б я послушался своей дочери! Ах, если б я послушался своей дочери!» Тогда пошли тюремщики к королю и доложили, что узник все кричит и повторяет: «Ах, если б я послушался своей дочери», а от пищи и питья отказывается. И приказал король тюремщикам привести узника к нему, и спросил его король, отчего это он все кричит: «Ах, если б я послушался своей дочери?»

— Что же такое сказала твоя дочь?

— Да она сказала, чтоб я не относил вам ступки, а то потребуют с меня еще и пестик.

— Если у тебя такая разумная дочь, то пускай она явится ко мне.

И вот пришлось ей идти к королю, и стал он спрашивать, так ли она уж умна и вправду; и сказал, что хочет задать ей одну задачу; если она ее решит, то он женится на ней. Она тотчас сказала «хорошо» и согласилась ее решить. Тогда король и говорит.

— Приходи ко мне не одетая и не голая, не верхом и не в повозке, не путем, а есь же дорогою, — если ты сможешь это выполнить, то я на тебе женюсь.

Вот пошла она, разделась совсем догола — и стала она неодетая; и взяла большую рыбацью сеть, стала в нее и укуталась ею — вот и не была она голая; наняла она себе за деньги

осла и привязала ту сеть к ослиному хвосту, чтоб тащил он ее, — вот и не ехала она ни верхом, ни в повозке; а осел должен был тащить ее по колее, и касалась она земли одним только большим пальцем ноги — и вот шла она ни путём, ни без дороги. Вот явилась она, и король сказал, что задачу она решила и все выполнила как следует. Велел он тогда выпустить ее отца из темницы, взял он ее себе в жены и отдал в ее распоряжение всю королевскую казну.

Прошло несколько лет. И выехал однажды король на парад; и случилось, что крестьяне, распродав свои дрова, остановились со своими повозками у замка; иные повозки запряжены были волами, а иные лошадьми. И было у одного крестьянина три лошади, и одна из них с маленьким жеребенком; жеребенок убежал и лег между волами, запряженными в повозку. Сойдясь, крестьяне заспорили, задрались между собой и стали шуметь; тот, у кого были волы, хотел взять себе жеребенка, утверждая, что он-де родился от его волов, а другой сказал: «Нет, он от моих лошадей родился, и должен он остаться у меня». И дошел их спор до самого короля, и он вынес приговор: где лежал жеребенок, там он и должен остаться; и вот жеребенка получил крестьянин, который приехал на волах, а ему он и вовсе не принадлежал. И пришлось другому уйти ни с чем; заплакал он с горя о пропавшем своем жеребенке. И вот узнал он о том, что госпожа королева очень милостива, потому что сама родом из бедных крестьян; и он пошел к ней, стал ее просить, не может ли она ему помочь вернуть его жеребенка.

Она сказала:

— Ладно, если ты мне пообещаешь, что меня не выдашь, то я скажу, как надо сделать. Рано поутру, когда король будет проезжать на развод караулов, стань посреди улицы, где он будет следовать, возьми большой невод и делай вид, будто ловишь рыбу, и все продолжай тянуть сеть и вытряхивать, будто она полна рыбы, — и она объяснила ему, что должен он ответить, если король станет его спрашивать.

И вот на другой день крестьянин принялся ловить неводом рыбу на суше. Король, проезжая мимо, это увидел и послал своего гонца спросить, чем этот дурак там занимается. Тот ответил:

— Я рыбу ловлю.

А гонец спрашивает, как же он может ловить рыбу, когда нет воды. Тогда крестьянин сказал:

— Да так же, как от двух волов может родиться жеребенок, так вот и я ловлю рыбу на суше.

Гонец передал его ответ королю; и приказал король привести к нему крестьянина и объявил ему, что это не сам он придумал, и пусть, мол, тотчас сознается, кто его этому научил.

Но крестьянин сознаваться не хотел и все говорил: «Да боже упаси! Сам я придумал!» Разложили его тогда на соломе и стали бить и пытать, пока он, наконец, не сознался, что этому научила его королева.

Воротился король домой и говорит своей жене:

— Зачем ты мне говоришь неправду? Отныне не хочу я, чтоб была ты моею женой; прошли твои денечки, ступай туда, откуда пришла, — в крестьянскую свою избенку.

Однако на прощанье он дозволил ей взять с собой то, что всего ей дороже да милей.

И молвила она:

— Хорошо, мой милый муженек, если ты велишь, то я так и сделаю, — и она кинулась к нему в объятья, стала его целовать и сказала, что хотелось бы ей с ним как следует проститься. И она велела принести крепкого сонного зелья, чтоб выпить с ним напоследок; и выпил король весь кубок залпом, а она еле хлебнула. И вот вскоре впал он в глубокий сон; увидев это, она позвала слугу, взяла красивое белое покрывало, укутала в него короля и велела слугам вынести его и положить в карету, и отвезла его тайком в свою избушку. Положила она его в свою постельку, и спал он целый день и целую ночь, а когда проснулся, огляделся и говорит:

— Ах, господи, где же это я? — и стал звать своего слугу, но никто не явился. Подошла, наконец, к постели жена и говорит ему:

— Мой милый король, вы мне велели, чтоб взяла я с собой из замка самое что ни на есть для меня дорогое да лю-

бимое, но нетудя для меня ничего дороже и милее на свете тебя, — вот и взяла я тебя вместе с собой.

Навернулись слезы на глазах у короля, и сказал он ей:

— Дорогая жена, ты должна быть моею, а я твоим, — и взял он ее снова в свой королевский замок и велел отпраздновать свадьбу еще раз; и живут, пожалуй, они и до нынешних дней.

Старый Гильдебранд

Жили-были когда-то крестьянин с крестьянкой, и приглянулась крестьянка сельскому попу; очень ему хотелось провести с той крестьянкой весь день в свое удовольствие, той этого тоже хотелось.

Ну, вот и говорит он раз крестьянке:

— Послушай, милая моя крестьянка, я теперь кое-что надумал, как нам с тобой вместе весь день провести в полном удовольствии. Знаешь что, ложись-ка ты в постель в ночь под среду да скажи своему муженьку, будто ты заболела, да только жалуйся и стони покрепче и делай этак до самого воскресенья, когда я проповедь читаю. А я скажу в своей проповеди, что ежели у кого в доме есть больной ребенок, или больной муж, или больная жена, или отец болен, мать больна, или сестра, брат, или кто другой из семьи, пускай тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где можно за один крестец купить целую осьмину лаврового листа, и тотчас у того выздоровеет больной ребенок, больной муж и жена больная, больной отец, больная мать, больная сестра или кто другой из семьи.

— Я так и сделаю, — сказала на это крестьянка.

Ну, после того под среду улеглась она в постель и стала на болезнь жаловаться, как никогда еще не жаловалась, и муж

делал с ней все, что только знал, но ничто не помогало. Вот наступило воскресенье, а крестьянка и говорит:

— Мне так неможется, словно смерть моя подходит, и одного б мне хотелось перед своей кончиной — это послушать проповедь нашего господина пастора, которую он будет нынче читать.

— Ох, дитя мое, — сказал на это крестьянин, — не делай ты этого, а то может сделаться тебе еще хуже, ежели ты подынешься. Знаешь что, пойду-ка я на проповедь сам, внимательно ее выслушаю и все тебе перескажу, что скажет господин пастор.

— Ну, — сказала крестьянка, — ступай уж ты, но слушай внимательно и расскажешь мне все, что слышал.

Вот пошел крестьянин на проповедь; начал господин пастор читать проповедь и говорит:

— И ежели у кого имеется в доме больной ребенок или больной муж, больная жена или отец болен, мать больна или сестра, брат или кто другой из семьи, то пусть отправится тот на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где можно за один крейцер купить целую осьмину лаврового листа, — и тотчас выздоровеет у того больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, больная сестра, брат или кто другой из семьи; и кто пожелает предпринять такое странствие, должен после окончания мессы притти ко мне, и я дам тому мешок для лаврового листа и крейцер.

Никто так не обрадовался, услышав это, как крестьянин. После окончания мессы направился он тотчас к попу, и тот дал ему мешок для лаврового листа и крейцер. Вернулся крестьянин домой и только вошел в двери, да как закричит:

— Хе-хе, милая женушка, теперь уж считай, что ты выздоровела! Господин пастор сказал нынче в проповеди, что ежели у кого в доме имеется больной ребенок или больной муж, больная жена, отец болен или больна мать, больна сестра, брат или кто другой из семьи, и ежели тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где целая осьмина лаврового листа стоит один крейцер, то выздоровеет у того больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, больная сестра, брат или кто другой из семьи. Я уж получил от господина пастора и мешок для лаврового листа и крейцер и сейчас же отправляюсь в дорогу, чтоб ты поскорей выздоровела.

И он ушел из дому. Но только он ушел, поднялась тотчас крестьянка с постели, и поп был уже тут как тут. Но теперь мы оставим их вдвоем, а сами пойдем вместе с крестьянином. Между тем он уже далеко отошел, чтоб поскорее взобраться на гору Геккерли; вот идет он, торопится и встречает по пути

своего кума. А был его кум торговец яйцами и возвращался как раз с рынка, где продал яйца.

— Здорóво! — говорит ему кум. — Куда это ты, куманек, так торопишься?

— Да вот, кум, во святые места, — отвечает крестьянин, — жена у меня заболела, а слышал я нынче в проповеди господина пастора, что ежели у кого в доме имеется больной ребенок или больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, сестра больная, брат или кто другой из семьи, то пусть тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где целая осьмина лаврового листа стоит один крейцер, — и выздоровеет у того враз больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, сестра больная, брат или кто другой из семьи; вот и взял я у господина пастора мешок для лаврового листа и крейцер и иду теперь на богомолье.

— Но, послушай, куманек, — говорит кум крестьянину, — неужто ты такой простофиля, что всему этому поверил? Знаешь, в чем дело? Да ведь попу охота провести с твоей женой весь день вдвоем в полное свое удовольствие, потому они тебя и окопачили, чтоб ты им не мешал.

— Да что ты? — сказал крестьянин. — Хотел бы я проверить, правда ли это.

— Ну, — сказал кум, — знаешь что, садись-ка ты ко мне в корзину от яиц, а я тебя домой отнесу, и ты все сам увидишь.

Сказано — сделано; посадил кум крестьянина к себе в корзину и принес его домой. Как пришли они домой — го-го, как там весело было! Зарезала крестьянка почти все, что у ней во дворе находилось, напекла пышек, и поп уже был тут как тут и пригнул с собой скрипку. Постучался кум в дверь; спрашивает крестьянка, кто там такой.

— Кума, да это я, — говорит кум, — пустите меня нынче на ночлег, яиц-то я на рынке нынче не продал, приходится мне их домой тащить, а они-то ведь очень тяжелые, мне их не донести, да и на дворе уже темень какая.

— Да, куманек, — говорит крестьянка, — пришли вы что-то не во-время. Ну, ничего не поделаешь, входите, забирайтесь на печь, на лежанку подальше.

Вот забрался кум со своею корзиной на печь; а поп и крестьянка были уже навеселе.

Вот поп и говорит:

— Слушай, голубушка, ты ведь умеешь петь так хорошо, спой-ка мне что-нибудь.

— Ах, — говорит крестьянка, — петь я уж теперь разучилась, вот в молодые годы умела я петь хорошо, а теперь это прошло.

— Э, да спой, — говорит снова поп, — хоть немножко.
И начала крестьянка петь:

Я муженька, однако, ловко отослала
На гору Геккерли, теперь одна осталась.

А тут и поп за нею запел:

И хорошо б ему там целый год остаться,
Да всё с мешком по Геккерли бы шляться.
Аллилуия!

А там на печке и кум запел себе тоже (надо сказать вам,
что звали крестьянина Гильдебрандом), затянул он песенку:

Гильдебранд, лобезный мой,
Что ж забрался ты из печку, дорогой?
Аллилуия!

А там запел и крестьянин в корзине:

Таких я песенок не в силах больше вынести,
Хочу скорее из корзины вылезть.

Вылезает он из корзины и начинает попа бить, колотить;
и прогнал его так из дому.

Три птички

Было это тому назад тысяча лет с лишним, и жили здесь,
в нашей стране, всё одни только маленькие короли. Один
из них жил в Кеейтерберге и любил ходить на охоту.

Вот раз выехал он из замка со своими охотниками, а под
горой пасли своих коров три девушки; как увидели они короля
и вместе с ним столько людей, крикнула старшая другим де-
вушкам, показав на короля:

— Э-гей! Э-гей! Коль не выйду я замуж за этого, то другого
не хочу.

Вторая девушка на другой стороне горы показала на того,
кто шел по правую руку короля, и сказала:

— Э-гей! Э-гей! А коль я не выйду вон за того, то другого
не хочу.

И крикнула младшая, указав на того, кто шел по левую
руку:

— Э-гей! Э-гей! А я вон за этого, а другого не хочу.

А были те двое — министры. Король все это слышал, и вот, когда вернулся он домой с охоты, велел позвать к себе трех девушек и спросил их, что они такое вчера на горе говорили.

Но они сказать о том не захотели. Вот и спрашивает король сначала старшую; не хочет ли она, мол, выйти за него замуж? Она ответила «да», а обе ее сестры вышли замуж за министров. А были все три красавицы, да белолицые, а особенно королева: у нее волосы были как леп.

Но детей у тех двух сестер не было, и вот, когда король должен был однажды уехать, он велел им явиться к королеве, чтобы они тешили ее и забавляли, так как была она как раз в то время беременна.

Вот родила она маленького мальчика с красной звездой на лбу. Переглянулись обе сестры и порешили бросить красивого мальчика в воду. Бросили они его в реку (думаю, что то была река Везер), и вдруг взлетела в это время птичка высоко-высоко в воздух и запела:

Утонешь, но снова,
По вещему слову,
Будь лилией белой,
Мальчик мой смелый!

Как услышали они это, сильно перепугались и поскорей поспешили уйти. Когда король воротился домой, они объявили ему, что родила, мол, королева пса. И сказал король:

— Что господь посылает, то благо.

Но находился у реки на ту пору рыбак; он вытащил мальчика из воды, тот оказался еще живой, а так как у рыбака и его жены детей не было, то взяли они его к себе и выкормили.

Спустя год король опять куда-то уехал, и родила в это время королева снова мальчика; забрали его у нее коварные сестры и бросили также в реку. Вдруг вылетела из воды птичка, поднялась высоко-высоко в воздух и запела:

Утонешь, но снова,
По вещему слову,
Будь лилией белой,
Мальчик мой смелый!

А когда король воротился домой, они сказали, что родила, мол, королева опять пса, но он снова решил:

— Что господь посылает, то благо.

Уехал король в третий раз, и родила королева девочку, и ее тоже бросили коварные сестры в реку. И вылетела опять из воды птичка, поднялась высоко-высоко в воздух и запела:

Утонешь, но снова,
По вещему слову,
Стань лилией белойю,
Девонька смелая!

А когда король вернулся домой, они сказали ему, что родила, мол, королева кошку. Разгневался король и велел бросить свою жену в темницу, и она сидела там долгие годы.

А дети тем временем подросли; и вот однажды пошел старший с другими мальчиками ловить рыбу, а они не захотели идти с ним вместе и говорят:

— Ты найденыш, ступай своей дорогой.

Мальчик сильно обиделся и спросил у старого рыбака, правда ли это? И тот ему рассказал, что ловил он однажды рыбу и вытащил его из воды. Тогда мальчик сказал, что он хочет отсюда уйти, чтоб разыскать своего отца. Стал рыбак его просить, чтоб он всё-таки остался, но мальчика никак нельзя было уговорить, и пришлось рыбаку согласиться. Собрался мальчик в путь-дорогу, шел он много дней подряд куда глаза глядят и пришел наконец к морю, и стояла на берегу старуха и ловила рыбу.

— Здравствуй, матушка, — сказал мальчик.

— Спасибо на добром слове.

— Ты, пожалуй, тут долго просидишь, пока рыбу поймаешь.

— А ты, пожалуй, долго проходишь, пока своего отца найдешь. А как ты думаешь переправиться через море? — спросила старуха.

— Да бог его знает.

Посадила его старуха тогда к себе на спину и перенесла через море. И мальчик долгое время искал отца, но нигде найти его не мог.

Вот прошел, должно быть, год, и вышел средний брат разыскивать брата. Пришел он к морю, и случилось с ним то же, что и с его братом. Осталась теперь дома одна только дочка; она долго горевала о своих братьях и упросила, наконец, рыбака, чтоб он отпустил ее пойти на розыски братьев. И пришла она тоже к морю и сказала старухе:

— Здравствуй, матушка.

— Большое тебе спасибо.

— Помоги тебе боже рыбу поймать.

Услыхала это старуха и стала такая ласковая; перенесла ее через море, дала ей прутик и сказала:

— Иди, доченька, все вон этой дорогой, а как будешь проходить мимо большой черной собаки, на нее не смотри, иди тихо и смело. Потом подойдешь ты к большому замку, кинь там на пороге этот вот прутик и пройди прямо через весь замок, и выйдешь из него на другую сторону; там стоит старый колодец, растет за ним большое дерево, и висит на том дереве клетка с птицей; ты эту клетку сними. Потом зачерпни кружку

воды из колодца и вернись той же самой дорогой назад в замок. Возьми с порога с собой прутик, а когда ты будешь опять проходить мимо собаки, ударь ее прутиком по голове. Но, смотри, попади как следует, а потом ко мне назад возвращайся.

Вышло все так, как сказала ей женщина, и на обратном пути она нашла своих братьев, которые к тому времени уже обошли полсвета. Пошла она с ними вместе. Подошли вместе к черной собаке, что как раз на дороге лежала; ударила девочка собаку по голове, обернулась собака прекрасным принцем; он пошел с ними вместе, и подошли они к морю. Там попрежнему стояла старуха; она сильно обрадовалась, увидав их всех вчетвером, и перенесла их всех через море; а потом она оттуда ушла, так как отныне была расколдована. И пошли все вчетвером к старому рыбаку, и все были рады и веселы, что нашли снова друг друга; а клетку с птицей они повесили на стене.

Но младшему сыну не хотелось дома сидеть, однажды взял он ружье и пошел на охоту. Когда он устал, взял свой рожок и начал на нем наигрывать. А король в это время был тоже на охоте; услышал он рожок, подошел туда, встретил мальчика и говорит:

- Кто тебе здесь позволил охотиться?
- Да никто.
- А ты чей будешь?
- Я сын рыбака.
- Да ведь у него детей нету.
- Если не веришь, пойдем вместе со мной.

Король так и сделал и спросил об этом у рыбака; и тот рассказал ему все, а птичка в клетке на стене вдруг запела:

Сидит матушка в темнице,
Одинокая томится.
О король, твой ведь дети
Были лучшие на свете.
Злые сестры их сгубили,
В темной речке утопили,
Но на дне реки большой
Их нашел рыбак простой.

Испугались тут все, и взял король вместе с собой в замок птицу, рыбака и троих детей; и велел открыть темницу, и выпустил оттуда свою жену; но была она совсем больная и такая несчастная. Тогда дала ей дочка напиться воды из колодца, и стала королева опять молодой и здоровой. А обе коварные сестры были сожжены на костре, дочка же королевы вышла замуж за принца.

Живая вода

Жил когда-то король; был он больной, и никто уже не верил, что он сможет когда-нибудь выздороветь. А было у короля три сына; вот запечалились они из-за этого, сошли вниз в королевский сад и заплакали. Но повстречался им в саду какой-то старик, стал про их горе расспрашивать. Они ему говорят, что отец у них сильно болен, наверно помрет, а помочь ему никак невозможно. А старик и говорит:

— Я знаю еще одно средство, — это живая вода; если кто той воды напьется, то снова выздоровеет; но воду эту найти нелегко.

Старший сын и говорит:

— Уж я эту воду найду.

Пошел он к больному королю, начал его просить, чтоб тот отпустил его на поиски живой воды, что это только и может его исцелить.

— Нет, — сказал король, — это дело слишком опасное, уж лучше мне умереть.

Но сын долго его упрашивал, и наконец король согласился. А принц подумал в душе: «Принесу я ту воду, стану у отца самым любимым сыном и наследую королевство».

И он двинулся в путь-дорогу; проехал он некоторое время, глядь — стоит на дороге карлик. Карлик окликнул его и говорит:

— Куда это ты так торопишься?

— Глупый малыш, — гордо отвечал принц, — тебе об этом незачем знать, — и поскакал дальше.

Разгневался маленький человек и пожелал ему зла. Попал принц вскоре в горное ущелье, и чем дальше он ехал, тем все больше сходились горы, и наконец дорога стала такая узкая, что дальше нельзя было и шагу ступить; невозможно было и коня повернуть или встать с седла; и вот очутился принц взаперти в скалах. Долгое время прождал его больной король, но он все не возвращался.

Говорит тогда средний сын:

— Отец, разрешите мне отправиться на поиски живой воды, — а сам про себя подумал: «Если брат мой умер, то королевство достанется мне».

Король поначалу тоже не хотел его отпускать, но наконец уступил его просьбам. Поехал принц той же дорогой, что и его брат, и тоже повстречался ему карлик, который его остановил и спросил, куда это он так торопится.

— Эх ты, малыш, — сказал принц, — о том знать тебе незачем, — и поскакал дальше, даже не оглянувшись.

Но карлик его заколдовал, и принц тоже попал, как и его брат, в горное ущелье и не мог двинуться ни назад, ни вперед. Так-то оно бывает с людьми высокомерными!

Не воротился назад и средний сын, и вызвался тогда итти на поиски за живою водой младший сын, и пришлось королю в конце концов его отпустить.

Повстречал меньшій принц карлика, и тот спросил его тоже, куда это он так торопится. Принц остановил коня, поговорил с карликом, ответил ему на вопрос и сказал:

— Я ищу живую воду, — отец мой лежит при смерти.

— А ты знаешь, где найти ее?

— Нет, — ответил принц, — не знаю.

— Оттого, что ты держишь себя как следует и не чванишься, как твои лицемерные братья, я укажу тебе дорогу, как к живой воде добраться. Эта вода течет из родника во дворе заколдованного замка. Но ты туда пробраться не сможешь, если я не дам тебе железного прутика и двух маленьких коврижек хлеба. Ты ударь тем прутиком трижды в железные ворота замка, и они тогда распахнутся; лежат на дворе два льва, они разинут пасть, но если ты бросишь каждому из них по коврижке, они будут молчать; но ты не мешкай, набери себе живой воды, пока не пробьет полночь, а не то ворота закроются и ты окажешься там взаперти.

Поблагодарил его принц, взял прутик и коврижки и двинулся с тем в путь-дорогу. Когда он прибыл туда, всё было, как сказале му карлик. Ворота распахнулись после третьего удара прутиком, и когда он задобрил львов хлебом, он проник в замок и вошел в большой прекрасный зал; а сидели в том зале зачарованные принцы. Поснимал он у них с пальцев кольца; и лежали тут же меч и хлеб, и он взял их с собой. Потом зашел он в комнату, и стояла там прекрасная девушка. Увидев его, она обрадовалась, поцеловала его и сказала, что он ее освободил от злых чар и может теперь получить все ее королевство; а если он вернется через год назад, то они отпразднуют с ним свадьбу. Потом она сказала ему, где родник с живою водой, но что должен он торопиться и набрать из него воды, прежде чем пробьет полночь. Пошел принц дальше, зашел, наконец, в комнату, где стояла красивая, только что постеленная кровать; а был он утомлен и захотелось ему немного отдохнуть. Он лег и уснул; а когда проснулся, пробило без четверти двенадцать. Он вскочил в испуге, побежал к роднику, зачерпнул воды в кубок, что стоял там, и поспешил скорее уйти. Только он вышел за ворота, как раз пробило двенадцать, и ворота захлопнулись так сильно, что оторвали ему кусок пятки.

Но ему было радостно и весело, что достал он живой воды, и он отправился домой. Пришлось ему проходить опять мимо карлика. Увидел карлик меч и хлеб, и говорит:

— Ты добыл для себя великое благо: этим мечом ты можешь разбить целое войско, а этого хлеба тебе будет невпоед.

Не захотел принц домой возвращаться без своих братьев и говорит:

— Милый карлик, не можешь ли ты мне сказать, где находятся мои оба брата? Они отправились за живою водою и назад до сих пор не вернулись.

— Они сидят взаперти между двумя горами, — сказал карлик, — я там их заколдовал, оттого что были они такие надменные.

Стал принц упрашивать карлика и просил его до тех пор, пока тот их не выпустил. Но карлик его предостерег и сказал:

— Ты их берегись, у них злое сердце.

Явились его братья, он обрадовался им и рассказал, что с ним было, — как нашел он живую воду, что набрал ее полный кубок и освободил прекрасную принцессу; что будет она его ждать целый год, а потом они отпразднуют свадьбу и он получит большое королевство. Потом поехали они вместе и попали в такую страну, где были война и голод, и король той страны думал, что ему придется пропадать, так была велика опасность. Тогда пришел к тому королю принц, дал ему хлеба, и король накормил этим хлебом все свое королевство; дал принц ему меч, — он разгромил им войско врагов и мог с той поры жить в мире и спокойствии. Взял принц назад свой хлеб и меч, и трое братьев двинулись дальше. Но пришлось им побывать еще в двух странах, где царили война и голод; и принц давал королям каждый раз свой хлеб и меч, — и так он спас три страны. Потом сели братья на корабль и поплыли по морю.

Дорогой старшие братья говорят друг другу:

— Ведь меньшой брат нашел живую воду, а не мы; отец отдаст ему за это все королевство, а оно по праву принадлежит нам, он отымет у нас наше счастье.

И они порешили ему отомстить и условились между собой младшего брата погубить. Они выбрали время, когда он крепко уснул, вылили живую воду из кубка, забрали ее себе, а ему налили в кубок горькой морской воды.

Вернулись они домой, и принес младший сын больному королю свой кубок, чтобы тот выпил из него и стал бы здоров. Но только отпил он немного горькой морской воды, разболелся еще пуще прежнего. Стал он на болезнь жаловаться; тогда явились к нему старшие сыновья, начали младшего обвинять, будто хотел он отца отравить; принесли ему настоящей живой воды и подали ему напиток. Только он отпил той воды, как почувствовал, что болезнь у него прошла и стал он сильным и здоровым, каким был в молодые годы.

Пришли старшие братья к младшему, стали над ним насмехаться и говорят:

— Хотя ты живую воду и нашел и уж как старался, а награду-то за это получим мы. Надо было быть тебе поумней и смотреть в оба; мы ее у тебя забрали, когда ты уснул на корабле, а через год один из нас возьмет себе и прекрасную королевну. Но смотри, берегись, нас не выдай; ведь отец тебе не верит, и если ты скажешь хоть слово, заплатишься жизнью, а будешь молчать, то мы тебя помилуем.

Разгневался старый король на младшего сына: он поверил, что тот замышлял его погубить. И велел он собрать придворных, чтоб его судить, и было решено его тайно пристрелить. Выехал принц раз на охоту, ничего не подозревая дурного, и отправился с ним вместе королевский егерь. Они очутились в лесу совершенно одни, вид у егеря был такой грустный, и вот говорит ему принц:

— Что с тобой, милый мой егерь?

А егерь отвечает:

— Об этом сказать я не смею, а все-таки должен.

А принц говорит:

— А ты все мне скажи, я тебя прошу.

— Ах, — ответил егерь, — я вас должен убить, мне приказал это король.

Испугался принц и говорит:

— Милый егерь, оставь меня в живых; я дам тебе свою королевскую одежду, а ты дай мне взамен нее свою простую.

— Я это охотно сделаю, — сказал егерь, — все равно я стрелять бы в вас не мог.

И они обменялись одеждами. Воротился егерь домой, а принц направился дальше в лес. Спустя некоторое время прибыло к старому королю для его младшего сына три повозки золота и драгоценных камней; а были они присланы тремя королями, что разбили своих врагов мечом принца и накормили свои королевства его хлебом. Подумал старый король: «Неужто мой сын ни в чем неповинен?» — и сказал своим слугам:

— Если бы сын мой остался в живых! Как я жалею, что приказал его убить.

— Он еще жив, — сказал егерь, — я не мог осилить своего сердца и выполнить ваше приказанье, — и он рассказал королю все, как было.

Словно камень свалился с сердца короля, и он приказал оповестить по всем королевствам, что сын его может вернуться назад и будет им ласково принят.

Королевна велела проложить перед своим замком дорогу, да чтоб была она вся золотая, блестящая, и сказала своим людям.

что кто по дороге той будет скакать прямо к ней, тот и есть ее настоящий жених, и его должно пропустить, а кто будет ехать окольной тропкою, тот не настоящий жених, и чтоб они его не впускали.

Вот подошло время, и старший брат подумал, что надо скорее спешить к королевне и выдать себя за ее избавителя, и тогда он возьмет ее себе в жены и получит еще королевство впридачу. Он выехал и, подъезжая к замку, увидел прекрасную золотую дорогу и подумал: «Как жаль скакать по такой дороге», и он свернул с нее и поехал правой стороной, по обочине. Он подъехал к воротам, но люди сказали ему, что он ненастоящий жених и пусть, мол, уезжает себе отсюда. Вскоре после того собрался в путь-дорогу второй принц; он подъехал к золотой дороге, и только ступил конь на нее копытом, принц подумал: «Жалко такую дорогу сбивать», и свернул, поехал левой стороной, по обочине. Подъехал он к воротам, но люди сказали, что он ненастоящий жених, пускай, мол, себе уезжает отсюда. Как раз исполнился год, и собрался выехать из лесу к своей возлюбленной меньшой брат, чтоб вместе с ней развеять свое горе. Собрался он в путь-дорогу и все думал только про королеву, и так хотелось ему быть поскорее с нею, что не заметил он вовсе той золотой дороги. Поскакал его конь прямо посередине; вот он подъехал к воротам, распахнулись ворота, и радостно встретила его королева и сказала, что он — ее избавитель и всему королевству хозяин; и отпраздновали свадьбу в великом весельи и радости. Когда свадебный пир закончился, она сказала ему, что его отец приглашает его к себе и прощает. Он поехал к отцу и рассказал ему обо всем — как обманули его братья и как пришлось ему при этом молчать. Старый король хотел их казнить, но они сели на корабль и уплыли за море и с той поры так назад и не вернулись.

Доктор Всезнайка

Жил-был бедный крестьянин, звали его Рак. Повез он однажды на двух волах телегу дров в город и продал их за два галера одному доктору. Стали с крестьянином расплачиваться, и как раз в это время доктор сидел за столом; увидал крестьянин, как вкусно тот ест и пьет, и крепко ему захотелось, чтоб и у него все было так же и чтоб сделался он тоже доктором. Постоял крестьянин маленько и спрашивает, не может ли он тоже доктором сделаться?

— О! — сказал доктор, — дело это, конечно, можно быстро устроить.

— А что же я должен для этого сделать? — спросил крестьянин.

— Сперва ты купи себе букварь, есть такой, что спереди на картинке петух на нем нарисован; потом продай свою телегу и двух волов и купи на те деньги одежду и все, что к врачебному делу относится; в-третьих, закажи написать себе вывеску, чтоб на ней значилось: «Я — доктор Всезнайка», и вели прибить ее у себя над дверью.

Так крестьянин и сделал, как сказано ему было. Вот позанимался он лекарским делом некоторое время, но не так уж долго, и украли в то время у одного богатого и важного господина деньги. Рассказали ему про доктора Всезнайку, — что живет, мол, в такой-то деревне человек и может свободно узнать, куда деньги делись. Велел господин запрячь карету, поехал в ту самую деревню и спрашивает у крестьянина, не он ли будет тот самый доктор Всезнайка.

— Да, это я и есть.

— Так поедemте вместе со мной и отыщите мне украденные деньги.

— Что ж, ладно, но жена моя Грета должна ехать вместе со мной.

Господин на это согласился и велел их обоих посадить в карету, и они поехали вместе. Вот приехали они в помещицью усадьбу; стол уже был накрыт, и зовут доктора Всезнайку сперва вместе откушать.

— Да, но и жену мою Грету надо тоже позвать, — сказал он, — и уселся вместе с ней позади стола. Вот подходит первый слуга, приносит блюдо с богатой едой; тут крестьянин толкнул жену свою в бок и говорит:

— Грета, а это ведь первый.

Он хотел этим сказать, что это первый слуга, что блюдо принес. А слуга понял, что он будто хотел сказать: «Это, мол, и есть первый вор», и так как он и был им на самом деле, то испугался и рассказал во дворе своим товарищам:

— А доктор-то ведь все знает, нам плохо придется; он сказал, что я первый и есть.

Не хотелось второму слуге идти, но все же пришлось ему подавать. Входит он со своим блюдом, а крестьянин толкнул свою жену в бок:

— Грета, — говорит, — а это второй.

Стало слуге страшно, и он поспешил скорее уйти. Третьему слуге тоже пришлось не лучше, сказал крестьянин опять:

— Грета, а это вот третий.

Четвертому слуге пришлось нести накрытое блюдо; вот хозяин обращается к доктору, пусть-де покажет те-

перь свое искусство угадывать и скажет, что в этом блюде находится; а были там раки. Посмотрел крестьянин на блюдо и, не зная, как тут быть, говорит:

— Ах, бедный я Рак!

Услыхал это господин и воскликнул:

— Да, он отгадал: стало быть знает, у кого и деньги находятся.

И стало слуге очень страшно, подмигнул он доктору, чтобы тот вышел к нему на минутку. Крестьянин вышел, — и сознались перед ним все четверо слуг, что деньги они украли; и рады, мол, будут все деньги ему отдать да впридачу еще крупную сумму обещали, если он их не выдаст: а не то их повесят. Повели они доктора туда, где лежали спрятанные деньги. Доктор остался этим доволен, вернулся в комнату, уселся за стол и говорит:

— Сударь, а теперь поищу я по своей книге, куда деньги девались. — А пятый слуга залез тем временем в печь, чтоб подслушать, не знает ли доктор чего еще. А доктор уселся, раскрыл свой букварь, начал его перелистывать да искать пегушка на картинке. Но найти его сразу не мог, вот и говорит он:

— Ты ведь здесь, ну так вылазь.

И подумал тот, кто в печку забрался, что это сказано про него, выскочил в большом испуге оттуда и завопил:

— Этот человек все знает!

Потом показал доктор Всезнайка господину, где деньги запрятаны, но не сказал, кто их украд, и получил и с той и с другой стороны много денег в награду и стал весьма знаменит.

Дух в бутылке

Жил однажды на свете бедный дровосек и работал он с утра и до самой поздней ночи. Вот собрал он, наконец, немного денег и говорит своему сыну:

— Ты у меня одно единственное дитя, и хочу я те деньги, что заработал кровавым потом, отдать на твоё ученье; научись ты чему-нибудь путному и будешь меня кормить на старости лет, когда стану я слаб и должен буду сидеть дома.

И поступил юноша в высшую школу, учился он в ней прилежно, и учителя его хвалили; и так пробыл он там некоторое время. Прочился он в двух школах, но всего, однакоже, чему там обучали, пройти он еще не успел, а тут и бедность настала, заработков отца не хватало, и пришлось ему снова домой воротиться.

— Эх, — молвил отец в огорчении, — дать я тебе больше ничего не могу, а при нынешней дороговизне и гроша-то ведь лишнего не заработаешь, разве что хватит только на хлеб насущный.

— Милый батюшка, — ответил сын, — вы о том не беспокойтесь; если на то воля господня, то все выйдет к лучшему; я уж что-нибудь да придумаю.

Вот собрался отец идти в лес, чтоб заработать немного на лесных работах, а сын ему и говорит:

— Пойду я с вами да вам помогу.

— Ладно, — сказал отец, — но тебе там трудненько придется: ты ведь к тяжелой работе непривычен, пожалуй не выдержишь; да у меня и топор-то всего один, а лишних денег, чтоб купить другой, нету.

— А вы попросите у соседа, — ответил сын, — он одолжит вам топор, а там я себе и новый заработаю.

Занял отец топор у соседа, и на другое утро, только стало светать, отправились они вместе в лес. Сын помогал отцу и при этом не уставал, и работа шла как следует. Когда солнце стояло как раз над головою, отец и говорит:

— Давай отдохнем да пополдничаем, оно и работа пойдет потом лучше.

Взял сын кусок хлеба и говорит:

— Вы, батюшка, отдохните, а я не устал, я по лесу похожу да птичьих гнезд поищу.

— Э, да какой ты, однако, шустрый, — молвил отец, — чего тебе там шататься? Устанешь, а потом и руки не подымеешь; оставайся-ка ты лучше здесь да посиди вместе со мной.

Но сын не послушался и ушел в лес, поел хлеба, повеселел и стал на зеленые ветки заглядываться, не отыщется ли где какое

гнездо. Так бродил он по лесу, пока, наконец, не подошел к большому старому дубу — должно быть, было ему уж несколько сот лет, и был он такой толстый, что куда побольше, чем в четыре обхвата. Он остановился, поглядел на него и подумал: «А на нем, пожалуй, не одна птица гнездо себе свила». И вдруг ему показалось, будто он слышит какой-то голос. Он насторожился и услышал чей-то глухой крик: «Выпусти меня, выпусти!» Осмотрелся он — никого не видать, но ему показалось, будто доносится из-под земли чей-то голос. Тогда он крикнул:

— Эй, где ты?

И голос ответил:

— Я здесь, у самых корней дуба. Выпусти меня, выпусти!

Начал студент раскапывать землю под деревом и искать около корней, и вот, наконец, наткнулся он в маленькой ямке на стеклянную бутылку. Он поднял ее, посмотрел на свет и увидел, что в ней что-то прыгает, похожее на лягушку.

— Выпусти меня, выпусти! — послышался голос снова, и студент, не предполагая ничего плохого, вынул пробку.

И вышел тотчас оттуда дух и стал расти, и рос он так быстро, что в несколько мгновений уже стояло перед студентом отвратительное чудовище вышиной с полдерева.

— Знаешь ли ты, — закричал он страшным голосом, — какая награда тебе будет за то, что ты меня выпустил?

— Нет, — ответил студент, — откуда ж мне знать об этом?

— Так вот я тебе скажу, — крикнул дух, — я тебе за это шею сломаю!

— Чего же ты мне раньше-то об этом не сказал? — ответил студент. — Уж я бы тогда там тебя и оставил; а голова-то моя перед тобой устоит, вот хоть людей об этом спроси.

— Да что все у людей да у людей спрашивать, — закричал дух, — заслуженную тобой награду ты должен получить. Ты думаешь, что это я из милости был заперт так долго в бутылке? Нет, это было в наказание; я — могущественный Меркурий, и кто меня освободит, тому я должен сломать шею.

— Эй ты, потише, — ответил студент, — так быстро дело не пойдет; сначала мне надо узнать, и вправду ли ты сидел в бутылке, и действительно ли ты настоящий дух. Если ты сможешь снова залезть в бутылку, тогда я тебе поверю, а потом уж можешь делать со мной что хочешь.

Дух высокомерно ответил:

— Да что тут уметь! Дело это простое, — и он свернулся, сделался таким тонким и маленьким, каким был раньше, и пролез снова в горлышко бутылки. Только он туда забрался, а студент взял и тотчас заткнул бутылку пробкой и бросил ее под корни дуба на прежнее место. Так и обманул он духа.

И собрался итти студент назад к своему отцу, а дух как завопит, да так жалобно-прежалобно:

— Ах, выпусти ты меня, выпусти!

— Нет, — ответил ему студент, — во второй раз я тебя уже не выпущу; кто хотел меня жизни лишить, того уж если я поймал, то не выпущу.

— Если ты меня отпустишь, — закричал дух, — то дам я тебе столько, что на всю твою жизнь хватит.

— Нет, — ответил студент, — ты меня опять, как первый раз, обманешь.

— Упустишь ты свое счастье, — сказал дух, — я ничего дурного тебе не сделаю, а награжу тебя щедро.

Студент подумал: «Пожалуй, попробую, может и вправду сдержит он слово, придирайтесь ко мне, пожалуй, ему не за что». И вот он вынул пробку, — и поднялся дух из бутылки, как в прошлый раз, вытянулся и стал ростом с великана.

— Ну, теперь получай свою награду, — сказал он и подал студенту небольшой лоскут вроде пластыря и говорит:

— Если потрешь ты одним концом рану, то она заживет, а потрешь ты другим концом сталь или железо, обратится оно в серебро.

— Надо будет сначала проверить, — ответил студент; подошел к дереву, разрубил топором кору и потер ее одним концом лоскута — и тотчас кора затянулась и срслась. — Ну, вижу, что все это правильно, — сказал он духу, — а теперь мы можем с тобой и расстаться.

Дух поблагодарил его за освобождение, а студент поблагодарил духа за его подарок и отправился к своему отцу.

— Где это ты шатался? — спросил его отец. — А о работе и забыл. Ну, не говорил ли я, что она будет тебе не под силу.

— Да вы, батюшка, будьте спокойны, я уж наверстаю.

— Да что уж наверстывать, — молвил сердито отец, — дело это для тебя неподходящее.

— А вот, батюшка, посмотрите, — как ударю я это дерево, так оно и затрещит.

Взял он свой лоскут, натер им топор и ударил со всего маху; но железо превратилось в серебро, а лезвие все погнулось.

— Эй, батюшка, посмотрите, какой вы мне плохой топор дали, он весь погнулся.

Испугался отец и говорит:

— Ах, что же ты наделал! Придется теперь мне за него платить, а чем же платить-то? Вот она польза от твоей работы!

— Не сердитесь, — ответил сын, — за топор уж я сам заплачу.

— Ах, дурень ты, чем же ты будешь платить-то? У тебя ведь только и есть, что я тебе даю; вот она студенческая твоя премудрость, которой ты себе голову набил, а что до того, чтобы дерево срубить, в этом ты ничего не смыслишь.

Ну, тут студент и говорит отцу:

— Работать я больше не в силах, давайте лучше вечером пирушку устроим.

— Да что ты в самом деле! — говорит отец. — Думаешь, мне одно только и остается, что засунуть руки в карманы, как делаешь это ты? Нет, мне надо еще поработать, а ты можешь домой убираться.

— Отец, да я ведь в первый раз здесь в лесу, дороги мне одному не найти, пойдете вместе со мной.

Ну, гнев у отца поутих, уговорил сын отца, и пошли они вместе домой. Вот и говорит отец сыну:

— Ступай продай сломанный топор, увидишь, что тебе за него дадут; а остальные деньги придется мне заработать, чтобы уплатить соседу за топор.

Взял сын топор и отнес его в город к золотых дел мастеру. Тот взял его, сделал пробу, положил на весы и говорит:

— Цена ему будет четыреста талеров, но денег у меня таких сейчас при себе нету.

А студент говорит:

— Уплатите мне то, что у вас есть, а остальное останетесь должны. — И дал ему золотых дел мастер триста талеров, а сто остался должен. Воротился студент домой и говорит:

— Ну, отец, деньги теперь у меня завелись; пойдите спросите, сколько сосед за топор хочет.

— Да я и без того знаю, — ответил старик, — один талер и шесть грошей.

— Так вот, дайте ему два талера и двенадцать грошей, будет это как раз вдвое, и с него хватит; глядите — денег у меня достаточно.

Он дал отцу сто талеров и говорит:

— Недостатка в них теперь у вас никогда не будет, живите себе в свое удовольствие.

— Боже ты мой, — сказал старик, — как же это ты так вдруг разбогател?

И рассказал сын ему все, что случилось, и как, понадеявшись на свое счастье, получил он такую богатую добычу. Взяв остальные деньги, отправился он снова в высшую школу и продолжал учиться дальше, а так как умел он лечить своим пластырем всякие раны, то и стал самым знаменитым доктором в мире.

Чортов чумазый брат

Одному отставному солдату жить было нечем, и не знал он, как ему из такой беды выпутаться. Вот отправился он в лес, прошел немного и повстречал маленького человечка, а то был чорт. И сказал ему человечек:

— Что это с тобой? Вид у тебя что-то невеселый.

Ответил ему солдат:

— Да вот есть хочется, а денег нету.

Чорт и говорит ему:

— Пойдешь ко мне в услуженье — хватит тебе на весь твой век; а служить ты мне должен семь лет, и после того снова будешь ты человеком вольным. Только вот что я тебе скажу: ты не должен ни мыться, ни чесаться, ни сморкаться, ни стричься, ни обрезать ногти и глаз не протирать.

Солдат говорит:

— Ну, что ж делать тогда, коли воля твоя, — и пошел за человечком, и повел его тот прямехонько в ад. И сказал ему чорт, что он делать обязан: должен он под котлами огонь разводить, где грешники сидят, дом держать в чистоте да сор выносить за порог и всюду следить за порядком. Но если он заглянет хоть раз в котел, то плохо ему придется. Солдат сказал:

— Ладно, уж я постараюсь.

И отправился старый чорт снова странствовать по свету, а солдат приступил к исполнению своих обязанностей: стал огонь разводить, пол подметать, сор выносить за порог — все, как было ему велено. Вернулся старый чорт, посмотрел, все ли исполнено, остался доволен и ушел снова. Оглянулся солдат, поглядел хорошенько, видит — расставлены кругом котлы в аду, пылает под ними сильный огонь, и варится в них что-то да клокочет. Жизнь бы отдать солдат готов, лишь бы в них заглянуть, но запретил ему строго-настрого чорт это делать. Но вот, наконец, он не мог удержаться, поднял слегка крышку первого котла и заглянул в него. И увидал он, что сидит в нем бывший его унтер-офицер.

— Ага, голубчик, — сказал солдат, — вот куда ты попал! Прежде я был в твоих руках, а теперь ты у меня, — и быстро опустил он крышку, стал раздувать огонь и подложил еще дров. Подошел он затем ко второму котлу, поднял слегка крышку, заглянул, видит — а в нем прапорщик.

— Ага, голубчик, вот ты куда попал! Прежде я был в твоих руках, теперь ты у меня, — закрыл солдат крышку и принес полено, чтоб тому еще жарче было. Захотелось солдату

посмотреть, кто же это в третьем котле сидит, а там — сам генерал.

— Ага, голубчик, вот куда ты попал! Прежде я был у тебя в руках, а теперь ты у меня, — и принес солдат мехи, стал раздувать огонь, и запылало адское пламя под ним пуше прежнего. Так нес солдат свою службу в аду целых семь лет, не мылся, не чесался, не сморкался, не стригся, ногтей не срезал и глаз не протирал; и прошло семь лет так быстро, что ему показалось, что минуло только полгода. Когда окончился срок службы, пришел чорт и говорит:

— Ну, Ганс, что ты здесь делаешь?

— Раздувал я огонь под котлами, пол подметал да сор выносил.

— Нет, ты и в котлы заглядывал; счастье твоё, что ты подкладывал дров, а то бы теперь тебе пропадать; что ж, срок твой прошел, хочешь домой вернуться?

— Да, — сказал солдат, — хотелось бы мне поглядеть, что там дома отец мой делает.

Чорт говорит:

— Так вот, получай свое жалованье: иди да набери себе мусору в ранец и возьми его с собой. А должен ты идти домой неумытый и нечесаный, с длинными волосами на голове и на бороде, с неостриженными ногтями и грязными глазами, а если тебя кто спросит, откуда, мол, идешь, то скажи: «Из ада», а если кто спросит, кто ты таков, должен ответить: «Чортов чумазый брат и сам себе король».

Ни слова не сказал солдат и сделал то, что велел ему чорт, но жалованьем своим он остался совсем недоволен.

Попал он снова наверх, в лес, снял свой ранец со спины и хотел было вытряхнуть из него мусор; но только он его открыл — и превратился весь мусор в чистое золото.

— Этого я уж никак не думал, — сказал он, остался доволен и пошел в город.

У ворот гостиницы стоял хозяин, и когда он заметил солдата, то испугался: Ганс выглядел прямо каким-то, страшилищем, хуже, чем пугало на огороде. Подозвал его хозяин гостиницы, к себе и говорит:

— Откуда ты идешь?

— Из ада.

— А кто ты таков?

— Чортов чумазый брат и сам себе король.

Не хотел было хозяин его впускать, но как показал он ему золото, то сам и двери перед ним распахнул. Велел Ганс отвести ему самую лучшую комнату да прислуживать ему как следует, поел досыта и попил, но, однако, не мылся, не чесался, как и велел ему чорт, и лег, наконец, спать. А хозяину все виделся

перед глазами ранец, полный золота, и не давал он ему покоя, пока не забрался он ночью к солдату и не украл у него тот ранец.

Встал на другое утро Ганс, хотел было заплатить хозяину деньги и итти дальше, но видит, что ранец куда-то пропал. Он спохватился и подумал: «Вот без вины в беду-то попал», и вернулся он снова прямою дорогой в ад; пожаловался он старому чорту на свое несчастье и стал просить его о помощи. Чорт сказал:

— Садись, я умою тебя, причешу, нос утру, волосы и ногти постригу и глаза протру.

Кончил он это дело и дал ему снова ранец, полный мусора, и говорит:

— Ступай да скажи хозяину, чтоб отдал он твое золото назад, а то я сам к нему приду и отведу его в ад, и будет он вместо тебя огонь раздувать.

Поднялся Ганс из ада и говорит хозяину:

— Ты украл у меня золото; если не вернешь его мне назад, придется итти тебе в ад на мое место, и станешь ты таким же страшилищем, как и я.

И отдал хозяин ему золото да еще дал впридачу, и просил его никому о том не говорить, и стал Ганс теперь человеком богатым.

Отправился он в путь-дорогу домой, к своему отцу, купил себе, чтобы было во что одеться, дешевенькую куртку, стал по дороге музыкой заниматься, а музыке той научился он у чорта в аду. А жил в той стране старый король; и стал Ганс перед ним играть; и понравилась очень королю его музыка, и обещал он ему в жены свою старшую дочь. Но как услышала она о том, что должна выходить замуж за простого человека в полотняной куртке, сказала:

— Уж лучше мне в омут глубокий броситься, чем итти замуж за него.

И отдал тогда король ему свою младшую дочь в жены, и та из любви к своему отцу согласилась. И вот получил чортов чумазый брат королевскую дочь в жены, а когда умер король, то и все его королевство.

Медвежатник

Жил-был однажды молодой парень; нанялся он в солдаты, и был храбрый и всегда первый там, где пули сыпались градом. Пока продолжалась война, все шло хорошо, но вот заключили мир, и получил солдат чистую отставку, и сказал капитан, что может он теперь отправляться куда ему вздумается. А отец

и мать у солдата умерли, и не было у него теперь родного дома: вот и пошел он к своим братьям и попросил их ему помочь, пока начнется опять война. Но было у братьев сердце жестокое, и они сказали:

— Что нам с тобой делать? В работники ты нам не нужен; ты уж сам рассуди, как тебе на свете прожить.

А было у солдата всего одно лишь ружье, взял он его на плечи и решил идти куда глаза глядят. Подошел он к лесным местам, и куда не глянешь — все одни деревья кругом стоят. Сел он под деревом, запечалился и стал про судьбу свою раздумывать. «Денег у меня нету, — подумал он, — обучен я одному лишь военному ремеслу, а сейчас мир заключен, и стал я никому не нужен; вижу наперед, что мне с голоду пропадать придется». Вдруг услышал он шум, огляделся, видит — стоит перед ним какой-то незнакомец, зеленый на нем камзол, выглядывает на вид прилично; но вместо ноги у него грубое лошадиное копыто.

— Я уж знаю, чего тебе недостает, — сказал человек, — денег и добра будет у тебя вдосталь — столько, сколько донести будешь в силах; но надо мне сперва испытать, не будешь ли ты боязлив, а то зачем мне деньги свои давать понапрасну.

— Солдат и страх — это одно с другим не вяжется, — ответил солдат, — а впрочем, ты можешь меня испытать.

— Хорошо, — ответил человек, — оглянись-ка назад.

Обернулся солдат, видит — двигается на него, рыча, большой медведь.

— Ого! — крикнул солдат. — Я тебя по носу пощечочу, и пропадет у тебя охота рычать! — Он приложил ружье и выстрелил прямо медведю в нос. Рухнул медведь на землю и не пошевелился.

— Я вижу, — сказал незнакомец, — храбрости у тебя достаточно; но есть у меня еще одно условие, и ты должен его выполнить.

— Если это мне не мешает остаться праведником, — ответил солдат, который прекрасно понял, с кем он имеет дело, — а то я ни за какие блага на свете не соглашусь.

— Это ты сам поймешь, — ответил зеленый камзол. — За эти семь лет ты не должен мыться, бороды и волос не причесывать, ногтей не обрезать и «Отче наш» не читать. Дам я тебе камзол и плащ, и будешь ты их это время носить. Если за эти семь лет ты умрешь, то будешь ты мой, а останешься в живых, будешь свободен, да к тому же всю свою жизнь богат.

Вспомнил солдат про свою большую нужду и что не раз приходилось ему со смертью встречаться, вот и решил он и на сей раз отважиться, — и согласился. Снял чорт свой зеленый камзол, подал его солдату и сказал:

— Будешь этот камзол носить, и если сунешь руку в карман, будет в нем всегда денег полно.

Содрал он с медведя шкуру и говорит:

— Пусть она будет тебе вместо плаща и подстилки для спанья: ты должен на ней спать и ни на какую другую постель не ложиться. По этой одежде будут тебя называть медвежатником. — С тем чорт и исчез.

Натянул солдат камзол, мигом руку в карман сунул и глядь — дело вышло правильное. Накинул он на себя медвежью шкуру и пустился в путь-дорогу. В настроении он был хорошо и ничего не пропускал такого, что казалось ему приятным, ну и денег он не жалел, конечно. В первый год дела шли ничего, а на второй год он стал уже выглядывать, как чудовище. Волосы покрывали почти все лицо, борода была похожа на кусок грубого войлока, на пальцах отросли когти, а лицо было у него настолько покрыто грязью, что ежели бы посеять на нем салат, то он непременно взошел бы. Кто его видел, тот от него убегал, но так как он всюду раздавал деньги бедным людям и те за него молились, чтобы за эти семь лет он не помер, то он всегда находил себе пока что приют. На четвертом году он зашел как-то в харчевню, но хозяин не хотел его принимать и даже не пустил его и на конюшню, чтоб лошадей не испугать.

Но когда медвежатник полез в карман и достал полную пригоршню дукатов, то хозяин смягчился и дал ему комнату во флигеле; однако он взял с него обещанье никому на глаза не показываться, — чтоб не пошла о его гостинице дурная молва.

Вот сидел медвежатник вечером один и от всего сердца желал, чтоб поскорей прошли эти семь лет. Вдруг услышал он в соседней комнате громкие стоны. А сердце было у него жалостливое. он открыл дверь и увидел какого-то старика, который плакал навзрыд и заламывал над головой руки. Подошел медвежатник поближе, но человек вскочил, собираясь убежать. Услышав человеческий голос, он смутился, но медвежатнику удалось ласковыми речами успокоить его, и тот объяснил ему причину своего горя. Старик рассказал, что он мало-помалу промотал свое имущество, и теперь ему с дочерью приходится терпеть нищету, что он так беден, что даже не в состоянии расплатиться с хозяином гостиницы и должен быть за это посажен в тюрьму.

— Ежели в этом все ваше горе, — сказал медвежатник, — то денег у меня хватит.

Он велел позвать хозяина, уплатил ему и сунул в карман несчастному вдобавок еще полный кошелек золота.

Старик понял, что он ото всех бед избавился, и не знал уж как его и отблагодарить.

— Пойдем вместе со мной, — сказал он ему, — у меня дочери красоты неописанной, выбирай себе одну из них в жены. Если дочь услышит, что ты для меня сделал, она отказываться не станет. Правда, вид у тебя несколько странный, но она уж тебя приведет в порядок.

Это медвежатнику очень понравилось, и он пошел вместе с ним.

Увидела его старшая дочь и, посмотрев на его лицо, так ужаснулась, что даже вскрикнула и убежала. А средняя хотя и осталась, но разглядывала его с ног до головы, а потом сказала:

— Как мне взять себе мужа, потерявшего человеческий облик? Мне бы уж больше понравился бритый медведь, которого я однажды видела и который выдавал себя за человека: на том по крайней мере была гусарская шинель и белые перчатки. Если бы он был только уродлив, то я могла бы к нему, пожалуй, привыкнуть.

Но самая младшая сказала:

— Милый батюшка, это человек, должно быть, хороший, раз он выручил вас из беды. Если вы за это пообещали ему невесту, то слово надо сдержать.

Жаль, что лицо у медвежатника было покрыто грязью и заросло волосами, а то можно было бы увидеть, как запрыгало сердце у него от радости, когда услышал он эти слова. Он снял кольцо с пальца, переломил его надвое, дал ей половину, а другую у себя оставил. И написал на ее половине свое имя, а на своей половине ее имя, и просил хранить бережно свою часть кольца. Он стал собираться в дорогу и сказал на прощанье:

— Мне надо странствовать еще три года, и если я не вернусь, то ты свободна, и считай, что я умер. Но проси господ бога, чтоб он сохранил мне жизнь.

Оделась бедная невеста во все черное, и когда думала про своего жениха, у нее на глазах выступали слезы. От своих сестер терпела она одни только насмешки и издевательства. «Ты ж не забудь, — говорила старшая, — когда будешь протягивать ему руку, он ударит тебя лапой». «Берегись, — говорила средняя, — медведи — они любят сладкое; если ты ему понравишься, он тебя съест». «Ты всегда должна исполнять его волю, — продолжала старшая, — а не то начнет он рычать». А средняя говорила: «А свадьба-то будет какая веселая! Медведи — они здорово умеют плясать!»

Невеста молчала и сбить с толку себя не позволила. А медвежатник странствовал тем временем по свету из одного места в другое, где мог — делал людям добро и щедро помогал беднякам, чтоб они за него молились. Наконец, когда наступил по-

следний день этих семи лет, он вышел снова в лес и сел под деревьями. Вскоре засвистел ветер, явился перед ним чорт и поглядел на него с укоризной. Кинул ему потом старый камзол и потребовал у него назад свой зеленый.

— На этом дело еще не кончилось, — сказал охотник, — ты должен сначала меня помыть и почистить.

И хотелось ли чорту, или нет, а пришлось ему принести воды, обмыть медвежатника, волосы ему причесать и ногти обрезать. И стал он после того выглядеть, как храбрый воин, и стал куда красивей, чем прежде.

Чорт, к счастью, убрался, и у медвежатника сделалось на сердце легко. Пошел он в город, заказал себе красивый бархатный камзол, сел в карету, запряженную четверкой сивых коней, и направился к дому своей невесты. Его никто не узнал, а отец принял за важного полководца и повел в комнату, где сидели его дочери. Вышло так, что усадили его как раз между двумя старшими; они налили ему вина, положили ему самые лучшие кушанья, порешив, что более красивого человека на свете им ни разу не приходилось видеть. А невеста, та сидела напротив него в черном платье. Она ни разу не глянула и слова не вымолвила. Наконец он спрашивает у отца, согласен ли тот выдать одну из своих дочерей за него замуж; тут вскочили обе старшие, убежали к себе в комнату, собираясь надеть самые роскошные платья: каждая из них воображала, что она и есть та самая, которую он избрал. Но только незнакомец остался наедине со своею невестой, тотчас достал половину кольца и бросил его в кубок с вином и подал ей через стол. Она взяла кубок, выпила и нашла на дне половину кольца, и сердце у ней так и забилося. Достала она другую половину кольца, которую носила на ожерельи, приложила ее к той, и оказалось, что обе части как раз пришлись одна к другой.

И сказал он:

— Я твой обрученный жених, которого ты видела в образе медвежатника; но по милости божьей вернулся ко мне снова мой человеческий вид, и я стал опять чистым.

Он подошел к ней, обнял ее и поцеловал. Тем временем явились обе сестры в полном наряде, но, увидав, что красавец достался младшей, и узнав, что это был медвежатник, они в гневе и ярости выбежали из комнаты; и одна утопилась в колодце, а другая повесилась на дереве.

Вечером кто-то постучался в дверь; открывает жених и видит, что это чорт в зеленом камзоле; и говорит чорт:

— Вот видишь, теперь мне досталось две души вместо твоей одной.

Королек и медведь

Однажды летней порою пошли медведь и волк в лес погулять. Услыхал медведь прекрасное пение какой-то птицы и говорит:

— Братец-волк, что это за птица, которая так прекрасно поет?

— Тише! Это король всех птиц, — сказал волк, — перед ним мы все должны преклоняться.

А то был королек.

— Если это так и есть, — сказал медведь, — мне хотелось бы поглядеть на его королевский дворец, проводи меня туда.

— Это не так-то просто, как ты думаешь, — сказал волк, — надо подождать, пока прибудет госпожа королева.

А вскоре явилась и госпожа королева, принесла в клюве корм, потом явился и сам король, и стали они кормить своих птенчиков. Захотелось медведю поскорей подкрасться, но волк схватил его за рукав, и говорит:

— Нет, надо будет подождать, пока господин король и госпожа королева уйдут.

Заприметили волк с медведем хорошо ту впадину, где находилось гнездо, а потом убежали оттуда. Но не было медведю покоя, — хотелось ему посмотреть на королевский дворец, и он пошел туда вскоре опять. А в это время король и королева далеко улетели. Заглянул медведь в гнездо, видит — лежат в нем пятеро или шестеро птенцов.

— Вот это и есть королевский дворец? — воскликнул медведь. — Ну, и неказистый же дворец! А вы и вовсе не королевские дети, а подкидыши.

Услыхали это молодые корольки, страшно рассердились и как запищат:

— Нет, мы вовсе не подкидыши! Наши родители люди честные. Медведь, ты за это еще заплатишься!

Стало медведю и волку страшно, они вернулись и засели в своих норах. А молодые корольки продолжали шуметь и кричать во все горло; вот родители принесли им опять корм, а они говорят:

— Не станем мы есть мушиных ножек, даже к ним и не прикоснемся, лучше с голоду пропадем, пока не будет решено, законные мы дети или нет. Был тут медведь и нас оскорбил.

Сказал тогда старый король:

— Ну, успокойтесь, мы с этим делом покончим!

И он полетел с госпожой королевой к медвежьей берлоге и закричал у самого лаза:

— Эй, старый ворчун-медведь, ты зачем оскорбил моих детей? Плохо тебе за это придется. Надо дело решать кровавой войной.

Итак объявлена была медведю война, и призваны были им все четвероногие звери: бык, осел, корова, олень, косуля и все остальное зверье, что населяет землю. А корольки призвал всех и все, что летает в воздухе, — не только птиц больших и малых, но и комаров, шершней, пчел и мух, — все должны были слететься.

Подошло время, когда должна была начаться война; и выслал тогда корольки разведчиков — узнать, кто у врагов главный генерал-командир. Комар, самый хитрый из всех, стал летать по лесу, где собирались враги, и, наконец, уселся на дерево под листком, там, где давали боевой пароль. Вот поднялся медведь, кликнул лиса и говорит:

— Лис, ты самый хитрый из всех зверей, ты должен быть генералом и вести нас на войну.

— Хорошо, — говорит лис, — но какие же знаки отличия вы мне дадите?

Но никто этого не знал. Тогда сказал лис:

— У меня красивый длинный пушистый хвост, и он похож точь-в-точь на рыжий султан. Если я хвост буду держать вверх — то, значит, дело идет хорошо, и вы маршируйте прямо за мной; а если я хвост опущу вниз — то бегите со всех ног куда глаза глядят.

Услыхал это комар, прилетел домой и передал корольку обо всем в точности.

Вот наступил день, когда должно было начаться сражение, и — туп-туп-туп! — прибежало-посбежалось с шумом четвероногое зверье, аж земля дрожала. Прилетел и королек по воздуху со своим войском; и жужжал, и вопил, и гудел воздух — аж страшно, ой, как страшно становилось всякому! Они двинулись с двух сторон друг на друга.

Выслал королек вниз шмеля, тот должен был сесть лису под хвост и укусить его изо всех сил. Получил лис первый укус, вздрогнул, поднял ногу, но все-таки вытерпел и продолжал держать хвост высоко. Но при втором укусе пришлось ему хвост враз опустить; а третьего не мог он выдержать, закричал и поджал хвост между ног. Увидали это звери, подумали, что все пропало, и пустились бежать наутек, каждый в свою нору. И птицы выиграли сражение.

Полетели тогда король и госпожа королева домой к своим деткам и закричали:

— Радуйтесь, дети, ешьте и пейте в свое удовольствие, мы на войне победили!

Но молодые корольки сказали:

— Нет, не станем мы есть до тех пор, пока медведь не придет к гнезду и не скажет, что мы — законные дети.

И полетел королек, подлетел к самому лазу медвежьей берлоги и как крикнет:

— Эй, медведь-ворчун, ступай к гнезду моих деток, просить у них прощенья и сказать, что они законные дети, а не то все ребра тебе поломаю!

И пополз медведь туда в великом страхе и попросил прощенья. Только тогда и успокоились молодые корольки, уселись все рядышком, стали есть и пить и веселились до самой глубокой ночи.

Сладкая каша

Жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего. Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про ее горемычное житье и подарила ей глиняный горшочек. Стоило ему только сказать: «Горшочек, вари!» — и сварится в нем вкусная, сладкая пшенная каша; а скажи ему только: «Горшочек, перестань!» — и перестанет вариться в нем каша. Принесла девочка горшочек домой своей матери, и вот избавились они от бедности и голода и стали, когда захочется им, есть сладкую кашу.

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: «Горшочек, вари!» — и стала вариться в нем каша, и наелась мать досыта. Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово. И вот варит он и варит, и ползет каша уже через край, и все варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и ползет каша в другую избу, и улица вся полна, словно хочет она весь мир накормить; и приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь. Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: «Горшочек, перестань!» — перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проехать себе дорогу.

Умные люди

Достал раз крестьянин из угла свою толстенную палку, а была она вырезана из граба, и говорит жене:

— Трина, я пойду далеко, вернусь назад этак дня через три. Если зайдет к нам торговец скотом и захочет купить три наших коровы, можешь продать их, но только за двести талеров, никак не меньше. Слышишь?

— Ступай с богом! — ответила жена. — Уж я так и сделаю.

— Ты уж молчи! — сказал муж. — Тебя словно кто в детстве пришиб, такой ты и до сих пор осталась. Но смотри, наделаешь глупостей, размалюю я тебе спину дёсиня, и без всякой это краски, а одной только палкой, вот этой самой, что у меня в руке, будут полосы целый год держаться, ты уж мне

в этом поверь! — С этими словами крестьянин отправился в путь-дорогу.

На другое утро приходит торговец. Ну, жена не стала слишком долго с ним разговаривать. Осмотрел торговец коров и, узнав цену, говорит:

— Что ж, это я охотно заплачу; столько они, пожалуй, по сравнению с другими, и стоят.

Отвязал он их и вывел из стойла. Собрался гнать их за ворота, а хозяйка схватила его за рукав и говорит:

— Сначала вы должны мне двести талеров уплатить, а так я вас не выпущу.

— Это правильно, — отвечает торговец, — да я вот позабыл свой кошелек с деньгами к поясу пристегнуть. Но уж вы не беспокойтесь, будьте уверены, я вам уплачу. Двух коров возьму я с собой, а третью вам в задаток оставлю.

Хозяйке это здорово понравилось, она отпустила торговца с коровами, а сама подумала: «Как Ганс-то, пожалуй, обрадуется, когда узнает, что я так умно поступила!»

Воротился крестьянин домой, как и говорил, через три дня, и тотчас спрашивает, проданы ли коровы.

— Разумеется, милый Ганс, — отвечает жена, — и так, как ты мне и велел, за двести талеров. Они того, пожалуй, и не стоят, но торговец взял их без всякого спору.

— А деньги где? — спрашивает крестьянин.

— Денег-то у меня нету, — отвечает жена, — он как раз забыл свой кошелек с деньгами, но скоро их принесет, он мне хороший задаток оставил.

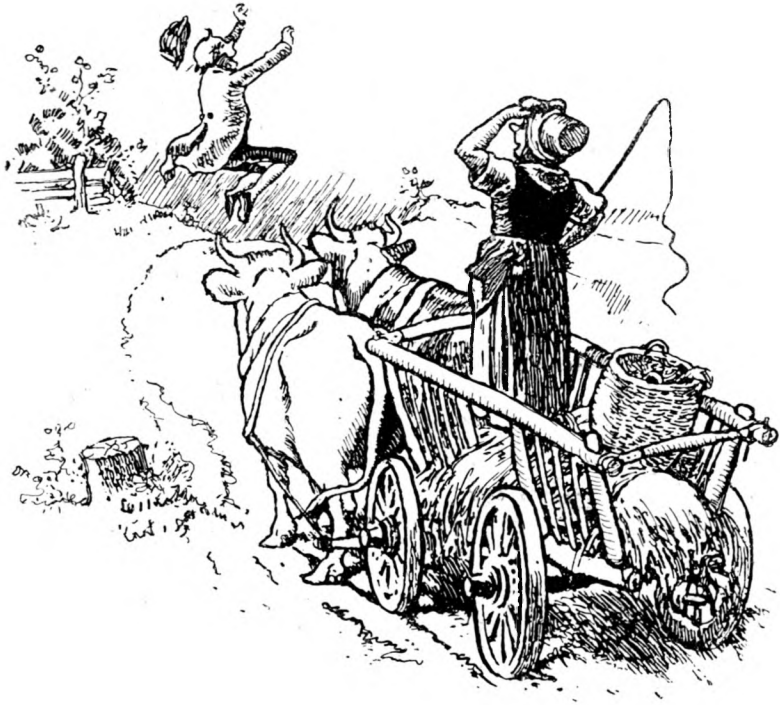
— А какой задаток? — спрашивает муж.

— Одну из трех коров он оставил у нас, он получит ее, когда за другие уплатит. Я-то умно поступила, оставила ведь самую меньшую, ее и кормить не так много придется.

Разгневался муж, схватил палку и хотел было уже, как и обещал, жену свою досиня размалевать. Но вдруг бросил палку и говорит:

— Такой глупой гусыни и на свете еще не бывало, но мне тебя жалко. Выйду-ка я на проезжую дорогу и три дня подожду, не найдется ли кто поглупее тебя. Удастся мне такого человека найти, я прощу тебя, а не удастся, уж получишь ты у меня без всякой скидки заслуженную награду.

Вышел он на проезжую дорогу, уселся на камне и стал дожидаться, не покажется ли там кто. Он увидел, что едет повозка и стоит на ней женщина, а повозка нагружена соломой, и женщина не сидит на соломе, не идет рядом с волами и не ведет их, как полагается. Вот крестьянин и подумал: «Пожалуй, это есть та самая, которую я ищу», — он вскочил и начал бежать взад и вперед перед повозкой, как полоумный.

— Что вам, куманек, надобно? — обратилась к нему женщина. — Я вас в первый раз вижу, откуда вы сами?

— Я с неба свалился, — говорит крестьянин, — и вот не знаю, как мне туда опять взобраться. Не можете ли вы меня туда отвезти?

— Нет, — говорит женщина, — туда я дороги не знаю. Но ежели вы с неба явились, то уж наверное можете мне сказать, как там поживает мой муж? Прошло три года, как он уже там находится. Вы его, должно быть, видели?

— Я-то его видел, но не всем ведь крестьянам там хорошо живется. Он пасет овец, но милые овечки немало ему хлопот доставляют: взберется какая-нибудь из них на гору, в густом лесу заплутается, и приходится ему бегать за ней и гнать ее к стаду. Да и пообносился он изрядно, одежда скоро у него с тела свалится. Портных ведь там нету, святой Петр никого туда не пускает, как вы сами по сказкам знаете.

— И кто бы мог такое подумать! — воскликнула женщина. — Знаете что? Принесу-ка я его праздничный камзол, он дома в шкафу до сих пор висит, пускай его носит себе на здомевье. Будьте так добры, захватите этот камзол с собой.

— Это дело не выйдет, — ответил крестьянин, — одежды на небо брать с собой не дозволяется, всё одно ее у небесных врат отберут.

— Знаете что, — сказала женщина, — вчера я продала самую лучшую свою пшеницу, порядочные деньги за нее получила, вот бы мне хотелось их мужу передать. Если вы сунете кошелек в карман, ведь никто этого не заметит.

— Ну, что с вами поделаешь, — сказал крестьянин, — уж сделаю для вас одолжение.

— Вы тут посидите, а я домой поеду и вам кошелек принесу; я скоро назад вернусь. На соломе-то я не сижу, а стою на повозке, так-то оно волам полегче.

Погнала она волов, а крестьянин подумал: «Видно, она глуповата маленько, и ежели и вправду принесет деньги, то выйдет жене удача, — бить я ее не стану». Вскоре прибежала женщина, принесла деньги и сама сунула их крестьянину в карман. Перед тем как уйти, поблагодарила она его тысячу раз за его одолжение.

Вернулась женщина домой, а сын ее был уже дома, он только что с поля приехал. Рассказала она ему, какой неожиданный случай с ней вышел, и говорит:

— Я так рада, что подвернулся случай передать что-нибудь моему бедному мужу; ведь кто бы мог подумать, что он будет в чем-либо на небе нуждаться?

Изумился сын.

— Магушка моя, — говорит он ей, — ведь такой человек не каждый день с неба является; пойду-ка посмотрю, может

найду этого человека. Пусть он мне расскажет, что там на небе делается, не найдется ли там какой работы?

Оседлал он лошадь и помчался во весь опор. Нашел крестьянина, тот сидел под ивой, собирался считать в кошельке деньги.

— Не видали ли вы человека, который с неба явился? — крикнул ему парень.

— Видал, — говорит крестьянин, — он уже назад возвращается, на гору поднялся, этой дорогой туда будет поближе. Вы его еще можете нагнать, ежели побыстрей поедете.

— Ох, — говорит парень, — да я за целый день наморился, снопы молотил, а дорога сюда вконец меня измаяла. Вы-то ведь знаете того человека, будьте уж так добры, садитесь на мою лошадь и уговорите его, чтоб он назад воротился.

«Ага, — подумал крестьянин, — этот тоже из таких, у кого клёпки в голове нехватает».

— Что ж, почему не сделать мне для вас одолжение? — сказал он, вскочил на лошадь и помчался галопом.

А парень остался сидеть, и сидел, пока ночь наступила, но крестьянин так назад и не вернулся.

«Должно быть, — подумал парень, — тот человек с неба уж очень торопился и возвращаться назад не захотел, а крестьянин отдал ему лошадь, чтобы тот передал ее моему отцу».

Вернулся парень домой и рассказал матери, что случилось; лошадь он, дескать, отцу отослал, чтоб не ходить ему по небу все время пешком.

— Ты хорошо поступил, — сказала мать, — у тебя-то ведь ноги еще молодые, ты можешь ходить и пешком.

Вот вернулся крестьянин домой, поставил лошадь в стойло рядом с коровой, что в задаток осталась, пошел к жене и говорит:

— Трина, счастье твое, что нашел я двух дураков, еще поглупее тебя; на этот раз дело так обойдется, я приберегу это на другой раз.

Закурил он трубку, уселся в дедовское кресло и говорит:

— Что ж! Удачная вышла продажа, за две тощих коровы получить откормленную лошадь да еще полный кошелек денег впридачу. Ежели б глупость приносила столько доходу, то я стал бы охотно дураков уважать.

Так думал этот крестьянин, но тебе, пожалуй, простодушные люди милее.

Сказки про жерлянку

1

Жил-был на свете маленький ребенок; мать давала ему каждый день после обеда мисочку молока и кусочек сдобного хлебца, и ребенок садился с мисочкой во дворе. Только начинал он есть, как выползала из стенной щели огненная жерлянка, опускала голову в молоко и ела вместе с ребенком. И ребенок этому радовался; сядет, бывало, со своею мисочкой, а жерлянка все не приходит, и зовет он ее:

Жерлянка-малютка,
Выйди на минутку,
Свежим хлебцом накормлю,
Молочком я напою!

Прибегала жерлянка и пила молоко с удовольствием. Она умела ребенка за это отблагодарить — приносила ему из своих подземных сокровищ разные красивые вещи, блестящие камушки, жемчуга и золотые игрушки. Но пила жерлянка только молоко, а хлебец оставляла.

Взял однажды ребенок свою ложечку, ударил тихонько жерлянку по голове и сказал:

— Послушай, надо и хлебец есть.

А мать в это время была на кухне, услышала она, что ребенок с кем-то разговаривает, и увидела, что замахнулся он ложечкой на жерлянку, выбежала с поленом на двор и убила добрую жерлянку.

И с той поры ребенка будто кто подменил. Пока он ел вместе с жерлянкой, был он сильным и крепким, а теперь пропал у него на щеках румянец, и он стал худеть. А вскоре потом начала по ночам кричать сова, а малиновка собирала веточки и листья для погребального венка, и в скором времени случилось так, что ребенок лежал уже в гробу.

2

Сидела раз сиротка у городской стены и пряла пряжу, видит — выползла из стеной щели жерлянка. Сиротка быстро разостлала около себя свой шелковый синий платок, что так любят жерлянки и на который их только и можно приманить. Увидала это жерлянка, вернулась назад, но явилась опять и принесла маленький золотой венец, положила его на платок, а сама ушла. Подняла девочка венец, а он весь так и сиял, и был сделан он из тонкой золотой пряжи.

Вскоре пришла жерлянка еще раз, видит — нет золотого венца, заползла она опять под стену и стала с горя головкой об стену биться, и билась до тех пор, пока не протянулась на земле мертвая. А оставила бы девочка на земле венец, то притащила бы, пожалуй, жерлянка из своей норы еще немало разных сокровищ.

3

Кличет жерлянка: Гу-гу! гу-гу.

Говорит дитя:

— Выходи сюда! Ну!

Выходит жерлянка, и спрашивает у нее дитя про свою сестричку:

— Не видала ли ты где Красного Чулочка?

Говорит жерлянка:

— Нет, не видала: а ты как? Гу-гу, гу-гу, гу-гу.

Бедный работник с мельницы и кошечка

Жил-был на мельнице старый мельник; не было у него ни жены, ни детей, и служило у него трое работников. Пробыли они у него несколько лет, вот говорит он им однажды:

— Я уже стар стал, мне бы теперь сидеть на печи, а вы ступайте по белу свету странствовать; и кто приведет мне домой

лучшего коня, тому и отдам я мельницу, и будет тот кормить меня до самой смерти.

Третий работник был на мельнице засыпкой, и считали они его все дураком и мельницу ему никак не прочили; да он и сам того вовсе не хотел. И ушли они все трое, и, подходя к деревне, говорят они Гансу-дураку:

— Ты уж тут оставайся; за всю свою жизнь не достать тебе и поганой клячи.

Но Ганс пошел с ними дальше, и когда наступила ночь, пришли они к пещере и легли в ней спать. Двое умных подождали, пока Ганс заснет, затем встали и ушли, а Ганса бросили, думая, что ловко дело обделали, — да, плохо им, однако, за то придется! Вот взошло солнце; Ганс проснулся, видит, что лежит он в глубокой пещере; он огляделся и крикнул:

— Господи, где же это я?

Он поднялся и выбрался из пещеры наверх и пошел в лес; идет он и думает: «Один я остался, все меня бросили, как найти мне теперь коня?» Шел он, погруженный в свои думы, и встретил по дороге маленькую пеструю кошечку; она ласково с ним заговорила:

— Ганс, куда это ты идешь?

— Ах, да чем же ты мне можешь помочь?

— Я о твоём желании хорошо знаю, — сказала кошечка, — ты хочешь, чтоб была у тебя красивая лошадь. Ступай вместе со мной и будь мне верным слугою семь лет, и я дам тебе за то лошадь такую красивую, какую ты за всю свою жизнь и не видел.

«Должно быть, это волшебная кошка, — подумал Ганс, — хотелось бы мне посмотреть, правду ли она говорит». И повела она его в свой маленький заколдованный замок, и жили в нем всё одни только кошечки, и все они ей прислуживали; они проворно носились по лестнице вверх и вниз и были довольные да веселые. Вечером, когда уселись они за стол, три кошечки принялись за музыку: одна играла на контрабасе, другая на скрипке, а третья трубила в трубу и надувала щеки изо всех сил. Когда они поели и стол был уже убран, кошка ему и говорит:

— Ну, Ганс, давай теперь с тобой потанцуем!

— Нет, — говорит он, — с кошкой плясать я не стану, этого делать мне в жизни еще ни разу не доводилось.

— Тогда отведите его в постель, — сказала она кошечкам.

И зажгла ему свечку в спальне одна из кошечек, а другая стала стаскивать с него башмаки, третья — чулки, и, наконец, одна из кошечек потушила свечу. А на другое утро они снова явились и помогли ему встать с постели и одеться: одна натягивала ему чулки, другая завязывала подвязки, третья подала

ему башмаки, а еще одна умыла его, а лицо вытерла ему хвостом. «Делать это она умеет очень нежно», — заметил Ганс. Но приходилось ему для кошки и работать: каждый день дрова рубить, да как можно помельче; и для этого дали ему серебряный топор; клин и пила были тоже серебряные, а колода была медная. Вот так и колол он дрова, жил в кошкином доме, ел да пил хорошо, но видать никого не видал, кроме пестрой кошки да разных ее служанок.

Вот однажды и говорит она Гансу:

— Ступай да выкоси мой лужок, а трава пусть пойдет на сено, — и дала она ему серебряную косу, а брусок был золотой, и велела она ему все это в точности после работы сдать. Ганс пошел и сделал, что было ему велено. Окончив работу, принес он косу, брусок и сено домой и спрашивает, не заплатит ли она ему уже за работу.

— Нет, — говорит кошка, — ты должен еще для меня кое-что сделать; вот тут стропила да бревна серебряные и плотничий топор, наугольники, скрепы — все, что надо для работы, и все это из серебра сделано. Хочу я построить себе маленький домик.

И выстроил Ганс ей домик и сказал, что все он теперь уже сделал, а лошади-то у него пока что нету. И прошло семь лет, словно полгода. И спросила кошка, хочет ли он поглядеть на ее лошадей?

— Хочу, — ответил Ганс. И она открыла ему домик, отперла двери, видит он — стоят двенадцать лошадей; и, ах, какие они были статные, как блестели они да сверкали, прямо сердце радовалось!

Тут дала она ему поесть и попить и сказала:

— Ну, теперь ступай домой, а лошади твоей я не дам тебе с собой, но через три дня приду сама и приведу ее тебе.

Собрался Ганс в дальний путь, и указала она ему дорогу к мельнице. Но новой одежды она ему не дала, и должен он был воротиться домой в чем пришел — в своей старой, изорванной куртке, что ста-

ла ему за эти семь лет тесна и коротка. Пришел он домой, а другие два работника тоже домой воротились, и каждый привел с собою по лошади, но у одного была она слепая, а у другого хромая. Стали они его спрашивать:

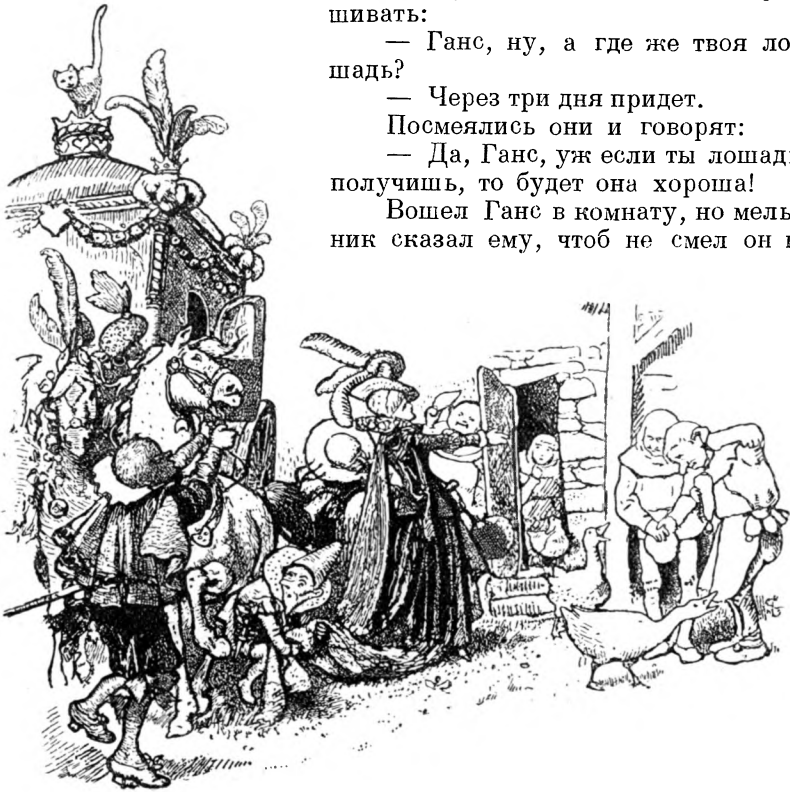
— Ганс, ну, а где же твоя лошадь?

— Через три дня придет.

Посмеялись они и говорят:

— Да, Ганс, уж если ты лошадь получишь, то будет она хороша!

Вошел Ганс в комнату, но мельник сказал ему, чтоб не смел он и

за стол садиться, так был он оборван и весь в лохмотьях, — стыдно-де будет, если кто зайдет в дом. И вынесли ему немного поесть во двор; а когда пришло время спать ложиться, ему не позволили лечь на кровать, и пришлось ему залезть в сарайчик для гусей и улечься на жесткой соломе.

Просыпается он утром, — а прошло уже три дня, — и вот подъезжает карета, запряженная шестериком, — ах, как сияли кони, как блестяли они, как все было красиво! — и вел слуга седьмого коня, и был тот конь для бедного работника с мельницы. И вышла из той кареты красавица-королевна, и вошла она в мельницу; а королевна была та самая маленькая пестрая кошечка, которой бедный Ганс служил целых семь лет. Она спросила мельника, где его младший работник, засыпка?

И ответил мельник:

— Да мы и на мельницу-то его пустить не можем, весь он оборванный, — вон лежит он в сарае, где гуси!

И сказала тогда королевна, чтобы тотчас его привели к ней. Привели Ганса, и должен он был одежкой своей прикрываться, и еле мог тело свое прикрыть лохмотьями. Достал слуга тогда пышные одежды, приумыл работника, придел, и когда был он готов, то выглядел любого короля красивей. Затем королевна велела показать лошадей, приведенных двумя другими работниками. И была одна из них слепая, а другая хромая. И велела она привести тогда своего седьмого коня. Как увидел мельник того коня, сказал, что такого во дворе у него никогда еще не бывало.

— Вот этот конь и будет для младшего твоего работника, — сказала королевна.

— Тогда уж и мельница будет его, — сказал мельник; но королевна ответила, что коня того дарит она ему, и мельница пусть у него остается; взяла она своего верного Ганса, посадила его в карету и уехала с ним вместе. И поехали они сперва в маленький домик, который построил Ганс серебряным топором; а он, глядя, стал огромным замком, и все в нем внутри было из чистого золота да серебра; и вышла она замуж за Ганса, и стал он богат, — так богат, что на всю его жизнь хватило. Вот пускай никто не говорит, что раз дурак, то ни на что и не годен.

Два странника

Гора с горой не сходится, а люди, бывает, сходятся, иной раз добрые и злые. Так вот сошлись однажды во время страстей сапожник с портным.

Был портной небольшого роста, парень собою пригожий, всегда добродушный и веселый. Увидал, что подходит к нему навстречу сапожник, — он узнал по сундучку, что тот сапожным ремеслом занимается, — и запел ему навстречу шутивную песенку:

Швы мне делай поживей,
Тяни дратву веселей,
Молоточком — тук, тук, тук!
Посильней прибай каблуки.

Но сапожник не мог переносить насмешек, он скривил лицо, словно уксусу напился, и сделал движенье, будто собираясь

схватить портняжку за шиворот. А малый наш рассмеялся, протянул ему свою бутылку и говорит:

— Да это не со зла сказано. На́, выпей-ка, вот желчь и промоешь.

Хлебнул сапожник порядочный глоток, и гроза на его лице начала проходить. Он подал назад портному бутылку и говорит:

— Да-а, порядочно выпил, но тут дело не в жажде, а что напился, как надо, это да! Что ж, двинемся, пожалуй, вместе!

— Я согласен, — ответил портной, — если у тебя есть охота итти в большой город, где работы много найдется.

— Да я тоже в город собрался, — ответил сапожник, — в маленьком-то местечке ничего не зарабатоешь, а в деревне люди охотней босиком ходят.

Пошли они странствовать с той поры вместе, шли потихоньку, не так, чтобы очень торопясь.

Времени у обоих у них хватало, а насчет хлеба-то было маловато. Когда они приходили в какой-нибудь город, то бродили по улицам, расхваливая свое ремесло, а так как вид у портняжки был свежий и бодрый да притом были у него красивые румяные щеки, то все давали ему работу охотно, а если выпадет счастье, то, бывало, дочь мастера и поцелует его еще на прощанье. Сойдется он с сапожником, и всегда бывало у него в кошельке больше, чем у того. Угрюмый сапожник перекосит свое лицо и подумает: «Чем больше пройдоха, тем и счастье ему больше». А портной засмеется, запоет себе песенку и поделит весь заработок со своим товарищем поровну. А заведется у него в кармане несколько грошей, велит подать себе поскорей чего-нибудь вкусного, стучит на радостях по столу так, что стаканы пляшут, и это у него называлось: «заработано легко — и прожито легко».

Так странствовали они некоторое время и подошли раз к дремучему лесу, а дорога к королевскому городу проходила через лес. Вели к городу две тропы: по одной надо было итти семь дней, а по другой всего два дня, но никто из них не знал, какой путь выйдет короче. Уселись два странника под дубом, стали совет держать, как им быть и на сколько дней брать с собой хлеба. Сапожник сказал:

— Надо расчет вести наперед, я возьму хлеба с собой на семь дней.

— Что ты? — сказал портной. — Тащить хлеб прозапас на семь дней на спине, как вьючный осел, это и оглянуться-то нельзя будет! Я полагаюсь на господа бога и загадывать наперед не собираюсь. Деньги, что у меня в кармане, годны ведь и летом и зимой одинаково, а хлеб во время жары засохнет и заплесневает; да и куртка-то у меня мала, еле до локтей достает. Почему б нам не поискать верной дороги? Хлеба на два дня — и всё.

И вот купил себе каждый из них хлеба, и пошли они наудачу через лес.

Было в лесу тихо, как в церкви. Не веял ветер, не журчал ни один ручей, птицы не пели, и сквозь густые ветви не проникал ни один луч солнца. Сапожник не проронил ни слова, тяжелый хлеб оттягивал ему плечи, пот градом катился по его сердитому и мрачному лицу. А портной был весел, шел вприпрыжку и, зажав в ладонях листочек, то насвистывал, то напевал песенку и думал: «Господь на небесах, пожалуй, радуется, что я такой веселый».

Так прошло два дня, но на третий день лесу не видать было ни конца ни края, и сердце у портного вдруг упало; но все-таки веселости своей он не потерял, а полагался на господа бога да на свою удачу. На третий день вечером он улегся под деревом голодный. Так случилось и на четвертый, и когда сапожник уселся на дереве, сваленном бурей, и начал закусывать, то портному оставалось только одно — смотреть на это. Когда он попросил дать ему кусочек хлеба, сапожник язвительно засмеялся и сказал:

— Ты всегда был такой веселый, ну, попробуй-ка теперь, как быть грустным: птиц, что поют на заре, вечером ястреб хватает.

Короче говоря, не было у сапожника жалости. На пятый день бедный портной не мог уже от истощенья больше подняться и слова вымолвить; щеки у него побледнели, глаза стали красные. Вот сапожник и говорит:

— Нынче я дам тебе кусок хлеба, но за это выколю тебе правый глаз.

Несчастному портному так хотелось жить, что ему ничего не оставалось, как согласиться; он заплакал в последний раз обоими глазами, а затем сапожник, у которого сердце было каменное, выколол ему острым ножом правый глаз.

Вспомнилось тут портному, что говаривала ему когда-то мать, когда он в кладовой лакомился: «Ешь сколько можно, а терпи сколько должно». Вот съел он дорого стоивший ему хлеб, поднялся на ноги, забыл про свое несчастье и утешился тем, что ведь и одним-то глазом можно достаточно видеть. Но на шестой день он снова почувствовал голод, у него сосало уже подложечкой. Вечером свалился он под деревом, а на седьмое утро от истощенья не мог и подняться, и смерть была уже близка. Тут сапожник и говорит:

— Хочу я оказать тебе милость и дать тебе еще кусок хлеба. Но ты даром его не получишь, за это я выколю тебе и второй глаз.

Понял портной, что всю свою жизнь был легкомысленным, стал просить у господа бога прощения и говорит сапожнику:

— Делай, что знаешь, я готов вытерпеть все, что положено. Но помни, что господь бог не каждую минуту судит, — наступит час, когда ты получишь возмездие за свое злодеяние, которое ты надо мной совершил и чего я от тебя не заслужил. В счастливые дни я делился с тобой всем, что у меня было. Ведь мое ремесло такое, что стежок за стежком надо следить. Если я потеряю глаза и не смогу шить, то придется мне итти милостыню просить. Ты хоть по крайней мере не бросай меня тут одного, а то мне пропадать придется.

Но сапожник, забывший в сердце своем бога, взял нож и выколдовал портному и левый глаз. Дал он ему потом поесть кусок хлеба, сунул ему в руку палку и повел его за собой.

Вот зашло солнце, вышли они из лесу, и стояла на поле у лесной опушки виселица. Повел туда сапожник слепого портного, бросил его там лежать, а сам двинулся дальше. От усталости, боли и голода несчастный уснул и проспал целую ночь. Когда стало светать, он проснулся, не зная, где он находится. А висели на виселице два бедных грешника, и сидел у каждого на голове ворон. И заговорил один из воронов:

— Братец, ты что, не спишь?

— Да, не сплю, — ответил второй ворон.

— Я тебе что-то скажу, — заговорил опять первый. — Роса, упавшая нынче ночью у виселицы, может вернуть зрение всякому, кто ею умоется. Эх, если б знали об этом слепые, то каждому из них захотелось бы вернуть себе зрение, даже если б они не поверили, что это возможно.

Услыхал это портной, достал платок, приложил его к трапе и, когда он намок от росы, протер им себе глазницы. И вмиг исполнилось то, что сказал ворон: оказались у него два новых и здоровых глаза. Увидел вскоре портной солнце, которое подымалось над горами. Раскинулся перед ним на равнине большой королевский город с роскошными воротами и целую сотней башен, и начали пылать золотые макушки и кресты на шпилях. Он мог различить каждый листок на деревьях, видеть пролетающих птиц и комаров, ведущих в воздухе пляску. Достал портной из кармана иглу, и когда смог так же легко, как прежде, вдеть в нее нитку, сердце забилося у него от радости. Он бросился на колени, стал благодарить господа бога за оказанную ему милость и прочитал утреннюю молитву, не забыв помолиться и о бедных грешниках, что висели, как язык колокола, и бились под ветром один об другого. Взял он на плечи свою котомку и, вскоре позабыв о перенесенных страданиях, отправился дальше, насвистывая и напевая песенку.

Первым, кого он встретил, был гнедой жеребенок, весело скакавший по полю. Портной ухватил его за гриву, собираясь

сесть на него верхом и ехать в город. Но жеребенок стал его упрашивать, чтоб он оставил его на свободе.

— Я еще совсем молод, — сказал он, — и даже такой легонький портной, как ты, и тот может переломать мне хребет. Отпусти меня бегать на воле, пока я не окрепну. Подойдет время, и я смогу тебя отблагодарить.

— Ну, беги себе, — сказал портной, — вижу, что ты тоже такой попрыгун, как и я. — Он хлестнул его по спине прутиком, и жеребенок на радостях, взмахнув задними копытами, перескочил через кусты и канаву и помчался по полю.

Но портняжка со вчерашнего дня ничего не ел.

— Хотя солнце и наполняет мне светом глаза, — сказал он, — а хлеб в рот, однако, не попадает. Первое, что встретится мне на пути, если оно окажется хоть немного съедобным, надо будет поймать.

В это время навстречу ему важно шествовал по лугу аист.

— Пстой, пстой! — крикнул портной и схватил его за ногу. — Не знаю, можно ли тебя есть, но с голоду долго разбираться не станешь, я отрежу тебе голову и тебя зажарю.

— Не убивай меня, — ответил аист, — я священная птица, никто меня не обижает, я приношу людям большую пользу. Оставь меня в живых, я когда-нибудь службу тебе сослужу.

— Ну, лети себе, долговязый, — сказал портной. — И поднялся аист на воздух, свесив свои длинные ноги, и спокойно улетел.

— Что ж из этого получится? — молвил про себя портной. — Мне все голодней, а в животе все пустей. Ну, что попадется мне теперь на пути, то уже будет мое.

Увидел он, что подплывают к берегу озера две молодых утки.

— Вы явились как раз кстати, — сказал он, схватил одну из них и собрался было скрутить ей голову. Но начала старая утка, что спряталась в камыше, громко крякать, подплыла с разинутым клювом и стала его просить-умолять, чтоб сжалился он над ее милыми детками.

— Ты только подумай, — сказала она, — как бы плакала твоя мать, если б кто собрался тебя утащить и убить.

— Ну, успокойся, — сказал добродушный портной, — я не стану детей твоих трогать, — и он бросил пойманную утку в воду.

Повернулся, вдруг видит — стоит он перед старым дуплистым деревом, и летают там взад и вперед дикие пчелы.

— Вот уж теперь будет мне награда за мои добрые дела, — сказал портной, — медок меня подкрепит!

Но вылетела пчелиная матка, начала ему грозить и сказала:

— Если ты моих пчел тронешь и разрушишь гнездо, то наши жала тысячами раскаленных иголок вопьются тебе в тело. А если ты оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогой, то мы тебе когда-нибудь службу сослужим.

Увидел портной, что и тут ничего не выходит, и говорит:

— Три блюда порожних да на четвертом ничего — вот так обед!

И он потащился с голодным желудком в город; и как раз в то время звонили к обеду, и был в харчевне для него уже обед приготовлен, и можно было ему тотчас садиться за стол. Наелся он и говорит:

— А теперь хотелось бы мне и за работу приняться.

Он обошел город в поисках мастера и вскоре нашел хорошее место. А так как ремесло свое он изучил основательно, то в скором времени он стал знаменит, и каждому хотелось, чтобы камзол шил ему только этот маленький портной. И что ни день — уважение к нему все увеличивалось.

— Дальше мне при моем мастерстве и двигаться-то нечего, — сказал он, — дело с каждым днем идет все лучше и лучше.

Наконец король назначил его своим придворным портным.

Но вот как бывает на свете: в тот же день его прежний товарищ, сапожник, стал тоже придворным мастером. Только он увидал портного и заметил, что у того опять два здоровых глаза, стала его мучить совесть. «Прежде чем он мне отомстит, — подумал сапожник, — надо будет ему яму вырыть». Но тот, кто другому яму копает, сам в нее попадает. Вечером, когда сапожник пошабашил и уже наступили сумерки, пробрался он к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной человек самонадеянный: он осмелился заявить, что сможет добыть золотую корону, которая пропала в стародавние времена.

— Это мне было бы приятно, — сказал король и велел позвать к себе на другое утро портного и приказал ему разыскать корону или навсегда покинуть город.

«Ого, — подумал портной, — мошенник предлагает больше того, чем имеет. Если этот король-брюзга требует от меня то, чего ни один человек выполнить не может, то нечего мне тут дожидаться до завтра, а надо поскорей из города выбираться».

Связал он свой узелок, но только вышел за городские ворота, стало ему жаль расставаться со своим счастьем и уходил из города, где ему так повезло. Подошел он к озеру, где когда-то завел знакомство с утками; и как раз в это время сидела на берегу старая утка, которой он отдал утят, и чистила себя клювом. Она сразу его узнала и спросила, отчего он так запечалился.

— Если б ты знала, что со мною случилось, то удивляться не стала б, — ответил портной и рассказал ей про свою судьбу.

— Если это и всё, — ответила утка, — то мы выход найдем. Корона в воду упала, лежит на самом дне, мы ее живо оттуда достанем. Ты только расстели на берегу свой платок.

Нырнула утка со своими двенадцатью утятами и минут через пять выплыла наверх, сидя в середине короны, что держалась у ней на крыльях, а двенадцать утят плыли с ней рядом, подложив под нее свои клювы, и помогали ее держать. Подплыли они к берегу и положили корону на платок.

Ты и не поверишь, пожалуй, какая красивая была корона! Когда на ней засияло солнце, она блестела, как сто тысяч карбункулов! Завязал портной свой платок четырьмя узлами и отнес корону королю. Обрадовался король и повесил за это портному на шею цепь золотую.

Увидел сапожник, что проделка его не удалась, придумал тогда вторую, явился к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной-то ведь так зазнался, что осмеливается заявлять, будто он сможет весь королевский замок, со всем, что находится в нем внутри, вылепить из воску и точь-в-точь сделать его таким, как ваш.

Велел король, чтоб портной явился к нему, и приказал ему вылепить из воску королевский замок, со всем, что находится в нем, точь-в-точь как снаружи, так и внутри, и если он этого не выполнит как следует или будет в замке недоставать на стене хотя бы одного гвоздика, то он будет посажен на всю жизнь в подземелье.

Подумал портной: «Дело становится все хуже и хуже, этого ни один человек не выдержит», — положил он на плечи свой узелок и ушел из города. Вот подошел он к дуплистому дереву, сел на землю и запечалился. Вылетели пчелы, и спросила у него пчелиная матка:

— Что голову набок свесил, уж не одеревенела ли она у тебя?

— Ах, нет, — ответил портной, — меня угнетает другое, — и рассказал о том, что потребовал от него король.

Загудели, тут, зажужжали между собой пчелы, и говорит пчелиная матка:

— Ступай ты сейчас домой, а завтра в это самое время приходи сюда да захвати с собою большой платок — все будет ладно!

Воротился портной назад, а пчелы полетели прямо в королевский замок, влетели туда в открытое окно, заползли во все углы и закоулки и всё доподлинно разглядели. Полетели они потом назад и вылепили из воску замок, точь-в-точь такой же самый, да так быстро, что можно было подумать, что замок рас-

тет прямо на глазах. К вечеру все было уже готово, и когда портной явился на другое утро, то стояло все великолепное здание, такое, как надо, и было в нем все до самого последнего гвоздика на стене и черепицы на крыше; был он притом такой стройный и белоснежный, и пахло от него медом.

Завязал его портной осторожно в платок и принес королю; и тот не мог никак надивиться, гляючи на замок, поставил его у себя в главном зале и подарил за это портному большой каменный дом.

Но сапожник дела не оставил, пришел в третий раз к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной ведь дознался, отчего вода во дворе замка фонтаном не бьет, и осмеливается заявить, что будет она бить в середине двора высоко, в рост человека, и будет вода чистая, как хрусталь.

Велел король привести к себе портного и сказал:

— Если завтра к утру вода у меня во дворе не забьет фонтаном, как ты это сам обещал, то палач на том же самом дворе сделает тебя на одну голову короче.

Бедный портной, недолго раздумывая, поспешил скорей к городским воротам, а так как на этот раз дело шло о жизни, то слезы катились у него по щекам. Вот шел он, совсем пригорюнившись, вдруг подскочил к нему жеребенок, которого он когда-то отпустил на свободу; за это время он стал красивым гнедым конем.

— Теперь настал срок, — сказал ему конь, — когда я смогу тебя отблагодарить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебе надо; ты вскочи на меня, теперь у меня на спине могут и двое таких, как ты, поместиться.

Отлегло у портного на сердце; вскочил он одним махом на коня, помчался конь во весь опор в город, и прямо в королевский двор. Пробежал конь трижды быстро, как молния, вокруг двора и после третьего круга упал наземь. И в тот же миг что-то страшно загромыхало: взлетел на воздух, точно ядро, кусок земли в самой середине двора и пролетел над замком, и тотчас забила вода фонтаном в рост человека и коня, и была вода прозрачная, как хрусталь, и заиграли на ней солнечные лучи. Как увидел это король, так и застыл от изумленья. Он подошел и обнял портняжку в присутствии всех придворных.

Но счастье длилось недолго.

Было у короля много дочерей, одна красивей другой, но сына у него не было. Вот явился злой сапожник к королю в четвертый раз и говорит:

— Господин мой король, а портной ведь своего зазнайства не оставил. Он теперь осмелился заявить, что ежели б он пожелал, то мог бы велеть принести королю сына по воздуху.

Велел король кликнуть портного и сказал:

— Если ты за девять дней устроишь так, что мне принесут сына, то получишь мою старшую дочь в жены.

«Награда, правда, большая, — подумал портняжка, — но королевно мне, пожалуй, ни к чему, да и вишни-то висят слишком высоко: если на них взобраться, то ветки подо мной поломаются, и, чего доброго, еще свалишься вниз».

Пошел он домой, уселся на свой портяжный стол и, поджав под себя ноги, начал думать-раздумывать, как тут ему быть.

— Дело не выйдет! — воскликнул он наконец. — Надо отсюда уходить; здесь, как видно, жить спокойно нельзя.

Завязал он свой узелок и поспешил к городским воротам. Вышел он на луг и увидел старого своего приятеля — аиста, что расхаживал взад и вперед, точно какой знаменитый мудрец; он иногда останавливался, приглядываясь к лягушке, а потом ее проглатывал. Аист подошел к нему и с ним поздоровался.

— Я вижу, — начал он, — у тебя за плечами котомка. Почему ты из города уходишь?

Рассказал портной аисту, что потребовал от него король, а выполнить он этого не в силах, и стал на несчастную свою участь жаловаться.

— Брось из-за этого горевать да голову себе морочить, — сказал ему аист, — я выручу тебя из беды. С давних пор приношу я в город спеленутых деток, могу и для тебя вытащить из колодца маленького принца. Ступай домой и будь спокоен. Через девять дней отправляйся в королевский замок, я туда прилечу.

Воротился портняжка домой и в назначенный срок был уже в замке. А вскоре прилетел туда аист и постучался в окно. Портной открыл ему, и долговязый дядюшка вошел осторожно в комнату; важно щаяга, он шел по мраморному полу, и был у него в клюве младенец; и протягивал тот, словно ангел, свои ручонки королеве. Положил аист младенца к ней на колени, и начала королева младенца ласкать, целовать, и была такая счастливая и радостная. Снял аист с плеча, перед тем как улететь из замка, свою дорожную сумку и подал ее королеве. А лежали там свертки с пестрыми леденцами, их поделили между маленькими принцессами. Но старшей ничего не досталось, зато получила она в мужья веселого портного.

— Я чувствую, будто мне выпало великое счастье, — сказал портной. — Моя мать была права, она всегда говаривала: «Кто на бога надеется да счастье имеет, у того всего будет в досталь».

И пришлось сапожнику шить башмаки, в которых портняжка плясал на свадебном пиру, а потом было сапожнику велено навсегда покинуть город. А дорога проходила через тот лес,

мимо виселицы. От ярости, гнева и полуденной жары бросился сапожник в изнеможении на землю. Только закрыл он глаза, собираясь уснуть, как кинулись, громко крича, вороны, сидевшие на головах у повешенных, и выклевали ему глаза. Обезумев, он бросился бежать в лес, — там он, должно быть, и погиб, так как с той поры никто его больше не видел и ничего о нем больше не слышал.

Ганс мой Еж

Жил-был крестьянин; много было у него и денег, и всякого добра; но хотя и был он богат, одного ему не доставало, чтобы быть вполне счастливым: не было у него с женою детей. Поедет он, бывало, с другими крестьянами в город, а они и посмеиваются над ним, спрашивают, отчего это у него детей нету.

Вот рассердился он однажды и, воротясь домой, говорит: — Хочу, чтобы был у меня ребенок, пусть он будет хотя бы ежом!

И вот родила ему жена ребенка, и был он от головы до пояса ежом, а дальше мальчиком. Как увидела она ребенка, испугалась и говорит:

— Видишь, это ты нас околдовал.

А муж ей говорит:

— Ну, что ж, теперь делу помочь нельзя, а крестить мальчика все равно надо; но в кумовья-то к нам, пожалуй, никто и не пойдет.

Жена говорит:

— Да и имени-то ему другого не дашь, кроме как *Ганс мой Еж*.

Когда его крестили, то поп сказал:

— Его из-за колючек и в приличную постель не положишь.

И вот положили они за печкой охапку соломы, а на нее Ганса-Ежа. Кормиться грудью матери он не мог, а то бы поколол он ее своими иглами. Так и пролежал он за печкой целых восемь лет; и вот надоел он отцу, и он одного только и желал: чтобы Ганс-Еж поскорей умер. Но он не умирал, а все продолжал лежать за печкой. А на ту пору была в городе ярмарка, и крестьянин, собираясь туда отправиться, спросил у жены, что ей там купить.

— Купи для хозяйства немного мяса да пару сдобных булок, — ответила она.

Затем спросил он работницу, и она попросила купить ей пару туфель да теплые чулки узорные. Наконец спросил он:

— А ты, Ганс-Еж, что хочешь?

— Батюшка, — сказал он, — привезите мне волынку.

Воротился крестьянин домой, отдал жене мясо и сдобные булки, что купил ей на ярмарке, затем отдал работнице туфли и чулки узорные, наконец полез за печку и дал Гансу-Ежу волынку. Получил Ганс-Еж волынку и говорит:

— Батюшка, сходите теперь в кузницу да попросите подковать моего петуха, тогда уеду я отсюда и никогда уже больше назад не вернусь.

Обрадовался отец, что сможет от него избавиться, и велел подковать ему петуха; а когда его подковали, сел Ганс-Еж верхом на своего петуха и уехал; и взял он с собою свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу. Как они приехали в лес, велел он петуху взлететь с ним на самое высокое дерево, и сидел на нем Ганс-Еж и пас ослов и свиней, и сидел он так много-много лет подряд, пока стадо, наконец, стало очень большое; и отец с той поры так ничего и не знал о своем сыне. А Ганс-Еж все сидел на дереве и играл на волынке, — и что за чудная музыка то была! Однажды проезжал мимо король — он заблудился в лесу — и услышал ту музыку. Удивился король и послал своего слугу, чтобы тот доведася, откуда это доносится музыка. Посмотрел, поглядел слуга вокруг — ничего не увидел, кроме петушка на верхушке дерева; а то был петушок, на котором сидел Еж и играл на волынке. Тогда король приказал слуге спросить у него, зачем он там сидит и не знает ли он, как проехать ему назад в свое королевство. Спустился тогда Ганс-Еж с дерева и сказал, что укажет ему дорогу, если король ему пообещает и отпишет то, что встретится ему первым по возвращении домой у королевского замка. И подумал король: «Это, пожалуй, сделать мне будет легко, ведь Ганс-Еж грамоты не знает, и я могу написать то, что захочу». Взял король перо и чернила и написал что-то; Ганс Еж указал ему дорогу, и король благополучно воротился домой. Увидала издали королева своего отца, обрадовалась, побежала к нему навстречу и стала его целовать. Тут он вспомнил о Гансе-Еже и рассказал ей, что приключилось с ним в пути: пришлось ему, дескать, дать письменное обещание какому-то диковинному зверю отдать то, что встретится ему дома первым, — а сидел тот зверь верхом на петухе, точно на лошади, и чудно играл на волынке. Но на самом-то деле он написал, что он не должен ему ничего отдавать, ведь Ганс-Еж читать не умеет. Узнав об этом, принцесса обрадовалась и сказала, что он правильно поступил, — ведь все равно она никогда бы к нему в лес не пошла.

А Ганс-Еж тем временем пас ослов и свиней, был весел и сидел на дереве, играя на своей волынке. И вот случилось, что на ту пору проезжал мимо другой король вместе со своими слугами и скороходами. Он заблудился в лесу и не знал, как ему назад домой воротиться, а лес был большой и дремучий. Услыхал он издали прекрасную музыку и спрашивает у своего скорохода, что бы это могло значить, и велел узнать, в чем тут дело. Подошел скороход к дереву, посмотрел, поглядел, видит — сидит на верхушке петушок, а Ганс-Еж на него верхом уселся. И спрашивает его скороход, что он там наверху делает.

— Пасу своих ослов и свиней. А что вы хотите?

И говорит скороход, что они, мол, в лесу заблудились и не знают, как им вернуться назад в свое королевство, — не может ли он указать им дорогу. Слез Ганс-Еж вместе с петухом с дерева и говорит старому королю, что дорогу ему он укажет, если согласен он будет отдать ему то, что встретит он первым по возвращении своем домой, в свой королевский дворец. Король на это согласился и расписался Гансу-Ежу в том, что выполнить свое обещание согласен. И поехал Ганс-Еж верхом впереди на своем петухе, указал королю дорогу, и добрался тот благополучно в свое королевство. Въехал он во двор замка, и встретили его с великой радостью. А была у короля единственная дочь, была она красавица; вот выбежала она первой отцу навстречу, бросилась к нему на шею, стала его целовать да радоваться, что ее отец-старик домой воротился. Стала она его спрашивать, где он так долго странствовал; и рассказал он ей, что заблудился, мол, в лесу и, пожалуй, и назад бы не вернулся, но проезжал он через дремучий лес, и сидел на макушке высокого дерева не то еж, не то человек верхом на петухе и чудно играл на волынке; он-то и помог ему выбраться из лесу и указал дорогу; и пообещал он ему за это первое, что встретится ему в королевском дворце, и это оказалась она, — вот потому и стало ему так грустно сейчас. Но она пообещала ему, что из любви к нему пойдет за этого Ежа, если он явится.

А Ганс-Еж пас своих свиней, а у свиней родились поросята; и стало их так много, что весь лес был ими полон. И не захотел Ганс-Еж жить больше в лесу, и велел он передать своему отцу, чтоб очистили в деревне все хлевы, так как явится он с большим стадом, и каждый сможет резать тогда свиней столько, сколько захочет. Услыхал это отец и запечалился: он ведь думал, что Ганса-Ежа давно уже нет в живых.

Сел Ганс-Еж на своего петуха, погнал свиней в деревню и велел свиней тех колоть. Ох, какая пошла резня, да рубка, — за два часа ходу было слышать!

Затем Ганс-Еж и говорит:

— Батюшка, велите вы моего петушка еще раз подковать в кузнице, а потом я уеду и весь свой век не вернусь к вам назад.

Велел отец подковать петушка и обрадовался, что Ганс-Еж домой возвращаться не собирается.

И поехал Ганс-Еж в первое королевство; но король повелел, что ежели кто верхом на петухе приедет и будет притом играть на волынке, то должны все в него стрелять, рубить его и колоть, чтобы он не осмелился показаться в замке. Только подъехал Ганс-Еж к замку, как кинулись на него со штыками люди. Но он ударил своего петуха шпорой, перелетел через ворота и очутился у королевского окошка; сел на окошко и крикнул, чтобы король отдал обещанное, а не то придется ему и дочери его с жизнью своей распрощаться. Стал король свою дочь уговаривать, чтобы вышла она к Гансу-Ежу и спасла бы и свою и его жизнь. Вот оделась она во все белое, и дал ей отец карету, запряженную шестериком, отпустил с нею добрых и надежных слуг и дал ей денег и много всякого добра: села она в карету, а Ганс-Еж со своим петухом и волынкой уселся рядом с нею; попрощались они с королем и поехали. И король думал, что он уже больше ее никогда и не увидит. Но вышло по-другому: только они отъехали немного от города, раздел ее Ганс-Еж, снял с нее белое платье и стал колоть ее до крови своими иглами и приговаривать:

— Это тебе в награду за твою неверность; уходи от меня, жить с тобой я не хочу, — и прогнал он ее домой; и вот была она опозорена на всю свою жизнь.

А Ганс-Еж поехал на своем петушке и со своей волынкой дальше, и приехал он в другое королевство, к тому королю, которому он путь указал. А король тот велел, если явится кто, похожий на Ганса-Ежа, чтобы часовые перед ним на-караул взяли, пропустили бы его и чтоб кричали все «ура» и привели бы его в королевский замок. Как увидела его королева, испугалась, — такой он был страшный на вид; но она подумала: «Что ж теперь делать, если я отцу своему дала обещание?» Приняла она Ганса-Ежа ласково да приветливо, обвенчалась с ним, и пришлось ему идти к столу королевскому. села она с ним рядом, и стали они есть да пить. Вот наступил вечер, и надо было уже им спать ложиться, и было ей страшно его игл; но он сказал ей, чтоб она не боялась, что ей больно не будет; и он попросил старого короля, чтобы поставил он четырех человек у дверей на страже и чтоб развели они большой костер; и когда он войдет в опочивальню и станет спать ложиться, то снимет с себя свою ежовую шкуру и бросит ее у постели; и должна стража подбежать и кинуть ту шкуру в огонь и не отходить, пока она не сгорит дотла.

Когда колокол пробил одиннадцать часов, он отправился в опочивальню, скинул с себя ежовую шкуру и положил ее у постели; и явилась стража, быстро схватила ее и кинула в огонь. Когда она сгорела дотла, освободился он от чар и лежал теперь в постели, и был похож на настоящего человека, но было тело у него угольно-черное, словно обожженное. Послал король за своим лекарем, и тот стал натирать его разными целебными мазями и бальзамом, — и сделался он белым, красивым юношей. Увидала его королева, обрадовалась; и на другое утро поднялись они радостные, стали пить да есть, а потом уж и свадьбу сыграли.

И Ганс-Еж получил от старого короля все королевство.

Прошло несколько лет, и поехал он со своею женой к отцу и говорит, что он его сын. Но отец ответил, что нет у него никакого сына; был у него, правда, сын, да тот родился ежом с колючими иглами и давно уже ушел странствовать по свету. Но вот, наконец, старик-отец узнал своего Ганса-Ежа, обрадовался и отправился с ним в его королевство.

Вот и сказке конец пришел,
К дому Густхен тебя привел.

Монах в терновнике¹

Жил когда-то крестьянин-богач, и был у него батрак; работал он на богача старательно и честно, каждое утро подымался первым, а вечером ложился последним; если попадалась какая-нибудь тяжелая работа, за которую никто не хотел браться, он всегда принимался за нее первым. К тому же он не жаловался, а всем был доволен и всегда был весел.

Вот проработал батрак год, и хозяин не заплатил ему ничего и подумал: «Этак будет разумней всего, я что-нибудь себе сберегу, он теперь от меня не уйдет и будет прекрасно продолжать работать».

Батрак на этот раз смолчал, выполнял и второй год, как и прежде, свою работу; в конце второго года он опять не по-

¹ Название этой сказки мы берем по ее первоисточникам, опубликованным бр. Гримм; персонажами в них являются батрак и монах, бежавший из монастыря, как рассказано это в веселой комедии XVI века «История про батрака и монаха», о чем сообщается в «Примечаниях к отдельным сказкам» бр. Я. и В. Гримм: см. т. III «Kinder und Hausmärchen», Göttingen, 1856. (Примеч. переводчика.)

лучил своего заработка, но стерпел и остался работать дальше. Прошел и третий год, пораздумал хозяин, полез к себе в карман, но ничего оттуда не достал.

Тут батрак, наконец, не выдержал и говорит:

— Хозяин, я вам честно работал три года, будьте добры, уплатите мне то, что надлежит получить мне по праву; я от вас ухожу, хочу поглядеть, что на белом свете делается.

Ответил скряга:

— Да, мой любезный работничек, ты мне служил усердно, и зато будешь ты щедро награжден, — он сунул руку в карман и отсчитал батраку три геллера денег, — вот тебе по целому геллеру за год, это плата большая и более чем достаточная; редко у кого из хозяев ты получил бы столько.

Простодушный батрак в деньгах понимал мало, загреб свой капитал и подумал: «Ну, теперь карман мой полон, чего мне тужить и зачем дальше на тяжелой работе мучиться?»

И он ушел, и двинулся через горы, по долинам, распевая песни да приплясывая сколько его душе было угодно. Приходилось ему раз проходить мимо лесной чащи, вдруг вышел оттуда маленький человечек и окликнул его:

— Куда это ты, брат-Весельчак, собрался? Вижу, ты не болно озабочен и грустить не собираешься.

— А чего мне быть грустным? — ответил батрак. — Всего у меня вдосталь, и заработок за целых три года в кармане у меня позвякивает.

— А сколько же у тебя богатств-то? — спрашивает его человечек.

— Сколько? Целых три геллера, отсчитано верно.

— Послушай, — сказал карлик, — человек я бедный, подари мне свои три геллера: работать я больше не в силах, а ты еще молод и можешь себе легко заработать на хлеб.

А было у батрака сердце доброе, сжалился он над человеком, отдал ему свои три геллера и сказал:

— Ну, бог с тобой, мне и этого хватит.

Сказал человечек:

— Я вижу, сердце у тебя доброе, и обещаю тебе исполнить твои три желанья — за каждый геллер по желанью, и все они исполнятся.

— Ого, — сказал батрак, — да ты, видно, из тех, кто на выдумки горазд! Ну, что ж, если так, то я пожелаю себе, во-первых, такой самопал, что во всё, куда ни нацелишься, он попадет; во-вторых, такую скрипочку, что ежели на ней заиграть, то всяк, кто услышит игру, начнет плясать; в-третьих, если я у кого что попрошу, то чтоб не было мне ни в чем отказу.

— Это все у тебя и будет, — сказал человечек, сунул руку в кушет, и — кто бы мог только подумать! — была уже перед

батраком и скрипочка, и самопал, готовый выстрелить, — будто их кто по заказу сделал. Дал человечек их батраку и сказал:

— Если ты что у кого попросишь, то ни один человек на свете тебе в этом не откажет.

— Ну, милый, чего ж тебе теперь и желать-то? — сказал себе батрак и весело двинулся дальше.

Вскоре повстречался ему по дороге беглый монах: он стоял и прислушивался к пению птицы, которая сидела на самой макушке дерева.

— Божье чудо! — воскликнул монах. — Такая маленькая птичка, а какой необычайно сильный голос! Эх, если бы мне ее заполучить! Кто б это мог насыпать ей соли на хвост?

— Если это и все, — сказал батрак, — то птичка враз на земле очутится, — приложил он самопал, нацелился, и упала птица в терновую заросль.

— Ступай, плут, — сказал он монаху, — и достань теперь оттуда птицу.

— О, вы позвольте уж мне, а то прибежит собака. Уж раз вы в птицу попали, то дайте подобрать ее мне, — он лег на землю и начал пробираться в кусты.

Вот залез монах в самую гущу терновника, и захотелось доброму батраку над ним посмеяться, — снял он свою скрипку и начал играть. И мигом начал монах на ноги подыматься и прыгать, и чем больше батрак играл, тем быстрее становилась пляска. Но колючие шипы разорвали ему потертый подрясник, причесали как следует ему волосы, всего его искололи и впились в тело.

— Ой, — закричал монах, — зачем мне такая игра! Бросьте играть на скрипке, плясать мне вовсе не хочется.

Но батрак его не послушал и подумал: «Ты довольно с людей шкуру драй, пускай с тобой поступит так же терновая заросль». Он принялся снова играть, и пришлось монаху подпрыгивать все выше и выше, и лохмотья его подрясника повисли на шипах.

— Ай! Ай! Ай! — кричал монах. — Я готов вам отдать все, что потребуете, только оставьте свою игру на скрипке, дам полный кошелек денег.

— Уж если ты такой щедрый, — сказал батрак, — то так и быть, я брошу свою музыку; но надо будет о тебе порассказать всюду, как здорово ты плясешь! — и он забрал кошелек и пошел себе дальше.

А монах, как стоял, так и застыл на месте, он смотрел батраку вслед, пока тот отошел далеко и совсем уже скрылся из виду; потом монах закричал во все горло:

— Эх ты, несчастный музыкант, музыкантишко ты трактирный! Погоди, поймаю я тебя одного, будешь ты от меня уди-

рать, аж пятки засверкают. Эх ты, оборванец, заткни себе грош в глотку, вся цена тебе шесть грошей! — и он продолжал его ругать на чем свет стоит. Наконец он удовлетворился, отдышался и побежал в город к судье.

— Ой-ой-ой! Господин судья, посмотрите, как меня злодей на большой дороге ограбил, избил! Камень, и тот сжалиться может. Всю одежду на мне изорвал! Всего меня исколол, исцарапал! Все мои жалкие гроши забрал у меня вместе с кошельком. А были там всё дукаты, один красивей другого. Ради бога, упрячьте вы этого злодея в тюрьму!

Сказал судья:

— Так что ж, это был, наверно, солдат, который тебя так изрубил саблей?

— Боже упаси! — ответил монах. — Никакой сабли у него не было: висел у него самопал за плечами и скрипка на шее, — злодея легко опознать.

Выслал тогда судья своих стряпчих, чтоб его изловить; нашли они доброго батрака, — он шел медленно по дороге, и оказался у него кошелек с золотом. Привели его на суд, а батрак говорит:

— Я монаха не трогал и денег у него не брал, он сам мне их предложил, оттого что не мог вынести моей музыки.

— Боже мой! — закричал монах. — Да он врет, как водой бредет.

И судья батраку не поверил и сказал:

— Плохо ты оправдываешься, так ни один монах не поступит, — и присудил доброго батрака повесить за то, что он будто совершил грабеж на большой дороге.

Стали батрака уводить, и закричал монах ему вслед:

— Эй ты, бродяга, дрянной музыкант! Теперь-то ты получишь заслуженное тобой наказание!

Стал батрак спокойно подыматься вместе со своим палачом по лестнице, а на последней ступеньке повернулся и говорит судье:

— Прежде чем мне умереть, исполните одну мою просьбу.

— Хорошо, — сказал судья, — если ты не будешь просить, чтоб тебя помиловали.

— Нет, я прошу не о помиловании, — сказал батрак, — а дозвоьте мне сыграть в последний разок на своей скрипке.

Поднял монах страшный крик:

— Ради бога, не разрешайте ему, не разрешайте!

Но судья сказал:

— Почему не позволить ему этой маленькой радости? Это и по закону положено, и это будет исполнено.

Но не могло быть батраку отказано еще и потому, что имел он такой дар, что ни в чем ему не было отказа.

Завопил монах снова:

— Ой, ой, ой, привяжите меня покрепче!

Снял батрак с шеи свою скрипочку, приладил ее, и только ударил он смычком, как зашаталось, заколыхалось всё — и судья, и писаря, и судейские; и выпала у палача из рук веревка, которою он должен был привязать монаха. Ударил батрак смычком еще раз — и все подняли ноги, и отпустил палач, собираясь пуститься в пляс, доброго батрака. Ударил батрак смычком в третий раз — и подпрыгнули все и пошли в пляс; были судья и монах впереди остальных и плясали лучше всех. А вскоре за ними заплясали и те, кто явился на рынок из любопытства, и посмешались между собой все, и старые и молодые, и толстые и ху́дые. Даже собаки, прибежавшие вместе со своими хозяевами, и те поднялись на задние лапы и тоже запрыгали. И чем дольше играл батрак, тем все выше подпрыгивали плясуны, толкая друг друга головами, и начали, наконец, жалостно кричать. Крикнул тогда судья, уже совсем запыхавшись:

— Я дарю тебе жизнь, только перестань играть на скрипке!

Стало доброму батраку его жалко, оставил он скрипку, повесил ее на шею и спустился с лестницы. Подошел он затем к монаху, который лежал на земле, еле дыша, и говорит ему:

— Мошенник, сознайся теперь, откуда ты деньги взял, а не то я сниму скрипку и опять заиграю.

— Я их украл, я их украл! — закричал монах. — А ты их честно заработал!

И велел судья отвести монаха на виселицу и повесить его, как вора.

Ученый охотник

Жил-был молодой парень. Обучился он слесарному ремеслу и говорит своему отцу, что хотелось бы ему теперь отправиться в странствие и попытать счастья.

— Что ж, — сказал отец, — я на это согласен, — и дал ему на дорогу немного денег.

И вот стал парень повсюду ходить да работу себе подыскивать. Прошло некоторое время, и ничего из слесарного ремесла у него не вышло, было оно ему не с руки; и явилось у него желанье охотничьим промыслом заняться. Повстречался ему во время странствий один охотник в зеленом камзоле и спрашивает у него, откуда он идет и куда направляется.

— Был я слесарем-подмастерьем, — отвечает ему парень, — но ремесло это мне больше не по вкусу, хочу охотничьим делом заняться; не возьмете ли меня в ученики?

— Ну, что ж, я согласен, если пойдешь со мной вместе.

И пошел молодой подмастерье с ним вместе, нанялся к нему на несколько лет и изучил охотничье ремесло. Вот порешил он заняться этим делом, и дал охотник ему в уплату одно лишь духовое ружье; но было у того ружья свойство: если из него выстрелить, то можно попасть без промаху. Отправился парень в путь-дорогу и пришел в густой, дремучий лес, из которого и за день не выбраться. Только за вечерело, он взобрался на высокое дерево, чтоб не напали на него дикие звери. К полуночи показалось ему, что вдали мерцает небольшой огонек; стал он сквозь ветки вглядываться и запомнил, где светился тот огонек. Он снял шапку и бросил ее вниз, в ту сторону, где виднелся свет, чтобы потом, когда он слезет с дерева, направиться в ту сторону, как по примете. Он спустился вниз, подошел к шапке, надел ее и пошел напрямик в ту сторону. Чем дальше он шел, тем все ярче светился огонь. Подойдя ближе, он увидел, что это огромный костер, и сидят возле него три великана, держат на вертеле быка и жарят его. Вот один из великанов и говорит:

— Надо попробовать, скоро ли мясо будет готово, — он оторвал от него кусок, собираясь сунуть его себе в рот, но охотник выстрелом из ружья выбил его у великана из рук.

— Э-э, — сказал великан, — это, видно, ветер сдул его у меня с руки, — и взял другой кусок мяса. Но только собрался он откусить его, как тотчас охотник выстрелом из ружья выбил его опять.

Тогда великан ударил по уху своего соседа и крикнул:

— Что это ты у меня кусок мяса вырываешь?

— Я у тебя его не вырывал, — ответил тот, — должно быть, его сбил у тебя какой-нибудь знаменитый стрелок.

Взял великан третий кусок мяса, но удержать его в руках не смог, охотник выбил его опять.

Говорят тогда великаны:

— Это, видно, хороший стрелок, если он может выбить кусок у самого рта; такой стрелок нам был бы полезен.

И они крикнули во всю глотку:

— Эй ты, знатный стрелок, поди-ка сюда! Подсаживайся к нашему костру, можешь наесться вдосталь; мы тебе ничего не сделаем. А не придешь, силой тебя притащим, и тогда ты пропал.

Подошел тогда парень к ним и говорит, что он, мол, ученый охотник; во что ни нацелится, в то и попадет без промаху. Сказали тогда великаны, что если он с ними пойдет, то будет ему хорошо. Они рассказали ему, что у лесной опушки, за рекой,

находится башня, сидит в ней прекрасная королева, которую им очень бы хотелось похитить.

— Ладно, — сказал парень, — я ее быстро добуду.

А они говорят:

— Но дело это не такое простое. Там лежит маленькая собачонка, если кто подойдет близко, она тотчас начнет лаять, а только она залает, всё в королевском дворе просыпается: вот почему и не можем мы туда попасть. Сумеешь ли ты эту собачонку уложить наповал?

— Да, — отвечал он, — это для меня плевое дело.

Сел он на кораблик, переехал реку, и когда был он у берега, подбежала собачонка, хотела было залаять, но охотник взял свое духовое ружье и застрелил ее наповал.

Увидали это великаны, обрадовались и подумали, что теперь уж они наверное получат королеву. Но охотник решил сначала посмотреть, как с делом управиться, и сказал, чтоб великаны оставались на том берегу, пока он их не покличет.

Вот отправился он в замок, и была там мертвая тишина, все кругом спало. Открыл он первую комнату, видит — висит на стене сабля, вся из чистого серебра сделана, и на ней золотая звезда и королевское имя написано; и лежит тут же на столе запечатанное сургучом письмо. Распечатал он его, и было в нем написано, что кто эту саблю возьмет, тот сможет убить всякого, кто к нему подойдет. Снял он со стены саблю, повесил ее себе через плечо и пошел дальше.

Вошел он в ту комнату, где лежала спящая королева; а была она такая прекрасная, что он остановился как вкопанный и стал, затаив дыхание, ее разглядывать. И подумалось ему: «Как могу я отдать невинную девушку в руки диких великанов, замысливших злое?» Он огляделся и увидел, что стоят под кроватью туфли, и на правой вышито имя ее отца со звездой, а на левой — ее имя, тоже со звездой. И был на девушке большой шелковый, шитый золотом шейный платок; на правой его стороне было имя ее отца, а на левой — ее имя, и всё золотыми литерами вышито. Взял охотник ножницы, отрезал от платка правый краешек и спрятал его к себе в сумку; взял затем туфлю с правой ноги и тоже спрятал ее в сумку. А девушка продолжала спать, вся закутанная в рубашку; отрезал он кусочек от ее рубашки и тоже спрятал; но сделал он все это, к ней не прикасаясь. Потом он вышел, оставив ее спокойно спать.

Когда он подошел опять к воротам, то стояли великаны попрежнему, дожидаясь его и думая, что он принесет им королеву. Но охотник им крикнул, чтоб они подошли, что девушка, дескать, в его власти, да дверь в воротах он открыть не в силах, но есть, мол, там дыра, через которую они могут про-

лезть. Подошел первый великан совсем уже вплотную, обмотал тогда охотник вокруг руки его волосы, втащил голову великана в дыру и отрубил ее одним ударом сабли, а потом втащил и его самого. Подозвал он затем второго, тоже отрубил ему голову, наконец отрубил голову третьему и обрадовался, что освободил прекрасную девушку от ее врагов; потом он вырезал великанам языки и спрятал их в сумку. И подумал: «Пойду я теперь домой к своему отцу, покажу ему, что успел я сделать за это время; а потом снова начну странствовать по свету, и будет мне навверняка счастье, которое мне пошлет господь».

Вот просыпается в замке король и видит: лежат три великана убитые. Пошел он тогда в опочивальню к своей дочери, разбудил ее и спрашивает, кто это был такой, что великанов уничтожил.

А она говорит:

— Милый отец, я не знаю, я крепко спала.

Встала она, хотела было надеть туфли, а правой-то и нету; глянула на платок, а он порезан и правого краешка нехватает; посмотрела она на рубашку, видит — вырезан из нее кусочек. Созвал король всех своих придворных, солдат и прочую челядь и спрашивает, кто освободил его дочь и убил великанов. А был у короля военачальник. Был он одноглазый и уродливый, и говорит, что это, мол, он сделал. Сказал тогда старый король, что если он совершил такой подвиг, то пускай, мол, и женится на его дочери. А девушка говорит:

— Милый отец мой, чем итти мне за него замуж, уж лучше мне помиру итти, хоть на самый край света.

Сказал старый король, что если она замуж за него не хочет, то должна снять с себя королевское платье, надеть крестьянскую одежду и уйти отсюда; должна она тогда отправиться к горшечнику и приняться за торговлю глиняной посудой. Вот сняла она с себя королевское платье, пошла к горшечнику, набрала у него в долг разного гончарного товару и пообещала ему, если к вечеру его распродаст, уплатить за него деньги. И велел король, чтобы села она на углу с этим товаром и начала бы его продавать. Потом он заказал несколько крестьянских телег и сказал, чтобы, едучи мимо, наехали они на глиняную посуду и чтоб остались от нее одни только черепки. Только королева выставила на улице свой товар, наехали телеги и побили весь товар на кусочки.

Заплакала королева и говорит:

— Ах, господи, как же я теперь заплачу горшечнику?

А король хотел этим заставить ее выйти замуж за военачальника; но вместо того пошла она опять к горшечнику, спросила его, не согласится ли он дать ей еще в долг гончарного товару. Горшечник ответил «нет», пускай, мол, сначала заплатит ему

за прежний. Пошла она к своему отцу, начала плакать и причитывать и сказала, что хочет уйти странствовать по свету.

А король ей говорит:

— Я велю выстроить для тебя в лесу домик, там будешь ты жить всю свою жизнь и стряпать для всех прохожих людей, но денег за это брать ты не смей.

Вот построили ей домик, привесили на дверях вывеску, и было на ней написано: «Нынче задаром, а завтра за деньги».

Жила королевна там долгое время, и разошлась по всему свету молва, что живет, мол, в лесу девушка, даром готовит еду и что так и написано на дверях на вывеске. Услыхал о том и охотник и подумал: «Это дело для меня подходящее; ведь я беден и денег у меня нету». Взял он свое духовое ружье и сумку, в которой было спрятано все, что забрал он тогда из замка в знак доказательства, и отправился в лес; нашел он там домик с вывеской: «Нынче задаром, а завтра за деньги». Повесил себе через плечо саблю, которой отрубил головы трем великанам, вошел в домик и велел подать себе что-нибудь закусить. Увидя красивую девушку, он обрадовался, а была она и вправду писаная красавица.

Спросила она у него, откуда он и куда направляется; он сказал ей:

— Я странствую по свету.

Спросила она, откуда у него эта сабля, ведь на ней вырезано имя ее отца. А он говорит:

— А не дочь ли ты короля?

— Да, — отвечала она.

— Этой саблей, — сказал он, — я отрубил головы трем великанам, — и он достал из сумки в знак доказательства их языки; потом он показал ей туфлю, кусок платка и кусок рубашки. Тут обрадовалась она очень и сказала, что он и есть тот самый, кто ее спас. И они отправились вместе к старому королю и привели его в лес; повела она короля к себе в горницу и сказала ему, что вот этот, мол, охотник и спас ее от великанов. Как увидел король все знаки доказательства, он уж сомневаться в этом не мог, и сказал, что ему радостно знать, как все это случилось, и что теперь может охотник на ней жениться; и девушка обрадовалась этому от всего сердца. Потом они переодели его, будто он знатный иноземный вельможа, и велел король устроить свадебный пир. Когда гости стали садиться за стол, военачальника посадили по левую руку от королевны, а охотника по правую; и военачальник подумал, что это, должно быть, явился в гости какой-то иноземный вельможа. Вот поели они, попили, и говорит тогда старый король военачальнику, что он загадает ему загадку, которую тот должен разгадать:

— Если кто говорит, что будто убил трех великанов, но,

будучи спрошен, где ж их языки, ответит, что у тех великанов языков во рту не было, то как это понять?

Военачальник ответил:

— Значит, что их вовсе и не было.

— Нет, — сказал король, — у каждой живой твари язык имеется.

Стал он спрашивать его дальше: а чего, мол, заслуживает тот, кто стал бы ему перечить?

Ответил военачальник:

— Надо того изрубить на куски.

И сказал король, что он сам себе вынес приговор, — и посадили военачальника в темницу, четвертовали его, а королевну выдали замуж за охотника. После того привез охотник в замок своих отца и мать, и стали они жить счастливо и радостно у своего сына; а после смерти старого короля получил охотник все королевство.

Цеп с неба

Выехал раз крестьянин на паре волов землю пахать. Только приехал он на поле — начали рога у волов расти. Растут и растут. Собрался крестьянин домой ехать, и стали рога такие большие, что и в ворота не въехать. Но, к счастью, повстречался ему мясник, и уступил крестьянин ему своих волов; сошлись на том, что он даст мяснику меру репного семени, а тот заплатит ему за каждое семя по брабантскому талеру. Что и говорить, хорошо продал!

Пришел крестьянин домой и понес мяснику на спине целую меру репного семени. Но по дороге он выронил из мешка одно семечко.

Уплатил ему мясник, как они сторговались, все как полагается; а не выронил бы крестьянин того семечка, было бы у него еще одним брабантским талером больше. Вот возвращается он домой, а за это время выросло из того семени дерево вышиной до самого неба. Крестьянин подумал: «Раз случай такой подвернулся, дай-ка погляжу, что там наверху ангелы делают; посмотрю на них хоть разок».

Вот взобрался он на самую макушку, видит — ангелы там наверху овес молотят, загляделся он на них; смотрит и вдруг видит, что дерево, на котором стоял он, начинает покачиваться; глянул он вниз и увидел, что кто-то его подрубливает. «Если придется мне вниз падать, то дело будет плохо», — по-

думал крестьянин, и не мог ничего лучшего придумать, как набрать овсяной соломы, что лежала в стогу, и скрутить из нее веревку. Взял он с собой мотыгу и цеп с неба и стал спускаться вниз по веревке. Попал он на земле как раз в глубокую-преглубокую яму, но, по счастью, захватил с собою мотыгу; вырубил он себе ступеньки, поднялся по ним наверх и принес с собой цеп, чтоб никто не мог сомневаться, что все, о чем рассказывал он, есть самая настоящая правда.

Королевские дети

Жил давно тому назад один король; родился у него младенец, и был на нем знак, что когда ему исполнится пятнадцать лет, он должен будет погибнуть от оленя. Когда он достиг этого возраста, однажды отправились с ним егеря на охоту. В лесу королевич отъехал от других в сторону и вдруг заметил большого оленя, он хотел его застрелить, но нагнать его никак не мог. Мчался олень до тех пор, пока не заманил королевича в самую чащу лесную, глядь — вместо оленя стоит перед ним огромный, высокий человек и говорит:

— Вот и хорошо, что я тебя захватил! Я уже шесть пар стеклянных лыж из-за тебя загубил, а поймать тебя никак не мог.

Он взял королевича с собой, перетащил его через озеро, привел в большой королевский замок, усадил с собой за стол, и стали они вместе ужинать. Вот поели они, и говорит тогда король королевичу:

— Есть у меня трое дочерей; и ты должен простоять в опочивальне у старшей на страже с девяти вечера до шести утра. Я буду являться к тебе всякий раз, когда будет звонить колокол, буду тебя окликать, и если ты хоть раз не отзовешься, будешь утром казнен; а если каждый раз будешь откликаться, то получишь дочь мою в жены.

Вот вошел молодой королевич с королевною в опочивальню, где стоял каменный истукан, и сказала королевна истукану:

— Мой отец будет являться сюда каждый час, начиная с девяти часов вечера, пока не пробьет три часа; если он будет окликать, ты отзывайся вместо королевича.

Закивал головой каменный истукан и кивал все тише и тише, пока, наконец, его голова стала попрежнему неподвижна. На другое утро говорит король королевичу:

— Ты свое дело выполнил хорошо, но выдать за тебя замуж старшую дочь я не могу. Ты должен прежде простоять на

стражу всю ночь у второй дочери, а там я подумаю, можно ли тебе на моей старшей дочери жениться. Я буду являться к тебе каждый час, и если я тебя позову, ты откликайся; а если я окликну тебя, а ты не отзовешься, то кровью своей за это расплатишься.

Направился королевич с королевною в опочивальню, и стоял там каменный истукан еще повыше того, и сказала ему королевна:

— Если мой отец будет окликать, то отвечай ты. — Закивал молча головой большой каменный истукан, а потом стал раскачивать головой все тише и тише, пока голова, наконец, стала неподвижно.

Улегся королевич у порога опочивальни, подложил себе руку под голову и уснул. На другое утро говорит ему король:

— Хотя ты с делом управился хорошо, но выдать за тебя замуж вторую дочь я не могу. Ты должен простоять еще ночь на страже у младшей королевны, а там я подумаю; можно ли выдать за тебя среднюю дочь. Я буду являться к тебе каждый час, и если тебя окликну, ты мне отзывайся; а если я окликну тебя, а ты не отзовешься, то кровью своей за это расплатишься.

Вот вошел королевич с младшей королевной в опочивальню, и стоял там истукан куда побольше и повыше, чем в опочивальне у первых двух королевен. И молвила истукану королевна:

— Если мой отец будет окликать, то отвечай ты. — И в ответ на это большой, высокий каменный истукан кивал головой чуть не целых полчаса, пока его голова стала опять неподвижна.

А королевич улегся у порога и уснул.

Говорит на другое утро ему король:

— Хотя ты стражу нес хорошо, а все-таки выдать за тебя замуж свою дочь я не могу. Есть у меня дремучий лес, если ты мне его с шести часов утра до шести вечера весь дочиста вырубишь, то я тогда о том пораздумаю.

И дал он ему стеклянный топор, стеклянный клин и стеклянный колун. Только пришел королевич в лес, ударил раз топором — а топор пополам и раскололся. Взял он клин, ударил по нему колуном, а тот на мелкие осколки рассыпался. Он был этим так поражен, что подумал: «Вот смерть уж моя пришла». Он сел и заплакал.

Наступил полдень, и говорит король:

— Дочки милые, кто-нибудь из вас должен ему отнести поесть.

— Нет, — сказали обе старшие, — ничего мы ему отнести не станем. Пускай та, у которой он сторожил последнюю ночь, и отнесет ему.

Пришлось тогда младшей отнести ему поесть. Пришла она в лес и спрашивает его, как подвигается у него работа.

— О, совсем плохо, — говорит он.

Тогда она сказала ему, что он должен сначала гёмного поесть.

— Нет, мне теперь не до еды, мне умирать придется, есть мне совсем не хочется.

Стала она говорить ему ласковые слова и уговорила его хоть что-нибудь поесть. Вот подошел он и немного поел. Когда он маленько подкрепился, она и говорит:

— А теперь давай я поищу у тебя в голове, может ты немного повеселеешь.

Стала она ему в голове искать, и вдруг он почувствовал усталость и уснул. А она взяла свой платок, завязала на нем узелок, ударила трижды узелком о землю и молвила: «Арвеггер, сюда!»

И вмиг явилось множество подземных человечков, и стали они спрашивать, что королеве надобно. И она им сказала:

— Надо за три часа весь дремучий лес вырубить да сложить все деревья в кучи.

Пошли подземные человечки, созвали всех своих на подмогу, и принялись те враз за работу; и не прошло и трех часов, как все уже было исполнено. Явились подземные человечки к королеве и доложили ей об этом.

Взяла она опять свой белый платок и говорит: «Арвеггер, домой!» И все человечки исчезли. Проснулся королевич, сильно обрадовался, а королева и говорит:

— Как пробьет шесть часов, ты ступай домой.

Он так и сделал, и спрашивает его король:

— Ну что, вырубил лес?

— Да, — говорит королевич.

Уселись они за стол, и говорит король:

— Я не могу еще выдать дочь за тебя замуж, ты сперва должен мне кое-что выполнить.

Спросил королевич, что же он должен сделать.

— Есть у меня большой пруд, — сказал король, — так вот завтра поутру сходи ты туда да вычисти мне его, чтоб блестел он, как зеркало, да чтоб водились в нем разные рыбы.

На другое утро дал ему король стеклянную лопату и говорит:

— К шести часам вечера пруд должен быть готов.

Направился королевич к пруду, ткнул лопатой в тину, а лопата сломалась; ткнул он мотыгой в тину — и мотыга сломалась. Сильно запечалился королевич. Принесла ему в полдень младшая королева поесть и спросила, как идет у него работа. Сказал королевич, что дело идет совсем плохо:

— Видно, придется мне головой поплатиться. Лопата у меня сломалась.

— О, — сказала она, — ступай сюда да поешь сперва чего-нибудь, тогда тебе веселей станет.

— Нет, — сказал он, — есть я ничего не могу, уж очень я запечалился.

Успокоила она его ласковым добрым словом и заставила поесть. Потом стала у него опять в голове искать, и он уснул. Тогда взяла она свой платок, завязала на нем узелок, ударила трижды о землю и молвила: «Арвеггер, сюда!» И вмиг явилось к ней множество подземных человечков, стали все ее спрашивать, чего она хочет. И велела она им за три часа весь пруд очистить, чтобы сверкал он, как зеркало, хоть глядись в него, и чтоб плавали в нем всякие рыбы. Пошли человечки к пруду, создали всех своих на подмогу; и за два часа работа была исполнена.

Вернулись они и говорят:

— Мы исполнили все, что было приказано.

Тогда взяла королева платок, ударила им трижды о землю и молвила: «Арвеггер, домой!» И все тотчас исчезли. Проснулся королевич, видит — работа готова. Тогда королева ушла и сказала, чтоб к шести часам он домой воротился.

Пришел он домой, а король и спрашивает:

— Что ж, очистил ты пруд?

— Да, — ответил королевич, — все исполнено.

Подошел король к пруду и сказал:

— Хотя ты пруд и очистил, но выдать свою дочь за тебя замуж пока я не могу. Ты должен прежде исполнить еще одну задачу.

— Какую ж еще? — спросил королевич.

А была у короля большая гора, вся она терновником поросла.

— Ты должен весь терновник на горе вырубить и построить там большой замок, да такой прекрасный, что никто из людей такого ни разу не видывал, и чтоб было в том замке все для житья необходимое.

Поднялся на другое утро королевич, и дал ему король стеклянный топор и стеклянный бурав и велел, чтоб все было к шести часам вечера сделано. Но только ударил он топором по первому терновнику, как топор вдребезги разлетелся, да и бурав тоже к делу оказался непригодным. Сильно запечалился королевич, стал ожидать свою возлюбленную — не придет ли она, не поможет ли ему из беды выбраться. Наступил полдень, пришла она и принесла ему поесть. Он вышел к ней навстречу, рассказал ей все, что случилось, позавтракал, что она ему принесла, и дал ей у себя в голове поискать, а сам уснул. Завязала она опять узелок, ударила им трижды о землю и молвила: «Арвеггер, сюда!» И снова явилось множество подземных человечков, и они спросили ее, чего она хочет.

— Вы должны за три часа, — сказала она, — вырубить на горе весь терновник и построить на вершине замок, да такой красивый, какого еще никто из людей не видывал, и чтоб было в нем все для житья необходимое.

Взошли они на гору, созвали всех своих на подмогу, и в скором времени все было уже готово. Пришли они и говорят о том королевне. Взяла она тогда платок, трижды ударила им о землю и сказала: «Арвеггер, домой!» И все они тотчас исчезли.

Проснулся королевич, видит — все сделано, и стало ему весело, словно птице в воздухе. Вот пробило шесть часов, и вернулись они тогда вместе домой. И спрашивает король:

— Ну что, замок готов?

— Да, — говорит королевич.

Сели они за стол, а король и говорит:

— Моей младшей дочери замуж за тебя я отдать не могу, пока двух старших не выдам.

Сильно запечалились королевич с королевною, и не знал он, что ему теперь делать.

Пробрался он раз ночью к королевне и убежал с ней вместе из замка. Пробежали они часть дороги, обернулась королевна назад и видит, что отец их догоняет.

— Ах, — сказала она, — что ж теперь делать? Мой отец нас догоняет, хочет нас домой вернуть. Обращу я тебя в шиповник, а сама обернусь розой и укроюсь в твоих шипах.

Подшел отец к тому месту, видит — стоит шиповник, а на нем роза цветет. Хотел он было розу сорвать, но стал шиповник колоть его своими шипами, — и пришлось королю воротиться домой ни с чем. Спрашивает у него жена, почему не привел он домой свою дочь. Рассказал он жене, что почти было нагнал он ее, да вдруг потерял из виду и вместо них увидел перед собой шиповник, а на нем розу.

Говорит ему королева:

— Стало тебе только розу сорвать, а шиповник и сам бы за нею пришел.

Отправился король опять к тому месту, чтоб розу добыть. А королевич с королевною тем временем ушли уже далеко-далеко, и пришлось королю их опять догонять. Оглянулась дочь, видит — отец уже близко. И говорит она:

— Ах, что же нам теперь делать? Обращу я тебя в кирху, а сама обернусь пастором, буду читать на кафедре проповедь.

Подшел отец к тому месту, видит — стоит кирха, а на кафедре пастор читает проповедь. Прослушал он проповедь и домой воротился. Спрашивает у него королева, почему он дочь с собой не привел, а король отвечает:

— Пришлось мне гнаться за ними далеко-далеко. Нагнал я их, вижу — стоит кирха, а в ней пастор проповедь читает.

— А тебе следовало бы пастора с собой привести, — сказала королева, — а кирха и сама бы за тобою пошла. Посылаю я тебя за ними в погоню, а ты сделать ничего не можешь, — видно, придется мне самой за ними бежать.

Пробежала она часть дороги, заметила вдали беглецов. Обернулась королева случайно назад, видит — мать за ними гонится, и говорит:

— Ах, какие ж мы несчастные, сама матушка за нами гонится! Обращу я тебя в пруд, а сама обернусь рыбой.

Пришла мать к тому месту, видит — перед нею большой пруд, а в нем рыбка плещется, голову из воды выставляет, плавает себе весело. Захотелось ей ту рыбку поймать, да никак ей это не удастся. Рассердилась она крепко и задумала выпить весь пруд досуха, чтоб ту рыбку поймать; и выпила, — но стало ей так плохо, что пришлось ей назад весь пруд изрыгнуть. Вот она и говорит:

— Я вижу, что с вами ничего не поделаешь, — и стала их к себе кликать.

Тогда приняли они снова свой прежний вид, и дала королева дочери три грецких ореха и сказала:

— Эти орехи тебе службу сослужат, если ты в беду попадешь.

И пошли молодые дальше своею дорогой. Пробыли они в пути уже десять часов и подошли, наконец, к замку, откуда был родом королевич, а рядом была деревня. Пришли они, а королевич и говорит:

— Ты, моя милая, здесь обожди, я пройду в замок сперва один, а вернусь с каретой и слугами и отвезу тебя туда.

Когда он явился в замок, все очень обрадовались его возвращению. Он рассказал им, что есть у него невеста, что она в соседней деревне его дожидается, и чтоб тотчас заложили карету и привезли ее в замок. Заложили тотчас карету, и много слуг уселось в нее. Но едва королевич собрался сесть в ту карету, как вдруг мать поцеловала его, — и от материнского поцелуя он вмиг позабыл все, что было и что предстояло ему сделать. Мать велела выпрячь коней из кареты, и все вернулись домой. А девушка сидит тем временем в деревне, ждет-дожидается, когда за ней приедут; но никто не является. Нанялась тогда королева в работницы на мельницу, что около замка была, и вот каждый день после полудня приходилось ей сидеть на берегу реки и мыть посуду. Случилось, что однажды вышла королева из замка прогуляться по берегу, заметила она красивую девушку и говорит: «Какая красotka! Как она мне понравилась!»

Стала она о ней у всех расспрашивать, но никто о той девушке ничего не знал. Прошло много времени, а девушка продолжала попрежнему честно и верно служить у мельника. А тем временем королева подыскала для своего сына жену из далекой страны. Вот уже приехала невеста, и должна была вскоре состояться свадьба. Собралось много народа поглядеть на ту свадьбу, и стала молодая работница просить у мельника, чтоб он позволил и ей побывать на той свадьбе. Мельник тогда сказал: «Ступай, пожалуй».

Перед тем как идти, раскрыла она один из трех грешких орехов, достала из него прекрасное платье, надела его, пошла в нем в кирху и стала у алтаря. Вот явились невеста с женихом, стали они у алтаря, но когда пастор уже собирался их благословить, глянула вдруг невеста в сторону, поднялась с колен и говорит, что венчаться не хочет, пока не будет у нее такого ж прекрасного платья, как у той вон дамы. Тогда они вернулись домой и велели узнать у дамы, не продаст ли она этого платья.

— Нет, продать я его не продам, а за услугу, пожалуй, отдам.

Ее спросили, что же она за него хочет. Она ответила, что отдаст платье, если ей будет дозволено провести ночь у дверей опочивальни, где будет спать королевич. Ей сказали, что пусть она так и делает, но заставили слугу подсыпать королевичу сонного зелья. А королева легла на пороге двери в его опочивальню и всю ночь жалобно ему выговаривала, что она, мол, и лес для него весь вырубилa, и пруд очистила, и замок для него построила, и в шиповник его обращала, и в кирху, и в пруд, а он так скоро ее позабыл. Но королевич ведь ничего не слышал; а проснулись от ее причитаний слуги, стали прислушиваться и никак не могли разобрать, что бы это могло значить.

На другое утро, когда все поднялись, нарядилась невеста в платье и поехала с женихом в кирху. А красивая девушка тем временем раскрыла второй орешек, и оказалось в нем платье, еще прекраснее первого. Она надела его и пошла в кирху, стала у алтаря, и случилось все то же, что и накануне. Вот легла девушка на вторую ночь на пороге двери в опочивальню королевича, и велено было слуге напоить его сонным зельем. Но явился слуга и, вместо того чтобы дать ему сонного зелья, налил ему бессонного, и лег королевич в постель; а работница мельника начала жаловаться и выговаривать ему все, как и в прошлый раз.

Королевич все это слышал, сильно запечалился, и вдруг ему вспомнилось прошлое. Он хотел выйти к девушке, но его мать заперла дверь на замок. На другое утро он тотчас явился к своей возлюбленной, рассказал ей обо всем, что с ним случилось, и просил ее не иметь на него зла, что он позабыл ее на

такое долгое время. Тут раскрыла королева третий орех, достала из него платье, а было оно куда прекраснее двух первых. Она надела его, и вот поехали они с королевичем в кирху, и вышло к ним навстречу много детей, они подали жениху и невесте цветы и склонили перед ними пестрые знамена. В кирхе их обвенчали, а потом была веселая свадьба. А коварную мать и фальшивую невесту прогнали прочь.

И кто эту сказку последним сказал, у того и сейчас не остыли уста.

Про умного портняжку

Жила-была некогда принцесса, и очень уж была она гордая: придет к ней, бывало, жених, и начнет она загадывать ему загадки; а если он их не разгадает, то посмеется она над ним и прочь прогонит. И велела она объявить, что кто загадку ее разгадает, то за того она и замуж выйдет: пусть, мол, приходит к ней всякий, кто пожелает. Вот, наконец, и нашлось трое портных; двое старших считали, что они мастера большие, дело свое знают, и тут тоже, пожалуй, промаха не дадут. А третий из них был человек на вид неказистый и порядочный растяпа, да и в ремесле своем не искусник, но он думал, что в этом деле выйдет ему счастье, а то откуда же и взяться-то счастью? Вот и говорят ему двое старших:

— Да оставайся ты лучше дома, а то со своим-то умишком не далече ты двинешься.

Но портняжка сбить себя с толку не дал и ответил, что он готов головой ручаться, что с этим делом он управится; и вот он смело двинулся в путь-дорогу, точно весь свет ему принадлежал.

Вот явились они втроем к принцессе и объявили, чтоб задавала она им свои загадки, — люди, мол, пришли толковые да опытные, и разум у них такой тонкий, что в игольное ушко продеть можно.

И говорит им принцесса:

— Есть на моем у голове два разноцветных волоса, — так какого же они цвета?

— Если в этом вся загадка, — сказал первый портной, — то вот тебе и разгадка: один черный, другой белый, как о сукне говорится — черное с крапичкой.

И ответила принцесса:

— Ты разгадал неверно, пусть отвечает второй.

И ответил тогда второй:

— Уж если не черный и не белый, то каштановый и рыжий — точь-в-точь, как у моего батюшки праздничный сюртук.

— И ты разгадал неверно, — сказала принцесса, — пусть отвечает третий, — этот, я вижу, знает наверно.

Вот выступил смело портняжка и говорит:

— У принцессы на голове один волос серебряный, а другой золотой, — вот какого они цвета!

Услыхала это принцесса, побледнела от страха, чуть было без чувств не упала, оттого что портняжка верно разгадал. А была она твердо уверена, что ни одному человеку на свете той загадки не разгадать. Пришла она в себя и говорит:

— Того, что ты разгадал, еще мало, чтобы пошла я за тебя замуж; ты должен будешь выполнить еще другое. Лежит у меня в сарае медведь, вот ты и проведи с ним целую ночь; а когда я утром встану и увижу, что ты жив, тогда ты на мне и женишься.

Она думала таким образом отделаться от портняжки, — ведь не было еще такого человека, который, попав в лапы к медведю, жив бы остался. Но портняжка не испугался, он охотно согласился и сказал:

— Смело задумано — поддела сделано.

Вот наступил вечер, и привели моего портняжку к медведю. Медведь уж собрался кинуться на маленького человечка и поздороваться с ним хорошенько своей лапой.

— Эй ты, потише, потише, — сказал портняжка, — я уж тебя успокою, — и он достал преспокойно из кармана грецких орехов, раскусил их и начал есть. Увидел это медведь, захотелось ему тех орехов отведать. Полез портняжка в карман и подал ему их целую пригоршню; но были то не орехи, а камешки. Сунул медведь их в пасть, принялся грызть, — грызет, а разгрызть никак не может. «Эх, — подумал он, — что это я за такой глупый болван, и орехов-то разгрызть не умею», и говорит он портняжке:

— Послушай, разгрызи-ка ты мне орехи.

— Вот ты каков, — молвил портняжка, — пасть-то у тебя вон какая большая, а маленького орешка разгрызть не умеешь!

Взял он камень, но вместо него сунул себе в рот орех, и — щелк! — тот раскололся.

— Надо будет еще раз попробовать, — сказал медведь, — вижу я, дело оно такое, что и я, пожалуй, сумею.

И дал портняжка ему снова камней. Стал медведь над ними работать, грызть изо всех сил. Но ты ведь тоже не поверишь, что он их разгрыз. Тут вытащил портняжка из-под полы скрипку и начал на ней наигрывать. Услыхал медведь музыку, не мог удержаться, начал плясать. Проплясал он немного, и это ему так понравилось, что он спросил портняжку:

— Послушай, а трудно ли играть на скрипке?

— Да совсем легко, вот смотри, — сюда кладу я пальцы левой руки, а правой смычком вожу, и вот оно как весело получается: гоп-гоп-гоп, тра-ля-ля-ля!

— Вот так бы играть на скрипке, — сказал медведь, — и мне бы хотелось, можно было б плясать, когда придет охота. Научи ты меня играть! Что ты на это скажешь?

— С большим удовольствием, если есть у тебя к тому способности. Ну-ка, покажи мне свои лапы. Э, да они у тебя слишком длинные, надо будет когти немного пообрезать. — И вот он принес тиски, а медведь и положил в них свои лапы; тут портняжка и ну их закручивать, да как можно крепче, и говорит:

— Теперь подожди, пока я принесу ножницы, — и, оставив медведя реветь сколько ему влезет, лег в углу на солому и уснул. Услыхала вечером принцесса, как ревет медведь, и подумала, что ревет он от радости, покончив с портным. Встала она наутро беззаботная и довольная, но глянула в сарай, видит — стоит портняжка, весел и здоров, рядом с медведем и чувствует себя, точно рыба в воде. Что тут было ей сказать? Ведь в присутствии всех она дала ему обещанье; и велел тогда король подать карету, и должна была принцесса отправиться вместе с портняжкой в кирху и с ним обвенчаться. Только они сели в карету, а те двое портных стали завидовать счастью своего приятеля; и было у них сердце злое, вошли они в сарай и освободили медведя из тисков. В ярости кинулся медведь вслед за каретой. Услыхала принцесса, что медведь сопит да ревет, стало ей страшно, и она закричала:

— Ах, это гонится за нами медведь, он хочет тебя утащить!

Тут мой портной быстро смекнул, что ему делать: встал он на голову, высунул ноги в окно кареты и закричал:

— Видишь тиски? Если ты не уберешься подбру-поздору, то попадешь в них опять!

Как увидел это медведь, повернулся и убежал прочь. А портняжка мой поехал себе преспокойно в кирху и обвенчался с принцессой, и жил с ней он счастливо, точно жаворонок полевой.

А кто сказке моей не верит, пусть талер дает живеи!

Солнце ясное всю правду откроет

Бродил по свету один портной-подмастерье, своим ремеслом занимался; и вот пришло время, что не мог он найти себе никакой работы, и так уж он обеднел, что даже на харчи и гроша денег у него не было. На ту пору встретился ему по дороге еврей; и подумал подмастерье, что денег у того при себе много, и, забыв бога, подступил он к еврею и говорит:

— Отдай мне свои деньги, а не то я тебя убью.

И ответил ему еврей:

— Смилуйся ты надо мной, не лишай меня жизни, денег у меня нету, есть всего лишь каких-нибудь восемь геллеров.

Но портной сказал:

— Нет, деньги у тебя есть, доставай-ка поживей, — и набросился на него и бил его так долго, что тот был уже еле живой.

Вот собрался еврей помирать, и молвил он свое предсмертное слово: «Солнце ясное всю правду откроет», — с этим и помер.

Портной-подмастерье кинулся рыться у него в карманах, деньги искать, и нашел всего-то не больше восьми геллеров, как еврей ему и говорил. Тогда взял его подмастерье и отнес в кусты, а сам отправился дальше, по своему ремеслу работы искать. Долго он странствовал и пришел, наконец, в город, и поступил на работу к мастеру, а у того мастера была красивая дочь; влюбился он в нее, женился и зажил с нею в добром и счастливом браке.

Много времени прошло с той поры; двое детей уж у них было, помер тесть, померла и теща, и вели молодые хозяйство уже сами. Раз, поутру, сидел муж на своем портняжном столе у окошка; принесла жена ему кофе, налил он его в блюдце и собрался уже было пить, а тут солнце засияло на блюдце, и его

отраженье блеснуло на стене и забегало по ней солнечными зайчиками. Посмотрел портной и говорит:

— Вот бы и хотелось солнцу ясному всю правду открыть, да не может оно.

А жена ему и говорит:

— Муженек, что ты хочешь этим сказать?

И ответил портной:

— Нет, об этом сказать тебе я не смею.

Но стала она его просить:

— Если ты меня любишь, то должен мне сказать. — И дала она ему обещание, что никто о том не узнает, и не давала ему покоя.

И рассказал он ей, что много лет тому назад странствовал он, оборванный да без денег, и убил одного еврея, а еврей тот в смертный свой час сказал ему такие слова: «Солнце ясное всю правду откроет». И хотело бы солнце всю правду открыть, вот и на стене заблестело и зайчиков солнечных пустило, а все же сделать оно ничего не смогло. Затем стал он просить ее и упрашивать, чтоб никому она о том не говорила, а то погибать ему придется; и она ему обещала. Но когда сел он за работу, пошла она к своей куме и все ей рассказала, взяв с нее слово никому о том не сказывать. Но не прошло и трех дней, как знал уж об этом весь город, и потребовали портного на суд и присудили его казнить.

Так солнце ясное всю правду открыло.

Синья свечка

Жил-был солдат, и служил он верой и правдой королю многие годы; но кончилась война, и солдат, получив много ран, служить больше не мог. Вот и говорит ему король:

— Можешь домой отправляться, теперь ты мне не нужен; жалованья получать ты больше не будешь, — деньги плачу я только тому, кто мне службу несет.

И не знал солдат, чем ему теперь и жить, и он ушел озабоченный и шел целый день, а вечером пришел в лес. Наступила уже темень, и увидел он вдали огонек, пошел ему навстречу и пришел к дому, — а жила в нем ведьма.

— Пусти меня переночевать и дай мне чего-нибудь поесть и попить, — сказал он ей, — а то пропадать мне придется.

— Ого! — ответила она. — Да кто же даст что-нибудь беглому солдату? Но так уж и быть, я сжалюсь над тобой и пушу тебя, если сделаешь ты то, что я от тебя потребую.

— А что же ты потребуешь? — спросил солдат.

— Чтоб завтра вскопал ты мне огород. — Солдат согласился, и на другой день усердно принялся за работу, но до вечера все же не управился.

— Вижу я, — сказала ведьма, — что ты нынче больше не можешь. Ну, пробудь у меня еще одну ночь, а завтра нарубишь ты мне за то поленницу дров и щепок наколешь.

Весь день проработал солдат, а к вечеру ведьма предложила ему остаться у нее еще на одну ночь.

— Завтра работа тебе предстоит небольшая: есть у меня за домом старый пустой колодец; упала в него моя свечка, горит она синим пламенем и не гаснет, — вот ты и должен будешь мне ее оттуда достать.

На другой день повела его старуха к колодцу и спустила туда в корзине. Нашел он синюю свечку и подал ведьме знак, чтобы вытащила она его из колодца. Стала она его тащить наверх, но только стал он подыматься к краю колодца, а ведьма протянула руку вниз и хотела было отнять у него синюю свечку.

— Нет, — сказал солдат, заметив ее злой умысел, — свечку я отдам тебе только тогда, когда стану обеими ногами на землю.

Пришла ведьма в ярость, сбросила его снова в колодец, а сама ушла.

Упал бедный солдат на мягкое дно колодца, не причинив себе никакого вреда, а синяя свечка продолжала гореть, но что ему было в том толку? Видит, не уйти ему теперь от смерти. Сидит он в колодце грустный, и сунул он случайно руку в карман и нашел там свою трубку, а набита она была до половины табаком. «Это будет последней моей радостью», — подумал он, достал ее, зажег от синей свечки и начал курить. Разошелся дымок по дну колодца, и явился вдруг перед ним черный человечек и спрашивает:

— Что, хозяин, прикажешь?

— Что ж мне тебе приказать? — ответил ему солдат в изумлении.

— Я обязан выполнять все, — сказал человечек, — что потребуешь.

— Ладно, — сказал солдат, — помоги мне сначала выбраться из колодца.

Взял его черный человечек за руку и повел через подземный ход, но солдат синюю свечку взять с собой не забыл. Показал он ему по пути богатства, собранные и запрятанные ведьмой, и набрал солдат золота столько, сколько нести мог. Поднялся он наверх и говорит человечку:

— Ну, а теперь ступай да свяжи старую ведьму и отведи ее на суд.

Тут вскоре промчалась она, точно ветер, с страшным криком, на диком коте, а черный человечек вернулся назад.

— Всё исполнено, — сказал он, — ведьма уж висит на виселице. Что ж прикажешь теперь, хозяин, мне делать? — спросил человечек.

— Сейчас пока ничего, — ответил солдат. — Можешь себе идти домой, но чуть что — тотчас явись, когда я тебя позову.

— Звать меня не надо, — сказал человечек, — только зажги свою трубку синей свечой, и я тотчас явлюсь перед тобой. — Затем он исчез на его глазах.

Воротился солдат в город, откуда он и пришел. Направился в самую лучшую гостиницу, велел сшить себе красивый камзол и приказал хозяину убрать свою комнату как можно красивей и богаче. Когда комната была готова, солдат поселился в ней, кликнул черного человечка и говорит:

— Служил я королю верой и правдой, а он меня прогнал да еще голодать заставил, хочу я ему теперь за это отомстить.

— Что же должен я сделать? — спросил человечек.

— Поздно вечером, когда королева будет в постели, принеси ее сюда спящей, пусть поработает она у меня служанкой.

— Для меня это дело легкое, а для тебя будет опасное, — если об этом доведутся, плохо тебе придется.

Пробило двенадцать, распахнулась дверь, и принес человек ему королеву.

— Ага, вот ты и здесь! — крикнул солдат. — Ну, живей принимайся за работу. Ступай принеси метлу да подмети мне комнату.

Подмела она ему комнату, он зовет ее к своему креслу, протягивает ей ноги и говорит:

— Снимай с меня сапоги.

Сняла она с него сапоги, и кинул он их ей в лицо, и должна она была их поднять, почистить и глянец на них навести. Все она исполняла, что он ей ни приказывал, беспрекословно, молча, с полужакрытыми глазами. Но с первым пением петуха отнес ее черный человечек назад в королевский замок и положил в постель.

На другое утро встала королева с постели, пошла к своему отцу и рассказала, что видела она удивительный сон: «Будто несло меня с быстротой молнии по улицам, и попала я в комнату к одному солдату, и должна была прислуживать ему, как служанка, и исполнять всякую черную работу, подметать комнату и сапоги чистить. Это был сон, но, однако, я так устала, будто было это все на самом деле».

— Сон мог оказаться и явью, — сказал король. — Я дам

тебе совет: набей полный карман гороху и проделай дырку в кармане, и если тебя снова унесут, то горошины выпадут, и на улице будет виден след.

Когда король это говорил, то черный человечек стоял незримо рядом и все слышал. Ночью, когда он снова понес королеву по улицам, выпало несколько горошин у ней из кармана, но след они указать не могли: хитрый человечек заранее разбросал горох по всем улицам. И королева должна была снова до первых петухов исполнять работу служанки.

На другое утро король выслал своих людей разыскать след, но все поиски были напрасны, — на всех улицах сидели бедные дети и подбирали горох, говоря: «А сегодня-то ночью шел гороховый дождь».

— Надо будет что-нибудь другое придумать, — сказал король. — Ты сегодня, ложась в постель, башмаков не снимай, а когда будешь возвращаться оттуда, спрячь один из них там; а я уж его найду.

Черный человечек доведася и про этот замысел, и когда вечером солдат стал требовать, чтобы тот принес ему снова королеву, стал ему отсоветывать и сказал, что против такой хитрости нету никакого средства, и если башмак у него найдут, то плохо ему придется.

— Делай, что я велю, — ответил солдат, — и должна была и на третью ночь королева исполнять работу служанки. Но она спрятала, прежде чем ее понесли назад домой, свой башмак у него под кроватью.

На другое утро король приказал искать по всему городу башмак своей дочери; и нашли его у солдата; но, по совету человечка, вышел солдат за городские ворота; ну, тут его и схватили и в тюрьму бросили. И забыл он во время бегства самое свое дорогое — синюю свечку и золото, и остался у него в кармане один только дукат. Когда стоял он, закованный в цепи, у окошка тюрьмы, увидел он проходящего мимо тюрьмы одного из своих товарищей. Стал он стучать в окошко, и когда тот подошел, говорит он ему:

— Окажи мне услугу, принеси мне мой маленький узелок, что оставил я в гостинице, дам я тебе за это дукат.

Побежал его товарищ туда и принес ему узелок. Только солдат снова остался один, набил он свою трубку и кликнул черного человечка. И сказал черный человечек своему хозяину:

— Ты не бойся, ступай туда, куда тебя поведут, пусть будет что будет. Только не забудь захватить с собой синюю свечку.

На другой день был суд над солдатом, и хотя он ничего дурного не сделал, но присудили его судьи к смертной казни. Когда

его вывели, стал он просить короля оказать ему последнюю милость.

— Какую? — спросил его король.

— Дозволь выкурить мне по дороге трубку.

— Вы три хотя и целых три, — ответил король, — но не думай, однако, что я тебя помилую.

Достал солдат свою трубку, закурил ее от синей свечки, и только поднялось несколько колец дыма, как явился черный человек, и была у него в руке небольшая дубинка, и он спросил у солдата:

— Что прикажешь, хозяин?

— Убей насмерть этих лживых судей и стражу, да и короля не пощади, он поступил со мной плохо.

Стал носиться тогда черный человек, точно молния, то туда, то сюда, и кого он только касался своей дубинкой, тот падал наземь и ни встать, ни шелохнуться больше не мог. Стало королю страшно, и начал просить он пощады, чтобы оставил его тот в живых; и отдал он солдату королевство и дочь свою в жены.

Три фельдшера

Странствовали по свету три фельдшера, они решили, что искусство свое хорошо изучили, и вот зашли они раз в харчевню, где и решили заночевать. Хозяин спросил у них, откуда они и куда путь держат.

— Мы странствуем по свету, своим искусством занимаемся.

— Ну, так покажите мне хоть что-нибудь из того, что вы умеете, — сказал хозяин.

Вот первый из них и говорит, что он может отрезать себе руку, а наутро она снова прирастет; второй сказал, что он может вырезать у себя сердце, а наутро его опять вставить, и будет оно живое; третий сказал, что он может вырвать себе глаза, а наутро их снова вставить и оживить.

— Если вы это всё умеете, — сказал хозяин харчевни, — значит, дело вы свое хорошо изучили.

А была у них такая мазь, что если ею что помазать, то и срастется; баночку, в которой та мазь хранилась, они носили всегда при себе. Вот отрезали они руку, вырезали сердце и глаза, как они и пообещали, и положили все это вместе на тарелку и подали хозяину. Отдал хозяин тарелку работнице, велел опрятать все в шкаф и беречь как следует. А имела работница тайную любовь, был то один солдат. Вот уснули в доме и хозяин,

и три фельдшера, и все остальные гости, и явился солдат, захотелось ему чего-нибудь поесть. Открыла работница шкаф и достала ему кое-чего поесть, но, увлеченная своей любовью, она позабыла прикрыть дверцы шкафа, подседа к столу, за которым сидел ее возлюбленный, и начали они вести между собой разговоры. Вот сидит она такая довольная, ни о какой беде и не думает, а тут подкралась в это время кошка, заметила, что шкаф стоит открытый и, схватив руку, сердце и глаза трех фельдшеров, убежала. Солдат наелся, и собралась работница убирать посуду; хотела запереть шкаф, но тут -то и заметила, что тарелка, которую дал ей хозяин спрятать, пустая.

И говорит она в испуге своему возлюбленному:

— Ах, что ж мне теперь, бедной девушке, делать? Нет ни руки, ни сердца и глаз нету. Что будет со мной, когда настанет утро!

— А ты успокойся, — сказал ей солдат, — я тебя из беды выручу: висит на площади вор на виселице, я отрежу у него руку. Скажи, какая там была рука?

— Правая.

Дала ему девушка острый нож, пошел солдат, отрезал у бедного грешника правую руку и принес ее девушке. Потом поймал солдат кошку и вырвал у нее глаза; теперь нехватало одного только сердца.

— А не резали ли у вас чего в доме? Нет ли у вас свиной туши в погребе?

— Есть, — сказала девушка.

— Ну, вот и хорошо, — сказал солдат, спустился в погреб и принес свиное сердце.

Положила все это девушка на тарелку, поставила ее в шкаф, а потом преспокойно улеглась в постель.

Утром встали фельдшера и просят девушку принести им тарелку, на которой лежат, мол, рука, сердце и глаза. Достала она тарелку из шкафа, и взял первый фельдшер руку вора, поставил ее и помазал своей мазью, и в ту же минуту рука к нему приросла. Взял второй фельдшер кошачьи глаза, вставил их себе, и они тоже приросли. А третий вставил себе свиное сердце. Находился при этом и хозяин харчевни, он дивился их искусству и сказал, что подобного он ни разу не видывал и что будет их теперь всем людям советовать и расхваливать. Потом оплатили фельдшера свой трактирный счет и отправились дальше.

Вот идут они по дороге, а тот, у кого оказалось свиное сердце, все убегаёт от товарищей своих в сторону, а увидит где какой закоулок, бежит туда, начинает нюхать по сторонам и сопеть, как делают это свиньи. Хотели остальные двое его за фалды удержать, но не тут-то было, он вырвался и начал забираться в самую густую грязь. Второй фельдшер тоже держал себя странно, тер глаза и говорил своим спутникам:

— Товарищи, что это со мной случилось? Это не мои глаза, я совсем ничего не вижу, пусть кто-нибудь меня ведет, а не то я упаду.

Так пробирались они с трудом до вечера и, наконец, подошли к другой харчевне. Вошли они вместе в комнату, а сидел в это время у стола один богатый господин и деньги считал. Тот, у кого была рука вора, начал вокруг него расхаживать, протянул руку раз-другой, — и только богач отвернувшись, сунул он руку в кучу и набрал полную пригоршню денег. Увидел это один из фельдшеров и говорит:

— Товарищ, что это ты делаешь? Не смей воровать, стыдно тебе!

— Э-э, — ответил тот, — да что поделаешь! Так руку и тянет что-нибудь взять, и выходит это невольно.

Вот улеглись они потом спать, и когда уже лежали, стало настолько темно, что и руки не разглядеть. Вдруг тот, что с кошачьими глазами, будит остальных товарищей и говорит:

— Братцы, да гляньте-ка, разве вы не видите, что вокруг нас бегают белые мышата?

Те поднялись, но увидеть ничего не могли. Вот он и говорит:

— С нами творится что-то неладное, должно быть мы не свое назад получили. Надо будет вернуться к тому хозяину, — он нас обманул.

Осправились они на другое утро назад в ту харчевню и сказали хозяину, что получили они, дескать, не то, что им принадлежало. У одного, мол, рука вора, у другого — кошачьи глаза, а у третьего — свиное сердце. Хозяин сказал, что виновата в этом, должно быть, работница, и решил ее позвать, но как увидела она тех трех фельдшеров, убежала через черный ход и назад не вернулась. Тогда потребовали трое фельдшеров за это у хозяина харчевни много денег, а не то, мол, пустят они ему петуха. Отдал хозяин им все, что у него было и что мог он достать, — и с тем трое фельдшеров от него и ушли. Им хватило этого на всю жизнь, но все же хотелось бы им больше заниматься своим настоящим делом.

Семеро швабов

Собрались раз семеро швабов вместе, один из них был господин Шульц, другой Яккли, третий Марли, четвертый Йергли, пятый Михаль, шестой Ганс, а седьмой был Вейтли; и все семеро порешили весь свет обойти, поискать приключений и великие подвиги совершить. А чтоб итти вооруженными

и без опаски, они посчитали, что надежней всего будет заказать себе одно копые на всех, да зато подлинней и покрепче. Взяли они все семеро это копые, и выступил впереди самый храбрый и отважный — был то, конечно, господин Шульц, а следом за ним шли один за другим все остальные, а последним был Вейтли.

И случилось так, что однажды, в июле месяце, сделали они большой переход, и им оставалось пройти еще немалое расстояние до деревни, где они должны были заночевать, как вдруг в сумерках пролетел мимо них, злобно жужжа, большой назвозный жук, а может быть, шершень. Господин Шульц так испугался, что чуть было не выронил копые, и от страха у него по всему телу выступил пот.

— Вслушайтесь, вслушайтесь! — крикнул он своим товарищам. — Боже мой, я слышу звук барабана!

Яккли, который держал копые сзади него, — уж не знаю, чем ему там запахло, — сказал:

— Тут, конечно, дело неспроста, я слышу отчетливо запах пороха и фитиля. — При этих словах господин Шульц обратился в бегство и вмиг перепрыгнул через забор, а так как попал он на зубцы грабель, брошенных кем-то после сенокоса, то угодили ему грабли прямо в лицо и здорово его ударили.

— Ой, ой, ой! — завопил господин Шульц. — Забирай меня в плен! Я сдаюсь, я сдаюсь!

Остальные шестеро тоже перепрыгнули друг через дружку и, подскочив, закричали:

— Раз ты сдаешься, я тоже сдаюсь, раз ты сдаешься, я тоже сдаюсь!

Наконец, когда никакого врага не оказалось, который бы их собирался связать и увести, они поняли, что обманулись. А чтоб люди не узнали про этот случай и не посмеялись бы над ними, назвав их дураками, они поклялись друг перед другом об этом помалкивать, если, конечно, кто-нибудь из них невзначай об этом не проговорится.

Потом двинулись они дальше. Но вторую опасность, которую они испытали, уж никак нельзя было сравнить с первой. Спустя несколько дней им пришлось проходить через пустошь, и сидел там на солнышке заяц и дремал, насторожив уши, и его большие стеклянные глаза были неподвижны. При виде этого страшного дикого зверя они все испугались и стали держать совет, как тут поступить, чтоб безопасно выйти из опасности. Ведь если обратиться в бегство, то следовало опасаться, что чудовище кинется за ними в погоню и всех их проглотит живьем. И вот сказали они:

— Нам предстоит выдержать большую и опасную битву, и кто на это отважится, за тем половина победы окажется!

И все семеро схватили копье, господин Шульц впереди, а Вейтли позади. Господин Шульц, тот старался копье всё придержать, а Вейтли уж так расхрабрился, что хотел было кинуться в атаку, и крикнул:

Коли во имя храбрых швабов,
Или умри в бою со славой!

Но Ганс, тот знал, чем его уязвить, и сказал:

Ты на словах в рядах передних,
С драконом в битве — ты последний.

И крикнул Михаль:

А я клянусь вам головой,
Что это чорт передо мной.

Теперь был черед за Йергли, и сказал он:

А раз не чорт, то чорта мать
Иль чорта сводный брат, видать.

Мелькнула у Марли хорошая мысль, и он говорит Вейтли:

Иди, иди вперед ты, Вейтли,
Я за тобою вслед немедля.

Но Вейтли и слушать не захотел, и Яккли тогда сказал:

Шульц должен выступить вперед,
Ему вся слава и почет!

И вот собрался Шульц с духом и важно, с достоинством молвил:

Давайте в бой смелей пойдём,
Отважных в этом узнаем!

И двинулись все вместе на дракона. Осенил себя герр Шульц крестным знаменьем и призвал господа бога на помощь. Но все это ничуть не помогло, а так как подступал он в это время все ближе и ближе к врагу, то закричал он в великом страхе: «Го-го! Ура! Го-го! Ура!» Проснулся тут заяц, испугался и кинулся со всех ног оттуда. Увидал герр Шульц, что заяц обратился в бегство, и на радостях закричал:

Тьфу, Вейтли милый мой, постой,
Ведь это ж заяц был простой!

Однако компания швабов продолжала искать приключений, и вот подошли они к Мозелю, болотистой, тихой и глубокой реке; мостов через нее было мало и во многих местах приходилось переправляться через нее на лодках. А семеро шва-

бов о том вовсе осведомлены не были, и они стали кричать человеку, который был чем-то занят на другом берегу, и спрашивать у него, как им перебраться на ту сторону. Но человек стоял далеко да и их наречие он не понял и спросил на своем трирском: «Что, что?»¹ И подумал господин Шульц, что тот говорит: «Вброд, вброд!», а так как он был впереди, то и начал готовиться к переправе и вошел в реку Мозель. Он вскоре увяз в тине, и его залило набежавшей большою волной, а ветром сорвало с него шляпу и унесло ее на другой берег; уселась на нее лягушка и начала квакать: ква, ква, ква. Услыхали это остальные шестеро на том берегу и сказали:

— Это зовет нас сюда наш товарищ, герр Шульц, и уж если он мог перейти вброд, то и мы можем.

И они второпях прыгнули все разом в воду и утонули. А погубила-то их всех шестерых лягушка, и никто из компании швабов так назад и не вернулся.

Трое подмастерьев

Жили-были трое подмастерьев, сговорились они, чтоб странствовать им всем вместе и работать всегда в одном городе.

Но пришло время, и не нашли они у своих хозяев никакой работы, пообносились совсем, и жить им было нечем. Вот один из подмастерьев и говорит:

— Что же нам теперь делать? Оставаться нам тут больше не приходится, надо нам опять итти странствовать и работу искать. Если в том городе, куда мы придем, работы не найдется, то давайте уговоримся с хозяином харчевни, что мы ему напишем, где кто из нас находится, и тогда каждый из нас может получить друг от друга весточку, ну, а потом и расстанемся. — Это показалось и остальным двум самым подходящим. Отправились они дальше. И вот повстречался им по пути какой-то богато одетый человек, спрашивает он у них, кто они такие.

— Мы люди ремесленные, ищем работы. До сих пор жили мы вместе, но ежели работы нам не найти, то придется нам расстаться.

— В этом нет никакой нужды, — сказал человек: — если вы согласны будете делать то, что я вам укажу, то в работе и

¹ На трирском наречии *wat* — значит *что*, а *переходи в брод* — *wade*; лягушечье кваканье: *wat, wat, wat*. (Примеч. переводчика.)

деньгах недостатка у вас не будет; даже сделаетесь вы большими господами и будете разезжать в каретах.

Один из подмастерьев и говорит:

— Ежели при этом грех на душу нам не ляжет и честности мы не потеряем, мы охотно на это согласимся.

— Нет, — ответил человек, — выгоды я от вас никакой иметь не собираюсь.

Но как глянул второй подмастерье на его ноги и увидел, что вместо ноги у него лошадиное копыто, а другая нога человека, до не захотел с ним связываться. Но чорт сказал:

— Будьте спокойны, тут дело идет не о вас, а о душе совсем другого человека, тот уже наполовину принадлежит мне и скоро ему подойдет срок.

Подмастерья этому поверили и согласились, и чорт им объявил, что он от них потребует: должен был первый из них на всякий вопрос отвечать: «все мы втроем», второй: «за деньги», а третий: «и это правильно». Это они должны были повторять один вслед за другим, а больше ничего говорить не смели; но если они эту клятву нарушат, то вмиг все деньги у них исчезнут, а будут следовать своему обещанию, — будут у них карманы всегда полным-полны. Поначалу дал им чорт денег столько, сколько они нести были в силах, и велел им идти в город в такую-то харчевню. Пришли они в эту самую харчевню, вышел к ним на встречу хозяин и спрашивает:

— Не угодно ли вам будет чего покушать?

И ответил первый из них:

— Все мы втроем.

— Да, — сказал хозяин, — я так и полагаю.

Сказал второй:

— За деньги.

— Это само собой разумеется, — сказал хозяин.

И третий сказал:

— И это правильно.

— Верно, что правильно, — сказал хозяин.

Вот подали им хорошей еды и вина и стали им за столом любезно прислуживать. После еды надо было расплачиваться, Подает хозяин одному из них счет, а первый и говорит:

— Все мы втроем.

Второй:

— За деньги.

И третий:

— И это правильно.

— Верно, что правильно, — сказал хозяин, — платят все трое, а без денег я и подавать бы вам не стал.

И они заплатили ему еще больше того, чем он потребовал.

Увидели это гости и говорят:

— Эти люди, видно, с ума спятили.

— Да так оно и есть, — сказал хозяин, — они что-то не в своем уме.

Пробыли они некоторое время в харчевне и всё повторяли одно и то же: «Все мы втроем, за деньги, и это правильно». Но они видели и понимали всё, что тут происходило.

Случилось, что прибыл туда один богатый купец с большими деньгами и сказал:

— Хозяин, возьмите мои деньги на сохранение, а то вот эти трое чудаковатых подмастерьев, чего доброго, еще украдут их у меня.

Хозяин так и сделал. Но, относя дорожный мешок к себе в комнату, он смекнул, что тот полон золота. Он поместил троих подмастерьев спать внизу, а купцу отвел отдельную комнату наверху. Наступила полночь, и хозяин, решив что все уже спят, явился вместе со своей женой, был у них в руках топор для рубки дров, и они убили богатого купца. Совершили они убийство и снова спать улеглись. Когда наступило утро, поднялся в доме большой переполох: купец лежал мертвый в кровати и плавал в луже собственной крови.

Сбежались все гости, а хозяин и говорит:

— Это, должно быть, совершили те трое сумасшедших подмастерьев.

Гости с этим согласились и сказали:

— Не кто иной, как они.

Велел хозяин позвать подмастерьев и сказал им:

— Это вы убили купца?

— Все мы втроем, — сказал первый.

— За деньги, — ответил второй.

— И это правильно, — сказал третий.

— Вот слышите, — сказал хозяин, — они сами в том признаются.

Отвели подмастерьев в тюрьму и должны были их судить. Как увидели они, что дело идет не на шутку, стало им страшно; но явился в ночи чорт и говорит:

— Потерпите еще денек, да смотрите — не проиграйте своего счастья; ни один волос с головы у вас не упадет.

На другое утро привели подмастерьев на суд. Спрашивает судья:

— Вы убийцы?

— Все мы втроем.

— А зачем вы купца убили?

— За деньги.

— Ах, вы злодеи! — сказал судья. — Вы и греха не боялись?

— И это правильно.

— Ну, вы и сознались да, кроме того, вы злодеи закоренелые! — сказал судья. — Ведите их немедленно казнить.

Вот вывели их на площадь, и пришлось хозяину харчевни тоже стоять среди толпы. Схватили подручные трех ремесленников и взвели на помост, где стоял палач с обнаженным мечом. И вдруг подъезжает карета, запряженная четверкой огненно-рыжих коней, — они мчались так, что сыпались с мостовой искры, — и кто-то машет вдруг из окошка кареты белым платком.

Сказал палач:

— Это пришло помилование.

И раздался голос из кареты: «Помиловать! Помиловать!» И вышел оттуда чорт, будто важный какой господин, богато одетый, и говорит:

— Вы трое виновны; теперь вы можете говорить, так вот расскажите, что видели и слышали.

И сказал старший из подмастерьев:

— Мы купца вовсе не убивали, убийца стоит вон здесь в толпе, — и он указал на хозяина харчевни. — А в знак доказательства ступайте к нему в погреб, там висит еще много других, им убитых.

Послал судья туда подручных палача; они увидели, что так оно и есть, как сказал подмастерье, и доложили об этом судье. И велел судья звести хозяина харчевни на помост и отрубить ему голову.

И сказал чорт трем подмастерьям:

— Вот теперь у меня и есть та самая душа, которую мне хотелось заполучить, а вы отныне свободны; и денег вам хватит на всю вашу жизнь.

Королевич, который ничего не боялся

Жил-был однажды королевич, не хотелось ему больше оставаться дома у своего отца, а так как он ничего не боялся, то подумал: «Пойду я по белу свету странствовать, и не скучно мне будет, да и посмотрюся я на разные диковинные вещи». Попрощался он со своими родителями и ушел от них, и шел все напрямик с утра до самого вечера, и было ему все равно, куда путь ведет. Случилось так, что подошел королевич к дому одного великана; утомился он и сел у дверей отдохнуть. Стал королевич

по сторонам разглядывать и вдруг заметил во дворе у великана игрушку: были то два огромных шара и кегли в рост человека. В скором времени явилась у королевича охота поиграть в те кегли, он расставил их и начал сбивать их шарами, и когда кегли падали, он громко кричал, оттого что было ему весело. Услыхал великан шум, высунул голову в окно и увидел человека; и был тот ростом, как все люди, а однакож играл в его кегли.

— Эй ты, козявка! — крикнул великан. — Что это ты в мои кегли играешь? Откуда у тебя такая сила?

Посмотрел королевич вверх, оглядел великана и сказал:

— Ах ты, чурбан этакий! Что же ты думаешь, что у тебя одного только сильные руки? Я могу всё что захочу!

Сошел великан вниз, начал с удивленьем смотреть на игру в кегли и сказал:

— Если ты такой человек, то ступай и принеси мне яблоко с дерева жизни.

— А зачем оно тебе? — спросил королевич.

— Это яблоко я хочу не для себя, — ответил великан. — Есть у меня невеста, это она его требует. Ходил я, бродил немало по свету, но такого дерева отыскать никак не мог.

— Уж я его отыщу, — сказал королевич, — во что бы то ни стало!

Говорит великан:

— Ты думаешь, что это так уж легко? Сад, где растет дерево, обнесен железной оградой, и лежат у ограды в ряд дикие звери, они несут стражу и никого из людей туда не пускают.

— Меня они пропустят, — сказал королевич.

— Да, но если ты и попадешь в этот сад и увидишь висящее на дереве яблоко, то это еще не значит, что ты его сможешь сорвать: висит перед ним кольцо, и тот, кто захотел бы достать и сорвать яблоко, должен сначала просунуть в него руку, а это еще никому не удавалось.

— А мне удастся! — сказал королевич.

Прощался он с великаном и двинулся через горы и доли, поля и леса, и пришел, наконец, к волшебному саду. Лежали вокруг него звери, но они опустили головы вниз и спали. Они не проснулись и тогда, когда он к ним подошел и даже когда через них переступил. Вот перелез королевич через ограду и благополучно попал в сад. И росло там посредине дерево жизни, и сияли на ветках его красные яблоки. Он взобрался по стволу вверх, хотел было протянуть руку за яблоком, вдруг видит — висит перед ним кольцо; он легко просунул в него руку и сорвал яблоко. Но вдруг кольцо крепко зажалось вокруг руки, и тут королевич почувствовал, что могучая сила проникла в его жилы. Он спустился с яблоком вниз с дерева и не захотел перелезть через ограду, взялся рукой за большие ворота, — и

стоило ему только их потрясти, как они с треском растворились. Он вышел из сада, но проснулся лев, лежавший перед оградой, и бросился за королевичем, но не в дикой ярости, а пошел следом за ним покорно, как за своим хозяином.

Принес королевич великану обещанное яблоко и сказал:
— Вот видишь, я достал его без всякого труда.

Обрадовался великан, что его желание так быстро исполнилось, поспешил к своей невесте и дал ей яблоко, которое она требовала. Но девушка была и красавица и умница, она не увидела на руке у великана кольца и сказала:

— Я тебе до тех пор не поверю, что яблоко добыл ты, пока не увижу у тебя на руке кольца.

Сказал великан:

— Для этого мне надо вернуться домой, я его тебе принесу, — он думал, что кольцо легко будет отнять силой у слабого человека, если тот не отдаст его по доброй воле.

И вот потребовал великан у королевича кольцо, но тот отказался.

— Где яблоко, там должно находиться и кольцо, — сказал великан, — не отдашь его по доброй воле, придется тебе из-за него со мною сразиться.

Долгое время боролись они между собой, но великан не мог ничего поделать с королевичем: волшебная сила кольца делала его могучим. Тогда великан схитрил и сказал:

— Мне от борьбы стало жарко, да и тебе, пожалуй, тоже, — давай выкупаемся в реке и освежимся, а потом начнем снова.

Королевич, не подозревая никакого коварства, подошел с великаном к воде; но снял он вместе с одеждой и кольцо с руки и прыгнул в реку. Вмиг схватил великан кольцо и бросился бежать; но лев заметил вора, кинулся за великаном в погоню, вырвал из рук у него кольцо и принес его назад своему хозяину. Спрятался великан за дубом, и когда королевич одевался, он напал на него и выколол ему глаза.

И стоял теперь королевич слепой, не зная, что ему делать. Подошел к нему великан, опять схватил его за руку, собираясь его куда-то вести, и привел его на вершину высокой скалы. Он оставил его там, а сам подумал: «Стоит ему сделать несколько шагов, и он разобьется насмерть, и я смогу тогда снять с него кольцо». Но верный лев не покинул своего хозяина, он крепко схватил его за одежду и оттащил назад. Явился великан, хотел ограбить мертвого, но увидал, что хитрость его не удалась. «Неужто нельзя никак уничтожить такого слабого человечка!» — молвил он, разгневанный, про себя, схватил королевича и повел его снова другою дорогой, к пропасти. Но лев заметил злой умысел и помог хозяину выбраться из беды. Когда великан подвел слепого совсем близко к обрыву, он выпустил

руку королевича и хотел оставить его одного, но лев толкнул великана, и тот упал в пропасть и разбился.

Верный зверь оттащил своего хозяина от края пропасти и привел его к дереву, где протекал прозрачный, светлый ручей. Сел королевич у ручья, а лев улегся рядом и лапой обрызгал ему лицо. И только попало несколько капель королевичу в глаза, как смог он опять немного видеть; и вот он заметил птичку, которая ударилась о ствол дерева, потом спустилась к ручью, выкупалась в нем и, не коснувшись деревьев, взлетела, мелькнула, будто к ней снова вернулось зренье. Увидел королевич в этом знак божий, нагнулся к воде и омыл в ней лицо. Когда он поднялся, глаза его стали опять чистые и ясные, какими еще не были никогда.

Поблагодарил королевич бога за его великую милость и продолжал странствовать по свету вместе со своим львом. Случилось однажды, что пришел он к замку; а был тот замок заколдованный, и стояла в воротах замка дева, она была стройная, и лицо было у ней прекрасное, но вся она была черная. Она заговорила с королевичем и сказала:

— Ах, если бы ты мог расколдовать меня от злых чар!

— А что ж я должен для этого сделать? — спросил королевич.

И ответила дева:

— Ты должен провести три ночи в большом зале заколдованного замка, но ты не смей допускать к себе в сердце страх. Если тебя станут мучить самыми ужасными пытками и ты выдержишь, не проронив ни звука, я буду расколдована. Жизни отнять они у тебя не посмеют.

И сказал тогда королевич:

— Я не боюсь и с божьей помощью попытаюсь.

И вот он весело отправился в замок, и когда уже смерклось, он уселся в большом зале и стал дожидаться. До самой полночи было тихо, но вдруг поднялся большой шум, изо всех углов и закоулков явились маленькие чортики. Они сделали вид, будто его не замечают, уселись посреди комнаты, зажгли огонь и затеяли игру. Если кто проигрывал, тот говорил: «Это неправильно, здесь кто-то находится из чужих, это он виноват, что я проиграл». А другой чортик сказал: «Постой, вот я к тебе явлюсь; эй ты, там за печкой!» Крики становились при этом все сильней и сильней, и никто не мог бы их слушать без страха. Но королевич продолжал сидеть совершенно спокойный, и страха у него не было. Но вот, наконец, черти повскакали и накиннулись на него, и было их так много, что защищаться от них королевич был не в силах. Они таскали его по полу, щипали, колодили, били и всячески его терзали, но он и звука не проронил. Под утро они исчезли; но он так изнемог, что не в состоянии был и пошевелиться. И когда наступил рассвет, явилась к нему

черная дева, она держала в руках маленький пузырек с живою водой и обмыла его ею, и вмиг он почувствовал, что все боли исчезли и его жилы наполнились свежими силами.

Она сказала:

— Одну ночь ты выдержал удачно, но тебе предстоит еще две.

Потом она снова ушла; и когда она уходила, он заметил, что ноги у нее стали белые.

На следующую ночь черти явились опять и принялись за игру. Они нападали на королевича и колотили его куда сильнее, чем в прошлую ночь, и все тело у него покрылось ранами. Но оттого, что он выдержал все молча, им пришлось его оставить; и когда взошла утренняя заря, явилась дева и исцелила его живою водой. А когда она уходила, он с радостью увидел, что вся она стала белая.

Осталось ему выдержать еще одну ночь, но то была самая трудная. Чортовы привидения явились опять.

— А-а, ты еще здесь! — закричали они. — Сейчас тебя будут терзать и пытаться так, что ты задохнешься.

Они кололи его и били, бросали в разные стороны, таскали за руки и за ноги, будто собираясь его разорвать. Но он все вытерпел и звука не вымолвил. Наконец черти исчезли, а он лежал без чувств, не мог и пошелохнуться, даже глаз он не мог открыть, чтоб увидеть деву, которая явилась к нему и окропила и облила его живою водой. И вмиг он избавился от всяких болей и почувствовал себя свежим и бодрым, будто только что очнулся от сна. Он открыл глаза и увидел стоящую перед ним деву, и была она вся белоснежная и прекрасная, как ясный день.

— Вставай, — сказала она, — и трижды взмахни над порогом своим мечом, и все будет освобождено от злых чар.

И только он это сделал, весь замок был расколдован, и оказалась дева богатой королевной. Явились слуги и сказали, что в пиршественном зале накрыт уже стол и поданы блюда с едой. Уселись королевич с королевной за стол, ели и пили вместе, а вечером они отпраздновали в великой радости свадьбу.

Салатный осел

Жил-был когда-то молодой охотник, вышел он раз в лес поохотиться. На душе у него было весело и радостно, он сорвал листочек, стал на нем насвистывать, но явилась вдруг перед ним старая-престарая, уродливая старуха, заговорила с ним и сказала:

— Здравствуй, милый охотничек! Ты вон какой веселый и довольный, а я мучаюсь от голода и жажды, подай мне милостыньку.

Пожалел охотник бедную старушку, сунул руку в карман и подал ей что мог. Собрался он итти дальше, но старуха остановила его и говорит:

— Послушай, милый охотник, что я тебе скажу: хочю я за твое доброе сердце сделать тебе подарок. Ступай дальше своим путем-дорогой, и в скором временем ты подойдеш к дереву, будут сидеть на нем девять птиц, будут они держать в когтях плащ и вырывать его друг у друга. Ты возьми приложи ружье и выстрели как раз в середину: они сбросят тебе плащ на землю, но ты попадеш в одну из птиц, и она упадет мертвая наземь. Плащ ты возьми с собой, это плащ волшебный: если ты накинешь его себе на плечи, он выполнит все, что ты пожелаеш, и куда ты захочешь попасть, там и окажешься. А из мертвой птицы ты вынь сердце, проглоти его целиком, — и будеш каждое утро, когда проснешься, находить у себя под подушкой золотой.

Поблагодарил охотник вещь старуху и подумал про себя: «Чудесные вещи она мне наобещала, если бы только все это исполнилось». Но не прошел он и ста шагов, как услышал сверху на ветвях птичий крик и щебет. Он глянул наверх и увидел стаю птиц, которые рвали клювами и когтями какое-то покрывало, кричали, клевали одна другую и дрались между собой, будто каждая из них хотела захватить его себе.

— Вот удивительное дело, — сказал охотник, — выходит, как говорила старушка. — Он снял с плеча ружье, приложил его и выстрелил прямо в середину, и посыпались кругом перья. Вмиг все птицы с шумом разлетелись, но одна упала мертвая наземь, и плащ тоже упал на землю. Охотник сделал так, как велела ему старуха: распотрошил птицу, вынул у нее сердце, проглотил его, а плащ взял с собою домой.

На другое утро, только он проснулся, вспомнил про обещание и решил проверить, исполнилось ли оно. Он поднял подушку — и перед ним блеснул золотой. На другое утро он нашел еще золотой, и так было каждое утро, когда он просыпался. Он собрал целую кучу золота и, наконец, подумал: «На что мне все это золото, если сижу я все дома? Пойду-ка я странствовать, погляжу, что на белом свете делается».

Простился он со своими отцом-матерью, взял охотничью сумку и ружье и отправился странствовать по свету. Случилось ему однажды итти дремучим лесом и когда тот лес кончился, он увидел, что перед ним, на равнине, стоит стройный замок. Стояла у окна замка старуха с девушкой чудесной красоты и смотрела вниз. А была та старуха ведьмой, и молвила она девушке:

— Вон идет из лесу человек, у него внутри находится волшебный клад; надо бы этого человека, милая доченька, ввести в обман: тем кладом нам больше пристало владеть, чем ему. У него находится птичье сердце, и потому у него каждое утро под подушкой оказывается золотой. — Старуха объяснила девушке, как с этим делом справиться, какую надо повести с ним игру, а потом она пригрозила ей и сказала, гневно на нее поглядев:

— А если ты меня не послушаешься, то плохо тебе придется!

Подошел охотник ближе, увидел девушку и молвил про себя: «Я так долго бродил, что хотелось бы мне, наконец, отдохнуть, хорошо бы зайти в этот прекрасный замок, денег-то у меня вдосталь». Но, правду сказать, причиной тому было то, что увидел он издали прекрасную девушку.

Он вошел в замок; его приняли там радушно и любезно угощали. И вот прошло немного времени, и он так влюбился в ведьмину дочь, что ни о ком другом и думать не хотел, и все глядел ей в глаза и исполнял все, что она хотела. И сказала тогда старуха:

— А теперь надо отобрать у него птичье сердце, он и подорвать не будет, если его лишится.

Они приготовили зелье, и когда оно было готово, старуха подлила его в кубок, дала его девушке, и та должна была поднести его охотнику.

— Возьми, мой милый, — сказала девушка, — да выпей за мое здоровье.

Он взял кубок, и только выпил напиток, как тотчас выплюнул из себя птичье сердце. Девушка должна была его тайком унести, потом его проглотить, потому что старухе хотелось обладать тем сердцем. С той поры он перестал находить у себя под подушкой золотые, они оказались теперь под подушкой у девушки, и каждое утро старуха тот золотой забирала. А охотник так безумно влюбился в девушку, что думал только о том, как бы провести ему время вместе с ней.

И сказала старая ведьма:

— Птичье сердце у нас имеется, надо будет отобрать у него и волшебный плащ.

Девушка ответила:

— Давай мы плащ оставим ему, он и так лишился всего богатства.

Рассердилась старуха и сказала:

— Да это ведь плащ волшебный, такой редко на свете сыщется, я должна иметь его во что бы то ни стало.

Дала она девушке совет, что ей надо делать, и объявила, что если она ее не послушается, то плохо ей придется.

Сделала девушка так, как велела ей старуха. Стала она однажды у окна и начала смотреть вдаль, будто ей очень взгрустнулось. Спрашивает ее охотник:

— Чего ты стоишь тут пригорюнившись?

— Ах, мой любимый, — ответила девушка, — вон стоит гранатовая гора, и находятся в ней прекрасные драгоценные камни. И у меня такое большое желание их иметь, что когда я об этом думаю, мне становится очень грустно. Но кто может их добыть? На ту гору могут долететь разве одни только птицы, а человеку туда никогда не взобраться.

— Если ты только об этом и грустишь, — сказал охотник, — я твое горе развею.

Он обнял девушку, укрыл ее своим плащом и пожелал попасть на гранатовую гору, — и вмиг они уже сидели на ее вершине. Всюду сверкали благородные камни, и видеть это было так радостно; и вот отобрали они из них самые красивые и самые драгоценные. Но старуха начала колдовать, — и вдруг у охотника отяжелели глаза. Он сказал девушке:

— Давай немного посидим да отдохнем, я так устал, что стоять больше не в силах.

Они уселись на земле, и он положил ей голову на колени и уснул. Только он уснул, отвязала девушка у него с плеч плащ, набросила его на себя, собрала гранаты и разные камни и пожелала вернуться с ними домой.

Когда юноша выспался, он очнулся и увидел, что возлюбленная его обманула и оставила его одного в диких горах.

— О, — сказал он, — как сильна на свете измена! — И сидел он в горе и печали, не зная, как ему теперь быть.

А принадлежала эта гора диким и страшным великанам, они там жили и занимались разбоем. Просидел охотник недолго и вскоре заметил, что к нему приближаются трое из них. Он улегся на землю, будто погруженный в глубокий сон. Вот подошли великаны, первый из них толкнул его ногой и сказал:

— Что это за червяк лежит тут на земле и все поглядывает?

Второй сказал:

— А ты его раздави ногой.

Но третий презрительно заметил:

— Да стоит ли это делать! Бросьте его, пусть себе живет; остаться здесь он все равно не сможет, а если подыметесь на самую вершину горы, его подхватят облака и утащат за собой.

Поговорили они так и прошли мимо, но охотник эти слова хорошо запомнил; и как только великаны ушли, он поднялся и взобрался на вершину горы. Просидел он там некоторое время, и вот подплыло облако, схватило его и понесло. Облако блуждало некоторое время по небу, потом стало опускаться, и спустилось над большим, обнесенным стеной огородом, и охот-

ник мягко опустился на землю, прямо среди капустных грядок и овощей.

Огляделся охотник и говорит:

— Вот если бы мне теперь чего-нибудь покушать! Я так проголодался, что итти дальше мне будет трудно, а здесь не видно ни яблок, ни груш, ни ягод каких-нибудь, растет одна только зелень. Наконец он подумал: «В крайнем случае я мог бы поесть салата, — правда, он не особенно вкусный, но он все же меня подкрепит». Он выбрал себе хороший пучок и принялся есть; но только проглотил он несколько листьев, как вдруг стало у него на душе так странно, и он почувствовал, что совершенно изменился. У него выросли четыре ноги, большая голова, два длинных уха, — и он в ужасе увидел, что обратился в осла. А так как он все еще чувствовал большой голод и по его теперешней натуре салат пришелся ему как раз по вкусу, он принялся за него с большой жадностью. Наконец он попал на другой сорт салата, и только он немного его поел, как почувствовал снова превращение, и к нему вернулся опять его человеческий образ.

Прилег охотник на землю, выспался как следует, и усталость у него прошла. Проснулся он на другое утро, сорвал пучок злого салата и пучок доброго салата и подумал: «Это поможет мне добиться своего и наказать неверность». Он спрятал оба пучка салата, перелез через стену и направился на поиски замка своей возлюбленной. Он проблуждал несколько дней, но, по счастью, нашел его снова. Он быстро выкрасил себе лицо в смуглый цвет, и его не узнала бы даже родная мать, потом направился в замок и попросил там ночлега.

— Я устал, — сказал он, — и дальше итти не в силах.

Ведьма спросила:

— Земляк, а скажи мне, кто ты такой? Чем ты занимаешься?

Он ответил:

— Я скороход королевский, был послан на поиски самого вкусного салата, какой только растет на земле. И мне повезло его найти; теперь я несу его с собой, но солнце печет так сильно, что я опасюсь, как бы нежный салат не увял, и не знаю, смогу ли его донести.

Как услышала старуха про вкусный салат, ей захотелось его отведать, и она сказала:

— Милый земляк, дай мне попробовать этого чудесного салата.

— Что ж, можно, — ответил он. — Я захватил с собой два пучка, один из них готов вам отдать, — он развязал свою сумку и подал ей злой салат.

Ведьма не подозревала ничего дурного, и при виде нового кушанья у ней потекли слюнки, и она сама отправилась на кухню

и начала его готовить. Когда салат был готов, она никак не могла дождаться, пока он будет подан на стол, взяла два листочка и сунула их в рот. Но только она их проглотила, как потеряла тотчас свой человеческий образ, обратилась в ослицу и бросилась во двор. Пришла на кухню служанка, видит — стоит приготовленный салат; хотела было его отнести, но ей так захотелось его отведать, что она, по своей старой привычке, съела несколько листков. Колдовство тотчас подействовало, и она тоже обратилась в ослицу и бросилась к старухе, а блюдо с салатом упало на землю.

Скороход сидел в это время у красивой девушки; салата никто не приносил, а девушке тоже очень хотелось его отведать, и она спросила:

— А где же салат?

Охотник подумал: «А трава, видно, уже подействовала», и ответил:

— Я пойду на кухню, узнаю.

Спустился он вниз, видит — бегают во дворе две ослицы, а салат лежит на полу.

— Хорошо, — сказал он, — две свою долю уже получили, — и он подобрал с пола листья салата, положил их на блюдо и принес красивой девушке.

— Чтоб вам долго не дожидаться, — сказал он, — я сам вам принес эту вкусную еду.

Она съела салат и вмиг, как и те две, потеряла свой человеческий вид, обратилась в ослицу и убежала во двор.

Умыл тогда охотник лицо, чтоб обращенные в ослиц могли его узнать, спустился во двор и сказал:

— Теперь получайте награду за вашу неверность, — и он привязал всех трех на веревку, повел за собой и пришел на мельницу.

Он постучался в окошко, высунул оттуда голову мельник и спросил, что ему надо.

— Да вот есть у меня три строптивых ослицы, — ответил он, — я не хочу их держать больше у себя. Ежели вы согласитесь взять их себе, предоставит им корм и стойло и обращаться с ними так, как я вам скажу, я заплачу вам за это сколько вы потребуете.

Мельник сказал:

— Что ж, я согласен. А как же я должен с ними обращаться?

И охотник объяснил, что старую ослицу, — а была то ведьма, — он должен бить трижды в день, а кормить один раз; ослицу помоложе, — а была то служанка, — он должен бить один раз в день, а кормить трижды; самую молодую, — а была то девушка-красавица, — бить не надо, а кормить следует ее триж-

ды в день, — охотник никак не мог пересилить своего сердца и допустить, чтобы девушку били. Потом он вернулся назад в замок, и там оказалось все, что ему было надо.

Спустя несколько дней явился старый мельник и сказал, что должен, мол, доложить, что старая ослица, получавшая одни только побои, а корм один раз в день, околела.

— А две остальных, — продолжал он, — хотя и не околели еще и свой корм получают три раза на день, но так загрузили, что проживут, пожалуй, недолго.

Сжалился тогда охотник, гнев у него поостыл, и он сказал мельнику, чтобы тот привел их сюда. Как только ослицы явились, дал он им поесть доброго салата, и они опять обратились в людей. Бросилась прекрасная девушка перед ним на колени и сказала:

— Ах, мой любимый, простите мне все, что я причинила вам злого, это меня заставляла делать моя мать; это вышло против моей воли, а я люблю вас от всего сердца. Ваш волшебный плащ висит здесь, в шкафу, а чтоб вернуть вам птичье сердце, я выпью рвотного лекарства.

Но в мыслях у него было теперь совсем другое, и он сказал:

— Пусть оно остается у тебя, теперь мне это все равно, я хочу, чтоб ты стала моей верной женой.

И вот справили они свадьбу и прожили счастливо вместе до самой смерти.

Лесная старуха

Раз проезжала одна бедная служанка со своими господами через дремучий лес; и вот, когда они находились в самой его середине, выскочили вдруг из лесной чащи разбойники и поубивали всех, кого удалось им схватить. И погибли все, — только одна девушка и успела, выскочив со страху из кареты, спрятаться за деревом. Когда разбойники ушли со своей добычей, она вышла из-за дерева и увидела, какое несчастье случилось. Заплакала она горькими слезами и говорит: «Что же мне теперь, бедной, делать? Не знаю я, как мне из лесу выбраться, ведь тут ни одной живой души не найти, видно придется мне с голоду пропадать». Вот пошла она искать дорогу, но найти ее не могла, а между тем уже за вечерело, и села она под деревом, отдав себя на волю господню, и решила так здесь и сидеть и никуда не уходить, чтоб там ни случилось. Вот сидит она, и

вдруг прилетает к ней белый голубок, держа в клюве маленький золотой ключик. Положил он ей ключик в руку и молвил:

— Видишь, вон стоит большое дерево, есть в нем замочек, ты отомкни его этим ключиком, и найдешь там много всякой еды, и не придется тебе тогда голодать.

Подошла девушка к дереву, отърыла его тем ключиком и нашла в маленькой мисочке молоко и белый хлеб; накрошила она его в молоко, поела и выпила, наелась досыта и говорит:

— Время уже такое, что и куры на насест садятся, а я утомилась, вот пора бы и мне тоже лечь в свою постель.

И прилетел снова белый голубок, и принес в клюве второй золотой ключик, и молвил:

— Отомкни вон то дерево, и найдешь ты в нем себе постель.

Отомкнула она дерево и нашла хорошую, мягкую постельку. Помолилась она богу, чтоб охранил он ее в ночи, и легла она и уснула. Прилетает наутро в третий раз голубок, приносит ей снова ключик и говорит:

— Отомкни вон то дерево, и найдешь ты в нем платье.

Отомкнула она дерево и нашла в нем шитые золотом и украшенные драгоценными камнями платья, каких не найти ни у одной королевы. Так и жила она там до поры до времени, и прилетал всякий день голубок и доставлял ей все, что было ей надо; и то была тихая, хорошая жизнь.

Но прилетел раз голубок и спрашивает:

— Согласна ли ты оказать мне одну услугу?

— Да, я охотно окажу тебе услугу, — сказала девушка.

И молвил тогда голубок:

— Я поведу тебя к небольшой избушке, ты войди в нее и увидишь там у очага старуху; она скажет тебе «здравствуй», но ты ей не отвечай, что бы она ни делала; по правую руку от нее будет дверь, ты открой ее и войди в комнату; будет лежать там множество разных колец, и будут среди них великолепные кольца с блестящими камнями, но ты их не трогай, а выбери себе самое простое и принеси его мне как можно скорей.

Пошла девушка к избушке, подошла к двери, видит — сидит там старуха; удивилась она, увидав девушку, и говорит:

— Здравствуй, дитя мое, — но та ей ничего не ответила и пошла прямо к двери.

— Ты куда? — крикнула старуха, схватила ее за юбку и хотела было удержать. — Это мой дом, сюда против моей воли никто входить не смеет.

Но девушка, не сказав ни слова, вырвалась от нее и вошла прямо в комнату. И лежало там на столе великое множество разных колец, они сияли и сверкали; и стала девушка рыться в

груде колец, ища самого простого, но такого она найти никак не могла. Вот ищет она кольцо и вдруг замечает, что старуха уходит, крадучись, из комнаты, держа в руках птичью клетку. Подошла тогда девушка к ней, взяла у нее из рук клетку, подняла ее, посмотрела, видит — сидит в ней птица и держит в клюве простое кольцо. Взяла девушка то кольцо, обрадовалась, бросилась из той избушки бежать, думая, что вот-вот прилетит за кольцом белый голубок; но он все не прилетал. Прислонилась тогда девушка к дереву и стала белого голубка дожидаться. Вот стоит она у дерева, и становится оно вдруг гибким и склоняет вниз свои ветки. И вдруг обвилися ветки вокруг нее, и стали они руками; оглянулась она, видит — обратилось дерево в прекрасного юношу, он обнял ее, нежно целуя, и сказал:

— Ты освободила меня от заклятья и от власти старухи, злой ведьмы. Она обратила меня в дерево, но каждый день я бывал по нескольку часов белым голубем, и пока кольцо было у нее, я не мог вернуть свой человеческий облик.

И освободились от злого заклятья заодно и его слуги и кони, что были тоже обращены в деревья, — и стояли они теперь рядом с девушкой. А затем поехали они к нему в королевство, ведь был тот юноша королевичем, и поженились они и стали жить и поживать припеваючи.

Три брата

Жил-был на свете человек, было у него три сына, и все имущество его состояло из одного только домика, в котором он и жил. И хотелось каждому из сыновей после смерти отца получить этот дом, но отец любил всех троих одинаково и не знал, как ему поступить, чтобы никого из них не обидеть. А продавать дома он не хотел, потому что дом тот достался ему еще от прадедов; а то можно было бы его продать, а деньги между ними поделить. И вот надумал он, наконец, как ему поступить, и говорит своим сыновьям:

— Ступайте вы странствовать по белу свету, попытайте счастья, и пусть каждый из вас научится какому-нибудь ремеслу. А когда вернетесь домой, то дом получит тот, кто окажется лучшим мастером.

Сыновья этим решением остались довольны; и порешил старший из них стать кузнецом, средний — цырюльником, а

младший — фехтовальщиком. Сговорились они о сроке, когда они должны вернуться снова домой, и двинулись затем в путь-дорогу.

Случилось так, что каждый из них нашел себе опытного мастера, у которого он и мог хорошо выучиться ремеслу. Кузнецу пришлось подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, уж теперь дом я получу наверняка». Цырюльник брил все знатных господ и тоже думал, что дом будет его. Фехтовальщик не раз получал удары, но он все это переносил терпеливо и духом не падал, думая про себя так: «Если ты будешь бояться ударов, то дома ты никогда не получишь». И вот пришел назначенный срок, и все они снова вернулись в своему отцу, но они не знали, как найти им случай, чтобы показать свое мастерство. Вот сидят они раз и между собой советуются. Сидят они и видят — бежит по полю заяц.

— Э-э, — говорит цырюльник, — а он кстати явился!

Взял он чашку и мыло, повертел помазком, взбил пену, и когда заяц подбежал ближе, намылил его на бегу и на бегу же выбрил ему бородку, и при этом не порезал его, и сделал все это так ловко, что не причинил ему никакой боли.

— Это мне нравится, — сказал отец, — если братья твои не превзойдут тебя в мастерстве, то дом будет твой.

А тут вскоре проехала на полном ходу карета, и сидел в ней какой-то господин.

— Вот вы, батюшка, сейчас увидите, что я умею делать, — говорит кузнец.

Кинулся он вслед за каретой, сорвал у лошади на полном ходу все четыре подковы и подбил ей тотчас на ходу четыре новых.

— Ты парень ловкий, — сказал отец, — дело свое ты исполнишь не хуже, чем твой брат; я уж и не знаю, кому мне дом отдать-то.

Тогда говорит третий:

— Дозвольте и мне, батюшка, доказать свое мастерство.

А тут как раз начал итти дождь. Вытащил он свою шпагу и стал ею размахивать пад головой так, что ни одна капля не могла на него упасть; а когда дождь пошел еще сильнее и перешел, наконец, в ливень и целые потоки уже лили с неба, стал он размахивать своей шпагой все быстрее и быстрее, и остался совершенно сухим, точно сидел он под крышей. Увидал это отец, диву дался и говорит:

— Ты показал самое большое мастерство, дом отдаю я тебе.

Братья, как и обещали друг другу, решеньем остались довольны, а так как они очень любили друг друга, то порешили жить в доме все вместе; и стали они заниматься каждый

своим ремеслом, — а делу были обучены они хорошо, и мастера были опытные, вот и зарабатывали они много денег. Так жили они счастливо до самой своей старости все вместе, и когда один из них заболел и умер, то двое других стали о нем грустить, да так, что сами с горя заболели и вскоре умерли. А так как были они мастера опытные и крепко любили друг друга, то и похоронили их всех вместе в общей могиле.

Чорт и его бабушка

Была некогда большая война, и было у короля много солдат, но жалованья он платил им мало, и на жалованье это существовать они никак не могли. Вот и сговорились трое из них бежать. И говорит один другому:

— Если нас поймут, то вздернут на виселицу; как же нам быть?

А другой говорит:

— Видите, вон большие хлебные поля; если мы там спрячемся, то ни один человек нас не отыщет, — войско туда не пойдет, ведь завтра ему в поход выступать.

Залезли они в густые хлеба, а войско все не уходит и не уходит и стоит около поля. Просидели они в хлебах целых два дня и две ночи подряд и так проголодались, что чуть было с голоду не померли; а выбраться — значит на верную смерть идти. Вот они и говорят:

— Да что толку в нашем побеге? Видно, придется нам здесь голодной смертью погибать.

Вдруг прилетел огненный дракон, спустился к ним и спрашивает их, чего это они тут спрятались? А они отвечают:

— Мы — трое солдат — с войны убежали оттого, что жалованье было нам малое, и придется нам с голоду помирать, ежели останемся мы тут лежать; а ежели выйдем отсюда, то придется нам на виселице качаться.

— Если хотите послужить мне семь лет, — сказал дракон, — то проведу я вас через войско, и никто вас не поймает.

— Что ж, выбора у нас другого нету, приходится соглашаться, — ответили солдаты.

И схватил их дракон в свои когти и переправил их по воздуху над войском, и снова спустил их на землю, далеко-далеко от тех мест; а был дракон не кто иной, как сам чорт. Дал он им маленькую плеточку и говорит:

— Коль ударите вы да шелкнете ею, то посыплется золота столько, сколько вам будет угодно; и жить вы сможете, как большие господа, держать лошадей да разъезжать в каретах; но пройдет семь лет, и будете вы принадлежать мне. — И подал он им книгу, в которой они все трое должны были в том расписаться.

— Но задам я вам сначала загадку, — говорит чорт, — если вы ее разгадаете, будете свободны и от власти моей избавлены.

Улетел от них дракон, и отправились они в путь-дорогу со своей плеточкой; денег теперь была у них целая уйма, заказали они себе барское платье и стали странствовать по свету. И всюду, где они бывали, жили они в радости и в довольстве, ездили на лошадях и в каретах, ели и пили в свое удовольствие, но зла никому не делали. Время пролетело у них быстро, и когда семь лет подходили уже к концу, стало двум из них очень страшно, но третий смотрел на все легко и просто, и говорит:

— Не бойтесь, братцы, ничего; неужто я такой дурак, что загадки той не разгадаю?

Вот вышли они в открытое поле, сели там, а двое из них и пригорюнились. Подходит к ним вдруг старуха и спрашивает, отчего это они такие грустные.

— Ах, да что тебе до того? Помочь ты нам все равно не можешь.

— А почему знать, — ответила она, — вы поведайте мне о своем горе.

И рассказали они ей о том, что были они в услужении у чорта почти целых семь лет, и давал он им золота сколько угодно, но расписались они в том, что будут ему подвластны, если спустя семь лет не смогут разгадать его загадки. И сказала старуха:

— Если вы хотите, чтобы я вам помогла, то пускай один из вас пойдет в лес; и придет он к рухнувшей скале, а скала та похожа на избушку, и надо в нее войти, — вот там и найдешь ты помощь.

А те двое грустных и подумали: «Это нас все-таки никак не спасет», и остались они сидеть, а веселый солдат поднялся и пошел прямо в самый лес, пока не нашел в скале избушку. И сидела в той избушке древняя старуха, а приходилась она чорту бабушкой; и вот спросила она его, откуда он и зачем сюда пожаловал. Он рассказал ей все, что случилось; солдат понравился ей, она его пожалела и обещала помочь. Подняла она большой камень, что лежал над погребом, и сказала:

— Ты спрячься сюда и все услышишь, что будет здесь говорить, — только сиди смирно и не шевелись. Когда явится дракон, я спрошу его насчет той загадки; мне он скажет все, а ты, смотри, примечай, что он ответит.

Ровно в двенадцать часов ночи прилетел дракон и потребовал еды. Бабушка накрыла для него стол и принесла напитки и еду; он остался этим доволен, и они ели и пили вместе. И стала она его расспрашивать, как прошел у него день и сколько он душ успел нынче заполучить.

— Да мне что-то сегодня не очень посчастливилось, — ответил он, — но вот поймал я трех солдат, — эти уж в моих руках.

— Э, три солдата, — сказала она, — те за себя постоят, они еще могут от тебя и удрать.

И сказал насмешливо чорт:

— Нет, они уж мои; я задам им такую загадку, какую они никогда не разгадают.

— А что это за загадка? — спросила она.

— Сейчас я тебе скажу: лежит в великом Немецком море мертвая мартышка — это и будет им вместо жаркого, а китовое ребро — вместо серебряной ложки, а старое пустое конское копыто будет им вместо рюмки.

Вот чорт лег спать, и отвалила тогда старая бабушка с погребка камень и выпустила оттуда солдата.

— Все ли ты хорошо запомнил?

— Да, — ответил солдат, — теперь я знаю достаточно и справиться сумею.

И пришлось ему бежать тайком другою дорогой, через окошко, чтобы поскорей вернуться к своим товарищам. Рассказал он им о том, как старая бабушка перехитрила самого чорта и как узнал он от него решение загадки. Тогда все повеселели, взяли свою плеточку и набили себе денег столько, что золотые так прямо по земле и катились.

Вот прошло, наконец, полностью семь лет, и явился чорт с книгою; показал он им, что они подписали, и говорит:

— А теперь я хочу забрать вас с собой в ад, там будет вам и обед. Если разгадаете, что на жаркое будет, — отпущу вас, и сможете вы уйти и взять с собой плеточку.

И начал отгадывать первый солдат:

— Лежит в великом Немецком море мертвая мартышка, — вот она и будет нам вместо жаркого.

Рассердился чорт, пробурчал: «гм, гм, гм» и спросил у второго:

— А что же будет вам вместо ложки?

— А китовое ребро, — оно и будет нам вместо серебряной ложки.

Скорчил чорт гримасу трижды хмыкнул и обратился к третьему:

— А знаешь ли ты, что будет вместо рюмки?

— Старое конское копыто, — оно и будет нам вместо рюмки.

И улетел от них чорт со страшным криком и потерял над ними всякую силу. И осталась у трех солдат плеточка, выбивали они денег столько, сколько хотели, и прожили они припеваючи до самой смерти.

Ференанд Верный и Ференанд Неверный

Жили-себе когда-то муж да жена, и пока были они богаты, детей у них не было. Но вот они обеднели, и родился у них сыночек. Но они никак не могли найти ему крестного, и решил тогда муж отправиться в ближнее местечко и посмотреть, не найдется ли там какого-нибудь человека. Повстречался ему на дороге бедняк и спрашивает его, куда он идет; тот ответил ему, что идет, мол, искать себе кого-нибудь в кумовья, что он беден, и никто поэтому не соглашается идти к нему в крестные.

— Что ж, — сказал бедняк, — ты беден, и я беден, пойду к тебе в кумовья. Но я так нищ, что дать ребенку ничего не могу. Ступай и скажи роженице, чтоб она несла ребенка сейчас же в церковь.

Пришли муж с женой в церковь, а нищий уж там их дождался, и назвал он ребенка Верным Ференандом.

Вот вышли они из церкви, а нищий и говорит:

— Что ж, разойдемся теперь по домам, подарить я вам ничего не могу, и вам дарить мне не полагается.

Но дал он матери ключ и сказал ей, чтоб, придя домой, она отдала бы его мужу: пусть хранит его, пока ребенку не исполнится четырнадцать лет, а тогда пусть он отправится в лес и разыщет там замок, к которому подойдет этот ключ, — и все, что в том замке окажется, то за ним и останется.

Исполнилось мальчику всего лишь семь лет, а вырос он большой да сильный. И вот пошел он однажды играть с другими мальчишками, и те стали хвалиться, сколько кто от крестного своего получил; а он ничем похвалиться не мог, воротился домой опечаленный и говорит отцу:

— Разве я вовсе ничего не получил от своего крестного?

— О, нет, — сказал отец, — ты получил ключ к тому замку, что будто стоит в лесу, ступай туда и отопри его этим ключом.

Вот пошел мальчик в лес, но ни о каком замке не было ни слуху ни духу.

Прошло еще семь лет, и когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, он вышел опять на розыски замка, вдруг видит — стоит замок. Он отпер его ключом, но ничего в нем не нашел, кроме сивого коня. Сильно обрадовался юноша, что у него есть теперь конь, мигом вскочил на него и помчался к своему отцу.

— Что ж, есть теперь у меня сивый конь, — сказал он, — поеду я по белу свету странствовать.

Выехал он из дому, едет по дороге, видит — лежит на пути перо для писанья, он хотел было его поднять, но подумал про себя: «Э, пускай оно себе лежит! Ведь куда ни приедешь, везде найдется перо для писанья, если потребуется». Только он отъехал от пера, вдруг слышит — кто-то его зовет: «Верный Ференанд, возьми меня с собой!» Он оглянулся, кругом никого нету, вернулся к перу и подобрал его. Поехал он дальше, и спустя некоторое время пришлось ему проезжать мимо реки, видит — лежит на берегу рыбка, широко разевает рот — дышать ей нечем; а он ей и говорит:

— Слушай, милая моя рыбка, я тебе помогу в воду выбраться, — взял ее за хвост и бросил в воду.

Высунула рыбка из воды голову и сказала:

— За то, что ты мне помог выбраться из грязи в воду, дам я тебе флейту. Если попадешь в беду, заиграй на той флейте, и я тебе помогу, а если ты в воду что упустишь, то я тебе вмиг из воды достану.

Поехал он дальше, попадаетея ему навстречу человек и спрашивает его, куда он едет.

— Да вот в ближайшее местечко.

— А как тебя звать?

— Верный Ференанд.

— Э, да у нас с тобой имена почти одинаковые, меня зовут Ференанд Неверный.

И они направились вместе в ближнее местечко, в харчевню.

Но плохо было то, что Ференанд Неверный умел с помощью разного колдовства выведывать все, о чем думает другой и что собирается делать. А в харчевне той была бойкая служанка, девушка лицом очень пригожая и держала себя любезно. Она влюбилась в Верного Ференанда — юноша был он красивый — и спрашивает его, далече ли он собирается ехать.

— Да вот хотелось бы мне по белу свету поездить.

Но она посоветовала ему остаться здесь и сказала, что живет в их стране король, который охотно бы взял его к себе на службу в слуги или в фореиторы, — пускай, мол, поступает к королю на службу. Ференанд ответил, что ему не хотелось бы итти и самому предлагать свои услуги. Тогда девушка сказала:

— О, я тебе все это сама устрою.

Она тотчас пошла к королю и спросила, не хочет ли он взять к себе на службу красивого слугу? Король очень этому обрадовался и велел Ференанду явиться к себе, и решил взять его к себе в слуги. А Ференанду больше хотелось быть фореитером, чтобы не разлучаться со своим конем; и взял его король в фореитеры. Как узнал о том Ференанд Неверный, говорит девушке:

— Скажи, не поможешь ли ты и мне поступить на службу?

— Отчего ж, я и тебе помогу, — сказала девушка. А сама подумала: «С таким человеком ссориться не следует, ему доверяться нельзя». Пошла к королю и устроила его слугой; и король остался этим доволен.

Когда однажды утром Ференанд Неверный одевал своего короля, тот все вздыхал и причитал: «Ох, если б моя невеста была наконец со мной!»

А Ференанд Неверный недолюбливал Верного Ференанда, и вот когда король стал однажды опять горевать и жаловаться, он и говорит ему:

— Да ведь у вас есть фореитер, вы и пошлите его за вашей возлюбленной, пускай он ее привезет, а если он этого не выполнит, то велите его казнить.

Тогда велел король позвать к себе Верного Ференанда и сказал ему, что там-то и там-то живет его возлюбленная, и что он должен ее привезти к нему, а не привезет, то придется его казнить.

Пошел Верный Ференанд на конюшню к своему сивому коню и стал на свое горе жаловаться и причитать: «Ох, какой я несчастный!» И вдруг говорит ему кто-то сзади: «Верный Ференанд, чего плачешь?» Осмотрелся он кругом, никого не увидел и продолжал попрежнему жаловаться: «Ах, мой милый сивый конек, видно придется мне с тобой расставаться, скоро мне умирать!» И окликает его кто-то опять: «Верный Ференанд, чего плачешь?» Тут-то он и заметил, что это его сивый конек говорит, и спрашивает он его: «Так это ты, мой конек? Неужто ты говорить умеешь?» И говорит: «Должен я ехать туда-то и туда-то, чтоб раздобыть королю невесту, так не знаешь ли ты, как мне с этим делом управиться?»

Говорит ему сивый конек:

— Ступай к королю да скажи, пускай даст тебе то, что ты попросишь, тогда ты достанешь ему невесту; если даст он тебе полный корабль мяса и полный корабль хлеба, то все дело устроится: живут там, за морем, огромные великаны, и если ты не привезешь им мяса, они тебя растерзают; а еще водятся там громадные птицы, они выклюют тебе глаза, если ты не привезешь им хлеба.

Тогда велел король всем мясникам страны резать скот, а всем хлебопекам печь хлеба, чтоб нагрузить ими полные корабли. Когда корабли нагрузили, говорит сивый конек Верному Ференанду:

— Ну, а теперь садись на меня и веди меня на корабль, а как явятся великаны, ты скажи им:

Тише, тише, великанчики мои,
Я заботился о вас,
Кое-что я вам припас.

А когда подлетят птицы, ты им опять-таки скажи:

Тише, тише, птички милые мои,
Я подумал и о вас,
Вам подарочки припас.

Великаны тогда тебе ничего не сделают, а ты подъедешь потом к замку, где лежит принцесса и спит.

Возьми с собой двух великанов, они тебе помогут; но смотри, не разбуди принцессу, пускай великаны перенесут ее на кровати прямо на корабль.

И случилось все так, как сказал сивый конек. Верный Ференанд отдал и великанам и птицам все, что для них привез; великаны были этим довольны и согласились перенести принцессу на кровати прямо на корабль. Когда она прибыла к королю, то сказала, что жить с ним вместе не может — до тех пор, пока ей не будут доставлены из замка ее письма, которые она там позабыла. Тогда, по наущению Ференанда Неверного, позвали Верного Ференанда, и велел ему король доставить из замка эти письма, — а не доставит, то будет казнен. Пошел он опять в конюшню, начал жаловаться и говорит: «Ах мой милый сивый конек, опять меня в путь посылают, что мне делать?» И сказал сивый конек, что надо опять нагрузить полный корабль грузом. И отплыл Верный Ференанд на нем, как и в прошлый раз, накормил великанов и птиц мясом и хлебом и этим их задобрил. Вот подошли они к замку, и сказал ему сивый конек, что должен Ференанд пройти в опочивальню принцессы, где на столе и лежат письма. Когда они плыли на корабле обратно по морю, уронил Верный Ференанд перо в воду, и молвил сивый конек: «Уж тут я тебе ничем помочь не могу». Тогда вспомнил Ференанд о своей флейте, начал на ней играть, и выплыла рыба, держа перо во рту, и подала его Ференанду. Наконец он привез письма в замок, где и была отпразднована свадьба.

Но королева не могла полюбить короля, потому что у него не было носа, а полюбился ей очень Верный Ференанд. Однажды, когда все придворные были в сборе, королева им объявила, что она, мол, умеет показывать разные фокусы, что может, напри-

мер, отрубить человеку голову и назад ее приставить; не желает ли кто испробовать? Но никто не хотел испытать на себе этот фокус первым, и пришлось тогда, по наущению Ференанда Неверного, согласиться на это Верному Ференанду. Отрубила ему королева голову и снова приставила ее на место, заживила ее, и остался вокруг шеи только шрам вроде красной нитки.

И вот спрашивает ее король:

— Скажи мне, дитя мое, где же ты такому искусству научилась?

— Да, я в этих делах искусница. Не хочешь ли и ты на себе испытать мое искусство?

— Да, хочу, — сказал он.

И она отрубила ему голову, а на место ее не приставила, то ли потому, что не сумела ее приставить, то ли сама голова на плечах у него не держалась. Так короля и схоронили, а королева вышла замуж за Верного Ференанда.

А он продолжал все разъезжать на своем сивом коне по белу свету; и когда ехал он раз на коне, тот сказал ему, чтоб отправился он на ближнее поле и трижды объехал бы его вокруг. Так Верный Ференанд и сделал, и поднялся конь тогда на дыбы и обернулся королевичем.

Железная печь

В те времена, когда заговоры еще помогали, был один королевич заколдован злой ведьмой, — он должен был сидеть в большой железной печи в лесу. Так провел он в ней долгие-долгие годы, и никто не мог его расколдовать. Однажды зашла в тот лес королевна, она заблудилась и не могла найти дороги назад в свое королевство. Девять дней блуждала она по лесу и наконец подошла к железному ящику. Вдруг раздался оттуда голос, который ее спросил:

— Ты откуда идешь и куда держишь путь?

Она ответила:

— Я потеряла дорогу в королевство своего отца и не могу выбраться из лесу.

И сказал голос из железного ящика:

— Я тебе помогу вернуться домой, и очень скоро, если ты мне поклянешься сделать то, что я потребую. Я — королевич, более знатного рода, чем ты, и хочу на тебе жениться.

Она испугалась и подумала: «Боже мой, да что же мне делать с железной печью?» Но так как ей очень хотелось

вернуться домой к отцу, то она поклялась сделать, что он потребует.

— Но ты, — сказал он, — должна будешь вернуться сюда, принести нож и провертеть в железе дыру.

Дал он ей провожатого, тот шел рядом с ней и все время молчал; спустя два часа он привел ее домой. Вот вернулась королева в свой замок, и была там большая радость, старый король бросился к ней на шею и стал ее целовать. Но она запечалилась и сказала:

— Ах, милый отец мой, что со мной приключилось! Я никогда бы не выбралась домой из дремучего леса, если б не набрела на железную печь; я поклялась ей в том, что вернусь к ней, ее расколдую и выйду за нее замуж.

Старый король так испугался, что чуть было не лишился чувств, — ведь она была его единственной дочкой. Пораздумали они и решили на том, что надо подменить королеву дочкой мельника; а была та красавицей. Они завели ее в лес, дали ей нож и сказали, что должна она железную печь продырять. Вот долбила она железо уже целые сутки, но поделать ничего не могла. Только начало светать, вдруг послышался из железной печи голос:

— Мне кажется, что уже утро.

И она ответила:

— Да, пожалуй, — мне слышится, как шумит отцовская мельница.

— Ты, стало быть, дочка мельника? Так убирайся отсюда прочь и скажи, чтоб пришла королева.

Она пошла и сказала старому королю, что тот, кто сидит в печи, ее не хочет, а зовет королевскую дочь. Испугался старый король, и заплакала королева. Но была у них еще дочь свинопаса, та была еще красивей дочери мельника; и вот решили дать ей червонец, чтоб пошла она к железной печи вместо королевы. Вывели дочку свинопаса в лес, и пришлось ей тоже скоблить железо целые сутки, но у нее ничего не вышло. Стало светать, и говорит голос из печи:

— Мне кажется, что уже утро.

Она ответила:

— Да, пожалуй, — я слышу, как играет рожок моего отца.

— Ты, стало быть, дочь свинопаса? Так убирайся отсюда и скажи, чтоб пришла королева, и объясни ей, что если она не явится ко мне, с ней случится то, что я ей сказал: все в королевстве рассыплется в прах, и не останется и камня на камне.

Услыхала это королева, заплакала, — но ничего не поделает, — пришлось ей сдержать свое обещанье. Попрощалась она с отцом, взяла нож и направилась прямо в лес, к железной печи.

Когда она пришла, принялась тотчас скоблить железо, и начало оно поддаваться, а прошло два часа, и успела проделать она дыру. Заглянула она внутрь и увидела — ах! — такого прекрасного юношу, весь он блистал золотом и драгоценными камнями; и он очень понравился ей. Она продолжала скоблить железо и проделала такую большую дыру, что он мог выбраться наружу.

И сказал он:

— Огненные ты моя, а я — твой; ты невеста моя, ты меня расколдовала.

И он хотел увести ее в свое королевство, но она попросила у него позволения побывать еще раз у отца, и королевич ей это позволил, но с условием, что она скажет отцу не больше трех слов, а потом вернется к нему назад в лес. Пошла она домой, но сказала больше, чем три слова; и вмиг исчезла железная печь и отодвинулась далеко-далеко за стеклянные горы да острые мечи. Но королевич был уже расколдован и не сидел в той печи взаперти. Потом попрощалась она со своим отцом, взяла с собой на дорогу немного денег и отправилась опять в дремучий лес на поиски железной печи, но ее было не найти. Девять дней она искала, и так сильно проголодалась, что не знала, как ей быть дальше, питаться в лесу было нечем. Вот наступил вечер, и взобралась она на дерево и решила там заночевать: она боялась диких зверей. Когда наступила полночь, она заметила вдали небольшой огонек и подумала: «Ах, вон там бы меня спасли», — она спустилась с дерева и пошла навстречу огоньку, но по дороге молилась. Подошла она к маленькой старой избушке, все вокруг нее поросло травой, и лежала перед избушкой небольшая кучка дров. «Ах, куда это я забрела?» — подумала она и заглянула в окошко, но ничего там не заметила, кроме больших и маленьких жаб, и стоял там стол; он был красиво убран яствами и вином, а тарелки и кубки были серебряные. Собралась она с духом и постучалась.

И тотчас кликнула толстая жаба:

Эй, моя зеленая,
Девка хромоногая,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?

Явилась маленькая жаба и открыла девушке дверь. И только та вошла, все приветствовали ее и пригласили садиться. Они спросили: «Вы откуда? Куда идете?» И она рассказала все, что с нею случилось: как нарушила она обещание не говорить больше трех слов, и что железная печка ушла вместе с королевичем, и что она собирается искать ее теперь до тех пор, пока не отыщет, хотя бы пришлось ей пройти и горы и доли.

И сказала тогда толстая жаба:

Эй, моя зеленая,
Девка хромоногая,
Костяной ноги собачка,
Ну, скачи, скачи живей,
Принеси ларец скорей.

Пошла маленькая жаба и притащила ей большой ларец. Потом покормили они девушку, напоили, привели ее к красиво убранной постели, а была та постель словно из шелка и бархата; и улеглась в нее девушка и, помолившись богу, уснула. Вот наступило утро, она поднялась; и дала тогда старая жаба ей три иглы из большого ларца и сказала, чтоб она взяла их с собой: они, мол, ей пригодятся, — ведь придется ей переходить через высокую Стекланную гору, через три острых меча и разливы речные. Если она все это пройдет, то вернет снова своего жениха. Потом дала она девушке еще три предмета и сказала, чтоб берегла она их как следует, — были то три большие иглы, колесо от плуга и три ореха. С этим и отправилась девушка в путь-дорогу. Когда она подошла к Стекланной горе, что вся была скользкая, она воткнула в нее три иглы и, опираясь на них ногами, все подымалась вверх, и так перешла она через гору. И когда девушка была уже на другой стороне, то она воткнула иглы в одном месте и хорошо его запомнила. Потом она подошла к трем острым мечам, стала на свое колесо от плуга и проехала через мечи. Наконец пришла она к большому речному разливу, и когда через него перебралась, она попала в большой прекрасный замок. Она вошла туда и попросилась принять ее на работу, будто она бедная девушка и хотела бы на работу наняться: она знала, что в замке находится королевич, которого она освободила в дремучем лесу из железной печи. И взяли ее за самую ничтожную плату в судомойки. А была у королевича на примете уже другая девушка, на которой он собирался жениться, он думал, что первая уже давно умерла. Вечером, когда она все перемыла и убрала и работу свою кончила, сунула руку в карман и нашла три ореха, которые ей дала старая жаба. Раскусила она один орех, собралась орешек съесть, глядь — а там пышное королевское платье. Услыхала об этом невеста, явилась и стала ее просить, чтоб та его продала, и говорит: «Такое платье вовсе не для служанки». А та говорит, что продать она его не продаст, а вот, если она позволит ей переспать одну ночь в комнате у ее жениха, то она готова платье ей уступить. Невеста ей это позволила, потому что платье было такое прекрасное и у нее подобного не было никогда.

Вот наступил вечер, и сказала невеста своему жениху:

— Захотелось глупой служанке выспаться у тебя в комнате.

— Если ты разрешишь, то и я согласен, — ответил он. Но она дала жениху стакан вина и подсыпала в него сонного зелья.

Пошел королевич вместе со служанкой спать в комнату, но он так крепко уснул, что она не могла его добудиться. Она проплакала целую ночь, все повторяя: «Я тебя вызволила из дремучего леса и из железной печи, я тебя искала и перешла через Стеклянную гору, через три острых меча, перешла через разливы речные, пока тебя, наконец, не нашла, а ты меня и слушать не хочешь!»

Слуги сидели за дверьми, слышали, как плакала девушка всю ночь напролет, и наутро рассказали об этом своему господину.

Когда на другой вечер она перемыла всю посуду, она раскусила второй орешек, — и оказалось в нем платье еще прекрасней. Как увидала его невеста, захотелось ей купить и это платье. Но продать его за деньги девушка не соглашалась и выпросила себе за него, чтоб дозволили ей переспать еще раз в комнате у жениха. Но невеста подсыпала ему сонного зелья, и он так крепко уснул, что услышать ничего не мог. Проплакала судомойка целую ночь, причитая:

— Я тебя вызволила из дремучего леса и из железной печи, искала тебя повсюду, перешла через Стеклянную гору, через три острых меча и разливы речные, пока тебя, наконец, не нашла, а ты и слушать меня не хочешь!

Слуги сидели за дверью и слышали, как плакала девушка целую ночь напролет, и наутро рассказали о том своему господину. И когда на третий вечер она все перемыла на кухне, раскусила она третий орешек, — и было в нем еще более прекрасное платье, было оно все из чистого золота выткано. Как увидала его невеста, захотелось ей, чтоб и это платье было ее. Но девушка согласилась его оддать только за то, чтоб ей дозволили в третий раз переспать в комнате у жениха. Но тот был теперь осторожней и велел сонный напиток выплеснуть. Как только девушка заплакала и начала причитать: «Мой любимый, я выручила тебя из дремучего, страшного леса и из железной печи», вскочил королевич и говорит:

— Ты моя настоящая невеста, ты — моя, а я — твой!

И он сел с ней в эту же ночь в карету, и они отобрали у фальшивой невесты платье, да так, что та уже больше и не поднялась. Подъехали они к речному разливу, переправились через него, а подойдя к трем острым мечам, уселись на колесо от плуга, а в Стеклянную гору воткнули три иглы. Так добрались они, наконец, до ветхой маленькой избушки; но только они туда вошли, как обратилась она в большой замок; и были все жабы расколдованы, оказались они королевскими детьми и были в боль-

шой-пребольшой радости. И отпраздновали свадьбу, и остались они жить в том замке, а был он куда больше отцовского замка королевны. Но старый король горевал, что ему приходится жить в одиночестве, и они поехали к нему, привезли его к себе, и стало у них отныне два королевства, и жили они в супружестве счастливо.

Тут взмахнула мышь хвостом,
Сказка кончилась на том.

Ленивая пряжа

Жил-был в одной деревне муж со своею женой, и была жена такая ленивая, что делать ничего никогда не хотела.

Даст ей муж что напрядь, бывало, а она пряжу не кончит. А если и напрядет, то не наматает, а оставит всю пряжу на гребне. Выбранит ее муж за это, а она спуску ему не даст и начнет говорить:

— Ой, да как же мне наматывать пряжу, если нет у меня мотовила! Ступай-ка сначала в лес да сделай мне мотовило.

— Ежели дело только за этим стало, — говорит муж, — я пойду в лес и принесу дерево для мотовила.

Испугалась жена, что если будет у мужа дерево, чтоб сделать из него мотовило, придется ей пряжу разматывать и начинать пряжу заново. Подумала она, пораздумала, кое-что надумала и побежала тайком в лес вслед за мужем.

Вот взобрался муж на дерево, чтоб выбрать и срубить подходящий кусок, а она спряталась внизу в кустах, где он заметить ее не мог, и как крикнет оттуда:

Кто дерево для мотовила рубит —
Умрет, а кто мотает — тот себя погубит.

Услыхал это муж, опустил топор и стал раздумывать, что бы это могло значить. «Э, да что там, — молвил он, наконец, — что может случиться? Это мне только послышалось, нечего на себя страх напускать». Взялся он снова за топор, хотел было начать рубить, а снизу опять, как закричит:

Кто дерево для мотовила рубит —
Умрет, а кто мотает — тот себя погубит.

Он бросил рубить, стало ему жутко и страшно. Начал он раздумывать, что бы это могло значить. Прошло немного вре-

мени, он опять успокоился и взялся в третий раз за топор, хотел было рубить. Но и в третий раз опять кто-то громко закричал:

Кто дерево для мотвила рубит —
Умрет, а кто мотает — тот себя погубит!

Этого было достаточно, чтобы он потерял всякую охоту рубить; и он поспешил спуститься с дерева и отправиться домой. А жена кинулась опрومتью окольной дорогой, чтоб вернуться домой раньше мужа. Вот входит муж в комнату, а она прикинулась, будто ничего не было, и спрашивает:

— Ну что, принес подходящее дерево для мотвила?

— Нет, — говорит он, — вижу, что дело с мотаньем пряжи не выйдет, — и рассказал ей о том, что случилось в лесу, и с той поры оставил жену с этим делом в покое.

Но вскоре начал муж сердиться опять на то, что в доме у них непорядок.

— Жена, — говорит он, — стыдно тебе, что готовая пряжа лежит на гребне.

— Знаешь что, — сказала жена, — так как нам не достать мотвила, то стань ты вот тут, а я нагнусь и буду гребень тебе подбрасывать, а ты будешь его бросать мне вниз, вот и получится у нас по крайней мере веревка.

— Да, пожалуй, — сказал муж.

Так они и сделали; и когда с работой покончили, говорит ей муж:

— Ну, вот мы пряжу и смотали, а теперь надо будет ее проварить.

Испугалась жена и говорит:

— Уж мы проварим ее завтра утром пораньше, — а сама опять кое-что надумала.

Поднялась она раным-рано, растопила печь и поставила на огонь котел, но вместо пряжи положила в него ворох пакли и начала ее варить. Потом подошла она к мужу, тот лежал еще в постели, и говорит ему:

— Мне надо отлучиться по делу, а ты вставай да за пряжей присмотри; она лежит в котле и вываривается. За ней надо вовремя присмотреть, ты поглядывай повнимательней, а то когда запоет петух, а ты не досмотришь, обратится пряжа в паклю.

Начал муж подыматься, решил времени не терять, быстро схватился и направился на кухню. Подошел он к котлу, глянул в него и, к ужасу своему, увидел в нем один лишь сплошной комок пакли. Промолчал бедный муж, ничего не сказал и подумал, что он прозевал, видно, и сам виноват в этом; и с той поры никогда уже больше не заговаривал он ни о прядеве, ни о пряже. Ну, скажи мне теперь сам, не скверная ли была у него хозяйка?

Четверо искусных братьев

Жил-был бедняк, и было у него четверо сыновей; вот когда они выросли, говорит он им:

— Милые дети, пора вам итти странствовать по свету, — ведь помочь вам я ни в чем не могу; собирайтесь да идите в чужие края и земли и научитесь там какому-нибудь ремеслу, а там оно уж видней будет, как себе дорогу дальше пробить.

Взяли четверо братьев дорожные посохи, попрощались с отцом и двинулись вместе к городским воротам. Прошли они часть дороги и подошли к перекрестку, где путь расходился в четыре разные стороны. И сказал тогда старший:

— Здесь мы должны расстаться, но спустя четыре года, в этот самый день, давайте сойдемся на этом самом месте, а за это время счастья своего поищем.

И вот каждый пошел своей дорогой; и повстречался старшему на пути человек, который его спросил, куда он идет и что собирается делать.

— Хочу какому-нибудь ремеслу научиться, — ответил старший. А человек и говорит:

— Ну, ступай вместе со мной, и будешь ты вором.

— Нет, — ответил старший, — теперь уж это ремесло за честное не почитается, и песне этой — один конец: языком на колоколе в поле болтаться.

— О, — сказал человек, — виселицы тебе бояться нечего: я тебя уж так обучу, что ни один человек тебя не поймает и следа твоего не разыщет.

Уговорил он его, и стал старший благодаря ему опытным вором, да таким ловким, что ничего от него и уберечь невозможно было: что уж взять захочет, то и возьмет.

Второй брат тоже повстречал человека, который спросил его то же самое: чему бы он хотел научиться.

— Да я еще и сам не знаю, — ответил он.

— Так ступай вместе со мной, и будешь ты звездочетом, — нет ничего лучше, и ничто от тебя не будет сокрыто.

Это ему понравилось, и стал он таким опытным звездочетом, что мастер по окончании ученья подарил ему на прощанье подзорную трубу и сказал ему так:

— В эту трубу ты сможешь увидеть все, что делается на земле и на небе, и ничто не останется перед тобою сокрытым.

А третьего брата взял к себе в обучение охотник и выучил его так хорошо всему, что относится к охотничьему делу, что

сделался тот ловким охотником. Подарил ему на прощанье мастер ружье и сказал:

— Оно бьет без промаха, — во что ни нацелишься, в то и попадешь.

И младший брат тоже повстречал человека, который с ним заговорил и спросил его, что он собирается делать:

— Есть ли у тебя охота сделаться портным?

— И слышать о том не хочу, — ответил юноша, — сидеть, согнувшись, с утра и до самого вечера да водить иглой туда и сюда, да утюжить, — нет, это мне не по душе.

— Да что ты, — ответил ему человек, — дело обстоит совсем не так, как ты себе представляешь. — У меня научишься ты совсем иному портняжному ремеслу, дело оно приличное, подходящее и весьма почетное.

Он уговорил юношу, и тот отправился с ним вместе и изучил портняжное дело весьма основательно. Дал портной ему на прощанье иглу и сказал:

— Ты ею сможешь сшить все, что тебе под руку подвернется, будь то мягкое, как яйцо, или твердое, как сталь; и получится так, будто сделано оно из цельного куска, и шва даже видно не будет.

Прошли четыре условленных года, и четверо братьев встретились в одно и то же время на перекрестке. На радостях они обнялись, расцеловали друг друга и воротились домой к своему отцу.

— Ну, — сказал обрадованный отец, — каким ветром вас опять занесло ко мне?

Они рассказали все, что с ними было и какому каждый из них выучился ремеслу. Сели они перед домом под большим деревом, а отец им и говорит:

— Ну, а теперь хочу я проверить, что каждый из вас умеет делать.

Поглядел он наверх и сказал среднему сыну:

— Вон, на макушке этого дерева, между двух веток, есть гнездо зяблика; скажи мне, сколько лежит в нем яиц?

Взял звездочет свою трубу, посмотрел наверх и ответил:

— Пять.

Говорит тогда отец старшему:

— Достань мне оттуда яйца, не потревожив птицы, которая на них сидит.

Взобрался ловкий вор наверх и вытащил из-под птицы пять яиц, а она ничего и не заметила и продолжала спокойно сидеть в гнезде; и он подал те яйца отцу. Отец взял их, положил на каждом углу стола по яйцу, а пятое положил на середину и сказал охотнику:

— Ты вот попробуй одним выстрелом расколоть все пять яиц пополам.

Приложил охотник ружье к плечу и расколочил яйца так, как сказал ему отец, — все пять, притом одним выстрелом. Должно быть, порох был у него такой, что стреляет в разные стороны.

— Ну, теперь твой черед, — обратился отец к четвертому сыну, — шей ты мне все эти яйца, а заодно и тех птенчиков, которые в них находятся, да сделай это так, чтоб от выстрела не было им никакого вреда.

Достал портной свою иглу и сшил все так, как велел ему отец. Когда он закончил, должен был вор те яйца положить снова в гнездо на дерево, — и положил он их под птицу, да так, что она этого не заметила. И вот высидела птичка все яйца, и через несколько дней вылупились из них птенцы, и на шейке у них оказалось по красной полоске, как раз там, где сшивал их портной ниткой.

— Да-а, — сказал старик своим сыновьям, — что ж, приходится вас хвалить да похваливать; время-то у вас прошло, видно, недаром, и кой-чему путному вы научились; не знаю уж, кому из вас отдать предпочтение. Вот выйдет случай искусство свое показать на деле, тогда оно видней будет.

А как раз вскоре после того пошла по всей стране большая тревога, что королеву похитил дракон. Король день и ночь об этом грустил и печалился и велел объявить, что тот, кто вернет ему дочь, получит ее в жены. Говорят тогда четверо братьев между собой: «Вот случай, когда мы могли бы себя показать». И они порешили выступить все вместе и освободить королеву.

— Я скоро узнаю, где она находится, — сказал звездочет; глянул он в свою подзорную трубу и говорит: — Я уже вижу ее; она далеко отсюда, сидит она на скале посреди моря, и охраняет ее дракон.

Отправился он к королю и попросил у него корабль для себя и своих братьев; вышел он с ними в море, и подплыли они к той самой скале. И сидела на ней королевна, а у ног ее лежал, положив ей голову на колени, дракон и спал.

Охотник и говорит:

— Стрелять я не решаюсь, а то, чего доброго, можно убить прекрасную девушку.

— Тогда уж я попробую свое средство, — сказал вор, подкрался он сзади и выпташил ее из-под дракона, и сделал это так тихо да ловко, что чудовище ничего не заметило и продолжало храпеть.

Обрадовались они, поспешили сесть с ней на корабль и вышли в открытое море. Но проснулся дракон и, не найдя королевы, погнался за ними и в ярости поднялся вверх на воздух. Он кружился уже над кораблем и хотел было на него опус-

тяться, но схватил охотник свое ружье, нацелился и выстрелил дракону прямо в сердце. Рухнуло чудовище замертво вниз, но было оно такое громадное и тяжелое, что, упав, разбило весь корабль в щепки. По счастью, им удалось схватить несколько досок, и поплыли они на них по широкому морю. И опять им угрожала большая опасность, но портной во-время схватил свою чудесную иглу и ловко, несколькими большими стежками, сшил все доски, сел на них, а затем собрал и все остальные обломки корабля. Потом он сшил и их, да так искусно и ловко, что вскоре корабль стоял снова под парусами, и они смогли счастливо вернуться домой.

И была великая радость, когда снова увидел король свою дочь. Он сказал четверым братьям:

— Один из вас получит дочь мою в жены, но кто это будет — решайте вы сами.

Вышел тогда между братьями яростный спор, ибо каждый домогался ее получить.

Звездочет говорит:

— Если бы я не увидел королевну, то все ваше старание и уменье были б напрасны, — поэтому принадлежит она мне.

Вор сказал:

— Да какой был бы толк в том, что ты ее увидел, если б я не вытащил ее из-под дракона, — поэтому принадлежит она мне.

Охотник сказал:

— Вас растерзало бы чудовище заодно с королевной, если бы пуля моя не попала, — поэтому она принадлежит мне.

А портной сказал:

— Если б я не сшил вам иглою корабль, то вы бы все потонули, — поэтому принадлежит она мне.

И вынес король такое решение:

— Каждый из вас имеет на нее равное право, и поэтому ни один из вас ее не получит, но дам я в награду каждому из вас по полкоролевства.

Братьям это решение понравилось, и они сказали:

— Лучше пусть будет так, чем быть нам между собой в раздоре.

Тогда каждый из них получил по полкоролевства, и жили они счастливо со своим отцом до той поры, пока это было угодно богу.

Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка

Жила-была женщина, и было у ней три дочери; старшую звали Одноглазкой, оттого что был у ней один только глаз на лбу; средняя звалась Двуглазкой, оттого что у ней, как и у всех людей, было два глаза; а младшую звали Трехглазкой, потому что было у ней три глаза, и третий был у нее посреди лба. И оттого, что Двуглазка выглядела так же, как и все остальные люди, сестры и мать очень ее не любили. Они ей говорили:

— Уж ты со своими двумя глазами никак не лучше простого люда, ты совсем не нашего роду.

Они постоянно толкали ее, давали ей платья поплоче, и приходилось ей есть одни только объедки, а они еще издевались над ней как только могли.

И вот пришлось Двуглазке однажды итти на поле пасти козу; но была Двуглазка очень голодна — поесть дали ей сестры совсем мало. Села она на меже и заплакала, да так стала плакать, что полились у нее из глаз слезы ручьями. И вот в горе глянула она, вдруг видит — стоит перед нею женщина и спрашивает ее:

— Двуглазка, чего это ты плачешь?

Двуглазка говорит:

— Как же мне не плакать? Очень уж не любят меня мои сестры и мать за то, что у меня, как и у всех людей, два глаза;

всё толкают меня, дают мне донашивать старые платья, и есть мне приходится только то, что от них остается. Сегодня дали они мне так мало поесть, что я осталась совсем голодная.

И говорит ей ведунья:

— Двуглазка, вытри слезы, я скажу тебе такое слово, что отныне ты никогда не будешь голодная, — стóит тебе только сказать своей козе:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и будет стоять перед тобой чисто убранный столик с самыми прекрасными кушаньями на нем, и сможешь ты есть, сколько твоей душе будет угодно. А когда наешься ты досыта и столик будет тебе не нужен, то скажешь ты только:

Козочка, ме-е,
Столик, на место! —

и он снова исчезнет.

И сказав это, ведунья ушла. А Двуглазка подумала: «Надо будет сейчас попробовать, правда ли то, что она говорит, уж очень мне есть хочется», и сказала:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!

И только вымолвила она эти слова, как стоял перед нею столик, накрытый белой маленькой скатертью, а на нем тарелка, нож и вилка, и серебряная ложка, а кругом самые прекрасные кушанья; и шел от них пар, и были они еще горячие, словно их только что принесли из кухни. Тогда Двуглазка прочитала самую короткую молитву, какую она знала: «Господи, не оставь нас во всякое время. Аминь», и села она к столу и стала есть. Наевшись досыта, она сказала, как научила ее ведунья:

Козочка, ме-е
Столик, на место!

И миг исчез столик и все, что стояло на нем. «Славное, однако, хозяйство», — подумала Двуглазка, и стало ей хорошо и весело.

Вечером, возвратясь домой со своей козой, нашла она глиняную миску с едой, что оставили ей сестры, но она к ней и не прикоснулась. На другой день вышла она снова со своею козой в поле и не стала есть тех крох, что ей оставили. В первый и во второй раз сестры не обратили на это никакого внимания, но так как это случалось всякий раз, то, наконец, они это заметили и сказали: «Что-то неладное творится с нашей Двуглазкой: каждый раз она оставляет еду, а раньше ведь все съедала, что

ей давали: она, должно быть, что-то придумала». И вот, чтобы узнать правду, было решено, что когда Двуглазка погонит козу на пастбище, с нею пойдет и Одноглазка, чтоб посмотреть, что она там делает и не приносит ли ей кто-нибудь еду и питье.

Собралась Двуглазка идти на пастбище, а Одноглазка подходит к ней и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть, хорошо ли ты пасешь козу, пасется ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Одноглазка, загнала козу в высокую траву и говорит:

— Одноглазка, пойдем сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Одноглазка, устала она от непривычной ходьбы по солнцепеку, а Двуглазка запела:

Ты не спишь, Одноглазка?
Ты уж спишь, Одноглазка?

И закрыла свой глаз Одноглазка и уснула. Увидала Двуглазка, что Одноглазка крепко спит и узнать ничего теперь не сможет, и говорит:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! --

и села она за столик, наелась-напилась досыта и молвила снова:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И миг все снова исчезло. Разбудила тогда Двуглазка Одноглазку и говорит:

— Одноглазка, что же ты, пасти козу собираешься, а сама-то уснула? Ведь она может вон куда забежать. Вставай, пора уж и домой возвращаться.

Пошли они домой, а Двуглазка опять к своей мисочке с едой так и не прикоснулась, и Одноглазка ничего не могла объяснить матери, почему та не хочет есть, и сказала в свое оправдание:

— А я-то на поле уснула.

На другой день и говорит мать Трехглазке:

— На этот раз надо будет пойти тебе да повнимательней проследить, что ест на поле Двуглазка, не приносит ли ей кто еду и питье, — должно быть, она ест и пьет тайком.

Подошла Трехглазка к Двуглазке и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть, хорошо ли ты пасешь козу и ест ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Трехглазка, и загнала козу в высокую траву и говорит:

— Пойдем, Трехглазка, да сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Трехглазка, устала она идти по солнцепеку, а Двуглазка и затянула свою прежнюю песенку и начала петь:

Ты не спишь всё, Трехглазка?

И вместо того чтобы спеть дальше:

Ты уснула, Трехглазка?

спела она по забывчивости:

Ты уснула, *Двуглазка?*

И все пела она:

Ты не спишь всё, Трехглазка?

Ты уснула, *Двуглазка?*

И закрылись у Трехглазки два глаза и уснули, но третий глаз не был песенкой той заговорен, и не уснул он. Хотя из хитрости Трехглазка его и закрыла, будто он спит, но он моргал и мог все хорошо видеть. Подумала Двуглазка, что Трехглазка уже крепко спит, и сказала она тогда свой заговор:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и напилась она и наелась досыта, а затем велела столику уйти:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

А Трехглазка все это видела. Тогда Двуглазка подошла к ней, разбудила ее и говорит:

— Э, да ты, кажется, спала, Трехглазка? Хорошо ты, однако, пасешь козу! Давай-ка пойдем домой.

Пришли они домой, а Двуглазка опять ничего не стала есть; вот Трехглазка и говорит матери:

— Ну, теперь я знаю, почему эта гордая девчонка ничего не ест; стоит ей только сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и тотчас является перед нею столик, уставленный самыми прекрасными кушаньями, — куда лучше, чем то, что едим мы здесь; а как наестся она досыта, то стоит ей сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, на место! —

и все снова исчезает. Я все в точности сама это видела. Два глаза она мне усыпила своим заговором, но тот, что у меня на лбу, к счастью не спал.

Стала тогда завистливая мать кричать на Двуглазку:

— Ты что ж это, хочешь есть лучше, чем мы? Я тебя от этого отучу! — Принесла она большой нож и ударила им козу прямо в сердце, и упала коза замертво наземь.

Увидала это Двуглазка, и ушла она с горя из дому, села в поле на меже и залилась горькими слезами. Вдруг смотрит она — стоит перед ней снова ведунья и говорит ей:

— Двуглазка, чего ты плачешь?

— Да как же мне не плакать! — отвечала она. — Заколола мать мою козочку, что, бывало, как скажу я ей ваш заговор, накрывала меня так чудесно каждый день столик; а теперь придется мне снова голодать да горе терпеть.

Говорит ей ведунья:

— Двуглазка, я дам тебе добрый совет: попроси своих сестер, чтобы отдали они тебе внутренности убитой козы, и закопай их у порога в землю, и будет тебе от того счастье.

Ведунья исчезла, а Двуглазка вернулась домой и говорит сестрам:

— Милые сестры, дайте мне что-нибудь от моей козы, хорошего куска я у вас не прошу, дайте мне только внутренности.

Засмеялись они и говорят:

— Это ты можешь, пожалуй, получить, если другого не просишь.

Взяла Двуглазка внутренности козы и закопала их вечером тайно, по совету ведуньи, возле порога.

На другое утро, когда все проснулись и вышли на порог, видят — стоит перед ними дивное дерево, листья у него все серебряные, висят между ними золотые плоды, — и такого прекрасного и драгоценного дерева не было еще во всем свете. Но они не могли понять, откуда могло ночью вырасти тут дерево. Только одна Двуглазка знала, что выросло оно из внутренностей козы, потому что стояло оно как раз на том самом месте, где закопала она их в землю.

Вот мать и говорит Одноглазке:

— Дитя мое, полезай на дерево да нарви нам с него плодов.

Взобралась на дерево Одноглазка, но только хотела она сорвать одно из золотых яблок, а ветка и выскользнула у нее из рук, — и не пришлось ей сорвать ни одного яблока, как она ни старалась.

Тогда мать и говорит:

— Трехглазка, ну, полезай ты, ведь тебе-то лучше видеть твоими тремя глазами, чем Одноглазке.

Спустилась Одноглазка с дерева, а Трехглазка на него взобралась. Но и Трехглазка оказалась не более ловкой, чем ее сестра; и как уж она ни глядела, а все же золотые яблоки никак не давались ей в руки. Наконец у матери нехватило терпенья, и она

сама полезла на дерево, но и ей, как и Одноглазке и Трехглазке, не удалось схватить ни одного яблока. Тогда говорит Двуглазка:

— Дозвольте мне полезть на дерево, может мне лучше удастся.

Хотя сестры и посмеялись: «Где уж тебе с твоими двумя глазами достать-то!» — но Двуглазка влезла на дерево, и вот золотые яблоки от нее не уходили, а падали сами к ней в руки, — и нарвала она их полный передник. Взяла мать у нее яблоки; и вот надо бы теперь Одноглазке и Трехглазке обращаться с бедной Двуглазкой лучше, чем прежде, но они стали ей завидовать, что только ей одной и удалось достать золотые яблоки, и стали они с ней обращаться еще хуже.

Стояли они раз все вместе у дерева, а на ту пору проезжал мимо молодой рыцарь.

— Скорей, Двуглазка, — крикнули ей сестры, — подезай под дерево, чтоб нам не пришлось за тебя стыдиться, — и они поспешили накрыть Двуглазку пустой бочкой, стоявшей около дерева, и попрятали туда же и золотые яблоки, которые она сорвала.

Вот подъехал рыцарь ближе, и оказался он красивым юношей. Он остановил коня, изумился, глядя на чудесное дерево, что было все из золота да серебра, и говорит сестрам:

— Чье это прекрасное дерево? Кто даст мне ветку с него, тот может потребовать от меня, чего захочет.

И ответили Одноглазка и Трехглазка, что дерево это принадлежит им и что они охотно сломают ему ветку с него. Но как они ни старались, а сделать этого не смогли, — ветки и плоды всякий раз от них ускользали. Тогда рыцарь и говорит:

— Странно, дерево ваше, а вы не можете и ветки с него сломать.

Но они стояли на том, что дерево все же принадлежит им. В то время как они разговаривали, выкатили Двуглазка из-под бочки два золотых яблока, и покатались они прямо к ногам рыцаря, — Двуглазка рассердилась, что Одноглазка и Трехглазка говорят неправду. Как увидал рыцарь яблоки, удивился и спросил, откуда они взялись. Одноглазка и Трехглазка ответили, что у них есть сестра, но она не смеет людям на глаза показаться, оттого что у ней только два глаза, как у всех простых людей. Но рыцарь потребовал, чтоб ее показали, и крикнул:

— Двуглазка, выходи!

И вот вылезла Двуглазка спокойно из-под бочки, и рыцарь был поражен ее дивной красотой и сказал:

— Ты, Двуглазка, наверное, можешь сорвать мне ветку с этого дерева?

— Да, — ответила Двуглазка, — это, конечно, сделать я могу, ведь дерево-то мое. — Взобралась она на дерево и легко сорвала ветку с красивыми серебряными листьями и золотым плодами и подала ее рыцарю.

Тогда рыцарь и говорит:

— Двуглазка, что мне дать тебе за это?

— Ах, — ответила Двуглазка, — я терплю голод и жажду, нужду и горе с раннего утра и до позднего вечера; я была бы счастлива, если бы вы взяли меня с собой и выручили бы меня из беды.

Тогда посадил рыцарь Двуглазку на своего коня и привез ее домой в свой отчий замок. Там одел он ее в прекрасные платья, накормил ее досыта. И полюбил он ее, и обвенчался с нею, и отпраздновали они свадьбу в великой радости.

Как увез прекрасный рыцарь Двуглазку, стали завидовать сестры ее счастью. «А волшебное-то дерево останется у нас, — думали они, — хоть и нельзя сорвать с него плодов, а все ж всякий будет останавливаться у нашего дома и к нам приходиться да его расхваливать, и кто знает, где найдешь свое счастье!»

Но на другое утро дерево исчезло, а с ним и их надежды. Глянула Двуглазка из своей светелки в окошко, видит — стоит

перед нею, к ее великой радости, дерево, — оно перешло следом за нею.

Долго жила Двуглазка в счастье и в довольстве. Но пришли раз к ней в замок две нищенки и попросили у ней милостыни. Глянула им в лицо Двуглазка и узнала в них своих сестер Одноглазку и Трехглазку, — они так обеднели, что пришлось им теперь ходить по дворам да выпрашивать кусок хлеба. Двуглазка позвала их к себе, приняла их ласково и о них позаботилась; и они от всего сердца раскаялись в том, что причинили своей сестре так много зла в молодости.

Красавица Катринелье и Пиф Паф Польштри

- **Д**обрый день, отец Голленте!
— Спасибо тебе, Пиф Паф Польштри.
— А нельзя ли на вашей дочке жениться?
— Что ж, можно, ежели матушка Малько¹ да брат Гогенштольц, сестра Кезетраут и красавица Катринелье согласны, то будь по-твоему.
— А где же матушка Малько?
— Сидит в коровнике и доит молоко.
— Добрый день, матушка Малько!
— Спасибо тебе, Пиф Паф Польштри.
— Нельзя ли будет на вашей дочке жениться?
— О, можно, ежели отец Голленте и брат Гогенштольц, сестрица Кезетраут да красавица Катринелье согласны, — то будь по-твоему.
— А где ж мне Гогенштольца-то найти?
— Дрова в чулане рубит, ты к нему пройди.
— Добрый день, братец Гогенштольц!
— Спасибо тебе, Пиф Паф Польштри.
— А нельзя ли на вашей сестрице жениться?
— О, можно, ежели отец Голленте, матушка Малько и сестра Кезетраут да красавица Катринелье согласны, — то будь по-твоему.
— А Кезетраут мне найти-то где же?
— В саду, она траву, должно быть, режет.

¹ Malcho, или Melkkuh, — дойная корова. (Примеч. переводчика.)

- Добрый день, сестра Кезетраут!
- Спасибо тебе, Пиф Паф Польштри.
- Нельзя ли мне на вашей сестрице жениться?
- Что ж, можно, ежели отец Голленте и матушка Малько, брат Гогенштольц да красавица Катринелье согласны, — то будь по-твоему.
- А где ж красавица Катринелье?
- Считает свои денежки перед смотрящими.
- Добрый день, красавица Катринелье!
- Спасибо тебе, Пиф Паф Польштри.
- Хочешь стать моею любушкой?
- Что ж, ежели отец Голленте и матушка Малько, братец Гогенштольц да сестрица Кезетраут согласны, — и я не против.
- Красавица Катринелье, а скажи мне, какое у тебя приданое?
- Четырнадцать пфеннигов деньгами наличными да долгу три с половиной гроша; сушеных груш с полфунта не менее, орехов целая горсть да полная горсть сушеных корнейев. Ну, что же! Плохое приданое, может? Пиф Паф Польштри, а какое ты ремесло знаешь? Ты, пожалуй, портной?
- Нет, куда лучше.
- Сапожник?
- Нет, куда получше.
- Пахарь?
- Нет, еще получше.
- Столяр?
- Нет, куда лучше.
- Может, кузнец?
- Нет, еще лучше.
- Ну, мельник тогда?
- Нет, еще получше.
- Да, никак, ты метельщик.
- Да, я самый и есть! А что ж, разве плохое это ремесло?

Лиса и лошадь

Была у одного крестьянина верная лошадь, она состарилась и работать уже совсем не могла, вот и бросил хозяин ее кормить и говорит:

— К работе ты, конечно, больше негодна, но я к тебе отношусь хорошо; если покажешь себя настолько сильной, что смо-

жешь принести мне льва, то я оставлю тебя жить у себя, а теперь убирайся прочь из моего стойла, — и он прогнал ее далеко-далеко в поле.

Запечалилась лошадь и пошла в лес, чтоб найти себе там хоть какое-нибудь пристанище от непогоды. Повстречалась ей лиса и говорит:

— Ты чего голову повесила и бродишь тут одна?

— Ах, — говорит лошадь, — скупость и верность никогда не живут вместе! Мой хозяин позабыл про мою верную службу, которую я несла ему долгие годы, а так как пахать я больше не в силах, он не хочет меня больше кормить и прогнал меня прочь.

— И нету у тебя никаких надежд?

— Плохи мои надежды! Он сказал, что ежели я настолько сильна, что смогу принести ему льва, он оставит меня у себя, но ему-то ведь хорошо известно, что этого сделать я не в силах.

Говорит лиса:

— А я тебе помогу, ты только ложись да протянись, и не двигайся, будто мертвая.

Лошадь так и сделала, как сказала ей лиса. Направилась лиса ко льву, — была у него поблизости пещера, — и говорит:

— Лежит вон там мертвая лошадь: пойдём вместе со мной, и ты сытно пообедаешь.

Отправился лев вместе с ней, они подошли к лошади, а лиса ему и говорит:

— Тут тебе будет все-таки не так удобно. Знаешь что, привяжу-ка я ее к тебе за хвост, и ты сможешь притащить ее в свою пещеру и там преспокойно съесть.

Этот совет льву понравился, он стал задом, чтоб лиса могла привязать к нему лошадь, и стоял не шевелясь. А лиса связала ему лошадиным хвостом ноги, да так крепко узлы поскручивала, что никакая сила не могла бы их разорвать. Только кончила она свою работу, похлопала по спине лошадь и говорит:

— Ну, тащись, сивка, тащись!

Вскочила лошадь на ноги и потащила за собой льва. Заревел лев, да так, что птицы по всему лесу от страха повзлетали; а лошадь хоть бы что: тот ревет, а она идет себе и тащит льва через поле к дверям своего хозяина. Увидал это хозяин и говорит лошади:

— Теперь ты можешь у меня оставаться, и будет тебе хорошо. — И кормил ее всегда досыта, пока она не окледела.

Стоптаные туфельки

Жил-был некогда король. Было у него двенадцать дочерей, одна другой красивей. Спали они все вместе в одной зале, и постели их стояли рядом; вечером, когда они ложились спать, король закрывал дверь и запирали ее на засов. А утром, когда он ее открывал, то всегда замечал, что туфли у дочерей все от танцев стоптаны, и никак он не мог понять, отчего это происходит. И велел король кликнуть клич по всему королевству, что тот, кто дознается, где это они по ночам танцуют, может выбрать одну из них себе в жены, а после его смерти стать королем. Но кто объявится, а в течение трех дней и ночей о том не дознается, тому голова с плеч долой.

Вот вызвался вскоре один королевич взяться за это отважное дело. Его хорошо приняли и вечером отвели в комнату, что находилась рядом с залой-опочивальней. Ему приготовили постель, и он должен был наблюдать, куда королевны уходят и где танцуют; а чтоб ничего они не смогли сделать тайком или уйти куда-нибудь в другое место, то двери в залу были оставлены открытыми. Но вдруг веки у королевича налились точно свинцом, и он уснул, а когда наутро он проснулся, оказалось, что все двенадцать королевен ходили куда-то танцевать, — туфельки их стояли в зале, но у всех на подошвах были протерты дыры. И на второй, и на третий вечер случилось то же самое: и вот отрубили королевичу без всякой жалости голову. Приходило потом еще много других, которые брались за это отважное дело, но всем им пришлось поплатиться жизнью.

И вот случилось, что один бедный солдат, который был ранен и служить больше не мог, направился в тот самый город, где жил король. Повстречалась ему на пути старуха, она спросила его, куда он идет.

— Да я и сам точно не знаю, — ответил солдат и в шутку добавил: — Есть у меня охота дознаться, где это и в самом деле королевны свои туфли во время танцев стаптывают, — вот, может, я и королем сделаюсь.

— Да это не так-то и трудно, — сказала старуха. — Ты не пей вина, что поднесут тебе вечером, и притворись, будто крепко спишь

Затем дала она ему небольшой плащ и сказала:

— Если ты наденешь его, то станешь невидимкой и сможешь тогда пробраться вслед за двенадцатью королевнами.

Солдат, получив добрый совет, решил приняться за это дело: набрался он смелости и к королю женихом объявился. Был он принят так же хорошо, как и другие, и на него тоже

надели королевские одежды. Вечером, как пришло время спать ложиться, отвели его в комнату рядом с опочивальней; и когда он собирался ложиться спать, пришла старшая королева и поднесла ему кубок вина; но он привязал к подбородку гуску, — вино все и впиталось, и он и капли не выпил. Затем лег он в постель, пожегал немного и начал храпеть, будто спит самым глубоким сном. Услыхали то двенадцать королевен, засмеялись, а старшая и говорит:

— И этому бы тоже не мешало жизнь свою побережь.

Затем они встали, открыли шкафы, ларцы и шкатулки и достали роскошные платья; стали перед зеркалами наряжаться и прыгать на радостях, что вскоре смогут они опять танцовать. Но одна из них, младшая, и говорит:

— Я не знаю, вы вот радуетесь, а у меня на душе как-то тяжело: должно быть, с нами случится какое-нибудь несчастье.

— Эх ты, пуганая ворона, — сказала ей старшая, — всего ты вечно боишься! Разве ты забыла, сколько уже королевичей здесь понапрасну побывало? Солдату я даже и не стала бы сонного зелья подносить, этот олух и так не прощется.

Вот королевны были уже готовы и глянули на солдата, а он глаза закрыл, не двинется, не шелохнется, и подумали они, что теперь уже бояться им нечего. Подошла старшая к своей кровати и постучала в нее; и опустилась тотчас кровать в подземелье, и сошли они одна за другой вниз через подземный ход, а впереди всех шла старшая. Солдат, видя все это, долго не мешкал, он набросил на себя свой плащ и спустился вниз вслед за младшей. Посреди лестницы он наступил ей слегка на платье, она испугалась и крикнула:

— Что это? Кто это схватил меня за платье?

— Да ты не выдумывай, — молвила старшая, — это ты, видно, за крючок зацепилась.

Вот сошли они все вниз и очутились в чудесной аллее, и были все листья на деревьях серебряные, и они все сияли и сверкали. Солдат подумал: «Возьму-ка я что-нибудь в знак доказательства», — и он отломил с дерева ветку; вдруг послышался страшный треск. Младшая вскрикнула:

— Тут что-то неладное, вы слышали треск?

Но старшая сказала:

— Это салютуют на радостях, что мы скоро освободим от чар наших принцев.

И они пошли затем по другой аллее, где листья на деревьях были все золотые, и, наконец, по трегей, где были листья все из чистых алмазов; и он отломил с обоих деревьев по ветке, и всякий раз дерево трещало, и младшая дрожала от страха, но

старшая настаивала на том, что это салютуют в знак радости. Пошли они дальше, и вот подошли, наконец, к большой реке; стояло у берега двенадцать лодок, и в каждой лодке сидело по прекрасному принцу, и они ждали своих двенадцать королевен, и каждый посадил королеву к себе в лодку, солдаты же сел вместе с младшей. А принц и говорит:

— Отчего это лодка вдруг стала сегодня тяжелее? Приходится мне грести изо всех сил.

— Это, пожалуй, — молвила младшая, — от жаркой погоды, и меня нынче что-то томит

И стоял на другом берегу красивый, ярко освещенный замок, доносилась оттуда веселая музыка, трубы и литавры. Переплыли принцы через реку, вошли в замок, и каждый из них стал танцевать со своей милой. Солдат тоже танцевал вместе с ними, никем невидимый, и когда одна из королевен держала кубок с вином, то он весь его выпивал до дна, только она подносила его ко рту; и страшно было от того младшей, но старшая все заставляла ее молчать. Так протанцевали они там до трех часов утра; и вот все туфельки истоптались от танцев, и пришлось им оставить свои пляски. Перевезли принцы их опять через реку, а солдат на этот раз сел на переднюю лодку, к старшей. На берегу они попрощались со своими принцами и пообещали им прийти снова на следующую ночь. Когда они всходили по лестнице, солдат забежал вперед и лег в свою постель; и когда двенадцать королевен медленно подымались, утомленные, по лестнице, он уже храпел, да так громко, чтоб все слышали; и они сказали: «Уж этого человека опасаться нам нечего». Сняли они свои красивые платья, спрятали их, стоптанные во время танцев туфельки поставили под кровать, а сами легли спать.

На другое утро солдат решил ничего не рассказывать, а еще раз поглядеть на это диво, — и вот ходил он и вторую и третью ночь с ними вместе. И все было так же, как и в первый раз, — они плясали до тех пор, пока туфельки не стаптывали. Но на третий раз взял он с собой в доказательство кубок. Вот наступило время ему отвечать, и взял он с собой и спрятал три ветки и кубок и пошел к королю, а двенадцать королевен стояли за дверью и слушали, что он скажет. Когда король стал спрашивать:

— Ну, сказывай, где мои двенадцать дочерей ночью все свои туфельки в плясках истоптали? — то солдат ответил:

— Вместе с двенадцатью принцами в подземном замке.

И рассказал он королю все, как было, и принес ему знаки доказательства.

Велел тогда король позвать своих дочерей и спросил их, правду ли говорит солдат? Видя, что все обнаружилось, и

если отпираться, то все равно ничего не поможет, они сознались во всем. Тогда король и говорит:

— Какую же ты хочешь взять себе в жены?

Он ответил:

— Я-то уж не молод, так отдайте мне старшую.

В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и все государство.

А принцы были снова заколдованы на столько дней, сколько ночей проплясали они вместе с двенадцатью королевнами.

Шестеро слуг

Давно тому назад жила старая королева. Была она колдунья, а дочка была у ней самая красивая девушка во всем свете. Но старуха помышляла только о том, как бы ей заманить людей в беду, и когда приходил жених, она говорила, что кто хочет получить ее дочь, тот должен выполнить сначала задачу, или погибнуть. Многие были ослеплены красотой девушки и отваживались на это дело, но выполнить, что поручала им старуха, они не могли, — и тогда уж не было им пощады: приходилось им становиться на колени, и рубили им головы с плеч. Услыхал один королевич про великую красоту девушки и говорит своему отцу:

— Дозвольте мне туда отправиться, я хочу за нее посвататься.

— Я никогда этого тебе не позволю, — ответил король, — если ты туда пойдешь, то уж назад не вернешься.

И вот слег королевич в постель, заболел смертельно и пролежал целых семь лет, и ни один лекарь не мог его вылечить. Понял отец, что нет больше никакой надежды, и молвил ему с тоскою в сердце:

— Отправляйся туда и попытай счастья, я не знаю, чем больше тебе помочь.

Как услышал это сын, поднялся с постели, сразу выздоровел и весело отправился в путь-дорогу.

И случилось так, что проезжал он на коне через пустошь и заметил издали, что лежит что-то на поле, будто большая копна сена; подъехал он ближе, видит — а это брюхо какого-то человека, который лежал на земле растянувшись; и было то брюхо похоже на небольшой пригорок. Как увидал толстяк пугника, поднялся во весь рост и сказал:

— Если вам нужен человек, возьмите меня к себе в слуги.

Королевич ответил:

— Да что же мне с таким увальнем делать?

— О, — сказал толстяк, — это еще что! Вот если я раздуюсь как следует, то стану в три тысячи раз толще.

— Раз так, — сказал королевич, — ты мне понадобишься, ступай вместе со мной.

Пошел толстяк вслед за королевичем; а спустя некоторое время нашли они и другого, тот лежал на земле, приложив ухо к траве.

Спросил королевич:

— Что ты тут делаешь?

— Прислушиваюсь, — ответил человек.

— К чему ты так чутко прислушиваешься?

— Прислушиваюсь к тому, что сейчас на свете творится; ведь от моих ушей ничто не скроется, мне даже слышать, как растет трава.

Спросил королевич:

— Скажи мне, что же ты слышишь при дворе старой королевы, у которой красавица-дочь?

Ответил тот:

— Слышу, как меч свистит, что голову с плеч жениху рубит.

Сказал королевич:

— Ты мне понадобишься, ступай вместе со мной.

Вот двинулись они дальше и в скором времени увидели, что лежат две ступни и ноги, а конца их и не видать. Проехали они немалое расстояние и подъехали, наконец, к самому туловищу, а потом и к голове.

— Эй, — сказал королевич, — а ты длинен, однако, как большой канат!

— О, — ответил долговязый, — это еще что! Если мне как следует вытянуться, то стану я в три тысячи раз длинней и побольше самой высокой горы на земле. И охотно готов вам служить, если вы только согласны взять меня к себе в услужение.

— Ступай вместе со мной, — сказал королевич, — ты мне понадобишься.

Отправились они дальше и повстречали на пути еще одного: тот сидел на дороге с завязанными глазами.

И сказал ему королевич:

— Что это у тебя — глаза больные, что ты на свет не можешь смотреть?

— Нет, — ответил человек, — я не могу снять повязки потому, что если я гляну на что глазами, то все разлетится в кус-

ки, настолько могуч мой взор. Если это вам может пригодиться, я готов вам охотно служить.

— Ступай вместе со мной, — ответил королевич, — ты можешь мне пригодиться.

Отправились они дальше и нашли по дороге человека, — тот лежал на самом солнцепеке и дрожал, его знобило так, что зуб на зуб не попадал.

— Как это может тебя знобить? — сказал королевич. — Ведь солнце греет так жарко.

— Ах, — ответил человек, — у меня совсем другая натура: чем жарче, тем я больше зябну и меня пробирает мороз до самых костей; а чем холодней, тем становится мне жарче; на льду я страдаю от зноя, а в огне от холода.

— Странный ты человек! — сказал королевич. — Но если хочешь мне служить, то ступай вместе со мной.

Вот отправились они дальше, видят — стоит человек, вытянул свою длинную шею и по сторонам глядит, и видно ему все, что за горами делается.

Сказал королевич:

— Куда это ты так пристально вглядываешься?

Ответил человек:

— У меня такое острое зрение, что я вижу все через леса и поля, горы и доли и через весь мир вижу.

Сказал королевич:

— Если хочешь, ступай вместе со мной, такого мне как раз и недостает.

И вот двинулся королевич со своими шестью слугами в город, где жила старая королева. Он не объявил, кто он такой, а сказал:

— Если вы согласны выдать за меня вашу красавицу-дочь, я выполню то, что вы мне зададите.

Обрадовалась колдунья, что попал к ней снова в сети такой прекрасный юноша, и сказала:

— Я задам тебе тройную задачу, если выполнишь каждую из них, станешь господином и мужем моей дочери.

— А какая же будет твоя первая задача? — спросил королевич.

— Ты должен достать мне мое кольцо, что уронила я в Красное море.

Пошел королевич домой к своим слугам и говорит:

— Первая задача не из легких: надо достать из Красного моря кольцо. Ну, как поступить?

Сказал тогда тот, у кого было острое зрение:

— Я посмотрю, где оно лежит.

Глянул он в глубь моря и сказал:

— Оно висит там на остром камне.

Отнес их долговязый в те края и сказал:

— Да я бы его достал, мне бы только увидеть, где оно.

— Если дело только за этим стало, то я смогу! — воскликнул толстяк и тотчас улегся на землю и подставил свой рот к самой воде; и двинулись волны к нему в рот, точно в пропасть какую, и он выпил целое море, и стало оно сухое, как луг. Нагнулся тогда Долговязый маленько и достал рукою кольцо. Обрадовался королевич, получив кольцо, и принес его старухе. Удивилась она и говорит:

— Да, это то самое кольцо и есть. Первую задачу ты выполнил удачно, а теперь черед за второй. Видишь, вон там на лугу перед моим замком пасутся триста откормленных быков, — ты должен их всех съесть заодно с шкурой и шерстью, костями и рогами; а впизу в подвале стоит триста бочек вина, — ты должен их все выпить; но если останется от быков хотя бы один волос, а от вина хоть одна капелька, прощайся тогда со своей жизнью.

Говорит королевич:

— А можно ли мне к себе гостей пригласить? Без людей-то и обед невкусен.

Засмеялась злобно старуха и ответила:

— Чтоб не быть тебе одному, можешь пригласить кого-нибудь, не больше одного.

Пришел королевич к своим слугам и сказал Толстяку:

— Нынче ты будешь моим гостем и уж паешься досыта.

И вот раздулся Толстяк и съел триста быков, так что и волоска не осталось, и спрашивает, нет ли еще чего закусить; потом выпил вмиг все вино из бочек, даже стакана не потребовалось, вылизал все, до последней капли на затычке.

Кончился обед, явился королевич к старухе и сказал ей, что вторая, мол, задача выполнена. Удивилась старуха и говорит:

— Этого еще ни один человек не мог выполнить, но остается еще одна задача. — А сама про себя подумала: «Уж ты от меня не уйдешь, не сносить тебе головы на плечах». — Нынче вечером, — сказала она, — я приведу к тебе в спальню свою дочь, ты должен ее там обнимать; а когда вы будете сидеть вдвоем, то, смотри, берегись, чтоб не уснуть: как пробьет полночь, я приду, и если не будет она в твоих объятьях, то погиб ты тогда.

Подумал королевич: «Это задача легкая, уж я и глаз не сомкну», но он все-таки кликнул своих слуг, рассказал им, что задала старуха, и говорит:

— Кто знает, какая за этим хитрость кроется; нужна осторожность, — вы стойте на страже и следите, чтоб девушка из моей спальни не вышла.

Наступила ночь, и явилась старуха со своей дочерью и

передала ее в руки королевичу. Протянулся тогда Долговязый вокруг них кольцом, а Толстяк стал у дверей, и ни одна живая душа проникнуть туда не могла бы. Сидели они там вдвоем, девушка и слова не молвила, светила луна в окно ей прямо в лицо, чтобы мог он видеть ее чудесную красоту. Он только и делал, что глядел на нее, был полон радости и любви, и глаза его не знали усталости. Так продолжалось до одиннадцати часов; но вот старуха напустила на всех свои чары, и все вдруг уснуло, и в этот миг девушка была похищена.

Проспали они крепким сном до без четверти двенадцать, и потеряло тогда колдовство свою силу, и они все проснулись опять.

— Ох, какое несчастье! — воскликнул королевич. — Теперь я погиб!

Верные слуги начали тоже причитать, но Слухач сказал: — Тише, дайте мне прислушаться.

Послушал он чуть и говорит:

— Она сидит на утесе, в трехстах часах ходу отсюда, и оплакивает там свою судьбу. Ты, Долговязый, только один и мог бы помочь, если бы протянулся во весь свой рост, — стоишь тебе сделать несколько шагов, и ты будешь там.

— Да, — ответил Долговязый, — но пускай идет вместе со мной Остроглазый, чтоб могли мы убраться скалу.

Посмотрел Долговязый на того, кто был с завязанными глазами, и в тот же миг, точно по мановенью руки, очутились они перед заколдованною скалой. Снял Долговязый у Остроглазого повязку с глаз, и только тот оглянулся, как развалилась скала на тысячи кусков. Взял Долговязый девушку к себе на руки и принес ее вмиг назад, он принес так же быстро и своего товарища; и не успело пробить двенадцать часов, как сидели они попрежнему и были веселые и бодрые. Вот пробило полночь, и подкралась старая колдунья, усмехнулась, будто желая сказать: «Теперь уж ты мой!» — она знала, что дочь ее сидит на скале, в трехстах часах ходу отсюда. Но как увидела она свою дочь в объятьях у королевича, испугалась и сказала:

— Этот будет посильнее меня!

Теперь уж отговариваться ей было нельзя и ей пришлось дать согласие выдать ее за него замуж. Но она успела шепнуть ей на ухо: «Стыдно тебе, что приходится простых людей слушаться и брать себе мужа не по любви».

Тогда исполнилось гордое сердце девушки гневом, и она решила отомстить. Она велела на следующее утро привезти триста вязанок дров и объявила королевичу, что хотя он и выполнил три задачи, но она не станет его женой до тех пор, пока кто-нибудь из них не согласится сесть на костер и выдержать

испытание огнем. Она думала, что никто из его слуг не согласится сгореть ради него и что из-за любви к ней он сам будет готов взойти на костер, — а тогда уж она от него избавится. Но слуги сказали:

— Мы все кое-что сделали, только один Мерзляк ничего не сделал, пускай он усядется на костер, — и они посадили его посреди сложенных дров и подожгли их. Запылало пламя, оно горело целых три дня, пока все дрова не сгорели, и когда пламя погасло, видят — стоит Мерзляк на пепле, дрожа как осиновый лист, и говорит:

— Ни разу за всю свою жизнь не испытывал я такого холода; если б это продолжалось дольше, я бы совсем окоченел!

И нечего было делать — пришлось прекрасной девушке взять в мужья неизвестного юношу. Вот поехали они в церковь, и говорит старуха: «Я не в силах вынести такого позора», и выслала вслед за ними свое войско, оно должно было уничтожить все, что встретится ему на пути, и вернуть ей назад ее дочь. Но насторожил уши Слухач и услышал тайные речи старухи.

— Как нам теперь быть? — спросил он у Толстяка.

Но тот уже знал, что делать он плюнул раз-другой — и разлилось позади кареты почти море, которое он когда-то выпил, и сделалось большое озеро, и войско в том озере и утонуло. Как доведася о том колдунья, выслала она своих закованных в броню всадников, но Слухач услышал звон и лязг их доспехов и снял у слуги с глаз повязку; и только глянул тот на врагов, как полопались всадники, точно стекло. И поехал жених с невестой спокойно дальше; и когда их обвенчали в церкви, слуги решили получить расчет и говорят своему господину:

— Ваши желанья исполнились, мы вам теперь больше не нужны, мы пойдем странствовать дальше и попытаем себе счастья.

А была в получасе ходьбы от замка деревня, и пас вблизи нее свое стадо свинопас; подъехали они туда, и говорит королевич своей жене:

— А ты знаешь, кто я такой? Я вовсе не королевич, а свинопас, а тот вон, кто пасет стадо, родной мой отец: нам надо пойти и помочь пасти ему стадо.

Вышел он с ней из кареты, зашел в харчевню и тайно шепнул хозяевам, чтобы те отобрали у нее ночью королевское платье. Проснулась она утром, и не во что ей было одеться; дала ей хозяйка харчевни старую юбку да шерстяные чулки и сделала вид, будто это большой подарок, и сказала:

— Если бы не ваш муж, я не дала бы вам ничего.

И поверила королевна, что он и вправду свинопас, и на-

чала пасти с ним вместе стадо, а сама думала: «Я это заслужила за свое высокомерие и гордость». Так продолжалось восемь дней; но больше выдержать она не могла, все ноги покрылись у нее ранами. Пришли к ней тогда двое крестьян и спрашивают ее, знает ли она, кто ее муж.

— Знаю, — говорит, — он свинопас; он только что ушел, чтоб выручить немного денег за свясла и бечевки.

А они и говорят ей:

— Пойдем с нами, мы отведем вас к нему, — и привели ее наверх в замок. Вошла она в зал, видит — стоит там ее муж в королевских одеждах. Но она его не узнала, пока он не бросился к ней на шею, поцеловал ее и сказал:

— Я так много из-за тебя выстрадал, что и ты должна была тоже ради меня пострадать.

Отпраздновали они тогда по-настоящему свадьбу, а кто эту сказку сказывал, тот был бы тоже непрочь на свадьбе у них побывать.

Белая и черная невеста

Вышла раз одна женщина со своей дочкою и падчерицей на поле — травы парезать, и явился к ним господь бог в образе нищего и спрашивает:

— Как мне ближе пройти в деревню?

— Коль хотите узнать дорогу, — ответила мать, — сами ее и ищите.

А дочка добавила:

— А если вы беспокоитесь, что дороги вам не найти, то возьмите себе провожатого.

А падчерица, та сказала:

— Бедный человек, я тебя провожу, ступай вместе со мной.

Разгневался господь бог на мать и на дочку, отвернулся от них и околдовал их: сделались они черны, как ночь, и безобразны, как грех. А к бедной падчерице был господь милостив, — он пошел вместе с нею и, когда они подходили к деревне, дал ей свое благословение и сказал:

— Загадай себе три желанья, и я их исполню.

И сказала девушка:

— Хотелось бы мне стать такой же прекрасной и светлой, как солнышко, — и вдруг сделалась она светлой и прекрасной, как день.

— А еще мне хотелось бы иметь кошелек с деньгами, который бы никогда не пустел, — и дал ей господь бог такой кошелек, но сказал:

— Не забывай о самом главном.

Девушка сказала:

— А в-третьих, хотелось бы мне, когда я умру, иметь на небесах вечный покой.

И это ей было тоже обещано, а затем господь бог с ней расстался.

Только пришла мачеха со своей дочкой домой, видит — сделались они обе черные, как уголь, да к тому же уродливые, а падчерица стала светлая и прекрасная; и стала тогда мачеха сердцем еще злее, и было у нее одно только в мыслях, как бы причинить падчерице обиду какую и горе.

А был у падчерицы брат, звали его Регинер; она сильно его любила и рассказала ему все, что случилось. Вот однажды Регинер ей и говорит:

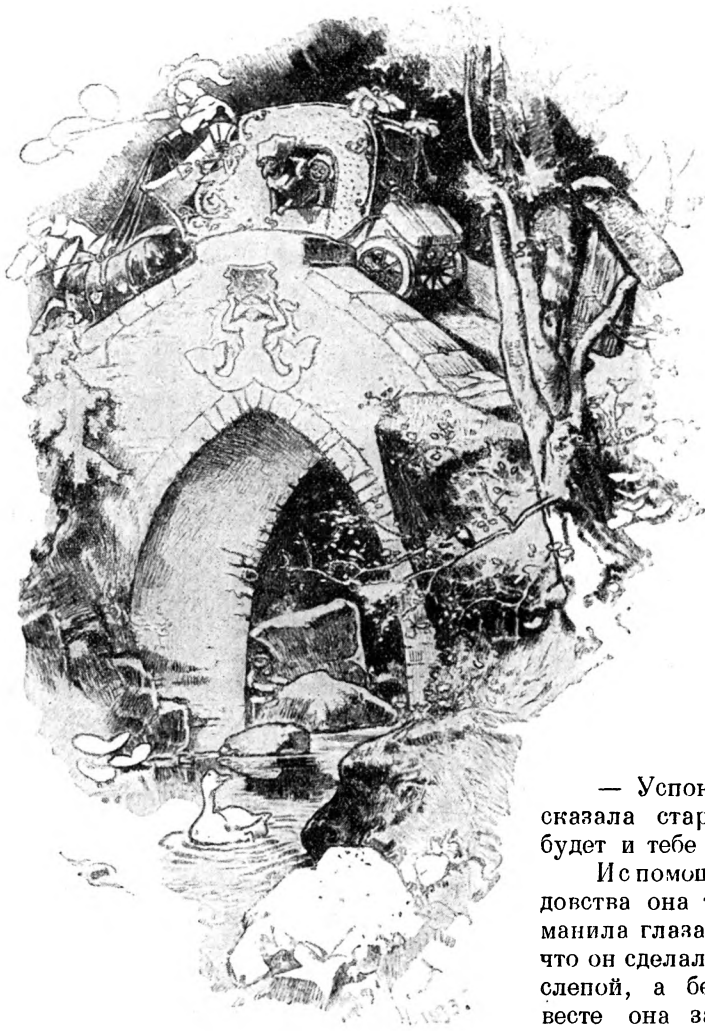
— Милая сестра, я хочу написать твой портрет, чтоб я мог тебя всегда видеть: ведь любовь моя к тебе так велика, что мне хотелось бы на тебя смотреть беспреданно.

И она ответила:

— Но я прошу тебя этого портрета никому не показывать.

И вот сделал он портрет своей сестры и повесил его у себя в комнате. А жил Регинер в королевском замке, где служил королевским кучером. Каждый день подходил он к портрету и благодарил бога за счастье, дарованное его любимой сестре. Но умерла в это время у короля, где он служил, жена, а была она такая красавица, что во всем свете нельзя было найти такой, когорая могла бы сравниться с ней по красоте, и король был по случаю ее смерти в глубокой печали. Но придворные слуги заметили, что кучер каждый день стоит перед прекрасным портретом и любит его, и стали ему завидовать, и сказали о том королю. Король велел кучеру принести ему этот портрет, и когда он увидел, что она во всем похожа на его покойную жену, только, пожалуй, еще прекрасней ее, до смерти влюбился в нее. Он велел позвать к себе кучера и спросил, кто изображен на этом портрете. Кучер сказал, что это его сестра. И решил король жениться только на ней, дал кучеру карету и лошадей, пышные золотые одеянья и послал его привезти избранную им невесту. Когда Регинер прибыл с таким поручением, его сестра обрадовалась, а Чернавка — та стала завидовать ее счастью, сильно разгневалась и говорит своей матери:

— Куда же годится все ваше колдовство, если вы не можете предоставить мне подобного счастья!

— Успокойся, —
сказала старуха, —
будет и тебе счастье.

Ис помощью кол-
довства она так оту-
манила глаза кучеру,
что он сделался почти
слепой, а белой не-
весте она заложила
уши, и та почти ни-

чего не слышала. Потом уселись они в карету, сначала не-
веста в пышных королевских одеждах, а за нею мачеха со
своей дочкой, а Регинер сидел на козлах и правил. Про-
ехали они некоторое время, и крикнул кучер:

Ты укутайся, сестрица,
Чтоб дождем не замочило,
Чтоб тебя не запылило,
Чтоб красавицей явиться к королю.

Спросила невеста:

— Что это говорит мой милый братец?

— Ах, — ответила старуха, — он сказал, чтобы ты сняла с себя золотое платье и отдала бы его своей сестре.

И вот сняла она с себя платье, надела его на девушку-Чернавку, а та дала ей взамен свою плохую серую кофту. Поехали они дальше. Вскоре опять крикнул брат:

Ты укутайся, сестрица,
Чтоб дождем не замочило,
Чтоб тебя не запылило,
Чтоб красавицей явиться к королю.

Спросила невеста:

— Что это сказал мой милый братец?

— Ах, — ответила старуха, — это он сказал, чтобы ты сняла с головы свой золотой свадебный венец и отдала бы его сестре.

Сняла она с себя свадебный венец, надела его на Чернавку, а сама осталась с непокрытой головой. Поехали они дальше; и вскоре брат крикнул опять:

Ты укутайся, сестрица,
Чтоб дождем не замочило,
Чтоб тебя не запылило,
Чтоб красавицей явиться к королю!

Спросила невеста:

— Что это сказал мой братец?

— Ах, — ответила старуха, — он сказал, чтоб ты выглянула из кареты.

А проезжали они как раз в это время через мост над глубокой рекой. Только поднялась невеста и высунулась из кареты, как выбросили они ее оттуда, и упала она в середину реки. И в тот миг, когда она утонула, выплыла из зеркально-ясной воды белоснежная утка и поплыла вниз по реке. Брат ничего этого не видел и продолжал править лошадьми; наконец они подъехали к королевскому замку. Привел Регинер к королю девушку-Чернавку, будто свою сестру, — он думал, что это она и есть на самом деле, ведь в глазах у него туманилось, ему виделось только, что сверкает на ней золотое платье. Увидел король страшное уродство своей мнимой невесты, сильно разозлился и велел бросить кучера в глубокую яму, кишащую гадюками и прочей змеиной нечистью. Но старая ведьма сумела все-таки опутать короля и с помощью своего колдовства так ослепила ему глаза, что он оставил у себя и ее и дочку, даже Чернавка показалась ему подходящей, и он вправду на ней женился.

Однажды вечером, когда черная невеста сидела у короля на коленях, приплыла белая утка по сточному жолобу к кухне и говорит поваренку:

Угольки в печи развороши,
Дай мне перья просушить.

Поваренок так и сделал, развел для нее в печи огонь; явилась утка, уселась у течки, отряхнулась и начала клювом перья себе приглаживать. Сидит она, и так приятно ей отдыхать, и вот спрашивает она:

Что делает брат мой Регинер?

Ответил поваренок:

Сидит он в глубокой яме
С гадюками и ужами.

Спрашивает утка еще:

Что делает черная ведьма в доме?

Отвечает поваренок:

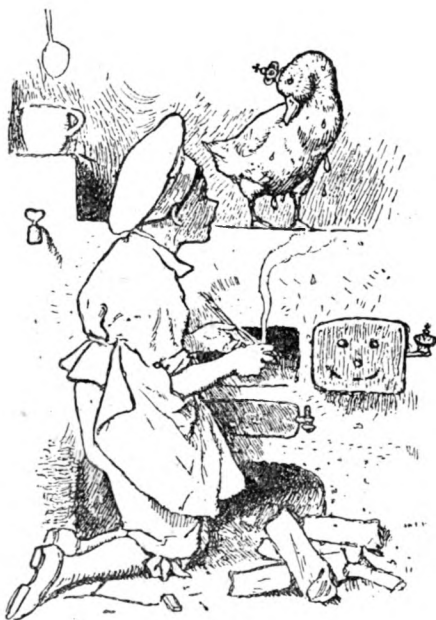
Сидит, милуется,
С королем целуется.

И молвила утка:

Пускай это не сбудется! —

и уплыла по сточному жолобу.

На другое утро она явилась опять и задала те же вопросы, и на третий вечер тоже. И не мог поваренок удержаться, пошел

и рассказал обо всем королю. Захотелось королю все это увидеть самому; он пришел на следующий вечер туда, и когда утка просунула голову из сточного жолоба, он схватил мсч и отрубил ей голову, и вмиг обернулась она прекраснейшей девушкой и была точь-в-точь похожа на портрет, писанный с нее братом. Обрадовался король, а так как стояла она мокрая и голая, то велел он принести дорогие платья и приказал ее одеть. Тут рассказала она ему, как обманули ее хитростью и коварством и бросили, наконец, в реку; и первой ее просьбой было, чтоб вытащили ее брата из змеиной ямы. Король исполнил ее

просьбу, вошел в комнату, где сидела старая ведьма, и спросил:

— Скажи, чего заслуживает тот, который сделал вот это и это? — и рассказал ей все, что было.

Но ведьма была так ослеплена, что ничего не поняла, и сказала:

— Он заслуживает того, чтоб его раздели догола и бросили в бочку, утыканную гвоздями, запрягли в ту бочку лошадь и пустили бы ее на все четыре стороны.

И все это с нею самой и ее дочкой-Чернавкой и было сделано. А король женился на белой прекрасной невесте и наградил верного брата, сделал его человеком богатым и знатным.

Железный Ганс

Жил однажды король, и возле его замка был дремучий лес, в котором водилась разная дичь.

Послал раз король туда своего егеря, чтоб убить косулю, но егерь назад не вернулся.

— Видно, с ним какое-нибудь несчастье случилось, — сказал король и послал на другой день двух егерей на поиски его; но они тоже назад не вернулись.

Тогда созвал король на третий день всех своих егерей и говорит:

— Исходите весь лес вдоль и поперек и не оставляйте поисков до тех пор, пока всех троих не найдете.

Однако и из тех егерей домой никто не вернулся, а из своры собак, которых они взяли с собой, ни одной больше не видели. С той поры больше никто ходить в тот лес не отваживался, и стоял он в глубокой тишине, одинокий, и видно было только, как пролетал иногда над ним орел или ястреб. Так продолжалось дождие-долгие годы.

Но явился однажды к королю неизвестный охотник, он хотел поступить на службу и вызвался отправиться в тот страшный лес. Но король согласия своего давать не хотел и сказал:

— В этом лесу нечистая сила водится; я боюсь, что и с тобой случится то же, что и с другими, и ты назад из него не вернешься.

Охотник ответил:

— Король, я уж рискну; я ничего не боюсь. — И он отправился со своею собакой в тот лес.

Прошло некоторое время, и напала собака на след дичи и начала было за нею гнаться, но только пробежала она несколько шагов, видит — раскинулось перед ней глубокое болото, дальше идти нельзя, и протянулась из воды голая рука, схватила собаку и потащила ее на дно. Увидал это охотник, воротился назад и привел с собою трех людей; они пришли с ведрами и начали вычерпывать воду. Вот уже показалось дно; и видят они — лежит там дикий человек, тело у него все рыжее, как ржавое железо, а волосы висят до самых колен.

Связали они его веревками и привели в замок. И немало там удивлялись лесному человеку, и велел король посадить его в железную клетку в своем дворе и под страхом смертной казни запретил открывать дверь той клетки, а ключи поручил хранить самой королеве. С той поры каждый мог ходить в тот лес спокойно.

Был у короля сын восьми лет. Играл он раз во дворе, и во время игры попал его золотой мяч в клетку. Подбежал мальчик к клетке и говорит:

— Кинь мне мой мяч назад.

— Нет, — ответил лесной человек, — я его не отдам, пока ты не откроешь мне дверь.

— Нет, — сказал мальчик, — я этого не сделаю, это король запретил, — и убежал.

На другой день пришел он опять и стал требовать свой мяч. А лесной человек говорит: «Открой мне дверь», но мальчик опять отказался.

На третий день король выехал на охоту, а мальчик подошел снова к клетке и говорит:

— Если бы даже я и хотел тебе дверь открыть, то все равно бы не смог, у меня нет ключа.

— Он лежит под подушкой у твоей матери, — сказал лесной человек, — ты его можешь достать.

Мальчику очень хотелось вернуть свой мяч, он позабыл про всякую осторожность и принес ключ. Дверь открывалась с трудом, и мальчик прищемил себе палец. Как только дверь открылась и лесной человек вышел наружу, он отдал мальчику золотой мяч, а сам стал быстро уходить.

Сделалось мальчику страшно, и он крикнул вдогонку:

— Ах, лесной человек, не уходи отсюда, а не то меня побьют.

Лесной человек вернулся, поднял его, посадил себе на плечи и быстрыми шагами направился в лес.

Вернулся король домой, увидел пустую клетку и спросил королеву, как все это случилось. Королева ничего не знала, начала искать ключ, но его не оказалось. Стала она звать мальчика, но никто не отвечал. Разослал тогда король повсюду людей на розыски мальчика, но они его нигде не нашли. Тогда

король догадался, что случилось, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

А лесной человек вернулся снова в дремучий лес, снял там мальчика с плеча и сказал ему:

— Отца и мать свою ты больше не увидишь, но я буду о тебе заботиться, потому что ты меня освободил и мне тебя жаль. Если ты будешь исполнять все, что я тебе скажу, то будет тебе хорошо. А драгоценностей и золота у меня вдосталь, больше чем у кого-либо на свете.

Он устроил мальчику подстилку из мха, и тот уснул; а на другое утро лесной человек привел его к колодцу и говорит:

— Видишь этот золотой колодец? Он чист и прозрачен, как хрусталь; ты должен будешь около него сидеть и следить, чтоб ничего в него не упало, а не то он станет нечистый. Каждый вечер я буду приходить и смотреть, выполнил ли ты мой наказ.

Сел мальчик на краю колодца, и ему было видно, как мелькала в нем то золотая рыба, то золотая змея, и он следил, чтоб ничто не упало в колодец.

Когда он сидел, вдруг заболел у него палец, да так сильно, что мальчик невольно сунул его в воду. Он быстро вытащил руку назад и вдруг увидел, что весь палец стал золотой; и какие он старания ни прилагал, чтоб стереть золото, все было напрасно.

Вечером вернулся Железный Ганс — так звали лесного человека, — посмотрел на мальчика и сказал:

— Что случилось с колодцем?

— Ничего, ничего не случилось, — ответил мальчик и спрятал палец за спину, чтоб лесной человек не мог его увидеть.

Но тот сказал:

— Ты погрузил палец в колодец: на этот раз я, так уж и быть, прощаю тебе, но смотри, берегись, чтоб больше ничего в него не попало.

И вот на ранней заре сидел мальчик снова у колодца и его сторожил. Но заболел у него опять палец, и он провел рукой по голове, и упал невзначай один волос в колодец. Он быстро вытащил его оттуда, но волос стал весь золотой.

Явился Железный Ганс, он знал уже все, что случилось.

— Ты уронил волос в колодец, — сказал он, — я прощаю тебе и на этот раз, но если это случится и в третий раз, то станет колодец нечистый, и тебе нельзя будет у меня оставаться.

Сидел на третий день мальчик у колодца и уж пальцем не шелохнул, а он болел у него еще очень сильно. Стало ему скучно, и он начал разглядывать себя в водяном зеркале. При этом он все больше и больше наклонялся вниз: захотелось ему заглянуть себе в глаза; и вдруг упали его длинные волосы в

воду. Он быстро поднялся, но все волосы на голове стали вдруг золотыми и засияли, как солнце.

Можете себе вообразить, как бедный мальчик испугался! Вытащил он из кармапа платок и обвязал им голову, чтоб лесной человек ничего не заметил. Но Железный Ганс пришел и знал уже все, и сказал:

— А ну, развяжи платок.

И рассыпались золотые волосы у него по плечам, и как мальчик ни оправдывался, ничего не помогло.

— Ты испытанья не выдержал и оставаться тебе здесь больше нельзя. Ступай странствовать по свету, и ты узнаешь тогда, как бедноте живется. Но так как сердце у тебя не злое и я желаю тебе добра, то я позволю тебе вот что: когда попадешь ты в беду, то ступай в лес и кликни: «Железный Ганс!», и я приду к тебе на помощь. Могущество мое велико, больше, чем ты полагаешь, а золота и серебра у меня вдосталь.

Покинул королевич лес и пошел по дорогам и нехоженным тропам все вперед и вперед, пока, наконец, не пришел в большой город. Стал он искать там работы, но найти ее никак не мог да и обучен он ничему не был, чем мог бы прокормиться. Наконец отправился он в замок и спросил, не возьмут ли его там на работу. Придворные не знали, к какому делу можно бы его определить, но мальчик им понравился, и они велели ему остаться. Взял его, наконец, к себе на работу повар и велел ему дрова и воду носить да золу выгребать.

Однажды, когда никого под рукой не оказалось, велел повар ему отнести кушанья к королевскому столу. Мальчику не хотелось показывать своих золотых кудрей, и он своего поварского колпака не снял. А к королю в таком виде никто еще ни разу не являлся, и он сказал:

— Если ты являешься к королевскому столу, должен свой колпак снять.

— Ах, господин мой король, — ответил ему мальчик, — я никак не могу, у меня вся голова в стружьях.

Тогда велел король позвать повара, выбралил его и спросил, как же он смел такого мальчишку принимать к себе на работу; и приказал его тотчас прогнать. Но повар мальчика пожалел и обменял его на садовничьего ученика.

И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной. Однажды летом работал он один в саду, а день был такой жаркий, и вот снял он свою шапочку, чтоб на ветру освежиться. Но засияло солнце на его волосах, и они так засверкали-зablестели, что упали лучи в спальню королевны, и она вскочила, чтоб поглядеть, что это такое. Увидала она юношу и окликнула его:

— Паренек, принеси мне букет цветов.

Надел он второпях свою шапочку, нарвал простых полевых цветов и связал их в букет. Когда он подымался по лестнице, его встретил садовник и говорит:

— Как ты смеешь нести королевне такие плохие цветы? Скорей нарви других, да самых красивых, душистых.

— Ах, нет, — ответил юноша, — полевые цветы пахнут сильнее, они ей больше понравятся.

Вошел он в комнату королевны, а она и говорит:

— Сними свою шапочку, тебе негоже передо мной в шапке стоять.

А он опять-таки отвечает:

— Мне никак нельзя, у меня голова в стружьях.

Тогда королевна схватила шапочку, сняла ее, и рассыпались его золотые волосы по плечам, и глядеть на них было так приятно.

Он хотел убежать, но она удержала его за руку и дала ему целую пригоршню золотых. Он взял их, но на золото никакого внимания не обратил, принес золотые садовнику и говорит:

— Я дарю их твоим детям, пусть они ими играют.

На другой день королевна кликнула его снова и велела принести ей букет полевых цветов, и когда он с ним явился, она тотчас схватила его за шапочку и хотела ее снять, но юноша крепко держал шапочку обеими руками. Королевна дала ему опять пригоршню золотых, но он оставлять их у себя не захотел, а отдал их детям садовника вместо игрушек.

На третий день случилось то же самое, — королевна не могла снять с него шапочку, а он никак не хотел брать у нее золота.

Вскоре началась в этой стране война. Собрал король свой народ, и не знал, сможет ли он отразить натиск врага более сильного, у которого имелось большое войско.

И говорит тогда садовничий ученик:

— Я уже вырос и хочу тоже идти на войну вместе с другими, дайте мне только копя.

Но над ним посмеялись и сказали:

— Вот когда мы уедем, ты и лошадь себе подберешь: мы оставим тебе одну на конюшне.

Выступили они в поход, а юноша пошел на конюшню и вывел оттуда лошадь, она на одну ногу хромала, была замороженная и на ходу похрипывала: «гуп-гуп». Но он все-таки сел на нее и двинулся в дремучий лес. Подъехал юноша к опушке и трижды крикнул: «Железный Ганс!», да так громко, что разнеслось по всему лесу. И вмиг явился лесной человек и спросил:

— Что требуешь ты?
— Я требую сильного коня, собираюсь ехать на войну.
— Будет у тебя конь, и ты получишь еще больше, чем требуешь.

Вернулся лесной человек в чащу, и в скором времени вышел оттуда конюх, он вел коня. Конь фыркал, храпел и его еле можно было удержать. А за ним следовал большой отряд воинов, закованных в броню, и мечи их сверкали на солнце.

Отдал юноша конюху свою хромоногую кобылу, вскочил на коня и поехал впереди войска. Когда он подъехал к полю сраженья, к тому времени большая часть королевских солдат была уже перебита, и еще бы немного, и пришлось бы оставшимся обратиться в бегство. Тут налетел юноша со своей железной ватагой, обрушился на врагов, как гроза, и перебил всех, кто ему на пути попадался. Пришлось врагам обратиться в бегство, но юноша гнал их по пятам и до тех пор не остановился, пока не осталось в живых ни одного человека.

Но вместо того чтобы вернуться назад к королю, юноша повел свой отряд окольными дорогами опять в лес и кликнул Железного Ганса.

— Что требуешь ты? — спросил лесной человек.

— Возьми своего коня и свой отряд назад и верни мне назад мою хромоногую лошадь.

Исполнилось все, что он потребовал, и поехал юноша на своей трехногой кобыле домой.

Вернулся король снова в свой замок, вышла к нему навстречу его дочь и стала его поздравлять с победой.

— Это не я одержал победу, — сказал король, — а один неведомый рыцарь, подоспевший со своим отрядом к нам на помощь.

Захотелось королевне узнать, кто этот незнакомый рыцарь, но король сам этого не знал и сказал:

— Он погнался за врагами, и с той поры я больше его не видел.

Спросила королевна у садовника про его ученика, а тот засмеялся и говорит:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!» И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?» Но он отвечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

Сказал король своей дочери:

— Я велю устроить большой праздник, он должен будет длиться три дня, а ты будешь бросать золотое яблоко, — может, тогда незнакомец явится сюда, чтоб его поймать. И вот,

когда был объявлен праздник, юноша вышел в лес и кликнул Железного Ганса.

— Чего требуешь ты? — спросил Железный Ганс.

— Чтоб поймал я золотое яблоко королевны.

— Это легко, — считай, что оно уже у тебя в руках, — сказал Железный Ганс, — но ты получишь еще вдобавок красные доспехи и будешь ехать на статном рыжем коне.

Вот наступил назначенный день, и прискакал юноша во весь опор, стал между рыцарями, и его никто не узнал. Вышла королевна и бросила рыцарям золотое яблоко, но никто не поймал золотого яблока, кроме юноши, — только он его поймал и вмиг ускакал прочь.

На другой день Железный Ганс снарядил его доспехами белого рыцаря и дал ему белого коня. Снова только один юноша поймал яблоко, но, схватив его, тотчас умчался.

Рассердился король и сказал:

— Этак не годится: он должен явиться ко мне и назвать свое имя.

И отдал король приказ: если рыцарь, который поймает яблоко, ускачет опять из замка, то надо броситься за ним в погоню, а если он по доброй воле назад не вернется, следует на него накинуться и ударить его мечом.

На третий день получил юноша от Железного Ганса черные доспехи и вороного коня и снова поймал яблоко. Но когда он помчался из замка, королевские слуги бросились за ним в погоню, и один из них подскочил к юноше так близко, что ранил его острием меча в ногу. Юноша все-таки ускакал, но конь его мчался так быстро, что у рыцаря свалился шлем с головы, и все увидели, что у него золотые волосы. Слуги поскакали назад и доложили обо всем королю.

На следующий день королевна спросила у садовника про его ученика.

— Он работает в саду. Этот чудной парень был тоже на празднике и только вчера под вечер воротился домой. Он показывал моим детям три золотых яблока, которые он выиграл.

Тогда король велел позвать юношу к себе. Он явился, и у него была на голове, как и прежде, шапочка. Но королевна подошла к нему и сняла ее с него, — и вдруг упали его золотые волосы на плечи, и это было так красиво, что все изумились.

— Не ты ли тот рыцарь, что каждый день являлся на праздник, облаченный всегда в разные доспехи, и поймал три золотых яблока?

— Да, — ответил юноша, — а вот и яблоки эти, — и он достал их из кармана и подал королю. — Но если вам нужны еще знаки доказательства, то можете посмотреть на рану, нанесенную мне вашими людьми во время погони за мной.

А к тому ж — я тот самый рыцарь, что помог вам одержать победу над врагами.

— Если ты можешь совершать такие подвиги, ты, видно, вовсе не садовничий ученик. Скажи мне, кто же твой отец?

— Мой отец — могущественный король, и у меня много золота, столько, сколько я захочу.

— Я вижу, — сказал король, — что должен тебя отблагодарить. Могу ли сделать я тебе что-нибудь приятное?

— Да, — ответил королевич, — конечно, вы можете это сделать, если отдадите мне дочь вашу в жены.

Засмеялась королева и сказала:

— Он говорит все напрямик, и я по его золотым волосам уже догадалась, что он вовсе не садовничий ученик, — и она подошла к нему и его поцеловала.

На свадьбу прибыли отец и мать королевича, они были в великой радости, ведь они потеряли всякую надежду увидеть когда-нибудь своего милого сына. Когда все сидели на свадебном пиру, вдруг музыка умолкла, распахнулись двери, и вошел статный король с большою свитой. Он подошел к юноше, обнял его и сказал:

— Я — Железный Ганс, я был обращен в лесного человека, но ты меня расколдовал. Все богатства, которыми я обладаю, отныне будут твои.

Три черные принцессы

Был город Остенде осажден неприятелем, и враг не хотел снять с города осаду до тех пор, пока не получит с него шестьсот талеров откупом. И вот было объявлено, что тот, кто сможет их предоставить, тот и станет бургомистром.

А жил там бедный рыбак; он рыбачил в море вместе со своим сыном; и вот явился неприятель, захватил в плен сына и дал за это отцу шестьсот талеров денег. Вот отец пошел и отдал их хозяевам города, и тогда неприятель отступил, — и сделался рыбак бургомистром. И было всем объявлено, что кто не будет говорить ему «господин бургомистр», того вздернут на виселицу.

А сыну тем временем удалось убежать из плена, и он скрылся в большом лесу на высокой горе. И разверзлась гора, и попал он в большой заколдованный замок, и были там ступля, столы и скамьи — все черным покрыты. И явились

три принцессы, одетые во все черное, — только лицом они были чуть белые; и сказали ему, чтобы он не боялся, что ничего ему злого от них не будет и что он может освободить их от злого заклятья. Он им ответил, что он охотно бы на это согласился, если бы знал, что надо для этого сделать. Тогда они сказали, что он целый год не должен с ними говорить и не должен на них смотреть; и если он хочет за это что-нибудь от них получить, так пусть скажет им это сейчас, пока они могут дать ему ответ, и они исполнят его желание. Он им сказал, что ему очень бы хотелось навестить своего отца. Они ответили, что он сможет это сделать, но должен взять с собой большой кошелек с деньгами и красиво одеться, а спустя неделю вернуться назад.

И подняло его тотчас на воздух, и он вмиг очутился в родном Остенде. Но отца своего в рыбацкой хижине он уже не нашел, и он стал тогда спрашивать у разных людей, куда девался бедный рыбак, и люди ему объявили, чтобы он так его теперь называть не смел, а не то попадет он на виселицу. Вот пришел он к своему отцу и говорит:

— Рыбак, как это вы сюда забрались?

И ответил ему отец:

— Вы не смейте так мне говорить: если услышат о том хозяева города, то вы попадете на виселицу.

Он не поверил, чтоб его могли за это вздернуть на виселицу. Но когда его уже присудили повесить, он сказал:

— Достопочтенные господа, дозвоьте мне в последний раз сходить в нашу старую рыбацкую хижину.

И надел он там свою старую куртку и вернулся назад к хозяевам города и говорит:

— А теперь поглядите, пожалуйста, разве я не сын бедного рыбака? Вот в этой одежде я зарабатывал хлеб своему отцу и матери.

И узнали его тогда отец с матерью, выпросили ему прощение и взяли его с собой в дом. И рассказал он тогда все, что с ним приключилось: как попал он в лесу на высокую гору и что гора та под ним разверзлась и он попал в заколдованный замок, где все было черным покрыто, и явились к нему три принцессы; и были они одеты во все черное, только лица были у них чуть белые, и сказали они ему, чтоб он ничего не боялся и что он может их освободить от злого заклятья.

И сказала тогда мать, что тут таится что-то недоброе и что он должен взять с собой святую восковую свечу, зажечь ее и капнуть принцессам на лицо растопленным воском.

И вот он снова вернулся туда, ему было страшно, но он капнул воском на лицо им, когда они спали, — и они стали наполовину белые. Тогда все три принцессы вскочили и сказали:

— Проклятый пес, наша кровь взывает о мести, и не родился еще и не родится на свет тот человек, который смог бы нас освободить от злого заклятья; но есть у нас три брата, они заклованы семью цепями, они их разорвут.

И вдруг поднялся страшный грохот и крик по всему замку, и он еле высочил через окошко и сломал себе ногу, — а замок опять опустился под землю, и замкнулась за ним гора, — так никто и не знает, где этот замок и был.

Кнойст и трое его сыновей

Между Веррелем и Зайстом жил человек, звали его Кнойст; было у него три сына. Один был слепой, другой хромой, а третий ходил голышом. Вот вышли они раз на выгон и увидели там зайца. Слепой его пристрелил, хромой поймал, а тот, кто ходил голышом, в карман его сунул. Подошли они к большой-пребольшой реке, и стояло на ней три корабля: один по ней плыл, другой тонул, а в третьем не было дна. И взошли все втроем на тот, где не было дна. Подъехали они к большому дремучему лесу, и росло посреди леса огромное-преогромное дерево, и была в дупле дерева большая-пребольшая часовня, и находился в часовне толстый-претолстый причетник и худой-прехудой пастор, держали они в руках воду для купели и кропило.

Блажен человек,
Иже избежал купели навек.

Девушка из Бракеля

Пошла раз девушка из Бракеля в капеллу пресвятой Анны, что под Гинненборгом, а так как ей очень хотелось выйти поскорее замуж, и она думала найти жениха в капелле, то она запела:

Пособи, святая Анна,
Выйти мне скорее замуж,
Жениха ты, видно, знаешь!

Он живет у Зуттмердора,
Он — блондин и парень добрый,
Ты его, пожалуй, знаешь.

А стоял в это время за алтарем причетник, услышал это и как возгласит пронзительным голосом:

— Ты за него не выйдешь, ты за него не выйдешь!

Подумала девушка, что это вскрикнул божий младенец, стоявший рядом с преподобною Анной, рассердилась она и воскликнула:

— Что ты там лопочешь, глупый малыш, держи язык за зубами, пуская мамка сама скажет.

Домашняя челядь

— **К**уда идешь?

— В Вальпе.

— И я в Вальпе, и ты в Вальпе; ну, пойдем вместе.

— А у тебя муж есть? Как мужа-то звать?

— Хам.

— И мой муж Хам, и твой Хам; я в Вальпе, и ты в Вальпе; что ж, пойдем вместе.

— А ребенок у тебя есть? Он большой? Как его звать?

— Паршей.

— И моего Паршей, и твоего Паршей; мой муж Хам и твой Хам; я в Вальпе, и ты в Вальпе; ну, что ж, пойдем вместе.

— А нянька у тебя тоже есть? Как твою няньку зовут?

— Квашней.

— Мою тоже Квашней твою тоже Квашней; мой ребенок Парша, и твой ребенок Парша; мой муж Хам, твой муж Хам; я в Вальпе, и ты в Вальпе; что ж, пойдем вместе.

— А батрак есть у тебя? Как батрака звать?

— Работяга.

— Мой батрак Работяга, твой батрак Работяга, моя нянька Квашня, твоя нянька Квашня; мой ребенок Парша, твой ребенок Парша; мой муж Хам, твой муж Хам; я в Вальпе, и ты в Вальпе; что ж, пойдем вместе со мной.

Ягненок и рыбка

Жили-были братец да сестрица, они крепко любили друг друга. Родная мать у них умерла, и была у них мачеха, она детей не любила и всячески их исподтишка обижала. Случилось раз, что играли они с другими детьми на лужку перед домом, а находился возле лужка пруд, и с одной стороны он доходил до самого дома. Дети бегали вокруг пруда, играли в войну и в салки:

Энеке, бэнеке, дай полюблю,
Птичку тебе я свою подарю,
Птичка букет мне красивый найдет,
Свинке букет я хочу подарить,
Свинка мне даст молочка надойть,
Пекарю я все отдам молоко,
Пекарь спечет пирожок мне за то,
Кошечке надо пирог подарить,
Будет мне кошечка мышек ловить,
Мышек под крышей я буду коптить,
Стану я мышку ловить!

Дети при этом стояли, собравшись в кружок, и на кого падало слово «ловить», тот должен был убежать, а остальные бежали за ним и его ловили. Когда они так весело прыгали и играли, мачеха смотрела на все это из окна и злилась. А так как она знала разное колдовство, то и заколдовала обоих, и обратила брага в рыбку, а сестрицу в ягненок. И вот стала рыбка плавать в пруде и было ей грустно, а ягненок ходил по лугу и тоже запечалился, ничего не ел, даже к стебелькам не притрагивался. Так продолжалось долгое-долгое время, и вот явились в замок неведомые гости. И подумала коварная мачеха: «Это удобный случай». Позвала повара и сказала ему:

— Ступай приведи мне с луга ягненка и нарежь его, а то у нас нечем гостей угощать.

Огправился повар на луг, принес ягненок, повел его прямо на кухню и связал ему ножки, но тот все это переносил терпеливо. Вот вытащил повар нож, начал его на пороге натачивать, чтобы был он острее; и заметил ягненок, что плавает у водосточной канавы рыбка в воде и на него все поглядывает. А была та рыбка его братцем. Как увидела рыбка, что повар увел ягненок, подплыла к самому дому. И крикнул ей сверху из кухни ягненок:

В глубоком озере, ах, братец мой,
И сердце мучится тоской!
А повар нож свой точит,
Пронзить мне сердце хочет.

И ответила ему рыбка:

Ах, бедная моя сестрица,
Как сердце у меня томится,
В глубоком озере кружится!

Как услышал повар, что умеет ягненок говорить по-человечьи и такие грустные слова молвил рыбке, испугался он и подумал, что это, должно быть, не настоящий ягненок, а кто-то заколдованный злой мачехой в доме.

— Успокойся ты, убивать я тебя не стану, — и он взял вместо него другого и приготовил его для гостей, а этого ягнечка отнес к одной доброй крестьянке и рассказал ей все, что он видел и слышал. А была та крестьянка как раз мамкою сестрицы, и она тотчас обо всем догадалась и пошла с ягнечком к одной ведунье. И произнесла ведунья над ягнечком и рыбкой свое доброе слово, и вот обернулись они опять сестрицею и братцем.

Потом она отвела братца и сестрицу в дремучий лес в маленькую избушку, и стали они там жить да поживать одни и были счастливы и довольны.

Зимели-гора

Жили-были два брата, один богатый, а другой бедный. Богатый бедному не помогал, и приходилось тому кое-как хлебной торговлей перебиваться; часто приходилось ему так туго, что не было у него и куска хлеба для жены и детей. Проезжал он раз со своей тележкой через лес, и заметил в стороне большую лысую гору, а горы той он прежде никогда не видал, — вот и остановился он и стал с удивленьем ее разглядывать. Стоит он и видит — приближаются к нему двенадцать дюжих парней. Он сразу догадался, что это разбойники, спрятал тележку свою в кусты, а сам взобрался на дерево и стал ждать, что будет дальше. А двенадцать тех молодцев подошли к горе и закричали:

— Земзи-гора, Земзи-гора, откройся!

Расступилась тотчас лысая гора посередине, и вошли в нее двенадцать молодцев, а затем она за ними закрылась. Но вскоре разверзлась она снова, и молодцы вышли оттуда, таща на спине тяжелые мешки, и, выйдя наружу, сказали:

— Земзи-гора, Земзи-гора, закройся!

И замкнулась гора, и не видно было, где и вход в нее; а двенадцать молодых ушли. Когда они совсем скрылись с глаз, спустился бедняк с дерева, и стало ему любопытно, что же это за клад в горе той таится. Подошел он к горе и сказал:

— Земзи-гора, Земзи-гора, откройся!

И открылась гора перед ним. Он спустился в нее, и вся гора внутри оказалась пещерой, полной серебра и золота, а в глубине лежали большие груды жемчуга и блестящих драгоценных камней, рассыпанных, точно зерно. Бедняк не знал, с чего ему и начать и можно ли ему что взять из этих сокровищ. Наконец набил он себе полные карманы золотом, а жемчугов и драгоценных камней не тронул. Выйдя оттуда, он тотчас проговорил:

— Земзи-гора, Земзи-гора, закройся!

И замкнулась гора, и поехал он со своей тележкой домой. С той поры ни о чем ему не надо было заботиться, и он мог на свое золото купить жене и детям и хлеба, и всего что надо вдовстать; и стал он жить честно и счастливо, помогая бедным и всякому делая добро. Но вот денег, наконец, у него не стало, и отправился он тогда к своему брату, занял у него мерку для зерна и привез себе снова золота, а к драгоценным сокровищам и не прикоснулся. Когда ему надо было привезти себе в третий раз золота, он занял опять у брата мерку для зерна. Но богатый брат давно уже завидовал его богатству и тому, что все у него по хозяйству идет хорошо, и никак не мог он понять, отчего это брат богатеет и что делает он с меркой для зерна. И вот придумал он хитрость — обмазал смолою дно меры, и когда брат принес ее назад, он заметил что ко дну той меры прилип червонец. Пошел он к своему брату и спрашивает:

— Что мерил ты этою мерой?

— Зерно да ячмень, — ответил тот.

Тогда показал ему богатый брат червонец и стал ему угрожать, что если не скажет он ему правду, то подаст он на него в суд. И рассказал тот ему все, как было. Велел тогда богач запрячь большую повозку и выехал из дому, желая использовать этот случай как можно выгодней и захватить все остальное богатство.

Подъехал он к горе и крикнул:

— Земзи-гора, Земзи-гора, откройся!

Открылась гора, и спустился он вниз. И лежали перед ним все богатства, и он долго не знал, с чего и начать, за что и братья; наконец нагрузил он драгоценных камней столько, сколько мог дотащить. Хотел он было уже вынести свою ношу, но сердце и все его помыслы были заняты сокровищами, и вот позабыл он название горы и крикнул:

— Зимели-гора, Зимели-гора, откройся!

Но название-то он перепутал, гора не двигалась и оставалась закрытой. Стало ему страшно, но чем дольше он вспоминал, тем все больше путались у него мысли, и не могли ему теперь уж помочь и все сокровища.

А вечером гора открылась, и вошли в нее двенадцать разбойников. Как увидели они богача, стали над ним смеяться и сказали:

— А-а, наконец-то птичка попалась! Ты думаешь, мы не замечали, что ты уже дважды сюда приходил? Но поймать тебя мы не могли; ну, уж в третий раз не выйти тебе отсюда!

И крикнул богач:

— Да ведь это не я был, а брат мой!

Но сколько он ни просил о пощаде и что он ни говорил, снесли ему разбойники голову с плеч.

Как по белу свету скитаться

Ж.ила-была однажды бедная женщина, был у нее сын; очень ему захотелось по белу свету постранствовать, а мать ему на это и говорит:

— Да как же тебе странствовать итти? Ведь денег-то у нас вовсе нету, и на дорогу взять нечего.

А сын говорит:

— Я уж выход найду, буду итти да все время приговаривать: «Помалу, помалу, помалу».

Вот пробыл он в пути уже немалое время и все повторял: «Помалу, помалу, помалу». Подошел к избушке рыбака и говорит:

— Бог вам на помощь! Помалу, помалу, помалу.

— Что это ты, парень, говоришь «помалу»?

Закинул рыбак сеть и вытащил рыбы совсем мало. Схватил он тогда палку, кинулся на парня и говорит:

— А видал, как люди молотят?

— А что же мне надо было сказать-то? — спросил парень.

— Ты должень был сказать: «Тяни побольше, тяни побольше!»

Вот идет он по дороге и все повторяет: «Тяни побольше, тяни побольше». Подходит он к виселице, и стоит возле нее бедный грешник, которого собирается палач повесить. Вот парень и говорит:

— Доброе утро! Тяни побольше, тяни побольше!

— Что это ты, парень, такое говоришь «тяни побольше»? Разве мне и так мало пришлось злодеев на свете повидать?

Тебе, видно, хочется, чтоб было на свете плохих людей побольше? Да разве и так их мало? — И надавал он парню по шее.

— А что же мне надо было сказать-то?

— Ты должен был сказать: «Господи, упокой ты несчастную душу».

Вот идет парень по дороге и все повторяет: «Господи, упокой ты несчастную душу». Подходит он в это время к яме, стоит у ямы живодер, который убивает лошадь.

— Доброе утро! Господи, упокой ты несчастную душу!

— Что это ты, дурень, говоришь такое? — и дает ему костью по уху, да так, что у парня из глаз искры посыпались.

— А что же мне надо было сказать-то?

— Ты должен был сказать: «Вон падаль в яме лежит».

Вот идет парень дальше и все повторяет: «Вон падаль в яме лежит! Вон падаль в яме лежит!» Подходит он в это время к повозке, а в ней полно людей, и говорит парень

— Доброе утро, вон падаль в яме лежит!

И как раз в это время падает повозка в яму. Берет тогда кучер кнут и начинает бить парня, да так его избил, что пришлось ему назад к своей матери ползти на карачках. И с той поры он больше странствовать уже не ходил.

Ослик

Жили когда-то на свете король и королева. Они были богатые, и было у них все, что они только хотели, но детей у них не было. День и ночь горевала из-за того королева и говорила:

— Я — словно нива, на которой ничто не растет.

Наконец исполнил господь ее желание: родилось у нее дитя, но было оно похоже не на человеческое дитя, а был это маленький ослик. Как увидела это мать, стала причитать и жаловаться, что уж лучше бы ей вовсе не иметь ребенка, чем иметь какого-то осла, и она велела бросить его в реку на съедение рыбам. Но король сказал:

— Нет, раз бог его нам послал, то пусть он будет моим сыном и наследником, а после моей смерти сядет на королевский трон и носит королевскую корону.

Вот стали ослика воспитывать. Начал ослик подрастать, и отросли у него быстро уши. Был ослик нрава веселого, все

прыгал да играл, и была у него такая страсть к музыке, что отправился он раз к знаменитому музыканту и говорит:

— Научи меня своему искусству, чтобы я мог играть на лютне так же хорошо, как и ты.

— Ах, мой милый сударик, — ответил музыкант, — это вам будет трудно, ваши пальцы вовсе к такому делу не приспособлены, они слишком большие, и я опасаясь, что струны не выдержат.

Но никакие уговоры не помогли, — ослику во что бы то ни стало хотелось играть на лютне; он был упрям и прилежен и в конце концов выучился играть так же хорошо, как и сам учитель. Однажды вышел молодой наследник на прогулку и подошел к колодцу, глянул в него и увидел в зеркально-ясной воде свое ослиное обличье. И он так сильно из-за этого опечалился, что ушел бродить по свету и взял себе в спутники одного только верного товарища. Они бродили вместе по разным местам и пришли, наконец, в одно королевство, где правил старый король, у которого была единственная дочь, притом большая красавица. И сказал ослик:

— Мы здесь некоторое время пробудем. — Он постучался и крикнул: — Гость у ворот! Откройте дверь, дайте войти!

Но ему дверь не открыли. И уселся ослик у ворот, взял свою лютню и заиграл на ней двумя передними ногами, да так прекрасно. Привратник от удивленья вытарашил глаза, побежал к королю и сказал:

— Сидит у ворот молодой ослик, играет на лютне, да так хорошо, словно ученый мастер.

— Так тыпусти музыканта сюда, — сказал король.

Но только вошел ослик в замок, начали все над таким игроком смеяться. И вот поместили ослика внизу вместе со слугами, где его и кормили, но он рассердился и говорит:

— Я не какой-нибудь простой ослик, я знатный осел.

А ему и говорят:

— Раз так, то садись тогда вместе с воинами.

— Нет, — говорит он, — хочу я сидеть рядом с королем. Засмеялся король и весело молвил:

— Ладно, ослик, пускай будет по-твоему, ступай ко мне. А потом король спрашивает:

— Ослик, а как тебе нравится моя дочь?

Повернул ослик голову к ней, поглядел на нее, кивнул и говорит:

— Чрезвычайно нравится, она такая прекрасная, что подобной я ни разу не видывал.

— Ну, так садись с ней рядом, — сказал король.

— Это как раз мне и подобает, — ответил ослик и уселся с ней рядом, ел и пил и держал себя прилично и опрятно.

Пробыл благородный ослик при королевском дворе не мало времени и подумал: «Что пользы с того, надо все-таки домой возвращаться». Он запечалился, явился к королю и попросил его отпустить. Но король его полюбил и говорит:

— Что с тобой, милый ослик? Вид у тебя такой грустный, умираешь, что ли, задумал? Оставайся у меня, я тебе дам все, чего ты только пожелаешь. Хочешь золота?

— Нет, — ответил ослик и покачал головой.

— Хочешь драгоценностей и украшений?

— Нет.

— Хочешь половину моего королевства?

— Ах, нет.

И сказал король:

— Если бы мне только знать, что могло бы тебя утешить! Хочешь мою красавицу-дочь в жены?

— Ах, мне бы очень хотелось ее иметь, — сказал ослик, и стал вдруг такой веселый и радостный, потому что это как раз и было то, чего он желал.

И была отпразднована большая и пышная свадьба. Вечером, когда жениха и невесту повели в опочивальню, захотелось королю узнать, будет ли ослик держать себя чинно, как подобает, и вот он велел одному из слуг спрятаться в опочивальне. Когда молодые остались наедине, задвинул жених двери на засов, оглянулся вокруг и, увидев, что они совершенно одни, сбросил вдруг свою ослиную шкуру, — и стоял перед королевской прекрасной юноша.

— Вот видишь, — сказал он, — кто я на самом деле, теперь ты видишь, что я достоин тебя.

Обрадовалась невеста, поцеловала его и всем сердцем его полюбила. Но вот наступило утро, он поднялся, натянул на себя снова свою звериную шкуру, и ни один человек не мог бы догадаться, кто под нею скрывается.

А тут вскоре пришел и старый король и говорит:

— О, вот наш ослик и повеселел! А тебе-то, пожалуй, грустно, — сказал он своей дочери, — ведь ты получила в мужья ненастоящего мужа!

— Ах, нет, милый отец, я его так люблю, будто он самый красивый на свете, и хочу с ним прожить всю свою жизнь. Удивился король, но слуга, который прятался в опочивальне, пришел и обо всем рассказал королю.

И сказал король:

— Никогда не поверю, что это правда.

— Тогда на другую ночь сами понаблюдайте, и вы увидите это собственными глазами. Знаете что, мой король, вы спрячьте от него ослиную шкуру и бросьте ее в огонь, — уж тогда жениху придется показаться в своем настоящем обличьи.

— Совет твой хорош, — сказал король.

И вот вечером, когда молодые уснули, он пробрался к ним в опочивальню и, подойдя к постели, увидел в лунном сиянии спящего статного юношу, и лежала рядом на полу снятая шкура. Король ее взял, велел развести на дворе большой костер и бросить в него шкуру, и сам присутствовал при этом, пока она вся не сгорела дотла. Но королю захотелось увидеть, как будет юноша вести себя без украденной у него шкуры, и он всю ночь сторожил и прислушивался.

Когда юноша выспался, только стало светать, он поднялся и хотел натянуть на себя ослиную шкуру, но найти ее было нельзя. Он испугался и сказал в печали и страхе:

— Я вижу, что мне надо отсюда бежать.

Он вышел из спальни, но у дверей стоял король и сказал ему:

— Сын мой, куда ты спешишь, что ты задумал? Оставайся здесь, ты юноша красивый, и тебе уходить отсюда незачем. Я дам тебе половину своего королевства, а после моей смерти ты наследуешь все.

— Если так, то я хочу, чтоб хорошее начало имело и хороший конец, — сказал юноша, — я у вас остаюсь.

И отдал старик-король ему полкоролевства; а когда спустя год он умер, юноша получил все королевство, а после смерти своего отца еще к тому же и другое, и он жил в большой пышности и великолепии.

Неблагодарный сын

Сидел раз муж со своей женой возле дома, они положили перед собой жареную курицу и собирались ее есть. Увидал муж, что подходит к дому его старик отец, и он быстро убрал и спрятал курицу, — пожалел дать старику хотя бы кусок. Пришел старик, похлебал немного и ушел. Захотелось сыну положить опять жареную курицу на стол, но только он за нее взялся, вдруг обернулась она большой жабой, прыгнула ему в лицо, уселась на нем и уходить не захотела; а когда кто-нибудь пытался ее снять, она так злобно на него глядела, будто прыгнуть в лицо собиралась, и никто не осмеливался к ней прикоснуться. И должен был неблагодарный сын эту жабу кормить каждый день, а не то бы она съела ему лицо. И так вот, не имея покоя, он все скитался по свету.

Репа

Жили когда-то два брата. Оба служили в солдатах, и был один из них богатый, а другой — бедный. Вот задумал бедняк от бедности своей избавиться, снял он солдатский мундир и стал крестьянствовать. Вспахал он и взборонил свою полоску земли и посеял на ней репу. Взошли семена, и выросла среди реп одна такая большая да крепкая, и становилась она на глазах все толще и толще и никак не переставала расти, — и ее можно было назвать прямо королевой всех реп, потому что другой такой на свете и видано не было, да и вряд ли можно будет когда и увидеть. Наконец стала она такой огромной, что едва поместилась на повозке, и тащить ее надо было на двух быках; и не знал крестьянин, что ему тут и делать, — к счастью ли оно вышло или к несчастью.

Наконец он подумал: «Если ее продать, то получишь за нее немного, а съешь сам, то ведь и от малой репы сыт будешь. Лучше всего отвезу-ка я ее королю и окажу ему этим свое уважение». Вот взвалил он ее на повозку, запряг двух быков, привез ко двору и подарил ее королю.

— Что это за диковина такая? — сказал король. — Много видал я на свете чудесного, но такого чудища ни разу еще и не видывал. Из какого это семени могла она вырасти, такая огромная? Тебе, что ли, одному так повезло? Да ты, пожалуй, будешь счастливец.

— Да нет, — ответил крестьянин, — какой уж я счастливец! Я бедный солдат; есть мне было нечего, скинул с себя я свой солдатский мундир и стал землю пахать. Есть у меня брат, тот человек богатый, и вам, господин король, хорошо он известен, а я человек бедный и всем миром забытый.

И пожалел король тогда крестьянина и говорит:

— С бедностью своей ты должен покончить; я так тебя награжу, что станешь ты равным своему богатому брату.

И он подарил ему великое множество золота, землю, луга и стада, и сделал он его таким богатым, что все богатство другого брата и равняться никак не могло бы с тем, что у него теперь было. И услышал богач, что получил его брат за одну только репу, позавидовал ему и стал раздумывать, как бы это самому добиться такого счастья.

Но хотел он дело начать свое куда половчее: взял он золото да коней и привез их королю в подарок, думая, что никак уж иначе, а подарок будет ему больше, — ведь получил же его брат так много за одну только репу; и вот рассчитал он, что ему и не донести будет теперь домой королевских подарков.

Принял король его подарок и сказал при этом, что не сможет он ничем лучшим и редким отдариться, как этой вот огромною репой. И пришлось богачу положить репу своего брата на повозку и отвезти ее к себе домой. И не знал он, на ком выместить дома свой гнев и досаду, и пришли ему в голову злые мысли, и порешил он убить своего брата.

Нанял он убийц и велел им засесть в засаду, а сам отправился к своему брату и говорит:

— Милый мой братец, знаю я одно место, где зарыт богатый клад. Давай-ка его вместе выкопаем и поровну разделим.

Бедному брату дело такое понравилось, и он пошел с ним вместе без всякой опаски. Только они вышли, как набросились на бедного брата убийцы, связали его и хотели на дереве повесить. Начали они свое злое дело, как вдруг раздалось издали громкое пенье и послышался топот копыт. Испугались убийцы, сунули своего пленника с головою в мешок, вздернули его на сук и бросились бежать без оглядки. Хотел он из мешка высвободиться, бился-бился, пока не проделал, наконец, в мешке дырку и просунул в нее свою голову. А проезжий тот был не кто иной, как страстующий студент, молодой парень, который распевал весело песню, проезжая по лесной дороге. Как только висевший в мешке заметил, кто это проезжает, он крикнул:

— Привет тебе, дорогой путник!

Студент оглянулся, но никак не мог понять, откуда это доносится голос; наконец он сказал:

— Кто это меня зовет?

Тогда тот, с верхушки дерева, ему и говорит:

— Погляди-ка наверх, я сижу в мешке мудрости и в короткий срок успел изучить важные вещи; перед ними все ваши школы ничего не стоят; еще повишу я немного и, научившись всему, сойду вниз и стану мудрее всех людей на свете. Я разбираюсь в звездах, и в небесных знаках, и в движеньи ветров, и в песке на дне моря; я сведущ во врачеваньи болезней, в силах трав и знаю всех птиц и все камни. Вот если б мог ты хоть раз побывать в этом мешке, ты бы почувствовал, какое величие происходит из этого мешка мудрости.

Услышав обо всем этом, студент удивился и сказал:

— Да будет благословен тот час, когда я встретил тебя! Нельзя бы и мне, хотя б не надолго, побывать в этом мешке?

Пленик ответил ему сверху, что соглашается, дескать, на это неохотно:

— Да не надолго и за известную награду и доброе слово, пожалуй, пушу я тебя; но придется тебе часок подождать, мне еще осталось кое-чему доучиться.

Студент подождал немного, но показалось ему, что время тянется слишком долго, и он стал просить, чтобы тот пустил

его в мешок поскорее, — жажда мудрости-де у него очень уж большая. Тогда тот наверху притворился, что, наконец, готов уступить его просьбе, и сказал:

— Чтобы мне выбраться из этого дома премудрости, ты должен спустить мешок на веревке вниз, тогда уж я и пушу тебя в него.

Вот студент спустил мешок вниз, развязал его, и только тот из мешка вылез, студент крикнул ему:

— Ну, а теперь подымай меня наверх, да поживсе, — и хотел было уж влезть в мешок.

— Постой, — сказал ему тот, — так дело не выйдет. — И он схватил его и сунул вниз головой в мешок, затем завязал его и вздернул ученика мудрости на веревке на дерево, раскачал его в воздухе и говорит:

— Ну, каково, любезный приятель? Видишь, ты уже чувствуешь, что мудрость приливает к тебе в голову и становишься ты опытней. Ну, сиди теперь смирно, пока не станешь еще умней.

Затем вскочил он на лошадь студента и уехал, но все-таки прислал через час человека, чтобы спустить его вниз.

Кованный заново человек

В те времена, когда господь странствовал еще по земле, зашел он раз под вечер вместе со святым Петром к одному кузнецу, и тот охотно пустил их к себе переночевать. Но случилось так, что как раз в это самое время подошел к дому нищий, несчастный больной старик, и попросил у кузнеца милостыню. Петр сжалился над нищим и сказал:

— Господь мой и учитель, если тебе будет угодно, то избавь его от недугов, чтобы был он в силах сам себе на хлеб зарабатывать.

И кротко молвил господь:

— Кузнец, дай мне на время твой горн и подбрось в него углей, я омоложу этого больного старика.

Кузнец охотно согласился. Святой Петр взялся за мех, и когда пламя разгорелось и стало большое и высокое, взял господь бог старика, сунул его в горнило, прямо в самое пекло, и тот запылал, точно розовый куст, и стал восхвалять бога громким голосом. Подошел затем господь к чану, сунул в него человека с головой в воду, и когда тот как следует поостыл, дал он

ему свое благословение; и глядь — выскочил человек оттуда молодой, стройный, здоровый, и лет на вид будто двадцати. Кузнец, который был при этом и все это видел, пригласил всех их к себе на ужин. А жила у него старая, полуослепшая, горбатая теща, она подошла к юноше и как следует его ошупала, чтоб узнать, закалил ли его огонь как должно. И рассказал юноша, что никогда не было ему так хорошо и что сидел он в пламени, будто в прохладной росе.

Рассказанное юношей звучало всю ночь в ушах у старухи, и когда господь на заре отправился в путь-дорогу, хорошо отблагодарив перед тем кузнеца, то последний подумал: не сможет ли он омолодить также и свою старуху-тещу, так как он все в точности видел, а тут дело к тому же его ремесла касается. И вот он кликнул старуху и спросил, не хочется ли ей, мол, тоже прыгать, как восемнадцатилетней девушке. Она ответила: «От всего сердца хотела бы, — ведь дело с юношей вышло так удачно». — Вот раздул кузнец пламя пожарче и сунул в него старуху; начала та извиваться да корчиться и подняла страшный предсмертный вопль. «Сиди смиренно, чего ты кричишь и прыгаешь? Сейчас я раздую как следует». Он принялся раздувать мех снова, пока не сгорело на старухе все тряпье. Старуха вошла от боли, а кузнец думал: «Кузнечное дело на этом не кончилось», — он вынул старуху и бросил ее в чан с водой. Начала она кричать изо всех сил; услышали это наверху в доме жена кузнеца и ее невестка, кинулись они по лестнице вниз и видят — лежит старуха в чану и воет, вся вздулась, скорчилась, лицо у ней все сморщенное, изуродованное. И так они перепугались, — а были они обе уже на сносях, — что в ту же самую ночь родили по мальчику, но были младенцы совсем на людей не похожи, а на обезьян, и убежали они в лес; от них-то вот и пошел род обезьяний.

Звери господни и чортовы звери

Сотворил господь бог разных зверей и выбрал себе вместо сторожевых собак волков; а про козла и позабыл. Приготовился тут и чорт, собрался тоже что-нибудь сотворить, — и создал козлов с тонкими, длинными хвостами. Когда козлы ходили на пастбище, они всегда цеплялись хвостами за терновник и с трудом их вытаскивали. Надоело это чорту, явился он и откусил

хвосты у всех козлов, — вот потому и сейчас еще у них такие хвосты-обрубки.

Стал чорт пускать козлов одних пастись. Но случилось так, что увидел господь, как они плодовые деревья гложут, портят виноградные лозы и другие нежные растения. Это господа огорчило, и он решил, по доброте своей и милости, натравить на них своих волков; и разорвали волки козлов, что паслись там.

Как узнал о том чорт, явился к богу и говорит:

— Твои твари моих разорвали.

Ответил господь:

— А зачем ты их для вреда создал?

А чорт говорит:

— Я должен был так поступить: ведь помыслы мои направлены ко вреду, и создания мои тоже должны обладать такой же природой; вы должны мне дорого за них заплатить.

— Я уплачу тебе, когда с дубов листья облетят; тогда и приходи, деньги для тебя уже отсчитаны.

Облетела с дубов листва, и явился чорт, и потребовал у бога, чтоб тот отдал ему свой долг.

Но сказал господь:

— В храме, что находится в Константинополе, растет высокий дуб, а на дубе том все листья еще зелены.

В негодованьи и с проклятьями скрылся чорт и собрался на поиски того дуба, и блуждал он в пустыне целых шесть месяцев, пока, наконец, его отыскал; а когда он вернулся назад, ва это время все остальные дубы снова покрылись зеленой листвою. Так и не пришлось ему получить свой долг, и в ярости выколол тогда чорт всем остальным козлам и козам глаза и вставил им свои.

Вот оттого у всех козлов глаза чорта и короткие хвосты, и часто чорт принимает козлиное обличье.

Петушиное бревно

Жил-был колдун. Вот стоял он раз посреди большой толпы народу и показывал свои чудеса. Он кликнул к себе петуха, и поднял тот петух тяжелое бревно и нес его, будто оно было легкое, как перышко. А находилась в толпе девушка, посчастливилось ей найти недавно трилистник, на котором было четыре листика, и сделалась она оттого умной, ее невозможно

было обмануть никаким колдовством, и она заметила, что бревно на самом-то деле всего лишь соломинка. И крикнула девушка:

— Люди, да разве вы не видите, что петух держит всего лишь соломинку, а вовсе не бревно!

И миг все наваждение исчезло, и люди увидели, что было на самом деле, и прогнали колдуна с бранью и позором прочь.

А он разгневался и говорит:

— Уж я за это отомщу.

Спустя некоторое время праздновала девушка свадьбу. Вот нарядилась она и отправилась вместе с поезжанами через поле к тому месту, где находилась кирха. Вдруг подъезжают они к большому разлившемуся ручью, и не было там ни кладок, ни моста, чтоб переправиться. А невеста была бойкая, приподняла она юбку и собралась переходить вброд. Вошла она в воду, а стоял с ней рядом человек, был то колдун, и как закричит он, да так насмешливо:

— Эй, да где же твои глаза, откуда ты взяла, что тут вода?

И открылись у ней глаза, глядь — стоит она с поднятой юбкой среди поля, где растет, зацветая голубыми цветами, лен. Как увидели это все, стали ее бранить, над ней насмеяться, — и пришлось невесте бежать.

Старая нищенка

Жила-была однажды старушка-нищенка. Ты видел, пожалуй, как ходила одна старуха да милостыню просила?

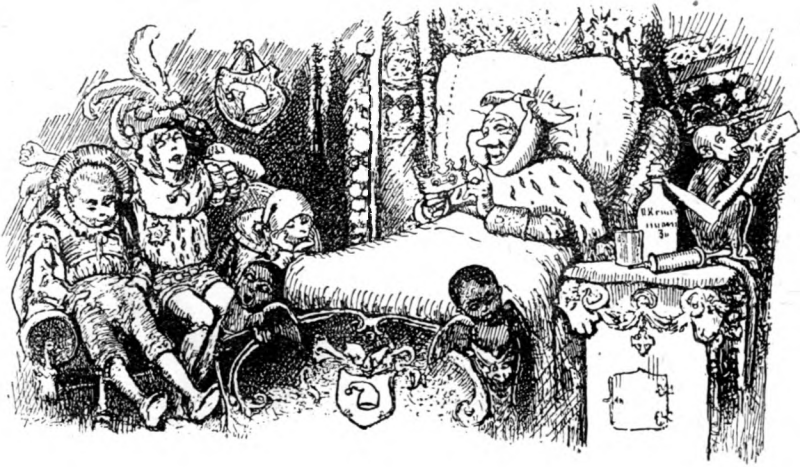
Так вот эта женщина тоже милостыню собирала, и когда ей что-нибудь подавали, она говорила: «Да вознаградит вас господь за это». Подошла раз нищенка к дверям одного дома, а стоял там парень, был он на вид ласковый, но большой плут, он грелся в то время у камелька. Вот и говорит парень ласково бедной старушке-нищенке, что стояла у дверей, дрожа от холода: «Вы, бабушка, подойдите да погрейтесь».

Подошла старуха к камельку, да слишком близко, и вот загорелись на ней старые лохмотья, но она того не заметила. А парень рядом стоял и видел это. Должен же он был их потушить? Не правда ли, он должен был их потушить? Даже если бы не было в доме воды, ему следовало бы все свои слезы выплакать, чтоб потекли они двумя чистыми ручьями и потушили огонь.

Три лентяя

Было у одного короля три сына, и все они были ему одинаково любимы, и он не знал, кого после своей смерти королем оставить. Подошло время старому королю помирать, подозвал он их к своему ложу и говорит:

— Милые дети, вот что я надумал и порешил: кто из вас самый ленивый, пускай тот королем и будет.

И сказал старший:

— Стало быть, батюшка, королевство принадлежит мне; уж я такой ленивый, что когда лежу и мне спать хочется, а упадет мне на глаза капля, то мне их и закрывать не хочется, чтоб уснуть.

Средний сказал:

— Королевство принадлежит мне, батюшка, — ведь я так ленив, что если сяду у костра погреться, то скорей я себе пятки сожгу, чем ноги отодвину.

Третий сказал:

— Королевство мое, батюшка, — я ведь такой лентяй, что если меня станут вешать, и будет уже веревка у меня на шее, и даст мне кто-нибудь острый нож в руки, чтоб перерезать веревку, то я скорей позволю себя повесить, чем протяну руку к веревке.

Услыхал это король и сказал:

— Ты, пожалуй, будешь самый ленивый и потому должен стать королем.

Двенадцать ленивых работников

Двенадцать работников день-деньской ничего не делали, и вечером тоже себя утруждать не хотели. Вот легли они раз на травку и стали своей ленью похваться.

Первый сказал:

— Да какое мне дело до вашей лени, — мне и своей-то хватит. Забота о себе — это главная моя работа; ем я немало, а пью и того больше. Съем я этак четыре обеда, затем попоцусь маленько, пока голода не почувствую, — так-то оно для меня, пожалуй, лучше всего. Рано вставать — это не в моем обычае; если дело подходит к полудню, то найду я себе местечко где-нибудь поспокойнее. Позовет хозяин, а я будто и не слышу; позовет еще раз, а я подожду немного, пока он меня шодымет, ну, и иду уж, конечно, медленно. Этак жить еще можно.

Второй сказал:

— А мне вот за лошадьё ухаживать приходится, но уздечку я с нее не снимаю; если мне неохота, то и корму ей не даю, и говорю, что, дескать, она уже поела. Завалюсь я в ясли с овсом и посплю этак часика четыре. Затем протяну ногу и поглажу разок-другой лошадьё по спине, вот она уж и почищена, да кто ж спрашивать-то да проверять будет? Но служба у меня все же слишком тяжелая.

Третий сказал:

— И зачем себя мучить работой? Да и что в том толку? Лягу это я себе на солнышке да посплю. Начнет дождь накрапывать, а мне зачем вставать? Ну и пусть себе, слава богу, идет. И полил, наконец, ливень, да такой сильный, что аж волосы с головы срывал и с водой уносил, вот и дыру мне в черепе продолбил; ну, наложил я себе пластырь, и ничего — обошлось. Таких бед да несчастий у меня было достаточно.

Четвертый сказал:

— А я, прежде чем за работу приняться, промешкаю сначала с часок, чтоб силы набраться, а затем и начинаю помалу, и спрашиваю, нет ли случайно кого, кто бы мне помог. Ну, и уступаю ему большую часть работы, а сам только присматриваю; но для меня и этого слишком много.

Пятый сказал:

— Да это что! А вот вы представьте себе — должен я навоз убирать из конюшни и накладывать его на телегу. Дело это я делаю медленно, наберу немного на вилы, подыму вверх, — ну, так с четверть часа и отдыхаю, пока на телегу не кину.

Довольно и того, если за день одну телегу вывезу. Нет у меня охоты работать до изнурения.

Шестой сказал:

— Эх, стыдно вам: я вот никакой работы не боюсь; полежу сперва недельки три и даже одежду с себя не снимаю. Да к чему еще эти пряжки на башмаках? Пусть себе с ног сваливаются — это ничего. А если на лестницу мне взбираться, то поставлю я не спеша сначала одну ногу, а затем другую на первую ступеньку, потом сосчитаю и остальные, чтобы знать, где можно будет передохнуть.

Седьмой сказал:

— Нет, у меня дело совсем другое: мой хозяин следит за моей работой; но только целый день его не бывает дома. Однакоже я всюду поспеваю, ничего не упускаю, бегаю, елико возможно, когда ползаешь еле-еле. А чтоб сдвинуть меня с места, это, пожалуй, только четырем дюжим парням под силу будет. Пришел это я раз, а на полатях лежат рядом шестеро и спят. Лег и я с ними и заснул. И не разбудить меня было, а тут я дома по хозяйству оказался нужен, так пришлось нести меня, надо сказать, на руках.

Восьмой сказал:

— Ну, видно, я всех вас проворней буду: вот ежели, например, лежит где камень, я себя не утруждаю, чтобы ногу поднять да переступить через него, а ложусь прямо на землю — все равно грязь или лужа попадетя — и лежу себе, пока на солнце не высохну; разве что повернусь на другую сторону, чтобы оно меня грело.

Девятый сказал:

— Да это что! Вот нынче лежал передо мной хлеб, но мне было лень его взять, так я чуть было с голоду не помер. Да стояла еще кружка, но была она большая да тяжелая, ну, мне и не хотелось ее подымать, — уж лучше было от жажды страдать. Перевернуться с боку на бок — это для меня слишком много; так и пролежал я день-деньской, как бревно.

Десятый сказал:

— А вот у меня из-за лени беда приключилась: ногу сломал я себе, да икры вспухли. Лежало нас трое на проезжей дороге, а я ноги вытянул и лежу. А тут едет повозка, — ну, колеса меня и переехали. Правда, я мог ноги принять с дороги, но я не слышал, как телега ехала, — всё комары над ухом жужжали, в нос влетали, а через рот вылетали; ну кому охота придет их еще отгонять?

Одиннадцатый сказал:

— Вчера от службы я отказался. Неохота было мне таскать своему хозяину тяжелые книги то туда, то сюда, — и так каждый день без конца. Но, правду сказать, хозяин меня от-

пустил и удерживать не стал; платья я его никогда не чистил, и их моль все поела, — вот это да-а!

А двенадцатый сказал:

— Сегодня пришлось мне ехать по полю в телеге; положил я на нее соломы и лег, — ну и крепко заснул. Вожжи из рук у меня и выпали. Проснулся, вижу — лошадь из упряжи вырвалась, нет ни постромок, ни хомута, ни уздечки, ни удила. А мимо проходил какой-то человек, — он все и унес. Да к тому же попала телега в лужу, в ней и застряла. Я ее так и оставил, а сам опять на солому завалился. Приходит, наконец, сам хозяин; вытащил он телегу, — а не приди он, то и не лежал бы я тут с вами, а лежал бы там да спал себе преспокойно.

Пастушок

Жил-был пастушок, и был он за мудрые свои ответы, что давал на все вопросы, повсюду знаменит да известен. Услыхал о том и король той стороны и, тому не поверив, велел привести к себе мальчугана. И сказал он ему:

— Если ты сможешь ответить мне на три вопроса, то возьму я тебя к себе, и будешь ты мне вместо сына, будешь жить в моем королевском замке.

Мальчик спросил:

— А что это за три вопроса?

А король говорит:

— Мой первый вопрос такой: сколько капель воды в море?

Пастушок ответил:

— Господин король, велите остановить все реки, что текут на земле, чтоб ни одна капля из них в море не убегала, пока я их не пересчитаю, и я скажу вам, сколько капель в море.

Говорит король:

— Второй мой вопрос будет такой: сколько звезд на небе?

Пастушок сказал:

— Дайте мне большой лист бумаги.

Наставил он пером на ней так много маленьких точек, что их было еле видно, почти невозможно было их счесть, и рябило в глазах, когда на них смотришь. И сказал он королю:

— Вот столько же и звезд на небе, сколько точек на этой бумаге; попробуйте счесть их!

Но никто не мог этого сделать. И говорит король:

— А третий вопрос мой: сколько секунд в вечности?

И ответил ему пастушок:

— Есть в дальней Померании Алмазная гора; чтоб подняться на ее вершину, надо итти целый час; и целый час надо, чтобы пройти ее вдоль; и целый час, чтобы в глубь той горы спуститься. На вершину ее раз в столетье прилетает птичка и точит свой клюв, — так вот, когда она всю гору источит, то пройдет первая секунда вечности.

И сказал король:

— Ты ответил на три вопроса, как мудрец; отныне ты будешь жить со мной в моем королевском замке и будешь мне вместо сына.

Звездные талеры

Жила-была маленькая девочка. Отец и мать у ней умерли, и была она такая бедная, что не было у ней даже каморки, где жить, и кровати, где спать. Наконец осталось у нее одно только платье, что на ней было, и кусочек хлеба в руке, который ей подала какая-то жалостливая душа. Но была она добрая и скромная. И оттого, что была она всем миром покинута, вышла она, полагаясь на волю господню, в поле. Встретился ей на дороге бедняк и говорит:

— Ах, дай мне чего-нибудь поесть, я так проголодался.

Она отдала ему последний кусочек хлеба и сказала:

— На здоровье, — и пошла дальше.

Шел по дороге ребенок, он жалобно плакал и сказал:

— Холодно моей голове, подари мне что-нибудь, чем бы я мог ее покрыть.

Сняла она свою шапочку и отдала ему. Прошла она еще немного, и повстречался ей опять ребенок, не было на нем ничего и весь он дрожал от холода, —

и она отдала ему свое платье. А потом попросил у нее другой ребенок юбочку, и отдала она ему юбочку. Наконец пришла она в лес, а уже совсем стемнело, и явился еще ребенок, попросил у нее рубашечку. И добрая девочка подумала: «Ночь темная, меня никто не увидит, — можно, пожалуй, отдать и рубашку», — и сняла она рубашку, отдала и ее. И вот стоит она, и нет у нее ничего больше и вдруг стали падать звезды с неба, а были то не звезды, а новехонькие блестящие талеры; и хотя она отдала свою последнюю рубашку, но появилась на ней новая, да притом из самого топкого льна. И подобрала она в подол талеры, и хватило их ей на всю жизнь.

Смотриньы

Жил один молодой пастух. Очень захотелось ему жениться, а был он знаком с тремя сестрами, и все они были красавицы; трудно ему было сделать выбор, и он не мог никак решить, какой же из них отдать предпочтение. Спросил он тогда совета у матери, а мать ему и говорит:

— А ты пригласи всех троих, поставь перед ними сыр и смотри, как они будут его резать.

Парень так и сделал. Первая из сестер съела сыр вместе с корочкой. Вторая срезала второпях корочку с сыра, а так как была она суетливая, то оставила много хорошего сыра на корке и не стала его есть. А третья не спеша да как следует срезала корку, не слишком много и не слишком мало. Рассказал об этом пастух своей матери, а мать и говорит:

— Возьми себе в жены третью сестру.

Так он и сделал, и жил он с ней вместе в довольстве и в счастье.

Очески

Жила однажды девушка, была она красавица, да зато ленивая и нерадивая. Когда ей надо было прясть пряжу, она сердилась, если ей попадался какой маленький узелок на льняной пряже, она вырывала целый пучок прядева, бросала его наземь, словно отбросы какие-нибудь. А была у нее служанка, та была работя-

щая, — подберет она выброшенный лен, очистит его, спрядет его тонко да так искусно; и вот выткала она себе из таких оческов красивое платье. А сватался за ленивую девушку один парень, и должны были праздновать свадьбу. Вечером накануне свадьбы весело танцевала прилежная девушка в своем красивом платье, а невеста и говорит:

Как плясать не стыдно ей,
Ведь очески-то на ней!

Услыхал это жених и спрашивает невесту, что она этим хотела сказать. И рассказала она жениху, что на той вон девушке все платье соткано из льняной пряжи, которую она выбрасывала. Как услышал это жених, понял, что она ленивица, а та, бедная девушка, работающая, — бросил свою невесту, подошел к той и выбрал ее себе в жены.

О блаженной стране небывалой

В те блаженные времена пошел я раз и вижу — висит на маленькой шелковой ниточке Рим и Латеран, и бежит безногий человек быстрее самого резвого коня, а острый меч мост пополам рассекает. Потом видел я еще молодого осла с серебряным носом, бежит он и гонится за двумя быстрыми зайцами; и стоит липа такая ветвистая, и растут на ней горячие оладьи. И видел я тощую старую козу, тащила она на себе целых сто возов сала и шестьдесят возов соли. Ну, что, мало наврал? И видел я, как плуг пахал сам без коней и быков, а годовалый ребенок четыре мельничных жернова кинул из Регенсбурга до самого Трира, а из Трира прямо в Страсбург; а ястреб плыл через Рейн, — это правда, а то как же он мог бы на берег другой перебраться?

И слышу я — затеяли рыбы такой шум промеж себя, что слышно было до самого неба, а мед тек целой рекою, с глубокой долины на высокую гору, — вот уж, что и говорить, диковинные дела! Да еще там два ворона луг косили; и приметил я двух комаров, что мост строили. А два голубя волка разорвали, двое ребят козочек вверх бросали, а две лягушки зерно молотили. А потом я видел, как две мыши епископа в сан посвящали, а две кошки медведю язык вырвали. Прибегает тогда улитка, убивает двух диких львов. А тут стоит брадобрей, женщине бо-

роду подстригает, а двое грудных детей матерям замолчать велют. А еще видал я двух гончих собак, тащили они мельницу из воды, а старая кляча стоит и им говорит: «Так вам и надо». И стоят во дворе четыре коня и зерно изо всех сил молотят, а две козы печь топят, а рыжая корова хлебы в печку сажает. Тут как запел петух: «Ку-ка-ре-ку!» Вот и сказке конец, ку-ка-ре-ку!

Сказка-небылица

Хочу я вам кое-что рассказать. Видал я раз, как летели две жареных курицы. Летели они, надо сказать, быстро, животы свои к небу задрали, ну а спины прямо в преисподнюю повернули; а наковальня с мельничным жерновом через Рейн плыли, да так уж тихо, медленно-прямедленно; а лягушка сидела и лемех ела, — было дело на льду, в Троицын день. И стояло тут еще трое парней; случилось, что собрались они зайца поймать, а шли они на костылях и на ходулях; один был глухой, другой — слепой, третий — немой, а четвертый — и ногой вовсе двинуть не мог. Может, вы хотите узнать, как все это кончилось? Слепой — тот первый увидел, что по полю заяц бежит; немой крикнул хромому, а хромой — хватъ зайца, да прямо за шиворот. А вот было еще: собралось несколько человек плыть по земле — натянули они паруса и поплыли себе по широкому полю; переплыли через высокую гору, и что ж? — утонули бедняги. А рак гнался за зайцем; и лежала высоко на крыше корова, — она взлетела туда. А мухи в тех краях большущие-пробольшущие, все равно как у нас козы.

А теперь открой-ка окошко, чтоб все небылицы в него ултели.

Сказка-загадка

Были обращены три женщины в цветы, они росли на поле, и один из цветков мог бывать по ночам дома. И вот, когда начало уже светать, говорит раз женщина своему мужу, — а ей пора уже было ити опять к своим подружкам на поле и сделаться опять цветком:

— Если ты придешь нынче до полудня на поле и меня сорвешь, я буду расколдована и буду опять жить с тобой.

Так и случилось. Но вот спрашивается, как же муж узнал ее? Ведь цветы были похожи друг на друга и различить их было нельзя.

Ответ: «А вот как: ведь она-то ночевала у себя дома, на поле ее не было, и роса на нее не упала, как на те два других цветочка, и поэтому муж мог ее узнать».

Белоснежка и Алоцветик

Жила бедная вдова одна в своей избушке, а перед избушкой был у нее сад; росло в том саду два розовых деревца, и цвели на одном белые розы, а на другом — алые; и было у нее двое детей, похожих на эти розовые деревца, звали одну — Белоснежка, а другую — Алоцветик. Были они такие скромные и добрые, такие работающие и послушные, что таких еще и не было на свете; только Белоснежка была еще тише и нежней, чем Алоцветик. Алоцветик все больше прыгала и бегала по лугам и полям, собирала цветы и ловила бабочек; а Белоснежка — та больше сидела дома возле матери, помогала ей по хозяйству, а когда не было работы, читала ей что-нибудь вслух. Обе сестры так любили друг друга, что если куда-нибудь шли, то держались всегда за руки, и если Белоснежка, бывало, скажет:

— Мы всегда будем вместе, —

то Алоцветик ей ответит:

— Да, пока мы живы, мы никогда не расстанемся, —
а мать добавляла:

— Что будет у одной из вас, пусть поделится тем и с другой.

Часто девочки бегали в лесу одни, собирали спелые ягоды, но ни один зверь их не трогал, и все доверчиво подходило к ним. Зайчик ел у них с руки капустный лист, дикая коза паслась рядом с ними, весело прыгал около них олень, и птицы оставались сидеть на ветках и распевали разные песни, какие только знали. И ни разу никакой беды с сестрами не случалось. Если они, бывало, в лесу задержатся и наступит уже ночь, они лягут рядом на мягком мху и спят так до утра; мать знала об этом и никогда о них не беспокоилась. Однажды заночевали они в лесу, проснулись на рассвете, видят — сидит рядом с ними чудесное дитя в белом сверкающем платье. Оно встало и ласково на них поглядело, но ничего им не сказало и ушло в

глубину леса. Оглянулись они и увидели, что спали они как раз на самом краю пропасти и, должно быть, упали бы в нее, если бы в темноте сделали хоть один шаг. И вот мать им объяснила, что то, должно быть, был ангел, охраняющий добрых детей.

Белоснежка и Алоцветик держали избушку в такой чистоте, что в нее приятно было заглянуть. Летом за домом присматривала Алоцветик. Каждое утро, пока мать еще спала, ставила она у ее постели цветы — с каждого деревца по розе. Зимой Белоснежка затапливала печь, подвешивала к очагу котел на крюке; и медный котел блестел, точно золото, так хорошо он был вычищен. Вечером, когда падал белыми хлопьями снег, мать говорила:

— Ступай, Белоснежка, и запри дверь на задвижку.

Они садились потом у очага, и мать надевала очки и читала им вслух из большой книги. А девочки сидели, пряли и слушали. Рядом с ними лежал на полу ягненок, а сзади сидел на насесте белый голубок, спрятав голову под крыло.

Раз вечером сидели они мирно все вместе, вдруг кто-то постучался в дверь и попросил, чтоб его впустили. Мать говорит:

— Алоцветик, открой поскорей дверь, это, пожалуй, какой-нибудь странник просится на ночлег.

Алоцветик пошла и отодвинула задвижку, думая, что это какой-нибудь бедный человек; но то был медведь, который просунул в дверь свою большую черную голову. Алоцветик громко вскрикнула и отскочила назад, ягненок в то время заблеял, голубок вспорхнул, а Белоснежка забралась к матери на постель. Но медведь вдруг заговорил и сказал:

— Не бойтесь, я вас не трону, я очень озяб и хочу у вас немного отогреться.

— Ох ты, бедный медведь, — сказала мать, — ну, ложись тогда поближе к огню; только смотри, не спали своей шубы.

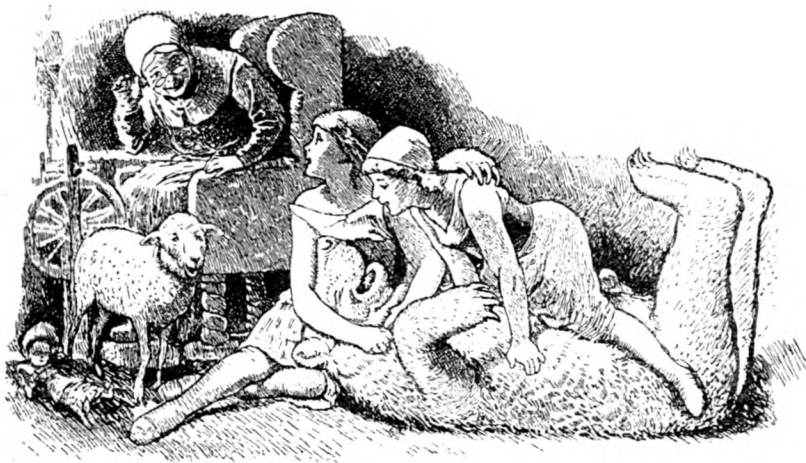
Затем она кликнула:

— Белоснежка, Алоцветик, идите сюда, медведь вас не тронет, он добрый.

Девочки подошли поближе, и мало-помалу и ягненок с голубком тоже перестали бояться медведя. Тогда медведь и говорит:

— Дети, стряхните снежок с моей шубы.

Девочки принесли метелку и как следует почистили медведю шубу; он растянулся у очага и начал весело урчать от удовольствия. Вскоре они и совсем к медведю привыкли и стали подшучивать над своим неуклюжим гостем. Они теребили его за шерсть, становились ему на спину, таскали его по комнате или брали прут и били его, а когда он ворчал, они весело смеялись. И медведю это нравилось, но когда уж слишком сильно они ему докучали, он кричал:

— Ах, дети, оставьте меня в живых:

Вы меня уж пожалейте,
Женишка-то не убейте.

Когда пришло время ложиться спать и все уже были в постели, мать сказала медведю:

— А ты уж, бог с тобой, оставайся лежать себе у печки, уж тут ты укроешься от холода и непогоды.

Когда начало светать, дети выпустили медведя, и он затопал по сугробам в лес. С той поры стал медведь приходить к ним каждый вечер в свой обычный час. Он ложился у очага и всегда позволял детям с ним играть и коротать свой досуг; и все так к нему привыкли, что даже дверей не запирали, пока не явится их черный приятель.

Но вот наступила весна, все кругом зазеленело, и сказал тогда медведь Белоснежке:

— Ну, теперь мне пора убраться, — целое лето я к вам не приду.

— Куда же ты пойдешь, милый медведь? — спросила его Белоснежка.

— Мне надо идти в лес, свои сокровища от злых карликов сторожить. Зимой, когда земля замерзает, их никто там не откопает; но теперь, когда земля на солнце оттаяла и согрелась, карлики, чего доброго, еще заберутся, начнут искать сокровища, докопаются и их утащут; а что попадет к ним в руки, то спрячут они в свои пещеры, и не так-то легко их будет разыскать.

Белоснежка сильно загрустила, что приходится им расставаться. Когда она открыла дверь, то медведь, пробираясь, зацепился за дверной крюк, дернулся и вырвал кусок шкуры, — и показалось Белоснежке, будто золото блеснуло; но она не была в этом уверена. Медведь быстро убежал и вскоре исчез за деревьями.

Спустя некоторое время мать послала детей в лес собирать валежник. В лесу нашли они большое срубленное дерево; лежало оно на земле, и у ствола в траве что-то прыгало; но они никак не могли разобрать, что это такое. Они подошли поближе, видят — стоит перед ними карлик, лицо у него старое, морщинистое, и длинная-предлинная седая борода. Кончик бороды попал в трещину дерева, и человечек прыгал, как собачонка на привязи, и не знал, как ему свою бороду вытащить. Он вытаращил на девушек красные горящие глаза и крикнул:

— Ну, чего стоите, разве нельзя подойти и помочь мне?

— Да как это с тобой, человечек, случилось? — спросила его Алоцветик.

— Глупая гусыня, да к тому ж и любопытная, — ответил карлик, — хотел я было дерево расколоть, чтоб дров себе для

печки нарубить; если класть толстые поленья, то наше кушанье быстро подгорает, — мы ведь не так прожорливы, как вы, грубый да жад-

ный народ. Клин вогнал я удачно, и все шло как следует, но проклятое дерево было слишком гладкое, вот клин случайно и выскочил, дерево так быстро сошло, что я не успел вытащить своей красивой белой бороды. Вот она и защемилась, и мне нельзя теперь выбраться отсюда. Чего смеетесь, глухие, толстые рожи? Тьфу, до чего же вы скверные!

Дети стали изо всех сил бороду тащить, но вытащить ее никак не могли, — уж очень крепко она застряла.

— Я сбегая людей позову, — сказала Алоцветик.

— Эх, головы вы бараньи! — прокричал карлик. — Зачем людей-то звать — вас тут и двоих будет достаточно. Лучше ничего надумать не можете?

— Ты уж потерпи маленько, — сказала Белоснежка, — я что-нибудь да придумаю; и она достала из кармана маленькие ножницы и отрезала кончик бороды. Как только карлик освободился, он тотчас схватил мешок, полный золота, спрятанный под корнями, вытащил его оттуда и проворчал про себя: «Вот неотесанный народ, отрезали кусок такой чудесной бороды, черт вас возьми!» Схватил мешок свой на плечи и ушел, — на детей даже не глянул.

Захотелось вскоре после того Белоснежке и Алоцветику наловить рыбы к обеду. Подошли они к ручью, видят — скачет над водой большой кузнечик, точно в воду прыгнуть собирается. Подбежали они и узнали карлика.

— Ты куда это собрался? — спросила его Алоцветик. — Уж не в воду ли прыгнуть хочешь?

— Я не такой уж дурак, — крикнул ей карлик, — разве не видите, что проклятая рыба меня за собой тянет?

Человечек сидел и удил рыбу, а ветер, к несчастью, запутал его бороду в лёску; и когда клюнула большая рыба, у карлика нехватило сил ее вытянуть; рыба была сильнее его и тянула карлика за собой. Как ни хватался он за траву и за камыш, ничего поделаться не мог, и пришлось бы ему нырять вслед за рыбой, вот-вот утащила бы она его в воду. Девочки подросли как раз во-время, подхватили карлика и стали бороду из лёски выпутывать; но ничего у них не выходило, борода и лёска крепко перепутались. Оставалось только одно — достать небольшие ножницы и отрезать бороду, — вот пропал и еще кусок бороды. Увидал это карлик, начал на них кричать:

— Разве это дело, жабы вы этакие, уродовать человеку лицо? Мало вам того, что вы мне уж раз бороду обкорнали, а теперь собираетесь отрезать еще кусок, да притом самый красивый? Мне теперь к своим и на глаза показываться нельзя будет! Чтоб вам пусто было! — Тут достал он мешок с жемчугами, запрятанный в камышах, и, не сказав больше ни слова, потащил его куда-то и исчез за прибрежным камнем.

Случилось, что вскоре после того послала мать обеих девочек в город купить ниток, иглонок, шнурков и лент. А дорога шла через долину, где повсюду лежали в беспорядке огромные обломки скал. И вдруг увидели они на небе большую птицу; она медленно кружила над ними, спускаясь все ниже, и села, наконец, поблизости на скалу. Затем они услышали резкий, жалобный крик. Они подбежали и с ужасом увидели, что орел схватил их старого знакомого карлика, собираясь его унести. Добрые дети тотчас уцепились за человечка и стали его у орла отнимать; и выпустил, наконец, орел свою добычу. Не успел карлик притти в себя от испуга, как начал кричать своим визгливым голосом:

— Разве нельзя было обращаться со мной по-вежливее? Вот ухватились за мой тоненький сюртучок и весь его разорвали, весь он теперь в дырках, ах вы такие-сякие, неуклюжие да неповоротливые!

Взял затем карлик свой мешок с драгоценными камнями и шмыгнул снова в свою пещеру под скалами. Но девушки уже привыкли к его неблагодарности; они продолжали свой путь, пришли в город и сделали свои покупки.

На обратном пути через долину они увидели карлика: выбрав ровное местечко, карлик высыпал из

мешка драгоценные камни, не подозревая, что кто-нибудь будет так поздно проходить мимо. Вечернее солнце падало на блестящие камни, и они так красиво сияли и светились разными цветами, что дети остановились и засмотрелись на них.

— Чего вы стоите, мерзкие ротозей? — кричал карлик, и его пепельно-серое лицо стало от гнева красное, как киноварь.

Он бы продолжал еще браниться, но вдруг послышался громкий рев, и черный медведь затопал из лесной чащи. Вскочил испуганный карлик, но добраться до своей лазейки не успел — медведь был уже совсем близко. И крикнул карлик в большом страхе:

— Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня, я отдам тебе за это все свои сокровища! Погляди на эти прекрасные драгоценные камни, что лежат перед тобой. Не убивай меня! Что пользы тебе от такого маленького, щуплого человечка? Да ты меня на зубах и не почувствуешь; съешь лучше вот этих двух злых девочек; они будут для тебя лакомым куском, они жирны, как молодые перепелки, съешь их во славу господню!

Но медведь не обратил внимания на его слова и ударил злобного человечка лапой так, что тот больше уж и не поднялся.

Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им вслед:

— Белоснежка, Алоцветик, не бойтесь, подождите, я вас провожу.

Они узнали его по голосу, остановились. Подошел к ним медведь, и вдруг свалилась с него медвежья шкура, — и стоял перед ними красивый юноша, одетый весь в золото.

— Я сын короля, — сказал он, — я был околдован этим злым карликом. Он украл у меня мои сокровища, обратил меня в дикого медведя и заставил жить в лесу до той поры, пока его смерть не расколдует меня снова. А теперь он получил должное возмездие.

И вышла Белоснежка за королевича замуж, а Алоцветик — за его брата; а большие сокровища они поделили между собой поровну. Мать-старуха жила еще долгие годы счастливо и спокойно вместе со своими детьми. Два розовых деревца она взяла вместе с собой, и они росли перед ее окном, и каждый год зацветали на них прекрасные розы — белые и алые.

Умный работник

Как счастлив хозяин и как хорошо все ладится у него в доме, если есть у него умный работник, который хотя и слушает его да поступает не так, как говорит хозяин, а следует своему собственному разуму. Вот такой умный Ганс и был послан однажды

своим хозяином на поиски пропавшей коровы. Долго он не возвращался, и хозяин подумал: «А верный-то Ганс уж как в работе старается!» А тот домой все не возвращался. Начал уже хозяин опасаться, не случилось ли с работником какого несчастья, и вот собрался он сам итти его разыскивать. Долго ему пришлось искать; наконец нашел он работника, тот бегал взад и вперед по широкому полю.

— Ну, милый Ганс, — сказал хозяин, нагнав его, — что ж, нашел ты корову, за которой я тебя посылал?—

— Нет, хозяин, — ответил тот, — коровы я не нашел, да я ее и не искал.

— А что ж ты, Ганс, искал?

— Кое-что получше, и, по счастью, нашел.

— А что же ты нашел?

— Трех черных дроздов, — ответил работник.

— А где ж они? — спросил хозяин.

— Да вот одного вижу, другого слышу, а за третьим гоняюсь, — ответил расторопный работник.

Берите пример с Ганса, не заботьтесь о своем хозяине и об его указаниях, а делайте лучше то, что вам вздумается, к чему будет охота, и вы поступите так же умно, как и этот вот умный Ганс.

Стеклянный гроб

Пускай никто не говорит, что бедный портной, мол, не в силах достигнуть многого и добиться высоких почестей, — для этого только надо попасть на правильную колею, вот в этом-то самое главное дело, чтоб повезло человеку. Такой вот хороший, добрый да расторопный портняжка шел однажды, странствуя, своим путем-дорогой и зашел в дремучий лес, а так как он дороги не знал, то и заблудился. А наступила ночь, и не оставалось ему ничего другого, как искать себе пристанища среди такого жуткого одиночества. Хотя и нашел он себе, правду сказать, на мягком мху неплохую постель, но страх перед дикими зверями не давал ему покоя, и пришлось ему, наконец, решиться заночевать на дереве. Нашел он высокий дуб, взобрался на самую его макушку и возблагодарил господа бога за то, что захватил с собой утюг, а не то, чего доброго, сдунул бы портняжку ветер, гулявший над вершинами деревьев.

После нескольких часов, проведенных им в темноте не без дрожи и страха, он заметил в небольшом отдалении мерцание огонька. Подумав, что это, должно быть, человеческое жилище,

где ему было бы поудобней, чем на ветках дерева, он осторожно спустился вниз и пошел навстречу огоньку. Огонек привел его к маленькой избушке, она была сплетена из камыша и волчьей травы. Он смело постучался, двери открылись, и при отблеске пробившегося света он увидел старого, седого как лунь человечка, и была на нем одежда шита из пестрых лоскутьев.

— Кто вы такой и чего вам тут надо? — спросил его старичок картавя.

— Я бедный портной, — ответил тот, — меня застала ночь в этих дебрях, и я вас убедительно прошу приютить меня у себя в хижине.

— Ступай своей дорогой, — ответил ворчливо старик, — с бродягами мне нечего возиться. Поищи себе пристанища где-нибудь в другом месте.

С этими словами он собрался было юркнуть назад к себе в дом, но портной крепко ухватил его за полу сюртучка и начал так жалостно упрашивать, что старик, который вовсе не был таким злым, каким он себя показывал, наконец смягчился, пустил его к себе в хижину и дал ему поест, а потом указал в углу довольно удобное ложе для ночлега.

Усталого портного не надо было убаюкивать, он сладко проспал до утра, и не подумал бы, что пора уже вставать, если бы не испугал его сильный шум. Через тонкие стенки домика послышался громкий крик и рычанье. Портным овладело неожиданное мужество, он вскочил, оделся и быстро выскочил во двор. Тут он заметил вблизи хижины огромного черного быка и красивого оленя, они яростно дрались между собой. Они напали один на одного с таким ожесточением, что от топота их ног дрожала земля, а от крика звенел воздух. Долгое время невозможно было предвидеть, кто из них выйдет победителем, но вот олень всадил, наконец, своему противнику в живот рога, и черный бык со страшным ревом упал на землю и после нескольких ударов оленя лежал уже мертвый.

Портной, глядевший в изумлении на это единоборство, стоял недвижимо; в это время олень подскочил к нему, и не успел портной отбежать, как тот со всего разбега поднял его на свои огромные рога. Не успел портной и опомниться, как олень бежал уже вскачь через горы и доли, леса и луга. Портной крепко уцепился обеими руками за рога и отдал себя на волю судьбы. И ему только казалось, будто летит он куда-то. Наконец у обрыва скалы олень остановился и осторожно опустил портного на землю. Портной был ни жив ни мертв, и понадобилось немало времени, пока он снова пришел в себя. Когда он чуть отдохнул, олень, стоявший около него, ударил рогами в дверь, находившуюся в скале, с такой силой, что та вмиг распахну-

лась. Оттуда выбились языки пламени, поднялись потом густые пары, и исчез в тех парах олень на его глазах. Портной не знал, что ему теперь делать, куда ему теперь идти, чтоб выбраться из этой пустыни к людям. Он стоял в нерешительности, и вдруг из скалы послышался голос, который молвил ему: «Входи без страха сюда, с тобой никакой беды не случится». Правда, портной сперва не решался, но, подталкиваемый какой-то таинственной силой, он послушался голоса и вошел через железную дверь в большой, просторный зал. Его потолки, стены и пол были сделаны из блестящих, полированных квадратных плит; и на каждой из них были начертаны непонятные ему знаки. Портной начал в изумлении все разглядывать, и только он было собрался уже уходить, как услышал опять голос, который сказал ему: «Ты ступи на тот камень, что находится по среди зала, и тебя ожидает великое счастье».

Мужество у портного так возросло, что он исполнил это указание. Камень начал под его ногами подаваться и медленно опустился вниз. Стал камень снова прочно на место; оглянулся портной и видит, что он находится в зале, по размеру таком же, как и первый. Но здесь было больше чему удивляться и на что посмотреть. В стенах были вырублены ниши, и в них стояли сосуды из прозрачного стекла, наполненные окрашенным спиртом или голубоватым дымом. Стояли на полу зала два больших стеклянных ящика, один напротив другого, и они тотчас привлекли внимание портного. Он подошел к одному из них и увидел внутри него красивое здание, похожее на замок, оно было окружено надворными постройками, конюшнями, сараями и множеством разных красивых предметов. Все было маленькое, но было сделано необычайно тщательно и изящно, и казалось, что все вырезано искусной рукой мастера с величайшей точностью.

Он долго бы еще глядел, не отрываясь, на эти диковинные предметы, если бы не послышался вновь голос, который велел ему оглянуться и осмотреть стоящий напротив него ящик. И каково было изумление портного, когда он увидел необычайной красоты девушку! Она лежала как бы во сне и была вся укутана светлыми волосами, словно драгоценной мантией. Ее глаза были плотно закрыты, но румянец на ее лице и повязка, что отдыхая то вздымалась, то опускалась, — все это говорило о том, что девушка жива. Портной глядел с бьющимся от волнения сердцем на красавицу, и вдруг она открыла глаза, и при виде его ее охватили радость и страх.

— Праведное небо! — воскликнула она. — Близится час моего освобождения! Скорей, скорей спаси меня из моей темницы: если ты отодвинешь задвижку на этом стеклянном гробу, я буду расколдована.

Портной немедленно послушался, и тотчас она подняла стеклянную крышку, вышла из гроба и быстро направилась в угол зала и там укрылась широкой мантией. Потом она уселась на камень, подозвала к себе юношу, нежно поцеловала его в губы и сказала:

— Мой долгожданный освободитель, само милое сердце небо привело тебя ко мне и положило конец моим страданиям. В тот день, когда они кончатся, для тебя начнется счастье. Ты дарованный мне небом жених, ты будешь мною любим и окружен в избытке всеми земными благами, и вся твоя жизнь пройдет в радостях. Садись и выслушай рассказ про мою судьбу:

«Я дочь одного богатого графа. Мои родители умерли, когда я была еще совсем ребенком, и меня отдали по их воле на попечение старшего брата, у которого я и воспитывалась. Мы так нежно любили друг друга, были так во всем единодушны и согласны, что решили никогда ни с кем не вступать в брак и жить до самой смерти вместе. В нашем доме никогда в обществе недостатка не было; нас часто посещали друзья и соседи, и мы радушно всех принимали.

Однажды, вечером, к нам в замок заехал на коне какой-то незнакомец; он сказал, что ему из-за позднего времени добраться до ближайшего места трудно, и попросился у нас переночевать. Мы любезно удовлетворили его просьбу, и он долго беседовал с нами за ужином и самым приятным образом рассказывал нам всяческие истории. Он так понравился моему брату, что тот предложил ему остаться у нас на несколько дней. Незнакомец сначала отказывался, но потом согласился. Была уже поздняя ночь, когда мы встали из-за стола. Незнакомцу была отведена комната, и я, устав, поспешила поскорей улечься в свою мягкую перину. Но только я задремала, как меня разбудили звуки нежной и приятной музыки. Я не могла разобрать, откуда они доносятся, и хотела было разбудить свою служанку — она спала в соседней комнате, но, к моему изумлению, я почувствовала, будто на меня навалился страшный кошмар и неведомой силой отнял у меня язык, и я не могла вымолвить ни слова.

Я увидела при свете ночника незнакомца, проникшего ко мне в комнату через две крепко запертых двери. Он подошел ко мне и сказал, что это он затеял чудесную музыку и с помощью волшебных сил, которые ему повинуются, сделал так, чтобы я проснулась; что он прошел через все запоры с намерением предложить мне руку и сердце. Но мое сопротивление его волшебству было настолько сильно, что я не удостоила его ответом. Некоторое время он стоял неподвижно, видимо в намерении дожидаться от меня благоприятного ответа; но когда я продолжала молчать, он гневно объявил, что отомстит мне

за это и найдет средства наказать меня за мое высокомерие, после чего он покинул комнату.

Я провела ночь в сильном волнении и задремала только под утро. Проснувшись, я поспешила к своему брату, чтоб сообщить ему обо всем случившемся, но я не нашла его в комнате. Слуга сказал мне, что на рассвете он выехал вместе с незнакомцем на оуту.

Предчувствуя недоброе, я быстро оделась, велела оседлать моего любимого иноходца и поскакала в лес в сопровождении только одного слуги. Но слуга упал вместе с лошадей и не мог следовать за мной, так как лошадь его сломала себе ногу. Я, не останавливаясь, продолжала скакать дальше и спустя несколько минут заметила незнакомца вместе с красивым оленем, которого он вел на поводу, — незнакомец направлялся ко мне навстречу. Я спросила его, где он оставил моего брата и как поймал он этого оленя; я видела, как из больших глаз оленя текли слезы. Вместо того чтобы мне ответить, незнакомец громко рассмеялся. Меня охватил яростный гнев, я выхватила пистолет и выстрелила в чудовище, но пуля отскочила от его груди и попала в голову моей лошади. Я упала на землю, незнакомец пробормотал несколько слов, после чего я лишилась чувств.

И вот, очнувшись, я увидела, что нахожусь здесь, в этом подземельи, в стеклянном гробу. Злой чернокнижник явился снова и сказал, что он обратил моего брата в оленя, а мой замок и все, что в нем находилось, он сделал крошечным и запер его в стеклянный ящик, а моих слуг обратил в дым и загнал их в стеклянные бутылки. Если я теперь соглашусь стать его возлюбленной, он легко сможет вернуть все опять в прежний вид: стоит ему только открыть сосуды, и все делается таким, как и было. Я ничего не сказала ему в ответ, как и в первый раз. Он исчез и оставил меня лежать в подземельи, где я впала в глубокий сон. Среди видений, пронесившихся у меня в душе, был и радостный образ, меня утешавший: будто явился юноша и меня освободил; и вот я открыла сейчас глаза, я вижу тебя — и понимаю, что сон мой исполнился». — Помоги мне выполнить то, что виделось мне во сне. Нам надо тотчас поднять стеклянный ящик, в котором находится мой замок, и поставить его на этот широкий камень.

И как только камень был нагружен, он поднялся вместе с девушкой и юношей наверх и попал через люк в потолке в верхний зал, откуда им легко уже было выбраться на свободу. Подняла девушка крышку стеклянного ящика — и было удивительно видеть, как замок, домá и надворные здания стали всё увеличиваться и с необыкновенной быстротой выросли до своих настоящих размеров. Потом девушка и юноша вернулись назад в подземную пещеру и велели камню подняться наверх вместе

с наполненными дымом бутылками. Только девушка их открыла, как вырвался оттуда голубой дым и обратился в живых людей, и девушка в них узнала своих слуг и людей. Еще больше обрадовалась она, когда ее брат, который убил старика-волшебника в образе черного быка, вдруг вышел из лесу опять в человечесьем обличи; и в этот же день девушка дала у алтаря свою руку счастливому портному, как это она и обещала.

Ленивый Гейнц

Был Гейнц лентяй, и хотя вся его работа состояла в том, чтоб гонять свою козу на пастбище, но все-таки, возвращаясь под вечер домой, он тяжело вздыхал после дневного труда.

— Это, по правде сказать, тяжелое бремя, — говорил он, — и утомительное занятие — из года в год до самой поздней осени гонять козу на поле. Если б по крайней мере можно было при этом полежать да поспать! Но где там! Надо доглядывать, чтоб коза не испортила молодых деревьев, чтоб не забралась через изгородь в сад или вовсе не убежала. Как тут можно быть спокойным и радоваться жизни?

Он уселся, собрался с мыслями и начал раздумывать, как бы ему освободиться от подобной обузы. Его размышления долго ни к чему не приводили, но вдруг он будто прозрел.

— Я знаю что делать! — воскликнул он. — Женюсь-ка я на толстой Трине, — у той тоже есть коза, она сможет гонять на пастбище мою козу вместе со своей, и уж тогда не надо мне будет больше мучиться.

Вот Гейнц поднялся, потянулся, чтоб привести в движение свое утомленное тело, перешел наискосок дорогу — и итти-то дальше было не надо, тут ведь и жили родители толстой Трины, — и вот начал он свататься за их трудолюбивую и добродетельную дочку. Родители не стали раздумывать. «Ровня с ровней сходится», — подумали и согласились. Вот сделалась толстая Трина женой Гейнца и стала гонять на пастбище обеих коз. Наступили для Гейнца веселые дни, не надо было ему теперь отдыхать от какой бы то ни было работы, разве что только от своей собственной лени. Бывало, иной раз выходил он вместе с женой на поле и говорил: «Вот как пройдешься, только тогда становится для меня покой еще слаще».

Но и толстая Трина была не меньше его ленива.

— Милый Гейнц, — сказала она однажды, — зачем нам без всякой на то нужды делать жизнь себе горестной и портить себе лучшие молодые годы? Не лучше ли будет отдать нам наших коз, которые каждое утро своим бляньем мешают нам спать, нашему соседу, а он даст нам за них улей с пчелами. Поставим мы улей на солнце за домом и не надо нам будет об улье заботиться. Пчел ведь пасты не надо, на поле их не гоняют; они вылетают и сами находят дорогу домой и мед собирают, при этом нам не надо будет ни о чем заботиться.

— Ты рассуждаешь, как умная хозяйка, — ответил Гейнц, — давай выполним твое предложение немедленно; кроме того, мед вкусней да и питательней козьего молока и его можно дольше хранить.

Сосед дал охотно за двух коз пчелиный улей. Пчелы вылетали и влетали неустанно с раннего утра до позднего вечера и наполнили улей прекраснейшим медом, и вот осенью Гейнц мог собрать целый кувшин меду.

Они поставили этот кувшин на полку, что была прибита на стене в их спальне, а так как они опасались, что кувшин могут украсть или что в него заберутся мыши, то принесла Трина толстую ореховую палку и положила ее у кровати, чтоб не надо было понапрасну вставать, а можно было достать ее рукой и прогнать в случае чего непрошенных гостей, не подымаясь с кровати.

Ленивый Гейнц неохотно покидал постель раньше полудня: «Кто рано встает, — говорил он, — тот свое добро не бережет».

Однажды утром, когда уже совсем рассвело, он лежал еще на перине, отдыхая от долгого сна, и сказал своей жене:

— Женщины, они любят сладкое. Ты вот лакомишься медом, а было бы куда лучше купить за него гуся с молодым гусеночком.

— Но уж никак не раньше, чем родится у нас ребенок, который их мог бы пасти, — ответила Трина. — Зачем мне мучиться с молодыми гусями и попусту тратить на это силы?

— А ты думаешь, что мальчик будет пасти гусей? В нынешнее время дети совсем не слушаются, они делают что хотят, почитают себя умнее родителей, — вот так же, как тот работник, который должен был искать корову, а вместо того гонялся за тремя черными дроздами.

— О, — ответила Трина, — если мальчик не будет меня слушаться, я возьму палку и отчешу ему спину, и уж как следует, без счета. Смотри, Гейнц, — крикнула она и в увлечении схватила палку, которой она собиралась мышей гонять, — смотри, вот как я его отколочу!

Она замахнулась палкой, но, по несчастью, угодила прямо в кувшин с медом, что стоял над кроватью. Стукнулся кувшин об

стену, и посыпались на пол черепки, и прекрасный мед разлился по полу.

— Ну вот, и лежит теперь гусь с молодым гусеночком, — сказал Гейнц, — незачем нам его и пасти. Но счастье еще, что не упал кувшин на голову, у нас есть все основанья быть своей судьбой довольными.

А так как он заметил в черепке еще немного меда, то достал его рукой и считал при этом себя совершенно довольным.

— Жена, давай-ка полакомимся с тобою остаточком, а потом, после пережитого нами испуга, маленько отдохнем. Ну, что с того, что мы встанем немного позже, чем всегда, день-то ведь какой длинный!

— Да, — ответила Трина, — мы-то уж всегда успеем. Знаешь, пригласили однажды на свадьбу улитку, собралась она в путь-дорогу, а попала как раз на крестины. Натолкнулась она перед домом на забор и сказала: «Спешить-то никак не годится».

Гриф-птица

Жил-был когда-то король, а где он правил и какого звали, о том не знает никто. У короля сыновей не было, а была одна только дочь, но она все болела, и ни один из докторов не мог ее вылечить. Но королю было предсказано, что дочь его выздоровеет, если съест яблочко.

Тогда объявил король по всей земле, что кто принесет ей такое яблоко, от которого она выздоровеет, тот на ней и женится и королевство наследует. Прослышал об этом один крестьянин; было у него трое сыновей, и говорит он старшему:

— Ступай в сад, набери полную корзину красивых яблок с красными крапинками и отнеси их к королевскому двору. Может, королева и выздоровеет, когда их отведает, и женишься ты на ней, и королем сделаешься.

Парень на это согласился, и вот двинулся он в путь-дорогу пешком. Прошел он некоторое время, и повстречался ему по дороге маленький человечек и спросил у него, что несет он в корзине. А Улэ — так звали парня — ответил:

— Несу лягушат.

И говорит ему человечек на это:

— Ну, пускай оно так и будет! — и пошел себе дальше.

Подошел Улэ к королевскому замку и велел о себе доложить, что принес он такие, мол, яблоки, что королева, поев их, враз

выздоровеет. Король сильно этому обрадовался, велел парня позвать к себе, но — о, ужас! — только открыли корзину, — и вместо яблок стали из нее выскакивать лягушата. Очень король разозлился и велел за это прогнать парня. Воротился старший сын назад к своему отцу и рассказал все, как было.

Посылает тогда старик среднего сына, которого звали Земэ, — но и с этим случилось то же, что и со старшим. Повстречался и ему по дороге тот самый человечек и спросил его тоже, что несет он в корзине; и говорит Земэ:

— Свиную щетину.

И сказал человечек:

— Пускай оно так и будет!

Подошел парень к королевскому замку и объявил, что у него такие, мол, яблоки, что только отведают их королевна, то враз и выздоровеет; но у замка ему сказали, что им больше яблок не надо, приходил-де какой-то уже с яблоками, но тот дураком оказался. Но парень настаивал, что у него и вправду яблоки настоящие, какие надо. Ему, наконец, поверили и привели к королю. Открыли корзину, глядь — а там всего лишь свиная щетина. Страшно разгневался король и велел прогнать парня плетью из замка. Пришел он к отцу и все рассказал, что с ним было. Услыхал о том младший сын — его звали всегда глупым Гансом — и начал просить у отца дозволить и ему тоже отнести яблоки в замок.

— Нет, — говорит отец, — умные уже ходили и не справились с делом, куда уж тебе, дураку, итти?

Но мальчик все просил:

— Уж дозвольте мне, батюшка, тоже сходить.

— Что ж, ступай, дурень, посмотрим, что из этого выйдет, — ответил старик и начал его попрекать и бранить.

Но Ганс на ругань и попреки внимания не обращал:

— Нет, уж дозвольте, батюшка, и мне тоже в замок сходить!

— Ну, мне что, ступай, — говорит старик, — все равно вернешься ни с чем.

Обрадовался Ганс, так от радости и запрыгал.

— Да ты, вижу, что ни день, то глупее становишься, — молвил опять отец.

Но Ганс внимания на это не обратил и продолжал себе радоваться. Но уже подходила ночь, и Ганс решил обождать до утра, а потом и итти пораньше в королевский замок. Ночью он все не мог никак уснуть, а когда начинал дремать, ему снились красавицы-девушки, разные замки, золото и серебро и тому подобные вещи. Чуть свет он двинулся в путь и вскоре повстречался с маленьким человечком в той же старенькой курточке, и спросил человечек у него, что он несет в корзине. Ганс

ответил ему, что несет, мол, королевне яблоки, — если она их съест, то выздоровеет.

— Ну, — сказал человек, — пусть так и будет!

Но в королевский замок его пускать никак не хотели, ему рассказали, что двое, мол, каких-то уже приходило, они говорили, что с яблоками, а оказалось, что у одного в корзине были лягушата, а у другого свиная щетина. Но Ганс все настаивал на том, что у него вовсе не лягушата, а самые прекрасные яблоки, какие только есть во всем королевстве. Когда он все это объяснил, то привратник подумал, что этот, пожалуй, не врет, и пропустил его; и вот принес Ганс королю свою корзину; тот открыл ее, видит, что в ней золотистые яблоки. Король так обрадовался, что велел немедленно отнести их своей дочери и стал в нетерпении и страхе ждать, как они на нее подействуют. Прошло немного времени, и вот сообщают ему радостную весть. Но кто же приносит ее королю? — сама королева! Только отведала она этих яблок, как вмиг выздоровела и прыгнула с постели.

Невозможно и описать, как велика была радость короля. И вот надо было отдавать королю свою дочку за Ганса замуж, но королю никак этого не хотелось, и он сказал:

— Ты сделай сначала мне девять таких лодочек, что ходили б и по воде и по суше.

Ганс согласился на это условие, возвратился домой и рассказал отцу все, что случилось. Послал тогда старик старшего сына в лес, велел ему сделать такие лодочки, как сказано. Работал Улэ старательно, к тому же и насвистывал. И вот в полдень, когда солнце стояло над самой головой, вдруг явился тот маленький человечек и спросил у него, что он мастерит.

Улэ ответил:

— Деревянную посуду.

И молвил маленький человечек:

— Что ж, пускай так и будет!

И вот, когда наступил вечер, подумал Улэ, что лодочки, пожалуй, готовы, и хотел в одну в них сесть, но оказались все они деревянной посудой.

На другой день пошел в лес средний, Земэ, но и с ним случилось то же, что вышло и с Улэ.

На третий день пошел глупый Ганс. Работал он прилежно, по всему лесу раздавались сильные удары его топора, он тоже, работая, напевал и весело насвистывал. И явился в полдень тот же самый человечек и спросил у него, что он мастерит.

— Лодочки делаю, что могли бы ходить по воде и по суше. А вот как закончу работу, то выдадут за меня замуж королеву.

— Ну, что ж, — сказал человек, — пусть так и будет!

Вечером, когда стало солнце садиться, Ганс тоже закончил свою работу над лодочками, кораблями и суднами. Сел он

в одну из них и поплыл себе прямо к королевскому замку. И лете-ла его лодочка быстро, как ветер. Король увидел его еще издали, но все никак не соглашался выдать свою дочку за Ганса замуж и сказал:

— Ты должен сначала от зари до зари выпастить сотню зайцев, и если хоть один из них от тебя убежит, то замуж я дочку за тебя не выдам.

Ганс согласился на это и тотчас, на другое же утро, чуть стало светать, погнал свое стадо в поле и так внимательно пас, что не убежал от него ни один заяц. Через несколько часов приходит из замка служанка и говорит Гансу, чтоб он дал одного зайца, — ей велено, дескать, зажарить его для гостей. Но Ганс быстро смекнул, к чему дело клонится, и сказал служанке, что не даст ей ни одного, ведь ему-то за каждого зайца перед королем отвечать придется. Явилась служанка еще раз под вечер с такою же просьбой, но Ганс ей сказал, что вот если сама королевна, мол, явится, то он даст ей зайца. Доложила служанка об этом в замке, и вот пошла сама королевна к Гансу. И подошел в это время к Гансу тот маленький человечек и спросил, что он делает.

— Эх, вот должен выпастить я целую сотню зайцев, да так, чтоб ни один не убежал из стада, а за это женюсь я на королевне и королем сделаюсь.

— Хорошо, — сказал человечек, — вот тебе рожок, как только какой-нибудь из зайцев убежит, заиграй в него, и заяц вернется обратно.

И вот, когда явилась королевна, положил ей Ганс зайца в передник. Но не прошла она и сотню шагов, как заиграл Ганс в свой рожок, и заяц — прыг из передника! — и вернулся в стадо.

Наступил вечер, заиграл Ганс в свой рожок, собрал все стадо вокруг себя, пересчитал всех зайцев и погнал их к замку. Был король сильно удивлен, что сумел Ганс целую сотню зайцев выпастить и что ни один не убежал; а все-таки не хотел выдать дочку за Ганса и сказал:

— Ты сначала добудь мне перо из крыла птицы-Грифа!

Не раздумывая долго, пустился Ганс тотчас в путь и смело двинулся вперед.

Вечером подошел он к какому-то замку, попросился на ночлег; и принял его владелец замка весьма радушно и спросил, куда он идет.

Говорит Ганс в ответ:

— Я иду к птице-Грифу.

— О-о, к птице-Грифу? Эта птица все знает, а я вот как раз потерял ключ от сундучка с деньгами и никак найти его не могу. Попроси-ка ты птицу-Грифа сказать, где ключ мне найти.

— Хорошо, — сказал Ганс, — непременно спрошу.

Рано утром вышел Ганс, шел-шел и пришел он к другому замку и в нем тоже остался ночевать. Когда люди узнали, что идет он к Грифу-птице, ему сказали, что у хозяев замка больна дочь; уж все лекарства перепробовали, ничто ей не помогает, — и вот нельзя ли, мол, будет поспросить Грифа-птицу, чем вылечить дочку.

Ганс ответил, что сделает это охотно, и двинулся дальше в путь-дорогу. Подходит к реке, видит, что на ней вместо парома большой-пребольшой человек на себе людей переносит.

Спросил человек Ганса, куда держит он путь.

— Иду к птице-Грифу, — ответил Ганс.

— Ну, так если придешь к птице-Грифу, то поспроси у ней, долго ли мне еще всех людей на себе через реку переносить?

Ганс сказал:

— Ей-богу, уж я непременно спрошу!

И перенес его человек на плечах через реку. Наконец пришел Ганс к дому птицы-Грифа, но была только дома его жена; а Грифа-птицы не было дома. И спросила жена Грифа, что ему надо? Ганс ей все рассказал: что, мол, нужно ему перо с крыла птицы-Грифа; и хотел бы еще он задать ему вопросы людей, которых он повстречал по дороге: что потерял, мол, в замке одном ключ от сундучка с деньгами, и надо спросить у Грифа, где этот ключ найти; а в другом замке больна дочь хозяина, и никто не знает, как ее вылечить; и что есть на реке перевозчик, так почему он должен все переносить людей через реку на себе.

И говорит жена птицы-Грифа:

— Много, дружок, нельзя с птицей-Грифом беседовать крещеному человеку, а не то он тебя съест! Когда он вернется, ты залезь под кровать и лежи там; я его буду спрашивать, а ты ответы его внимательно слушай, а ночью, когда он крепко уснет, ты и вырви тогда у него перо из крыла.

Ганс так и сделал, забрался под кровать и лег там. К вечеру вернулся Гриф-птица домой и, только вошел в комнату, говорит жене:

— Жена, чую-чую крещеного человека.

— Да, — говорит, — был тут такой, да ушел.

И птица-Гриф потом замолчал, ничего не сказал на это.

А ночью, только он крепко уснул и захрапел, вылез Ганс из-под кровати и вырвал у него перо из крыла. Вдруг проснулся птица-Гриф и говорит:

— Жена, я чую крещеного человека и мне кажется, что кто-то меня по крылу царапнул.

Говорит жена:

— Это, видно, тебе приснилось, — я уж тебе сказала: был здесь крещеный, да ушел. Он рассказывал мне про всякую всячину. Будто в каком-то замке ключ утерялся от сундучка с деньгами и никак не могут его найти.

— Вот дураки! — сказал Гриф-птица. — Ведь ключ-то лежит под порогом за дверью в деревянном доме.

— И рассказывал он мне еще, что в одном замке дочка хозяев больна и не могут найти средства, чтоб ее вылечить.

— Вот дураки-то! — сказал Гриф-птица. — Ведь сидит под порогом в погребе жаба, есть у нее там гнездо, она свила его из волос той девушки. Надо волосы эти у жабы отнять, и девушка снова будет здорова.

— Да еще рассказывал он, что где-то человек вместо паромы на плечах людей переносит через реку.

— Вот дурак! — сказал Гриф-птица. — Стоит ему только одного с себя сбросить, и не будет он больше никогда переносить никого.

Только стало светать, поднялся Гриф-птица и улетел. Вылез Ганс из-под кровати и взял с собой прекрасное перо и все хорошо запомнил, что говорил Гриф-птица — и о ключе, и о больной-девушке в замке, и о перевозчике. А жена Грифа все это ему еще раз повторила, чтобы он чего не забыл. Потом он снова двинулся в путь. Он сначала пришел на реку к перевозчику, и когда тот спросил, что ответил Гриф-птица, Ганс сказал:

— Ты сначала меня переправь, а потом я тебе скажу.

Перенес его на другой берег перевозчик, и сказал ему Ганс, что стоит ему только одного сбросить с себя в воду, и ему никого больше переносить не придется. Сильно обрадовался этому перевозчик и предложил ему в благодарность за это перенести его еще раз. Но Ганс отказался, — пускай, мол, побережет свои силы, что он-де и этим доволен, — и пошел себе дальше.

Пришел он к тому замку, где была дочка больная; он посадил ее к себе на плечи, она ходить сама не могла, отнес ее по лестнице в погреб, вынул гнездо жабы из-под нижней ступеньки, подал его в руки больной, — и она вмиг выздоровела, спрыгнула у него с плеч и побежала по лестнице вверх совершенно здоровая. Была большая радость у отца и матери, они одарили Ганса золотыми и серебряными подарками и готовы были отдать ему все, что он пожелал бы.

Пришел Ганс к другому замку и тотчас направился в деревянный дом, — и вправду нашел он там под порогом ключ и принес его хозяину замка. И этот тоже сильно обрадовался и дал Гансу за это в награду много золота, что хранилось у него в сундуке, и еще немало всякого добра — коров, и овец, и коз.

Когда Ганс вернулся со всеми этими дарами — с деньгами, золотом, серебром, с коровами, овцами и козами, король спро-

сил у него, откуда он все это набрал? И Ганс ему рассказал, что птица-Гриф дает каждому, что тот пожелает. И подумал король, что и он мог бы, пожалуй, получить не меньше, и отправился в путь к птице-Грифу. Но когда он подошел к перевозу, а после Ганса он явился туда первый, то перевозчик тотчас и сбросил его с себя в реку, и король утонул.

А Ганс женился на королевне и сделался королем.

Могучий Ганс

Жили однажды муж и жена, и был у них один только ребенок; жили они одиноко в далекой пустынной долине. Случилось так, что мать пошла однажды в лес собирать еловый хворост и взяла вместе с собой маленького Ганса, которому было два года. А случилось то в весеннюю пору, и ребенок радовался, глядя на пестрые цветы; а мать шла в лес все дальше и дальше. Вдруг из-за кустов выскочили два разбойника, схватили мать и ребенка и увели их в глубь темного леса, где по целым годам не проходил ни один человек. Стала бедная женщина просить и умолять разбойников, чтоб они ее отпустили, но сердце у них было каменное: они не слушали ни просьб ее, ни жалоб и гнали все дальше, в самую чащу лесную.

И пробирались они так около двух часов через кустарники да колючие заросли, и пришли, наконец, к скале, и была там дверь; постучались туда разбойники, и дверь тотчас перед ними открылась. Пришлось им идти по длинному, темному подземелью, и пришли они, наконец, в большую пещеру, освещенную пламенем, пылавшим в очаге. На стене висели мечи, сабли и разное оружие для разбоя — оно сверкало при свете огня, а посредине стоял черный стол, за которым сидело четверо других разбойников; они заняты были игрой, а на главном месте сидел их атаман. Увидав женщину, он подошел, заговорил с ней и сказал, чтобы она не беспокоилась и не боялась, что они, мол, не сделают ей ничего плохого, и предложил ей вести у них хозяйство; и если будет она содержать все в должном порядке, то ей плохо у них не будет. Затем дали ей немного поесть и указали постель, где она может спать со своим ребенком.

Много лет пробыла женщина у разбойников, и Ганс за это время успел вырасти и стать сильным. Мать рассказывала ему

разные истории и учила его читать по старой рыцарской книге, найденной ею в пещере.

Когда Гансу исполнилось девять лет, сделал он себе из елового дерева крепкую дубинку и спрятал ее за кровать, затем пришел к матери и говорит:

— Милая матушка, расскажи мне, кто мой отец; я хочу непременно об этом узнать.

Но мать молчала и не хотела ему говорить, боясь, как бы он не затосковал по дому; к тому же она знала, что злые разбойники никогда не выпустят отсюда Ганса; и сердце у ней разрывалось от горя, что Ганс никогда не сможет вернуться к своему отцу.

Однажды ночью, когда разбойники вернулись домой после разбойного набега, Ганс вытащил свою дубинку, встал перед атаманом и сказал:

— Теперь я хочу знать, кто мой отец; если ты не ответишь мне тотчас на это, то я тебя убью.

Засмеялся атаман и дал Гансу такую затрещину, что тот под стол покатился. Поднялся Ганс, смолчал и подумал: «Ладно, уж год я подожду, а там снова попробую, — может, потом лучше удастся». Вот прошел год, он вытащил снова свою дубинку, вытер с нее пыль, поглядел на нее и сказал: «Дубинка-то моя крепкая и дельная». Ночью вернулись разбойники домой, стали вино распивать кружку за кружкой и, наконец, захмелели. Достал тогда Ганс свою дубинку, подошел к атаману и говорит:

— Скажи, кто мой отец?

Дал ему атаман опять такую увесистую пощечину, что Ганс под стол покатился, но вскоре, однакож, поднялся и бросился на атамана и его разбойников и избил их так, что они и двинуться не могли. А мать стояла в углу, дивясь его храбрости и силе. Когда Ганс расправился с разбойниками, подошел он к матери и говорит:

— Видишь, дело было нелёгкое, ну, а теперь хочу я знать, кто мой отец.

— Милый Ганс, — ответила мать, — давай отсюда уйдем и будем его разыскивать, пока не отыщем.

Она достала у атамана ключ от входной двери, а Ганс притащил большой мешок из-под муки, набил его доверху золотом, серебром и другими красивыми вещами и взвалил его на плечи. Они покинули пещеру; и как изумился Ганс, когда, выйдя наверх из потемок, увидел он лес зеленый, цветы и птиц и утреннее солнце на небе! И он стоял и всему удивлялся, будто был не совсем в своем уме. Мать стала искать дорогу домой, и через несколько часов они счастливо добрались до своей одинокой долины и подошли к избушке. Отец сидел у порога; узнав свою жену и

услышав, что Ганс его сын, он на радостях расплакался, — ведь он считал их давным-давно уже умершими. Хотя Гансу было всего лишь двенадцать лет, но он был на целую голову выше своего отца. Вот вошли они вместе в избушку, и только положил Ганс свой мешок на лежанку, как начал весь дом трещать, развалилась печка, и треснул пол, и тяжелый мешок провалился в погреб.

— Господи, спаси ты нас и помилуй! — воскликнул отец. — Да ты ведь завалил нашу избушку.

— Милый батюшка, нечего вам о том печалиться, — стал успокаивать его Ганс, — ведь в мешке-то куда больше, чем надо, для того чтоб выстроить новый дом.

И принялся отец вместе с Гансом строить новый дом, скот заводить, землю пахать и хозяйствовать. Ганс пахал землю, и когда шел он за плугом и упирался в него руками, то быкам и тащить-то было нечего.

На другую весну Ганс и говорит:

— Батюшка, пусть все деньги у вас остаются, а мне велите сделать семипудовый дорожный посох, и пойду я с ним в чужие края и земли.

Когда посох был готов, Ганс покинул дом своего отца, двинулся в путь-дорогу и пришел в дремучий и темный лес. И вот услышал он — что-то трещит и ломается, оглянулся, видит — стоит ель, снизу доверху точно в канат скручена; поглядел он наверх и увидел здоровенного парня, который схватил дерево и скручивал его, точно ивовый прут.

— Эй! — крикнул Ганс. — Что ты там наверху делаешь?

Парень ответил:

— Да вот вчера собрал я целую охапку хворосту и хочу сплести себе из него веревку.

«Это мне нравится, — подумал Ганс, — у этого силы хватит», и он крикнул ему:

— Брось ты это дело, пойдем лучше вместе со мной.

Парень спустился с дерева и оказался выше Ганса на целую голову, — но и тот ведь тоже был немалого роста.

— Теперь я буду называть тебя Еловым Крутилой, — сказал Ганс. И пошли они вместе.

Вдруг слышат — кто-то стучит, точно бьет молотком, да так сильно, что от каждого удара вся земля вздрагивает. Подошли они к огромной скале, видят — стоит рядом с ней великан и откалывает кулаком большие куски камня. Ганс спросил, что он тут делает, а тот говорит:

— Да вот ночью спать-то мне хочется, а тут лезут ко мне всякие медведи, волки да прочая мелюзга; ходят тут да обнюхивают и мешают мне спать, — так вот хочу я выстроить себе дом и буду спать в нем спокойно.

«Э-э. — подумал Ганс, — и этого можно тоже, пожалуй, к делу применить», и говорит:

— Брось ты свою постройку да ступай лучше со мной, буду я звать тебя Скалотесом.

Тот согласился, и все они двинулись по лесу дальше. И всюду, куда они ни приходили, дикие звери пугались их и убегали. Вечером подошли они к старому необитаемому замку, поднялись наверх и улеглись спать в зале. На другое утро вышел Ганс в сад и видит, что он весь одичал и порос терном и диким кустарником. Когда он шел по саду, бросился на него дикий кабан, но он ударил его своим посохом, и тот упал замертво наземь. Затем взвалил он его на плечи и принес наверх в замок; насадив кабана на вертел, они изжарили его и остались очень довольны. Они условились, что каждый день, по очереди, двое из них будут ходить на охоту, а один будет оставаться дома и готовить пищу, каждому по девять фунтов мяса.

В первый день дома остался Еловый Крутила, а Ганс вместе со Скалотесом пошли на охоту. Когда Еловый Крутила занимался хозяйством, явился к нему в замок маленький, старый, весь сморщенный человечек и потребовал себе мяса.

— Убирайся прочь, проныра, — ответил ему Еловый Крутила, — не дам я тебе никакого мяса.

Но каково было удивление Елового Крутилы, когда маленький, невзрачный человечек бросился на него с кулаками и стал так ловко его колотить, что он и защититься не смог и упал, еле дыша, на землю. Человечек ушел только тогда, когда выместил на нем всю свою злобу. Когда двое остальных вернулись домой с охоты, Еловый Крутила не сказал им ни слова о старом человечке и о побоях, которые он получил, и решил так: «Вот пусть останутся они дома и сами попробуют, каково тягаться с этим маленьким скребком», — и одна эта мысль доставляла ему удовольствие.

На другой день дома остался Скалотес, и с ним случилось то же самое, что и с Еловым Крутилой, — с ним так же жестоко расправился человечек за то, что он не хотел дать ему мяса.

Когда двое остальных вернулись под вечер домой, посмотрел Крутила на Скалотеса и понял, что пришлось тому испытать; но оба они промолчали и подумали: «Пусть-ка и Ганс той же каши отведаст».

На третий день дома пришлось оставаться Гансу; он занимался на кухне стиркой, и вот, когда он стоял у котла и снимал с него пену, явился человечек и потребовал, чтоб он дал ему тотчас кусок мяса. Ганс подумал: «Да это, пожалуй, бедный домовой; дам-ка я ему от своего куска, чтоб других не обделять», и подал ему кусок мяса. Карлик съел и потребовал мяса еще; добрый Ганс дал ему еще и сказал:

— Я даю тебе хороший кусок, будь этим доволен.

Но карлик потребовал и в третий раз.

— Ты становишься, однако, бессовестным, — сказал Ганс, и не дал ему ничего. Тогда злой карлик хотел было вскочить на него и поступить с ним так же, как с Еловым Крутилой и Скалотесом, но не на такого он напал. Ганс дал ему несколько пинков, и тот скатился с лестницы. Ганс хотел было за ним погнаться, но перескочил через него, упал и растянулся во весь рост. Когда он поднялся, то карлика и след уж простыл. Ганс побежал за ним в лес и видел, как тот заполз в пещеру. Ганс воротился домой, но то место, куда скрылся карлик, он хорошо заметил.

Двое других, вернувшись домой, стали удивляться, что Гансу сошло все так благополучно. Он рассказал им, что с ним произошло, и те не стали больше молчать и признались, что и с ними случилось то же самое. Ганс посмеялся и сказал:

— Так вам и следует за то, что вы были такие скупые; а стыдно ведь: вы такие большие, а дали себя побить какому-то карлику.

Потом взяли они корзину и канат и направились все втроем к пещере, где спрятался карлик, и спустили Ганса с его посохом в корзину вниз. Опустился Ганс на дно пещеры и нашел вход; открыл его, видит — сидит там девушка, писаная красавица, такая уж прекрасная, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И сидит около нее карлик, оскалился на Ганса, точно мартышка. И была девушка закована в цепи, и так на него грустно посмотрела, что Гансу стало ее жаль, и он подумал: «Я должен ее от этого злого карлика освободить», и он ударил его своим посохом, и тот упал замертво наземь. И тотчас свалились с девушки цепи, и Ганс был восхищен ее красотой. Она рассказала ему, что она королева, что похитил ее из дому разбойник-граф и запер здесь, в скалах, за то, что она не хотела его полюбить; и поставил граф карлика, чтоб стерег он ее, и много доставил он ей горя и страданий. Затем посадил Ганс девушку в корзину и велел тащить ее наверх. Когда корзина вновь опустилась в пещеру, то Ганс, не доверяя своим товарищам, подумал: «Они уж и так один раз меня обманули, ничего не сказав о карлике, и почем знать, что они там против меня замышляют?» И он положил тогда в корзину свой посох, — и хорошо, что он так сделал: только поднялась корзина до половины, как сбросили они ее вниз, и если бы Ганс сидел в ней, то не миновать бы ему верной смерти.

Но как ему выбраться теперь из пещеры, он не знал, и стал он раздумывать и придумывать, но ничего надумать не мог. «А грустно мне, однако, — сказал он, — что приходится здесь погибать». Ходил он да раздумывал, и вот подошел снова к ком-

натке, где прежде сидела девушка, и заметил у карлика на пальце кольцо, и оно блестело и сияло. Снял он его и надел себе на палец; повернул его вокруг пальца, — и вдруг услышал над головою шум. Посмотрел он наверх и увидел духов воздуха, которые слетелись к нему и объявили, что он их повелитель, и спросили, что он им прикажет. Ганс сначала чуть было не обмер, но потом сказал, чтоб они подняли его наверх. Они тотчас повиновались, и он взлетел ввысь.

Когда он очутился наверху, то там никого не оказалось, и, войдя в замок, он тоже никого не нашел. Еловый Крутила и Скалотес исчезли и увели с собой прекрасную девушку. Но Ганс опять повернул кольцо, и явились духи воздуха и сказали ему, что те двое находятся на море. Ганс гнался за ними следом без отдыха, и наконец попал он на берег и увидел далеко-далеко на море кораблик, на котором плыли его вероломные спутники. В ярости кинулся он, не долго раздумывая, со своим посохом в море и поплыл, но семипудовая палица тянула его вниз, и он стал уже тонуть. Но он во-время повернул кольцо, и тотчас явились опять духи воздуха и перенесли его быстро, точно молния, на кораблик. Поднял он свой посох и воздал по заслугам своим вероломным товарищам, сбросил их в море; а сам поплыл с девушкой дальше, и была она в великом страхе; вот освободил он ее во второй раз и привез домой к своему отцу-матери, женился на красавице-девушке, и все очень и очень радовались.

Мужичок на небе

Помер однажды бедный, честный мужичок, и постучался он в небесные врата. А в это самое время подошел к ним один богатый-пребогатый помещик, он тоже хотел попасть на небо. Загремел святой Петр ключами, открыл врата и впустил богача; а мужичка, должно быть, и не приметил и захлопнул врата. Услыхал мужичок издали, как тот вельможа в радостях проводит свое время на небе, как поют там и играют.

Наконец все снова затихло, но вот загремел святой Петр, ключами отворил небесные врата и впустил на небо и мужичка. Думал мужичок, что когда он явится, будут тоже петь и играть, — но все было тихо. Его приняли приветливо, его тоже встретили ангелы, но никто не пел. Тогда спросил мужичок святого Петра, почему никто ему не пел, как тому вон бо-

гтому вельможе? Видно, и на небесах, как и на земле, все разделено на сословья?

И сказал святой Петр:

— Не завидуй ему, ты одинаково любим, как и все остальные, и ты насладишься всеми небесными радостями, как и тот богач; но, видишь ли, такие вот бедные мужички, как ты, попадают на небо каждый день, а такой богатый вельможа за целое столетье лишь раз.

Тощая Лиза

Совсем по-иному, чем ленивый Гейнц да толстая Трина, которых ничем нельзя было расшевелить, думала тощая Лиза. Она выбивалась из сил с утра до самого вечера и наваливала на своего мужа, долговязого Ленца, столько работы, что ему приходилось куда тяжелей, чем ослу, нагруженному тремя мешками. Но все это было понапрасну, — как были они бедняками, так бедняками и остались.

Однажды вечером, когда тощая Лиза лежала в постели и от усталости не могла двинуть и рукой, мысли не давали ей уснуть. Толкнула она локтем своего мужа и говорит:

— Знаешь, Ленц, о чем я все думала? Если бы найти мне гульден, а другой бы мне кто подарил, да я бы один сберегла, а ты бы мне дал тоже один, и когда у меня накопилось бы их четыре, я купила бы себе молодую корову.

Это мужу очень понравилось.

— Хотя я не знаю, — сказал он, — откуда мне взять гульден, который ты хотела, чтоб я тебе подарил, но если ты все-таки деньги соберешь и сможешь на них купить корову, то будет очень хорошо, если ты выполнишь свое намеренье. Я рад был бы, — добавил он, — если бы корова дала теленочка, тогда мог бы я иной раз получать глоток молока, чтоб подкрепиться.

— Молоко не для тебя, — сказала жена, — мы будем теленка выкармливать, чтоб он вырос и был крепкий, чтоб потом можно было его выгодно продать.

— Оно верно, — ответил муж, — но немного молока мы все-таки будем оставлять для себя, ведь это вреда не принесет.

— Кто это тебя учил так вот за коровами ухаживать? — сказала жена. — Принесет ли это вред, или не принесет, а я молока пить не стану. И ты хоть на стенку лезь, все равно не полу-

чишь молока ни капли. Ты, Ленц, вон какой долговязый, тебя никак не накормишь, и ты думаешь, что будешь пожирать все, что я такими трудами зарабатываю?

— Жена, — сказал муж, — да угомонись ты наконец, а не то я заткну тебе рот.

— Что? — закричала тощая Лиза. — Ты собираешься мне еще угрожать? Это ты, ненасытный обжора, шалопай ты этакий, ленивый ты Гейнц!

Она хотела было уже вцепиться ему в волосы, но долговязый Ленц поднялся, схватил одной рукой тощие руки Лизы, а другой ткнул ее головою в подушку, — пускай, мол, бранится, и держал ее так до тех пор, пока она от усталости не уснула.

Продолжала ли она на другое утро спорить и ругаться, или вышла из дому на поиски гульдена, который она собиралась найти, этого уж я не знаю.

Лесная избушка

Жил бедный дровосек со своей женой и тремя дочерьми в маленькой хижине на опушке дремучего леса.

Однажды утром, собираясь итти на работу, говорит он своей жене:

— Пусть старшая дочка обед принесет мне в лес, а не то мне с работой никак не управиться. А чтоб ей не заблудиться, — добавил он, — я захвачу с собой лукошко с просом и буду сыпать его по дороге.

Когда солнце уже стояло над самым лесом, взяла девушка горшок с супом и отправилась в путь-дорогу. Но полевые и лесные птицы, воробьи, жаворонки и зяблики, дрозды и чижи давно уже просо то успели поклевать, и девушка найти следа не могла. Она шла наугад все дальше и дальше, пока не зашло солнце и не наступила ночь. В темноте шумели деревья, кричали совы, и ей стало страшно. И увидела она вдалеке огонек, который мерцал меж деревьев. «Должно быть, там живут люди, — подумала она, — может, они пустят меня на ночлег», — и она пошла на огонек. Вскоре пришла она к домику; окна его были освещены. Она постучала, и хриплый голос закричал оттуда:

— Войди!

Девушка вошла в темные сени и постучала в дверь.

— Ну, входи, входи, — закричал голос.

Она отворила дверь, видит — сидит за столом седой как лунь старик, подперев голову руками, и седая его борода свешивалась над столом почти до самой земли. А у печки лежали курочка, петушок и пестрая корова. Рассказала девушка старику, что она заблудилась, и попросилась у него переночевать. Старик спросил:

Курочка-красотка,
Красавец-петушок,
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

— Дукс! — ответили животные; и это должно было значить: «мы на это согласны»; и старик тогда ей сказал:

— Тут у нас всего вдосталь, ступай к печи да состряпай нам ужин.

Девушка нашла в кухне всего в избытке и приготовила вкусное кушанье, а о животных и не подумала. Она принесла и поставила на стол полную миску еды, села рядом с седым стариком и наелась досыта. Насытившись, она сказала:

— Я уже утомилась; где постель, на которой можно бы лечь и уснуть?

И ответили животные:

Ты с ним за столом сидела,
Ты с ним все пила да ела,
О нас не подумала, знать, —
Так вот и ищи, где спать.

Тогда старик ей сказал:

— Взберись по лесенке наверх, там найдешь ты горенку с двумя кроватями, взбей перины, покрой их чистыми простынями, и я тоже приду туда и лягу спать.

Девушка взошла наверх, взбила перины, постлала чистые простыни и легла, не дожидаясь старика, в одну из постелей. А вскоре пришел и седой человек, осветил девушку свечой, поглядел да головой покачал. Увидев, что она уже крепко спит, он открыл потайной лаз и спустил ее в погреб.

Поздним вечером воротился дровосек домой и стал свою жену попрекать, что заставила она его целый день голодать.

— Я в том вовсе не виновата, — ответила она, — обед тебе дочка в лес отнесла, должно быть она заблудилась. Утром она вернется домой.

Встал дровосек рано на рассвете, собрался в лес итти и велел, чтоб принесла ему обед другая дочь.

— Захвачу я с собой мешок чечевицы, — сказал он, — она будет покрупней, чем просо, и дочке легче будет ее заметить, и с дороги она не собьется.

К полудню взяла девушка обед и пошла в лес, но чечевица исчезла — птицы лесные всю ее, как и в прошлый раз, поклевали, и ничего не осталось. Стала девушка плутать по лесу и сбилась с дороги, а тут ночь наступила, и пришла она тоже к избушке старика; ее впустили, предложили ей поесть и позволили переночевать. Человек с седой бородой снова спросил у животных:

Курочка-красотка,
Красавец-петушок,
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

И снова животные ответили: «Дукс», и случилось все то же, что и в прошлый раз.

Приготовила девушка вкусной еды, поела и попила вместе со стариком, а о животных не позаботилась. Стала спрашивать она, где ей ночевать, и они ей ответили:

Ты с ним за столом сидела,
Ты с ним все пила да ела,
О нас не подумала, знать, —
Так вот и ищи, где спать!

Когда она уснула, явился старик, поглядел на нее, покачал головой и спустил ее в погреб.

Вот на третье утро и говорит дровосек своей жене:

— Нынче пришли ты мне обед в лес с младшей дочерью; она была всегда добрая да послушная, она уж с пути никогда не собьется, не то что сестры ее, баловницы, — тем бы все где-нибудь бегать да резвиться.

Не хотелось матери ее отпускать, и она сказала:

— Неужто должна я потерять и любимую дочку?

— Да чего ты беспокоишься, — ответил дровосек, — она не заблудится, она у нас умная и понятливая. Возьму я с собой побольше гороху и рассыплю его по пути; горох, он покрупней чечевицы, и укажет ей дорогу в лесу.

Но когда девушка вышла из дому с лукошком в руке, то горох весь уже был у лесных голубей в зобу, и не знала она, куда ей теперь идти. Она встревожилась и стала думать о том, что придется отцу остаться голодным, а мать будет горевать, если она собьется с пути. Наконец стало уже совсем темно, и увидела она вдали огонек и пришла к лесной избушке. Она ласково попросилась переночевать, и старик с седой бородой опять спросил у своих животных:

Курочка-красотка,
Красавец-петушок,
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

— Дукс, — ответили они. Подошла девушка к печи, где лежали животные, и стала ласкать и гладить курочку и петушка по гладким перышкам, а пеструю корову между рогами. Когда она приготовила, как велел ей старик, вкусную похлебку и поставила миску на стол, она спросила:

— Как же буду я есть, если добрых животных мы еще не накормили? Ведь в хозяйстве-то здесь всего вдосталь, — сперва уж я их накормлю.

Пошла она и принесла ячменя и посыпала зерен курочке да петушку, а корове принесла большую охапку душистого свежего сена.

— Ешьте, мои милые, — сказала она, — а захочется вам попить, напою вас и свежей водицей.

И она принесла в избушку полное ведро воды, и сели курочка с петушком на край ведерка, клювы свои опустили, а потом закинули головы вверх, как пьют птицы, и пестрая корова тоже влась напилась. Когда животные были накормлены и напоены, подошла девушка к столу, где сидел старик, и поела, что он ей оставил.

Тут вскоре стали курочка и петушок головки свои под крыло прятать, а корова глазами моргать. И спросила тогда девушка:

— Не пора ли и нам на покой?

Курочка-красотка,
Красавец-петушок,
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

И ответили животные: — Дукс,

Ты с нами все вместе сидела,
Накормить, напоить нас велела, —
Ложись спокойно в кровать,
И будешь ты мирно спать.

Взошла девушка по лесенке наверх, взбила пуховые подушки, чистые простыни постлала, и когда уже все приготовила, то пришел старик и лег в постель, и седая его борода протянулась до самых его ног. А девушка легла в другую постель, прочитала молитву и уснула.

Спала она тихо до самой полуночи. Вдруг стало в доме так беспокойно, и девушка проснулась. И начало по всем углам трещать да постукивать, открылись настежь двери, и что-то ударило в стену. Задрожали стропила, будто их кто вырвал из пазов, и казалось, что рухнула и лесенка; наконец все так затрещало, будто рушилась и сама крыша. Потом снова все вдруг стихло, с девушкой никакой беды не случилось, и

она осталась спокойно лежать и снова уснула. Когда она утром проснулась, ярко светило солнце, — и что же она увидела? Лежит она теперь в большой зале, и вокруг все блистает роскошью королевской: по стенам поднимаются вверх, по зеленому шелковому полю, золотые цветы, постель вся из слоновой кости, а одеяло из алого бархата, и стоят рядом с ней на стуле жемчужом шитые туфли. Девушка подумала, что это все ей снится; но вот подходят к ней трое богато одетых слуг и спрашивают у нее, что она им прикажет.

— Уйдите, — сказала девушка, — сейчас я буду вставать и сварю старику похлебку, а потом накормлю и курочку-красотушку, и золотого петушка, и пеструю коровушку.

Она думала, что старик уже встал, глянула на его постель, видит — лежит в ней незнакомый человек. Поглядела она на него, а он молодой да такой красивый! Проснулся он, поднялся и говорит:

— Я королевич. Меня околдовала злая ведьма, она обратила меня в седого как лунь старика, заставила меня жить в лесу, и никто не смел находиться около меня, кроме трех моих слуг в образе курочки, петушка и пестрой коровы. Заклятье должно было длиться до той поры, пока не явится к нам девушка, добрая сердцем, и не к одним только людям, но и к животным ласковая; и это оказалась ты. В эту полночь ты нас расколдовала, а старая лесная избушка вновь обратилась в мой королевский замок.

Когда они встали, королевич сказал трем своим слугам, чтоб пошли они к отцу и матери девушки, звать их на свадьбу.

— А где ж мои сестры? — спросила девушка.

— Я запер их в погребе; завтра их выведут в лес, они будут там работать служанками у одного угольщика до тех пор, пока не исправятся и не перестанут морить голодом бедных животных.

Любовь и горе поровну

Жил-был когда-то на свете портной, был он человек сварливый; а жена была у него добрая, работающая и скромная, но никак не могла она ему угодить. Что бы она ни делала, он был всем всегда недоволен, ворчал, бранился, трепал ее за волосы и бил. Довелось о том начальство, вызвали его в суд и посадили в тюрьму, чтоб он исправился. Просидел он там некоторое время на хлебе и воде, а потом его выпустили; но взяли с него слово, что он больше

бить свою жену не станет, будет жить с ней в мире и согласии и делить с нею любовь и горе, как подобает мужу и жене. Некоторое время все шло хорошо, а потом он опять принялся за прежнее, стал сварлив и начал браниться снова. А так как ему бить жену было не дозволено, то порешил он хватать ее за косы и вырывать у ней волосы. Жена от него убегала, выскакивала во двор, а он бросался за ней с аршином и ножницами или с тем, что ему под руку попадалось. Если он, бывало, ее поймает, то начнет смеяться, а если ему догнать ее не удавалось, он приходил в ярость, гремел и кричал. И так продолжалось до тех пор, пока не прибежали к ней на помощь соседи. Опять начальство призвало портного и напомнило ему про его обещание.

— Милостивые господа судьи, — ответил он, — я свою клятву сдержал, я ее не бил, а делил с ней любовь и горе.

— Как же это так? — спросили судьи. — Ведь она опять на вас жалуется.

— Да я ее вовсе не бил, я только хотел причесать ей рукой волосы, у нее вид был такой странный: а она от меня убежала и хотела меня в дураках оставить. Я кинулся за ней, чтоб она вернулась и принялась за свою работу, и я держал в руке, чтобы напомнить ей об этом, то, что мне под руку попало. Я ведь делил с нею вместе и любовь и горе поровну, только я, бывало, ее поймаю — мне от того любо, а ей горе; не поймаю ее — ей любо, а мне горе.

Судьи таким ответом не удовлетворились и определили портному заслуженное им наказание.

Королек

В стародавние времена у каждого звука было свое значенье. Когда громыхал кузнечный молот, он выкликал:

«При-кле-пать! При-кле-паты!»

Когда поскрипывал плотничий рубанок, он говорил:

«Ты строгай! Ты строгай! Ты строгай!»

А когда начинали постукивать мельничные колеса, они говорили:

«Бог на помощь! Бог на помощь!»

А если мельник оказывался обманщиком, они говаривали верхненемецким говорком и спрашивали поначалу медленно:

«Кто там? Кто там?»

а потом быстро отвечали:

«Мельник! Мельник!»

и наконец совсем быстро, скороговоркой:

«Крадет дерзко, крадет дерзко, да с восьмушки три шестых!»

В те времена у птиц был тоже свой язык, и его понимал всякий, а теперь он звучит как щебет, писк или посвист, а у иных — как музыка без слов.

И вот подумали птицы, что оставаться им больше без хозяина невозможно, и они порешили выбрать из своих же кого-нибудь в короли. Только один чибис был против этого: он жил свободно и свободным хотел умереть, и вот, в страхе летал он повсюду и зывал:

«Где мне быть? Где мне быть?»

Залетел он в глухие, непроходимые болота и не стал с той поры среди своих и показываться.

Тогда порешили птицы обсудить это дело как следует и в одно прекрасное майское утро собрались все вместе из лесов и полей — орел и зяблик, сова и ворона, жаворонок и воробей. Стоит ли всех их тут перечислять? Явились даже кукушка и выпь — ее причетник, — ее называли так потому, что слышать ее было всегда на два дня раньше; даже совсем маленькая птичка, та, у которой и названья еще не было, тоже затесалась в эту пеструю стаю. Курица, как-то случайно ничего об этом не слыхала, и она стала удивляться такому большому сборищу. «Что это, что это та-ко-е, что это та-ко-е?» — закудахтала она, но петух успокоил свою дорогую наседку и сказал: «Тут богатые все люди!» — и рассказал ей о том, что они затеяли.

Было решено, что королем должен стать тот, кто сможет взлететь выше всех. Как только услышала об этом лягушка-древесница, что сидела в кустах, она начала предвещать: «Мокро, мокро, ква-ква-ква! Мокро, мокро, мокро, ква-ква-ква!» — она считала, что немало слез из-за этого будет пролито. Но сказала ворона: «Кар! Какой вздор!» — дескать, все обойдется хорошо.

И было решено, что следует тотчас же, в это прекрасное утро, и начать полет, чтоб никто потом не смел говорить: «Я мог бы взлететь еще повыше, да наступил вечер, и потому я выше не мог».

И вот по данному знаку поднялась вся стая на воздух. Понеслась с поля пыль, и был превеликий шум, свист и хлопанье крыльев; и было похоже издали, будто движется черная туча. Но маленькие птицы вскоре отстали, дальше лететь они не смогли и опустились снова на землю. Птицы, которые побольше, те держались дольше, но никто не мог сравняться с орлом: он поднялся так высоко, что мог бы, пожалуй, выклевать глаза самому солнцу. Увидел он, что другие не могут

долететь до него наверх, и подумал: «Зачем мне подниматься выше, я все равно уже король», и он начал спускаться вниз. Птицы, что были внизу, все воскликнули разом:

— Ты должен быть нашим королем, никто не взлетел выше тебя!

— Кроме меня, — крикнула птица-малютка, у которой не было имени: она запряталась в перья на груди у орла. И так как она не устала, то она взлетела и поднялась так высоко, что могла увидеть бога, сидящего на своем престоле.

Но взлетев так высоко, она сложила крылья, спустилась вниз и крикнула пронзительным голосом:

— Король — я! Король — я!

— Это ты наш король? — гневно воскликнули птицы. — Ты хитростью и уловками взлетела так высоко.

И они выдвинули другое условие: тот будет королем, кто глубже всех заберется под землю.

Как захлопал тут гусь своими широкими крыльями, кинувшись на свое пастбище! Как быстро вырыл яму петух! А утка, та поступила хитрее всех, она прыгнула в яму, но вывихнула себе обе ноги и, переваливаясь с боку на бок, заковыляла к ближайшему пруду, восклицая: «Какое несчастье! Какое несчастье!»

А безыменная птица-малышка выискала себе мышиную норку, забралась туда и тоненьким своим голоском закричала оттуда:

— А король-то ведь я! Король-то ведь я!

— Это ты наш король? — воскликнули птицы, еще пуще разгневавшись. — Ты думаешь, твои хитрости чего-нибудь стоят?

И они порешили держать ее в той норе взаперти и там заморить ее голодом. Поставили они в сторожа сову: пусть-де, если жизнь ей мила, плутовку не выпускает. Но вот наступил вечер, и птицы устали от напряженных полетов и улеглись с женами и детьми спать. Осталась у мышинной норы одна лишь сова, она пристально всматривалась в нее своими большими глазами. Но утомилась и она и подумала: «Один глаз можно, пожалуй, будет закрыть. Я могу сторожить и одним глазом, маленький злодей из этой норы никак не выберется». И она закрыла один глаз, а другим пристально глядела на мышиную нору. Выснула голову маленькая плутовка, хотела было ускользнуть, но сова тотчас подошла, и та спрягала голову назад. Тогда сова открыла опять один глаз, а другой закрыла, и решила так делать всю ночь напролет. Но, закрыв снова один глаз, она позабыла открыть другой, и как только оба глаза закрылись, она уснула. Маленькая плутовка это вскоре заметила и ускользнула из норы.

И с той поры сова не смеет больше показываться днем на свет, а не то нападают на нее сзади разные птицы и выдергивают у нее перья. Она вылетает только по ночам, она ненавидит и преследует мышей за то, что они делают такие хитрые норы. И маленькая птица тоже не очень любит показываться на свет, она боится, что ей не сдобровать, если ее поймают. Она прыгает по плетням и заборам и, чувствуя себя в безопасности, иной раз прокричит: «А король-то ведь я!», и потому остальные птицы называют ее в насмешку: «Король на заборе».

Но никто так не радовался, как жаворонок, что не надо ему королю подчиняться. Только покажется солнце, подымается жаворонок высоко-высоко в воздух и поет:

— Ах, как хорошо на свете! Как хорошо! Хорошо-то как! Хорошо!

Камбала-рыба

Рыбы давно уже были недовольны тем, что нет у них в царстве никакого порядка. Ни одна рыба не обращала внимания на других рыб; все плавали кто куда — одна налево, другая направо, как вздумается; проплывали между другими рыбами, которым хотелось быть вместе, или загоразивали дорогу; а те, кто посильней, били хвостом более слабых, чтоб те убегали подалеже, или попросту их враз проглатывали.

— Как было бы хорошо, если был бы у нас король, который следил бы за порядком и справедливостью, — говорили они. И вот они собрались однажды, чтобы выбрать себе владыкой того, кто мог бы быстрее всех рассекать волны и помогать слабым.

Стали рыбы у берега в ряды, и подала щука хвостом знак, по которому они должны были все разом тронуться с места. Как стрела ринулась вперед щука, а с ней вместе сельдь, голец, окунь, карпы и все прочие рыбы. Камбала тоже плыла с ними вместе, надеясь достигнуть цели.

Вдруг послышался крик: — Сельдь впереди всех! Сельдь впереди всех!

— Кто впереди?! — закричала, скривившись от злости, плоская, завистливая камбала, сильно отставшая от остальных. — Кто впереди?

— Сельдь, сельдь! — был ответ.

— Голая сельдь, — крикнула завистница, — голая сельдь!

И с той поры стала камбала в наказание криворотой.

Выпь и удо́д

Где вам приятней всего пасти свое стадо? — спросил кто-то раз у старого пастуха.

— Там, сударь, где трава не слишком сочная и не слишком сухая; лучшего пастбища не найти.

— А почему это так? — спросил человек.

— А вы слышите там, на лугу, глухой зов? — ответил пастух. — Это выпь, что была когда-то пастухом; и удо́д был пастухом тоже. Расскажу я вам об этом сказку.

Пасла выпь свои стада на зеленых, сочных лугах, где цветов было в изобилии, и оттого были у нее коровы здоровые и крепкие. А удо́д гонял свой скот на высокие голые горы, где один лишь ветер гоняет песок, и были у него коровы оттого тощие и никак не могли поправиться. Когда наступал вечер и пастухи гнали стада домой, выпь не могла собрать своих коров, они были непослушные и от нее убегали. И она кричала: «В путь пойдем! В путь пойдем!», но это не помогало, коровы не слушались ее клича. А удо́д, тот не мог поднять свой скот на ноги, так как сделался он у него тощий и бессильный. «Подь, подь, подь!» — кричал он, но это не помогало, коровы продолжали лежать на песке. Так вот оно и случается, если в чем не бывает меры. Еще и теперь, когда они уже стада не пасут, выпь все кричит: «В путь пойдем!», а удо́д: «Подь, подь, подь!»

Сова

Лет этак двести тому назад, когда люди не были еще такими умными и хитрыми, как в нынешние времена, приключилась в одном маленьком городке необычайная история. Залетела невзначай из соседнего леса в амбар к одному из горожан ночью большая сова, одна из тех, которых называют пугачом, и она, боясь других птиц, которые при виде ее поднимают отчаянный крик, не решилась на рассвете выбраться из своего укромного уголка.

Зашел утром в амбар работник взять соломы и, увидев сову, сидящую в углу под крышей, так испугался, что кинулся оттуда опрометью и рассказал своему хозяину, что сидит, мол, в амбаре такое чудовище, какого он за всю свою жизнь ни ра-

зу не видывал, глазами ворочает и может, чего доброго, кого-нибудь проглотить.

— Уж я тебя знаю! — сказал хозяин. — Вот гоняться на поле за дроздами — на это у тебя храбрости хватает, а увидишь где дохлую курицу, то, прежде чем подойти к ней, хватаешься за палку. Надо будет мне самому поглядеть, что там за чудище такое, — добавил хозяин, смело вошел в амбар и стал разглядывать по сторонам.

Но, увидев своими глазами необычайного и страшного зверя, он испугался не меньше работника. Опрометью выскочил он оттуда, бросился к соседям и стал их умолять, чтоб они помогли ему одолеть неведомого и опасного зверя; а не то, мол, будет угрожать всему городу опасность, если этот зверь выскочит из амбара, где он сейчас сидит. И вот поднялся повсюду на улицах большой переполох и крик. Вышли горожане, вооруженные копьями, граблями, косами и топорами, словно собираясь выступить в поход против врага. Наконец появились и господа советники города во главе с самим бургомистром. Выстроившись на рыночной площади в ряды, они двинулись походным порядком к амбару и окружили его со всех сторон. Потом выступил вперед один из храбрейших и вошел в амбар с копьём наперевес; но тотчас с криком, бледный как смерть, выскочил он оттуда и не мог вымолвить и слова. Отважились туда войти еще двое, но и с теми кончилось дело не лучше. Наконец выступил один, это был высокий, крепкий мужчина, прославленный своими воинскими подвигами, и заявил:

— Разглядывать чудище, это не значит его прогнать, — тут надо действовать решительно, я вижу, что вы все сделались бабами, да притом из трусливого десятка.

Он велел принести себе латы, меч и копьё и вооружился с ног до головы. Все восхваляли его отвагу, хотя многие и опасались за его жизнь. Были распахнуты настежь ворота амбара, — и вот все увидели сову, сидевшую в это время на перекладине под самую крышей. Он велел принести лестницу, поставил ее и уже было собрался взобраться, как все закричали в один голос, чтоб он держался мужественно, и препоручили его святому Георгию, сразившему дракона. Он взобрался наверх и увидел сову, которую хотел было схватить, но сова, напуганная толпой кричавших людей и не зная куда ей деваться, начала ворочать глазами, нахохлила перья, распустила крылья, открыла клюв и сильным голосом закричала: «У-гу, у-гу!»

— Вперед, вперед! — орала толпа во дворе храброму герою.

— Кто стоял бы здесь на моем месте, тот не кричал бы «вперед», — ответил он им.

Правда, он поставил ногу на одну ступеньку повыше, но задрожал и, едва не лишившись чувств, пустился в обратный путь.

Не нашлось теперь никого, кто захотел бы подвергнуть себя опасности.

— Чудовище, — говорили они, — одним лишь своим дыханием отравило и ранило насмерть самого могучего из всех нас, так следует ли нам рисковать своей жизнью?

И они стали советоваться, что теперь делать, чтобы не погиб весь город. Долгое время всем казалось, что все усилия напрасны, но бургомистр, наконец, нашел выход.

— Я держусь того мнения, — сказал он, — что следует уплатить хозяину из общественных средств за этот амбар со всем тем, что в нем находится, за зерно, солому и сено, чтоб не подвергать его убыткам, а потом все здание сжечь, а заодно с ним и страшного зверя, и тогда никому не придется подвергать свою жизнь опасности. В данном случае бережливость ни к чему, а скряжничество нас до добра не доведет.

Все с ним согласилось. Амбар подожгли со всех четырех сторон, и сгорела с ним заодно и несчастная сова. А кто этому не поверит, пускай отправится туда сам и обо всем у людей расспросит.

Луна

Давно-давно тому назад была такая земля, где ночь всегда была темной и небо было точно черным покровом укрыто, — а все оттого, что там никогда не восходила луна и не сияла в темноте ни одна звезда. В начале сотворения мира достаточно было и одного ночника. И вот отправились однажды из той страны четверо парней странствовать. Пришли они в другое государство, а там вечером, только солнце скроется за горами, восходит на дубе светящийся круг и льет повсюду свой мягкий свет. И при свете том можно все хорошо видеть и различать, хотя свет и не такой яркий, как у солнца. Остановились странники и спрашивают у проезжего крестьянина, что это за свет.

— Да это луна! — ответил он им. — Наш сельский староста купил ее за три талера и привязал к дубу. Надо в нее каждый день подливать масла и держать ее в чистоте и порядке, чтоб она всегда светила ярко. За это получает он с нас каждую неделю по талеру.

Поехал крестьянин дальше, а один из парней и говорит:

— Эту масляную лампу мы могли бы пустить в дело: ведь дома у нас есть дуб, такой же большой, как и этот, и мы могли бы ее повесить на нем. Вот была бы радость, если бы нам не приходилось бродить в потемках!

— Знаете что? — сказал второй. — Давайте-ка достанем повозку и лошадей и увезем отсюда луну. А они тут купят себе другую.

— Я умею хорошо лазить, — сказал третий, — я уж ее достану!

Четвертый привел повозку и лошадей, а третий взобрался на дерево, проделал в луне дырку, просунул в нее веревку и спустил ее вниз. Когда сияющий шар лежал уже на повозке, они накрыли его рядом, чтоб никто не заметил покражи. Они благополучно привезли луну к себе на родину и повесили на высоком дубу. Старые и малые — все радовались, когда новая лампа стала освещать кругом все поля и светила в горницы. Вышли карлики из горных пещер, а маленькие домовые в своих красных кафтанчиках стали вести на лугах хоровод.

Четверо парней заботились о том, чтоб было в луне масла достаточно, поправляли фитиль и получали за это каждую неделю талер.

Но вот, наконец, сделались они уже дряхлыми стариками, и когда один из них заболел и увидел, что смерть уже близка, он распорядился, чтобы четвертую часть луны, как принадлежащую ему собственность, положили с ним вместе в гроб. Когда он помер, сельский староста взобрался на дерево и отрезал садовыми ножницами четверть луны и положил ее в гроб. И стало лунного света меньше, но это было еле заметно. Когда умер второй, положили ему в гроб вторую четверть, и света стало еще меньше. Но еще слабее он стал после смерти третьего, который взял тоже свою часть, а умер четвертый — и наступила опять прежняя темень. Выйдут люди вечером без фонаря и натыкаются друг на друга лбами.

Когда части луны в преисподней опять соединились, то там, где прежде была всегда темнота, стало светлей, и мертвые зашевелились и очнулись от сна. Они удивились, что могут снова видеть; лунного света было для них достаточно, — ведь глаза у них ослабели, и они не могли переносить яркого солнца. Они поднялись, повеселели и стали опять жить попрежнему. Одни из них начали играть и плясать, а другие бросились по харчевням, стали требовать себе вина и напились допьяна; начали меж собой ссориться и браниться и пустили в ход свои дубинки, и все передрались. Шум становился все сильнее и сильнее и дошел, наконец, до самого неба.

Святой Петр, стоявший на страже у небесных врат, подумал, что преисподняя подняла восстание, и он призвал тогда

небесные силы, которые должны были прогнать злого врага, в случае если он напал бы на обиталище праведников. Но враг не явился, и сел тогда святой Петр на своего коня и направился через небесные врата в преисподнюю. Там успокоил он мертвецов, велел им лечь снова в свои гробы и взял с собою луну, и повесил ее высоко-высоко на небе.

Срок жизни

Когда господь сотворил мир и собрался определить срок жизни для каждой твари земной, явился осел и спросил:

— Господь, как долго должен я жить?

— Тридцать лет, — ответил господь, — этого для тебя достаточно?

— Ах, господи, — ответил осел, — это слишком долгий срок. Ты подумай про мое горестное существование: с раннего утра и до поздней ночи таскать тяжести, носить на мельницу мешки с зерном, чтоб другие ели хлеб, и получать одни только пинки да побои. Сократи мне часть моей долгой жизни.

Сжалился господь и определил ему жить восемнадцать лет. Ушел осел утешенный, а затем явилась собака.

— Как долго ты хочешь жить? — спросил ее бог. — Ослу показалось тридцать лет слишком много, а ты будешь этим довольна?

— Господи, — ответила собака, — неужели такова твоя воля? Ты подумай только, сколько мне приходится бегать, ведь такой долгий срок мои ноги не выдержат. А если я потеряю голос и не смогу лаять, и не будет у меня зубов, чтоб кусать, что тогда мне останется? Слоняться из угла в угол да ворчать?

Господь понял, что собака права, и определил ей срок жизни в двенадцать лет.

Затем пришла обезьяна.

— Тебе, пожалуй, хотелось бы жить тридцать лет? — спросил ее господь. — Ведь работать тебе не приходится, как ослу и собаке, и ты всегда весела.

— Ах, господи, — ответила обезьяна, — да это только так тебе кажется, а на самом деле иначе. Когда кругом всего вдовсталь, у меня не бывает ложки. Я должна всегда делать веселые гримасы, корчить рожи, чтоб смешить людей, а когда они кинут мне яблоко, оно оказывается кислым. Как часто за смехом таятся слезы! Тридцати лет я не выдержу.

И бог был милостив и даровал ей десять лет жизни.

Явился наконец человек. Он был весел, здоров и бодр, и стал просить бога, чтобы тот определил ему срок жизни.

— Ты должен жить тридцать лет, — сказал господь, — достаточно ли для тебя этого?

— Какой короткий срок! — воскликнул человек. — Когда я построю себе дом и будет пылать огонь в моем собственном очаге, когда я посажу деревья и они зацветут и станут приносить плоды и я буду радоваться жизни, — тогда-то я и должен умереть! О боже, продли мне срок моей жизни.

— Я прибавлю тебе восемнадцать ослиных лет, — сказал господь.

— Этого мне мало, — возразил человек.

— Тогда ты получишь еще двенадцать собачьих лет.

— И этого мало.

— Ну, так уж и быть, — сказал господь, — я прибавлю тебе еще десять лет обезьяньих, но уж больше ты не получишь.

И человек ушел, но был недоволен.

Итак, живет человек семьдесят лет. Первые тридцать лет — это его человеческие годы, они быстро проходят; в эту пору человек бывает здоров, весел, работает с увлечением и радуется своему бытию. Потом наступает восемнадцать ослиных лет; тогда на него ложится одно бремя за другим: он должен таскать зерно, которое кормит других, и в награду за верную службу он получает только пинки да побои. Потом наступает двенадцать собачьих лет; и лежит тогда человек в углу, ворчит, и нет у него больше зубов, чтоб разжевывать пищу. А когда пройдет и это время, наступает, наконец, десять лет обезьяньих; тогда человек становится чудаковатым и слабоумным, делает глупости и становится посмешищем для детей.

Посланцы смерти

В стародавние времена шел раз один великан по большой дороге, вдруг выскочил ему навстречу какой-то незнакомец и крикнул:

— Стой! Ни шагу дальше!

— Эх, — сказал великан, — ты ведь козявка, я мог бы тебя раздавить пальцем, как смеешь ты мне преграждать дорогу? Кто ты такой, что осмеливаешься говорить так дерзко?

— Я смерть, — отвечал незнакомец, — против меня никто устоять не может, ты должен тоже подчиниться моим приказам.

Но великан отказался и вступил со смертью в борьбу. Была между ними долгая, яростная борьба, наконец великан одержал верх и сбил кулаком смерть, и она рухнула наземь у придорожного камня. Пошел великан своей дорогою дальше, а смерть осталась лежать побежденная и стала такая бессильная, что не могла и на ноги подняться.

— Что же получится, однако, — сказала она, — если я останусь лежать здесь без помощи? Никто не будет на свете умирать, и мир наполнится людьми так, что нехватит места даже стоять человеку рядом с человеком.

Проходил в это время по той дороге один молодой парень, он был здоровый и сильный, распевал песню и поглядывал по сторонам. Увидел он еле живого, беспомощного незнакомца, пожалел его, подошел к нему, поднял его, влил ему в рот из своей фляги вина и стал ждать, пока тот снова придет в себя.

— А знаешь ли ты, — спросил, подымаясь, незнакомец, — кто я такой, кому ты помог подняться на ноги?

— Нет, — ответил юноша, — я не знаю тебя.

— Я смерть, — сказал тот, — я никого не щажу, и для тебя исключения делать не стану. Но, чтобы ты знал, что я тебе благодарен, обещаю тебе, что не достигну тебя невзначай, а прежде чем к тебе явиться и тебя забрать, пришлю к тебе своих посланцев.

— Ладно, — сказал юноша, — оно все ж будто бы лучше, если я буду знать, когда ты явишься, — по крайней мере буду тебя остерегаться.

Он отправился дальше, был весел и бодр и жил себе безопасно. Но молодости и здоровья хватило ему не надолго; вскоре появились болезни и всякие страдания, они мучили его каждый день и не давали ему спокойно спать даже ночью. «Сейчас я не умру, — молвил он про себя, — ведь смерть пришлет прежде ко мне посланцев, и мне бы хотелось только одного, чтоб мрачные дни болезни поскорей миновали». И только он почувствовал себя снова здоровым, как начал жить попрежнему, в свое удовольствие. Но кто-то ударил его однажды по плечу. Он оглянулся, видит — стоит сзади него смерть и говорит:

— Следуй за мной, наступил час проститься тебе с жизнью.

— Как? — ответил человек, — ты собираешься нарушить свое слово? Разве ты мне не обещала, прежде чем явишься сама, прислать своих посланцев? Я ни одного из них не видел.

— Молчи, — возразила смерть, — разве я не посылала к тебе одного за другим посланцев? Разве не являлась к тебе ли-

хорадка, не нападала на тебя, не трясла, не бросала тебя в постель? Разве не приходило к тебе головокружение? Разве не дергала тебя всего ломота? Разве не шумело у тебя в ушах? Не терзала тебе щеки зубная боль? Разве не темнело у тебя в глазах? И не напоминал разве тебе обо мне каждый вечер сон, мой родной брат? Разве не лежал ты ночью, будто совсем мертвый?

И нечего было человеку возразить, он покорился своей судьбе и пошел вслед за смертью.

Мастер Пфрим

Был мастер Пфрим человек маленький, худощавый, но бойкий, и не имел он ни минуты покоя. Его лицо, на котором торчал один только вздернутый нос, было рябое и мертвенно бледное, волосы седые и взерошенные, глаза маленькие, они бегали у него беспрестанно по сторонам. Все он замечал, все всегда ругал, все знал лучше всех и во всем всегда был прав. Если шел он по улице, то всегда сильно размахивал руками, так что выбил раз у девушки ведро, в котором та несла воду, и оно взлетело высоко на воздух, и при этом он был облит водой.

— Эх ты, голова баранья! — крикнул он ей, отряхиваясь. — Разве ты не видела, что я иду сзади тебя?

Он занимался сапожным ремеслом, и когда он работал, то так сильно выдергивал дратву, что попадал обычно кулаком в того, кто сидел с ним рядом. Ни один из подмастерьев не оставался у него больше месяца, оттого что он всегда придирался даже к самой лучшей работе и всегда находил, что сделано что-нибудь не так: то швы были недостаточно ровные, то один ботинок был длиннее другого, то каблук выше, чем на другом ботинке, то кожа была отделана недостаточно хорошо.

— Пстой, — говаривал он ученику, — я уж тебе покажу, как делать кожу мягче, — и при этом он брал ремень и бил ученика по спине. Лентяями он называл всех. А сам работал не так уж и много, — ведь и четверти часа не сидел он спокойно на месте. Когда жена его вставала рано утром и растапливала печь, он вскакивал с постели и бежал босиком на кухню.

— Ты это что, собираешься мне дом поджечь? — кричал он. — Такой огонь развела, что на нем можно целого быка изжарить! Разве дрова нам даром достаются?

Когда работницы стоят, бывало, у корыта, смеются и разговаривают между собой о том да о сем, он вечно начинал их бранить:

— Ишь, стоят, точно гусыни, да гогочут и за болтовней забывают о своей работе! И зачем взяли новое мыло? Безобразное расточительство да к тому же позорная лень! Руки свои хотите сберечь, а белье стираете не так как следует.

Затем он выбегал, опрокидывал при этом ведро со щелоком, и вся кухня была залита водой. Если строили новый дом, он подбегал к окошку и обычно смотрел на работу.

— Вот опять кладут красный песчаник! — кричал он. — Он никогда не просохнет; в таком доме все непременно переболеют. И посмотрите, как подмастерья плохо укладывают камень. Да и известка тоже никуда не годится: надо класть мягкий щебень, а не песок. Вот увидите, непременно этот дом рухнет людям на голову.

Затем он усаживался и делал несколько швов, но вскоре вскакивал опять, вешал свой кожаный передник и кричал:

— Надо пойти да усюветить этих людей! — Но он попадал к плотникам. — Что это такое? — кричал он. — Да разве вы тешете по шнуру? Что, думаете, стропила будут стоять ровно? Ведь все они вылетят когда-нибудь из пазов.

И он вырывал у плотника из рук топор, желая показать, как надо тесать, но как раз в это время подъезжала нагруженная глиной телега; он бросал топор и подбегал к крестьянину, который шел за телегой.

— Ты не в своем уме, — кричал мастер Пфрим, — кто ж запрягает молодых лошадей в такую тяжелую телегу? Да ведь бедные животные мрут тут же на месте околеть.

Крестьянин ему ничего не отвечал, и Пфрим с досады убежал обратно в свою мастерскую. Только собирался он сесть снова за работу, а в это время ученик подавал ему ботинок.

— Что это опять такое? — кричал он на него. — Разве я тебе не говорил, что ботинок не следует так узко закраивать? Да кто ж купит такой ботинок? В эм осталась почти одна лишь подметка. Я требую, чтобы мои указания исполнялись беспрекословно.

— Хозяин, — отвечал ученик, — вы совершенно правы, ботинок никуда не годится, но это же ведь тот самый ботинок, который выкроили вы и сами же начали шить. Когда вы вышли, вы сами ж сбросили его со столика, а я его только поднял. Вам сам ангел с неба, и тот никогда не угодит.

Приснилось ночью мастеру Пфриму, будто он умер и подымается прямо на небо. Вот он туда явился и сильно постучал во врата.

— Меня удивляет, — сказал он, — что на воротах нет кольца, ведь так можно и все руки себе разбить.

Открыл ворота апостол Петр, желая посмотреть, кто это так неистово требует, чтоб его впустили.

— Ах, это вы, мастер Пфрим, — сказал он, — вас я впускаю, но предупреждаю, чтобы вы оставили свою привычку и ничего бы не ругали, что увидите на небе, а то вам плохо придется.

— Свои поучения вы могли бы оставить и при себе, — возразил ему мастер Пфрим, — я отлично знаю, что и как подобает. Я думаю — здесь всё, слава богу, в порядке, и нет ничего такого, что можно было бы порицать, как делал я это на земле.

И вот он вошел и стал расхаживать по обширным небесным просторам. Огляделся он по сторонам, покачал головой и что-то проворчал про себя. Увидал он двух ангелов, которые тащили бревно. Это было то самое бревно, которое было в глазу у одного человека, который нашел сучок в глазу у другого. Но ангелы несли бревно не вдоль, а поперек.

«Видана ли подобная бестолочь! — подумал мастер Пфрим, но вдруг умолк и будто согласился. — Да по сути все равно, как нести бревно, прямо или поперек, лишь бы не зацепиться; я вижу, что они делают это осторожно». Вскоре увидел он двух ангелов, набравших из колодца воду в бочку, и тотчас заметил, что в бочке немало дыр и что вода со всех сторон из нее проливается. Это они землю дождем поливали. «Чорт возьми!» — вырвалось у него, но, по счастью, он опомнился и подумал: «Должно быть, это они делают, чтобы время провести; ну, раз это их забавляет, то, пожалуй, пусть себе занимаются таким бесполезным делом. Здесь, правда, на небе, как я заметил, только и делают, что лентяйничают». Пошел он дальше и увидел воз, что застрял в глубокой канаве.

— Это и неудивительно, — сказал он вознице, — кто ж так бестолково воз нагружает? Что это у вас такое?

— Добрые намерения, — ответил возница, — да вот никак не могу выехать с ними на правильную дорогу; я еще счастливо вытащил воз, здесь-то мне уж придут на помощь.

И вправду вскоре явился ангел и впряг в воз пару лошадей. «Это хорошо, — подумал Пфрим, — но ведь парой-то лошадей воза не вытащить, надо бы по крайней мере взять четверик». И явился другой ангел, привел еще пару лошадей, но впряг их не спереди, а сзади воза. Тут уж мастер Пфрим выдержать никак не мог.

— Эй ты, олух, — вырвалось у него, — да что ты делаешь? Виданное ли дело, чтобы так лошадей запрягали? В своем глупом чванстве они думают, что все знают лучше других.

Хотелось ему еще что-то добавить, но в это время один из небожителей схватил его за шиворот и выбросил с невероятной силой с неба. Уже у врат повернул голову мастер Пфрим в сторону воза, видит — а четверик крылатых коней поднял его на воздух.

В эту самую минуту мастер Пфрим и проснулся. «А на небе все по-иному, чем у нас на земле, — сказал он про себя, — кое-что, конечно, можно им простить, но хватит ли у кого терпенья смотреть, как запрягают лошадей и сзади и спереди? Правда, у них есть крылья, но кто ж об этом мог знать? А все же порядочная глупость приделывать крылья лошадям, у которых есть свои четыре ноги, чтобы бегать. Но пора, однако, вставать, а то, чего доброго, наделают они мне беды в доме. Счастье еще, что умер я не на самом деле!»

Гусятница у колодца

Жила когда-то на свете старая-престарая бабушка, жила она со своим стадом гусей в глуши между горами, где была у нее маленькая избушка. Те глухие места были окружены дремучим лесом. Каждое утро старуха брала костыль и отправлялась, ковыляя, в лес. Там принималась старушка за работу, и трудилась она больше, чем позволяли ей ее преклонные годы. Она рвала траву для своих гусей, собирала дикие яблоки и груши, какие только могла достать рукой, и все это она приносила на своей спине домой. Если она встречала кого по дороге, она ласково его приветствовала: «Добрый день, милый земляк, а нынче-то погода хорошая. Ты, небось, удивляешься, что я тащу траву, но каждый ведь должен нести свое бремя на плечах».

Люди, однако, встречались с ней неохотно и старались как-нибудь ее обойти, а если приходилось проходить мимо нее отцу с ребенком, он тихонько ему шептал:

— Ты старухи этой опасайся, она хитрая-прехитрая, это ведьма.

Однажды утренней порою проходил через лес красивый молодой человек. Солнце светило ярко, распевали птицы, и между листвою пролетал прохладный ветерок. Юноша был полон радости и веселья. По дороге ему еще никто не встречался, и вдруг он увидел старую ведьму, она стояла на коленях и срезала серпом траву. Она набрала в свой мешок уже целый

ворох, и стояли около нее две корзины, полные диких груш и яблок.

— Бабушка, — сказал молодой человек, — а как же это ты все донесешь?

— Что поделаешь, мой милый, нести надо, — отвечала она, — детям богатых людей этого делать не приходится. Про это у крестьян говорится:

Не заглядывая назад,
Все равно ведь ты горбат.

Может, вы мне поможете? — сказала она, когда тот остановился около нее, — спина-то у вас крепкая, а ноги молодые, это для вас будет легко. Да и дом-то мой не так уж отсюда далече, вон за тою горой стоит он, в долине. Вам туда взобраться — раз-два, да и все.

Сжалился молодой человек над старухой.

— Мой отец хотя и не крестьянин, — ответил он, — а богатый граф, но чтобы вы знали, что не одни только крестьяне умеют носить тяжести, я вашу вязанку отнесу.

— Что ж, попробуйте, — сказала старуха, — мне это будет приятно. Придется вам, правда, пройти целый час, но что это для вас составит? А те вон яблоки и груши вы тоже должны дотащить.

Когда молодой граф услышал, что надо идти целый час, это показалось ему несколько странным, но старуха теперь его не отпускала; она взвалила ему на спину вязанку и дала в руки обе корзины.

— Вот видите, — сказала она, — это совсем нетрудно.

— Нет, не совсем-то легко, — ответил граф, и лицо у него сделалось грустное, — ваша вязанка так оттягивает плечи, будто в нее камни наложены, а яблоки и груши на вес как свинцовые. Я еле могу дышать.

Ему очень хотелось бы все это бросить на землю, но старуха этого не позволила.

— Поглядите-ка, а, — говорила она насмешливо, — молодой человек, а не хочет нести того, что я, старуха, не раз уже таскала. На словах-то вы хороши, а как взяться за дело, то вы отлыниваете. Ну, чего ж вы стоите, — продолжала она, — да медлите, ну-ка живей подымайте ноги! Теперь уж никто не снимет с вас этой вязанки.

Пока молодому человеку приходилось идти по ровному месту, еще можно было выдержать, но когда они подошли к горе и надо было на нее взбираться, а камни под ногами скатывались вниз, будто они были живые, — стало ему невмоготу. Капли пота выступали у него на лбу и сбегали, то горячие, то холодные, по спине.

— Бабушка, — сказал молодой человек, — я больше итти не в силах, я отдохну немного.

— Нет, здесь нельзя, — ответила старуха, — вот как придем на место, тогда уж вы и сможете отдохнуть, а теперь надо двигаться вперед. Почему знать, может все это вам и к добру.

— Старуха, ты становишься, однакож, бессовестной, — сказал граф и хотел было сбросить с себя вязанку, но он старался понапрасну: она висела у него за спиной, будто к ней приросла. Он поворачивался и так и этак, но избавиться от вязанки никак не мог. А старуха, глядячи на это, смеялась и прыгала вокруг него на своем костыле.

— Любезный мой сударь, уж не гневайтесь, — говорила она, — вы краснеете, словно петух, которого резать собираются. Тащите свою ношу терпеливо, а когда доберемся домой, я уж вам щедро дам на чаек.

Что ему было делать? Пришлось покориться судьбе и терпеливо тащиться вслед за старухой. Казалось, что она становится все проворней, а его ноша все тяжелей. Вдруг старуха прыгнула, вскочила на вязанку и уселась на нее; и какой она ни была тощей на вид, а по весу оказалась куда тяжелей самой толстой деревенской девки. У юноши подкашивались колени, и когда он останавливался, то старуха била его прутом и хлестала по ногам крапивой. То и дело охая, он взобрался на гору, и когда он уже совсем готов был упасть, добрался наконец к дому старухи. Как увидели гуси старуху, они захлопали крыльями, вытянули шеи, кинулись ей навстречу и закричали ей: «Уля, уля, уля!» Вслед за стадом шла, держа в руках хворостину, пожилая Трулле, женщина дюжая и большого роста, но страшно уродливая, как сама ночь.

— Матушка, — сказала она старухе, — уж не случилось ли с вами чего? Вас так долго не было.

— Да что ты, доченька, — ответила она, — со мной ничего плохого не приключилось, напротив того, вот этот любезный господин донес мне мою ношу. Ты представь себе, когда я утомилась, он сам посадил меня к себе на плечи. Да и дорога нам вовсе не показалась длинной, нам было весело, мы то и дело друг с другом шутили.

Наконец старуха слезла на землю, сняла со спины молодого человека вязанку, взяла у него из рук корзины, ласково на него поглядела и сказала:

— Ну, а теперь садитесь у дверей на скамеечку да отдыхайте. Вы честно заслужили свой заработок, и уж вы непременно его получите.

Потом она обратилась к гусятнице:

— А ты, доченька моя, ступай в комнату, не гоже тебе оставаться наедине с молодым человеком, масла в

огонь подливать не следует; чего доброго, он в тебя влюбится.

Молодой граф не знал, плакать ему или смеяться. «Такая красotka, — подумал он, — если бы даже и была лет на тридцать моложе, так и то, наверно, не тронула бы моего сердца». А между тем старуха ласкала и гладила своих гусей, будто детей, а потом она вошла в дом вместе со своей дочкой. А юноша тем временем растянулся на скамейке под дикою яблоней. Воздух был теплый и мягкий. Вокруг расстилался зеленый луг, весь поросший первоцветами, чебрецом и тысячами других цветов; посередине его пробегал, журча, светлый ручей, в котором поблескивало солнце; и разгуливали по лугу белые гуси и плескались в воде.

«А здесь и вправду приятно, — подумал он, — но я так устал, что глаза у меня сами закрываются; посплю-ка я маленько. Хорошо, если не налетит порыв ветра и не унесет у меня ног, они у меня сделались такие вялые, будто вот-вот отвалятся».

Поспал он немного, но явилась старуха и начала его расталкивать.

— Подымайся, — сказала она, — здесь тебе оставаться нельзя. Правда, я тебя порядочно уморила, но ты ведь от этого, однако, не помер. А сейчас я дам тебе то, что ты заработал; ты в деньгах и вещах не нуждаешься, так вот подарю я тебе кое-что другое.

И она сунула ему в руку баночку, выточенную из цельного куска изумруда.

— Ты храни ее бережно, — добавила старуха, — она принесет тебе счастье.

Граф быстро поднялся и почувствовал себя совершенно свежим и, как прежде, сильным, поблагодарил старуху за ее подарок и двинулся в путь-дорогу, а на прекрасную доченьку даже и не оглянулся. Когда он прошел некоторое расстояние, издали до него все еще доносилось веселое гоготанье гусей.

Графу пришлось проблуждать три дня по лесным тропам, пока, наконец, он оттуда выбрался. Потом пришел он в столицу, а так как там его никто не знал, то привели его в королевский дворец, где сидели на троне король и королева. Граф опустился на колени, достал из кармана изумрудную баночку и положил его к ногам королевы. Королева велела ему подняться, и он подал ей изумрудную баночку. Но только королева ее открыла и заглянула в нее, как упала замертво наземь. Графа схватили королевские слуги и хотели отвести его в темницу, но королева открыла глаза и сказала, чтоб его отпустили и чтоб все вышли, что хочет она поговорить с ним наедине.

Когда королева осталась одна, она горько заплакала и стала ему говорить:

— Что для меня весь этот блеск и почести, которые меня окружают, если я просыпаюсь каждое утро в заботах и в горел! Было у меня три дочери, младшая была из них так прекрасна, что во всем свете почитали ее за чудо. Была она бела, как снег, румяна, как цвет яблони, а волосы у нее сверкали, как солнечные лучи. Когда она плакала, то катились у нее из глаз не слезы, а жемчуга и драгоценные камни. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, король велел всем трем сестрам явиться к его трону. Ах, если бы вы видели, как раскрыли люди от изумления глаза, когда вошла младшая, — было похоже, что взошло само солнце. И сказал король: «Мои дочери, я не знаю, когда настанет мой смертный час, но нынче я хочу завещать, что должна получить каждая из вас после моей смерти. Вы все меня любите, но кто из вас любит меня больше всех, та и должна получить самое лучшее».

И каждая из них сказала, что она любит его больше всех. «А можете ли вы доказать, — спросил король, — насколько вы любите меня? По этому я и буду судить, как вы ко мне относитесь».

Старшая сказала: «Я люблю отца, как самый сладчайший сахар». Средняя: «А я люблю отца, как самое красивое платье». А младшая промолчала, ничего не сказала.

И спросил отец: «А ты, мое дитятко, как ты меня любишь?» — «Я не знаю, — ответила она, — мою любовь к вам я не могу сравнить ни с чем». Но отец настаивал на том, чтоб она что-нибудь назвала. И вот, наконец, она сказала: «Самая лучшая пища без соли не имеет вкуса, а потому я люблю отца, как соль». Услыхал это король, разгневался и сказал: «Если ты меня любишь, как соль, то и любовь твоя пусть будет вознаграждена солью». И поделил он тогда королевство между двумя старшими сестрами, а младшей велел привязать на спину мешок соли, и должны были двое слуг завести ее в дикий лес.

Мы все просили за нее, умоляли отца и молились, — продолжала королева, — но королевского гнева смягчить было нельзя. Как она плакала, когда должна была нас покинуть! Вся дорога была усеяна жемчугами, что падали у нее из глаз. Вскоре после того король раскаялся в своей непомерной жестокости и велел разыскивать свое бедное дитя по всему лесу, но никто ее найти не мог. Когда я думаю, что, может быть, ее съели дикие звери, я не могу опомниться от печали. Иногда я себя утешаю надеждой, что она еще жива, что она укрылась где-нибудь в пещере или, может, нашла приют у каких-нибудь добрых людей. Но вообразите себе, когда я открыла вашу изумрудную баночку и увидела, что лежит в ней жемчужина, такая же точно, как те, что падали из глаз моей дочери; и вы можете себе

представить, как жемчужина эта взволновала мое сердце. Вы должны сказать, откуда вы достали ее.

Граф ей рассказал, что баночку он получил от одной старухи в лесу, она показалась ему очень странной, должно быть это была какая-нибудь ведьма. Но про ее дочь он ничего не слышал и нигде ее не видел.

И вот решили король и королева эту старуху разыскать; они думали, что там, где находится жемчужина, они узнают что-нибудь и про свою дочь.

Старуха сидела одна в своей хижине за прялкой и прядла пряжу. Было уже темно, горела у очага лучина и давала тусклый свет. Вдруг на дворе поднялся шум, вернулись гуся домой с пастбища, и послышалось их хриплое гоготанье. Вскоре вошла и дочка. Но старуха еле ответила ей на приветствие и только слегка головой покачала. Дочка уселась у ее ног, взяла свое веретено и ловко начала сучить нитку, словно молодая девушка. Так просидели они целых два часа и слова между собой не промолвили. Наконец что-то у окна зашумело, и два огненных глаза уставились в комнату. То была старая ночная сова, она трижды прокричала: «Угу! угу! угу!» Глянула старуха вверх и сказала:

— Пора тебе, доченька, выходить да приниматься за работу.

Та поднялась и вышла из дому. Но куда же она пошла? По лугам, все напрямик, до самой долины. Наконец она подошла к колодцу, где росли три старых дуба. В это время взошла над горою луна, полная и большая, и стало так светло, хоть иголки собирай. Девушка сняла кожу с лица, нагнулась к колодцу и начала умываться. Когда она кончила, окунула в воду и кожу, а затем положила ее белиться и сохнуть под лунным сиянием. И как гусятница преобразилась! Вы ничего подобного ни разу не видывали! У нее отвалилась седая коса, упали ей на плечи золотистые, как солнечные лучи, волосы и укутали ее всю, точно покрывалом. Только блестели одни глаза, такие сверкающие, как звезды на небе, а щеки сияли у ней нежным, как цвет яблони, румянцем.

Но красавица-девушка была печальна. Она села на землю и горько заплакала. Слезы одна за другой текли у ней из глаз и падали по длинным ее волосам наземь. Так сидела бы она, пожалуй, тут долго-долго, если бы что-то не затрещало, не зашумело на ветках соседнего дерева. Она вскочила, как лань, услышавшая выстрел охотника. Как раз в это время луну закрыла черная туча, и вмиг девушка снова вошла в свою старую кожу и исчезла, точно огонь, потушенный ветром.

Дрожа как осиновый лист, она прибежала домой. Старуха стояла у двери, и девушка хотела рассказать ей, что с нею случилось, но старуха ласково засмеялась и сказала:

— Я уже все знаю.

Она отвела ее в комнату и снова зажгла лучину. Но за прятку старуха теперь не села, а достала метлу и начала подметать комнату и мыть пол.

— Все должно быть чистым и опрятным, — сказала она девушке.

— Матушка, — сказала девушка, — почему вы беретесь за работу в такое позднее время?

— А ты разве знаешь, который теперь час?

— Скоро полночь, — ответила девушка, — уже, кажется, начало двенадцати.

— А ты разве не знаешь, — продолжала старуха, — что нынче исполнилось три года с тех пор, как ты пришла ко мне? Твой срок гышел, больше тебе со мной оставаться нельзя.

Девушка испугалась и сказала:

— Ах, милая матушка! Что ж, вы хотите меня прогнать? Куда ж мне деваться? Ведь нет у меня ни друзей, ни родимого дома, куда я могла бы пойти. Я выполняла все, что вы требовали, всегда вы были мною довольны, не прогоняйте меня. — Но старуха не хотела говорить, что предстояло девушке.

— Здесь мне тоже оставаться недолго, — сказала она ей, — но когда я отсюда уйду, то всё в доме должно быть чистым; а потому не мешай мне работать. Ты ни о чем не думай, не беспокойся; тебе бы только найти приют, где можно было бы жить, а тою наградою, которую я тебе дам, ты будешь довольна.

— Но вы хоть скажите, что же такое случилось? — продолжала спрашивать девушка.

— Я еще раз тебе повторяю, не мешай мне работать. Не говори больше ни слова, ступай к себе в комнату, сними с лица кожу, надень шелковое платье, которое было на тебе, когда ты явилась ко мне, и дожидайся, пока я тебя позову.

Но мне надо вернуться к рассказу про короля и королеву, которые отправились вместе с графом в лесные дебри на поиски старухи. Случилось так, что ночью в лесу граф от них отстал и ему пришлось пробираться дальше одному. На другой день ему показалось, что он вышел на правильную дорогу. Он продолжал идти дальше до той поры, пока не стало темно. Тогда он взобрался на дерево и решил там переночевать, он боялся теперь заблудиться. Когда луна осветила все вокруг, он заметил какую-то фигуру, спускающуюся с горы. В руках у нее не было хворостины, но он мог разглядеть, что то была гусятница, которую он видел прежде в доме старухи.

— Ага! — воскликнул он, — если мне удастся поймать одну ведьму, то и вторая от меня не уйдет. — Но как он был изумлен, когда она подошла к колодцу, сняла с себя кожу,

умылась, — и рассыпались у ней по плечам золотистые волосы, и была она такая прекрасная, что подобной он ни разу на свете не видел. Он боялся даже вздохнуть, но он просунул голову сквозь листья насколько мог вперед и начал разглядывать девушку, не спуская с нее глаз. И то ли он чересчур нагнулся, или что другое было причиной, но вдруг затрещала ветка, и в этот миг девушка влезла в старую кожу и кинулась оттуда, как лань; в это время на луну набежало облако — и девушка скрылась у него на глазах.

Только она исчезла, спустился граф с дерева и быстро поспешил за ней. Прошел он немного и увидел в сумерках две фигуры, идущие по лугу. Это были король и королева; они заметили издали свет в избушке старухи и направлялись туда. Граф рассказал им, какие чудеса он видел у колодца, и король и королева не сомневались в том, что это была их пропавшая дочь. Обрадованные, они отправились дальше и вскоре подошли к избушке. Вокруг нее сидели гуси, спрятав головы под крыло, и спали, и ни один из них не пошевелинулся. Они заглянули в окошко, там сидела в тишине старуха. Она, наклонив голову, прядла пряжу и не оглядывалась.

В комнате было убрано все так чисто, будто в ней жили маленькие облачные человечки, у которых на ногах не было ни пылинки. Но своей дочери они там не увидели. Они разглядывали все это некоторое время, наконец собрались с духом и тихо постучались в окно. Казалось, будто старуха только их и дожидалась, она поднялась и ласково сказала:

— Входите, входите, я уже вас знаю.

Вошли они в комнату, и говорит старуха:

— Вам бы и не надо было в такую даль забираться, если бы вы свою дочку, такую милую и добрую, не прогнали бы три года тому назад ни за что ни про что из дому. Она дурному здесь ничему за это время не научилась, а только сердце свое сберегла в чистоте. А вы уж и так были долгое время наказаны, что жили все время в страхе.

Потом она подошла к комнате и кликнула:

— Выходи, моя доченька.

Открылись двери, и вышла оттуда королева с золотыми волосами, в своем шелковом платье, с сияющими глазами; и было похоже, будто ангел спустился с неба.

Она подошла к своему отцу и матери, бросилась к ним на шею стала их целовать, и — уж как тут могло быть иначе — заплакали они все от радости. Молодой граф стоял возле них; увидев его, королева зарделась, как розан, и сама не знала почему.

Сказал король:

— Милое дитя, свое королевство я уже раздарил, что же мне тебе дать?

— Ей ничего не надо, — сказала старуха, — я дарю ей те слезы, которые она выплакала из-за вас; это всё жемчуга, и покрасивее тех, что находят в море, и дороже всего вашего королевства. А в награду за ее работу я дарю ей свою избушку.

Только молвила это старуха — и тотчас исчезла на их глазах. Слегка затрещали стены; оглянулись они, видят — обратилась избушка в великолепный дворец, и был там уже накрыт королевский стол, и сновали взад и вперед слуги.

Сказка на том не кончается, но у бабушки моей, которая мне ее рассказывала, память стала короткой: конец-то сказки она позабыла. Я уверен, что королева вышла замуж за графа, и они остались жить вместе в том дворце, и жили они там в полном счастье и довольстве столько, сколько им было богом положено. Были ли белоснежные гуси, что паслись у избушки, девушками (пусть это никто не поймет в дурном смысле), которых приняла к себе старуха, и вернулся ли к ним снова их человеческий облик, остались ли они у молодой королевы служанками, — этого я точно не знаю, но предполагаю, что это было именно так. А старуха, должно быть, и вовсе не была ведьмой, как думали это люди, а была она вещей женщиной, и к тому же доброй. И, пожалуй, это она и одарила королеву при ее рождении даром плакать не простыми слезами, а жемчугами. В нынешнее время оно так больше не случается, а то все бедняки скоро бы разбогатели.

Русалка в пруде

Жил-был на свете мельник; он жил вместе со своей женой в полном довольстве. Денег и всякого добра было у них вдоволь, и из году в год достаток у них все увеличивался. Но беда-то подкрадывается в ночи: как выросло их богатство, так год за годом и стало оно таять, и под конец осталась у мельника одна только мельница, на которой он работал. Он был в большом горе, и, ложась спать после трудового дня, не находил себе покоя и ворочался в постели с боку на бок, полный дум и забот.

Раз поутру, когда еще не начинало светать, поднялся он и вышел пройтись, думая, что, может, у него на душе полегчает. Он переходил через мельничную плотину, и как раз в это время засиял первый луч солнца, и вот он услышал, что в запруде что-то шумит. Он оглянулся и увидел красивую женщину,

медленно выходящую из воды. Она держала в нежных руках, над плечами, длинные волосы, они спускались вниз и покрывали ее белое тело. Мельник понял, что это русалка, и от страха не знал, что ему делать — уйти или остаться здесь. Но раздался нежный русалочий голос, она окликнула его по имени и спросила, отчего он такой опечаленный. Поначалу мельник не мог вымолвить и слова, но, услышав, что она говорит так ласково, сердце его успокоилось, и он рассказал ей, что он жил прежде в богатстве и счастье, а теперь так обеднел, что не знает, как ему и на свете прожить.

— Успокойся, — сказала русалка, — я сделаю тебя еще богаче и счастливей, чем прежде, но ты должен прежде пообещать, что отдашь мне то, что только что родилось у тебя в доме.

«Что бы это могло быть? — подумал мельник. — Пожалуй, щенок или котенок», — и он посулил то, что потребовала у него русалка. Русалка опять погрузилась в воду, а он, успокоенный и в добром настроении, направился к своей мельнице. Но не успел он дойти, как вышла из дверей работница и крикнула ему, что он может порадоваться, что родила, мол, жена ему мальчика. Остановился мельник, как громом пораженный, и понял, что хитрая русалка знала об этом и его обманула. С поникшей головой он подошел к постели жены, и когда та спросила: «Почему ты не радуешься красивому мальчику?» — он рассказал ей, что с ним приключилось и какое он дал обещание русалке.

«На что мне теперь и счастье, и богатство, — добавил он, — если должен я потерять свое дитя? Да что делать теперь?» Пришли родственники поздравить его и пожелать ему счастья, но и они тоже не знали, что ему посоветовать.

А между тем счастье снова вернулось в дом мельника. Что бы он ни начинал, все ему удавалось, и было так, будто все сундуки и закрома сами собой наполняются и денег в шкафу каждую ночь становится все больше и больше. В скором времени стало у него богатств больше, чем было прежде. Но не мог он спокойно этому радоваться: обещание, данное им русалке, мучило его сердце. Всякий раз, проходя мимо пруда, он боялся, что вот-вот она выплывет и напомнит ему про его долг. Мальчика он вовсе не подпускал к воде. «Берегись, — говорил он ему, — если ты подойдешь к воде, протянется оттуда рука, она схватит тебя и утащит за собою на дно. Но проходил год за годом, а русалка все не показывалась, и мельник начал было уже успокаиваться.

Мальчик вырос, стал юношей и поступил в обучение к одному охотнику. Когда он выучился и сделался отличным охотником, взял его один помещик к себе на службу. А жила в

той деревне одна красивая и честная девушка; она понравилась охотнику, и когда помещик об этом узнал, он подарил ему маленький домик. Молодые справили свадьбу и стали себе жить-поживать мирно и счастливо и от всего сердца любили друг друга.

Как-то раз пришлось охотнику гоняться за ланью. Когда зверь выбежал из лесу и помчался по полю, охотник бросился за ним и, наконец, уложил его наповал. Но он не заметил того, что находится вблизи русалочьего пруда, и, выпотрошив зверя, он подошел к воде, чтобы умыть испачканные кровью руки. Но только погрузил он их в воду, как вынырнула из пруда русалка, обвила его влажными руками и так быстро увлекла его за собой, что только волны над ними заплескались.

Когда наступил вечер и охотник домой не вернулся, жена испугалась и пошла его разыскивать; а так как он часто рассказывал ей, что надо ему опасаться преследований русалки и не подходить близко к пруду, то она сразу почувствовала, что произошло. Она поспешила к пруду и, увидев на берегу его охотничью сумку, поняла, что с ним случилось несчастье.

Плача и заламывая руки, она стала звать своего любимого по имени, но напрасно; она побежала на другую сторону пруда и стала звать его снова; она начала ругать русалку, но ответа не было. Зеркало пруда оставалось спокойным, и только молодой месяц один неподвижно гляделся в него с высоты.

Бедная женщина не покидала пруда. Быстрыми шагами она безустали все ходила вокруг него, то молча, то громко крича, то тихо стелая. Наконец силы у нее иссякли, она упала на траву и крепко-крепко уснула.

И вскоре приснился ей сон. Будто идет она в страхе на гору между огромными обломками скал. Шипы и колючки впиваются ей в ноги, дождь хлещет ей в лицо, и ветер треплет ее длинные волосы. Вот добралась она до вершины, и перед нею открылась другая картина. Небо было голубое, воздух нежный, земля мягко под ней опустилась, и на зеленом, покрытом пестрыми цветами лугу оказалась чистенькая избушка. Она подошла к ней, открыла дверь, смотрит — сидит в избушке старуха с седыми волосами и ласково ей кивает. В этот миг бедная женщина проснулась.

Уже наступило утро, и она тотчас решила послушаться сна. Она с трудом поднялась на гору, и было все так же, как виделось ей ночью во сне. Старуха приветливо встретила ее и предложила ей сесть на стул.

— Ты, должно быть, пережила какое-нибудь несчастье, — сказала старуха, — что явилась ко мне в одинокую хижину?

И женщина рассказала ей со слезами все, что с нею случилось.

— Успокойся, — сказала старуха, — я тебе помогу. На тебе золотой гребень. Обожди, пока взойдет полная луна, а потом ступай к пруду, сядь снова на его берегу и расчеши свои длинные черные волосы этим гребнем. Когда ты это сделаешь, положи его на берегу, и ты увидишь, что случится.

Женщина вернулась назад, но время до полнолуния двигалось медленно. Наконец показалась на небе сияющая луна, и женщина вышла к пруду, села на берегу и начала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем, а потом она положила его на самый край у воды. И вдруг разбушевался пруд, поднялась волна, подкатилась к берегу и унесла с собой гребень. Это длилось не дольше, чем надо было, чтобы гребень опустился на дно, — и вдруг расступилась водная гладь, и поднялась оттуда голова охотника. Он не молвил ни слова, но поглядел на жену грустным взором. В этот миг подкатилась с шумом вторая волна и укрыла голову мужа.

Вдруг все исчезло, и пруд стоял такой же спокойный, как прежде, и только в нем отражалась полная луна.

Женщина вернулась назад безутешной, но сон указал ей снова на избушку старухи. На другое утро женщина собралась опять в путь-дорогу и рассказала про свое горе вещей старухе. Дала ей старуха золотую флейту и сказала:

— погоди, пока наступит опять полнолуние, а затем возьми эту флейту, сядь на берегу, сыграй на ней красивую песню, и когда ты окончишь, положи ее на песок, и ты увидишь, что случится.

Женщина сделала так, как ей велела старуха. И только положила она флейту на песок, как в глубине пруда вдруг что-то зашумело: поднялась волна, подкатилась и утащила за собой флейту. Вскоре вода расступилась, и показалась оттуда не только голова, но половина туловища мужа. Он протянул ей в страстном желаньи руки, но в этот миг зашумела навстречу другая волна, захлестнула его и увлекла снова вниз за собой.

— Ах, что мне с того, — сказала несчастная, — если я вижу своего любимого, но теряю его опять!

Она снова запечалилась, но сон в третий раз привел ее в избушку старухи. Она направилась в путь-дорогу, и вещь старуха дала ей золотую прялку, утешила ее и сказала:

— Еще сделано не все, ты повremени, пока взойдет полная луна, тогда возьми прялку, сядь на берегу и напряди полную мотушку пряжи, а когда ты окончишь, поставь прялку у самой воды, и ты увидишь, что случится.

Женщина так все точно и сделала. Только показалась полная луна, она принесла на берег золотую прялку и усердно прядла до тех пор, пока не вышел весь лен, мотушка была полна пряжи. И только оказалась прялка на берегу, как в глубине пруда зашумело еще сильнее, чем прежде, быстро подкатилась сильная волна и унесла с собой прялку. И тотчас вместе с волной поднялась вверх голова, а затем и все тело мужа. Он быстро выскочил на берег, схватил за руку свою жену и побежал с ней. Но только они немного отошли, как поднялся со страшным шумом весь пруд и с яростной силой разлился по широкому полю. Беглецы уже чувствовали свою неминуемую смерть, но кликнула женщина в страхе на помощь старуху, и вмиг они были обращены: она в жабу, а он в лягушку. Докадилась до них волна, но не могла их утопить, только разлучила их друг с другом и унесла далеко-далеко.

Когда схлынула вода и они ступили на сушу, к ним вернулся снова их человеческий образ. Но они не знали, где находится каждый из них. Они оказались среди чужих людей, ничего не слышавших про их родную землю. Их разделяли высокие горы и глубокие долины. Чтоб поддержать свою жизнь, им обоим пришлось пасти овец. Долгие годы они гоняли свои стада по полям и лесам и были исполнены тоски и печали.

Однажды, когда снова поднялась из недр земных весна, вышли оба они в один и тот же день со своими стадами на пастбище и случайно двинулись друг другу навстречу. Он заметил на дальнем обрыве скал стадо и погнал своих овец в ту сторону. Они сошлись в одной долине, но не узнали друг друга. Но им было радостно, что они теперь не так одиноки. С той поры они пасли свои стада вместе; они говорили мало, но чувствовали себя утешенными. Однажды вечером, когда на небе сияла полная луна и овцы уже отдыхали, достал пастух из сумки флейту и начал на ней играть прекрасную, но печальную песню. Кончил он ту песню и видит, что плачет пастушка горькими слезами.

— Чего ты плачешь? — спросил он.

— Ах, — ответила она, — вот так же светила полная луна, когда я в последний раз играла эту песню на флейте и показала из пруда голова моего любимого.

Он глянул на нее, и словно пелена спала у него с глаз, и он узнал свою милую жену; а когда она посмотрела на него и луна осветила ему лицо, она тоже узнала его. Они бросились друг к другу в объятия и стали целоваться, — а были ли они счастливы, о том и спрашивать незачем.

Дары маленького народца

Странствовали вместе портной и золотых дел мастер, и услышали они однажды вечером, когда солнце уже зашло за горы, звуки отдаленной музыки, что становились все ясней и отчетливей. Музыка звучала необычно, но так привлекательно, что они позабыли про всякую усталость и зашагали быстрее. Вот подошли они к холму, луна уже взошла, и они заметили, там множество маленьких человечков и женщин, которые, взявшись за руки, в большом восторге весело кружились в пляске и так чудесно в это время пели, — это и была та самая музыка, которую слышали путники. В середине круга сидел старший; он был чуть побольше остальных, на нем был пестрый камзол, и ему на грудь свешивалась седая как снег борода. Странники остановились в изумлении и начали смотреть на пляску. Старик кивнул им, чтоб они вошли в круг, и маленький народец радушно перед ними расступился. Золотых дел мастер, у которого был на спине горб, как и все горбатые люди, оказался достаточно смел и первым вошел в круг; портной же испытывал сперва некоторую боязнь и держался позади, но, увидев, как все это весело обошлось, собрался с духом и направился вслед за ним. И тотчас круг снова сомкнулся, и маленькие человечки продолжали петь и плясать, делая при этом самые дикие прыжки. Старик достал широкий нож, висевший у него на поясе, начал его натачивать, и когда тот сделался достаточно острым, он оглянулся и посмотрел на пришельцев. Им сделалось страшно, но у них не было времени, чтоб собраться с мыслями; и вот схватил старик золотых дел мастера и с величайшей быстротой обстриг ему начисто волосы и бороду; то же самое случилось затем и с портным. Однако, когда старик, закончив свое дело, похлопал каждого из них дружески по плечу, как бы желая этим сказать, что они, мол, хорошо поступили, согласившись на все это добровольно, страх у них прошел. Старик указал пальцем на кучу угля, лежавшую в стороне, и знаками дал им понять, что они должны наполнить себе этим карманы. И хотя они не знали на что им может пригодиться уголь, они послушались, а затем отправились дальше на поиски ночлега. Когда они спустились в долину, на колокольне соседнего монастыря пробило полночь, — и вдруг пенье замолкло. Все исчезло, и холм стоял в тихом лунном сиянии.

Путники нашли себе постоянный двор и, укрывшись на соломенной подстилке своими куртками, позабыли из-за усталости вынуть перед сном из карманов уголь. От тяжелого

груза, который им надавил бока, они проснулись раньше обычного. Они сунули руку в карман и глазам своим не поверили, увидав, что карманы у них полны не углем, а чистым золотом; да и волосы на голове и бороды оказались, к счастью, целы. И вот сделались они богатыми людьми; но золотых дел мастер, который, по своей жадной натуре, набил себе карман полней, оказался богаче портного вдвое. А жадный хоть и много имеет, но хочет, чтоб было у него еще больше, — и предложил золотых дел мастер портному остаться здесь еще на день, а вечером отправиться снова на гору, чтоб добыть у старика еще большие сокровища. Но портной не согласился и сказал:

— Мне и этого хватит, я и этим доволен; теперь я сделаюсь мастером, женюсь на любезном мне предмете (так называл он свою возлюбленную) и буду счастливым человеком.

Но он согласился сделать золотых дел мастеру одолжение и остаться еще на денек. Под вечер золотых дел мастер повесил через плечо еще две сумки, чтоб иметь возможность набить их как следует, и пустился в путь-дорогу к тому холму. Как и в прошлую ночь, он застал маленький народец за пляской и пением. Старик опять окорнал его начисто и указал ему знаками, чтобы он набрал с собой угля. Золотых дел мастер медлить не стал, набил себе карманы и сумки сколько в них могло поместиться, и совершенно счастливый вернулся назад и укрылся курткой.

«Если золото и давит, — сказал он, — то это еще вытерпеть можно», — и, наконец, он уснул в сладком предчувствии проснуться завтра большим богачом. Только он открыл глаза, быстро схватился, чтоб осмотреть карманы, но каково же было его изумление, когда он вытащил оттуда одни лишь черные угли, и сколько он в карманы не лазил, все было то же самое. «Но у меня имеется, однако, золото, доставшееся мне прошлой ночью», — подумал он и начал его доставать; но как он испугался, увидав, что и оно обратилось снова в уголь. Он бил себя по лбу рукою, черной от угольной пыли, — и тут он почувствовал, что вся голова у него лысая, да и борода обстрижена начисто. Но его неудачи на этом не кончились, он заметил, что, кроме горба на спине, вырос у него на груди таких же размеров второй. Тогда он понял, что это в наказание за его жадность, и заплакал навзрыд. Это разбудило доброго портного, он принялся утешать несчастного, как только умел, и сказал:

— Ты был мне товарищем во время странствий, и ты останешься со мной и теперь и будешь жить на мои богатства.

Портной свое слово сдержал, а несчастный золотых дел мастер должен был всю жизнь таскать два горба и прикрывать ермолкой свою лысую голову.

Великан и портной

Вздумалось раз одному портному, большому хвостуну и бахвалу, но плохому мастеру, выйти прогуляться да по лесу побродить, посмотреть, что там делается. Только он кончил работу, вышел из мастерской

И пошел своей дорогой,
Через мост, тропой широкой,
И бродил он там и сям,
По горам да по лесам.

И заметил он по дороге, в синей дали, крутую гору, а за ней, среди дремучего и темного леса, вздымающуюся чуть не до самого неба башню.

— Тыфу ты пропасть! — крикнул портной. — Что же оно такое? — и, стгоя от любопытства, он двинулся быстрее на гору.

Он раскрыл рот и глаза от удивленья, когда, подойдя ближе, увидел, что у той башни есть ноги, и она взяла да и перепрыгнула через крутую гору и стала перед портным в виде могущественного великана.

— Эй ты, жалкий червяк, чего тебе тут надо? — крикнул ему великан так, что кругом аж загрохотало.

Портной пробормотал:

— Да вот хотел бы узнать, нельзя ли тут в лесу себе на кусок хлеба заработать.

— Если на время, — сказал великан, — то можешь и ко мне на службу поступить.

— Я, пожалуй, готов. А какое мне жалованье положишь?

— Какое жалованье? — сказал великан. — А вот сейчас узнаешь: за каждый год по триста шестьдесят пять дней жизни, а в високосном году еще один день впридачу. Ну, что, подходит это тебе?

— Пожалуй, подходит, — ответил портной, а сам подумал: «Что ж, по одежке протягивай ножки. Надо будет мне от него поскорей отделаться».

И говорит ему великан:

— Эй ты, малышка, плутишка, ступай-ка да принеси мне кружку воды!

— А может, уж лучше целый колодец с родником заодно? — спросил хвостун и пошел с кружкой к колодцу.

— Что? Колодец заодно с родником? — проворчал великан себе в бороду. А был он, надо сказать, немного глуповат и неповоротлив и стал побаиваться: «А паренек-то, пожалуй, не такой уж простак; у него, должно быть, есть при себе волшеб-

ный корень. Ты, старый Ганс, будь с ним поосторожней, это тебе не слуга».

Когда портной принес воду, великан велел ему нарубить в лесу вязанку дров и домой принести.

— А не лучше ли уж одним ударом —

Весь лес большой
Срубить густой —
И вековой и молодой,
И ровный и кривой? —

спросил портняжка и отправился рубить дрова.

— Что-о?

Весь лес большой
Срубить густой —
И вековой и молодой,
И ровный и кривой?

Да и колодец с родником? — проворчал себе в бороду доверчивый великан и стал побаиваться его еще больше: «А парень-то, пожалуй, не такой уж простака. У него, видно, есть при себе волшебный корень. Смотри, старый Ганс, будь с ним поосторожней, это тебе не слуга».

Когда портной принес дрова, великан велел ему застрелить на ужин несколько диких кабанов.

— А не лучше ли уж сразу одним выстрелом целую тысячу да и притащить их всех сюда? — спросил хвастливый портной.

— Что? — крикнул трусишка из рода великанов и был совсем перепуган. — На сегодня и этого хватит, ложись себе спать.

Великан был так напуган, что всю ночь напролет и глаз не смыкал — все думал-раздумывал, как бы это ему поскорей от проклятого слуги-колдуна избавиться. Но известно — утро вечера мудренее. И вот на другое утро отправился великан вместе с портным на болото, а вокруг него росло много ив. Вот великан и говорит:

— Эй, портной, послушай. Садись-ка ты на одну из ивовых веток, мне очень хочется поглядеть, согнется ли она под тобой?

Гоп! — и портной сидел уже на ветке. Он напыжился и стал таким тяжелым, до того тяжелым, что ветка под ним так и пригнулась до самой земли. Но когда ему пришлось передохнуть, чтобы набрать воздух, ветка подбросила его вверх, — к несчастью, он позабыл сунуть в карман утюг, — и он взлетел, к великой радости великана, так высоко, что его не стало и видно.

И если не упал он на землю, то, пожалуй, еще и до сих пор по воздуху носится.

Гвоздь

Один купец хорошо поторговал на ярмарке и набил себе полную мешину золота и серебра. Собрался он домой возвращаться, — хотелось ему попасть домой до наступления ночи. Вот приторочил он дорожную суму с деньгами к седлу своего коня и поехал. К полудню отдыхал он в одном городке; собрался было ехать дальше, а тут подводит ему работник коня и говорит:

— Хозяин, а на задней-то левой ноге в подкове одного гвоздя нехватает.

— Ну и пусть себе нехватает, — ответил купец, — за шесть часов, которые мне остается проехать, подкова, небось, не свалится. Я тороплюсь.

После полудня, когда он спешился снова и решил накормить коня, входит в комнату работник и говорит:

— Хозяин, а у вашего-то коня на задней левой ноге нету подковы. Может, отвести мне его к кузнецу?

— Ну и пускай себе нету, — ответил купец, — ехать-то всего часа два, пожалуй с конем ничего не случится. Я тороплюсь.

Поскакал он дальше; но вскоре начал конь прихрамывать; похромал он, потом начал спотыкаться, затем упал и сломал себе ногу. Пришлось купцу коня бросить, отвязать дорожную суму, взвалить ее на плечи и добираться домой пешком, — и пришел он домой поздней ночью.

— А всей-то беды причиною, — молвил он про себя, — этот проклятый гвоздь.

А ты спеши медленно!

Бедный пастух в могиле

Жил себе на свете бедный пастушок, Отец и мать у него умерли, тогда отдало его начальство в дом к одному богачу, чтобы тот его кормил и воспитывал у себя. Но было у богача и его жены сердце злое, и при всем своем богатстве были они очень скупые и к людям недоброжелательные и всегда злились, если кто пользовался хотя бы куском их хлеба. И уж как бедный

мальчик ни старался работать, они кормили его мало, но били зато много.

Пришлось ему раз пасти наседку с цыплятами. А та пробралась с ними через плетень, и как раз в это время налетел ястреб и утащил наседку с собой. Стал мальчик кричать изо всех сил: «Вор, вор, злодей!» Но разве это могло помочь? Услыхал богач шум, прибежал туда и, узнав, что наседка его пропала, рассвирепел и так избил мальчика, что тот несколько дней не мог и подняться. Пришлось ему теперь пасти цыплят без наседки, а это было куда трудней — один цыпленок бежит туда, другой сюда. Мальчик рассудил, что умней всего будет привязать их всех на одну веревочку, чтоб ястреб не мог утащить ни одного. Но не так оно вышло. Прошло несколько дней, измаялся мальчик от беготни да от голода и однажды уснул; а прилетела хищная птица и схватила цыпленка, а так как были другие к нему привязаны, то утащила она их всех разом, уселась на дереве и всех их поела. Вернулся крестьянин-богач домой, узнал про несчастье, разозлился и так безжалостно избил мальчика, что пришлось тому пролежать в постели много дней.

Только мальчик поднялся, а крестьянин ему и говорит: — Ты слишком глуп, в пастухи ты мне не годишься, будешь служить у меня на посылках.

Послал он его раз к судье; должен был мальчик отнести ему полную корзину винограда, и дал ему крестьянин вместе с этим письмо. Измучился бедный мальчик в дороге от голода и жажды и съел две грозди винограда. Принес он судье корзину с виноградом; тот прочитал письмо, пересчитал грозди и говорит:

— Тут двух гроздей нехватает.

Мальчик честно сознался, что от голода и жажды он их съел. Написал тогда судья крестьянину письмо и потребовал у него винограду вдвое больше. Должен был мальчик нести виноград назад вместе с этим письмом. Опять сильно захотелось мальчику поесть и попить, и он не мог вытерпеть, опять съел две грозди. Но перед тем он вынул письмо из корзины, положил его под камень, уселся на него, чтобы письмо всего этого не видело и не могло бы его выдать. Но судья все-таки обвинил мальчика, что двух гроздей винограда недостает.

— Ах, — сказал мальчик, — как же вы это узнали? Ведь письмо-то знать о том не могло, я перед тем спрятал его под камнем.

Посмеялся судья такому простодушию и написал крестьянину письмо, в котором увещевал его обращаться с бедным мальчиком получше и не отказывать ему в еде и питье, и чтоб научил он его различать, что хорошо, а что плохо.

— Я уж тебе покажу разницу! — сказал этот жестокий человек. — Если ты хочешь есть, то должен и работать; а сделаешь что неправильно, то будешь у меня как следует обучен боями.

И на следующий день он поставил его на тяжелую работу. Должен был мальчик нарезать несколько снопов соломы на корм лошадям; при этом хозяин грозился.

— Через пять часов, — сказал он, — я вернусь, и если солома не будет нарезана, я уж тебя так отколочу, что ты и пошевеливаться не сможешь.

Отправился крестьянин вместе с женой, работником и служанкой на ярмарку и оставил мальчику всего один лишь небольшой ломоть хлеба. Стал мальчик у соломорезки и начал изо всех сил работать. Стало ему жарко, скинул он курточку и бросил ее на солому. Боясь, что с работой он не управится, он все резал и резал солому и уж так старался, что не заметил, как изрезал на куски вместе с соломой и свою курточку. Да слишком поздно он спохватился, исправить несчастье было уже нельзя.

— Ах, — воскликнул он, — теперь я пропал! Недаром мне злой человек грозился; вернется он назад и, как увидит, что я наделал, изобьет меня до смерти. Уж лучше мне самому на себя руки наложить.

А мальчик слышал однажды, как говорила крестьянка: «Я спрятала под кроватью горшок с отравой». Но сказала она это для того, чтоб отвадить лакомок, а на самом-то деле находился в нем мед. Забрался мальчик под кровать, вытащил оттуда горшок и поел все, что там было, дочиста. «Не знаю, — сказал он, — люди говорят, что смерть горькая, а мне она на вкус показалась сладкой. Чего ж теперь удивляться, что хозяйка желает себе так часто смерти». Уселся он на скамеечку и собрался было помирать. Но вместо того чтоб ему слабеть, он почувствовал себя от питательной пищи крепче. «Это, должно быть, был вовсе не яд, — сказал он, — а вот говорил когда-то крестьянин, что у него в шкафу стоит бутылка с мушиной отравой, уж то, пожалуй, настоящая отравка, и от нее я смогу умереть». Но то была вовсе не мушиная отравка, а венгерское вино. Вытащил мальчик бутылку и выпил ее всю. «Эта смерть тоже на вкус сладкая!» — сказал он. Но только ударило ему вино в голову и начало его пьянить, он подумал, что конец ему приближается. «Я чувствую, что скоро помру, — сказал он, — пойду-ка я на кладбище и поищу себе могилу».

Направился мальчик, пошатываясь, на кладбище, пришел туда и лег в только что вырытую могилу. И мало-помалу он впал в забытие. А находилась поблизости харчевня, и справляли там свадьбу. Услыхал мальчик музыку и почудилось ему, что

он попал уже в рай, и вот, наконец, совсем потерял сознание. Но бедный мальчик не проснулся уж больше, — жар от крепкого вина и холодная ночная роса его погубили, и он остался в могиле, в которую сам же и лег.

Узнал крестьянин про смерть мальчика, испугался и стал опасаться, чтоб не вызвали его на суд, и его охватил такой страх, что он упал наземь без чувств. В это время стояла жена у плиты, держала сковороду, было в ней полно топленого сала, и она бросилась, чтоб оказать мужу помощь. Но попал огонь на сковороду, и охватило пламя весь дом; спустя несколько часов остался от него один только пепел. А годы, которые им было суждено еще прожить на свете, они провели, мучимые совестью, в бедности и нищете.

Настоящая невеста

Жила когда-то на свете девушка, была она молодая и красивая. Мать у нее умерла рано, и мачеха всячески ее обижала и преследовала. Когда мачеха поручала ей работу, то какой бы ни была она трудной, девушка за нее бралась и исполняла все, что было в ее силах. Но этим она не могла тронуть сердце злой женщины: та всегда была недовольна и все ей было мало. Чем прилежней девушка работала, тем больше ей поручали, и мачеха только о том и думала, как бы это ее побольше нагрузить работой и сделать ей жизнь возможно тягостней.

Как-то раз мачеха ей и говорит:

— На тебе двенадцать фунтов перьев, ты должна их мне обобрать, и если нынче к вечеру ты с этим не справишься, то смотри, будешь бита как следует. Ты думаешь, весь день можно лентяйничать?

Уселась девушка за работу, но лились по щекам у нее слезы, — она знала наперед, что закончить всю работу за день все равно невозможно. Вот лежит перед ней ворох перьев, она то вздохнет, то стиснет от страха руки, и разлетятся перья, и надо ей снова собирать и начинать все сызнова. Оперлась она локтями на стол, закрыла руками лицо и воскликнула:

— Неужто нет никого на божьем свете, кто надо мной бы сжалился? — И вот услышала она чей-то нежный голос, и молвил он ей:

— Дитя мое, успокойся, я пришла тебе помочь.

Подняла девушка голову, видит — стоит около нее старуха. Она ласково взяла девушку за руку и сказала:

— А ты Расскажи мне все, что тебя огорчает.

А так как та обратилась к ней ласково, то и рассказала ей девушка про свою горестную жизнь: что поручают ей, мол, одну за другой тяжелую работу и что не может она никак с той работой управиться.

— Вот как не управлюсь я нынче к вечеру с этими перьями, то мачеха меня изобьет, — она мне грозилась, и я знаю, что слово свое она сдержит.

Потекли у девушки снова слезы, но добрая старуха сказала:

— Не беспокойся, дитя мое, отдохни, а я тем временем твою работу сделаю.

Легла девушка в постель и вскоре уснула. А старуха под села к столу, где лежали перья, и — ах! как начал облетать с них пух, — а она еле-еле притрагивалась к ним своими худыми пальцами. И обобрала она вскоре все двенадцать фунтов перьев. Проснулась девушка, глядь — лежат большие белоснежные груды пуха, в комнате все прибрано чисто и старухи уж нету. Поблагодарила девушка бога, сидит себе тихонько, вечера дожидается. Вошла мачеха и удивилась, что вся работа выполнена.

— Вот видишь, Трулле, — сказала она, — как можно много сделать, ежели быть прилежной. — Но разве нельзя было приняться потом за какую-нибудь другую работу? А ты вот сидишь сложа руки.

Вышла мачеха из комнаты и говорит:

— Эта тварь могла бы заработать побольше, чем на хлеб, надо ей будет поручить работу потяжелей.

На другое утро кликнула она девушку и говорит:

— На тебе ложку и вычерпай ею большой пруд, что около сада. А ежели к вечеру с этим делом не справишься, то ты знаешь сама, что будет тебе за это.

Взяла девушка ложку, видит — вся она дырявая, да если и была бы она целая, то все равно никогда бы ей пруда той ложкою не вычерпать. Принялась она немедля за работу, стала на колени у самой воды, льются у девушки слезы, но начала она воду черпать. Вдруг явилась снова добрая старуха, доведалься про ее горе и говорит:

— Утешься, дитя мое, ступай в кусты да ложись и поспи себе там, а я уж твою работу выполню.

Осталась старуха одна, и только к пруду дотронулась, как поднялась вода, словно пар, ввысь и с облаками смешалась. Мало-помалу пруд обмелел. Проснулась девушка перед заходом солнца, подошла к пруду и видит на том месте одних

только рыб, что в тине барахтаются. Пошла она к мачехе и показала ей, что работу она свою исполнила.

— Тебе давно бы пора эту работу закончить, — сказала мачеха, а сама от досады вся побледнела и надумала кое-что другое.

Вот и говорит она на третье утро девушке:

— Ты должна мне в той вон долине замок красивый выстроить; да смотри, чтоб к вечеру был он готов.

Испугалась девушка и говорит:

— Как же я смогу сделать такую большую постройку?

— Не люблю, когда мне перечат! — крикнула мачеха. — Могла дырявой ложкой пруд вычерпать, можешь и замок построить! Я сегодня же хочу в нем поселиться, и ежели будет там чего недоставать, хотя бы самой небольшой мелочи на кухне или в подвале, то ты ведь знаешь, что будет тебе за это.

Прогнала она девушку из дому, и когда та пришла в долину, лежали там кучами одни только огромные валуны; даже собрав все свои силы, она не смогла бы ни одного из них сдвинуть. Села девушка на землю и заплакала, но она надеялась на помощь доброй старухи. А та долго ждать себя не заставила, пришла и говорит ей в утешение:

— А ты ложись в тень да поспи, я уж тебе замок построю. Если тебе это будет на радость, то можешь в нем и жить.

Когда девушка ушла, прикоснулась старуха к серым валунам. И они тотчас задвигались, сомкнулись и стали так, будто какие-нибудь великаны стену воздвигли; потом стало строиться и здание, и было похоже, будто бесчисленные руки работают незримо и укладывают камень на камень. Дрожала земля, большие столбы сами собой воздвигались вверх и становились в порядке один за другим. Укладывалась на крыше, как должно, черепица, и когда наступил полдень, наверху башни уже вертелась большая флюгарка в виде золотой девушки в развевающейся одежде. А к вечеру была закончена отделка и внутренних покоев замка. Как все это умудрилась сделать старуха, не знаю, но были стены комнат шелком и бархатом обтянуты, и стояли пестротканые стулья, а у мраморных столов богато украшенные кресла; хрустальные люстры свешивались с верхних ярусов и отражались на гладком полу; сидели зеленые попугаи в золотых клетках, прекрасно распевали разные диковинные птицы, и все было полно величавости и пышности, будто здесь должен был поселиться какой-нибудь король. Когда девушка проснулась, солнце собиралось уже заходить, и перед ее глазами засверкал блеск тысяч свечей. Она быстрыми шагами подошла ближе и вступила через открытые ворота в замок. Лестница была покрыта красным сукном, а у золотых

перил стояли цветущие деревья. Как увидела девушка всю роскошь комнат, так и застыла от удивленья. Кто знает, как долго стояла бы она, если бы не вспомнила о мачехе. «Ах, — молвила девушка про себя, — если бы, наконец, она осталась этим довольна и перестала бы меня мучить!» Пошла девушка и объявила мачехе, что замок уже готов.

— Я тотчас там и поселюсь, — сказала мачеха, поднимаясь со своего кресла.

Когда она вошла в замок, ей пришлось заслонить рукою глаза, так ослепило ее сиянье.

— Вот видишь, — обратилась она к девушке, — как все это было для тебя легко, надо было тебе поручить что-нибудь потруднее.

Она обошла все комнаты и заглянула во все уголки, может чего нехватает, но ничего такого она выпскать не могла.

— А теперь давай спустимся вниз, — сказала она, посмотрев на девушку злыми глазами, — ведь кухня и погреб еще не осмотрены, и если ты что позабыла, то не уйти тебе от наказания.

Но в плите горел огонь, в горшках варилась разная пища, щипцы и ухват стояли у печки, а вдоль стен была расставлена на полках блестящая утварь из желтой меди. Все было тут, даже совок для угля и ведра для воды.

— А где вход в подвал? — спросила мачеха. — Если он не уставлен богато винными бочками, то плохо тебе придется.

Она подняла сама тяжелый люк и спустилась по лестнице вниз; но только ступила она два шага, как тяжелая дверь упала — она была едва прислонена. Услыхала девушка крик, быстро подняла люк, чтоб помочь ей, и вдруг видит, что лежит мачеха мертвая на земле в подвале.

И вот принадлежал теперь великолепный замок только одной девушке. На первых порах она не могла свыкнуться со своим счастьем; в шкафах висели прекрасные платья, а лари и сундуки были полны золота и серебра или жемчугов и драгоценных камней, и нельзя было придумать такого желанья, которое не могло бы исполниться. И разошлась вскоре молва про красоту и богатство девушки по всему свету. Что ни день являлись к ней женихи, но ни один из них ей не нравился. Явился, наконец, сын одного короля, он сумел тронуть ее сердце, и она с ним обручилась. Росла в замковом саду зеленая липа, и сидели они однажды под липой вдвоем, и он сказал ей:

— Я собираюсь поехать домой, чтоб получить у отца согласие на наш брак; подожди меня здесь, под этою липой, через несколько часов я вернусь назад.

Девушка поцеловала его в левую щеку и сказала:

— Будь мне верен, да смотри, чтоб никто не целовал тебя в эту щеку. Я буду тебя дожидаться под липой, пока ты не вернешься.

Осталась девушка сидеть под липой, пока не зашло солнце, но жених назад не вернулся. Она просидела целых три дня с утра до самого вечера и ждала его, но напрасно. Когда он не вернулся и на четвертый день, она сказала:

— Пожалуй, с ним случилось какое-нибудь несчастье. Я пойду его искать, и до той поры не вернусь, пока его не найду.

Она уложила в платок три прекрасных платья — одно с вытканными на нем сияющими звездами, второе с серебряными лунами и третье с золотыми солнцами, — увязала в платок целую пригоршню драгоценных камней и отправилась в путь-дорогу.

Она всюду спрашивала про своего жениха, но никто его не видал, никто ничего о нем не знал. Обошла она дальние земли, по всему свету странствуя, но его не нашла. Нанялась она, наконец, к одному крестьянину в пастушки, а платья свои и драгоценные камни закопала в платке под камнем.

Она стала теперь пастушкой, пасла свое стадо, грустила и тосковала по своему возлюбленному. Был у нее теленочек, он к ней привык, кормился у нее с руки, и когда она говорила:

На колени стань, мой миленький телок,
Не забудь свою пастушку долгий срок, —
Как забыл, вон, королевич про невесту,
Что сидела с ним под липою всё вместе, —

Становился теленочек на колени, и она его гладила.

Прожила она так несколько лет в одиночестве и горе, и вот разошелся по той земле слух, что собирается дочь короля праздновать свадьбу. А дорога в город проходила мимо деревни, где жила девушка, и случилось так, что когда она гнала однажды свое стадо в поле, проезжал в это время жених. Он гордо сидел на коне и даже на нее не глянул; но она посмотрела на него и узнала в нем своего возлюбленного. И точно острым ножом полоснуло ее по сердцу. «Ах, — сказала она, — я думала, что он останется мне верным, а он меня позабыл!»

На другой день жених проезжал той же дорогой. Когда он находился от нее вблизи, она сказала теленочку:

На колени стань, мой миленький телок,
Не забудь свою пастушку долгий срок,
Как забыл, вон, королевич про невесту,
Что сидела с ним под липою всё вместе.

Услыхал он голос, глянул вниз и придержал коня. Посмотрел он в лицо пастушки, приложил руку ко лбу, будто собираясь что-то припомнить, но быстро помчался дальше и вскоре скрылся из вида.

«Ах, — сказала она, — он меня не узнаёт!» — и она загрустила еще больше.

Вскоре после того при королевском дворе должны были целых три дня подряд праздновать пышный праздник, на который была приглашена вся земля. «Попробую последнее средство», — подумала девушка.

С наступлением вечера она направилась к камню, где были зарыты ее драгоценности. Достала она платье с золотыми солнцами, надела его и украсила себя драгоценными камнями. Волосы, которые она прежде прятала под платком, она распустила, они падали вниз длинными локонами, и она направилась в город, и в темноте ее никто не заметил. Она вошла в ярко освещенный зал, и все в удивлении расступились перед нею; но никто не знал, кто она такая. Вышел навстречу ей королевич, но ее не узнал. Он повел ее танцевать и был так восхищен ее красотой, что про свою невесту и думать позабыл. Когда кончился праздник, она исчезла в толпе и поспешила до рассвета вернуться в деревню, где одела снова свое пастушеское платье.

На другой вечер она достала платье с серебряными лунами и украсила волосы полумесяцем из драгоценных камней. Когда она явилась на праздник, все взоры были обращены на нее, и королевич поспешил ей навстречу; охваченный любовью, он танцевал только с нею одной и не глядел ни на кого из девушек. Но прежде чем уйти, она должна была ему пообещать явиться на праздник еще раз, в последний вечер.

Пришла она в третий раз, было на ней звездное платье, и сверкало оно при каждом движении; повязка на голове у нее и пояс были тоже все в звездах из драгоценных камней. Уже долго дождался ее королевич и бросился к ней навстречу.

— Ты мне только скажи, кто ты? — спросил он ее. — Мне кажется, что будто я давным-давно тебя знаю

— А разве ты позабыл, что я сделала, когда ты со мной расставался?

И он подошел и поцеловал ее в левую щеку; и в этот миг будто пелена спала у него с глаз, и он узнал свою настоящую невесту.

— Идем, — сказал он ей, — мы здесь не останемся, — он подал ей руку и повел ее в карету.

Точно запряженные вихрем, мчались кони к чудесному замку. Уже издали поблескивали освещенные окна. Когда они

проезжали мимо липы, вокруг нее поднялось множество светлячков, и она замахала своими ветвями и начала благоухать. На лестнице зацвели цветы, из комнаты доносилось пение диковинных птиц, а в зале собрался весь двор и ожидал священник, чтоб обвенчать жениха с настоящей невестой.

Заяц и еж

Сказка эта, ребята, на небылицу похожа, а все же она правдивая, — дед мой, от которого я ее слышал, говаривал всякий раз, когда он с чувством и с толком ее рассказывал:

«Правда-то в ней, сынок, есть; а то зачем бы и стали ее рассказывать?»

А дело было вот как.

Случилось это в одно воскресное утро, в пору жатвы, как раз когда зацветает гречиха. Солнце на небе взошло яркое, утренний ветер дул по скошенному жнивью, жаворонки распевали над полями, пчелы гудели на гречихе; люди шли в праздничных одеждах в церковь, и всякая тварь земная радовалась, и еж в том числе тоже.

И стоял еж у своей двери сложа руки, дышал утренним воздухом и напевал про себя веселую песенку — не хорошую и не плохую, какую поют обычно ежи в теплое воскресное утро. И вот когда он тихо напевал про себя эту песенку, пришло ему в голову, что он может, пока его жена купает и одевает детей, прогуляться немного по полю да поглядеть, как растет брюква. А брюква росла совсем близко возле его дома, и он всегда ел ее вместе со своей семьей, потому и смотрел он на нее, как на свою. Сказано — сделано. Запер еж за собой дверь и направился в поле. Отойдя недалеко от дома, он хотел было пробраться через терновник, что рос возле поля, почти у того места, где росла и брюква, и вдруг заметил он зайца, который вышел за тем же делом — посмотреть на свою капусту. Увидел еж зайца и пожелал ему доброго утра. А заяц был господин вроде как бы знатный и уж очень надменный. Он ничего не ответил на привет ежа и сказал ему, скорчив презрительную гримасу:

— Чего это ты так рано бегаешь тут по полю?

— Гуляю, — говорит еж.

— Гуляешь? — засмеялся заяц. — Мне думается, что ты мог бы применить свои ноги для какого-нибудь более полезного дела.

Этот ответ сильно раздосадовал ежа: он мог бы все переписать, но о своих ногах он не позволял ничего говорить, — уж очень они были у него кривые.

— Ты, видно, воображаешь, — сказал еж зайцу, — что своими ногами ты можешь лучше управиться?

— Я думаю, — ответил заяц.

— Это надо еще проверить, — сказал еж. — Я готов биться об заклад, что если мы с тобой побежим взапуски, я прибегу первым.

— Да это прямо смешно — ты-то, со своими кривыми ногами? — сказал заяц. — Ну, что ж, если у тебя такая большая охота, я, пожалуй, согласен. А на что мы будем спорить?

— На один золотой луидор и на бутылку водки, — говорит еж.

— Идет! — ответил заяц. — Ну, тогда уж давай начнем сейчас.

— Нет, зачем нам так торопиться, я не согласен, — говорит еж, — ведь я еще ничего не ел и не пил. Сперва пойду домой и немного позавтракаю, а через полчаса вернусь на это же самое место.

Заяц согласился, и еж направился домой. По пути еж подумал про себя: «Заяц надеется на свои длинные ноги, но я-то его перехитрю. Хотя он и знатный господин, да глупый, он наверняка проиграет».

Пришел еж домой и говорит своей жене:

— Жена, скорее одевайся, придется тебе итти вместе со мной на поле.

— А что такое случилось? — спрашивает она.

— Да вот поспорили мы с зайцем на один золотой луидор и на бутылку водки: хочу бежать я с ним взапуски, и ты должна быть при этом.

— Ах, боже ты мой! — стала кричать на него жена. — Да ты что, одурел в самом деле. Да в своем ли ты уме? Как можешь ты бежать с зайцем взапуски?

— Да ты уж, жена, лучше помолчи, — говорит ей еж, — это дело мое. В мужские дела ты не вмешивайся. Ступай оденься и пойдем вместе со мной.

Что тут было ей делать? Хочешь не хочешь, а пришлось ей итти вслед за мужем.

Идут они вдвоем по дороге в поле, и говорит еж жене:

— А теперь внимательно выслушай, что я тебе скажу. Видишь, вон по тому большому полю мы и побежим с зайцем взапуски. Заяц будет бежать по одной борозде, а я по другой, а бежать мы начнем с горы. А твое дело — только стоять здесь, внизу, на борозде. Когда заяц пробежит по своей борозде, ты и крикнешь ему навстречу: «А я уже здесь!»

С тем и добрались они на поле. Указал еж жене место, где ей надо стоять, а сам отправился повыше. Когда он пришел, заяц был уже на месте.

— Давай, что ли, начинать? — говорит заяц.

— Ладно, — отвечает еж, — начнем.

И стал каждый на свою борозду. Начал заяц считать: «ну, раз, два, три», и помчался, как вихрь, вниз по полю. А еж пробежал примерно шага три, забрался затем в борозду и уселся себе там преспокойно.

Добежал заяц до конца поля, а ежиха и кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Заяц остановился и был немало удивлен: он подумал, что это кричит, конечно, сам еж, — а известно, что ежиха выглядит точно так же, как и еж. Но заяц подумал: «Тут что-то неладно» и крикнул:

— Давай побежим еще раз назад!

И кинулся он вихрем, прижав уши, по борозде, а ежиха осталась преспокойно на своем месте. Добежал заяц до конца поля, а еж кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Разозлился заяц и крикнул:

— Давай бежать еще раз назад!

— Как хочешь, — ответил еж, — мне-то все равно, сколько тебе будет угодно.

Так бегал заяц еще семьдесят три раза, а еж все приходил первым. Всякий раз, когда заяц прибегал на край поля, еж или ежиха говорили:

— А я уже здесь!

Но на семьдесят четвертый раз не добежал заяц до конца: упал на передние ноги, пошла у него кровь горлом, и не мог он двинуться дальше.

Взял еж выигранные им золотой луидор и бутылку водки, вызвал свою жену из борозды, и они пошли вместе домой, оба друг другом вполне довольные. Если они не умерли, то живут они еще и сейчас.

Вот как оно вышло, что простой полевой еж обогнал зайца, и с той поры уже ни один заяц не решался больше бегать с ежом взапуски.

А сказки этой поученье такое: во-первых: никто, каким бы знатным он себя ни почитал, не должен себе позволять глумиться над простым человеком — хотя бы даже и над ежом. Во-вторых, дается совет такой: если надумает кто жениться, то пускай тот берет себе жену из того же круга, что и сам, и пусть будет она на него самого похожа. Вот, скажем, если ты еж, то и бери себе в жены ежиху, и так дальше.

Веретенце, челнок и иголка

Жила-была девушка; отец и мать у нее умерли, когда она была еще совсем маленьким ребенком. А на краю деревни жила в избушке ее крестная мать; она зарабатывала себе на хлеб тем, что пряла, ткала и шила. Старуха приняла к себе в дом сироту, научила ее работать и воспитала в скромности и послушании. Когда девушке исполнилось пятнадцать лет, старуха заболела; она подозвала к постели девушку и говорит:

— Милая моя дочка, я чувствую, что близок мой конец. Я оставляю тебе эту избушку, — будет тебе где от ветра и непогоды укрыться; да еще веретенце, челнок и иголку, — вот и сможешь ты себе всегда на хлеб заработать.

Она возложила руки на голову дочери, благословила ее и сказала:

— Помни в сердце своем всегда о боге, и будет тебе хорошо.

Затем она закрыла глаза и умерла. Когда ее хоронили, девушка шла за гробом, горько плача, и воздала ей последний долг.

Стала девушка с той поры жить одна-одинешенька в маленькой избушке; к работе она была прилежна: пряла, ткала и шила; и во всем, что она делала, было благословение доброй старухи. И было так, что лен у нее в каморке никогда не переводился, а становилось его все больше; если соткет она кусок полотна, или ковер сделает, или рубашку сошьет, то тотчас находился и покупатель, плативший ей щедро, и она никогда не испытывала нужды и могла еще кое-чем с другими людьми поделиться.

На ту пору по той земле путешествовал королевич, ища себе невесту. Бедную девушку брать ему не полагалось, но и богатой он тоже не хотел. И он сказал:

— Та будет моею женой, кто самая бедная, и в то же время и самая богатая.

Приехав в деревню, где жила девушка, он стал расспрашивать, как делал это он всюду, кто тут самая бедная и самая богатая. Ему сначала назвали богатую; а самая бедная, эта та, мол, девушка, что живет на краю деревни. Богатая сидела на пороге дома в праздничном наряде, и когда королевич подошел к ней, она встала, пошла к нему навстречу и низко ему поклонилась. Он ее оглядел, ни слова не молвил и поскакал дальше. Когда он подъехал к избушке бедной девушки, то ее у дверей не было, она сидела в своей комнатке.

Он остановил коня и увидел в окошке, в которое светило

яркое солнце, девушку, что сидела за прялкой и усердно работала. Она посмотрела и, заметив, что на нее загляделся королевич, вся зарделась, опустила глаза и продолжала прясть. Уж не знаю, не ведаю, была ли на этот раз нитка ровная, но она прядла до тех пор, пока королевич не уехал.

Потом она подошла к окошку, отворила его и сказала:

— А в комнате-то как жарко стало, — и она смотрела ему вслед, пока видны были белые перья на его шляпе.

Села девушка в своей каморке снова за работу и продолжала прясть. И пришли ей на память слова, которые не раз ей повторяла старуха, сидя за работой, и она стала тихо напевать:

Веретенщико, скакни,
Женишка мне приведи!

И что же тогда случилось? — Вмиг выпрыгнуло веретенце у нее из рук и покатилося прямо в дверь. Когда она от изумленья встала, чтоб поглядеть, куда оно укатилось, она увидела, что оно весело запрыгало по полю, таща за собой блестящую золотую нитку. И вскоре оно скрылось из виду. У девушки веретенца больше не было, и она взяла тогда в руки челнок, села за ткацкий станок и принялась ткать.

А веретено запрыгало, покатилося дальше, и только нитка кончилась, докатилось оно к королевичу.

— Что я вижу? — воскликнул он. — Пожалуй, веретено хочет указать мне дорогу?

Он повернул коня и поскакал за золотой ниткой назад. А девушка в то время сидела за своей работой и пела:

Челночек мой, тки живей,
Жениха веди скорей!

И тотчас выскочил челнок у нее из рук и прыгнул прямо к дверям. На пороге он стал ткать ковер, да красоты прямо невиданной. По краям того ковра зацветали розы и лилии; посередине, на золотом поле, подымались зеленые стебли, и прыгали меж ними зайцы да кролики, олени и лани протягивали головы, а наверху сидели на ветвях пестрые птицы, и казалось, что вот-вот они запоют. А челночек бегал взад и вперед, и все как будто росло само собой.

Но вот челнок убежал, и девушка принялась тогда за шитье; она держала в руке иголку и пела:

Ты, иголочка, игла,
Дом укрась для женишка!

Вдруг выскользнула у нее из рук иголка и стала летать по комнате, да так быстро, прямо как молния. Казалось, что никак не иначе, а работают тут незримые духи; и покрылись

вмиг стол и скамьи зеленым сукном, а стулья — бархатом, а на окнах появились шелковые занавески.

Только сделала иголка последний стежок, увидела девушка в окошке белые перья на шляпе у королевича, — его привело сюда веретено своей золотою нитью. Он естал с коня, ступил по ковру в дом, и только зашел он в комнату, встала девушка, одетая в бедное свое платье, но она пылала в нем, точно роза на кусте.

— Ты самая бедная, но ты самая богатая, — молвил он ей, — пойдем со мною, и будешь ты моей невестой.

Она молча протянула ему руку. Тогда он поцеловал ее, вывел из дому, усадил на коня и привез ее в королевский дворец, где они отпраздновали веселую свадьбу.

А веретенце, челнок и иголка отданы были на сохранение в королевскую сокровищницу, где и находятся в великом почете.

Мужичок и чорт

Жил-был на свете умный и хитрый мужичок. О его проделках можно немало бы порассказать, но самый лучший сказ будет о том, как повстречал он чорта и оставил его в дураках.

Пахал раз мужичок свое поле и собирался уже домой возвращаться, а тут наступили сумерки. Вдруг видит мужичок посреди своего поля груды горящих углей; удивился он, подошел, видит — сидит на самом огне маленький черный чортик.

— А не сидишь ли ты, чего доброго, на кладе? — спросил мужичок.

— Так оно и есть, — ответил чортик, — на кладе. Золота да серебра тут будет побольше, чем ты видел за всю свою жизнь.

— Но клад-то лежит на моем поле, — стало быть, он принадлежит мне, — сказал мужичок.

— Он твой и будет, — ответил чорт, — если ты мне два года согласен будешь отдавать половину того, что вырастет у тебя на поле, — денег-то у меня достаточно, а вот зелени хотелось бы мне отведать.

Стал мужичок сговариваться.

— А чтоб не вышло у нас с тобой при дележе спора, — сказал он, — пусть принадлежит тебе то, что вырастет над землей, а мне то, что вырастет под землей.

Чорту это очень понравилось. Посадил тогда хитрый мужичок репу. Вот пришло время снимать урожай, и явился чорт, чтоб забрать свое, но нашел он одну лишь желтую, пожухлую ботву, а мужичок остался доволен и выкопал себе репу.

— Один раз ты выиграл, — сказал чорт, — но дальше дело так не пойдет. Твое будет теперь то, что вырастет на земле, а мое — что под землей.

— Я и на то согласен, — говорит мужичок.

Подошло время сеять; и посеял мужичок на этот раз не репу, а пшеницу. Пospelа пшеница, пошел мужичок на поле и скосил полные колосья по самый корень.

Приходит чорт, видит одно только жнивье, и от злости запрятался он в ущелье.

— Так вас, лукавых, и надо надувать! — сказал мужичок, пошел и забрал себе клад.

Хлебные крошки на столе

Сказал раз петушок своей курочке:

— Зайдем со мной в комнату да поклюем на столе хлебные крошки; наша-то хозяйка в гости ушла.

А курочка и говорит:

— Нет, нет, нет, не пойду! Как узнает о том хозяйка, она прибьет нас.

Говорит петушок:

— Да она ничего о том не узнает, пойдем! Она ведь ушла, не скоро вернется.

А курочка говорит опять:

— Нет, нет, нет. Хоть она и ушла, а я все-таки не пойду.

Но петушок не давал ей покоя, все уговаривал, и вот, наконец, зашли они в комнату — да на стол, и все хлебные крошки быстро-быстро поклевали.

А тут, на беду, воротилась как раз в это время хозяйка, схватила палку и жестоко их исколотила. Выбрались они из дому, завели разговор, и говорит курочка петушку:

— Куд-куда, куд-куда, куд-куда ты ходил? А не я ль говорила куда?

Тут петушок рассмеялся и говорит:

— Хо-хо-хо, а я разве-то знал?

И пошли они себе дальше.

Морская рыба

Жила-была на свете королева, и был у нее во дворце, высоко, под самую крышей дозорной башни, зал с двенадцатью окнами, выходящими на все стороны света. Когда она подымалась в тот зал и смотрела вокруг, то могла видеть все свое королевство. Из первого окошка она видела лучше, чем остальные люди, из второго еще лучше, из третьего еще ясней и так дальше, а из двенадцатого окошка она видела все, что находилось над землей и под землю, и ничего не оставалось от нее сокрытым. А так как была она гордая, подчиняться никому не хотела и желала сохранить всю власть в своих руках, то она объявила, что лишь тот может стать ее мужем, кто сумел бы так от нее спрятаться, чтоб она его никак отыскать не могла. И кто на это дело отважится, а она его отыщет, то отрубят тому голову и насадят ее на кол. И стояло уже перед замком девяносто семь кольев с мертвыми головами, и долгое время никто в женихи не объявлялся. Королева была этим довольна и думала: «Теперь я всю жизнь буду свободна».

Но вот явилось к ней трое братьев и объявили ей, что хотят попытать счастья. Старший полагал, что он будет в безопасности, если заберется в известковую пещеру, — но королева заметила его уже из первого окошка, велела его оттуда вытащить и отрубить ему голову. Средний брат забрался в подвал замка, — но и его тоже увидела она из первого окошка, и он тоже погиб: насадили его голову на девяносто девятый кол. Тогда явился к ней младший брат и попросил дать ему день на раздумье и помиловать его дважды, если она его разыщет, а не удастся ему спрятаться и на третий раз, тогда уж и ему, мол, самому жизнь не мила будет. А так как был он очень красивый и так ласково ее просил, то она сказала: «Хорошо, я согласна, но это тебе не удастся».

На другой день он долго думал-раздумывал, как бы ему получше спрятаться, но все было напрасно. Взял он тогда ружье и вышел поохотиться. Он заметил вóрона и нацелился в него; но только собрался охотник спустить курок, а ворон ему и говорит:

— Не бей меня, я за это тебе службу сослужу!

Охотник стрелять не стал, пошел дальше и подходит к озеру, и видит — выплыла из его глубины наверх рыба. Только он прицелился, а рыба как заговорит:

— Не бей меня, я тебе за это сослужу службу!

Он дал ей нырнуть в воду, пошел дальше и повстречал лису, она шла прихрамывая. Он выстрелил в нее, но не попал, и крикнула лиса:

— Ты лучше ко мне подойди да вытащи мне из ноги занозу.

Охотник так и сделал, а потом собрался лису убить и содрать с нее шкуру. А лиса говорит:

— Оставь меня в живых, я тебе за это службу со-служу!

Отпустил юноша лису, она убежала, а когда стало смеркаться, он воротился домой.

На другой день надо было ему прятаться, но что он ни придумывал, как ни ломал себе голову, а придумать не мог, куда бы ему спрятаться. Пошел он в лес к ворону и говорит:

— Я оставил тебя в живых, так скажи мне, куда б это мне запрятаться, чтоб не увидела меня королевна.

Опустил ворон голову, долго-долго раздумывал, наконец прокаркал:

— Я надумал!

Он принес из своего гнезда яйцо, разбил его на две части и сунул в него юношу. Потом ворон слепил яйцо и уселся на него. Подошла королевна к первому окошку, не могла его найти, не нашла она его и в следующем окне. Она стала уже побаиваться, но в одиннадцатое окно она все-таки его увидела. Велела тогда королевна убить ворона, принести яйцо и разбить его, — и пришлось юноше из него вылезти. И сказала королевна:

— На первый раз я тебе прощаю; а не придумаешь что получше, пропал ты тогда.

Отправился он на другой день к озеру, кликнул рыбу и говорит:

— Я оставил тебя в живых, так скажи мне, куда б это мне спрятаться, чтоб не нашла меня королевна?

Подумала-подумала рыба и наконец воскликнула:

— Я уж знаю! Я спрячу тебя у себя в животе.

Она проглотила его и опустилась на самое дно озера.

Посмотрела королевна в свои окна, не увидела его и в одиннадцатое окошко, запечалилась, но в двенадцатое все-таки наконец его заметила. Она велела поймать рыбу, разрезать ее, и юноша был найден. Можете себе представить, что творилось у него на душе! И говорит королевна:

— Дважды тебе прощено, но уж будет твоя голова на сотом колу торчать.

Вышел он в последний день с тяжелым сердцем в поле и повстречал там лису.

— Ты умеешь находить всякие лазейки, — говорит он ей, — я оставил тебя в живых, так вот посоветуй мне, куда бы мне спрятаться, чтоб не нашла меня королевна?

— Трудное это дело, — ответила лиса. — Было видно, что она призадумалась.

Наконец она воскликнула:

— Я уж придумала!

Она подошла с ним к роднику, окунулась в него — и вышла оттуда в виде продавца разных зверей. Юноше она тоже велела окунуться в воду, и он обратился в маленькую морскую рыбку.

Отправился продавец зверей в город и стал показывать людям послушную рыбку. Сбежалось много народу поглядеть на рыбку. Наконец явилась и королевна, а так как ей рыбка очень понравилась, то она купила ее и заплатила за нее продавцу немало денег. Но прежде чем ее отдать, сказал он рыбке: «Если подойдет королевна к окошку, ты быстро заберись ей под косу».

Подошло время, когда королевна должна была его разыскивать. Она подходила по порядку ко всем окнам, с первого до одиннадцатого, но нигде его не увидела. Когда она не заметила его и в двенадцатое окошко, она испугалась, разгневалась и так сильно захлопнула окошко, что разлетелись стекла во всех окнах на тысячи осколков и даже задрожал весь замок.

Вернулась она назад и почувствовала у себя под косой морскую рыбку. Она схватила ее, бросила на пол и крикнула:

— Прочь с моих глаз!

Кинулась рыбка к своему продавцу, поспешили они вдвоем к роднику, окунулись в него, — к ним и вернулся их прежний вид. Поблагодарил юноша лису и говорит:

— Ворон и рыба по сравненью с тобой сущие дураки, а ты и вправду на хитрости мастерица!

И пошел юноша прямо в замок. Королевна его уже там дожидалась и судьбе своей покорилась. Отпраздновали они свадьбу, и сделался юноша теперь королем и всего королевства хозяином. Однако он никогда не рассказывал ей, куда он спрятался в третий раз и кто ему помог, — она верила, что все это сделал он по своему собственному умению, и она его уважала, и думала про себя: «А он-то умеет больше меня!»

Ловкий вор

Сидел раз старик со своей старухой у бедной избушки, и захотелось им немного отдохнуть от работы. Вдруг подъезжает пышная, запряженная четверкой вороных карета, и выходит из кареты богато одетый господин. Крестьянин поднялся, подошел к господину и спрашивает: что, мол, будет ему угодно и чем он мог бы ему услужить. Незнакомец подал старику руку и говорит:

— Хотелось бы мне только всего — отведать разок деревенской пищи. Наварите мне картошки, как вы ее обычно приготавливаете, а я сяду с вами за стол и с удовольствием поем.

Улыбнулся крестьянин и говорит:

— Вы, пожалуй, граф или князь, или даже сам герцог. У знатных людей иной раз является такая охота; ваше желание будет исполнено.

Хозяйка пошла на кухню, начала мыть и чистить картофель, собираясь приготовить клецки, какие обычно едят крестьяне. В то время когда она занималась на кухне хозяйством, крестьянин говорит знакомцу:

— Пока что пойдёмте ко мне в сад, мне надо там кой-какую работу закончить.

А были в саду накопаны ямы, и собирался старик сажать деревья.

— Что, разве у вас нет детей, — спросил незнакомец, — которые бы вам помогли в работе?

— Нету, — ответил крестьянин. — Был, правда, у меня сын, — добавил он, — но много лет тому назад как ушел он странствовать по свету. Парень он был разбитной, умный и расторопный, но учиться ничему не хотел и занимался всякими дурными делами; в конце концов он от меня убежал, и с той поры я о нем ничего не знаю.

Взял старик дерево, посадил его в яму, а рядом вбил колышек; засыпал яму землей, утоптал ее, подвязал ствол деревца вверху, посередине и сверху соломенным жгутом к колышку.

— А скажите, пожалуйста, — спросил господин, — почему вы не подвязываете к колышку и кривого, суковатого дерева, что пригнулось почти до самой земли, чтоб выросло оно ровное?

Улыбнулся старик и говорит:

— Судя по вашему разговору, я вижу, ваша милость, что вы садоводством не занимались. Это ведь дерево старое, все поко-

реженное — его никак уж не выпрямишь; деревья надо растить смолоду.

— Это как и с вашим сыном случилось, — учили вы его с малых лет, и не убежал бы он от вас; а теперь он уже огрубел, и тоже покорежился.

— Что правда то правда, — ответил старик. — Много лет прошло с той поры, как он ушел от меня: может, он и изменился.

— А вы бы узнали его, если б он к вам явился? — спросил незнакомец.

— В лицо трудно было б узнать, — ответил крестьянин, — по есть у него примета, родинка на плече, она похожа на боб.

Только он это сказал, как снял незнакомец камзол, открыл плечо и показал крестьянину родинку.

— Боже ты мой! — воскликнул старик. — Как же это так, что ты, мой сын, да таким знатным господином сделался и живешь в богатстве и роскоши? Каким путем ты этого добился?

— Эх, отец, — ответил сын, — молодое-то дерево к колышку не было привязано, и выросло оно кривое; теперь-то уж оно и вовсе состарилось, сейчас уж его не выпрямишь! Как я всего этого добился? Я сделался вором. Но вы не пугайтесь; я воровских дел мастер. Не существует для меня ни замков, ни запоров: что мне понравится, то и мое. Вы не думайте, что я — ворую как простой какой-нибудь вор; я беру только то, что у богачей лишнее. Бедных людей я не трогаю: я им даю, а у них ничего не забираю. Также я не беру и того, что мог бы взять без всякого труда, без хитрости и ловкости.

— Ох, сын мой, — сказал отец, — мне все-таки дело это не нравится: вор, как ни говори, вором и останется; скажу я тебе, это добром не кончится.

Повел он его к матери; и как услышала она, что это ее сын родной, на радостях расплакалась, а как сказал он ей, что он воровских дел мастер, — потекли у нее слезы по лицу ручьями.

— Хотя он и вором сделался, а все ж таки мне он сын, и вот довелось мне увидеть его еще раз своими глазами.

Сели они за стол, и он отведал снова вместе со своими родными простой пищи. И сказал отец:

— Если наш граф, что в том замке живет, доведается, кто ты такой и чем занимаешься, он не станет тебя на руках носить и баюкать не будет, как было это, когда он держал тебя над купелью, а велит тебя повесить, чтоб качался ты на веревке.

— Вы, батюшка, об этом не беспокойтесь, он мне ничего

не сделает, — я своему ремеслу хорошо обучен. Я вот сам к нему нынче наведуясь.

Когда стало уже смеркаться, уселся воровских дел мастер в свою карету и поехал в замок. Граф, посчитав его за важного господина, принял его любезно. Но когда незнакомец признался, кто он такой, граф побледнел и некоторое время молчал. Затем он сказал:

— Ты мой крестник, а потому я считаю нужным оказать тебе милость и поступить с тобой снисходительно. А так как ты хвалишься, что ты воровских дел мастер, то мне хотелось бы твое мастерство испытать. Но если ты испытанья не выдержишь, тебе придется праздновать свадьбу с дочкой канатных дел мастера, и будет тебе музыкой карканье воров.

— Господин граф, — ответил ловкий вор, — вы придумайте три самых трудных задачи, и если я их не выполню, поступайте со мной, как вам будет угодно.

Граф немного пораздумал, а потом говорит:

— Хорошо! Во-первых, ты должен украсть из конюшни моего любимого коня; во-вторых, ты должен, когда мы с женою уснем, вытащить из-под нас простыню, да так, чтоб мы этого не заметили, кроме того, снять у моей жены с пальца обручальное кольцо; и третье и последнее — ты должен похитить мне из церкви пастора и причетника. Запомни все это хорошенько, ведь дело твоей жизни касается.

Отправился воровских дел мастер в ближайший город, купил себе там у одной старухи-крестьянки платье и надел его на себя. Потом он выкрасил себе лицо в смуглый цвет и написал на нем морщины так, что никто не мог бы его узнать. Наконец он налил небольшой бочонок старого венгерского вина и подсыпал в него сонного зелья. Положил он тот бочонок в корзину, взвалил ее на спину и направился степенным шагом, покачиваясь, к графскому замку.

Пока он дошел, стало уже совсем темно; он уселся во дворе на камень, начал покашливать, как больная грудью старуха, и потирать руки, будто ему холодно. А лежали у ворот конюшни, возле костра, солдаты; один из них заметил женщину и крикнул ей:

— Бабушка, подходи-ка поближе да погрейся возле нас. Ведь ночевать-то тебе здесь негде; ты знаешь, куда попала?

Заковыляла старуха, подошла к ним, попросила снять у нее со спины корзину и под села возле солдат у костра.

— Что это у тебя там в бочонке, старая ты развалина? — спросил один из них.

— Глоток доброго вина, — ответила старуха — я живу тем, что торгую, а за деньги да ласковое слово налью вам охотно стаканчик.

— Ну-ка давай, — сказал солдат и, отведав вина, заметил: — Что ж, вино хорошее, я охотно выпью еще стакан, — и он велел наедить себе еще, остальные тоже последовали его примеру.

— Эй, друзья! — крикнул один из них, обращаясь к тем, кто сидел в конюшне. — Тут вот пришла старушка, есть у нее вино, оно такое же старое, как и она сама. Хлебните и вы маленько, оно согреет вам желудок куда получше, чем наш костер.

Внесла старуха свой бочонок в конюшню. В это время один из конюхов сидел на оседланном любимом графском коне, другой держал в руках уздечку, а третий ухватился за хвост. Старуха нацеживала им вина, сколько требовали, пока весь запас не вышел. И вот выпала вскоре у одного из рук уздечка, он опустился на землю и начал храпеть; другой выпустил из рук конский хвост, уселся на земле и захрапел еще погромче. А тот, кто сидел в седле, хоть и остался на нем, но свесил голову на шею лошади, уснул и дышал ртом, словно кузнечный мех. Солдаты во дворе давно уже уснули, они лежали на земле вповалку, недвижно, будто каменные. Как увидел ловкий вор, что ему все удалось, сунул в руки одному вместо уздечки веревку, а тому, кто держал хвост, — соломенную метелку; но что ему было делать с тем, кто сидел на спине у коня? Сбрасывать его вниз ему не хотелось, — он мог бы проснуться и поднять крик. Но он знал, что придумать: расстегнул подпругу, подвязал покрепче к седлу две веревки, что висели на стальных кольцах, и поднял спящего всадника вместе с седлом вверх, затем обкрутил веревки вокруг столбов и крепко-накрепко их завязал. Потом он отвязал коня с цепи; но если бы он поскакал по вымощенному камнем двору, то в замке услышали бы шум. Поэтому он сначала обернул копыта старым тряпьем, затем осторожно вывел коня и ускакал.

Когда уже рассвело, воровских дел мастер мчался во весь опор к замку. Граф только что поднялся с постели и выглянул в окно.

— Доброе утро, господин граф! — крикнул он ему. — Вот и конь, которого мне удалось удачно вывести из конюшни. Вы поглядите, как преспокойно ваши солдаты лежат и спят, а если вам будет угодно зайти на конюшню, вы увидите, как удобно расположились ваши сторожа.

Графу ничего не оставалось больше, как рассмеяться, и он сказал:

— Один раз тебе удалось, но в другой раз так удачно тебе не

сойдет. Я тебя предупреждаю, что если ты мне попадешься, я поступлю с тобой, как с вором.

Вечером, когда графиня отправилась спать, она крепко зажала руку с обручальным кольцом, и граф сказал:

— Все двери заперты и закрыты на засов, я буду подстергать вора, а если станет он лезть в окно, я его пристрелю.

Но ловкий вор направился в сумерках на поле, к виселице, срезал там бедного грешника с веревки, на которой тот висел, и потащил его на спине в замок. Потом он подставил лестницу к спальне, взвалил его себе на плечи и начал взбираться наверх. Когда он поднялся настолько высоко, что в окне показалась голова мертвеца, граф, лежавший в постели и не спавший, выхватил пистолет и нацелился в него, но ловкий вор сбросил тотчас бедного грешника на пол, а сам быстро спрыгнул с лестницы на землю и спрятался за углом. Ночь была такая лунная, что ловкий вор мог ясно разглядеть, как граф вылез из окна на лестницу, спустился вниз и отнес мертвеца в сад. Он начал там копать яму, чтоб положить в нее мертвеца. «Теперь, — подумал вор, — настал самый удобный момент», — он быстро выбрался из закоулка и взобрался по лестнице наверх, прямо в спальню графини.

— Дорогая жена, — начал он, подражая голосу графа, — вор уже мертв, но все же он мне доводится крестником; он был скорее плутом, чем злодеем; мне не хотелось бы его выставлять на всеобщий позор, да и жалко мне бедных родителей. Я сам похороню его в саду, пока не начнет светать, чтоб не стало обо всем известно людям. Дай мне простыню, я заверну в нее труп и зарюю его, как собаку.

Графиня подала ему простыню.

— Знаешь что, — продолжал вор, — мне хочется проявить великодушие: дай мне и кольцо, ведь несчастный жизнью своей рисковал, уж пусть он возьмет его с собой в могилу.

Не хотелось ей графу перечить, и хотя неохотно, но она сняла все же с пальца кольцо и подала ему. Вор быстро выбрался с этими двумя вещами и счастливо вернулся домой, прежде чем граф в саду покончил со своей работой могильщика.

Каково же было изумление графа, когда на другое утро явился воровских дел мастер и принес ему простыню и кольцо.

— Да неужто ты колдовать умеешь? — сказал он ему. — Кто это тебя вытащил из могилы, куда я тебя сам положил, и кто тебя воскресил?

— Да вы меня вовсе и не хоронили, — сказал вор. — Вы закопали несчастного грешника с виселицы, — и он расска-

зал подробно, как все это случилось. И должен был граф признать, что вор он ловкий и хитрый.

— Но это еще не всё, — добавил граф. — Тебе предстоит выполнить и третью задачу, если ты с нею не справишься, то все это тебе мало поможет.

Усмехнулся мастер, ничего не ответил.

Вот наступила ночь, подошел он к деревенской церкви, с длинным мешком за спиной, с узелком подмышкой и фонарем в руке. Были у него в мешке раки, а в узелке небольшие восковые свечи. Он уселся на кладбище, достал из мешка рака и прилепил у него на спине восковую свечечку; потом он зажег ее, выпустил рака на землю, чтобы тот полз. Достал он из мешка второго рака, сделал то же самое, и так продолжал, пока не вынул из мешка и последнего рака.

Потом надел он на себя черную одежду, похожую на монашескую сутану, и приклеил себе к подбородку седую бороду. Когда его теперь никак нельзя было бы узнать, он взял пустой мешок, направился в церковь и взшел на кафедру. Часы на колокольне в это время пробили как раз полночь; когда отзвучал последний удар, вор громким голосом возвестил:

— Слушайте, грешные люди, настал конец света, близится день страшного суда. Слушайте и внимайте. Кто хочет вместе со мной попасть на небо, пусть тот залезет в этот мешок. Я — Петр, стоящий на страже у небесных врат. Глядите, вон там на кладбище бродят покойники и собирают свои кости. Подходите сюда, подходите, забирайтесь в мешок, близится конец света!

Этот возглас разнесся по всей деревне. Пастор и причетник, которые жили неподалеку от церкви, первые его услышали, а увидев свечи, блуждающие по кладбищу, решили, что случилось нечто необычайное, и зашли в церковь. Они послушали немного проповедь, потом причетник толкнул пастора и говорит:

— Было бы неплохо воспользоваться случаем и попасть нам вместе до наступления страшного суда столь легко на небо.

— И правда, — ответил пастор, — это и я тоже подумал, если угодно, давайте вместе отправимся в путь-дорогу.

— Да, — ответил причетник, — но вам-то, господин пастор, первому надлежит входить, а я уж следом за вами.

Вот двинулся поп вперед и взшел на кафедру, где воровских дел мастер раскрыл свой мешок. Забрался пастор первым, а следом за ним — причетник. Завязал тут вмиг ловкий вор крепко-накрепко свой мешок, схватил его за конец и потащил вниз по лесенке с церковной кафедры; и когда головы двух дураков бились о ступеньки, он провозгласил: «Сейчас мы уже переходим

через горы». Потом потащил он их таким же образом по деревне, и когда им приходилось волочиться по лужам, он говорил: «А теперь мы проходим сквозь сырые облака», а когда втаскивал он их по замковой лестнице, он приговаривал: «А сейчас поднимаемся мы по небесной лестнице и скоро будем в преддверии рая».

Наконец добрались они наверх; засунул вор мешок на голубятню, а когда голуби замахали крыльями, он сказал: «Слышите, как радуются ангелы и крыльями машут». Потом он задвинул засов и ушел.

На другое утро он направился к графу и сказал ему, что выполнил и третью задачу, утащил из церкви пастора и причетника.

— Куда же ты их бросил? — спросил граф.

— Они лежат завязанные в мешке на самом верху голубятни и воображают, что попали на небо.

Поднялся граф сам наверх и убедился, что тот сказал правду. Освободил он пастора и причетника из их темницы и говорит:

— Ты из воров вор и дело свое выиграл. На этот раз ты можешь уходить подобру-поздорову, но из моих владений убирайся, а если опять появишься тут, то получишь свое повышение на виселице.

Попрощался ловкий вор со своим отцом-матерью и ушел снова бродить по свету. С той поры никто о нем больше и не слышал.

Барабанщик

Однажды вечером шел молодой барабанщик один по полю. Подходит он к озеру, видит — лежат на берегу три куса белого льняного полотна. «Какое тонкое полотно», — сказал он и сунул один кусок в карман. Пришел он домой, а про свою находку и думать позабыл и улегся в постель. Но только он уснул, как почудилось ему, будто зовет его кто-то по имени. Стал он прислушиваться и услышал тихий голос, который молвил ему: «Барабанщик, проснись, барабанщик!» А ночь была темная, он не мог никого разглядеть, но ему показалось, будто носится перед его постелью, то вверх подымается, то вниз опускается, какая-то фигура.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Отдай мне мою рубашечку, — ответил голос, — ты забрал ее у меня вечером возле озера.

— Я отдам тебе ее, — сказал барабанщик, — если ты мне скажешь, кто ты такая.

— Ах, — ответил голос, — я дочь могущественного короля, но я попала в руки ведьмы и заключена на Стекло́нной горе. Каждый день я должна купаться в озере вместе со своими двумя сестрами, а без рубашечки я улететь назад не могу. Сестры мои вернулись домой, а мне пришлось там остаться. Прощу я тебя, отдай мне назад мою рубашечку.

— Бедное дитяtko, успокойся, — сказал барабанщик, — я охотно готов отдать ее тебе.

Он достал из кармана рубашечку и протянул ее ей в темноте. Она торопливо схватила ее и собралась было уходить.

— Погоди немного, — сказал он, — может быть, я смогу тебе чем помочь.

— Ты сможешь мне помочь только в том случае, если взберешься на Стекло́нную гору и освободишь меня из рук ведьмы. Но на Стекло́нную гору тебе не взойти; если ты даже к ней и подойдешь, то на нее не взберешься.

— Что я захочу, то и смогу, — ответил барабанщик, — мне тебя жалко, и я ничего не боюсь. Но дороги к Стекло́нной горе я не знаю.

— Дорога туда идет через дремучий лес, а живут в нем людоеды, — ответила она, — больше я тебе ничего не смею сказать.

И он услышал, как она улетела.

Только начало светать, поднялся барабанщик, повесил через плечо свой барабан и двинулся без всякого страха прямо в тот лес. Прошел он немного, никакого великана не увидел и подумал про себя: «Надо будет мне этих сонливцев разбудить», — он перевесил барабан на грудь и начал выбивать дробь, да так громко, что птицы с криком повзлетали с деревьев. А вскоре поднялся ввысь и великан, который лежал на траве и спал, он оказался такой большой, как ель.

— Эй ты, чертенок! — крикнул он барабанщику. — Что это ты тут барабанишь и будишь меня от сладкого сна?

— Я потому барабаню, — ответил он, — что идут за мной вслед много тысяч людей, чтоб знали они дорогу.

— Что ж им тут надо в моем лесу? — спросил великан.

— Они собираются тебя уничтожить и очистить лес от такого чудища, как ты.

— Ого, — сказал великан, — да я вас растопчу, как муравьев!

— Ты, что ж, думаешь, что сможешь против них устоять? — сказал барабанщик. — Только ты нагнешься, чтоб схватить

одного из них, а он отскочит и спрячется; а если ты ляжешь и уснешь, они явятся изо всех кустов и взберутся на тебя. У каждого из них за поясом стальной молоток, они разобьют тебе череп.

Великану стало не по себе, и он подумал: «Если я свяжусь с этим хитрым народом, это может кончиться для меня плохо. Волков и медведей я могу схватить за горло и задушить, а против таких земляных червей я защитить себя не смогу».

— Послушай-ка ты, малышка, — сказал великан, — возвращайся ты лучше назад, — я обещаю тебе с этой поры ни тебя, ни твоих товарищей не трогать, а если у тебя есть еще какое-нибудь желание, то скажи мне его, и я готов тебе оказать услугу.

— У тебя длинные ноги, — сказал барабанщик, — ты можешь быстрее меня двигаться, так вот перенеси меня к Стеклоянной горе, а я уж дам знак моим, чтоб они отступили, и они на этот раз оставят тебя в покое.

— Ну иди сюда, козявка, — сказал великан, — взберись ко мне на плечи, и я отнесу тебя, куда ты хочешь.

Поднял великан барабанщика к себе на плечи, и тот принялся на радостях наверху барабанить. Подумал великан: «Это, пожалуй, знак, чтоб остальные отступили назад». Вскоре повстречался им по дороге второй великан, он снял барабанщика со спины первого великана и засунул его себе в петлицу. Уцепился барабанщик за пуговицу, — а была она размером с целое блюдо, — и стал за нее держаться да весело по сторонам оглядываться. Подошли они к третьему великану, вынул тот его из петлицы и посадил себе на поля шляпы; и расхаживал барабанщик наверху взад и вперед и мог видеть теперь все за деревьями, что впереди делается. Заметил он в голубых даях гору и подумал: «Пожалуй, это она и есть Стеклоянная гора». Так и оказалось. Сделал великан всего два шага, и вот подошли они к подошве горы, тут великан и спустил его на землю. Барабанщик потребовал было, чтоб великан донес его до самой вершины горы, но тот покачал головой, что-то проворчал себе в бороду и вернулся назад в лес.

Стоял теперь барабанщик у горы, а была она такая высокая, точно три горы одна на другую поставлены были, да притом такая гладкая, как зеркало, и не знал он, как ему на ту гору взобраться. Начал он взбираться, но ничего не вышло, он все назад скатывался. «Быть бы мне сейчас птицей!» — подумал он; но одного желанья было мало, крылья у него от этого не выросли. Стоит он и не знает, что ему делать, и вот увидел он невдалеке от себя двух людей, яростно споривших между собой. Он подошел к ним и понял, что они спорят из-за седла; оно лежало перед ними на земле, и каждому из них хотелось его получить.

— Что ж вы, однако, за дураки, — сказал барабанщик, — спорите из-за седла, а коня-то у вас и нету.

— Это седло такое дорогое, что есть из-за чего спорить, — ответил один из людей, — кто на него сядет и куда ни пожелает попасть, хоть на самый край света, тот там враз и окажется, стбит ему только желанье свое сказать. Седло это принадлежит нам обоим, и мой черед ехать на нем, а он вот не соглашается.

— Этот спор я быстро разрешу, — сказал барабанщик. Он отошел на некоторое расстояние и воткнул в землю белый шест. Потом вернулся назад и говорит:

— А теперь бегите к цели, — кто первый добежит, тот первый и поедет.

Бросились оба бежать во весь дух; но только отбежали они несколько шагов, вскочил барабанщик на седло, пожелал перенестись на Стеклянную гору; и не успел он и рукой махнуть, как был уже там.

Было на вершине горы ровное место, стоял старый каменный дом, а перед домом был большой рыбный пруд, а дальше за ним густой лес. Барабанщик не заметил нигде ни людей, ни зверей, всюду было тихо, только ветер шумел на деревьях, и почти над самой его головой тянулись облака. Он подошел к дверям и постучался раз и другой. Постучал он в третий раз, и открыла ему дверь старуха, лицо у нее было смуглое, глаза красные, на длинном носу у нее были очки; она поглядела на него сурово, потом спросила, чего он хочет.

— Впустите, дайте мне поесть и переночевать, — ответил барабанщик.

— Это можно будет, — сказала старуха, — если ты согласишься выполнить за это три работы.

— Чего ж не согласиться, — ответил он, — я никакой работы не боюсь, даже самой тяжелой.

Старуха егопустила, дала ему постель, а вечером приготовила хорошую постель. Поутру, когда он выспался, сняла старуха со своего худого пальца наперсток и сказала:

— Ну, а теперь принимайся за работу, вычерпай мне вот этим наперстком пруд во дворе; но с работой ты должен управиться до наступления ночи и разобрать всех рыб, что находятся в пруде, по сортам и размерам и сложить их в порядке.

— Это работа необычная, — сказал барабанщик, но, однако, направился к пруду и начал вычерпывать воду.

Черпал он целое утро, но как можно было вычерпать наперстком столько воды, даже если б и заниматься этим тысячу лет? Наступил полдень и подумал барабанщик: «Все понапрасну, — работаю я иль не работаю, а оно одно и то же». Он бросил это дело и уселся на берегу. И вот вышла из дома девушка, поставила перед ним корзинку с едой и сказала:

— Ты сидишь тут такой грустный, чего тебе нехватает?
Посмотрел на нее барабанщик и видит, что девушка она чудесной красоты.

— Ах, — сказал он, — я не в силах выполнить и первой работы, а что ж будет с остальными? Я вышел на поиски королевы, которая должна находиться здесь, но я ее не нашел. Видно, придется мне идти дальше.

— А ты здесь оставайся, — сказала девушка, — я тебя из беды выручу. Ты устал, положи голову мне на колени и усни. Когда ты проснешься, работа будет сделана.

Барабанщик не заставил просить себя дважды. И только закрылись у него глаза, повернула девушка волшебное кольцо и молвила: «Вода ввысь, рыбы наружу!» И вмиг поднялась вода белым туманом ввысь и потянулась за облаками, а рыбы начали барахтаться, выпрыгнули на берег и легли, каждая по величине и по сорту, в ряды. Проснулся барабанщик и в изумлении увидел, что все уже выполнено. Но девушка сказала:

— Одна из рыб лежит не в ряду с подобными ей рыбами, а отдельно. Когда старуха явится вечером и увидит, что все сделано, как она требовала, она спросит: «А эта рыба почему лежит отдельно?» Ты кинь ей тогда рыбу в лицо и скажи: «Эта рыба для тебя, старая ведьма».

Вечером явилась старуха, и когда она задала этот вопрос, барабанщик бросил ей рыбу в лицо. Она притворилась, будто ничего не заметила, и промолчала, но глянула на него злыми глазами. На другое утро она сказала:

— Вчера тебе все удалось слишком легко, надо будет дать тебе работу потрудней. Нынче ты должен вырубить весь лес, распилить деревья на дрова, сложить их в поленницы, и все это надо закончить к вечеру.

Она дала ему топор, молоток и два клина. Но был топор оловянный, а молоток и клинья из жести. Только он начал рубить, покривился топор, а молоток и клинья погнулись. Он не знал, что ему делать. В полдень явилась снова девушка, принесла еду и утешила его.

— Положи голову ко мне на колени, — сказала она, — и усни, а когда проснешься, работа будет исполнена.

Повернула она волшебное кольцо, в тот же миг рухнул с треском весь лес, деревья покололись сами собой и сложились в поленницы; и было похоже, будто исполнили эту работу незримые великаны. Проснулся барабанщик, а девушка и говорит:

— Вот видишь, деревья все порублены и в поленницы сложены; осталась всего лишь одна ветка. Когда старуха придет и спросит, почему это ветка осталась, ты ударь ее тою веткой и скажи: «Это для тебя, ведьма ты этакая!»

Явилась ведьма.

— Вот видишь, — сказала она, — какою легкой оказалась работа. Но для чего лежит это ветка?

— Для тебя, ведьма ты этакая, — ответил барабанщик и ударил ее той веткой. Но она притворилась, будто ничего не почувствовала, посмеялась и сказала:

— Завтра рано поутру ты должен все эти дрова сложить в кучу, поджечь их и спалить.

Поднялся он на рассвете, начал складывать в кучу дрова. Но как мог один человек весь лес собрать в одно место? Работа не подвигалась. Но девушка не покинула его в беде. Она принесла ему в полдень еду; поев, он положил голову ей на колени и уснул. А когда проснулся, вся груда дров была объята чудовищным пламенем, и его языки подымались до самого неба.

— Теперь послушай меня, — сказала девушка, — когда явится ведьма, она станет давать тебе разные поручения; выполнишь ты без страха все, что она потребует, тогда не сможет она к тебе придаться; а будешь бояться, то охватит тебя пламя, и ты соришь. Под конец, когда ты все выполнишь, ты схвати ее обеими руками и кинь в самое пламя. — Ушла девушка, а вскоре подкралась старуха.

— Ух-х, как мне холодно! — сказала она. — Да вот пылает огонь, он уж согреет мне старые косточки, и мне будет приятно. Вон лежит чурбан, он никак не загорается, ты его вытащи мне из пламени. Сделаешь это, будешь свободен и можешь себе идти, куда вздумается. Ну, поживей в пламя!

Не долго думая, бросился барабанщик в огонь, но он ему ничего не сделал, даже волос не опалил. Вытащил он оттуда чурбан и положил его в сторону. Но только прикоснулось дерево к земле, как обратилось оно мигом в красивую девушку, и была эта та самая, что помогала ему в беде. А по шелковому, блистающему золотом платью, что было на ней, он сразу понял, что это королева. Но старуха злобно усмехнулась и сказала:

— Ты думаешь, что она уже твоя? Нет, она еще не твоя.

Она хотела броситься к девушке и утащить ее с собой; но он схватил старуху обеими руками, поднял ее и кинул в самое пекло, и охватило ее пламя, словно радуясь, что можно теперь сожрать ведьму.

Королева глянула на барабанщика и увидела, что он красивый юноша, вспомнив, что он был готов отдать свою жизнь, чтоб ее спасти, она протянула ему руку, и сказала:

— Ты ради меня отважился на все; я тоже хочу сделать для тебя все. Если ты обещаешь мне верность то будешь мо-

им мужем. А богатства у нас много, нам довольно и того, что насобирала здесь ведьма.

Она повела его в дом, где стояли лари и сундуки, наполненные ее сокровищами. Золота и серебра они не тронули, взяла только драгоценные камни. Королевне не захотелось оставаться больше на Стекло́нной горе, и он сказал ей:

— Садись ко мне в седло, и мы спустимся вниз, точно птицы.

— Мне старое твое седло не нравится, — сказала она, — стóит мне только повернуть на пальце волшебное кольцо, и мы окажемся дома.

— Хорошо, — ответил барабанщик, — в таком случае пожелай, чтоб мы были у городских ворот.

И: вмиг они очутились там, и говорит барабанщик:

— Но мне хочется сперва навестить своих родителей, дать им о себе весточку. Ты подожди меня здесь на поле, я скоро вернусь назад.

— Ах, — сказала королевна, — я прошу тебя, будь осторожен, не целуй своих родителей в правую щеку, когда придешь ты к ним, а не то позабудешь ты все, и я останусь здесь одна, покинутая на поле.

— Как могу я тебя позабыть? — сказал он и протянул ей руку в знак обещанья в скором времени вернуться назад.

Когда он вошел в отчий дом, никто его не узнал, оттого что три дня, проведенные им на Стекло́нной горе, были на самом-то деле три долгих года. Он объявил, кто он, и бросились родители от радости к нему на шею, и он так расчувствовался, что расцеловал их в обе щеки, а про слова девушки и позабыл. Только поцеловал он их в правую щеку, как все мысли о королевне у него тотчас исчезли.

Он стал доставать из карманов драгоценные камни и положил их целую пригоршню на стол. И родители не знали, что им с таким богатством и делать. Тогда начал отец строить великолепный замок, окруженный садами, лесами и лугами, такой красивый, будто должен был в нем поселиться какой-нибудь князь. Когда замок был готов, сказала мать сыну:

— Я выбрала для тебя девушку, через три дня мы справим свадьбу.

И сын был доволен всем, что хотели родители.

Долго стояла у городских ворот бедная королевна, дожидаясь возвращения юноши. Когда наступил вечер, она подумала:

«Должно быть, он поцеловал своих родителей в правую щеку, а обо мне позабыл».

Сердце ее было печально, ей хотелось бы попасть в оди-

покую лесную избушку, а вернуться назад, к королевскому двору, к своему отцу, ей не хотелось. Каждый вечер отправлялась она в город и проходила мимо дома барабанщика; иногда он видел ее, но не узнавал. Наконец она услышала от людей, что завтра будут праздновать его свадьбу. И она сказала себе: «Я попытаюсь, может быть снова пленю его сердце». Когда справляли первый день свадьбы, она повернула свое волшебное кольцо и молвила: «Хочу платья, блистающего, как солнце». И миг лежало перед ней платье, и оно было такое сверкающее, будто было соткано все из одних солнечных лучей. Уже собрались все гости, и вот она вошла в зал. Каждый дивился ее прекрасному платью, а больше всех невеста, а так как красивые платья были самой большой ее страстью, то она подошла к незнакомке и спросила, не продаст ли она его.

— За деньги нет, — ответила та. — Но если мне будет позволено пробыть первую ночь у дверей, где будет спать жених, тогда я согласна платье отдать.

Невеста не могла сдержать своего желания и согласилась; но она подмешала сонного зелья в вино, которое поднесли жениху на ночь, и он погрузился в глубокий сон. Когда все в доме утихло, королева присела на корточки перед дверью опочивальни, приоткрыла ее немного и сказала так:

Слушай меня, барабанщик,
Неужели меня позабыл?
На Стеклянной горе ты ведь долгое время прожил.
А не я ли тебя от злой ведьмы спасала?
И не ты ли мне верность навек обещал?
Слушай, слушай меня, барабанщик!

Но все было напрасно, — барабанщик не проснулся, и когда наступило утро, королеве пришлось уйти ни с чем. На другой вечер повернула королева свое волшебное кольцо и сказала:

«Хочу платье серебряное, как луна». И вот она явилась на праздник в платье, что было такое нежное, как лунное сияние, и невесте снова захотелось его иметь, и она отдала ей платье за то, что та позволила провести ей у двери опочивальни и вторую ночь. И молвила королева в ночной тишине:

Слушай меня, барабанщик,
Неужели меня позабыл?
На Стеклянной горе ты ведь долгое время прожил.
А не я ли тебя от злой ведьмы спасала?
И не ты ли мне верность навек обещал?
Слушай, слушай меня, барабанщик!

Но добудиться барабанщика, одурманенного сонным зельем, было невозможно. Опечаленная вернулась королева поутру назад в свою лесную избушку. Но люди в доме слышали жалобу девушки-незнакомки и рассказали о том жениху; рассказали

они и о том, что они и не мог бы ничего услышать, потому что под-
сыпали ему в вино сонного зелья.

На третий вечер повернула королевна волшебное кольцо и
молвила: «Хочу платье, сверкающее, как звезды». Когда она
показалась в нем на свадебном пиру, невеста была вне себя от
великолепия этого платья, что превосходило все остальные, и
сказала: «Я должна во что бы то ни стало им обладать». Де-
вушка отдала его, как и первые два платья, за позволение про-
вести ночь у дверей жениха. Но не выпил жених вина, подан-
ного ему на ночь, а выплеснул его за кровать. И когда в доме
все утихло, он услышал голос, который его окликнул:

Слушай меня, барабанщик,
Неужели меня позабыл?
На Стеклянной горе ты ведь долгое время прожил.
А не я ли тебя от злой ведьмы спасала?
И не ты ли мне верность навек обещал?
Слушай, слушай меня, барабанщик!

И вдруг к нему вернулась память. «Ах, — воскликнул
он, — как я мог поступить так неверно? Но виною всему то,
что на радостях я от всего сердца поцеловал родителей в пра-
вую щеку, и это помрачило мне память». Он вскочил, взял ко-
ролеву за руку и привел ее к постели своих родителей.

— Вот она моя настоящая невеста, — сказал он, — если
бы я женился на другой, я совершил бы большую несправед-
ливость.

Когда родители узнали, как все это случилось, они дали свое
согласие. И были опять зажжены в зале огни, принесены ли-
тавры и барабаны и приглашены друзья и родные; и была от-
празднована в великой радости настоящая свадьба. А первая
невеста получила в возмещение за это прекрасные платья и
была этим довольна.

Могильный холм

Однажды стоял крестьянин-богач у себя во дворе и смотрел
на свои поля и сады. Хлеба выросли густые, а деревья были
полны плодов. Зерно прошлого урожая хранилось еще до сих пор
в таких огромных кучах в амбаре, что закрома чуть не ломи-
лись под его тяжестью. Потом он направился на скотный двор, —
там стояли откормленные быки, жирные коровы и блистающие,
как золото, лошади. Наконец богач вернулся к себе в комнату и
окинул взором железные сундуки, в которых хранились у него
деньги. Он стоял так, разглядывая свои богатства, и вдруг

кто-то громко к нему постучался. Но это был стук не в дверь его комнаты, а в дверь его сердца. Она открылась, и он услышал голос, который ему сказал:

— Делал ли ты добро своим ближним? Замечал ли ты нужду бедняков? Делился ли ты своим хлебом с голодными? Был ли ты доволен тем, что у тебя есть, или ты желал иметь еще больше? — И сердце не замедлило ответить:

— Я было жестоким и надменным и ни разу не сделало добра ближним. Если приходил бедняк, я от него отворачивалось. Я не думало о боге, а думало лишь о том, чтоб увеличить свои богатства. Если бы даже мне принадлежало все, что находится на земле, то и тогда бы этого было мне мало.

Услыхал он такой ответ и сильно испугался; у него задрожали колени, и ему пришлось сесть. Вот постучался кто-то опять, но теперь постучались в дверь его комнаты. Это был его сосед-бедняк, у которого была целая куча детей, а кормить их ему было нечем. «Я знаю, — подумал бедняк, — мой сосед насколько богат, настолько и жесток. Я не верю, что он мне поможет, но дети мои кричат и плачут, прося хлеба, уж попробую я, попытаюсь». И он сказал богачу:

— Вы неохотно делитесь своим добром, но я стою перед вами, как человек, которому хоть в воду бросайся: мои дети голодают, одолжите мне четыре меры зерна.

Долго смотрел на него богач, и вот под первым солнечным лучом щедрости растаяла на льду его жестокости первая капля.

— Четыре меры я одолжить тебе не смогу, — ответил он, — а подарю тебе восемь мер, но ты должен будешь выполнить одно условие.

— Что же надо мне сделать? — спросил бедняк.

— Когда я умру, ты должен будешь провести три ночи у меня на могиле.

Стало бедняку от такого условия как-то не по себе, но по нужде, в которой он находился, он пошел на все, — он согласился и отнес зерно домой.

Богач будто предвидел, что случится: спустя три дня он упал вдруг мертвый наземь. Так и не доведались люди, отчего это произошло, но никто о нем не печалился. Когда его похоронили, бедняк вспомнил про свое обещанье; ему хотелось бы от него избавиться, но он подумал: «Ведь все ж таки он меня пожалел, и я смог накормить детей хлебом; но даже если бы этого и не было, я дал обещанье и должен его выполнить». Пошел он с наступлением ночи на кладбище и сел на могиле. Все вокруг было тихо, только сияла над могильным холмом луна, да пролетала иной раз сова, и слышался ее жалобный крик.

Когда поднялось солнце, бедняк вернулся благополучно домой, и так же спокойно прошла и вторая ночь. На третью ночь почувствовал крестьянин какой-то необычайный страх, ему казалось, что должно что-то случиться. Выйдя, он увидел у кладбищенской ограды человека, которого он до этого ни разу не видел. Был тот человек немолод, на лице у него были шрамы, глаза были у него острые и горящие. Он был укутан в старый плащ, и виднелись только его высокие ботфорты.

— Что вы тут ищете? — обратился к нему крестьянин. — Разве вам на этом пустынном кладбище не боязно?

— Я ничего не ищу, — ответил человек, — но и ничего не боюсь. Я как тот парень, что ходил страху учиться и понапрасну старался, но добыл себе зато в жены королевну, а с ней вместе и большие сокровища, а я так бедняком и остался. Я всего лишь отставной солдат, собираюсь здесь ночевать — другого пристанища у меня нету.

— Если вы не боитесь, — сказал крестьянин, — то оставайтесь вместе со мной и поможете мне сторожить могилу.

— Стоять на посту — дело солдатское, — ответил тот, — а что с нами случится, хорошее или плохое, перенесем вместе.

Крестьянин на это согласился, и вот уселись они вдвоем на могиле.

До полуночи все было тихо, но вдруг раздался в воздухе свист, и оба сторожа увидели чорта, — он стоял перед ними живой.

— Прочь, мерзавцы, отсюда! — закричал он на них. — Тот, кто лежит в могиле, принадлежит мне — я его заберу. А если вы отсюда не уберетесь, я вам шею сверну.

— Послушайте, сударь с красным пером, — сказал солдат, — вы мне не начальник, я подчиняться вам не обязан, а страху я пока не научился. Ступайте своей дорогой, а мы уж останемся сидеть здесь.

Чорт подумал: «Этих оборванцев лучше всего соблазнить золотом», — и он натянул самые нежные струны своего голоса и спросил по-дружески, не согласятся ли они-де взять кошелек с золотом; а затем обратиться с ним во-своися.

— Вот это дело подходящее, — ответил солдат, — но одного кошелька с золотом нам будет маловато. Если отсыплете золота столько, сколько влезет в один из моих сапогов, то позицию мы сдадим и отступим.

— Столько у меня при себе нету, — сказал чорт, — но я сейчас принесу; живет в соседнем городе один меняла, мой закадычный друг, он мне охотно даст сколько потребуется.

Только чорт исчез, снял солдат с левой ноги сапог и говорит:

— Мы уж этого чумазого проведем! Дайте-ка мне, братец, свой нож.

И он срезал с сапога подошву и поставил его у могилы в густую траву — на самом краю полузаросшей ямы.

— Так-то оно будет все в порядке, — сказал солдат, — пускай теперь этот грубочист является.

Они оба уселись и стали дожидаться. В скором времени показался чорт, держа в руке мешочек с золотом.

— Ну, сыпьте сюда, — сказал солдат и приподнял сапог чуть вверх, — но этого, пожалуй, будет маловато.

Чумазый опорожнил мешочек, но золото просыпалось в дыру, и сапог остался пустым.

— Глупый чорт, — крикнул ему солдат, — да куда ж это годится? Я ведь наперед говорил, что нехватит. Ступайте назад да принесите побольше.

Покачал чорт головой, ушел и через час явился, держа подмышкой мешок куда побольше.

— Насыпайте до полна, — крикнул солдат, — но я сомневаюсь, что сапог будет полон.

Зазвенело золото, падая наземь, но сапог остался пустым. Заглянул туда чорт сам своими горящими глазами и убедился, что это правда.

— Однако икры-то у вас безобразно толстые, — сказал он и скривил рот.

— Вы думаете, — возразил солдат, — что у меня такая же лошадиная нога, как у вас? С каких это пор вы стали таким скупым? Тащите золота побольше, а то из нашей сделки ничего не получится.

Чорт убежал снова вприпрыжку. На этот раз его не было более долгое время, но когда он, наконец, явился, он задыхался под тяжестью мешка, лежавшего у него на спине.

Он высыпал его в сапог, но он наполнился так же мало, как и в прошлый раз. Рассвирепел тут чорт, хотел было вырвать сапог из рук у солдата, но в это время на небе пробился первый луч восходящего солнца, и нечистый с громким криком исчез. Бедная душа была спасена.

Хотел крестьянин золото поделить, но солдат сказал:

— Что приходится на мою долю, ты раздай беднякам. А я поселюсь у тебя в избушке, и нам хватит с тобой остального, чтоб прожить хорошо и мирно, столько, сколько нам положит господь.

Старый Ринкранк

Жил-был когда-то на свете король, и была у него дочь. Вот велел король сделать стеклянную гору и объявил, что кто, мол, на эту гору взбежит, тот и получит дочь его в жены. Был человек, который очень полюбил королеву, и вот спрашивает он у короля, нельзя ли будет ему жениться на его дочери.

— Можно, — сказал король, — если ты сумеешь взбежать на стеклянную гору и не упадешь, то можешь на королеву жениться.

Тогда королева сказала, что она сама хочет взбежать с ним на ту гору и поддержать его, если он будет падать. И вот побежали они вместе. Когда они были уже на середине горы, поскользнулась королева, упала, — и раскрылась под ней стеклянная гора, и она провалилась в нее. Но жених не заметил, где она сквозь гору провалилась, потому что гора сразу ж закрылась.

Стал жених горевать и плакать. Король тоже так запечалился, что велел разломать стеклянную гору — он думал, что удастся вытащить из-под нее дочь; но не нашли даже и того места, куда она провалилась.

А провалилась королева глубоко-глубоко под землю, в большую пещеру. Там встретила она старичка с большой седой бородою; он сказал ей, что если она согласна быть у него служанкой и делать все, что он ей прикажет, то он оставит ее в живых, а нето ее убьет. Тогда она стала исполнять все, что он ей приказывал.

Старик доставал из кармана каждое утро лестницу, приставлял ее к горе и взбирался по ней на гору, а лестницу забирал с собой наверх. А она должна была варить ему обед, стлать постель и всякую работу выполнять. Когда он возвращался домой, то каждый раз приносил с собой целую кучу золота и серебра. Прожила она у него много-много лет. За это время он совсем уже постарел и стал называть ее госпожой Мансрот, а себя позволил называть старым Ринкранком.

Однажды, когда его не было дома, королева постлала ему постель, приготовила ужин, потом заперла крепко-накрепко все окна и двери, а маленькое окошечко наверху открыла, чтоб свет через него проходил.

Вернулся старый Ринкранк домой, постучал в дверь и говорит:

— Госпожа Мансрот, отвори мне дверь.

— Нет, — сказала она, — я тебе, старый Ринкранк, дверь не открою.

Тогда он сказал:

Бедный Ринкранк стоит у дверей
На длинных, худых ногах.
Дай мне, Мансрот, ужин скорей,
Устал твой бедный Ринкранк.

— Я ужин уже приготовила, — ответила она.
А он опять за свое:

Бедный Ринкранк стоит у дверей
На длинных, худых ногах.
Постели мне постель скорей,
Устал твой старый Ринкранк.

— Постель я тебе уже приготовила, — сказала она.
А он опять повторяет свое:

Бедный Ринкранк стоит у дверей
На длинных, худых ногах.
Пусти меня в дом поскорей,
Устал ведь бедный Ринкранк.

Тут обежал он вокруг дома и видит, что маленькое окошечко наверху открыто, и подумал: «Дай-ка я загляну в окошечко, погляжу, что она там делает, почему мне дверей не открывает». Собрался он в окошечко заглянуть, но длинная борода ему мешала; тогда он просунул в отверстие сперва свою длинную бороду и собрался влезть в комнату, но королева заметила бороду, закрыла окошечко, завязала его и защемила заодно и бороду старику. Начал Ринкранк жалобно кричать и упрашивать, чтоб она его отпустила. А она говорит, что не отпустит его, прежде чем не даст он ей лестницу, по которой взбирался он на гору. И вот — хочешь не хочешь, — а пришлось ему сказать, где лестница та спрятана. Тогда привязала она длинную веревку к окошечку, приставила к горе лесенку и выбралась по ней на землю, а окошечко оставила открытым.

Пришла она к своему отцу и рассказала ему обо всем, что с ней было. Король очень ей обрадовался, а ее жених еще больше того. Потом пошли они на гору, разрыли ее и нашли там старого Ринкранка со всем его серебром и золотом.

Король велел старого Ринкранка убить, а все его золото и серебро забрал себе. А королева вышла замуж за своего прежнего жениха, и они стали жить в полном довольстве и в счастье.

Хрустальный шар

Жила-была колдунья; у нее было три сына, и они по-братски любили друг друга. Но старуха им не доверяла: она думала, что они хотят отнять у нее ее колдовскую силу. И она обратила старшего в орла, и пришлось ему гнездиться на вершине скалы; и его можно было иногда видеть, как парил он большими кругами по поднебесью, то опускаясь, то поднимаясь ввысь. Второго сына обратила она в кита, и он жил в глубоком море-океане; и было видно, как иногда выбрасывал он вверх огромную водяную струю. И только на два часа в день возвращался к ним их человеческий образ.

Третий сын, опасаясь, что она обратит и его в какого-нибудь дикого зверя — в медведя или в волка, ушел тайком из дому. Он слышал, что в замке золотого Солнца сидит очарованная королева и ждет своего избавителя, но всякий раз тот должен был рисковать своей жизнью. Уже двадцать три юноши погибли жестокою смертью, и только один мог бы еще попытаться, а после него никто уж не смел бы явиться ее освободить. Сердце было у него бесстрашное, и вот он решился разыскать замок золотого Солнца. Он долго блуждал, никак не мог его найти, и попал, наконец, в дремучий лес, оттуда ему было трудно выбраться. Вдруг вдалеке он заметил двух великанов, которые подавали ему знаки рукой. Он подошел к ним, и они сказали ему:

— Вот мы спорим здесь из-за шапки, кому из нас она должна принадлежать. Силы у нас у обоих равные, и потому мы не можем один другого одолеть. Маленькие люди поумнее нас, вот мы и хотим, чтобы ты порешил наш спор.

— Как вы можете спорить из-за какой-то старой шапки? — сказал им юноша.

— Ты ведь не знаешь, какие у нее свойства, — эта шапка волшебная: стоит ее только надеть и захотеть куда-нибудь перенестись, и вмиг ты окажешься там.

— Отдайте мне эту шапку, — сказал юноша, — я проеду часть дороги, а потом позову вас, а вы бегите наперегонки, и кто первым ко мне прибежит, тому и шапка достанется.

Надел он шапку и ушел, и все думал о королевне, а о великанах и позабыл; шел он все дальше и дальше. Вот вздохнул он тяжело и говорит:

— Ах, попасть бы мне в замок золотого Солнца!

И только сказал он эти слова, видит — стоит он уже на высокой горе перед воротами замка.

Вошел он в замок, прошел по всем комнатам и нашел, наконец, в самой дальней из них королевну. Но как он испугался, увидев ее: было лицо у нее пепельно-серого цвета, все в морщинах, глаза мутные, а волосы рыжие.

— Так это вы та самая королевна, чью красоту восхваляет весь свет? — воскликнул он.

— Ах, — ответила она, — но я на самом деле не такая; глаза могут видеть меня только в этом безобразном обличьи, но если ты хочешь знать, как я выгляжу и вправду, то посмотри в зеркало — и увидишь, какая я есть. — Она дала ему в руки зеркало, и он увидел в нем отражение девушки красоты несказанной, и катились у нее от печали слезы по щекам. И говорит он ей:

— Скажи, как же тебя освободить? Я не боюсь никакой опасности.

Ответила она:

— Кто достанет хрустальный шар и покажет его волшебнику, тот и уничтожит его силу, и я верну себе прежнее свое обличье. Ах, — добавила она, — но не один уже поплатился за это жизнью, и мне, юноша, тебя жаль, если ты попадешь в большую беду.

— Меня не может ничто удержать, — сказал он, — но ты мне скажи, что я должен сделать.

— Ты должен знать все наперед, — сказала королевна. — Как сойдешь с горы, где стоит замок, то увидишь у ручья дикого зубра, с ним ты должен будешь сразиться. Если тебе удастся его убить, то вылетит из него огненная птица, а в птице той есть пылающее яйцо, а в том яйце вместо желтка и спрятан хрустальный шар. Но птица яйца не снесет, пока ее не заставить, а если оно упадет на землю, то всё вокруг вспыхнет и сгорит и само яйцо расплавится, а вместе с ним и хрустальный шар, и все твои старания будут тогда напрасны.

Спустился юноша вниз к ручью, слышит — засопел злобно зубр, заревел на него. После долгой борьбы всадил юноша ему в бок свой меч, и упал зубр наземь. Поднялась из него вмиг огненная птица и хотела было улететь, но орел, брат юноши, который парил в облаках, кинулся на нее, погнал ее к морю и пронзил своим клювом, — в это время уронила птица яйцо. Но оно упало не в море, а в рыбацью избушку, что стояла на берегу, и начала избушка дымиться, показалось пламя, и она чуть было не сгорела. Но поднялись на море высокие волны вышиной с целый дом; они хлынули на избушку и затушили огонь. А другой брат, тот, который был китом, подплыл и стал выбрасывать вверх водяную струю.

Когда потушили пожар, юноша стал искать яйцо и, к счастью, его нашел: оно еще не успело расплавиться, — скор-

луна в холодной воде лопнула, и юноша мог вынуть хрустальный шар целым и невредимым.

Тогда юноша пошел к волшебнику и показал ему шар; и сказал волшебник:

— Теперь моя сила пропала, отныне ты будешь королем в замке золотого Солнца. Теперь ты можешь вернуть своим братьям человеческий образ.

Поспешил тогда юноша к королевно, вошел к ней в комнату, а она стоит перед ним и блистает своей красотой, — и обменялись они на радостях обручальными кольцами.

Дева Малейн

Жил когда-то король. Был у него сын, который сватался за дочь одного могущественного короля, ее звали дева Малейн, и была она необычайно красивая. Но отец хотел ее выдать замуж за другого, — и королевичу отказали. Но они всей душою полюбили друг друга, не хотели разлучаться, и сказала дева Малейн своему отцу:

— Я не хочу брать в мужья никого другого.

Тогда разгневался отец и велел выстроить темную башню, куда не мог бы заглянуть ни один луч солнца или луны. Когда построили башню, король сказал:

— Ты должна будешь просидеть в ней семь лет подряд, а потом я приду и посмотрю, сломилось ли твое упрямство.

Принесли на эти семь лет в башню еды и питья, потом отвели туда королевну вместе с ее служанкой и замуровали их там, и вот разлучились они с землею и с небом. Сидели они там в темноте, не зная, когда наступает день, а когда ночь. Королевич часто ходил вокруг башни и окликал королевну по имени, но ни один звук не проникал сквозь толстые стены. И что ему было делать, как только горевать да плакать? Между тем время шло, и, ведя счет еде и питью, они заметили, что подходит срок семи годам. Они думали, что час их освобождения уже наступил, но не слышно было ударов молотка, и ни один камень не падал со стены: казалось, будто отец о них вовсе позабыл. Вот осталось пищи уже на самое короткое время, они предчувствовали свою ужасную смерть, и сказала дева Малейн:

— Надо будет в последний раз попытаться, может быть мы сможем пробить стену.

Она взяла хлебный нож и начала ковырять и долбить между камнями известку. Когда она уставала, ее сменяла служанка. После долгих трудов им удалось вытащить один камень, потом второй и третий, а через три дня в их темень проник первый луч света; наконец дыра стала такая большая, что они могли выглянуть наружу.

Небо было голубое; на них повеяло свежим ветром. Но как печально выглядело все вокруг: ее отчий замок лежал в развалинах, город и деревни, насколько можно было окинуть взором, были все сожжены, а поля всюду опустошены войной; не видно было ни единой живой души.

Когда дыра в стене стала настолько большой, что они могли в нее пролезть, первой выпрыгнула из башни служанка, а за нею дева Малейн.

Но куда им было теперь идти? Враги опустошили все королевство, короля прогнали, а жителей всех перебили. Они пошли на поиски другой земли, но нигде они не находили приюта или живого человека, который бы подал им кусок хлеба. Нужда их была так велика, что им приходилось с голоду есть крапиву. После долгих странствий они попали, наконец, в другую страну и просили всюду дать им работу; но куда они ни обращались, им всюду отказывали — никто не хотел над ними сжалиться. Наконец они добрались до большого города и пришли к королевскому дворцу. Оттуда их тоже прогнали, но в конце концов повар им предложил остаться у него на кухне, и они сделались судомойками.

А сын короля, в чье королевство они попали, оказался женихом девы Малейн. Отец выбрал ему другую невесту, она была столь же уродлива лицом, как и зла сердцем. Была назначена свадьба, и уже прибыла невеста, но из-за своей большой уродливости она никому на глаза не показывалась и заперлась у себя в комнате, а дева Малейн должна была приносить ей из кухни еду. Вот наступил день, когда надо было невесте идти с женихом в церковь, но она стыдилась своей уродливости и боялась, что если она появится на улице, то люди станут над ней издеваться и смеяться. И сказала она деве Малейн;

— Тебе предстоит великое счастье, я растянула себе ногу, и мне будет трудно идти в церковь. Ты должна надеть мое свадебное платье и отправиться вместо меня: большего почета на твою долю и выпасть не могло бы.

Но дева Малейн отказалась и ответила так:

— Я не хочу того почета, что мне не подобает.

Сулила ей невеста и золото, но все было напрасно. Наконец она в гневе сказала:

— Если ты меня не слушаешь, то жизнью за это по-

платишься: стоит мне только сказать слово, и тебе отрубят голову. — И вот ей пришлось подчиниться и надеть на себя пышные невестины одежды и все ее украшения. Когда она вошла в королевский зал, все были изумлены ее необычайной красотой, и сказал король своему сыну:

— Вот и невеста, которую я для тебя выбрал. Теперь ты должен повести ее в церковь.

Удивился жених и подумал: «Как она похожа на мою Малейн, и я бы поверил, что это она и есть, но ведь Малейн давно заточена в башне, а может уже и умерла».

Он взял ее за руку и повел в церковь. А по дороге росла крапива, и говорит ей невеста:

Куст крапивы,
Куст крапивы хилый,
Что стоишь унылый?
Помню, как скиталась,
Я тобой, сырою,
Все в пути питалась.

— Что это ты говоришь? — спросил королевич.

— Ничего, — ответила она, — я вспоминала о деве Малейн.

Он удивился, что она о ней знает, но промолчал. Подошли они к мостику у церковной площади, а невеста говорит:

Не сломись, пролет моста,
Я невеста — да не та.

— Что это ты говоришь? — спросил королевич.

— Ничего, — ответила она, — я все вспоминаю о деве Малейн.

— А разве ты знаешь деву Малейн?

— Нет, — ответила она, — откуда мне ее знать, я о ней только слыхала.

Вот подошли они к церковным вратам, а она и говорит опять:

Не сломитесь вы, врата,
Я невеста — да не та.

— Что это ты говоришь? — спросил он.

— Ах, — ответила она, — да все думаю о деве Малейн.

Достал он драгоценное ожерелье, повесил ей на шею и застегнул его кольцом в кольцо. Потом вошли они в церковь, и священник соединил у алтаря им руки и обвенчал их.

Повел королевич ее домой, но за всю дорогу она и слова не молвила. Прибыли они назад в королевский замок, и она поспешила тотчас в комнату невесты, сняла с себя пышное платье и украшения, и надела свою серую рубаху, но оставила на шее ожерелье, что получила от жениха.

Когда время подошло к ночи и должны были отвести невесту в комнату королевича, она укрыла себе лицо фатой, чтоб он не заметил обмана. Вот остались они вдвоем, и сказал ей королевич:

— Что это ты говорила по дороге кусту крапивы?

— Какому кусту крапивы? — спросила она. — Зачем мне с какою-то крапивой разговаривать!

— Если ты этого не делала, значит ты ненастоящая невеста, — сказал королевич.

Но она не растерялась и ответила:

Вот пойду к служанке я,
Она вспомнит за меня.

Она вышла из комнаты и набросилась на деву Малейн:

— Эй, девка, что это ты говорила крапиве?

— Да я только сказала:

Куст крапивы,
Куст крапивы хилый,
Что стоишь унылый?
Помню, как скиталась,
Я тобой, сырою,
Все в пути питалась.

Прибежала невеста назад в комнату и говорит королевичу:

— Теперь я вспомнила, что говорила кусту крапивы, — и она повторила только что слышанные ею слова.

— А что ты говорила церковному мостику, когда мы через него переходили? — спросил королевич.

— Церковному мостику? — переспросила она. — Ни с каким церковным мостиком я не разговаривала!

— Значит ты ненастоящая невеста.

Но она сказала опять:

Вот пойду к служанке я,
Она вспомнит за меня.

Она выбежала из комнаты и накинулась на деву Малейн:

— Эй, скажи мне, девка, что это ты говорила церковному мостику?

— Да я только сказала:

Не сломись, пролет моста,
Я невеста — да не та.

— За это ты жизнью своей заплатишься, — крикнула невеста, но поспешила назад в комнату и сказала:

— Теперь я знаю, что говорила церковному мостику, — и она повторила слышанные ею слова.

— А что говорила ты церковным вратам?

— Церковным вратам? — переспросила она. — Никаким церковным вратам я ничего не говорила!

— Стало быть, ты ненастоящая невеста.

Она вышла из комнаты, набросилась на деву Малейн:

— А ну, скажи-ка, служанка, что ты говорила церковным вратам?

— Да я только сказала:

Не сломитесь вы, врата,
Я невеста — да не та.

— За это ты головой поплатишься! — крикнула невеста, совсем уж разгневавшись, но поспешила вернуться в комнату и сказала королевичу:

— Теперь я знаю, что я говорила церковным вратам, — и она повторила эти слова.

— А куда ты дела то ожерелье, что я дал тебе у церковных врат?

— Какое ожерелье? — переспросила она. — Ты мне никакого ожерелья не давал.

— Да ведь я же сам его тебе на шею повесил и вдел колечко в колечко. Если ты об этом не знаешь, значит ты ненастоящая невеста. — Он сдернул с ее лица покрывало, и как увидел все ее ужасное уродство, отскочил от нее в испуге и говорит:

— Как ты сюда попала? Кто ты такая?

— Я твоя нареченная невеста, но я боялась, что люди, увидев меня в лицо, будут надо мной смеяться, и я велела судомойке надеть мое платье и пойти в церковь вместо меня.

— А где же она? — спросил королевич. — Я хочу на нее посмотреть, пойд и приведи мне ее сюда.

Тогда она вышла и объявила слугам, что судомойка обманщица, чтоб ее вывели во двор и отрубили б ей тотчас голову. Схватили слуги судомойку, собрались ее уже было тащить; но она так громко закричала, зовя на помощь, что услышал королевич ее голос, выбежал из своей комнаты и тотчас велел девушку отпустить. Осветили комнату, и он увидел у нее на шее золотое ожерелье, что подарил ей у церковных врат.

— Ты настоящая невеста, — сказал он, — ты ходила со мной в церковь. Идем ко мне в опочивальню.

Вот остались они там вдвоем, а он ей говорит:

— Ты по пути в церковь называла имя девы Малейн, что была моей нареченной невестой. Если бы я мог подумать, что это возможно, мне пришлось бы поверить, что это она стоит сейчас передо мной: ты во всем на нее похожа.

Она ответила:

— Я и есть дева Малейн. Из-за тебя я просидела семь лет

в заточеньи, терпела голод, и жажду, и прожила долгие годы в беде и горе. Но сегодня снова для меня засияло солнце. Я повенчана с тобой в церкви, и я твоя настоящая жена.

Они поцеловали друг друга и с этой поры были счастливы всю свою жизнь. А ложной невесте отрубили в наказание голову.

Башня, в которой сидела дева Малейн, стояла там еще долгое-долгое время, и дети, проходя мимо нее, пели:

Дин, дон, дон!
Кто в той башне заключен?
Королевна там живет,
К ней никто уж не войдет.
Стены прочные стоят,
Камни рухнуть не хотят.
Ну-ка, Ганс, ступай живей,
Проведи меня ты к ней.

Сапог из буйволово́й кожи

Если солдат ничего не боится, то и тужить ему не о чем. Вот один из таких-то и получил отставку, а так как ремеслу он не учился и заработать себе ничего не мог, то стал он бродяжничать по свету и просить у добрых людей подаяния. На плечах у него висел старенький плащ да осталась еще пара сапог из буйволово́й кожи.

Шел он однажды куда глаза глядят, не разбираясь ни в тропах ни в дорогах, пробираясь полями все вперед и вперед, — и добрался наконец до леса. Не знал он, куда и попал. Вдруг смотрит — сидит на пне какой-то человек, одет хорошо, и зеленый охотничий камзол на нем. Подал солдат ему руку, поздоровался, уселся с ним рядом на траве и ноги вытянул.

— Я вижу, сапоги на тебе отличные и до блеска начищены, — сказал он охотнику. — А пришлось бы тебе, как мне, походить по свету, давно бы они не выдержали. Погляди-ка на мои, они из буйволово́й кожи, послужили мне уж немало, а ходить в них можно везде.

Спустя некоторое время поднялся солдат и говорит:

— Рассиживаться мне больше нельзя, голод гонит вперед. Ну, брат Начищенный Сапог, а куда эта дорога ведет?

— Я и сам-то не знаю, — ответил охотник, — я в этом лесу заблудился.

— Стало быть, и с тобой вышло то же, что и со мной, — сказал солдат, — значит мы друг другу под пару; ну, так давай не разлучаться и поищем дорогу вместе.

Усмехнулся охотник, пошли они дальше вдвоем, а тут и ночь наступила.

— Из лесу нам не выбраться, — сказал солдат, — но я вижу, вдали огонек мерцает, там мы, пожалуй, и найдем что поесть.

Они подошли к каменному дому, постучались в дверь, и открыла им старуха.

— Мы ищем квартиру для ночлега, — сказал солдат, — да кое-чего заправить в желудок, а то он у меня пустой, как старый ранец.

— Здесь вам ночевать нельзя, — ответила старуха, — это разбойничий притон, и будет самое благоразумное, если вы отсюда уберетесь, пока они домой не вернулись. А уж если они вас найдут, то пропадать вам придется.

— Да уж хуже не будет, — ответил солдат. — У меня два дня во рту и крошки не было, и мне все одно, тут ли погибать, или в лесу с голоду пропадать. Как кто, а я вхожу.

Охотник не захотел идти вслед за ним, но солдат втащил его за рукав.

— Входи, милый братец, не сразу же погибать-то придется.

Но старуха их пожалела и сказала:

— А вы на печь залезайте, и если мне что-нибудь дадите, а сами уснете, то я вас спрячу.

Только спрятались они в углу, как ввалились с шумом двенадцать разбойников, сели за стол, который был уже накрыт, и грубо потребовали подать им еду. Старуха принесла большое блюдо с жарким, и разбойники с наслаждением принялись за него. Ударил в нос солдату запах жареного, и говорит он охотнику:

— Я больше выдержать не в силах, подсяду-ка я к столу и поем с ними вместе.

— Ты нас погубишь, — сказал охотник, — и схватил его за руку.

Но солдат начал громко покашливать. Это услышали разбойники, побросали ножи и вилки, вскочили из-за стола и нашли обоих за печкой.

— Ага, голубчики, — закричали разбойники, — чего это вы в угол забрались? Что вам здесь надо? Вас, видно, сюда сыщиками послали? Подите, вот вы научитесь, как на суку качаться!

— Однако повежливей, — сказал солдат, — я голоден,

дайте мне сначала поесть, а потом уж делайте со мной что хотите.

Разбойники так и остолбенели, а их атаман говорит:

— Я вижу, ты не из робкого десятка. Ладно, ужин ты получишь, но потом придется тебе помирать.

— Это мы еще посмотрим, — сказал солдат, подсел к столу и смело набросился на жаркое.

— Ну, брат Начищенный Сапог, подходи и ешь, — крикнул он охотнику, — ты ведь голоден не меньше моего, а лучшего жаркого ты и дома у себя не найдешь.

Но охотнику есть не хотелось.

Поглядели разбойники на солдата с удивлением и говорят:

— А он парень не из трусливых.

А солдат и говорит им:

— Еда, что и говорить, была хороша, ну, а теперь доставайте-ка доброго вина.

Атаман был в хорошем настроении; он согласился и на это и крикнул старухе:

— Достань из погреба бутылку, да самого лучшего.

Вытащил солдат пробку, та аж хлопнула, подошел с бутылкой к охотнику и говорит:

— Теперь внимание, братец! Сейчас ты увидишь чудо из чудес: сейчас я выпью за здоровье всей ватаги. — И он поднял бутылку над головами разбойников и крикнул:

— Желаю вам всем здоровья, но рты раскрыть. Правые руки вверх! — и он отхлебнул порядочный глоток.

Только он вымолвил эти слова, как все разбойники будто окаменели, сидели недвижно, рты раскрыли и подняли правую руку вверх.

И говорит охотник солдату:

— Я вижу, ты на разные фокусы мастер, но, однако, пора домой возвращаться.

— Ого, любезный братец, это бы мы слишком рано отступили. Врага мы разбили, надо теперь захватить добычу. Вишь, как прочно они уселись и от удивленья рты пораскрыли; им с места теперь не сдвинуться, пока я им это не разрешу. Ступай, ешь и пей.

Пришлось старухе принести еще бутылку самого лучшего вина, и солдат не встал до тех пор, пока еще раз не наелся дня на три вперед. Наконец, когда стало уже светать, он сказал:

— Ну, пришло время палатку свергивать, а чтоб переход был у нас покороче, старуха должна указать нам ближайший путь в город.

Когда они туда прибыли, солдат направился к своим старым товарищам и говорит:

— Нашел я в одном лесу полное гнездо воронят, давайте пойдем туда вместе и выдерем птенчиков из гнезда.

Привел их солдат к охотнику и говорит ему:

— Надо будет тебе вместе с нами назад вернуться; посмотришь, как будут они крыльями размахивать, когда мы их за ноги схватим.

Он расставил свой отряд вокруг разбойников, потом взял бутылку, отхлебнул глоток, поднял ее у них над головами и крикнул:

— Здравия вам желаем!

И вдруг к разбойникам вернулась способность двигаться. Но их тотчас повалили наземь и связали по рукам и ногам. Потом солдат велел бросить их на телегу, точно какие-нибудь мешки, и сказал:

— Правьте прямо к тюрьме.

Но охотник отвел в сторону одного из солдатской команды и дал ему еще другое порученье.

— Братец Начищенный Сапог, — сказал солдат, — мы удачно захватили врасплох неприятеля да и подкормились неплохо, а теперь будем себе спокойно маршировать сзади, как отставшие.

Когда они приближались уже к городу, солдат заметил, что толпа народу спешит из городских ворот, радостно кричит и подымает вверх зеленые ветви. Он увидел, что навстречу им вышла вся лейб-стража.

— Что это значит? — спросил он с удивленьем у охотника.

— Разве ты не знаешь, — ответил тот, — что король долгое время не был в своем королевстве, а сейчас возвращается назад, и вот все вышли его встречать.

— Но где же король? — спросил солдат. — Я его что-то не вижу.

— Он здесь, — ответил охотник, — я и есть король, — и велел объявить о своем прибытии. И он расстегнул свой охотничий костюм, чтоб была видна его королевская одежда.

Испугался солдат, упал на колени и стал просить у него прощения, что по неведению, мол, он обращался с ним как с равным да еще называл таким прозвищем. Но король подал ему руку и сказал:

— Ты храбрый солдат, ты спас мне жизнь. Отныне не будешь ты ни в чем нуждаться, я о тебе позабочусь. И когда захочешь съесть кусок жирного жаркого, такого же вкусного, как в разбойничьем притоне, то приходи на королевскую кухню. А если пожелаешь выпить за мое здоровье, то спроси сначала у меня на то позволения.

Золотой ключик

Однажды зимней порою, когда выпал глубокий снег, пришлось одному бедному мальчику отправиться в лес, чтоб привезти на санках хворосту. Вот собрал он его и наложил на санки, а так как он сильно прозяб, то решил домой не торопиться, а развести сначала костер и немного погреться. Он начал отгребать снег, и когда расчистил землю от снега, он нашел маленький золотой ключик. Он подумал, что раз есть ключ, то должен быть к нему и замок, стал он рыть землю и нашел железный ларец.

«Вот если бы ключ к нему подошел! — подумал мальчик. — Наверно, в этом ларце дорогие вещи находятся». Стал он разглядывать, но замочной скважины в нем не было. Наконец он ее нашел, но была она такая маленькая, что ее еле-еле можно было заметить. Он попробовал всунуть ключик, — и тот как раз пришелся. Повернул мальчик ключик один раз, а теперь вам надо, ребята, подождать, пока он совсем откроет замок и подымет крышку, а потом мы и узнаем, что за чудесные вещи лежали в этом ларце.

Верные звери

Давно тому назад жил один человек. Денег у него было совсем мало, и вот с тем немногим, что у него осталось, отправился он странствовать по свету. Пришел он раз в деревню, видит — сбежались ребята, кричат и шумят.

— Дети, что у вас тут такое? — спросил человек.

— Да вот, — говорят они, — поймали мы мышь, хотим научить ее плясать. Посмотрите, как забавно она бегаёт!

Но человек пожалел бедного зверька и сказал:

— Ребята, отпустите мышь на волю, я вам за то заплачу. — Он дал им денег, и они отпустили мышь, и бедный зверек убежал и спрятался в норку.

Пошел человек дальше. Приходит он в другую деревню, видит — у ребят обезьяна; заставляют они ее плясать и кувыркаться, потешаются над ней, не дают ей покоя. Дал человек ребятам денег, чтоб отпустили они обезьяну. Потом пришел он в третью деревню, а там у ребят был на цепи медведь; приходилось ему становиться на задние лапы и плясать, а когда он ворчал, это их забавляло. И он выкупил медведя; обрадовался медведь, что можно стать теперь опять на свои четыре лапы, и затопал он прямо в лес.

Роздал человек последние свои деньги, не осталось у него в кармане и медного гроша. И говорит он себе: «Денег у короля в казне куда больше, чем ему надо; чего мне с голоду пропадать, возьму-ка я у него немного, а заработаю, — верну их опять в казну». Забрался он в казну и взял оттуда немного денег, но когда он вылез из королевской кладовой, схватили его королевские слуги. Объявили ему, что он вор, и привели его на суд, а так как совершил он неправоe дело, то присудили посадить его в ящик и бросить в реку. Прodelали в крышке ящика дырки, чтобы мог проходить в него воздух, и дали человеку кувшин воды да хлеба кусок. Вот и поплыл он по реке; и так ему стало страшно, но вдруг слышит он — что-то царапается и скребется о замок, грызет и постукивает. Вдруг открывается замок, подымается крышка ящика — стоят перед ним мышь, обезьяна и медведь, — это они крышку открыли; когда-то выручил их человек из беды, а теперь и они пришли ему на помощь. Но звери не знали, что им делать дальше, и стали они между собой советоваться. А тут выкатился к ним вдруг из воды белый камень, был он похож на яйцо. Вот медведь и говорит:

— Он во-время к нам явился, это камень волшебный: чей он будет, тот и сможет пожелать себе все, чего только захочет.

Вытащил человек из воды этот камень, взял его в руку и пожелал, чтобы был у него замок с садом и королевской конюшней. И только вымолвил он свое желание, как сидел уже в замке с садом и королевской конюшней, и все было таким прекрасным и великолепным, что никак не мог он надивиться, на все это глядячи.

А проходили в это время по дороге купцы-торговцы.

— Поглядите-ка, — сказали они, — какой великолепный построили замок, а ведь в прошлый-то раз, как мы проходили, здесь были одни только зыбучие пески.

Стало им любопытно, явились они в замок, стали у человека расспрашивать, как сумел он все это так быстро построить. А он им и говорит:

— Да это не я сделал, это сделал мой волшебный камень.

— А что это за камень такой? — спросили они.

Он пошел и принес его и показал купцам-торговцам. Захотелось им тот камень получить, и они спросили, нельзя ли его будет у него купить, и предложили ему за него все свои дорогие товары. Глянул человек на прекрасные товары, разбежались у него глаза при виде их, а было сердце у него непостоянное, оно стремилось все к новому, и вот дал он себя одурачить, думая, что прекрасные товары куда дороже его волшебного камня, и отдал его купцам-торговцам. Только выпустил он его из рук, и тотчас исчезло вместе с камнем и все его

счастье, — очутился он снова в запертом ящике на реке, и была у него одна только кружка воды да хлеба краюха.

Как увидели верные звери — мышь, обезьяна и медведь, — что попал он в беду, явились снова к нему на помощь, но никак не могли они теперь сбить того замка — был он куда крепче, чем в первый раз. Тогда медведь и говорит:

— Надо нам волшебный камень найти, а не то все наши старания будут напрасны.

А купцы остались жить в замке. Вот звери и пошли туда все вместе; и когда были они уже около самого замка, медведь говорит:

— Мышь, загляни-ка ты в замочную скважину и посмотри, как нам быть; ты ведь маленькая, никто тебя не заметит.

Мышь согласилась на это, но вскоре вернулась и говорит:

— Дело не выйдет; я заглядывала: камень висит над зеркалом на красном шнурке, по бокам сидят две большие кошки с огненными глазами и его охраняют.

Говорят тогда обезьяна и медведь:

— А ты еще раз ступай туда да подожди, пока хозяин ляжет в постель и уснет, а потом пролезь в замочную скважину, взберись на кровать и ущиши его за нос да отгрызи ему волосы.

Пробралась мышь снова туда и сделала так, как сказали ей обезьяна и медведь. Хозяин проснулся, стал себе нос тереть и говорит:

— Кошки-то мои, видно, никуда не годятся: пускают мышей, а те волосы мне все с головы пообгрызли, — и он прогнал своих кошек.

Вот мышь своего и добилась.

Когда на другую ночь хозяин уснул, забралась мышь к нему в комнату, начала грызть красный шнурок, на котором висел камень, пока наконец его не перегрызла. Упал камень на пол, тут она и дотащила его до двери. Но нелегко это было бедной маленькой мышке; и говорит она обезьяне, а та стояла за дверью, ее дожидаясь:

— Ты вытащи его отсюда лапой.

Дело это было для обезьяны нетрудное, она взяла камень в руку, и пошли они все вместе к реке.

Обезьяна и говорит:

— Как же нам теперь к ящику-то добраться?

А медведь отвечает:

— Да это мы сейчас устроим! Я войду в реку и поплыву, а ты, обезьяна, сядешь ко мне на спину; но смотри, держись за меня обеими руками, да покрепче, а камень положи себе в рот. А ты, мышка, залезай ко мне в правое ухо.

Так они и сделали и поплыли вниз по реке. Вскоре медведю молчать надоело, стал он болтать о том да о сем и говорит:

— Послушай, обезьяна, а мы-то ведь с тобой храбрые товарищи, как ты думаешь?

Но обезьяна промолчала, ничего ему не ответила.

— Что это у тебя за маэра такая, — сказал медведь, — товарищам своим не отвечать? Не люблю я тех, кто не отвечает.

Тут обезьяна дольше сдерживаться была не в силах, упустила она камень в воду и крикнула:

— Дурак ты! Как же мне было отвечать-то с камнем во рту? Вот он теперь и пропал, а виноват во всем ты.

— Да ты не бранись, — сказал медведь, — мы что-нибудь да придумаем.

Посоветовались они между собой, созвали всех древесных лягушек, жерлянок и прочую водяную тварь и говорят:

— На вас собирается напасть сильный враг, надо вам будет побольше камней набрать, сколько сможете, а мы построим вам стену, она вас защитит.

Испугались водяные твари и натащили камней отовсюду, и приплыла, наконец, со дна речного старая толстая лягушка-квакушка и притащила во рту красный шнурок с волшебным камнем. Обрадовался медведь, взял у лягушки камень и сказал, что теперь все, мол, в порядке и могут они себе домой спокойно отправляться, — тут он с ними быстро и распрощался. И поплыли они втроем вниз по реке к человеку, который находился в ящике. Взорвали они волшебным камнем крышку, — явились они во-время — весь хлеб он уже поел и всю воду выпил и чуть не пропадал с голоду. Как только взял он в руку волшебный камень, пожелал себе доброго здоровья, как вмиг перенесся в свой прекрасный замок с садом и королевскою конюшней и стал жить припеваючи. А троих зверей он оставил при себе, и всю жизнь прожили они счастливо вместе.

Сказки братьев Гримм

Первый сборник немецких народных сказок, изданный братьями Гримм в 1812 году, не был «новинкой» среди изданий европейского и, в частности, немецкого сказочного фольклора. Традиция в области собирания, переработки и издания памятников народного творчества имела в Германии широкое распространение и в предшествующую эпоху Просвещения, не говоря уже об использовании сказочно-повествовательного материала в художественной прозе и поэзии эпохи средневековья и Реформации. Однако наряду с увлечением народными сказками и стремлением сохранить их национальные особенности и социальные мотивы было немало случаев искажения фольклора в дворянской и буржуазной среде, «переработки» и использования его даже в церковных проповедях.

Ко второй половине XVIII века уже твердо установилось суждение о народной сказке только как о развлекательном жанре. В литературных обработках для аристократических салонов из сказки изгонялись реализм и социальная сатира. Галантная аристократическая сказка имела иное назначение: в твердо установившейся схеме «волшебных» или «фейных» сказок нарочито не было места реальной действительности; при помощи чудесных превращений создавался иллюзорный сказочный мир фей, даже особое «сказочное государство» со своими королями и принцами. В подражание «модным» и, конечно, не связанным по существу с народной традицией сказкам французских писательниц (д'Онуа, д'Оне, Леритье и др.) и в Германии появляется большое количество нередко анонимных «фейных сказок для детей», печатавшихся, в частности, в многотомных изданиях аристократической «Голубой библиотеки всех наций».

Рассчитанная на вытеснение народной сказки, эта тенденция не была остановлена и появлением переводов народных восточных сказок. Немецкое издание арабских сказок 1001 ночи, осуществлен-

ное в 1730 году по примеру известного французского (в переводе Галлана) издания, серьезной роли в этом отношении не сыграло. Литераторы увлеклись яркостью красок восточных сказок, их экзотикой: стали появляться «ориентальные» приключенческие романы, рассказы о чудесных «странах утренних зорь» и т. п.

Пренебрежительное отношение к народным сказкам как к жанру «низшему», наподобие «площадной» литературы бурлеска и ярмарочного театра, продолжало иметь место, несмотря на усиливавшуюся борьбу ряда немецких просветителей, и прежде всего Лессинга, за демократизацию литературы и искусства. В политически отсталой и раздробленной феодальной Германии издатели «Всеобщей немецкой библиотеки» отваживались рекомендовать лишь обработанные «нянины сказки», и то только «для простого народа и детей», а сравнительно популярный «Народный календарь» уже более откровенно предостерегал своих читателей от увлечения политическими идеями и сатирой народных сказок, рекомендуя смотреть на них только как на развлекательные прибаутки, способные удовлетворить лишь «неприятательные» вкусы крестьян и солдат.

Таким образом, значение изданных текстов «Детских и домашних сказок» братьев Grimm состояло в их народности, в том, что они в основной своей массе — по словам молодого Энгельса — были «воплощением чувств», «творениями народной фантазии». «Только с тех пор, как я познакомился с северно-немецкой степью,— писал в 1840 году Энгельс,— я по-настоящему понял «Детские сказки» Grimm. Почти на всех этих сказках заметен отпечаток того, что они зародились здесь, где с наступлением ночи исчезает человеческая жизнь, и жуткие бесформенные творения народной фантазии проносятся над местностью, пустынною которой пугает даже в яркий полдень. Они — воплощение чувств, которые охватывают одинокого жителя степи, когда он в подобную бурную ночь шагает по земле своей родины или же с высокой башни созерцает пустынную гладь ее. Тогда перед ним снова встают впечатления, сохранившиеся с детства от бурных ночей степи и принимают форму этих сказок. На Рейне или в Швабии вы не подслушаете тайны возникновения народных сказок, между тем как здесь каждая молниеносная ночь... твердит об этом языками громов»¹.

Среди фольклорных изданий, осуществленных немецкими романтиками, «Сказки» братьев Grimm заняли особое место. В них в большей степени, чем в сборнике народных немецких песен «Чудесный рог мальчика» (1805), составленном писателями Арнимом и Brentано, в «Старинных немецких народных книгах» (1807) Герреса, а также в сказочных сборниках Музеуса, Гауфа и др., сказались, по определению Энгельса, «достаточная критическая про-

¹ Ф. Энгельс, Ландшафты (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 1931, т. 2, стр. 56).

нищательность и вкус при выборе и умение пользоваться старинной речью»¹. Поэтому именно братьев Гримм Энгельс считал способными заняться «разумной переработкой» народных книг. Однако Гриммы не оправдали в дальнейшем этих надежд.

Выступая против субъективного и эстетского подхода немецких реакционных романтиков к народным книгам, Энгельс боролся не только против искажения фольклора, но и против его канонизации в наиболее архаических формах. «...мы,— писал он,— кроме того, вправе требовать, чтобы народная книга отвечала своему времени, иначе она перестанет быть народной книгой. В частности, если обратить внимание на наше время, на характеризующую его борьбу за свободу, на развивающийся конституционализм, на сопротивление гнету аристократии, на борьбу мысли с пиелизмом, ясности духа с остатками угрюмого аскетизма, то я не вижу, почему мы не вправе были бы требовать от народной книги, чтобы она в этом отношении оказывала содействие малообразованным кругам, показывала им... истинность и разумность этих стремлений,— но ни в коем случае не потворствовала бы лицемерию, подхалимничанью перед знатью, пиелизму. Само собою разумеется, однако, что народной книге должны остаться чужды обычаи прежних времен, являющиеся в нашу эпоху бессмыслицей или несправедливостью»².

Отвечают ли этому требованию гриммовские сказки? В полной мере, конечно, нет. В отличие от реакционных тенденций Новалиса, Тика, Гофмана и других романтиков, обработывавших фольклор нарочито в определенных политических целях, Гриммы-сказочники стремились сохранить сказочные сюжеты в их «первоначальных», наиболее древних формах и вариантах. На языке Гриммов, в ту пору буржуазных либералов, это называлось «возвращением» текстам сказок «утраченной» ими народности. Но нетрудно убедиться в ошибочности и ограниченности их фольклористических приемов. С одной стороны, в своем рвении дать «нетронутыми» именно наиболее древние сказки, возродить примитивные формы мышления и языка, народные суеверия и т. п. они не заметили, а позднее и сознательно не хотели замечать того, что описываемые в некоторых сказках чуждые современности обычаи прежних времен, религиозные верования, жестокость средневекового варварства были действительно, как их определял Энгельс, «бессмыслицей или несправедливостью».

С другой стороны, дело было не только в отборе сказочного материала. В противовес реакционно-аристократическим и эстетским принципам в области фольклористики было необходимо раскрыть подлинную социально-политическую функцию народной сказ-

¹ Ф. Энгельс, *Немецкие народные книги* (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 2, стр. 33).

² Там же, стр. 26—27.

ки, ее роль в конкретно-исторических национальных условиях. Понятно, что сказочный материал часто сам говорил за себя,— сквозь загадочные древние письмены и фантастику настоятельно пробивала себе дорогу едкая сатира на богачей и попов, правда о тяжелой доле бедняка, реальная мечта народа о счастье,— то, что В. И. Ленин определил в сказке как выражение «чаяний и ожиданий народных». Однако этот ценный материал в гриммовских сборниках часто буквально утонул в потоке словесной архаической шелухи, и вина в этом случае падала прежде всего на собирателей с их объективистским методом. К тому же позднее осуществлявшаяся ими «стилистическая обработка» ряда сказок фактически не была только делом техники,— в обработанных сказках нередко романтически идеализировалось «доброе, старое время» и сглаживались классовые противоречия, что вводило рассказ в схему сказок «со счастливым концом».

И тем не менее свою (хотя и ограниченную) роль в борьбе с салонной аристократической сказкой, в отстаивании фольклора «Сказки» братьев Grimm несомненно сыграли. Естественна также популярность и жизненность большинства из них. Маркс при определении места, занимаемого братьями Grimm в истории немецкого романтизма, именно благодаря наличию этих народных «Сказок» в их творческом активе, счел возможным сделать в отношении их существенную оговорку. «Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна, — писал Маркс, — все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Grimm, не свободны от этого»¹.

Как ни разнообразно богатство национальных сказочных сюжетов, народные сказки и в бытовом повествовании и в волшебном обрамлении несли в себе в конечном счете нередко сходные социальные функции. Еще в статье о немецких народных книгах Энгельс весьма определенно сформулировал общие задачи народных книг: они должны не только «развлечь крестьянина», выразить в фантастических образах его мечту о счастливой жизни и справедливости, но и более конкретно «прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству»².

Несмотря на свою нарочитую охоту за древностями, братья Grimm рассматривали издание народных сказок именно в 1812 году — то есть в год разгрома армии Наполеона в России — как актуальный политический факт для Германии. Однако по существу из кру-

¹ Маркс-Энгельсу, от 25/III 1868 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 34).

² Ф. Энгельс, Немецкие народные книги (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 26).

га романтических увлечений древностью гриммовское издание все же не вышло. Малейшее проявление просветительского демократизма во взгляде на народную сказку резко порицалось реакционными романтиками. Даже Готтшед в ряде его суждений о сказке казался романтикам слишком радикальным, так как, указывая на сходство «волшебной сказки» с «Дон-Кихотом» Сервантеса, он отмечал их особенность — подчеркнутый показ разрыва между мечтой и мрачной прозой жизни; причем народная сказка выигрывала в социальном оптимизме, ибо она подсказывала читателю мечту о возможности претворить в жизнь думы и чаяния народа о социальной справедливости.

Правда, и сами романтики говорили о разрыве между мечтой и действительностью, но переносили осуществление своих мечтаний в область «потустороннего мира», снимая тем самым вопрос о необходимости борьбы народных масс за свои насущные интересы. В связи с этим один из ведущих представителей немецкой романтической реакции, Новалис, сформулировал абстрактную идею о «мировой мечте» в сказке таким образом: «... все сказки выражают мечту о некоем мире, существующем повсюду и нигде».

Лишая сказочную фантастику и мечту социальной направленности, романтики именно в таком плане широко использовали сюжеты волшебных сказок в своем творчестве. При этом они охотно признавали другое, противоречившее прежнему утверждение Готтшеда о «движущих началах» сказки. Таковыми являлись, по мнению Готтшеда и романтиков, «наивность» и «глупость», которые не только определяли характер сказочной фантастики, но открывали также возможности для объяснения сверхъестественных волшебных превращений. В подобном «безобидном» аспекте стремились позднее толковать сказку и братья Grimm.

Говоря о фольклоре эпохи крестьянских войн, Энгельс подчеркивал его действительный характер в определенных социально-исторических условиях. «Марсельезой» крестьянской войны, — писал Энгельс, — был гимн: «Eine feste Burg ist unser Gott» («Господь — наша крепость»). И хотя текст и мелодия этой песни проникнуты уверенностью в победе, тем не менее в настоящее время ее нельзя и не следует воспринимать в этом смысле¹. В этих словах Энгельса — призыв увидеть в фольклоре действительное его содержание во всей его сложности, с достоинствами и недостатками.

Наряду с этим существенным является еще одно обстоятельство. В той же работе Энгельс указал на наличие в народном творчестве и чуждых ему классовых влияний: «Уже в то время ландскнехт занял значительное место в нашей народной поэзии... Вообще говоря, поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы»,

¹ Ф. Энгельс — Г. Шлютеру, от 15/V 1885 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 467).

редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, так как, для того чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрассудки масс того времени. Отсюда — религиозная чепуха даже у чартистов»¹.

Поэтому ссылки романтиков на подлинность древних фольклорных текстов, на точность воспроизведения ими мельчайших деталей не могут служить «доказательством» в поддержке их реакционных воззрений при помощи фольклорных материалов. Наоборот, в порядок дня должна была войти работа по очищению фольклора и, в частности, народной сказки от вредных инородных элементов. Такую работу по очищению народной сказки от чуждых ей налетов и возвышению национального сказочного фольклора впервые последовательно провел в России великий русский писатель А. С. Пушкин. Именно под пером Пушкина народная сказка, по словам В. Г. Белинского, становилась живым памятником современности. Умение Пушкина с предельным реализмом вскрыть и показать демократизм народной сказки, отражение в ней подлинных народных идей и чаяний было в последующем подхвачено и развито в новых условиях прежде всего М. Е. Салтыковым-Щедриным и А. М. Горьким, литературные сказки которых, как известно, весьма высоко ценились В. И. Лениным.

Эта передовая традиция русской литературы помогла не только разоблачить субъективно-эстетский подход консервативных романтиков в их суждениях о народной сказке, но и обнаружила в отношении к фольклору действительно «достаточную критическую проницательность и вкус», о которых мечтал Энгельс, не доверявший романтикам. «...что значит авторитет Тика, Герреса и всех прочих романтиков,— взволнованно писал он,— когда разум говорит против него и когда дело идет о немецком народе»².

Деятельность братьев Вильгельма (1787—1859) и Якова (1785—1863) Гримм не ограничивалась собиранием народных сказок, саг и легенд. Сложившаяся у них уже к 30-м годам система мифологических взглядов свидетельствовала об эволюции братьев Гримм в сторону политической реакции, национализма и мистики. Глава «мифологической школы», Яков Гримм стремился почти все вопросы происхождения и истории языка, фольклора, литературы, права и т. д. свести к древнегерманским мифам. По типу ложной теории искусственно «реконструируемого» им индо-европейского «праязыка» Я. Гримм относил и сказки к «примитивному периоду существования арийской расы» и поре «божественных мифов», считая, что мифологические схемы покрывали собою все объекты общественной и личной жизни древнего человека и исключали, таким образом, из рассмотре-

¹ Ф. Энгельс — Г. Шлютеру, от 15/V 1885 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 467—468).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 34.

ния не только вопросы социального и исторического порядка, но и необходимое материалистическое объяснение явлений природы.

Применяя в области языкознания и фольклористики метод сравнений, Гриммы, как позднее и представители так называемого «компаративизма» («сравнительного метода»), лишали изучаемые явления их самостоятельности, социального и национального значения. Буржуазными учеными делались антинаучные выводы на основе внешних, чисто формальных сходств и созвучий, случайных совпадений. Как мифологи, так и компаративисты изучают не конкретно-исторический материал сказок, но оторванные от действительности «мировые» странствующие сюжеты, искусственно созданную таким образом «мировую» сказку, способную даже говорить «мировым языком». Такой космополитической задаче — выяснению места гриммовских сказочных сюжетов в системе «мировой сказки» (в истоках, влияниях, вариантах) — буржуазными фольклористами было посвящено множество исследований. Характер их «метода» раскрывается в реакционных высказываниях И. Больте, одного из составителей пятитомного «Указателя к сказкам братьев Гримм». «Со времен Гердера и бр. Гримм, — писал он, — сказка означала воплотившуюся в рассказ поэтическую фантазию, взятую из волшебного мира и отнюдь не связанную с условиями действительной жизни».

Эта ссылка на Гердера и братьев Гримм все же не случайно связывала их имена. Сборник песен разных народов Гердера «Голоса народов в песнях» (1778—1779) объективно способствовал утверждению пресловутого «универсального» сравнительного метода изучения фольклора и братьями Гримм. В «Комментариях» к сказкам, составленных Вильгельмом Гримм в 1856 году, были даны не только многочисленные варианты сюжетов собственно германских сказок, но проведены параллели «сказочных мотивов» немецких сказок со сказками романскими, славянскими, индийскими и персидскими.

Обозначившееся при этом в воззрениях и методе братьев Гримм противоречие между принципами националистическими и космополитическими («мировая сказка», «бродячие сюжеты» и т. п.) по существу было чисто внешним. На деле в «мировой сказке», как и в так называемой индо-европейской «праязыковой» схеме, Гриммы, вопреки историческим данным о качественном своеобразии и стадильном развитии национальных языков и фольклора, националистически утверждали в качестве ведущих и определяющих их германские «основы».

Реакционные гриммовские схемы как в области языкознания, так и в области фольклористики подвергались частичной критике еще в буржуазной науке в XIX веке. Сокрушительные же удары по «учениям» мифологов и компаративистов были нанесены только марксистской наукой. Новое учение о языке, построенное на основе марксистско-ленинской методологии Н. Я. Марром и развиваемое в настоящее время в советском языкознании, имеет большое принципиальное

значение и в области изучения фольклора. Последовательное применение диалектико-материалистического метода в изучении фольклора особенно необходимо в связи с тем, что в современной реакционной буржуазной фольклористике возрождаются старые националистические и мистические учения. Гриммовскому «учению» о вырождении народной сказки советская наука, опираясь на исторические факты, законно противопоставляет принцип стадийного развития сказки, развития ее в определенных национальных условиях, под влиянием общественно-политических факторов.

Реакционную методологию Гриммов, получившую у них развитие в 30-е и последующие годы XIX века, нельзя, естественно, в полной мере распространять на собранные и изданные ими ранее народные сказки. Конечно, в гриммовских сказочных сборниках не все было равноценно. В ряде сказок, как было отмечено выше, на первом плане фигурировали религиозные «откровения» и мещанская мораль смирения перед «нерушимыми обстоятельствами». Показательными в этом отношении были суждения издателей гриммовских сказок об их принципах отбора сказочного материала для изданий. После осуществленных самими Гриммами полных «канонических» изданий собранных ими сказок, а также саг и легенд, издатели, как правило, не стремились давать полных собраний сказок.

Дело было не только в отборе наиболее «ходовых», занимательных сказок. Большую роль играл здесь идейный фактор. Сказки с острой социальной сатирой опускались по причине их якобы «недоходчивости», «трудности» для детского восприятия. И наоборот, поощрялось издание тех гриммовских сказок и легенд, в которых социальные противоречия реальной действительности отеснялись на задний план волшебными приключениями героев в заколдованных королевствах и чудесными их превращениями, с «обязательным» появлением ангелов и т. п. Не избежали этого и прежние русские дореволюционные издания «Сказок» братьев Гримм, в том числе и более или менее фундаментальные, как, например, издание под редакцией П. Полевого (1895), двухтомное, в переводе А. Фридеман (1903) и др.

Настоящее издание гриммовских сказок, в переводе Г. Н. Петникова, не преследует академических целей. Однако в сравнении с прежними изданиями оно представляет разнообразный мир сказок Гримм наиболее полно. В настоящее собрание, естественно, не вошли легенды и некоторые сказки, своим мифологическим содержанием примыкающие к легендам и олицетворяющие, как писал Энгельс, «бессмыслицу или несправедливость» отжившей средневековой морали и религиозных верований.

Но что представляют собою сказки, собранные братьями Гримм? Двести номеров основного издания гриммовских сказок (без литературных номеров и множества вариантов) обнимают обширный сказочный материал как в идейном, так и в сюжетно-тематическом планах.

Принятое до сих пор в сказочных указателях¹ деление сказочных сюжетов на группы, конечно, не исчерпывает всего богатства сказочного материала даже таких сборников, как гриммовские, не говоря уже о более фундаментальных собраниях национальных сказок, как, например, русских сказок А. Н. Афанасьева и многих других. Деления указателей не показывают идейного состава национальных сказок, эволюции их социальных мотивов. Поэтому деления сказок на «животные», «волшебные» и реалистические новеллы и анекдоты могут быть приняты крайне условно, так как для всякого ясны их близкие связи между собою, переплетение в них мотивов и т. д.

Необходимость утверждения социальных басенных аллегорий, условного «эзопова языка» в «животных сказках» отстаивал и Я. Grimm. Однако трактовал он эти вопросы националистически, в духе своих поздних реакционных воззрений. В работе 1834 года о Рейнеке-Лисе он, вопреки фактам, «доказывал», что сказание это сохранилось и развивалось только среди германских племен и является «чисто немецкой животной сагой». По его утверждению, в «животной сказке» на немецкой почве лев, как чуждый немецкому эпосу, заменяется медведем (или волком, в сюжетах об Изегриме), которому и приписывается царская власть в лесу: он царь зверей, под эгидой правления которого разворачивается идиллическая картина «звериной жизни», а также своеобразная твердая иерархия в системе отношений между животными.

Однако собранный самими же Гриммами сказочный материал, в частности в области так называемой «животной сказки», резко противоречит тем выводам, которые позднее односторонне утверждались ими. Тематика сказок о животных крайне разнообразна. Почти в каждой сказке есть свой «всесильный» зверь. Очень часто это — умная лиса, помогающая юноше преодолеть в борьбе с волшебными силами все препятствия и опасности. В сказке «Три счастливица» (№ 70) каждый из трех сыновей получает от старого умирающего отца свое наследство — петуха, кошу и кошку. Казалось бы, наименее полезной в хозяйстве из всего оставленного наследства была кошка. Но в выигрыше оказывается «младший брат» — обладатель именно кошки. Благодаря умению ловить мышей кошка становится «всесильной» во всем королевстве. Медведь или волк (№ 73, 74 и др.), несмотря на их силу, оказываются обманутыми лисой или другими более слабыми, но умными или хитрыми животными.

Появляются в немецком сказочном материале и «запретные» львы. В сказке «Два брата» (№ 60) после зайца, лисы и медведя на вершине «лесной иерархии» появляется лев, вид которого должен был бы приводить всех в трепет. Однако не всегда так бывает, так

¹ Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарие, II, 1929.

как вопрос о господстве в лесном царстве сказки неоднократно и весьма последовательно решают в пользу человека. В названной выше сказке «всесильный» лев просит охотников его не убивать, в другой (№ 72) волк говорит, что он «и не представлял себе, чтобы человек был так силен».

Это принципиальное суждение о подчинении всей жизни на земле всеильному человеческому разуму чрезвычайно показательным и важно. Оно свидетельствует не только о том, что животные в своих «действиях» в сказке руководятся идеей полезности человеку, но и что проявлению «самостоятельных» зверских инстинктов здесь нет места. Цикл «бестиарных» («животных») сказок, таким образом, получает свое назначение в общей системе. «Животные сказки» всем своим содержанием входят в состав басенной традиции. Жизнь и «поступки» животных в аллегорической форме воспроизводят отношения в человеческом обществе. И здесь часто большую роль играли не только соображения о занимательности сюжета с персонажами из мира животных, с их интересами и повадками, но главная причина обращения сказочников к «животным сказкам» лежала в плоскости социальной. В такой сказке представлялось возможным в ряде отрицательных свойств и повадок животных изобличить общественные пороки и «повадки» представителей ненавистной народу крепостнической системы. В гриммовских сказках эта обличительная социальная сатира в «животном цикле» представлена, правда, несколько ограниченно, но и в них ясно вырисовываются определенные, хотя и двойственные тенденции.

В одних случаях социальная сатира достигает больших высот. Лев, как и «всякий король», характеризуется прежде всего охотником до хмельного (№ 60), хотя виночерпий резонно замечает, что «такое глупое животное» не может ничего понимать и в вине. Злодея, превращенного в собаку, сказка (№ 76) заставляет терпеть справедливые наказания. В час возмездия «госпоже лисе» не помогает и ее «мешок хитростей» (№ 75). Только в трусливом заячьем обществе приобретают значение ворона-поп и лиса-причетник (№ 66). Достается в «животной сказке» и представителям прусской военщины, «потерявшим человеческий облик» (№ 101). В сказке говорится о «бритом медведе, который выдавал себя за человека» и носил «гусарскую шинель и белые перчатки». В сказке «Королек и медведь» (№ 102) народная мудрость учит, что в военном сражении спесь и чванство не дают победы. Назначенная генералом лиса проигрывает сражение именно в силу высокомерного отношения к противнику и игнорирования его возможностей. Такое же социальное значение имеют и популярные сказки о волке и козлятах, о лисе, воровавшей рыбу с воза, о волке в «Красной Шапочке» и др.

В других случаях «животные сказки» повествуют о «безобидных историях»: об обмане, например, мышки прожорливой кошкой (№ 2), волчихи — ее кумой лисой (№ 74) и т. д. Однако сквозь этот внешне «безобидный» тон рассказов о жизни животных и птиц нередко про-

ступает тенденция утверждения существующего общественного порядка, мысль о том, что бороться с ним не следует, так как зло отпадет само собой. В этих случаях несомненно наличие в сказках того чуждого идеологического налета, о котором, применительно к песням эпохи крестьянских войн, говорил Энгельс. В сказке «Господин Корбес» (№ 41) странствующие петушок с курочкой, мышка, утка и другие оказываются мстителями злему господину Корбесу. Мысль сама по себе резонная и весьма положительная, свидетельствующая об определенной народной основе сказки. Но в повествовании большое место отводится случайностям, месь путешественников не объяснена логикой предшествующих событий и порою (за исключением концовки) кажется невинной забавой расшалившихся зверушек.

Но существенное значение в этой группе приобрела именно вторая тенденция, проповедующая идеи смирения и покаяния. Вот, например, сказка о старой и много послужившей своему хозяину собаке (№ 48). Бессердечный хозяин решает, что Султан «службу свою теперь отслужил и может убираться». В трудный момент «добрым товарищем» и советчиком пса является волк. Его совет создать у хозяина мнение, будто Султан еще может быть ему полезен, представляется «единственным» и «универсальным»: после инсценированного нападения волка хозяин оставляет у себя «отличившегося» Султана, а тот на радостях перебарщивает в своей верности хозяину и платит позже черной неблагодарностью другу.

Как видно, «животная сказка» отнюдь не была «неподвижной» и «устойчивой», как считал Я. Гримм, утверждавший, что в течение самых грандиозных переворотов в народной жизни она служила целям «невинного развлечения». Наоборот, в сказках о животных типичность образов по-разному формировалась в различных конкретных исторических условиях. Сказка недвусмысленно издевается над ослом — королевским наследником (№ 144), сатирически изобличает чванливую и завистливую камбалу-рыбу, стремившуюся стать королем в царстве рыб (№ 172).

Разнообразна «животная сказка» и в стилевом отношении. Часто собственно волшебнo-фантастические мотивы и приемы описания непосредственно переключаются в ней в план социально-реалистический. Использование в повествовании разговорной речи, присущее сказке вообще, — в сказках о животных получает широкое распространение. Это понятно и вполне оправдано. Предоставляя «слово» непосредственно каждому из животных — лисе, волку, льву, лошади и др., сказка стремится сохранить и в их речи те характерные особенности, которые свойственны их повадкам и привычкам. Эти качества животной сказки распространяет и на людей, в результате волшебных превращений принимающих облик птиц и животных. Таковы многочисленные сказки о братьях-лебедях, о «превращенном женихе»: короле-лягушонке, короле-дроздовике, принце-льве и др.

Большинство гриммовских сказок строится на волшебнo-фанта-

стических приключениях и превращениях. Однако фантастика и в них очень часто носит ярко выраженный социальный и местный этнографический характер. Одни сказки — это страшные повести о жестокостях и кровавых злодеяниях эпохи раннего феодального средневековья, рассказы о злых ведьмах и чертях, образы которых жили в поверьях и легендарных преданиях. Другие сказки не уступали в мрачности колорита по иным причинам. В сказках Падерборнской степи, из Гессена, Померании и ряда других областей сказываются характерные особенности природных условий, быта и нравов людей, каждодневно борющихся со стихиями природы. Упоминание Энгельса о «молнийных ночах», о которых сказки говорят «языками громов», раскрывает действительные условия жизни людей и «тайны возникновения народных сказок».

Так называемые «волшебные сказки» составляют основной материал гриммовских сборников. Как в идейной проблематике, так и в сюжетном строении они чрезвычайно разнообразны. Созданные в разное время, волшебные сказки отражали различные фазы и состояния народных воззрений. В одних случаях сказка предписывала герою при помощи собственной ловкости и силы или при посредстве «чудесного помощника» («таинственного незнакомца») преодолеть все препятствия, стоящие на его пути. В других — и это относится к сказкам, примыкающим к христианским легендам, — наоборот, сила и воля героя обескрыливались поучением о смирении и покаянии. В первом случае считалось за обязательную норму для героя проникнуть в тайны бытия, познать действительный смысл происходящих вокруг него событий, несмотря на их внешне кажущуюся таинственность; во втором явно проступала идея о необходимости пресечь все пути для пытливого ума, о необходимости сохранить без изменений «на вечные времена» установленный существующий порядок.

Сказка «Чудо-птица» (№ 46) внешне входит в традицию сказок «о запрете»: девушка, попавшая в лесной дом колдуна, не должна открывать запретной двери в кровавую комнату. Однако по обнаружении героиней «тайны» сказка немедленно переключается в бытовой план, завершающийся в конце повествования трагикомическим эпизодом. Таким образом, гриммовская сказка не вырастает до того социального протеста, который был дан еще в интерпретации Шарля Перро в сказке «Синяя Борода», герой которой был уже не отвлеченным колдуном, а богатым дворянином, самовластью и деспотизму которого наконец наступает предел.

Фольклорный мотив «запрета» в большинстве гриммовских сказок (№ 9, 49, 85, 97 и др.) разработан как обет молчания, причем беспрекословное выполнение требования увенчивается ожидаемой наградой (снятие волшебных чар, возвращение жизни при помощи «живой воды» и т. п.). Вместе с тем негрудно увидеть в этом «обете молчания» и утверждение идеи смирения и покорности человека «судьбе», воле обстоятельств. Лишь только в некоторых сказках (№ 100, 136) «запрет»

трактуются более свободно, обыгрывается даже в сатирическом плане. Отставной солдат (распространенный образ героя и в гриммовских сказках), вступая в выгодную для себя сделку с «самим чортом», соглашается на его странный запрет — «не мыться, не чесаться, не сморкаться, не стричься, не обрезать ногти и глаз не вытирать». И характерно, что в награде солдату фигурирует не только традиционное в сказках золото, но прежде всего получение свободы: «чортов чумазый брат» становится «сам себе королем». С другой стороны, обращает на себя внимание утверждение в сказке именно чайний народных о воплощении справедливости: хозяин батрака-солдата должен по заслугам отправиться в ад, а солдат, женившийся на королевне, получает королевство. В сказке о лесном человеке Железном Гансе герой отправляется странствовать по свету с определенной задачей: «узнать, как бедноте живется».

Тема активного действия героя разработана в сказках, повествующих о борьбе героя с препятствиями, о силе воли и характере падчерицы или пасынка в их борьбе против злой мачехи, о бедной Золушке, о простоватом «младшем брате» и, в особенности в сказках весьма острого социального и бытового характера, — о бедняке и богаче.

Героями, преодолевающими трудные препятствия, часто выступают люди сильные и умные, истинные представители народа. Это — сын бедняка, умная дочь крестьянская, солдат, храбрый портняжка, трудолюбивая служанка, пастух и др. Однако именно в этой связи необходимо отметить и такую черту волшебной сказки, когда она народных героев стремилась возвысить при помощи принятых в то время сравнений и олицетворений, делая их «королевичами», «заколдованными принцами» и «принцессами». В этих случаях волшебная сказка, по словам Энгельса, нередко имела своей задачей превратить в мечте каменистое поле крестьянина в благоухающий сад, «заставить его забыть свой тягостный труд,... обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак замученного подмастерья в мир поэзии, в золотой дворец, а его ядреную красотку представить в виде дивно-прекрасной принцессы...»¹

Показательно и то, что многие препятствия, которые предстоит преодолеть героям, не всегда даны в сказке реально существующими, но измышляются злыми врагами, нарочито неестественно усложняются. Если храброму портняжке (№ 20) приходится воевать с великанами, единорогом и диким кабаном, то другим смельчакам нужно под угрозой смерти отгадывать трудные загадки, вычерпывать воду из большого озера дырявой ложкой или наперстком, сражаться с драконами и оборотнями. Чрезвычайно важной в сказках является уверенность в победе героя над всеми злыми силами, несмотря на кажущуюся невозможность выполнить стоящие перед ним сложнейшие за-

¹ Ф. Энгельс, *Немецкие народные книги* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 26).

дачи и преодолеть препятствия. Такие сказки важны своей тенденцией уверенности в историческом прогрессе и победе народа над силами мрака и социального зла. Воспитательная роль этих сказок раскрывается в убедительном показе формирования героического характера, верности другу и данному слову, уверенности в победе над врагом.

В волшебных сказках, отводящих большое место «чудесному помощнику» (№ 17, 31, 39, 40, 42, 44, 62, 89 и др.), вместе с тем подчеркивается, что герои не должны рассчитывать только на «чудесную» помощь извне, но сами должны быть храбрыми, мужественными (№ 4, 83 и др.), способными на взаимопомощь (№ 18, 23, 27, 41, 48, 58, 62, 78 и др.). Уверенность в себе и своем правом деле всегда связана в народной сказке с показом беспредельных возможностей человека, преодолевающего колоссальные расстояния в семиверстных сапогах или в волшебном седле, побеждающего численно превосходящего противника и даже преодолевающего смерть.

Идею торжества справедливости сказка нередко переключает в план бытовой. Здесь в первую очередь необходимо отметить примыкающие к «Золушке» сказки, повествующие о тяжелой жизни и судьбе падчерицы и пасынка. Внешняя «схема» такой сказки проста. Она развивается в основном в двух аспектах: изгнанные злой мачехой в «дремучий лес» («на мороз», «в степь») падчерица или пасынок возвращаются домой с наградой, чем вызывают зависть мачехи и ее родных детей; в других случаях границы повествования расширяются введением рассказа об уходе падчерицы из дома злой мачехи (вступление в брак с королевичем), — однако «счастливый конец» сказки усложняется мотивом мести и рассказом о мачехе, происки и преступления которой в конце концов обнаруживаются и наказываются.

В конкретном повествовании каждая сказка по-своему разрабатывает и углубляет социальные и психологические мотивы. Гессенская народная сказка о Золушке (№ 21) трогательно рассказывает историю забытой девушки-служанки в богатой семье. В сказке нет того налета светской галантности, который был присущ многим литературным обработкам этого сюжета, чего не избежал в частности и вариант Перро. В сказке о госпоже Метелице (№ 24) подчеркивается трудолюбие падчерицы, которое и награждается по заслугам. «Сказка про можжевелник» (№ 47), как и «Поющая косточка» (№ 28), сосредоточивает внимание читателя на картине жестокого преступления. Однако трагическая тема убийства мачехой нелюбимого пасынка во второй половине сказки фактически оттесняется на второй план введением образа чудесной птицы и ее много раз повторяемой песни, так что наказание жестокой мачехи в конце сказки уже не вызывает должного эффекта.

Группа сказок об умном «младшем брате», нередко прикидывающемся «дурачком», повествует об обиженном судьбою и в семье младшем брате или младшем сыне. Однако «дурак», забытый и молчаливый в одних условиях, показывает свой ум и храбрость, как только ему представляется возможным действовать свободно, сообразно со своими

способностями и склонностями. Попранная правда и справедливость восстанавливаются в сказке не только в указании, что такой, например, «чудаковатый музыкант» (№ 8) является «настоящим человеком», а протак сказки «Ранец, шапочка и рожок» (№ 54) умнее и сильнее короля. Сказки многократно и настоятельно подчеркивают жизненную целесообразность передачи управления государством (в условиях феодально-монархического строя это управление и в сказке мыслилось в форме королевской власти) именно такому «настоящему человеку», солдату или бедному крестьянину, хорошо знающему о тяжелой жизни трудового народа и способному по-настоящему помочь ему, облегчить его участь. В морализующей концовке сказка, как правило, не преминет указать, что такой народный герой, получив королевство, «долгие годы правил мудро».

В одних сказках (№ 54) «младший брат» быстро делается счастливец, похожим на героя восточных сказок Аладина, владевшего волшебной лампой. В других дурень легко получает королевство после того, как рассмешит Несмеяну-царевну (№ 64). Но таких случаев легкой борьбы за право и свои интересы сравнительно мало. В большинстве случаев трудная борьба героя идет поистине не на жизнь, а на смерть. Типично эта борьба раскрывается, например, в сказке «Подземный человек» (№ 91), герой которой, протак Ганс, проходит множество испытаний и выходит из них победителем по праву. Нередко в глазах окружающих такой герой действует «нелогично» (№ 83): он последовательно меняет большой слиток золота на коня, коня на корову, корову на поросенка, поросенка на гуся и, наконец, гуся на точильный камень. Но логика трудового человека оказывается простой: только трудовая деятельность (точильщика в данном случае) может сделать человека по-настоящему счастливым.

Ряд сказок этого цикла говорит о младшем сыне и в королевской семье, однако королевич, для того чтобы стать «настоящим человеком», должен пройти немало испытаний, узнать жизненные трудности. И наряду с этим народная сказка настоятельно отмечает реальные классовые интересы дворянства. Подлинного дурака, единственного сына старого графа (№ 33), жизнь ничему не может научить. Бесплодность его «учебы» народная мудрость клеймит уничтожающе: он научился по-собачьи лаять, по-птичьи беспечно петь и по-лягушечьи квакать. Этих знаний оказалось вполне достаточно для того, чтобы в Риме именно его избрали папой. Так в сатирическом гротеске сказка объединяет непривлекательные образы дворян и попов.

Сказки с комплексом религиозных воззрений и суеверий в гриммовских сборниках резко делятся на две группы, противоположные в социально-политическом отношении. Близкие по своему характеру к легендам и отражающие слабые и ограниченные стороны воззрений и суеверия народных масс, находившихся в ряде случаев под влиянием чуждых им классовых представлений, некоторые гриммовские сказки не упускают случая указать на необходимость смирения человека пе-

ред «всемогущим богом» и ангелами. Искусственность построения морали на основе церковного кодекса очевидна и во многих случаях явно противоречит естественному и здоровому в сказке материалистическому объяснению явлений природы и общественной жизни. Не отрицая в целом той или иной легенды, сказки второй группы тем не менее исподволь иронизируют над глупым «святым Петром» (№ 81) и даже над самим недогадливым богом (№ 82). Сказка при этом неоднократно критикует учение церковников о создании мира, иронизирует по поводу несправедливости бога к людям, легкомысленно играющего их судьбами или жестоко насылающего на них смерть. Даже чорту в этой связи нередко приписываются в сказке черты гуманности гораздо большей, нежели у бога. Сказка «Смерть в кумовьях» (№ 44) прямо говорит о «несправедливости бога», подчеркивая тем самым классовый характер религии. Характерен в сказке разговор: «Говорит бедняк: — А ты кто такой? — Я господь бог. — В таком случае я тебя в кумовья не хочу, — сказал человек, — ты все отдаешь богачам, а нас, бедняков, голодать заставляешь».

Сказки, близкие по своему характеру к антиклерикальным народным шванкам, смело и сатирически обличают проделки хитрых церковников (№ 95, 110 и др.), показывают их трусливыми и даже готовыми в критические для себя моменты отказаться от пропаганды вымышленных ими для устрашения народа ужасов о страшном суде и т.п. (№ 193). Показательна в этом отношении и известная померанская «Сказка о рыбаке и его жене» (№ 19), доводящая исполнение чудесной камбалой-рыбой желаний ненасытной старухи до превращения ее в римского папу. Небезынтересно отметить, что некоторые мотивы этой сказки получили развитие в ряде других сказок (№ 85, 186).

Нагромождение деталей в сказке (целых пять исполненных желаний старухи) в фольклорном обрамлении по-своему было оправдано. Взятые в единстве, они последовательно несли в себе функцию отрицания стяжательства в его конкретных проявлениях. И вместе с тем, важные и интересные в местном плане, эти детали были совершенно излишни в сказке в литературной обработке, имевшей уже всеобщее значение. Вот почему, например, пушкинская поэтическая «Сказка о рыбаке и рыбке», в отличие от местных народных сказок, блестяще решает общие социальные проблемы более компактно, оправданно психологически, поднимая одновременно русскую национальную сказку на новую ступень художественного реализма.

Сказки о батраках, бедняках и слугах в силу остроты их социальной проблематики выходят далеко за пределы волшебной сказочной рамки, хотя чудесные приключения и превращения имеют место и в них. Как в волшебном, так и бытовом новеллистическом обрамлении такие сказки часто противопоставляют классовые интересы бедняков и богачей (№ 60, 87, 90, 110, 167, 185, 195 и др.). Однако решения этих противоречий в сказках предлагаются различные, порою совершенно неожиданные.

Идея последовательной социальной борьбы народа за свои права гриммовской народной сказке почти неизвестна. В лучшем случае она оказывается способной открыто говорить о классовой розни или помочь бедняку (батраку, солдату) при посредстве волшебных средств преодолеть темные силы. Наиболее сильной из всего цикла гриммовских сказок о работнике и хозяине является, пожалуй, сказка о молодом великане (№ 90). Договор работника со скрягой управляющим о плате за труд — давать управляющему «каждый год по три тумака, которые тот должен выдержать», — несомненно свидетельствует о жажде справедливой мести эксплуатируемых богачам-мироедам.

Симпатии в народной сказке всецело на стороне угнетенных людей труда. Скучные средства на существование они «зарабатывают кровавым потом» (№ 99), инстинктивно тянутся к знаниям (№ 98 и др.). Желая «помочь» им, сказка дает им в руки волшебные предметы (скатерть-самобранку, плащ-невидимку, ранец и т. д.), считая, что только у них эти предметы найдут себе настоящее применение. И наряду с этим сказка настоятельно призывает героев оставаться людьми труда, порицает лень (№ 14, 128). В своеобразной «трилогии» — сказках «Умный работник» (№ 163), «Ленивый Гейнц» (№ 165) и «Тощая Лиза» (№ 169) — тема труда трактуется уже крайне противоречиво. С одной стороны, призыв к батракам «не заботиться о своем хозяине и его распоряжениях» в определенных социальных условиях вполне оправдан, с другой — нетрудно убедиться и в том, что сказка вышеприведенный совет облачает в ироническую форму. Ссылаясь на ленивых Ганса и Гейнца, сказки, однако, не подчеркнули различия их положения: один попросту решил больше не батрачить у прежнего хозяина, другой проявлял нерадивость к своему хозяйству. И характерно, что третья сказка в связи с этим признает, что трудолюбивые тощая Лиза и ее муж, думавшие «совсем по-иному, чем ленивый Гейнц», вместе с тем едва сводят концы с концами: «все было понапрасну, ничего у них не было, и они ничем не обзавелись». Гриммовские сказки в этом случае не только не сделали попытки указать выход из создавшегося положения, но не ответили и на острый вопрос о его причинах. Ограничивается сказка (№ 84) лишь только слабым намеком на ничтожные крестьянские земельные наделы, напоминающие ваплаты.

Еще более ограниченность гриммовских сказок видна в случаях утверждения социальной гармонии в обществе, раздираемом классовыми противоречиями. В этих случаях бедняк и богатей выступают «братьями», жизненные пути которых разошлись (№ 60), социальные противоречия снимаются комической концовкой в повествовании (№ 87). В ряде сказок (№ 1, 6, 17, 22, 126 и др.) в пример другим ставятся «верные слуги», их бескорыстная преданность господам. Но сознавая слабость этих «доводов», сказка под влиянием церковной и мещанской морали обращается в ряде случаев к последнему прибежищу — к суевериям. Она советует бедняку не завидовать богатым, так

как «бедные мужички попадают на небо каждый день, а богатый вельможа за целое столетье лишь раз» (№ 167), проповедует идею господства судьбы и необходимости без ропота подчиняться ей: ибо недаром «у крестьян говорится: не заглядывай назад, все равно ведь ты горбат» (№ 179) и т. д. В сказке «Могильный холм» (№ 195) делается попытка воздействовать на жестокого и скупого богача, заставить его сердце смягчиться и перед лицом смерти признать, что оно «было жестоким и надменным и ни разу не сделало добра близким, ... отворачивалось от бедняка, думало об увеличении богатств». Однако в этот поток лицемерных слов неожиданно врывается крик отчаяния. Здравый рассудок народной сказки не может примириться с суеверными иллюзиями, хотя и не намечает еще путей борьбы с социальными несправедливостями, рисуя трагическую гибель затравленного бедного мальчика-пастушка (№ 185).

Собственно реалистические сказочные жанры гриммовских сборников по существу представляют собою бытовые новеллы и анекдоты. Эту группу сказок, понятно, нельзя отгораживать от всех предшествующих сказочных циклов, тем более, что и в аллегорических «животных сказках», как и в сказках «волшебных», обнаруживались не только реальные бытовые сюжетные линии, но и реалистический стиль в описаниях, попытки дать более или менее глубокие социальные обобщения и типические картины действительности.

Новеллы и анекдоты не только сатирически изобличают проделки хитрых купцов или попов, лентяев королей и дворян, но и юмористически рассказывают о приключениях каких-нибудь гессенских крестьян, бременских музыкантов и т. д. Нередко в бытовой сказке появляется ловкий вор или разбойник. Сказка не преминет при этом указать на вынужденность их профессии, переключить внимание читателя на то, с каким искусством этот «ловкий вор» расправляется с богатствами, награбленными богачом-мироедом. Иногда сказка пытается даже морально утвердить это «право» ловкача. В сказке «Вор и его учитель» (№ 68) крестьянин объявляет сыну, что «должен тот воровству обучаться, что сказал ему это сам господь бог». И вместе с тем разбой и воровство как таковые не поощряются в народной сказке. Разбойники нередко рисуются жестокими и кровожадными (№ 40. «Разбойник-жених»).

Бытовая сказка стремится представить событие как действительно случившийся факт в жизни. Отсюда в ней и бытовые подробности, ссылки на более или менее определенное место и время происшествия. Однако новеллистическая сказка и анекдот не развертывают широкого полотна общественной жизни, нередко в небольшом по объему эпизоде запечатлевают самое существенное и яркое в событии, минуя «предисторию» и не говоря о последующей судьбе героев. В волшебной же сказке, как правило, дается вступление, правда, туманное (большей частью традиционное: «Жил-был однажды старый король...», или: «В стародавние времена, когда желания легко исполнялись, жил-

был...» и т. п.), а в благополучном конце рассказа утверждается, что герои «стали жить да поживать счастливо вместе».

В тех случаях, когда реалистическая сказка строится по типу сказки волшеббно-фантастической, внешние атрибуты ее приобретают реальный смысл: дается реальная мотивировка кажущихся иногда таинственными событий, чудесный помощник делается реальным помощником-другом и т. д. Но наиболее близкими реалистической сказке являются картины домашнего быта, вопросы брака и семьи, воспитания и труда, нравов и общественных отношений в деревне.

В утверждении высоких нравственных принципов сказка часто пользуется приемом доказательства от противного. Называя смышленным Ганса (№ 32) и умной Эльзу (№ 34), сказка действительно хочет их видеть таковыми, высмеивая их поступки, несообразующиеся со здравым смыслом. Порицая ленивую невесту (№ 14), сказка многократно с любовью рассказывает о трудолюбивой девушке из народа, по заслугам оцененной женихом (№ 156, 157 и др.). Редко в гриммовских сказках рассказываются анекдоты «о неверной жене». И это понятно: сказочные сборники предназначены в основном для детского чтения. Юмористический эпизод об отношениях мельничихи и попа (№ 61) превращен в небольшую деталь в сложном сказочном повествовании.

Маленькие сказки «Старый дед и внучек» (№ 78) и «Неблагодарный сын» (№ 145) умно воспитывают в детях уважение к престарелым родителям, порицая жадность и лицемерие. Необходимой нормой в сказке является любовь к народу, признательность людям труда. С точки зрения народной морали, резко отрицательно оцениваются ложь, несправедливость, злость и жестокость людей, независимо от их «высокого» общественного положения. Таковы разоблачения преступлений и наказание маршала (№ 60), мечта солдата о наказании ненавистных ему чуждых и жестоких офицеров и генерала (№ 100), проклятие «всемогущему» золоту, сеющему зло и раздоры в условиях феодально-капиталистической системы, и т. д.

Таким образом, события общественной жизни в реалистической сказке представляются в обобщенном, типическом описании. В этих случаях — правда, как бы мимоходом — в ней раскрывается определенная заинтересованность в изучении и решении самим народом научных и общественно-политических вопросов. Традиционный народный герой — умный «дурень» — раскрепощается в своей свободной мечте, делается способным изобрести «корабль, что мог бы плавать по воде и по суше» (№ 64). Сильной социальной сатирой в условиях раздробленной феодальной Германии звучали слова сказки (№ 191), помещенной в гриммовском сборнике в издании 1857 года, о карликовом королевстве, границы которого можно легко обозреть из дворцовых окон. Однако практического решения вопроса о борьбе народа за национальное объединение на демократической основе гриммовские сказки фактически не дали.

Рассказчик гриммовских сказок, в отличие от народных сказок многих других фольклорных сборников, редко обращается непосредственно к читателю. Отчасти это является результатом стилистической обработки сказочного материала собирателями. Лишь в немногих при- сказках сохранилось традиционное обращение («Хочу я вам кое-что рассказать...») или заключительная мораль («... и вы поступите так же умно, как и этот вот умный Ганс»). В одних случаях рассказчик заинтересован в том, чтобы слушатели (читатели) поверили его правдивому рассказу («Кто сказку последний сказал, тот все это своими глазами видал»), в других, наоборот, настоятельно подчеркивает вымысел («А теперь открой-ка окошко, чтобы все небылицы в него улетели»).

Некоторые сказки даже основного гриммовского собрания, по-видимому, представляют сходные между собой варианты. И тем не менее в этих случаях можно говорить не только об их сходстве, но и о различиях. В конкретном художественном воплощении каждая сказка представляет собою законченное целое. В сказках о мальчике-с-пальчик (№ 37 и 45) обращает на себя внимание различие социального фона, на котором действует герой. Сказки «Кум» (№ 42) и «Смерть в кумовьях» (№ 44) существенно дополняют одна другую, волшеббно-фантастические картины одной сказки раскрываются в другой в реальной возможности. В одной из сказок о братьях-лебедях (№ 9 и 49) сквозит явная ирония в отношении к чудесным превращениям, в то время как в другой повествование, наоборот, усиливает их. В этих и ряде других «сходных» сказок можно увидеть одну из особенностей народных сказок братьев Гримм — тягу к цикличности, которая является дальнейшим развитием бытовавших в отдельных сказках повторов. Рассмотрение таких сказок в циклах позволяет глубже проникнуть в их материал и правильнее понять идейные замыслы сказок, а также и их многогранные формы.

Народные сказки в собраниях братьев Гримм необходимо рассматривать в совокупности, — только при этом условии они раскрываются перед читателем во всем многообразии, со своими сильными сторонами и слабостями. К ним самим может быть применена аллегория последней в гриммовских сборниках сказки «Золотой ключик» (№ 200): железный ларчик наполнен чудесными сказками простой народной мудрости. Советский читатель, понятно, отвергнет мещанскую филантропию и наивную мораль некоторых из гриммовских сказок, но вместе с тем и оценит познавательный смысл большинства из них, а также выраженную в них веру в человека, его отрицание темных сил прошлого и борьбу за счастье народа.

В. Неустров

*Содержание*¹⁾

1. Король-лягушонок, или Железный Гейнрих.	3
2. Кошка и мышка вдвоем.	7
191а. Разбойник и его сыновья	9
4. Сказка о том, кто ходил страху учиться.	14
5. Волк и семеро козлят.	23
6. Верный Иоганнес.	27
7. Удачная торговля.	36
8. Чудаковатый музыкант.	41
9. Двенадцать братьев.	44
10. Всякий сброд.	50
11. Братец и сестрица.	52
12. Рапунцель.	58
13. Три маленьких лесовика	62
14. Три пряхи.	68
15. Гензель и Гретель.	71
16. Три змеиных листочка.	79
17. Белая змея.	82
18. Соломинка, уголек и боб.	86
19. Сказка о рыбаке и его жене.	87
20. Храбрый портняжка.	95
21. Золушка.	102
22. Загадка.	109
23. О мышке, птичке и колбаске.	112
24. Госпожа-Метелица.	113
25. Семь воронов.	118
26. Красная Шапочка.	120

¹ Порядок нумерации соответствует каноническим изданиям сказок бр. Grimm, за исключением сказок № 104а и 191а. Пропущенные номера в настоящее издание не вошли.

27. Бременские уличные музыканты.	126
28. Поющая косточка.	131
29. Чорт с тремя золотыми волосами.	132
30. Вошка и блошка.	138
31. Девушка-Безручка.	140
32. Смышленный Ганс.	145
33. Три языка.	150
34. Умная Эльза.	152
35. Портной на небе.	155
36. Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка.	157
37. Мальчик-с-пальчик.	166
38. Свадьба госпожи Лисы.	174
39. Домовые.	176
40. Разбойник-жених.	179
41. Господин Корбес.	182
42. Кум.	183
43. Фрау Труда.	185
44. Смерть в кумовьях.	186
45. Странствия Мальчика-с-пальчик.	189
46. Чудо-птица.	194
47. Сказка про можжевельник.	198
48. Старый Султан.	208
49. Шесть лебедей.	210
50. Шиповничек.	214
51. Птица Найденыш.	219
52. Король-Дроздовик.	223
53. Снегурочка.	228
54. Ранец, шапочка и рожок.	238
55. Румпельштильцхен.	243
56. Милый Роланд.	246
57. Золотая птица.	249
58. Собака и воробей.	256
59. Фридер и Катерлизхен.	260
60. Два брата.	263
61. Мужичок.	286
62. Пчелиная матка.	291
63. Три перышка.	293
64. Золотой гусь.	296
65. Девушка-Дикарка.	299
66. Заячья невеста.	304
67. Двенадцать охотников.	306
68. Вор и его учитель.	308
69. Йоринда и Йорингель.	310
70. Три счастливица.	314
71. Шестеро весь свет обойдут.	316
72. Волк и человек.	321

73. Волк и лиса.	322
74. Лиса и кума.	323
75. Лиса и кот.	324
76. Гвоздика.	325
77. Умная Гретель.	329
78. Старый дед и внучек.	331
79. Ундина.	332
80. Про смерть курочки.	334
81. Брат-Весельчак.	336
82. Гансль-игрок	345
83. Ганс в счастье.	347
84. Ганс женится.	353
85. Золотые дети.	354
86. Лиса и гуси.	359
87. Бедняк и богач.	359
88. Певчий попрыгун-жаворонок.	363
89. Гусятница.	368
90. Юный великан.	375
91. Подземный человек.	382
92. Король с Золотой горы.	385
93. Ворона.	391
94. Умная дочь крестьянская.	395
95. Старый Гильдебранд.	400
96. Три птички.	403
97. Живая вода.	407
98. Доктор Всезнайка.	411
99. Дух в бутылке.	415
100. Чортов чумазый брат.	419
101. Медвежатник.	421
102. Королек и медведь.	426
103. Сладкая каша.	430
104. Умные люди.	430
105. Сказки про жерлянку.	435
106. Бедный работник с мельницы и кошечка.	436
107. Два странника.	441
108. Ганс мой Еж.	450
110. Монах в терповнике.	454
111. Ученый охотник.	459
112. Цеп с неба.	464
113. Королевские дети.	465
114. Про умного портняжку.	472
115. Солнце ясное всю правду откроет.	476
116. Синяя свечка.	477
118. Три фельдшера.	481
119. Семеро швабов.	483
120. Трое подмастерьев.	486

121. Королевич, который ничего не боялся.	489
122. Салатный осел.	493
123. Лесная старуха.	499
124. Три брата.	501
125. Чорт и его бабушка.	503
126. Ференанд Верный и Ференанд Неверный.	506
127. Железная печь.	510
128. Ленивая пряжа	515
129. Четверо искусных братьев.	517
130. Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка.	521
131. Красавица Катринелье и Пиф Паф Польштри.	528
132. Лиса и лошадь.	529
133. Стоптаные туфельки	531
134. Шестеро слуг.	534
135. Белая и черная невеста.	540
136. Железный Ганс.	545
137. Три черные принцессы.	552
138. Кнойст и трое его сыновей.	554
139. Девушка из Бракеля.	554
140. Домашняя челядь.	555
141. Ягненок и рыбка.	556
142. Зимели-гора.	557
143. Как по белу свету скитаться.	559
144. Ослик.	560
145. Неблагодарный сын.	563
146. Репа	564
147. Кованный заново человек.	566
148. Звери господни и чортовы звери.	567
149. Петушиное бревно	568
150. Старая нищенка.	569
151. Три лентяя.	570
151а. Двенадцать ленивых работников.	571
152. Пастушок.	573
153. Звездные галеры.	574
155. Смотины	575
156. Очески	575
158. О блаженной стране небывалой	576
159. Сказка-небылица.	577
160. Сказка-загадка.	577
161. Белоснежка и Алоцвэтик.	578
162. Умный работник.	584
163. Стекланный гроб.	585
164. Ленивый Гейнц.	590
165. Гриф-птица.	592
166. Могучий Ганс.	598
167. Мужичок на небе.	603

168.	Топчая Лиза.	604
169.	Лесная избушка.	605
170.	Любовь и горе поровну	609
171.	Королек.	610
172.	Камбала-рыба.	613
173.	Вышь и удод.	614
174.	Сова.	614
175.	Луна.	616
176.	Срок жизни	618
177.	Посланцы смерти.	619
178.	Мастер Пфрим	621
179.	Гусятница у колодца.	624
181.	Русалка в пруде.	632
182.	Дары маленького народца.	637
183.	Великан и портной.	639
184.	Гвоздь.	641
185.	Бедный пастух в могиле.	641
186.	Настоящая невеста.	644
187.	Заяц и еж.	650
188.	Веретенце, челнок и иголка.	653
189.	Мужичок и чорт.	655
190.	Хлебные крошки на столе.	656
191.	Морская рыбка.	657
192.	Ловкий вор.	660
193.	Барабанщик.	666
195.	Могильный холм.	674
196.	Старый Ринкраук.	678
197.	Хрустальный шар.	680
198.	Дева Малейн	682
199.	Сапог из буйволовой кожи.	687
200.	Золотой ключик.	691
194а.	Верные звери	691
	Сказки братьев Гримм. <i>В. Неустроев</i>	695

*Переплет, супер-обложка, форзац и титул
художника
Д. Д у б и н с к о г о*

*Редактор И. Миримский
Худож. редактор Н. Мужин
Техн. редактор Д. Ермоленко
Корректор А. Иванова*

*

*Подписано к печати 22/IX 1949 г. Л 02237. 45 печ. л.
44,5 уч.-авт. л. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆.*

*

*Отпечатано в тип. М-139, М-301 и М-159 с матриц
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва.*

